

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Том 50, № 1

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 50, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Аглаич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 30,9. Дата выхода 30.03.2023. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 5 **Юров В.В.**
Вспомогательные задачи преторианских когорт
- 13 **Тимир-Булатова С.Р.**
«Едиственное средство к спасению – взять в союзники сыновей Тиндарея»: к вопросу о форме передачи культов героев во время военных действий в VI–V вв. до н. э.
- 21 **Денисова И.В.**
Софист Юлиан Каппадокийский и его школа в Афинах
- 31 **Сахаров С.А.**
Коррупционные основания донатистского раскола в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина (по данным эпистолярного наследия Отца Церкви)
- 44 **Родина Е.О.**
К вопросу о характере ранневизантийского паломничества: прагматические аспекты
- 53 **Нагиев Г.Г.**
Фортификация раннесредневековых городов Азербайджана (V – первая половина VIII вв.)
- 65 **Коряков Д.А.**
Кроя в политике Венецианской республики в конце XIV – начале XV вв.
- 75 **Тихонович О.В.**
Полонизация белорусских воеводств Второй Польской республики с помощью вооруженных сил в 1930-е гг.
- 84 **Сапожникова М.Г.**
Античность в концептах национального строительства в межвоенной Европе: идеология режима И. Метаксаса в Греции (1936–1941)
- 93 **Жукова Н.В., Лихошерстов В.А., Лобынцев Д.В., Морозов С.В.**
Древняя история в национальных идеях румынских интеллектуалов межвоенного периода
- 102 **Абанин Г.Д.**
Российско-японское энергетическое сотрудничество периода администраций Дз. Коидзуми и С. Абэ
- 109 **Ермишин Л.В.**
Прокрустово ложе военного контроля в монографии болгарского историка Владимира Станева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 118 **Кудланов К.Б.**
Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке
- 130 **Сосницкий Д.А.**
Памятники воинской славы Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв. как инструмент исторической политики
- 140 **Ерофеева Г.И.**
Благотворительная деятельность дворян Апраксиных в Брасовском имении Орловской губернии во второй половине XVIII – первой четверти XX в. (по документам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)
- 156 **Дворецкий Е.В., Веникова М.С., Мошкин А.Н.**
Институционализация и деятельность провинциальных народных университетов в России в XIX – начале XX вв.
- 165 **Зубарев И.Ю.**
Террористическая деятельность анархистов в Орловской губернии в начале XX века
- 173 **Ионов А.Н.**
«Недели помощи фронту» в годы Гражданской войны (на примере Ярославской губернии)
- 185 **Буряк Ю.Ю., Шаповалов В.А.**
Организация Советским Союзом эксплуатации зарубежных железных дорог в годы Второй мировой войны
- 197 **Наумов Д.В.**
Боевые действия 7-й гвардейской армии в подготовительный период Курской битвы (конец марта – июнь 1943 г.)
- 208 **Остроухова Н.В., Прокофьева Е.Ю.**
Практика реализации реформы приходского управления в юго-восточных благочиниях Курско-Белгородской епархии в 1961 году
- 222 **Шаханин В.А., Дудка А.И.**
Белгородская организация глухих на этапе изменений социальной политики государства в 80–90-е годы XX века

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 233 **Веселов Ю.А.**
Империализм мировых порядков
- 249 **Королёва Л.В.**
Ценности суверенитета во времена перемен и потрясений: Россия, Китай, США
- 258 **Горбунова М.Л., Комаров И.Д., Сикираж В.В.**
Внешние факторы обеспечения безопасности в арабских странах с высоким индексом неустойчивости
- 277 **Маркосян А.А.**
«Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке?
- 286 **Егорова А.Ю.**
Региональные практики реализации государственного национального проекта «Культура»: опыт Орловской области

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2023. Volume 50, No. 1

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЛ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Poluhin, professor of the department of social technologies and public service, doctor of political sciences, professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, professor of the russian history and records management department, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, doctor of historical sciences, associate professor, professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, doctor of historical sciences, associate professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 30,9. Date of publishing: 30.03.2023. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 5 **Yurov V.V.**
Auxiliary Tasks of the Praetorian Cohorts
- 13 **Timir-Bulatova S.R.**
«The Only Means of Salvation is to Take the Sons of Tyndareus as Allies»: on the Question of the Form of Transmission of Hero Cults During Military Operations in the 6th and 5th Centuries B. C.
- 21 **Denisova I.V.**
Sophist Julian The Cappadocian and His School in Athens
- 31 **Sakharov S.S.**
Corrupt Prerequisites for the Donatist Schism in the System of Socio-Political Orientations of St. Augustine (According to the Epistolary Heritage of the Father of the Church)
- 44 **Rodina E.O.**
To the Issue of the Nature of the Early Byzantine Pilgrimage: Pragmatic Aspects
- 53 **Nagiev G.G.**
Fortification of Early Feudalism of Azerbaijan Cities (V – First Half of VIII Century A. D.)
- 65 **Koryakov D.A.**
Kroja in the Politics of the Venetian Republic in the Late XIV – Early XV Centuries
- 75 **Tikhonovich O.V.**
Polonization of the Belarusian Voivodeships of the Second Polish Republic with the Help of the Armed Forces in the 1930s
- 84 **Sapozhnikova M.G.**
Antiquity in the Concepts of Nation-Building in Interwar Europe: the Ideology of the I. Metaxas Regime in Greece (1936–1941)
- 93 **Zhukova N.V., Lihosherstov V.A., Lobyntsev D.V., Morozov S.V.**
The Ancient History in National Ideas of Romanian Intellectuals in Interwar Period
- 102 **Abanin G.D.**
Russian-Japanese Energy Ties During the Cabinets of J. Koizumi and S. Abe
- 109 **Ermishin L.V.**
Procrustean Bed of Military Control in the Monograph of Bulgarian Historian Vladimir Stanev

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 118 **Kudlanov K.B.**
Migration of One-Courtyard People from Villages to Cities of the Central Chernozem Region in XVIII Century
- 130 **Sosnitsky D.A.**
Monuments of Military Glory of St. Petersburg XVIII – Early XX Centuries as an Instrument of Historical Politics
- 140 **Erofeeva G.I.**
Charitable Activities of the Apraksin Nobles on the Brasovo Estate, Oryol Province in the Second Half of the XVIII – First Quarter XX Century (by Documents of the Manuscripts Department of the Russian State Library)
- 156 **Dvoreckij E.V., Venikova M.S., Moshkin A.N.**
Institutionalization and Activities of Provincial People's Universities in Russia in the 19th – Early 20th Centuries
- 165 **Zubarev I.Yu.**
Terrorist Activity of Anarchists in the Orel Province at the Beginning of the XX Century
- 173 **Ionov A.N.**
«Weeks of Assistance to the Front» During the Civil War (on the Example of the Yaroslavl Province)
- 185 **Buryak Yu.Yu., Shapovalov V.V.**
Operation by the Soviet Union of the Foreign Railways During the Second World War
- 197 **Naumov D.V.**
7th Guards Army's Combat Actions in Preparation Period of Kursk Battle (end of March – June 1943)
- 208 **Ostroukhova N.V., Prokofieva E.Yu.**
The Practice of Implementing the Parish Administration Reform in the Southeastern Deaneries of the Kursk-Belgorod Diocese in 1961
- 222 **Shakhanin V.A., Dudka A.I.**
Belgorod Organization of the Deaf at the Stage of Changing the Social Policy of the State in the 80–90s of the XX Century

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 233 **Veselov Yu.A.**
World Orders` Imperialism
- 249 **Koroleva L.V.**
Values of Sovereignty in Times of Change and Upheaval: Russia, China, USA
- 258 **Gorbunova M.L., Komarov I.D., Sikirazh V.V.**
External Security Factors in the Most Fragile Arab Countries
- 277 **Markoyan A.A.**
Saudi Arabia's «Mosque Diplomacy»: is there a Room for Religion in XXI Century?
- 286 **Egorova A.Yu.**
Regional Practices of the Implementation of the State National Project «Culture»: the Experience of the Oryol Region

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-5-12

Оригинальное исследование

Вспомогательные задачи преторианских когорт

Юров В.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: yurov.0099vlad@mail.ru

Аннотация. Преторианская гвардия как институт охраны императора и членов его семьи, как опора императорского режима была сформирована первым правителем Римской империи – Октавианом Августом. Обеспечение безопасности принцепсов и их родственников было главной задачей преторианцев. Но, как известно, круг обязанностей преторианских когорт не ограничивался императорским эскортом: преторианская гвардия охраняла общественный порядок на различных мероприятиях, усмиряла беспорядки и восстания, осуществляла надзор за осужденными лицами; преторианцам доводилось пытаться, принуждать к суициду, казнить людей, которые были неуютны тому или иному правителю Рима. Иными словами, гвардейцы также осуществляли различные полицейские и репрессивные функции. Однако круг их обязанностей на этом не ограничивался. Преторианцам порой доводилось выполнять некоторые вспомогательные задачи: тушить пожары, принимать участие в строительной деятельности, собирать налоги. Хронологические рамки нашей работы: 27 год до н. э. – 68 год н. э. Труды Светония, Диона Кассия, Корнелия Тацита и Иосифа Флавия послужили источниками. Таким образом, также учитывая современные публикации на тему преторианской гвардии, в работе продемонстрировано исполнение преторианцами их вспомогательных задач.

Ключевые слова: Юлии – Клавдии, Древний Рим, преторианцы, преторианские когорты, преторианская гвардия

Для цитирования: Юров В.В. 2023. Вспомогательные задачи преторианских когорт. Via in tempore. История. Политология. 50 (1): 5–12. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-5-12

Auxiliary Tasks of the Praetorian Cohorts

Vladislav V. Yurov

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia
E-mail: yurov.0099vlad@mail.ru

Abstract. The Praetorian Guard as an institution for the protection of the emperor and his family members, as a pillar of the imperial regime, was formed by the first ruler of the Roman Empire – Octavian Augustus. Ensuring the safety of the princeps and their relatives was the main task of the praetorians. But, as you know, the range of duties of the praetorian cohorts was not limited to the imperial escort: the Praetorian Guard guarded public order at various events, pacified riots and uprisings, supervised convicted persons; the praetorians had to torture, force suicide, execute people who were objectionable to one or another ruler of Rome. In other words, the guards also carried out various police

and repressive functions. However, the scope of their duties was not limited to this. After all, the praetorians sometimes had to perform some auxiliary tasks: extinguish fires, take part in construction activities, collect taxes. The chronological framework of our work: 27 B. C. – 68 A. D. The works of Suetonius, Dion Cassius, Cornelius Tacitus and Josephus served as sources for writing this article. Thus, the author, also taking into account modern publications on the subject of the Praetorian Guard, demonstrated the performance of their auxiliary tasks by the praetorians.

Keywords: Julio – Claudian dynasty, Ancient Rome, praetorians, praetorian cohorts, Praetorian Guard

For citation: Yurov V.V. 2023. Auxiliary Tasks of the Praetorian Cohorts. Via in tempore. History and political science. 50 (1): 5–12 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-5-12

Введение

На сегодняшний день в отечественной историографии античной истории проблеме вспомогательных задач преторианской гвардии не было уделено должного внимания, хотя в целом на тему преторианских когорт было написано немало работ. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают публикации: Е.А. Гуськова, А.Ю. Дьяченко, К.В. Дрязгунова, В.В. Семенова, Ю.А. Ушакова, Н.И. Соловьянова, Е.С. Данилова, а также И.А. Дороненко [Ушаков, 1984, 1986; Семенов, 2001; Гуськов, 2007, 2008, 2009, 2012, 2013; Соловьянов, 2008; Данилов, 2009; Дрязгунов 2010а, 2010б, 2010в; Дьяченко, 2012, 2013а, 2013б, 2015, 2016, 2018; Дороненко, 2018, 2020а, 2020б]. Мы тоже занимаемся изучением преторианской гвардии, исследуя, в частности, различные задачи и обязанности гвардейцев. Несколько лет назад вышла наша работа [Юров, 2020] об исполнении преторианцами функции эскорта римских императоров. Также недавно мы издали работу о полицейских, а также репрессивных функциях преторианских когорт [Юров, 2022]. Однако как в уже упомянутых нами работах, так и в целом в отечественной историографии античности тема вспомогательных задач преторианцев не была изучена должным образом, именно поэтому в данной статье мы постараемся рассмотреть эту актуальную научную проблему.

Зарубежная историография античности на сегодняшний день располагает в значительной степени большим объемом работ на тему истории преторианских когорт. Причем на Западе в последнее время было написано несколько крупных монографий на данную тематику. Наиболее значимые из них, на наш взгляд: сравнительно небольшая работа Б. Ранкова [Rankov, 1994], диссертация и монография С. Бингэм [Bingham, 1997, 2013], труд А. Аргуина [Argüín, 2006], а также книга Г. Бедуайера [Bédouyère, 2017]. Отметим, что в трудах Бингэм и Бедуайера функции преторианских когорт были изучены наиболее обстоятельно.

Таким образом, изучение проблемы вспомогательных задач преторианцев особенно актуально для отечественной античной историографии, так как у нас этому вопросу не было уделено должного внимания.

Объект и методы исследования

Объект исследования: преторианская гвардия в период с 27 г. до н. э. по 68 г. н. э. Предмет исследования: изучение вспомогательных задач преторианцев. Используя античные источники и современные работы, мы применили здесь системно-структурный метод исследования, с помощью которого были рассмотрены задачи и обязанности преторианцев. И если наша первая и вторая работы были посвящены функции императорского эскорта у преторианских когорт [Юров, 2020] и полицейским, а также репрессивным обязанностям гвардейцев [Юров, 2022], то эта публикация – о другом элементе функций преторианцев: об их вспомогательных задачах.

Результаты и их обсуждение

1. *Участие преторианцев в пожаротушении.* Известно, что специально для борьбы с пожарами первый правитель Римской империи Октавиан Август создал особое формирование, известное как вигилы, «а руководить ими поставил всадника¹», – сообщает античный автор (Dio Cass. 55. 26. 4). И в большинстве случаев вигилы успешно выполняли свои обязанности. Но порой и преторианцев задействовали для борьбы с бушующим огнем, хотя и довольно редко.

Гвардейцы приняли участие в пожаротушении уже в правление первого императора. Эпиграфический материал предоставляет нам информацию о солдате шестой преторианской когорты, который погиб при пожаре в Остии и был удостоен почестей за оказанный вклад (CIL 14.4494). Судя по всему, он был одним из отряда гвардейцев, посланных из Рима для борьбы с пламенем.

Преторианцев задействовали и при тушении пожаров на территории самого Рима. В правление Тиберия произошло несколько таких случаев. Ливия Августа, мать этого принцепса, своими глазами видела серьезный пожар у храма Весты и «призывала народ и солдат действовать проворнее²» (Suet. Tib. 50. 3). Очевидно, что здесь отряд воинов-преторианцев (регулярный эскорт Ливии как члена императорской семьи) принял участие в тушении этого пожара по ее приказу. У Тиберия был сын по имени Друз, который, гуляя как-то ночью по Риму в компании отряда преторианцев, оказал помощь людям, чей дом охватило пламя (Dio Cass. 57. 14. 10). В 22 г. сгорел театр Помпея, и Тиберий удостоил похвалы Элия Сеяна, префекта претория, чьими стараниями «сила огня была остановлена³» (Tac. Ann. III. 72. 4). Мы уверены, что Сеян, будучи начальником преторианцев, должен был бороться с бушующим пламенем именно руками подчиненных ему гвардейцев.

Иногда императоры лично присутствовали на пожарах. Один из таких случаев произошел в правление Калигулы. В источнике сообщается, что Гаю довелось, используя помощь «воинов», потушить какой-то пожар (Dio Cass. 59. 9. 4). Здесь нам видится безусловно верным мнение Сандры Бингэм, которая считает, что этими воинами были гвардейцы, которые осуществляли эскорт императора и параллельно помогали в тушении пламени [Bingham, 1997, p. 184]. Похожее событие имело место и при Клавдии. В его правление случился очень сильный пожар в Эмилиевом предместье, император же несколько суток ночевал неподалеку от этого места; пламя бушевало так сильно, что «не хватало ни солдат, ни рабов» (Suet. Cl. 18. 1). Учитывая предыдущие прецеденты, мы полагаем, что здесь под «солдатами» нужно понимать преторианцев, сопроводивших императора и принявших участие в тушении пламени.

При Нероне в 64 г. в Риме случился сильнейший пожар, от которого пострадали многие люди и постройки. По информации Светония (Suet. Nero. 38) и Диона Кассия (Dio Cass. 62. 16–17), именно принцепс отдавал приказы о поджоге Рима. Нам же любопытна роль преторианских когорт в данном событии. Дион Кассий упоминает неких воинов и солдат ночной стражи, присутствовавших во время пожара (Dio Cass. 62. 17). Наиболее вероятно, что это были преторианцы вместе с вигилами [Bingham, 1997, p. 186]. Дион Кассий заявляет, что эти формирования, действуя по приказу императора, вовсе не занимались пожаротушением, а, наоборот, поджигали разные объекты (Dio Cass. 62. 17. 1). Отыскать истину здесь трудно, так как необходимо принимать во внимание предвзятое отношение Диона Кассия к Нерону. По мнению Сандры Бингэм, в данном случае действия преторианцев и вигилов, которых античные авторы обвиняют в поджогах, нужно расценивать как создание встречного огня, который препятствовал распространению наступаю-

¹ Здесь и далее русский перевод А.В. Махлаюка.

² Здесь и далее русский перевод М.Л. Гаспарова.

³ Здесь и далее русский перевод А.С. Бобовича.

шего пламени [Bingham, 1997, p. 186]. Данную позицию мы разделяем и считаем, что это было вполне логичное действие со стороны преторианских когорт.

Таким образом, преторианская гвардия порой принимала участие в тушении пожаров при разных императорах династии Юлиев – Клавдиев. Скорее всего, гвардейцев должны были использовать тогда, когда специализированной на пожаротушении организации – вигилам – была нужна дополнительная помощь.

2. *Взимание преторианцами налогов.* К сожалению, античной историографии на сегодняшний день известен лишь единственный случай, когда гвардейцам довелось принять участие в сборе налогов, и произошло это в правление Гая Калигулы. Светоний сообщает, что этот принцепс собирал особенно много налогов, сперва прибегая к помощи откупщиков, а после, так как это было более выгодно, изымал средства «через преторианских центурионов и трибунов» (Suet. Cal. 40). По сведениям Иосифа Флавия, одним из преторианских трибунов из числа ответственных за взимание налогов был Кассий Херея, ведь ему «Гай поручил собирание податей и всяких недоимок императорской казне⁴» (Jos. Ant. Iud. XIX. 1. 5).

Прибегая к помощи воинов преторианской гвардии, принцепс умело использовал фактор страха, который должны были испытывать люди к вооруженным солдатам, и поэтому были готовы терпеть любой произвол в области налоговой политики.

3. *Участие преторианцев в строительных работах.* Выше мы уже рассмотрели, как гвардейцы выполняли некоторые из вспомогательных задач, такие как пожаротушение, взимание налогов. Однако в круг их обязанностей порой входило также и участие в строительных работах. Таких случаев нам известно всего два. Первый из них произошел в правление Гая Калигулы, когда преторианцы работали на строительстве «царских» колюшен (Jos. Ant. Iud. XIX. 4. 4).

Второй случай, когда гвардейцам довелось принять участие в подобной деятельности, произошел в правление Нерона. Светоний сообщает: будучи в Ахайе, этот император отдал приказ о сооружении канала через Истмийский перешеек, демонстративно начав это дело первым, после чего к работе были призваны преторианцы (Suet. Nero. 19. 2). Так гвардейцы вновь поучаствовали в строительных работах. Как известно, многие императоры имели обширную строительную политику, но мы не располагаем информацией о том, привлекались ли преторианцы к подобной деятельности до правления Калигулы и после принципата Нерона. Учитывая подобные прецеденты, мы не исключаем того, что гвардейцев могли задействовать и в других строительных работах, о которых в источниках нет упоминаний.

Заключение

Таким образом, мы выяснили, что у преторианской гвардии, помимо главных функций, таких как осуществление императорского эскорта, а также выполнение задач полицейского и репрессивного характера, существовали и задачи иного, вспомогательного характера: порой преторианцы тушили пожары, занимались сбором налогов, принимали участие в строительной деятельности, успешно справляясь и с этими обязанностями.

Список литературы

- Гуськов Е.А. 2007. К вопросу о квингенарном и милиарном типе преторианских когорт. В: *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 20–22 апреля 2007 г. Саратов, Наука: 181–190.
- Гуськов Е.А. 2008. Преторианцы Отона и Вителлия в гвардии Веспасиана: несколько замечаний. В: *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 24–26 апреля 2008 г. Саратов, Наука: 113–119.

⁴ Русский перевод Г.Г. Генкеля.

- Гуськов Е.А. 2009. Авл Виргий Марс и проблема количества преторианских когорт в период принципата Августа. В: *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 24–26 апреля 2009 г. Саратов, Наука: 92–100.
- Гуськов Е.А. 2012. Императоры и преторианцы: отражение культа правителя в посвящениях римских воинов. В: *Вестник Саратовского государственного технического университета*, 1 (65): 189–195.
- Гуськов Е.А. 2013. Императорский культ в преторианских когортах. В: *КЛИО*, 7 (79): 43–46.
- Гаспаров М.Л., Штаерман Е.М. (изд.). 1993. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., Наука, 364.
- Генкель Г.Г. (изд.). 2002. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. О древности иудейского народа (Против Апиона). Кн. 13–20. М., АСТ; Ладомир, 612.
- Дьяченко А.Ю. 2012. К вопросу о мятеже преторианской гвардии в правление императора Нервы. В: *Вестник Алтайской государственной педагогической академии*, 10: 15–17.
- Дьяченко А.Ю. 2013а. Преторианцы и Тиберий: оценка взаимоотношений. В: *Молодой ученый*, 6: 618–621.
- Дьяченко А.Ю. 2013б. Преторианская гвардия в «Год четырёх императоров». В: *Молодой ученый*, 11: 714–717.
- Дьяченко А.Ю. 2015. Гвардия Октавиана Августа и ее предшественники. В: *Военная история России: проблемы, поиски, решения*. Материалы конференции, проходившей 25–26 сентября 2015 г. Волгоград, изд-во Волгоградского государственного университета: 18–27.
- Дьяченко А.Ю. 2016. Генезис римской императорской гвардии. В: *Известия Алтайского государственного университета*, 2 (90): 65–69.
- Дьяченко А.Ю. 2018. Гвардия Октавиана Августа. В: *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, 4 (37): 91–93.
- Дрязгунов К.В. 2010а. К проблеме количества преторианских когорт в Риме. В: *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2: 32–34.
- Дрязгунов К.В. 2010б. О преторианских префектах в правление Клавдия. В: *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 3: 48–49.
- Дрязгунов К.В. 2010в. Преторианцы как *speculatores*. В: *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 4: 68–70.
- Данилов Е.С. 2009. Римская военная разведка: *speculatores*. В: *Проблемы истории, филологии, культуры*, 3 (25): 16–23.
- Дороненко И.А. 2018. К вопросу об участии преторианской гвардии в германских и дакийских войнах императора Домициана. В: *Молодежь третьего тысячелетия*. Материалы конференции, проходившей 02–27 апреля 2018 г. Омск, изд-во Ом. гос. ун-та: 42–46.
- Дороненко И.А. 2020а. Преторианская гвардия при Нерве. В: *Молодежь третьего тысячелетия*. Материалы конференции, проходившей 01–26 апреля 2020 г. Омск, изд-во Ом. гос. ун-та: 67–71.
- Дороненко И.А. 2020б. Преторианская гвардия на полях сражений II в. н. э. В: *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых*. Материалы конференции, проходившей 12–14 октября 2020 г. Новосибирск, изд-во Новосибирского национального исследовательского гос. ун-та: 130–138.
- Махлаюк А.В. (изд.). 2014. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LI–LXIII. СПб., Нестор-История, 680.
- Соловьянов Н.И. 2008. Культы преторианцев в Риме. В: *Вестник Томского государственного университета*, 317: 116–118.
- Семенов В.В. 2001. Преторианские когорты: модель и практика. В: *Военно-исторический журнал Para Bellum*, 12: 103–119.
- Ушаков Ю.А. 1984. Роль преторианской гвардии во внутривластной жизни Римской империи при первых императорах. В: *Античная гражданская община*, М., изд-во Московского государственного заочного педагогического института: 115–131.
- Ушаков Ю.А. 1986. Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н. э. В: *Античная гражданская община*, М., изд-во Московского государственного заочного педагогического института: 78–83.

- Утченко С.Л., Бобович А.С., Боровский Я.М., Сергеенко М.Е. (изд.). 1993. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения. М., Ладомир, 443.
- Юров В.В. 2020. Преторианские когорты: функция императорского эскорта. В: *Via in tempore. История. Политология*, 47(3): 482–489.
- Юров В.В. 2022. Полицейские и репрессивные функции преторианских когорт. В: *Via in tempore. История. Политология*, 49 (2): 243–254.
- Argüín A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome*. Ottawa, Publ. National Library of Canada, 282.
- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard. A history of Rome's Elite Special Forces*. London, Baylor University Press, 240.
- De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London, Yale University Press, 344.
- Rankov B., Hook R. 1994. *The Praetorian Guard*. London, Osprey Publishing, 64.

References

- Gus'kov E.A. 2007. К вопросу о квингенарном и милиарном типе преторианских когорт [On the question of the quingenary and military type of praetorian cohorts]. In: *Antiquitas Iuventae. Materialy konferencii, prohodivshej 20–22 aprelya 2007 g.* [Antiquitas Iuventae. Materials of the conference held on April 20–22, 2007]. Saratov, Publ. Nauka: 181–190 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2008. Преторианцы Отона и Вителлия в гвардии Веспасиана: несколько замечаний [The praetorians of Otho and Vitellius in the Guard of Vespasian: a few remarks]. In: *Antiquitas Iuventae. Materialy konferencii, prohodivshej 24–26 aprelya 2008 g.* [Antiquitas Iuventae. Materials of the conference held on April 24–26, 2008]. Saratov, Publ. Nauka: 113–119 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2009. Авл Виргил Марс и проблема количества преторианских когорт в период principata Августа [Aulus Virgilius Mars and the problem of the number of praetorian cohorts during the principate of Augustus]. In: *Antiquitas Iuventae. Materialy konferencii, prohodivshej 24–26 aprelya 2009 g.* [Antiquitas Iuventae. Materials of the conference held on April 24–26, 2009]. Saratov, Publ. Nauka: 92–100 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2012. Императоры и преторианцы: отражение культа правителя в посвящениях римских воинов [Emperors and praetorians: reflection of the cult of the ruler in the dedications of Roman soldiers]. In: *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Technical University], 1 (65): 189–195 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2013. Императорский культ в преторианских когортах [The Imperial cult in the praetorian cohorts]. In: *KLIO*, 7 (79): 43–46 (in Russian).
- Gasparov M.L., Shtaerman E.M. 1993. *Gaj Svetonij Trankvill. Zhizn' dvenadcati cezarej* [Gaius Suetonius Tranquille. The Life of the Twelve Caesars]. Moscow, Publ. Science, 364.
- Genkel' G.G. 2002. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. О древности иудейского народа (Против Апиона). Кн. 13–20 [Josephus. Jewish antiquities. In 2 vols. 2. On the antiquity of the Jews (Against Apion). Books 13–20]. Moscow, Publ. AST; Ladomir, 612.
- D'jachenko A.Ju. 2012. К вопросу о мятеже преторианской гвардии в правление императора Нервы [On the question of the rebellion of the Praetorian Guard during the reign of emperor Nerva]. In: *Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoy akademii* [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy], 10: 15–17 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2013a. Преторианцы и Тибериус: оценка взаимоотношений [Praetorians and Tiberius: an assessment of the relationships]. In: *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 6: 618–621 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2013b. Преторианская гвардия в «Год четырёх императоров» [Praetorian Guard in the «Year of the Four Emperors»]. In: *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 11: 714–717 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2015. Гвардия Октавиана Августа и ее предшественники [The Guard of Octavian Augustus and its predecessors]. In: *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. Materialy konferencii, prohodivshej 25–26 sentyabrya 2015 g.* [Military history of Russia: Materials of the conference, held on September 25–26, 2015].

- problems, searches, solutions. Materials of the conference held on September 25–26, 2015]. Volgograd, Publ. Volgograd State University: 18–27 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2016. Genezis rimskoj imperatorskoj gvardii [Genesis of the Roman Imperial Guard]. In: Vestnik Altajskoj gosudarstvennoj pedagogicheskoj akademii [News of the Altai State University], 2(90): 65–69 (in Russian).
- D'jachenko A.Ju. 2018. Gvardiya Oktaviana Avgusta [Guard of Octavian Augustus]. In: Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Altai State Pedagogical University], 4 (37): 91–93 (in Russian).
- Drjazgunov K.V. 2010a. K probleme kolichestva pretorianskih kogort v Rime [On the problem of the number of praetorian cohorts in Rome]. In: Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanities and natural sciences], 2: 32–34 (in Russian).
- Drjazgunov K.V. 2010b. O pretorianskih prefektah v pravlenie Klavdiya [About the praetorian prefects in the reign of Claudius]. In: Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanities and natural sciences], 3: 48–49 (in Russian).
- Drjazgunov K.V. 2010v. Pretoriancy kak speculatores [Praetorians as speculatores]. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanities and natural sciences], 4: 68–70 (in Russian).
- Danilov E.S. 2009. Rimskaya voennaya razvedka: speculatores [Roman military intelligence: speculatores]. In: Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture], 3 (25): 16–23 (in Russian).
- Doronenko I.A. 2018. K voprosu ob uchastii pretorianskoj gvardii v germanskih i dakijskih vojnah imperatora Domiciana [On the question of the participation of the Praetorian Guard in the German and Dacian Wars of Emperor Domitian]. In: Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Materialy konferencii, prohodivshej 02–27 aprelya 2018 g. [Youth of the third millennium. Materials of the conference held on April 02–27, 2018]. Omsk, Publ. Omsk State University: 42–46 (in Russian).
- Doronenko I.A. 2020a. Pretorianskaya gvardiya pri Nerve [The Praetorian Guard under Nerva]. In: Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Materialy konferencii, prohodivshej 01–26 aprelya 2020 g. [Youth of the third millennium. Materials of the conference held on April 01–26, 2020]. Omsk, Publ. Omsk State University: 67–71 (in Russian).
- Doronenko I.A. 2020b. Pretorianskaya gvardiya na polyah srazhenij II v. n.e. [Praetorian Guard on the battlefields of the II century AD]. In: Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzglyad molodyh uchenyh. Materialy konferencii, prohodivshej 12–14 oktyabrya 2020 g. [Actual problems of historical research: the view of young scientists. Materials of the conference held on October 12–14, 2020]. Novosibirsk, Publ. Novosibirsk National Research State University: 130–138 (in Russian).
- Mahljuk A.V. 2014. Kassij Dion Kokkejjan. Rimskaja istorija. Knigi LI–LXIII [Cassius Dion Coccianus. Roman history. Books LI–LXIII]. Saint Petersburg, Publ. Nestor-History, 680.
- Solov'janov N.I. 2008. Kul'ty pretoriancev v Rime [Cults of the praetorians in Rome]. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 317: 116–118 (in Russian).
- Semenov V.V. 2001. Pretorianskie kogorty: model' i praktika [Praetorian cohorts: model and practice]. In: Voenno-istoricheskij zhurnal Para Bellum [Para Bellum, military – historical magazine], 12: 103–119 (in Russian).
- Ushakov Ju. A. 1984. Rol' pretorianskoj gvardii vo vnutripoliticheskoj zhizni Rimskoj imperii pri pervyh imperatorah [The role of the Praetorian Guard in the internal political life of the Roman Empire under the first emperors]. In: Antichnaya grazhdanskaya obshchina [Ancient civil community]. Moscow, Publ. Moscow State Correspondence Pedagogical Institute: 115–131 (in Russian).
- Ushakov Ju. A. 1986. Pretorianskaya gvardiya v period grazhdanskoj vojny 68–69 gg. n.e. [The Praetorian Guard during the Civil War of 68–69 AD]. In: Antichnaya grazhdanskaya obshchina [Ancient civil community]. Moscow, Publ. Moscow State Correspondence Pedagogical Institute: 78–83 (in Russian).
- Utchenko S.L., Bobovich A.S., Borovskij Ja.M., Sergeenko M.E. 1993. Kornelij Tacit. Sochinenija v dvuh tomah. Tom I. Annaly. Malye proizvedenija [Cornelius Tacitus. Essays in two volumes. Volume I. Annals. Small works] Moscow, Publ. Ladimir, 443.

- Yurov V.V. 2020. Pretorianskie kogorty: funkciya imperatorskogo eskorta [Praetorian cohorts: the function of the imperial escort]. In: Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political Science], 47(3): 482–489 (in Russian).
- Yurov V.V. 2022. Policejskie i repressivnye funkcii pretorianskih kogort [Police and repressive functions of the praetorian cohorts]. In: Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political Science], 49 (2): 243–254 (in Russian).
- Argüin A.R.M. 2006. Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Bingham S. 1997. The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome. Ottawa, Publ. National Library of Canada, 282.
- Bingham S. 2013. The Praetorian Guard. A history of Rome's Elite Special Forces. London, Baylor University Press, 240.
- De la Bédoyère G. 2017. Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard. New Haven; London, Yale University Press, 344.
- Rankov B., Hook R. 1994. The Praetorian Guard. London, Osprey Publishing, 64.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Received 29.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юров Владислав Викторович, магистрант кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Vladislav V. Yurov, Master's student of the Department of Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0003-2727-1428](https://orcid.org/0000-0003-2727-1428)

УДК 94(38)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-13-20

Оригинальное исследование

«Единственное средство к спасению – взять в союзники сыновей Тиндарея»: к вопросу о форме передачи культов героев во время военных действий в VI–V вв. до н. э.

Тимир-Булатова С.Р.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: sof.timir-bulatova@yandex.ru

Аннотация. Античная традиция сохранила ряд свидетельств, когда во время войны полис обращался за помощью к другому полису. Если же тот по каким-то причинам не мог ее предоставить, он отправлял культы своих героев. Однако мы не знаем, в каком именно виде происходила эта передача. Большинство ученых полагают, что герои перевозились в виде неких предметов. Профессор Гарвардского университета Грегори Надь, рассуждая о культе Эакидов, выдвигает предположение, что передача культов могла подразумевать под собой перевоз к месту битвы людей, которые играли роль героев. В статье рассматривается вопрос, а могут ли в остальных известных нам случаях под героями подразумеваться люди, а не священные предметы? Разумеется, дать однозначного ответа нельзя, как нельзя и пытаться обобщить эти свидетельства. Однако, рассмотрев их подробнее, мы можем допустить, что во всех известных случаях роль героев вполне могла исполняться людьми, поскольку этот пример был известен и использовался в религиозных ритуалах.

Ключевые слова: эпифании, Эакиды, Диоскуры, культы героев, битва при Сагре, Саламинское сражение

Для цитирования: Тимир-Булатова С.Р. 2023. «Единственное средство к спасению – взять в союзники сыновей Тиндарея»: к вопросу о форме передачи культов героев во время военных действий в VI–V вв. до н. э. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 13–20. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-13-20

«The Only Means of Salvation is to Take the Sons of Tyndareus as Allies»: on the Question of the Form of Transmission of Hero Cults During Military Operations in the 6th and 5th Centuries B. C.

Sofia R. Timir-Bulatova

St. Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: sof.timir-bulatova@yandex.ru

Abstract. The ancient tradition has preserved a number of testimonies when, during the war, a polis turned to another polis for help. If, for some reason, he could not provide it, he sent cults of his heroes. However, we do not know in what form this transmission took place. Most scholars believe that the heroes were transported in the form of some objects. Professor Gregory Nagy of Harvard University, talking about the cult of the Aeacids, suggests that the transfer of cults could imply the transportation to the place of battle of people who seemed to play the role of heroes. The article deals with the question: whether in other cases known to us, heroes can mean people and not sacred objects? Of course, it is

impossible to give an unambiguous answer, just as it is impossible to generalize these testimonies. However, having considered them in more detail, we can assume that in all known cases the role of heroes could well be performed by people, since this pattern was known and used in religious rituals.

Keywords: epiphanies, Aeacides, Dioscuri, hero cults, Battle of the Sagra, Battle of Salamis

For citation: Timir-Bulatova S.R. 2023. «The Only Means of Salvation is to Take the Sons of Tyndareus as Allies»: on the Question of the Form of Transmission of Hero Cults During Military Operations in the 6th and 5th Centuries B. C. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 13–20 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-13-20

Введение

В античной литературной традиции нам известно достаточно большое количество случаев, когда боги и герои принимали участие в реальных сражениях. Так, Тесей сражался вместе с греками против персов при Марафоне (Plut. Thes., 35, 8), Аполлон не раз защищал Дельфы от нападения врагов (Diod. Sic., XI, 14, 3–4; Hdt., VIII, 36–37; Just., XX, 2, 3; Paus., X, 23, 1–9), а во время Саламинской битвы грекам явился герой Кихрей в виде змеи (Paus., I, 36, 1). Считалось, что победа действительно была одержана благодаря вмешательству бога или героя, подтверждением этого могут служить благодарности, которые воздавались после сражения, – от приношения жертв до возведения храма в честь божества.

Боги и герои могли оказываться в битве разными путями: либо они являлись сами, так как были покровителями воюющего полиса, либо тот же полис призывал их самостоятельно. Для этого либо возносили молитву к божествам или героям, либо заимствовали культы из другого полиса. Именно последний случай будет рассмотрен более подробно.

Здесь имеет место так называемая «дипломатия родства» (kinship diplomacy), в рамках которой нередко использовались мифологические предания, объединяющие обе стороны, для создания и укрепления внешних связей: полис, которому нужна помощь, обращался к другому полису; если же тот по каким-то причинам не мог ее предоставить, он мог отправить культы почитавшихся у него божеств и героев в качестве помощников [подробнее о «дипломатии родства» см.: Jones, 1999; Patterson, 2010].

До нас дошло несколько таких свидетельств:

(1) передача культа Аякса Ойлида локрам эпизефирским от локров опунтских (Paus., III, 19, 11–13);

(2) прибытие Диоскуров от спартанцев (Diod. Sic., VIII, 32, 1–2; Just., XX, 2) во время битвы при Сагре между Локрами и Кротоном в VI в. до н. э.;

(3) заимствование фиванцами Эакидов с Эгины в качестве союзников в их борьбе с афинянами в 506 г. до н. э.;

(4) передача тех же Эакидов, но уже афинянам, перед Саламинским сражением (Hdt., VIII, 64, 83; Plut. Them., 15, 1).

Подробнее о передаче культов во время битвы при Сагре см.: [Compernelle, 1969; Sordi, 1972; Giangiulio, 1983; Castelnovo, 1995; Rocchi, 2013]; о заимствовании культов Эакидов см.: [Nagy, 2011; Irwin, 2011; Figueira, 2012].

Проблема состоит в том, что мы доподлинно не знаем, в каком именно виде происходила передача героев, но известно точно, что важен был факт их физического присутствия в сражении, для чего за ними отправляли специальных посланников. Исходя из этой логики, большинство ученых полагает, что героев представляли некие предметы, воплощавшие, символизировавшие и заменявшие их: статуэтки, культовые изображения.

Комментаторы Геродота У. Хау и Дж. Уэллс считают, что Эакиды перевозились к афинянам в виде неких изображений [How, Wells, 1912, p. 451]. Американский исследователь Уильям Притчетт в своей работе «Греческое государство в войне» придерживается аналогичной точки зрения, что Диоскуры и Эакиды перевозились к месту боевых дей-

ствий в виде статуй [Pritchett, 1979, p. 14–16]; также и профессор университета Нью-Джерси Т. Фигейра представляет передачу Эакидов в виде неких культовых изображений, при этом отмечая исключительность этого факта, так как священные предметы не должны были покидать своих святилищ [Figueira, 2012]. Такой же точки зрения придерживается и Л. О’Салливан в своем исследовании «Эпифании в классических и эллинистических военных действиях» [O’Sullivan, 2020, p. 165].

Однако Грегори Надь, профессор Гарвардского университета, предлагает иную версию (но только относительно передач Эакидов локрам в битве при Сагре и афинянам в Саламинском сражении): под героями могли подразумеваться аристократы, связывавшие себя родством с Эакидами, и именно они прибывали к месту действия [Nagy, 1990, p. 176–177]. Это предположение представляет большой интерес, но все же является дискуссионным.

Объект и методы исследования

В статье предлагается рассмотреть вопрос, могут ли в остальных случаях под героями подразумеваться люди, а не священные предметы? Для решения проблемы обратимся к рассмотрению различных мнений более детально, используя основной комплекс методов исторического исследования.

Результаты и их обсуждение

Точно неизвестно, каким образом действовал механизм передачи предметов, однако мы можем сказать, что помощь оказывалась при физическом присутствии неких вещей, которые являлись воплощениями героев [Figueira, 2012, p. 165]. Описывая передачу Диоскуров локрам от спартанцев, Диодор указывает, что «Диоскурам приготовили ложе на корабле» (ἔστρωσαν τοῖς Διοσκόροις κλίνην ἐπὶ τῆς νηὸς; VIII, 32, 1–2). Диодор использует слово κλίνη – достаточно универсальный термин, означающий место для лежания. Под κλίνη могла подразумеваться как простая мебель, так и предмет для проведения религиозных действий.

Американская исследовательница Дж. Петриду предполагает, что в данном случае имеется в виду проведение некоего ритуала теоксении [Petridou, 2015, p. 61; также см.: Pfister, 1924, p. 277–323; Jameson, 1995, p. 52–53; Bravo, 2004, p. 73–74]. Действительно, формула «κλίνην στῶσαι καὶ τράπεζαν κοσμηῆσαι» использовалась при описании теоксении, что включало в себя обустройство места для приема божества и дальнейшее времяпрепровождение с ним, возможно, некая трапеза [Petridou, 2015, p. 292]. Божественный гость присутствовал либо в виде статуи, либо в виде культового предмета – *pars pro toto* – как на божественном банкете, который был приготовлен в честь Аякса в Афинах, где герой был представлен своими доспехами, положенными на священное ложе (Schol. ad Pindar, Nem., II, 19, Drachmann).

Богов действительно могли приглашать на некоторые мероприятия [Petridou, 2015, p. 310]; однако А. Нок полагает, что у греков отсутствовало представление о смертных, пирующих вместе с бессмертными [Nock, 1972, p. 585–587]; а также М. Джеймсон считает, что приготовление мест для возлежания и столов необязательно означает совместное пиршество [Jameson, 1995, p. 35–56]. Мы действительно не можем сказать точно, какой смысл в том или ином случае вкладывается в понятие κλίνη, но, поскольку у нас есть примеры его употребления в религиозном контексте, можно допустить, что и на корабле приготовленное ложе для Диоскуров было одним из составляющих частей обряда теоксении.

Юстин для описания места, которое было приготовлено для богов, употребляет слово *pulvinar* («*pulvinaria iis in navi conponunt*»; XX, 2, 14), что может обозначать подушку для изображений богов [Immerwahr, 1966, p. 211; Platt, 2018, p. 232]. У римлян был обряд лектистерний, когда богам устраивались и предлагались угощения. Божества могли быть представлены в виде бюстов, статуй, фигурок, которые ставились на кушетку (*lectus*) с

подушкой (*pulvinus, pulvinar*: Cic. Dom., 53; Liv., V, 52, 6; Nep. Timoth., 2; Tac. Ann., XV, 23) [Любкер, 1885, с. 726; Винничук, 1985, с. 417]. Впрочем, *pulvinar* может употребляться не только в религиозном контексте (Juv. Sat., VI, 132; Colum. 5.10, 21).

Т. Фигейра, говоря о просьбе фиванцев, отмечает исключительность факта передачи культовых изображений, так как священные предметы божеств и героев, как правило, редко покидали место своего хранения даже во время «домашних» ритуалов; а то, что они были переданы и увезены к чужому войску, показывает, что это был не просто пустой жест, основанный только на нежелании эгинян посылать свои войска, но наполненный смыслом религиозный ритуал [Figueira, 2012]. Таким образом, это могли быть статуи или какие-то культовые изображения.

Впрочем, связать призыв героев с передачей неких предметов с некоторой уверенностью мы можем только в случае Диоскуров, так как только в связи с ними Диодор и Юстин используют термины, указывающие на это. В остальных свидетельствах сведения более неопределенные: указывается лишь, что герои были призваны («ἐπικαλουμένων», Paus., III, 19, 11; «ἐπεκαλέοντο», Hdt. VIII, 64, 2), посланы («συμπέμπειν», Hdt., V, 80) или за ними уехал корабль («νέα ἀπέστελλον», Hdt., VIII, 64, 2; «ἦκε ἡ ἀπ' Αἰγίνης τριήρης, ἥ κατὰ τοὺς Αἰακίδαζ ἀλεδήμησε», Hdt., VIII, 83, 2).

С одной стороны, это можно связать с большей подробностью конкретных свидетельств Диодора и Юстина, нежели Геродота и Павсания. При этом у последних мы можем найти примеры употребления слова κλίνη в религиозном контексте (Hdt., I, 181, 182; VI, 139; Paus., V, 20, 1; X, 32, 12).

С другой стороны, если они употребляли этот термин в том же значении, но не использовали его в описании рассматриваемых свидетельств, то, вероятно, по их мнению, это не было необходимостью, а значит, возможно, это был не тот же ритуал переноса изображений, как у Диодора и Юстина. Поэтому теперь следует обратиться к версии, выдвинутой Г. Надем, что под героями могли подразумеваться люди, изображавшие их.

Уподобление людей богам в культовых практиках засвидетельствовано с архаического периода, а в некоторых формах – и с крито-микенского [Petridou, 2015, p. 43]. Во множестве культов жрецы специально подбирались с такой внешностью, с какой и представлялось божество. Например, фиванский жрец Аполлона был юношей с длинными волосами и венком (Paus., IX, 10, 4); для культа Зевса в Эгионе специально выбирался мальчик, который исполнял свои функции до тех пор, пока у него не начинала расти борода (Paus., VII, 24, 4); в Ливии на ежегодном празднике в честь Афины девушка, победившая в состязаниях, одевалась в доспехи с коринфским шлемом и проезжала на колеснице вокруг Тритонийского озера (Hdt., IV, 180); и, пожалуй, самый известный случай – это въезд Писистрата в Афины вместе с переодетой в Афины девушкой Фией (Hdt., VIII, 41) [подробнее см.: Petridou, 2015, p. 147–170]. Таких свидетельств до нас дошло довольно много, так что мы можем сделать вывод о готовности греков воспринимать переодетых людей как богов.

Религиозная визуализация играла определенную роль в греческой религии, поэтому созерцание человеком религиозных артефактов могло мыслиться как настоящая встреча с богом [о ритуальной визуальности и ее влиянии на визуальное восприятие см.: Elsner, 2000, p. 45–69, 2007; Kindt, 2013].

Имеющиеся данные говорят нам о том, что древний грек был окружен образами своих божеств, которые выражались не только в храмах, статуях и уличных алтарях, но и в реальных людях, которые принимали облик богов в связи с ритуальными действиями. И то, что это представление было закреплено в сознании людей, мы видим в ряде случаев, которые как раз происходили в военном контексте.

Плутарх и Полиэн передают ситуацию, произошедшую во время осады Пеллены этолийцами в 241 г. до н. э. Во время атаки города жрица Афины вышла на городские стены; поскольку она была облачена в полное вооружение, в шлеме с тремя гребнями и ору-

жием в руках, этолийцы подумали, что это сама богиня вышла защищать город и, испугавшись, бежали (Plut. Arat., 32; Pol. Strat., VIII, 59). Во время войны со Спартой мессенский военачальник Аристомен и его друг переоделись в Кастора и Полидевка и верхом на белых конях явились на праздник, который лакедемоняне отмечали в честь Диоскуров. Воспользовавшись расслабленным и нетрезвым состоянием спартанцев, они перебили большую часть из них (Pol. Strat., II, 31, 4). Аналогичную историю рассказывает Павсаний, только вместо Аристомена с другом у него фигурируют юноши Панорм и Гонипп (Paus., IV, 27, 1–3). В обеих историях основной акцент делается на узнавании образа Диоскуров по внешним атрибутам – белые лошади, шапки или шлемы со звездами, красные плащи. Для спартанцев знакомство с этим образом дополняется их расслабленным состоянием во время праздника, который проводился в честь тех же Диоскуров – то есть своих героев они если не ожидали, то были готовы увидеть, поэтому никаких подозрений мессенцы не вызвали.

Таким образом, в кризисной ситуации за богов могут приниматься и люди: в одном случае это произошло будто бы случайно, а в другом – специально. Именно то, что Аристомен с другом или Панорм с Гониппом намеренно приняли облик Диоскуров, а значит, потенциально ожидали такой реакции спартанцев, может указывать на то, что явление людям божества или героя считалось ситуацией вполне реальной и в определенной мере распространенной.

Известно и свидетельство о кротонском атлете Милоне, который на битву с сибаритами вышел, переодевшись в львиную шкуру и с дубинкой в руке, имитируя облик Геракла (Diod. Sic., XII, 9, 6; Athen., IX, 412e-f; Ael. Var. hist., XII, 22). Впрочем, маловероятно, что этот случай носил ритуальный характер, однако он также является примером подражания облику героя или бога на поле битвы.

Что же касается случая с Эакидами в конфликте фиванцев с афинянами и в Саламинском сражении, то Г. Надя приводит следующие аргументы в пользу того, что это были люди. Он считает, что под Эакидами подразумевалась группа эгинских аристократов, которые в стилизованных позах воспроизводили присутствие своих предков, что он основывает на одах Пиндара, посвященных победителям с Эгины, где проводится связь между ними – людьми и героями [Nagy, 2011b]. Это может объяснять позу, о которой сообщает Плутарх, рассказывая, что во время Саламинского сражения видели, как Эакиды протягивали руки к греческим кораблям со стороны Эгины (Plut. Them., 15, 1), что можно интерпретировать как театральное перевоплощение в героев. Это может быть частью ритуала, прославляющего Эакидов, когда юноши или девушки исполняли оды и при этом танцевали.

Театральности и ритуальности, по мнению Г. Нады, может добавлять упоминание в Немейской оде Пиндара ритуального возгласа «δίδοι φωνάν», который призывает поднять паруса на корабле – «ἀνὰ δ' ταῖνον ἰστία» (Pind. Nem., V, 50–51). Исследователь полагает, что этот ритуальный возглас с упоминанием имен героев на самом деле должен был вызывать эпифанию самих героев. И эта эпифания Эакидов, точно так же, как возглас, на самом деле исполняется группой, которая поет и танцует. Таким образом можно интерпретировать и обе эпифании Эакидов [Nagy, 2011a].

Однако, думается, идеи Нады противоречат терминам, которые авторы употребляют (а в большинстве случаев наоборот, не употребляют). Некоторую информацию предоставляет Плутарх, говоря об Эакидах как о *φάσματα καὶ εἰδῶλα ἐνόπλων ἀνδρῶν* («призраки и образы вооруженных людей»). С одной стороны, он представляет их как людей – *ἀνδρῶν*, но с другой, *φάσματα καὶ εἰδῶλα* являются терминами из сферы божественного и не употребляются по отношению к людям [подробнее о *φάσμα* см.: Petridou, 2015, p. 64–72].

В остальных случаях авторы не дают какого-либо определения форме героев, ограничиваясь их именами. Диодор и Юстин, рассматриваемые выше, вероятно, намекают на наличие неких изображений героев, но об этом мы можем догадываться только по косвенным свидетельствам, так как напрямую они об этом не говорят.

Получается, что мы можем применить идею Надея к остальным случаям, то есть к Диоскурам и Аяксу, которые были отправлены к Локрам. Тем более там сообщается об активных действиях Аякса, который ранил кротонского военачальника: этим Аяксом вполне мог быть человек, переодетый в этого героя.

Вид героев, сражающихся бок о бок со всеми, хоть под ними и скрывались люди, мог добавлять воинам намного больше мотивации и сил, чем статуи или какие-либо другие изображения героев [схожим образом, герои иногда представляются как гоплиты в визуальном искусстве: Salapata, 1997; Bravo, 2004]. К тому же источники сообщают о том, что во время военных действий люди могли приниматься за богов или героев.

Таким образом, мы имеем две точки зрения: по одним сообщениям, люди видели героев и богов, а по другим – под видом богов и героев скрывались реальные люди. Показательный пример – это сообщение Плутарха о принятии жрицы Афины за саму богиню этолийцами. Если бы до нас дошел рассказ со стороны этолийцев, возможно, он бы выглядел как любое другое сообщение об эпифании из Геродота, Плутарха или Павсания.

Заключение

Итак, дать однозначный ответ на вопрос, представляли ли люди героев в этих эпифаниях, невозможно, так же как и пытаться обобщить эти свидетельства. Однако, как нам представляется, можно предположить, что в случаях с Диоскурами и Аяксом, переданных локрам, с большей долей вероятности использовались изображения героев, в то время как в остальных случаях мы можем допустить, что роль героев вполне могла исполняться людьми, поскольку этот паттерн был известен и широко использовался в греческих религиозных ритуалах.

Список литературы

- Винничук Л. 1988. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., Высшая школа, 416.
- Любкер Ф. 1885. Реальный словарь классических древностей. СПб., 726.
- Bravo J. 2004. Heroic Epiphanies: Narrative, Visual and Cultic Contexts. In: Illinois Classical Studies. Vol. 29: 63–84.
- Castelnuovo L.M. 1995. Pausania e l'invio di coloni spartani a Crotona e a Locri. In: Miscellanea greca e romana. № 19: 95–98.
- Compernelle R. 1969. Aïax et les Dioscures au secours des Locriens sur les rives de la Sagra (ca. 575–565). In: Hommages à Marcel Rénard II. Ed. Jacqueline Bibauw. Bruxelles, 733–766.
- Elsner J. 2000. Between Mimesis and Divine Power: Visuality in the Graeco-Roman World. In: Visuality Before and Beyond the Renaissance: Seeing as Others Saw. Ed. R.S. Nelson. Cambridge: 45–69.
- Elsner J. 2007. Roman Eyes: Visuality and Subjectivity in Art and Text. Princeton, PUP, 350.
- Figueira T. 2012. The Aiakidai, the Herald-less War, and Salamis. In: Donum Natalicium Digitaliter Confectum Gregorio Nagy Septuagenario a Discipulis Collegis Familiaribus Oblatum. Eds. V. Bers, D. Elmer, D. Frame, L. Muellner. Washington, 15. URL: chs.harvard.edu/CHS/article/display/4610 (дата обращения 12.03.2022).
- Giangiulio M. 1983. Locri, Sparta, Crotona e le tradizioni leggendarie intorno alla battaglia della Sagra. In: Mélanges de l'école française de Rome. № 95: 473–521.
- How W.W., Wells J. 1912. A Commentary on Herodotus. Vol. 1: Books I–IV. Oxford, 451.
- Immerwahr H. 1966. Form and Thought in Herodotus. Cleveland, WRU, 211.
- Irwin E. 2011. Herodotus and Aeginetan Identity. In: Aegina: Contexts for Choral Lyric Poetry. Myth, History and Identity in the Fifth Century B. C. Ed. D. Fearn. Oxford, New York, OUP, 373–425.
- Jameson M.H. 1999. Theoxenia. In: Ancient Greek Hero Cult: Proceedings of the Fifth International Seminar on Ancient Greek Cult, Göteborg University, 21–23 April 1995, Stockholm. Ed. R. Hägg. Stockholm, 52–53.
- Jones C. 1999. Kinship Diplomacy in the Ancient World. Cambridge, Harvard University Press, 208.
- Kindt J. 2012. Rethinking Greek Religion, Cambridge, New York, CUP, 235.
- Nagy G. 1990. Pindar's Homer: The Lyric Possession of an Epic Past. Baltimore, JHUP, 414.

- Nagy G. 2011a. A Second Look at the Poetics of Reenactment in Ode 13 of Bacchylides. In: *Archaic and Classical Choral Song: Performance, Politics and Dissemination*. Eds. L. Athanassaki, E.L. Bowie. Berlin, 173–206.
- Nagy G. 2011b. Asopos and his Multiple Daughters: Traces of Preclassical Epic in the Aeginetan Odes of Pindar. In: *Aegina: Contexts for Choral Lyric Poetry. Myth, History, and Identity in the Fifth Century B. C.* Ed. D. Fearn. Oxford, UP: 41–78.
- Nock A.D. 1972. *Essays on Religion and the Ancient World*. 2 vols. Ed. Z. Stewart. Oxford, UP, 585–587.
- O’Sullivan L. 2020. Epiphanies in Classical and Hellenistic Warfare. In: *Religion & Classical Warfare: Archaic and Classical Greece*. Pen & Sword Books Limited, 163–196.
- Patterson L.E. 2010. *Kinship Myth in Ancient Greece*. Austin, University of Texas Press, 255.
- Petridou G. 2015. *Divine Epiphanies in Greek Literature and Culture*. Oxford, Oxford University Press, 411.
- Platt V. 2018. Double Vision: Epiphanies of the Dioscuri in Classical Antiquity. In: *Archiv für Religionsgeschichte* 20 (1), March 2018: 229–256.
- Pritchett W.K. 1979. *The Greek State at War*. Part III: Religion. Berkeley, 353.
- Pfister F. 1924. Epiphanie. In: *R.E. Supplement* 4, 277–323.
- Rocchi G.D. 2015. The Lokrians and their federal leagues. In: *Federalism in Greek Antiquity*. Ed. Hans Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 179–198.
- Salapata G. 1997. Hero Warriors from Corinth and Laconia. In: *Hesperia*. Vol. 66: 245–260.
- Sordi M. 1972. La leggenda dei Dioscuri nella battaglia della Sagra e di Lago Regillo. In: *Contributi ist. st. ant.* 1: 47–70.

References

- Vinnichuk L. 1988. *Lyudi, navy i obychai Drevnej Grecii i Rima* [People, customs and customs of Ancient Greece and Rome]. Moscow, Vysshaya shkola, 416 (in Russian).
- Lubker F. 1885. *Realnyj slovar klassicheskikh drevnostej* [A real dictionary of classical antiquities]. St. Petersburg, 726 (in Russian).
- Bravo J. 2004. Heroic Epiphanies: Narrative, Visual and Cultic Contexts. In: *Illinois Classical Studies*. Vol. 29: 63–84.
- Castelnuovo L.M. 1995. Pausania e l’invio di coloni spartani a Crotone e a Locri. In: *Miscellanea greca e romana*. № 19: 95–98.
- Compennolle R. 1969. Ajax et les Dioscures au secours des Locriens sur les rives de la Sagra (ca. 575–565). In: *Hommages à Marcel Rénard II*. Ed. Jacqueline Bibauw. Bruxelles, 733–766.
- Elsner J. 2000. Between Mimesis and Divine Power: Visuality in the Graeco-Roman World. In: *Visuality Before and Beyond the Renaissance: Seeing as Others Saw*. Ed. R.S. Nelson. Cambridge: 45–69.
- Elsner J. 2007. *Roman Eyes: Visuality and Subjectivity in Art and Text*. Princeton, PUP, 350.
- Figueira T. 2012. The Aiakidai, the Herald-less War, and Salamis. In: *Donum Natalicium Digitaliter Confectum Gregorio Nagy Septuagenario a Discipulis Collegis Familiaribus Oblatum*. Eds. V. Bers, D. Elmer, D. Frame, L. Muellner. Washington, 15. URL: chs.harvard.edu/CHS/article/display/4610 (дата обращения 12.03.2022).
- Giangiulio M. 1983. Locri, Sparta, Crotone e le tradizioni leggendarie intorno alia battaglia della Sagra. In: *Mélanges de l’École française de Rome*. № 95: 473–521.
- How W.W., Wells J. 1912. *A Commentary on Herodotus*. Vol. 1: Books I–IV. Oxford, 451.
- Immerwahr H. 1966. *Form and Thought in Herodotus*. Cleveland, WRU, 211.
- Irwin E. 2011. Herodotus and Aeginetan Identity. In: *Aegina: Contexts for Choral Lyric Poetry. Myth, History and Identity in the Fifth Century B. C.* Ed. D. Fearn. Oxford, New York, OUP, 373–425.
- Jameson M.H. 1999. Theoxenia. In: *Ancient Greek Hero Cult: Proceedings of the Fifth International Seminar on Ancient Greek Cult*, Göteborg University, 21–23 April 1995, Stockholm. Ed. R. Hägg. Stockholm, 52–53.
- Jones C. 1999. *Kinship Diplomacy in the Ancient World*. Cambridge, Harvard University Press, 208.
- Kindt J. 2012. *Rethinking Greek Religion*, Cambridge, New York, CUP, 235.
- Nagy G. 1990. *Pindar’s Homer: The Lyric Possession of an Epic Past*. Baltimore, JHUP, 414.

- Nagy G. 2011a. A Second Look at the Poetics of Reenactment in Ode 13 of Bacchylides. In: *Archaic and Classical Choral Song: Performance, Politics and Dissemination*. Eds. L. Athanassaki, E.L. Bowie. Berlin, 173–206.
- Nagy G. 2011b. Asopos and his Multiple Daughters: Traces of Preclassical Epic in the Aeginetan Odes of Pindar. In: *Aegina: Contexts for Choral Lyric Poetry. Myth, History, and Identity in the Fifth Century B. C.* Ed. D. Fearn. Oxford, UP: 41–78.
- Nock A.D. 1972. *Essays on Religion and the Ancient World*. 2 vols. Ed. Z. Stewart. Oxford, UP, 585–587.
- O’Sullivan L. 2020. Epiphanies in Classical and Hellenistic Warfare. In: *Religion & Classical Warfare: Archaic and Classical Greece*. Pen & Sword Books Limited, 163–196.
- Patterson L.E. 2010. *Kinship Myth in Ancient Greece*. Austin, University of Texas Press, 255.
- Petridou G. 2015. *Divine Epiphanies in Greek Literature and Culture*. Oxford, Oxford University Press, 411.
- Platt V. 2018. Double Vision: Epiphanies of the Dioscuri in Classical Antiquity. In: *Archiv für Religionsgeschichte* 20 (1), March 2018: 229–256.
- Pritchett W.K. 1979. *The Greek State at War. Part III: Religion*. Berkeley, 353.
- Pfister F. 1924. Epiphanie. In: *R.E. Supplement* 4, 277–323.
- Rocchi G.D. 2015. The Lokrians and their federal leagues. In: *Federalism in Greek Antiquity*. Ed. Hans Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 179–198.
- Salapata G. 1997. Hero Warriors from Corinth and Laconia. In: *Hesperia*. Vol. 66: 245–260.
- Sordi M. 1972. La leggenda dei Dioscuri nella battaglia della Sagra e di Lago Regillo. In: *Contributi ist. st. ant.* 1: 47–70.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.10.2022

Received 09.10.2022

Поступила после рецензирования 20.10. 2022

Revised 20.10. 2022

Принята к публикации 20.10. 2022

Accepted 20.10. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимир-Булатова София Ринатовна, аспирант кафедры истории Древней Греции и Рима, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Sofia R. Timir-Bulatova, PhD student of the Department of History of Ancient Greece and Rome, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0001-7302-6189](https://orcid.org/0000-0001-7302-6189)

УДК 94(3)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-21-30

Оригинальное исследование

Софист Юлиан Каппадокийский и его школа в Афинах

Денисова И.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается жизнь и образовательная деятельность позднеантичного софиста Юлиана Каппадокийского, учителя знаменитого ритора IV века Прозерсия. В статье исследовано время жизни Юлиана Каппадокийского, основные вехи его жизненного пути, образовательная среда, в которой он вырос (Кесария Каппадокийская), и социальные связи, характер деятельности его школы, а также основные ученики. Затронуты его образование, личностные качества и религиозные взгляды. По итогам исследования сделаны выводы о том, что школа Юлиана была крупнейшей в Афинах, определив интеллектуальное лицо города в IV веке.

Ключевые слова: Юлиан Каппадокийский, Прозерсий, Афины, позднеантичное образование, поздняя античность, Ранняя Византия, IV век

Для цитирования: Денисова И.В. 2023. Софист Юлиан Каппадокийский и его школа в Афинах. Via in tempore. История. Политология. 50 (1): 21–30. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-21-30

Sophist Julian the Cappadocian and his School in Athens

Irina V. Denisova

Belgorod State Research University
85 Pobedy St. Belgorod 308015, Russia
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Abstract. This work examines the life and educational activities of the late antique sophist Julian of Cappadocia, the teacher of the famous rhetorician of the 4th century Proaresius. The article studies the life time of Julian of Cappadocia, the main milestones of his life, the educational environment in which he grew up (Caesarea of Cappadocia) and social ties, the nature of the activities of his school, the main students. Information about him has been preserved in 2 sources: «Life of philosophers and sophists» of the author of the second half of the IV – beginning of the V century Evnapius, belonging to his school. His education, personal qualities and religious views are affected. Julian of Cappadocia was a younger contemporary and successor in Athens of the sophist Callinicus. The basic information about Julian of Cappadocia and Evnapius refers to the Athenian period of activity, where he had a sophistic school. The study concluded that the school of Julian was the largest in Athens, defining the intellectual face of the city in the 4th century.

Keywords: Julian of Cappadocia, Proaresius, Athens, late antique education, Late Antiquity, Early Byzantium, IV century

For citation: Denisova I.V. 2023. Sophist Julian the Cappadocian and his School in Athens. Via in tempore. History and political science. 50 (1): 21–30 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-21-30

Введение

Тема данной работы – исследование жизни и деятельности афинского софиста первой половины IV в. Юлиана Каппадокийского. О нём сохранилась информация в двух источниках: «Жизни философов и софистов» автора 2-й половины IV – начала V в. Евнапия, принадлежавшего к его школе (Eunap. V. soph. 482–485), а также небольшая статья в византийском словаре X века «Суда» (Suid. I 435). Однако специальных работ, посвященных ему, в историографии нет.

Объект и методы исследования

Объект исследования – история жизни и деятельности софиста Юлиана Каппадокийского. Методы – просопографический, историко-биографический, контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

Из «Суды» известно место происхождения и время жизни Юлиана. Он происходил из Кесарии Каппадокийской и жил во времена императора Константина I (время правления 306–337 гг.), будучи современником некоего софиста Каллиника (Suid. I 435). Этого софиста кембриджские историки считают афинским софистом 1-й половины IV века⁵, современником софиста Трептолема. Оба были достаточно известны – о них и их риторических соревнованиях слышал юный Либаний в Антиохии (Liban. Or. I.11). Этого Каллиника отличают от софиста 2-й половины III в. Каллиника⁶, информация о котором сохранилась в словаре «Суда». Согласно этим данным, софист Каллиник был сыном Гая, имел прозвище «Светорий» (видимо, его семья имела латинское происхождение). Он был уроженцем города Петра в Аравии, затем переехал в Афины и стал там софистом. Он являлся автором нескольких сочинений: «Лупу, или О плохом вкусе в риторике», «Просфонетикон Галлиену» (речь идет об императоре Галлиене (правил в 253–268 гг.), по времени которого и датируют время жизни Каллиника), «К Клеопатре», «Относительно историй Александрии» в 10 книгах, «Против философских сект», «О возрождении Рима», а также другие экномии и речи (Suid. K 231). Исходя из имени и происхождения, а также тематики речей, он мог быть двуязычным софистом, посвящая свои произведения Галлиену на латыни.

Евнапий сообщает, что Юлиан Каппадокийский «находился в цветущем возрасте»/«процветал» (ἤκμαζεν) во времена Эдесия (Eunap. V. soph. 482) – каппадокийского, а затем пергамского философа-неплатоника конца III – 1-й половины IV в. [Лосев, 2000, с. 407], то есть был его современником и земляком. Глагол ἀκμάζω – «процветать» – обозначает период расцвета, пору середину лета [Греческо-русский, 1899, с. 40]. Этот глагол может соответствовать теории возрастов, разработанной древнегреческими философами [Казеннов, 2016, с. 133–145]. Согласно учению Пифагора о возрастах, человеческая жизнь делится на 4 периода: мальчик – от 0 до 20 лет, юнец – от 20 до 40 лет, зрелый муж – от 40 до 60 лет, старец – от 60 до 80 лет. Эти периоды соразмерны временам года, на лето приходится период юнца (от 20 до 40 лет) (Diog. Laert. V. phil. 10). У Солона есть стихотворение о делении человеческой жизни на седмицы. В четвёртой седмице (21–28 лет) происходит расцвет телесной силы, а в седьмую седмицу (42–49 лет) – расцвет разума и речи (Solon. fr. 27).

То есть если принять эту теорию во внимание, то возраст Юлиана Каппадокийского на период деятельности Эдесия был примерно около 40 с небольшим лет. Можно допустить, что Юлиан был сверстником Эдесия. Время жизни последнего – также от второй половины III – до первой трети IV вв. Э. Уоттс датирует его смерть примерно началом 330-х годов, основываясь на том, что Либаний, приехавший в Афины в 336 г., уже не знал

⁵ Callinicus 2: PLRE. I. 174 [Prosopography, 1971, p. 174].

⁶ Callinicus qui et Suetorius 1: PLRE. I. 173–174 [Prosopography, 1971, p. 173–174].

Юлиана, а учился у его учеников [Watts, 2006, p. 51]. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что Юлиан был «процветающим» в начале IV века, достигнув старости к 330-м годам, что позволяет определить дату его рождения примерно в 250–270-е годы, мы принимаем 260-е годы как средние. Тогда он вполне мог быть младшим современником софиста Каллиника из Петры, который был достаточно знаменит, живя и преподавая во 2-й половине III в., и именно о нём слышал Либаний. Ведь предположение о двух известных афинских софистах на кратком промежутке времени маловероятно. Тем более что Либаний говорит о Каллинике в общем и нарицательном смысле, а именно следующее: его друг каппадокийский ритор Ясион слышал от людей более старшего поколения об Афинах, Каллиниках, Трептолемах и немалом числе других софистов, мощи их речей и риторических состязаниях там (Liban. Or. I.11). Это косвенно подтверждается и «Судой», где есть только одна статья о Каллинике, так что логично предположить, что именно его подразумевают авторы в статье о Юлиане.

Дополнительным свидетельством об этом является автобиографическая информация самого Евнапия о возрасте Проэресия, являвшегося лучшим учеником Юлиана. Евнапий сообщает, что сам он прибыл в Афины обучаться в возрасте 16 лет, когда Проэресию было 87 лет. Это было время правления императора Юлиана II Отступника, то есть 361–363 годы (Eunap. V. soph. 485, 493). Соответственно, дату рождения Евнапия определяют как 347–349 годы [Treadgold, 2007, p. 81; Ведешкин, 2021, с. 326–341]. Проэресий же родился в 274–276 гг. Сам он прибыл в Афины к процветающему Юлиану примерно в возрасте 20 лет, что дает примерное время расцвета деятельности Юлиана Каппадокийского в конце III – начале IV века и вышеуказанную дату его рождения.

Всё это позволяет предположить, что Юлиан Каппадокийский был младшим современником и стал наследником в Афинах софиста Каллиника, хотя вряд ли являлся его учеником (иначе в «Суде» бы его упомянули в этом качестве).

Сам Юлиан, как уже сказано, происходил из Кесарии Каппадокийской, вероятно, из знатной семьи. Он носил латинское имя Юлиан (Julianus), а его отца звали также латинским именем Домн (Domnus). О других родственниках, кроме отца, неизвестно. Это указывает, как и в случае с Каллиником, на латинское происхождение его семьи. Это могли быть римские чиновники, отправленные в Каппадокию для управления местными делами провинции. Учитывая, что Юлиану дали такое имя, он рос в латиноязычной среде. Поэтому можно предположить, что, помимо греческого образования, он посещал латинскую школу. Такие школы были в Кесарии Каппадокийской. Писатель 1-й половины VI века Иоанн Лид сообщает о префекте претория Востока 2-й половины V века Константине, происходившем из этого же города (Кесария, или Мзака), который был отлично образован в «мудрости италийцев» (Lyd. De mag. II.20), то есть имел хорошее латинское образование, полученное, вероятно, в местной латинской школе.

В целом Кесария Каппадокийская в IV веке была весьма процветающим городом, одним из центров классического образования и науки. Помимо Юлиана, именно из этого города происходили философ Эдесий, его младший родственник и однокашник ритор и философ Евстафий, который считался одним из лучших по красноречию среди всех современников. Евстафий вместе с Эдесием был слушателем школы знаменитого неоплатоника III–IV вв. Ямвлиха (Eunap. V. soph. 458–474) [Болгова, 2018].

Возможно, софист Юлиан был лично знаком со своими земляками-философами. Исследователи даже полагают, что Юлиан и сам принадлежал к кругу Ямвлиха, приписывая его авторству ряд писем, относимых к его тезке императору Юлиану II⁷. Учитывая языческое окружение и современников-земляков, сам Юлиан Каппадокийский мог быть язычником, но конкретных данных об этом нет.

⁷ Iulianus 5: PLRE. I. 469 [Prosopography, 1971, p. 469].

Согласно «Суде», выходцем из Кесарии Каппадокийской был также лучший и самый любимый ученик Юлиана Каппадокийского, знаменитый ритор Проэресий (Suid. П 2375), однако Евнапий, знавший Проэресия лично, дает более точную информацию, что Проэресий происходил из Армении, а затем отправился учиться в Антиохию Сирийскую (Eunap. V. soph. 487). Не исключено, что Кесария Каппадокийская была промежуточным пунктом обучения Проэресия между своей родиной, а затем Антиохией и Афинами. Это был один из важных пунктов для армян, одна из базовых точек, через которую они взаимодействовали с Римской империей. Именно в Кесарии Каппадокийской родился и был воспитан знаменитый армянский святой, первый католикос Армении св. Григорий Просветитель, заложивший основы армянской христианской Церкви и распространявший христианское просвещение (Mos. Chor. Hist. Arm. II. 80). Туда же ездил и прапраправнук армянского святителя католикос Армении IV века Нерсес Великий, внесший огромный вклад в просвещение своей страны (Mos. Chor. Hist. Arm. III. 20, 47).

Получил образование в регионе, хотя и в зрелом возрасте, вышеупомянутый каппадокийский ритор Ясион, друг Либания (Liban. Or. I.11). Там же, в Кесарии, начинало свой путь более младшее поколение каппадокийских интеллектуалов – «Великие каппадокийцы»: св. Григорий Назианзин, св. Василий Великий и его младший брат св. Григорий Нисский. Истоки блестящего риторического образования «Великих каппадокийцев» были заложены ещё на родине, в Кесарии Каппадокийской. Отец св. Василия и Григория Нисского Василий был известным ритором и юристом, в историографии он обозначается как Василий Старший. Вероятно, у него была школа. Он заложил основы христианского воспитания и классического образования своим детям [Keenan, 1950, p. 167–207]. Св. Григорий Богослов в «Надгробном слове» своему другу св. Василию сообщает, что именно родной отец первоначально обучал того наукам (Greg. Or. 43). Если св. Григорий Назианзин и св. Василий Великий обучались в различных образовательных центрах Римской империи, главным образом в Афинах (они там обучались с 351 по 356 гг.), то св. Григорий Нисский получил классическое образование дома под руководством своего отца и старшего брата. Тем не менее он не уступал ни в чем своим старшим товарищам в области риторики [Mer-edith, 2000, p. 114–115]. Исследователи полагают, что св. Григорий Нисский в Кесарии Каппадокийской изучил классическую литературу, философию (он знал Аристотеля, Платона, стоиков и других философов) и, возможно, медицину, демонстрируя глубокие знания в этой области [Brill, 2010, p. 104–105]. Для такой подготовки нужна была база. Эти предметы он мог изучить в местных школах, в частности в школе своего отца.

Однако Кесария Каппадокийская всё же оставалась провинциальным образовательным центром, в частности, св. Григорий Богослов Назианзин сообщает, что св. Василий для продолжения образования отправился в Кесарию Палестинскую, «когда довольно приобрёл здешней учености». Кесарию Палестинскую святитель называет «митрополией наук», в отличие от столицы родной провинции (Greg. Or. 43). Там же учился и сам св. Григорий перед поступлением в афинскую школу, о чем сообщает знаменитый христианский интеллектуал второй половины IV в. св. Иероним Стридонский в работе «О знаменитых мужах» (Hier. De vir. ill. 113). Равно св. Василий в бытность епископом посылал талантливых молодых людей из Каппадокии для улучшения образования к своему антиохийскому учителю Либанию, а тот в шуточной форме критиковал их местный провинциальный говор, обещая его улучшить (Liban. Ep. ad Bas. 2). Все же это не отменяет факта того, что Кесария Каппадокийская была тем интеллектуальным центром, где в IV веке развивались как риторика, так и античная философия, а в связи с деятельностью «Великих каппадокийцев» – еще и христианская теология.

В то же время латинское образование в Восточной Римской империи могли позволить себе состоятельные люди. Именно такое образование имел Иоанн Лид [Maas, 1992, p. 25]. Если наша гипотеза верна, а Юлиан Каппадокийский знал не только греческий, но и латинский язык, то его родители были не только знатными, но и весьма состоятельными

людьми. О том, что Юлиан знал латынь, прямых свидетельств нет, тем не менее косвенная информация из работы Евнапия может указывать на то, что он не только знал, но и преподавал латинскую риторику в Афинах наравне с латинской. В частности, его ученик Прозерсий участвовал в судебном заседании по дракам между студентами двух школ на стороне школы своего учителя как ответчика настолько успешно, что ему аплодировал римский проконсул в Афинах, сидевший в тоге, будучи восхищенным логикой и убедительностью его аргументов, а также складностью и благозвучием речи. А Юлиан плакал, слушая своего ученика (Eunap. V. soph. 484–485). Оппоненты не смогли выдвинуть оратора из учеников без подготовки. Возможно, они просто не владели судебной риторикой, а само заседание велось на греческом.

Также Евнапий сообщает, что Прозерсием восхищался император Констант, вызвавший его в Галлию и сделавший его сотрапезником из восхищения к его искусству. В Риме в честь Прозерсия поставили статую. Возможно, это указывает, что ритор произносил речи на латыни. Хотя в то же время Евнапий делает оговорку, что местные люди в Галлии не всегда понимали его, это может означать, что речи все-таки были на греческом (Eunap. V. soph. 492).

О билингвическом характере школы Юлиана может свидетельствовать и наличие у него еще одного ученика – Тускиана Лидийского, являвшегося источником Евнапия, который считался вторым по таланту после Прозерсия и мог занять его место, если бы того не было (Eunap. V. soph. 483, 484, 488). Тускиан, так же как и Юлиан, носил латинское имя и мог быть выходцем из латиноязычной семьи. Его могла привлечь билингвическая школа Юлиана в Афинах. О некоем Тускиане Фригийском, современнике Прозерсия, постоянно критиковавшем Либания, упоминается в «Суде», где также говорится, что Либания император Юлиан Отступник противопоставлял Прозерсию (Suid. Λ 486). Это мог быть тот самый Тускиан, который защищал честь своего выдающегося однокашника, чувствуя конкуренцию со стороны набирающего силу молодого Либания. Однако исследователей смущает различие в месте происхождения у личностей, упомянутых Евнапием и в «Суде». Евнапий, являвшийся земляком Тускиана (и, видимо, поэтому с ним непосредственно общавшийся), не мог перепутать его родину, хотя такая ошибка могла закрасться в «Суду». Кембриджские историки выдвигают компромиссную версию, что Тускиан мог родиться в Лидии, а преподавать во Фригии ⁸.

Также известен и еще один Тускиан из Фригии, который занимал пост ассессора (помощника) у префекта претория Иллирика Анатолия в 357–358 г., будучи им специально вызван, а до этого – гражданский пост во Фригии ⁹. Однако этот Тускиан был другом Либания, который его рекомендовал префекту претория Иллирика Анатолию (357–360) ¹⁰. Об этом Анатолии сообщает Евнапий, что он восхищался риторикой, а будучи префектом Иллирика, устроил состязание в Афинах, выделив огромные средства победителю. Он преклонялся перед талантом Прозерсия (Eunap. V. soph. 490–491). Иллирик был латиноязычной провинцией [Болгов, 2013], для участия в тамошнем управлении необходимо было владеть латинским языком. Впрочем, кажется, что, скорее, это другой Тускиан, более молодой, так как ученику Юлиана Каппадокийского на тот момент должно быть около 80 лет, как и Прозерсию, да и странно было бы, если бы более молодой Либаний, враждебный ему, его рекомендовал.

Основная информация о Юлиане Каппадокийском у Евнапия относится к афинскому периоду деятельности, где у него была софистическая школа. Евнапий сообщает, что талантами софист намного превосходил всех остальных афинских риторов того времени, среди которых называет Епаграфа и Апсина Лакедемонского, прославившегося как учи-

⁸ Tuscianus 1: PLRE. I. 926 [Prosopography, 1971, p. 926].

⁹ Tuscianus 2: PLRE. I. 926 [Prosopography, 1971, p. 926].

¹⁰ Anatolius 3: PLRE. I. 59–60 [Prosopography, 1971, p. 59–60].

тель риторики. Евнапий говорит, что в Афинах Юлиан был словно тиран, все ученики стекались в его школу отовсюду (Eunap. V. soph. 482–483). Это могло нарушать корпоративные принципы распределения учеников, о чем пишет Э. Уоттс, и приводить к тому, что против влиятельного учителя-монополиста ополчалась вся корпорация [Whatts, 2006, p. 57–58]. Именно это могло стать причиной вражды между школой Юлиана и школой Апсина, вылившейся в массовую драку учеников и судебное разбирательство с участием проконсула, где и взошла звезда Прозересия. По итогам этого побоища учеников обоих школ вместе с учителями поместили в тюрьму и даже наложили оковы по римским законам (Eunap. V. soph. 483–485). Э. Уоттс считает, что на тот момент Прозересий был помощником, или *hetairoi* Юлиана, аналогично афинянину Фемистоклу, который был помощником Апсина [Whatts, 2006, p. 54–55].

Евнапий также перечисляет других учеников Юлиана Каппадокийского (Eunap. V. soph. 482–483). Всего в числе учеников софиста называются следующие: Прозересий, которого он считал лучшим, Гефестион, друг и земляк Прозересия, с которым они вместе приехали в Афины и поступили в школу Юлиана, а затем делили комнату и даже одежду вследствие бедности, а также Епифаний из Сирии, Диофант Араб и Тускиан. Из них Прозересий, Гефестион, Епифаний и Диофант были назначены на риторические кафедры в Афинах впоследствии, будучи главами наиболее известных школ вместе с Сополлидом и Парнасием, выходцами из простонародья, которые по таланту им серьезно уступали. Гефестион по внушению Прозересия оставил преподавательскую деятельность, уйдя в уединение.

Распределение учеников было поделено между риториками по регионам: Прозересий контролировал Понт, Малую Азию и Египет, Епифаний – Восток, Диофант – Аравию, школы Парнасия и Сополлида посещали местные уроженцы, так как, по словам Евнапия, «их власть стала ограничиваться стенами комнат, где они преподавали, и кафедрой, на которой они сидели» (Eunap. V. soph. 487–488).

Диофант пережил Прозересия и прочитал надгробную речь на его похоронах, сам скончавшись еще более глубоким старцем. Несмотря на то, что он не был самым лучшим оратором, после себя он оставил неплохое состояние, так как после его смерти у него осталось двое сыновей, которые посвятили себя деньгам и роскоши (Eunap. V. soph. 494). Из этого можно сделать косвенный вывод, что его учитель Юлиан Каппадокийский был еще более богат, являясь лучшим софистом своего времени и скопив огромное состояние.

Юлиан Каппадокийский имел собственный дом в Афинах, скромный по размерам и убранству, но, по словам Евнапия, лично его посещавшего впоследствии, «проникнутый духом Гермеса и муз». Эти божества считались покровителями красноречия. Косвенно это может также указывать на то, что Юлиан был язычником. Там располагалась его школа. В доме был расположен небольшой амфитеатр под размеры дома, где ритор и вел занятия, делая выступления. Это было связано с тем, что софисты и риторы не могли выступать публично из-за массовых драк между учениками разных школ, возникавших при этом (Eunap. V. soph. 483). Возможно, запрет на публичные речи был законодательным, так администрация города обеспечивала безопасность и общественный порядок. Р. Крибиоре, анализируя и обобщая информацию об убранстве риторических домов из письменных и археологических источников, приходит к выводу, что комнаты были проникнуты античным антуражем, который настраивал учеников на нужный лад и погружение в классическую эпоху. Там размещались многочисленные скульптуры и бюсты античных божеств, знаменитых ораторов, философов и поэтов, политических деятелей, иногда современных риторам и прославившихся учеников, также там были колонны и перистилы с небольшими двориками и садиками. Не обходились комнаты и без мозаичных изображений. Также при каждом таком доме состояла библиотека с классической литературой, произведениями поэтов, философов, риторам, историков [Cribiore, 2007, p. 43–47].

У Юлиана также в доме стояли статуи его лучших учеников. Софист перед смертью завещал этот дом своему любимому ученику Проэресию. Это указывает на то, что семьи у Юлиана Каппадокийского не было. К Проэресию он был расположен душой, любил слушать его речи и восхищался его душевным величием. Возможно, это было связано и с земляческими связями: хотя Проэресий вряд ли происходил из Кесарии Каппадокийской, он мог иметь там родственников. Проэресий жил в бытность учеником в крайней бедности, как уже говорилось, живя в одной комнате с Гефестионом и имея общие с ним 3–4 коврика и одежду (гиматий и трибон), так что не исключено, что Юлиан помогал ему материально (Eunap. V. soph. 483, 487). Вместе с домом Юлиан мог завещать Проэресию и все огромное состояние, которое он накопил в ходе преподавательской деятельности.

Из данных Евнапия можно реконструировать характер и образование Юлиана. По характеру он был мягок и добр, к проконсулу он обращался тихим и учтивым голосом с просьбой позволить выступить. Он хорошо относился к ученикам, очень любил их. Также он был щедр к ученикам, оставил весь свой дом в наследство Проэресию. Он был также весьма эмоционален: услышав речь Проэресия в суде, он заплакал. Его доброта и мягкость могли быть еще одним фактором, который привлекал к нему учеников. Помимо выдающейся подготовки в риторике Юлиан был знаком и с философскими учениями, а также в целом с классической культурой. Обладал он и хорошим чувством юмора. Он изящно высмеял своего оппонента Апсина и его учеников на суде, сравнив их молчание и беспомощность с Пифагором и его школой молчания, показав эрудицию в вопросе методик пифагорейской школы (Eunap. V. soph. 482–485). Согласно нашей гипотезе, Юлиан владел латинским языком.

Юлиан Каппадокийский скончался в Афинах, широко почитаемый и оплакиваемый. На его похоронах риторы соревновались в эпитафиях (Eunap. V. soph. 485). Как сказано выше, дата смерти варьируется от начала 330-х годов до 340 г. Нами принимается более ранняя дата. После смерти Юлиана за его кафедру развернулась серьезная борьба. По свидетельству Евнапия, из претендентов на кафедру собралась толпа, не поддающаяся никакому описанию. Были избраны несколько риторов, как указано выше, большинство мест заняли ученики Юлиана (Eunap. V. soph. 487). Учитывая, что именно Проэресию Юлиан завещал свой дом, предполагается, что именно его софист выбрал своим преемником. Также учитывая региональный принцип распределения учеников, в зависимости от происхождения, как сказано выше, Проэресий оказался непосредственным преемником Юлиана и по региону влияния – Малая Азия.

Заключение

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать некоторые выводы. Софист Юлиан Каппадокийский жил во 2-й половине III – 1-й половине IV в., он происходил из Кесарии Каппадокийской, вероятно, из семьи богатых римских чиновников, принадлежащих к социальной верхушке. Дата его рождения – примерно 260-е гг. В Кесарии Каппадокийской он получил хорошее образование, вероятно, включавшее латинский язык. Кесария Каппадокийская была в IV в. достаточно развитым интеллектуальным центром, где существовали риторические и философские школы. Помимо блестящего риторического образования, Юлиан был знаком и с античной философией.

Он мог быть младшим современником известного афинского ритора III в. Каллиника, хотя не был его учеником. После смерти Каллиника именно софистическая (риторическая) школа Юлиана Каппадокийского стала самой сильной и престижной в Афинах. Не исключено, что она включала не только греческую риторику, но и подготовку в латинской судебной риторике, что видно по подготовке лучшего ученика Юлиана – Проэресия. Римское происхождение Юлиана и вероятный билингвистический характер школы оказали

влияние на её известность на Западе империи, в частности через деятельность Прозересия и привлечения других римлян на Востоке, например, Тускиана.

Школа Юлиана была очень знаменитой и в целом имела многочисленные социальные связи. Туда стремились попасть со всех концов империи. В Кесарии Каппадокийской Юлиан мог приобрести связи с неоплатоническими кругами школы Ямвлиха, своими земляками Эдесием и Евстафием. Исходя из косвенных данных, весьма вероятно, что он был язычником, хотя в источниках это прямо не отражено. Возможно, дружеские связи могли быть между Юлианом и антиохийским схолярхом и софистом Ульпианом, который мог послать к Юлиану не только своего сына Епифания, но и учеников Прозересия и Гестифона. А к Епифанию мог отправиться и молодой Либаний.

По характеру Юлиан был мягок и добр, но к нему все стремились попасть, так что метафорично Евнапий его называет «тираном» как интеллектуального владыку Афин. В материальном плане он был очень обеспечен и богат. В Афинах у него был собственный дом-школа, где он вел преподавание. Его лучшим учеником был Прозересий, которому он и завещал свое имущество.

Его смерть приблизительно в 330-е годы была большим потрясением для города, его многочисленные ученики соревновались в эпитафиях учителю, а на его кафедру была целая толпа претендентов. Его школа была очень плодотворна, именно его ученики заняли ведущие кафедры в Афинах и определяли интеллектуальное лицо города в 1-й половине – середине IV в.

Лучшим учеником Юлиана Каппадокийского стал Прозересий, который считается самым сильным афинским софистом IV в.

В целом Юлиан Каппадокийский создал мощнейшую школу, которая пользовалась известностью как на Востоке, так и на Западе империи.

Список литературы

- Болгов К.Н. 2013. Латинский сегмент культуры Ранней Византии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Белгород, 26.
- Болгова А.М. 2018. Ямвлих – схолярх Апамейской школы. В: Вестник Нижневартковского государственного университета. 1: 70–79.
- Ведешкин М.А. 2021. Когда Евнапий писал свои школьные биографии? К вопросу о датировке «Vitae sophistarum». В: Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 15. Вып. 1: 326–341.
- Греческо-русский словарь. 1899. Сост. А.Д. Вейсман. СПб., авторское изд-е, 1371.
- Диоген Лаэртский. 1986. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Ред. А.Ф. Лосев. М., Мысль, 571.
- Евнапий. 1997. Жизни философов и софистов. В кн.: Римские историки IV века. М., РОССПЭН, 225–296.
- Иероним Стридонский. 2007. Книга о знаменитых мужах. Пер. с лат. М.Ф. Высокого. В кн.: Церковные историки IV–V веков. М., Росспэн, 11–57.
- Казеннов А.С. 2016. Преимственность периодов жизни индивида и человеческого рода. В: Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 3: 133–145.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики. В 8 т. Т. VII. Последние века. Кн. I. Харьков, Фолио; М., АСТ, 512.
- Мовсес Хоренаци. 1990. История Армении. В 3 кн. Пер. с древнеарм., введ. и прим. Г. Саркисяна. Ред. С. Аревшатян. Ереван, Айастан, 291.
- Речи Либания. 2014, В 2 т. Т. 1. Под ред. М.Ф. Высокого. Пер. с древнегреч. С.П. Шестакова. СПб., Квадривиум, 762.
- Св. Григорий Богослов. 1912. Слово 43. Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской. В кн.: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 2 т. Т. 1. СПб., Изд-е П.П. Сойкина, 602–655.
- Сократ Схоластик. 1996. Церковная история. Под ред. И.В. Кривушина. М., РОССПЭН, 368.

- Эрмий Созомен Саламанский. 1851. Церковная история. СПб., Тип. Фишера, 636.
- Criboire R. 2007. *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 360.
- Eunapii Sardiani. 1822. *Vitas Sophistarum et Fragmenta Historiarum*. Ed. J.F. Boissonade, D.A. Wyttenbach. Amsterdam, Petrum den Hengst et Filium, 685.
- Ioannes Lydus. 2013. *On the Powers or The Magistracies of the Roman State*. Ed. A. Bandy. Lewiston, New York, The Edwin Mellen Press, 363.
- Keenan M. 1950. *De Professione Christiana and De Perfectione: A Study of the Ascetical Doctrine of Saint Gregory of Nyssa*. In: *Dumbarton Oaks Papers*. № 5: 167–207.
- Maas M. 1992. *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian*. London, New York, Routledge, 201.
- Meredith A. 2000. *The Cappadocians*. Crestwood, New York, Vladimir's Seminary Press, 129.
- Suidae Lexicon. 1854. Ed. I. Bekker. Berlin, typis et impensis G. Reimeri, 1158.
- The Brill Dictionary of Gregory of Nyssa. 2010. Ed. L.F. Mateo-Seco, G. Maspero. Leiden; Boston, Brill, 811.
- The Prosopography of the Later Roman Empire. 1971. Vol. I: A. D. 260–395. Ed. A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Cambridge, Cambridge University Press, 1153.
- Treadgold W. 2007. *The Early Byzantine Historians*. London: Palgrave Macmillan, 431.
- Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.

References

- Bolgov K.N. 2013. *Latinskij segment kul'tury Rannej Vizantii [Latin segment of culture of Early Byzantium]*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Belgorod, 26.
- Bolgoва A.M. 2018. *Yamvliĥ – shkolarĥ Apamejskoj shkoly [Iamblichus – Scholarch of the Apamean School]*. In: *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]*. 1: 70–79.
- Vedeshkin M.A. 2021. *Kogda Evnapij pisal svoi shkol'nye biografii? K voprosu o datirovke «Vitae sophistarum» [When Evnapiy wrote his school biographies? To the question of dating «Vitae sophistarum»]*. In: *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya [Schole. Philosophical antiquity and classical tradition]*. Т. 15. Vyp. 1: 326–341.
- Grechesko-russkij slovar' [Greek-Russian dictionary]. 1899. Sost. A.D. Vejsman. SPb., avtorskoe izd-e, 1371.
- Diogen Laertsĥij. 1986. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov [About life, teachings and sentences of famous philosophers]*. Red. A.F. Losev. M., Mysl', 571.
- Evnapij. 1997. *Zhizni filosofov i sofistov [Жизни философов и софистов]*. In: *Rimskie istoriki IV veka [Roman historians of the 4th century]*. M., ROSSPEN, 225–296.
- Ieronim Stridonskij. 2007. *Kniga o znamenityh muzhah [Book of famous men]*. Per. s lat. M.F. Vysokogo. In: *Cerkovnye istoriki IV–V vekov [Church historians of the 4th – 5th centuries]*. M., Rosspen, 11–57.
- Kazennov A.S. 2016. *Preemstvennost' periodov zhizni individa i chelovecheskogo roda [Continuity of the periods of life of the individual and the human race]*. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin]*. 3: 133–145.
- Losev A.F. 2000. *Istoriya antichnoj estetiki [History of ancient aesthetics]*. V 8 t. T. VII. *Poslednie veka [Recent centuries]*. Kn. I. Har'kov, Folio; M., AST, 512.
- Movses Horenaci. 1990. *Istoriya Armenii [History of Armenia]*. V 3 kn. Per. s drevnearm., vved. i prim. G. Sarkisyana. Red. S. Arevshatyan. Erevan, Ajastan, 291.
- Rechi Libaniya [Speeches of Libanius]. 2014, V 2 t. T. 1. Pod red. M.F. Vysokogo. Per. s drevnegrech. S.P. Shestakova. SPb., Kvadrivium, 762.
- Sv. Grigorij Bogoslov. 1912. *Slovo 43. Nadgrobnoe Vasiliyu, arĥiepiskopu Kesarii Kappadokijskoj [Word 43. Gravestone of Basil, Archbishop of Caesarea Cappadocia]*. In: *Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Grigoriya Bogoslova, arĥiepiskopa Konstantinopol'skogo [Creations of our Father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]*. V 2 t. T. 1. SPb., Izd-e P.P. Sojkina, 602–655.

- Sokrat Skholastik. 1996. *Cerkovnaya istoriya* [Church history]. Pod red. I.V. Krivushina. M., ROSSPEN, 368.
- Ermij Sozomen Salamanskij. 1851. *Cerkovnaya istoriya* [Church history]. SPb., Tip. Fishera, 636.
- Cribiore R. 2007. *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 360.
- Eunapii Sardiani. 1822. *Vitas Sophistarum et Fragmenta Historiarum*. Ed. J.F. Boissonade, D.A. Wyttenbach. Amsterdam, Petrum den Hengst et Filium, 685.
- Ioannes Lydus. 2013. *On the Powers or The Magistracies of the Roman State*. Ed. A. Bandy. Lewiston, New York, The Edwin Mellen Press, 363.
- Keenan M. 1950. *De Professione Christiana and De Perfectione: A Study of the Ascetical Doctrine of Saint Gregory of Nyssa*. In: *Dumbarton Oaks Papers*. № 5: 167–207.
- Maas M. 1992. *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the Age of Justinian*. London, New York, Routledge, 201.
- Meredith A. 2000. *The Cappadocians*. Crestwood, New York, Vladimir's Seminary Press, 129.
- Suidae Lexicon. 1854. Ed. I. Bekker. Berlin, typis et impensis G. Reimeri, 1158.
- The Brill Dictionary of Gregory of Nyssa. 2010. Ed. L.F. Mateo-Seco, G. Maspero. Leiden; Boston, Brill, 811.
- The Prosopography of the Later Roman Empire. 1971. Vol. I: A. D. 260–395. Ed. A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Cambridge, Cambridge University Press, 1153.
- Treadgold W. 2007. *The Early Byzantine Historians*. London: Palgrave Macmillan, 431.
- Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.09.2022

Received 03.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6612-4191](https://orcid.org/0000-0002-6612-4191)

УДК 94(37).08

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-31-43

Оригинальное исследование

Коррупционные основания донатистского раскола в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина (по данным эпистолярного наследия Отца Церкви)

Сахаров С.А.

Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Аннотация. Отрицание коррупции является одной из опорных точек в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина. Отец Церкви осуждает взяточничество, продажность, подкупность, считая их первопричиной многих социальных проблем. Вместе с тем епископ Гиппона далек от упрощенного понимания рассматриваемого феномена исключительно как явления, связанного со злоупотреблением властью в корыстных целях. Коррупция являет для него социальную болезнь, разрушающую государство и общество, делающую невозможным их нормальное функционирование. Сказанное роднит концепцию Августина с современными трактовками, в которых коррупция обычно рассматривается в широком социальном и политическом контекстах. В свете сказанного неудивительно, что Отец Церкви акцентирует внимание на коррупционных предпосылках и основаниях донатистского раскола – явления, ознаменовавшего одну из наиболее драматичных страниц позднеримской истории. Стремясь к победе над своим идейным противником, Отец Церкви обвиняет донатистов в коррупционных связях, делая их едва ли не важнейшей причиной известных трагических событий. Яркая картина, изображающая широкий коррупционный контекст возникновения донатизма, представлена в эпистолярном наследии епископа Гиппона, которое и легло в основу представленного исследования.

Ключевые слова: Августин, эпистолярное наследие Августина, донатистский раскол, коррупция

Для цитирования: Сахаров С.А. 2023. Коррупционные основания донатистского раскола в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина (по данным эпистолярного наследия Отца Церкви). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 31–43. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-31-43

Corrupt Prerequisites for the Donatist Schism in the System of Socio-Political Orientations of St. Augustine (According to the Epistolary Heritage of the Father of the Church)

Stanislav S. Sakharov

Smolensk State University,
4 Przhevalskiy St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Abstract. The denial of corruption is one of the reference points in the system of social and political orientations of Augustine. The Father of the Church condemns bribery, venality, and corruptibility, considering them as the root cause of many social problems. At the same time, the Bishop of Hippo is far from a simplified understanding of the phenomenon solely as a phenomenon associated with the abuse of power for selfish purposes. Corruption is a social disease for him, destroying the state and society, making their proper functioning impossible. The foregoing makes Augustine's concept related to modern

interpretations, in which corruption is usually viewed in a wide social and political context. In light of this it is not surprising that the Father of the Church focuses on the corruption prerequisites and grounds for the Donatist schism, a phenomenon that marked one of the most dramatic pages in Late Roman History. In an effort to defeat his ideological opponent, the Father of the Church accuses the Donatists of corrupt ties, making them perhaps the most important cause of the well-known tragic events. A vivid picture depicting the broad corrupt context of the emergence of Donatism is presented in the epistolary heritage of the Bishop of Hippo, which formed the basis for the present study.

Keywords: Augustine, epistolary heritage of Augustine, Donatist schism, corruption

For citation: Sakharov S.S. 2023. Corrupt Prerequisites for the Donatist Schism in the System of Socio-Political Orientations of St. Augustine (According to the Epistolary Heritage of the Father of the Church). *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 31–43 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-31-43

Введение

Одной из важных опорных точек в системе политико-правовых ориентаций Аврелия Августина является неприятие коррупции, ставшей неизменной характерной чертой человеческого общества [Pinto, 2008, p. 685]. Данные источников позволяют обнаружить во взглядах великого Отца Церкви довольно широкое восприятие этой категории, созвучное во многом подходам, сложившимся в современной правовой теории. Последняя стоит на позициях понимания многоаспектности термина «коррупция», который может применяться к очень широкому спектру человеческого поведения и институтов, включая деловые и коммерческие операции, управление религиозными и коммерческими организациями и многое другое [LaPalombara, 1994, p. 325]. По словам Л. Хилль, коррупция не может рассматриваться исключительно в аспекте взяточничества. Ее следует понимать как своего рода «искажение сознания», вследствие которого человек делается неспособным совершать здравое суждение, а это, в свою очередь, заставляет его злоупотреблять своей общественной ролью и личными целями [Hill, 2013, p. 567–568]. Понимание коррупции Августином строится на ее аристотелевской трактовке как явления, обращенного к теме «нечистоты» [Ménissier, 2007, p. 12].

Неприятие коррупции, ставшей для Поздней Римской империи системной проблемой или, в определениях Дж. Кайдена, «образом», а не «фактом» жизни [Quah, 2009, p. 122], в системе политико-правовых ориентаций Августина обнаруживается в контексте его борьбы с донатистским расколом, ставшим, по словам П. Брауна, одной из наиболее драматичных страниц древней истории, отразивших среди прочего упадок римского могущества [Brown, 1961, p. 83–84]. Аврелий Августин решительно борется с тезисами раскола [Bels, 1975, p. 147], став в конечном итоге человеком, «устаами которого Господь даровал единство всей Африке» [Иеромонах Афанасий, 2021, с. 234]. Вступив в этот «спор целого века» [Nodes, 2009, p. 390], направив против донатистов все свое рвение, всю свою энергию, весь свой интеллект и мастерство политического борца [Whitehouse, 2016, p. 28], епископ Гиппона добился решительной перемены религиозно-политической ситуации в Африке [Иеромонах Афанасий, 2021, с. 234].

Стратегия Августина в его противостоянии с донатистами строилась на трех взаимосвязанных элементах. Во-первых, он стремился представить последних еретиками, а не просто раскольниками. Во-вторых, он использовал разногласия внутри «лагеря» своих противников. В-третьих, участвуя в памфлетных войнах [Nodes, 2009, p. 390], Отец Церкви прикладывает усилия к тому, чтобы показать донатистов врагами римского государства. Для этого он обращает внимание на социально-политические аспекты раскола, включая вооруженные столкновения [Whitehouse, 2016, p. 29]. Нам представляется, что эти же устремления заставляют епископа Гиппона выдвигать против донатистов среди прочих и коррупционные обвинения.

Объект и методы исследования

Определяя целью нашего исследования изучение отношения епископа Гиппона к коррупции в контексте его борьбы с донатистским расколом, в качестве основного источника мы избрали для себя эпистолярное наследие Отца Церкви. Для Августина и его современников письма, как известно, имели первостепенное значение, выступая зачастую единственным средством получения известности, доставки новостей, выполняя задачи наставничества и ободрения, поддержания коммуникации между церквями и отдельными людьми, нередко и выполняя функции открытых посланий [Flood, 1952, p. 196]. В целом, как отмечает Е.В. Литовченко, «литература и эпистелография конца IV – начала V вв. позволяет нам составить представление о мировоззрении людей эпохи «заката» Римской империи. Переписка проливает свет на настроения поздней западноримской аристократии, раскрывает мысли и чувства образованных представителей римского общества» [Литовченко, 2007, с. 32]. В данном контексте письма Августина имеют особое значение. Показывая епископа Гиппона как авторитетного человека, к которому обращаются за советами и поучениями [Литовченко, 2021, с. 539], они позволяют составить представления о его социально-политических, политико-правовых взглядах, обнаруживая в них и определенные противоречия. В отличие от крупных трактатов, таких, например, как «О граде Божьем», выполняющих по большей части философско-мировоззренческие задачи, в письмах внимание акцентируется на частных вопросах, занимавших сознание их автора в каждый конкретный момент жизни. Именно в этих посланиях наиболее полно раскрывается подлинное отношение мыслителя к вопросам актуальной повестки его времени.

Следовательно, методологическую основу настоящего исследования составляет анализ эпистолярного наследия Аврелия Августина, в котором коррупция в духе современных нам воззрений раскрывается как социальное явление, черта социальной организации [Трыканова, 2022, с. 167].

Результаты и их обсуждение

Донатизм как религиозно-политическое течение и донатистский раскол возникают в начале IV в. в Северной Африке, игравшей важную роль в экономике Поздней Римской империи. Африка была земледельческой провинцией, обеспечивающей продовольствием Рим и Италию [Beaver, 1935, p. 125]. Являясь экономически значимым регионом, Северная Африка оставила след в истории как родина великих мыслителей, среди которых Тертуллиан, Киприан, Арнобий, Лактанций, Опат, Викторин, Августин [Казаков, 2014, с. 46].

Для понимания причин и сущности донатистского раскола, активной правительственной деятельности по его искоренению необходимо учитывать исторические, социально-политические особенности региона, особенности царившей в нем духовно-нравственной атмосферы [Bels, 1975, p. 148]. Распространение оппозиционного христианского учения, превращение его за сравнительно короткий срок в хорошо организованное движение [Evers, 2011, p. 176] стало отражением настоящего «социально-экономического бунта» [Beaver, 1935, p. 123]. Поддержку донатизму в Северной Африке оказывала нищета местного населения, несчастья которого в глазах многих отождествлялись с римским государством и «официальной» церковью, ставшей со временем его олицетворением [Beaver, 1935, p. 124].

Неприятие и осуждение Августином коррупции как одна из опорных точек в системе его политико-правовых ориентаций наиболее полно обнаруживается в отношении Отца Церкви к событиям начала раскола.

В 303 г. в Африке стало известно об указе Диоклетиана, согласно которому христиане были обязаны выдать властям литургические сосуды и тексты Священного писания. В 304 г. появился еще один указ, потребовавший от христиан совершить символические жертвоприношения в знак преданности императорам и богам традиционного римского культа [Иеромонах Афанасий, 2018, с. 108]. Эта политика, обнаружив наибольшие труд-

ности в своей реализации именно в Северной Африке [Beaver, 1935, p. 123], тем не менее дала свои результаты. Привыкнув к атмосфере относительного спокойствия и оказавшись неподготовленными к начавшимся трудностям, люди, движимые инстинктом самосохранения, предпочитали либо отречься от христианского вероучения, либо, по крайней мере временно, создать видимость этого отречения [Bels, 1975, p. 148]. В итоге многие клирики, в том числе епископы, совершают отступничество в форме «traditio», выдавая чиновникам для сожжения тексты Священного Писания. Некоторые, пользуясь недобросовестностью ответственных за изъятие книг должностных лиц, выдавали тексты, не имеющие отношения к христианству, либо еретические документы [Мамонтов, 2019, с. 10]. Именно так поступили епископ Карфагена Мензурий и его преемник Цецилиан, будучи сторонниками «умеренности» в реакции на политику Диоклетиана.

Однако эта «умеренность» Цецилиана и его предшественника нравилась отнюдь не всем. Она была неприемлема для части духовенства и жителей Карфагена, что обуславливает возникновение внутренней оппозиции [Evers, 2011, p. 184].

Ситуация обострилась после смерти епископа Карфагена Мензурия в связи с избранием в качестве его преемника Цецилиана. Около семидесяти «недовольных» епископов собрали собор, в ходе которого выдвинули против нового епископа как минимум два обвинения: в том, что он совершил «traditio» (причастен к выдаче книг властям в период диоклетианова гонения) и рукоположен в сан такими же «отступниками» («a traditoribus») [Мамонтов, 2019, с. 11], что делало его в глазах части духовенства и горожан «незаконным» епископом; и в том, что он не давал приносить пищу в темницу к мученикам [Мамонтов, 2019, с. 11]: согласно заявленному в ходе собора обвинению, епископ Мензурий и его дьякон Цецилиан послали собственную охрану, чтобы следить за воротами тюрьмы, дабы не допустить туда кого-либо с провизией для заключенных [Evers, 2011, p. 184]. Обвинения в «коллорабационизме» [Иеромонах Афанасий, 2018, с. 108] кончились лишением Цецилиана епископского достоинства и отлучением от церкви, хотя последнее явно вступало в противоречие с установкой нового императора. Как пишет А. Эверс, Константин не только распорядился вернуть церкви имущество, отнятое у нее в период гонения, но и официально признал Цецилиана единственным законным епископом Карфагена, пожертвовав ему значительную сумму из доходов императорских поместий в африканских провинциях [Evers, 2011, p. 186–187]. Вместо Цецилиана собор избрал епископом чтеца Майорина, состоявшего в услужении богатой женщины Лусиллы [Whitehouse, 2016, p. 23]. Сторонников нового епископа стали называть «pars Maiorini», а позднее – по имени следующего епископа Доната, «pars Donati», или «donatistae» – донатисты [Мамонтов, 2019, с. 12].

Оценка роли Лусиллы, действия которой епископ Гиппона и, к примеру, Опат считают одной из причин раскола [Dalvit, 2013, p. 180], просуществовавшего, по словам П. Брауна, до тех пор, пока само христианство не исчезло из Африки [Brown, 1961, p. 83], становится первой опорной точкой в демонстрации Августином отвержения коррупционных связей. В связи с именем Лусиллы в письме, датированном 397 г., содержатся прямые обвинения в адрес донатистов в продажности, подкупности. Оправдывая тактику Цецилиана, не явившегося на «раскольнический собор», епископ Гиппона отмечает, что Цецилиан не мог позволить судить себя людям, «которыми тогда обладала некая Лусилла – очень богатая женщина, которую он обидел»¹¹ [Ep. 43, 17] и «которые, как говорят, были подкуплены и

¹¹ Как пишет А. Эверс, Лусилла не смогла вынести порицания бывшего тогда дьяконом Цецилиана, основанием к каковому послужило следующее обстоятельство: перед принятием причастия она целовала кость кого-либо из «мучеников» (из числа жертв гонения), и в силу того, что отдавала предпочтение «мертвецу» перед «спасительной чашей», Лусилла получила упрек и ушла в «гневно унижении» [Evers, 2011, p. 184]. Устраивая собрания раскольников у себя в поместье [Maier, 1995, p. 52] и организовав против нового епископа целую «партию» [Bels, 1975, p. 149], Лусилла, по версии Августина, жертвует значительную сумму денег, на которые и были подкуплены участники собора, проголосовавшие за смещение Цецилиана и избрание ее любимца – Майорина.

специально подстрекаемы ... (против него – *прим. авт.*) ... деньгами Лусиллы» [Ер. 43, 17]. Заявленного факта подкупа для Отца Церкви достаточно, чтобы «не придавать значения собору Секунда из Тигизи, который Лусилла возбудила против Цецилиана» [Ер. 43, 26].

Таким образом, называя сатану «зачинщиком» поступков донатистов [Bels, 1975, p. 166], Аврелий Августин прямо связывает с возникновением донатистского раскола факты подкупа и подкупности, злоупотребления иерархами церкви своей властью в связи с получением материальных выгод. Категории подкупа и подкупности в названном контексте рассматриваются им исключительно в негативном ключе как причина нарушения религиозного единства.

Эпистолярное наследие Аврелия Августина хранит яркое описание еще одного эпизода, отражающего его негативно-критическое отношение к использованию денег в целях подкупа. Около 399–400 гг. Августин приглашает к обмену письмами Криспина – донатистского епископа Каламы [Мамонтов, 2016, с. 695]. В контексте нашей работы значимым представляется письмо 402 г.: «... я могу сделать так, – пишет епископ Гиппона, – чтобы ты заплатил, согласно императорскому закону, десять фунтов золота в качестве наказания за ... возмущение. Возможно, ты не сможешь заплатить штраф, наложенный на тех, кто повторно крестит членов церкви, будучи вовлечен в большие расходы, подкупая людей, которых ты таким образом хотел заставить подчиниться вашему обряду. (...) Я хотел бы знать, какой ответ ты бы дал (Христу – *прим. авт.*), если бы он спросил тебя: «Криспин, высока ли цена, которую ты уплатил, чтобы купить страх малланийского крестьянства, и является ли моя смерть, цена, которую я заплатил во имя любви ко всем народам, малой ...? Были ли деньги, отсчитанные из твоего кошелька ..., более дорогой жертвой, чем моя кровь, которая текла во искупление грехов народов, во имя их крещения?» [Ер. 66, 1].

Этим письмом, содержащим порицание в адрес Криспина за обращение крестьян на выкупленной им земле [Мамонтов, 2016, с. 695], Отец Церкви со свойственной ему эмоциональностью еще более ярко и однозначно по сравнению с предыдущими фрагментами свидетельствует свое неприятие использования денег и подкупа в качестве средства достижения религиозно-политических целей. Причем в данном конкретном фрагменте это неприятие облекается в форму религиозно-философского рассуждения, имеющего очевидную морализаторскую окраску, что свойственно для современных подходов к феномену коррупции [Ардельянова, 2013, с. 86]. Для Августина, таким образом, использование денег и подкуп стоят в одном ряду с нарушением церковного единства¹².

Как нами было отмечено ранее, наряду с прямым осуждением подкупа, продажности и иных категорий, обычно ассоциируемых с коррупцией, в мировоззрении Аврелия Августина можно обнаружить черты более широкого понимания рассматриваемого феномена. В связи с обвинениями в подкупе Отец Церкви затрагивает тему некой «порчи», разрушения социального порядка, установленных требований социально-одобряемого поведения, даже действия правовых норм и соблюдения формальных процедур. Такой подход не является новым и не являлся таковым для эпохи Августина. Уже физики Древней Греции обнаруживали понимание коррупции как неизбежного изменения живых существ, два из фундаментальных качеств которых образуют «становление» и «порча» [Ménissier, 2007, p. 11].

Рассуждения подобного рода мы вновь встречаем в описании епископом Гиппона событий начала донатистского раскола, а именно – в описании того самого собора, на котором Цецилиан был лишен епископского достоинства. Августин в уже цитированном письме 397 г. очень обстоятельно и подробно формулирует целый ряд «нарушений», имевших место при рассмотрении обвинений против Цецилиана и его соратников, которые опять-таки были порождены, по мнению Отца Церкви, личной заинтересованностью

¹² Впоследствии в 403–404 гг. Посидий Каламский выдвигает против Криспина обвинение в ереси, что позволит применить против него антиеретические законы, существовавшие в империи [Whitehouse, 2016, p. 29].

отдельных лиц. Эти «нарушения» таковы: во-первых, обвинения были рассмотрены в отсутствие обвиняемых [Ер. 43, 3; 43, 6; 43, 10]; во-вторых, обвинения рассматривались лицами, которые ранее сами признали свою вину в тех же «преступлениях», которые теперь вменялись Цецилиану [Ер. 43, 3; 43, 6; 43, 10]; в-третьих, лица, рассматривавшие обвинения, находились под влиянием «завистливых и злых людей», которые специально «подстрекали» их против епископа Карфагена [Ер. 43, 3]; в-четвертых, участники собора имели своего рода «конфликт интересов»: будучи сами виновны в деяниях, которые теперь ставились в вину Цецилиану, они были готовы охотно вступить в «делку» с инициаторами собора, желая таким путем отвести обвинения от себя [Ер. 43, 10]. Перечисленные «нарушения» дают Августину основания отказать в признании решениям, принятым собором, и, соответственно, считать ничтожными их последствия [Ер. 43, 26].

Эти вполне очевидные процедурные огрехи в проведении собора для Отца Церкви оказываются однопорядковыми явлениями с фактами подкупа его участников. По сути дела, они являются следствием даже не столько религиозных разногласий, порожденных гонением Диоклетиана, сколько личными интересами, страхами, обидами и эмоциями лиц, ставших вольными или невольными участниками произошедших драматических событий. Иными словами, Аврелий Августин, наряду с фактами прямого подкупа, обнаруживает неприятие нарушения установленных правил, рассматривая таковые как проявления нарушения социального порядка, его разрушения.

Однако в связи с приведенными рассуждениями взгляд невольно устремляется на некоторые противоречия или даже «двойные стандарты», которые обнаруживаются в образе действий и мыслей Августина. Мы усматриваем как минимум два таких противоречия. Первое из них связано с отношением Отца Церкви к отказу Цецилиана от участия в осудившем его соборе, контрастирующим с религиозно-политической и правовой ситуацией 411–412 гг., когда место Цецилиана де-факто заняли донатистские епископы и в создании которой епископ Гиппона принял самое непосредственное участие. Второе противоречие обнаруживается в связи с резким осуждением Августином уже упомянутых нами выше процедурных нарушений в ходе собора, лишившего сана Цецилиана, и реалиями собора 411 г., изобилующего не менее серьезными огрехами в организации и проведении, которые, видимо, не вызывают у него возражений.

Таким образом, дальнейший ход повествования отсылает нас к сравнению двух церковных соборов, отделенных друг от друга столетием. Один из них, произошедший в начале IV столетия, положил начало донатистскому расколу. Другой, состоявшийся в начале V в., должен был с этим расколом покончить.

О событиях первого собора нам уже хорошо известно из сообщений самого Августина. Более того, о ранней истории донатизма нам как раз и известно почти исключительно из документов, цитируемых церковными авторами – Августином, Оптатом, Евсевием [Evers, 2011, p. 176]. В этом существует известная проблема, ибо в изложении и подборе фактов указанными авторами неизбежно будет присутствовать определенная мера тенденциозности.

На событиях же начала V в. стоит остановиться несколько подробнее. Церковный собор, или, как его часто называют в научной литературе, конференция 411 г., стал результатом борьбы с донатистами, которая берет свои истоки сразу же после возникновения раскола.

Начало противостояния относится ко времени императора Константина, который, придя к власти в разгар гонения и неожиданно поддержав христиан, «совершил своеобразный «переворот» в духовной жизни поздней античности» [Мамонтов, 2019, с. 9]. После же обращения Константина в 312 г. римские императоры считали себя единственной силой, способной обеспечить единство христианской церкви в пределах «христианской» империи, что демонстративно отвергали донатисты в Африке и, например, копты в Египте [Brown, 1961, p. 84]. Наиболее полно названная линия обнаруживается в деяниях импера-

тора Гонория, который, созывая в 411 г. конференцию епископов для решения проблемы раскола, говорил, что донатисты «обесцветили» Африку – «самую большую часть наших владений ..., верно следующую за нами во всех светских обязательствах..., напрасным заблуждением и излишним раздором» [Brown, 1961, p. 84].

Включенность позднеримских властей в противостояние «официальной» церкви и донатизма, как уже отмечалось выше, обуславливается ярко выраженной социально-политической окраской последнего. Во 2-й половине IV в. донатисты участвовали в двух африканских восстаниях – Фирма и Гильдона. Историография, воспринявшая риторику Августина, по словам А.Л. Мамонтова, вовсе зачастую рассматривает их как «союз бунтарей и отверженных», как некий «оппозиционный тандем» [Мамонтов, 2022, с. 224]. По замечанию Г.Г. Дилигенского, социальная природа донатизма обнаруживается в самих истоках раскола, берущих свое начало в гонении Диоклетиана, которое лишь обострило уже давно существующие внутренние противоречия [Дилигенский, 1961, с. 695].

Названные обстоятельства в сочетании с совокупностью прочих грозных факторов вынуждали власть вновь обратить внимание на проблему раскола, тем более что к этому побуждали и действия иерархов церкви, неизменно обращавших внимание в своих донесениях на насильственные инциденты с участием донатистов, желая представить их всякий раз в качестве жестоких мятежников, одержимых идеей подрыва и разрушения римского государства [Whitehouse, 2016, p. 30]. Следовательно, Августин и его коллеги в полной мере могли полагаться на поддержку светских властей [Monceaux, 1910, p. 23], которые от территориальной политики, основанной на стремлении контролировать людей в отдельно взятом регионе, перешли к более последовательной политике в отношении обеспечения религиозного единства в масштабе всей империи [Maier, 1995, p. 50].

Сказанное приводит к череде законодательных действий против нарушителей религиозного мира, которые в свое время подробно рассмотрел П. Монсо, отмечая при этом их половинчатый характер. В период между 325 и 404 гг. императорские акты вводят для ослушников штрафы, конфискации имущества, запреты проводить собрания, заниматься агитацией, рукополагать в священнический сан; имперским агентам запрещалось посещать незаконные религиозные собрания, а рабовладельцам – допускать на таковые своих рабов [Monceaux, 1910, p. 23–24]. В 405 г. ситуация меняется – донатистов официально приравнивают к еретикам [Monceaux, 1910, p. 23], очевидно, под влиянием церкви, которая, воспользовавшись произошедшим в рядах своих противников расколом, идет на них в решительное наступление¹³. Однако на пути, казалось бы, неотвратимой победы над донатизмом неожиданно встал поворот в религиозной политике правительства, вызванный событиями 409–410 гг., когда в пределы Италии вторгается Аларих [Brown, 1969, p. 330]. Желая объединить империю перед лицом нависшей угрозы, Гонорий издает эдикт о веротерпимости, даруя свободу вероисповедания [Bels, 1975, p. 151]. Кампания по подавлению донатизма резко пошла на спад [Brown, 1969, p. 330]. Церковь выступала с решительным протестом, требуя отмены нововведений. Столкнувшись с угрозой еще одного раскола, Гонорий уступает, приказав, по словам П. Брауна, организовать то, чего так хотел Августин – провести публичную дискуссию между лидерами противоборствующих религиозных групп. Таким образом, полное официальное расследование событий происхождения раскола должно было завершить колебания в религиозной политике империи и раз и навсегда покончить с ним [Brown, 1969, p. 331]. И вот как раз в связи с проведением этой дискуссии и обращают на себя внимание обозначенные выше противоречия.

¹³ Раскол был вызван борьбой Максимиана, отличавшегося умом, красноречием, считавшегося потомком Доната Великого и имевшего среди прочего богатую покровительницу, сыгравшую в его возвышении такую же роль, которую некогда сыграла Лусилла в возвышении Майорина против непопулярного лидера донатистов Приммиана [Monceaux, 1910, p. 26–27].

Итак, ранее мы обращались к позиции Отца Церкви по вопросу отказа епископа Карфагена Цецилиана от участия в собранном против него соборе, приведшем в итоге к его «заочному» осуждению [Мамонтов, 2019, с. 11]. Эта позиция нашла свое отражение в письме 397 г. и сводится к тому, что Цецилиан не мог и не должен был позволять судить себя людям, «которыми тогда обладала некая Лусилла» [Ер. 43, 17]. Осознание факта заведомой нелояльности участников собора, обусловленной в том числе подкупом, по мысли Августина, было для епископа Карфагена достаточным основанием игнорирования как самого факта собора, так и его решений.

Данная позиция вступает в очевидный контраст с реалиями собора начала V в. Будучи созван императором Гонорием, чтобы признать донатистов виновными в расколе и нанести последний удар их движению [Evers, 2011, p. 175], новый собор являл собой предвзятое действо. Лидеры «диссидентской церкви», как пишет Б. Шоу, оказались в двойственном положении, ибо их признали бы виновными вне зависимости от того, явились бы они на собор или нет [Shaw, 2011, p. 560]. Донатисты приняли участие в нем исключительно как альтернативу продолжения репрессиям [Frend, 2020, p. 279], поскольку отказ от участия рассматривался как нарушения императорского закона [Tilley, 1991, p. 9]. Тем не менее, будучи вынуждены принять участие в соборе, донатисты не приняли его решений. Многие и вовсе предпочли добровольную смерть жизни в угнетении [Bels, 1975, p. 154]. Таким образом, строящаяся на тезисе о заведомой предвзятости позиция Августина в оправдании Цецилиана в связи с его отказом явиться на слушания выдвинутых против него обвинений наталкивается на очевидную не в меньшей степени предвзятость собора 411 г. И эту предвзятость выражает сам Августин, заявляя: «... стремясь к ... встрече с вами, мы ищем не очередного окончательного решения..., а скорее того, чтобы стало известно то, что уже было решено...» [Ер. 88, 10]. В связи с этим в зарубежной историографии существует мнение, согласно которому в 411 г. состоялся не церковный собор, а специфический судебный процесс, являющийся «достойным предшественником» показательных процессов XX в., ибо Флавий Марцеллин, председательствовавший на нем, «знал, что его роль заключается в том, чтобы претворять в жизнь решения, уже принятые императором против донатистов» [Whitehouse, 2016, p. 31].

Из сказанного вытекает еще один аспект двойственности в отношении Аврелия Августина к преследованию донатистов. Заключается он в трактовке Отцом Церкви процедурных нарушений в проведении осудившего Цецилиана собора. Ранее мы обращали внимание на критику Отца Церкви в отношении его организации. Он многократно обращает внимание на то обстоятельство, что осуждение произошло в отсутствие обвиняемых, без их ознакомления с существом обвинения, что в осуждении принимали участие люди, ранее признавшие свою вину в том же деянии, которое ставилось в вину осужденным [Ер. 43, 3: 43, 6: 43, 10: 43, 25]. Принципиальный акцент на это обстоятельство свидетельствует о неприятии и решительном осуждении Аврелием Августином подобного рода процедурных нарушений.

Однако и этот пункт в системе политико-правовых ориентаций епископа Гиппона наталкивается на серьезное противоречие, опять-таки обусловленное реалиями событий антидонатистского собора 411 г. Известно, что, назначив начало процесса на 3 июня 411 г. [Tilley, 1991, p. 9], Флавий Марцеллин приказал противоборствующим сторонам направить в составе своих делегаций по семь епископов [Brown, 1969, p. 332]. Затем, уже после того, как донатисты отправились в Карфаген, он издал новое указание, в котором был изложен порядок проведения слушаний. Здесь говорилось о необходимости делегировать с каждой стороны семь епископов, семь советников и четыре наблюдателя для группы стенографистов. Донатисты возражали против этого, так как оказались в неравном положении со своим оппонентами [Tilley, 1991, p. 9]. Однако протест не был услышан, и донатисты как могли вступили в слушания [Tilley, 1991, p. 10]. Сам же процесс проходил в экстраординарном порядке: «судья» был не беспристрастным посредником между истцом и

ответчиком, а императорским чиновником, уполномоченным решать лишь процессуальные вопросы (ведь решение по делу де-факто уже было принято); роли истца и ответчика не были четко определены; исполнение решения не являлось делом частного обвинения, а превратилось в дело публичного свойства, обвинителем по которому фактически выступало государство [Tilley, 1991, p. 11]. Все это в совокупности дает основания для оценки собора как «разыгранного спектакля юридической корректности, призванного скрыть вопиющую несправедливость, лежащую в основе этого слушания» [Whitehouse, 2016, p. 31]. Флавий Марцеллин, назначенный председательствовать на соборе, будучи правоверным ортодоксальным христианином и другом Августина [Shaw, 2011, p. 559], еще до начала слушания объявил, что на этой встрече «разум победит ересь» [Tilley, 1991, p. 9].

Таким образом, обобщение суммы приведенных фактов позволяет констатировать полярность в образе мыслей и образе действий Аврелия Августина. Защищая Цецилиана, он строит свою аргументацию на тезисе о принципиальной нецелесообразности участия предстоятеля карфагенской церкви в «раскольническом» соборе, который имел, по мнению Отца Церкви, своей единственной целью создание видимости легитимности оглашенных на нем решений. На самом же деле эти решения были приняты заранее зачинщиками раскола, которые использовали для достижения своих целей обман и подкуп. Соответственно, с точки зрения епископа Гиппона, Цецилиан имел все основания для отказа от участия в этом «гносном и преступном» деле [Ер. 43, 3]. Однако эта внешне стройная концепция сталкивается с трудностями в свете событий 411 г., деятельным участником которых Августин выступил. Как мы помним, участие в созванном против них соборе не было делом доброй воли донатистов. Напротив, в основе его лежало государственно-властное принуждение, ставшее следствием союза церкви и империи.

Сталкивается с трудностями и выстраиваемая Августином линия на отрицание решений осудившего Цецилиана собора в силу многочисленных процедурных нарушений, на которые с принципиальной настойчивостью обращает внимание Отец Церкви. В контраст с риторикой епископа Гиппона вновь вступают реалии событий 411 г. Он резко осуждает «заочное» обвинение Цецилиана и его соратников в начале IV в., но становится одним из лидеров процесса, правила проведения которого претерпели изменения после их оглашения, и председательствовавшего на котором императорского чиновника едва ли можно счесть беспристрастным судьей.

Свидетельствует ли сказанное о двуличии Августина? Дабы избежать столь радикальных и опрометчивых выводов, следует учитывать религиозный, политический и духовно-нравственный контексты его времени, а также политический вес Отца Церкви. По большому счету, принимая участие в идеологических баталиях с донатистами, Августин действует как политик и в интересах политики. Он выступает как союзник государства, помогая ему преодолеть социально-политический раскол, вызванный расколом религиозным. Епископ Гиппона использует в этой борьбе политические средства, прибегая к механизмам политической пропаганды: он стремится представить в максимально нелицеприятном свете своих оппонентов во имя достижения целей своей «партии». Однако если отбросить политическую подоплеку деятельности Августина и обратиться к влиянию на образ его мыслей и поступков эпохи, то следует констатировать их сообразность основным концептам религиозного мировоззрения. С позиций такового в деле противостояния тому, зачинщиком чего является сам сатана, и в интересах наступления лучшего мира, приближения Града Божьего любые средства являются допустимыми и оправданными.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, следует акцентировать внимание на некоторые кажущиеся нам важными положения.

1. Осуждение коррупции является одной из опорных точек в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина.

2. Данные источников свидетельствуют, что для Отца Церкви коррупция отнюдь не ограничивается взяточничеством и злоупотреблением властью в корыстных целях. Напротив, он обнаруживает «широкое» понимание анализируемого феномена, устремляя свой взор в его общесоциальный контекст.

3. Коррупция для Августина – это нарушение установленного порядка, законности, справедливости, социального мира, обращенное к теме духовной нечистоты. Иными словами, Аврелию Августину свойственно отношение к коррупции с морализаторских позиций, характерных для современных нам политико-правовых воззрений.

4. Сказанное подтверждается среди прочего тем обстоятельством, что именно коррупционные обвинения епископ Гиппона считает целесообразным и нужным использовать для изобличения антигосударственной и антиобщественной природы донатизма, борьба с которым на определенном этапе становится для него делом жизни. Иными словами, в мировоззрении Отца Церкви коррупция и порождаемые ею опасности являются проявлениями зла, однопорядковыми расколу церкви, нарушению религиозного мира и социально-политического единства, на страже которых как раз и стоит епископ Гиппона.

5. Анализ восприятия Августином коррупции, определение ее места в системе социально-политических ориентаций Отца Церкви ставит на повестку дня и иные требующие изучения вопросы. Среди них: а) взаимоотношения епископа с властью, ориентированные на взаимовыгодное сотрудничество; б) отношение к праву, в основе которого лежит разумный прагматизм. Августин считает важным и правильным соблюдение установленных властью правил, формальных процедур. Их нарушение в его сознании – есть проявление своего рода «порчи», разрушения социального порядка.

6. Вместе с тем в контексте отношения к событиям донатистского раскола, борьбы с его проявлениями и последствиями епископ Гиппона демонстрирует специфическую интерпретацию этого правила. Оно «работает» как бы в одну сторону: безусловно соблюдаемы должны быть те правила и нормы, которые служат интересам церкви. В деле же борьбы с ее противниками любые правила приобретают условный характер. Ими можно легко пренебречь во имя защиты интересов христианства не только как духовного, но и социально-политического института. В этом аспекте прослеживается некоторая двойственность и даже противоречивость, которая должна стать предметом отдельного исследования.

Список литературы

- Дилигенский Г.Г. 1961. Северная Африка в IV–V веках. Москва, Издательство АН СССР, 302.
- Иеромонах Афанасий (Букин). 2018. Блаженный Августин Иппонийский. О крещении против донатистов. Кн. I: I–V. В: Труды и переводы. 1: 108–119.
- Иеромонах Афанасий (Букин). 2021. К вопросу о причинах продолжительной жизнеспособности донатистского раскола. В: Христианское чтение. 3: 232–242.
- Казаков М.М. 2014. Особенности христианизации Северной Африки. В: Христианское чтение. 2–3: 46–61.
- Литовченко Е.В. 2007. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности. В: Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 3: 30–38.
- Литовченко Е.В. 2021. Позднеантичная эпистолография в контексте медиевализации и культурного континуитета на латинском западе (IV–VI вв.). Дисс. д-ра ист. наук. Белгород. 2021, 804.
- Мамонтов А.Л. 2016. Отношение Августина Блаженного к законам против донатистов. В: Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2: 691–699.
- Мамонтов А.Л. 2019. Константин и донатистский раскол: первые шаги императора. В: Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 86: 9–24.
- Мамонтов А.Л. 2022. Донатизм и африканские восстания второй половины IV в. В: Религия. Церковь. Общество. 10: 222–237.

- Трыканова С.А. 2022. Теоретико-прикладной дискурс понятия коррупция. В: Образование и право. 2: 167–172.
- Beaver R.P. 1935. The Donatists Circumcellions. In: Church History. 4 (2): 123–133.
- Bels L. 1975. La mort volontaire dans l'oeuvre de saint Augustin. In: Revue de l'histoire des religions. 187 (2): 147–180.
- Brown P. 1961. Religious Dissent in the Later Roman Empire: the case of North Africa. In: History. 46 (157): 83–101.
- Brown P. 1969. Augustine of Hippo: A Biography. New Jersey, University of California Press, 463.
- Dalvit M. 2013. Montenses. The donatists' ecclesiological reflection about habacuc's prophecy. In: Augustiniana. 63 (1/4): 173–188.
- Evers A. 2011. A Fine Line? Catholics and Donatists in Roman North Africa. In: Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009). Ed. by Hekster O., Kaizer T. Leiden, Boston, Brill: 175–199.
- Flood J. 1952. St. Augustine in His Letters. In: The Furrow. 3 (5): 196–202.
- Frend W.H.C. 2020. The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, Oxford University Press, 384.
- Hill L. 2013. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome. In: History of Political Thought. 34 (4): 565–587.
- LaPalombara J. 1994. Structural and institutional aspects of corruption. In: Social Research. 61 (2): 325–350.
- Maier H.O. 1995. Religious Dissent, Heresy and Households in Late Antiquity. In: Vigiliae Christianae. 49 (1): 49–63.
- Ménissier T. 2007. La corruption un concept philosophique et politique chez les Anciens et les Modernes. In: Anabases. 6: 11–16.
- Monceaux P. 1910. L'Église donatiste avant Saint Augustin. In: Revue de l'histoire des religions. 61: 20–77.
- Nodes D.J. 2009. The Organization of Augustine's *Psalmus contra Partem Donati*. In: Vigiliae Christianae. 63 (4): 390–408.
- Pinto J., Leana C., Pil F. 2008. Corrupt Organization or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization – Level Corruption. In: The Academy of Management Review. 33 (3): 685–709.
- Quah J. 2009. Governance and Corruption. Exploring the Connection. In: American Journal of Chinese Studies. 16 (2): 119–135.
- Schaff Ph. (ed.) 1887. Nicene and Post-Nicene Fathers. First Series. Vol. 1. The Confessions and Letters of St. Augustine. Buffalo, NY, Christian Literature Publishing Co.
- Shaw B. 2011. Sacred Violence. African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine. Cambridge, Cambridge University Press, 910.
- Tilley M.A. 1991. Dilatory Donatists or Procrastinating Catholics: The Trial at the Conference of Carthage. In: Church History. 60 (1): 7–19.
- Whitehouse J. 2016. The Course of the Donatist Schism in Late Roman North Africa. In: The Donatist Schism Controversy and Contexts. Ed. by Miles R. Liverpool, Liverpool University Press: 13–53.

References

- Diligenskij G.G. 1961. Severnaja Afrika v IV–V vekah [North Africa in IV–V centuries]. Moskva, Izdatel'stvo AN SSSR, 302 (in Russian).
- Ieromonah Afanasij (Bukin). 2018. Blazhennyj Avgustin Ipponijskij. O kreshhenii protiv donatistov. Kn. I: I–V. [Blessed Augustine of Hippo. On christening against the Donatists. Book I: I–V]. In: Trudy i perevody. 1: 108–119 (in Russian).
- Ieromonah Afanasij (Bukin). 2021. K voprosu o prichinah prodolzhitel'noj zhiznesposobnosti donatistskogo raskola [To the question of the reasons for the continued viability of the Donatist split]. In: Hristianskoe chtenie. 3: 232–242 (in Russian).
- Kazakov M.M. 2014. Osobennosti hristianizacii Severnoj Afriki [Features of the Christianization of North Africa]. In: Hristianskoe chtenie. 2–3: 46–61 (in Russian).
- Litovchenko E.V. 2007. K obrazu Apollinarija Sidonija: chelovek pozdnej antichnosti [To the image of Apollinaris Sidonius: a man of late antiquity]. In: Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika. 3: 30–38 (in Russian).
- Litovchenko E.V. 2021. Pozdneantichnaja jepistolografija v kontekste medievalidacii i kul'turnogo kontinuiteta na latinskom zapade (IV–VI vv.) [Late Antique Epistolography in the Context of

- Medievalization and Cultural Continuity in the Latin West (4th – 6th Centuries]. Diss. d-ra ist. nauk. Belgorod. 2021, 804 (in Russian).
- Mamontov A.L. 2016. Otnoshenie Avgustina Blazhennogo k zakonam protiv donatistov [Attitude of St. Augustine to the laws against the Donatists]. In: *Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija*. 2: 691–699 (in Russian).
- Mamontov A.L. 2019. Konstantin i donatistskij raskol: pervye shagi imperatora [Constantine and the Donatist Schism: The Emperor's First Steps]. In: *Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 86: 9–24 (in Russian).
- Mamontov A.L. 2022. Donatizm i afrikanskie vosstaniya vtoroj poloviny IV v. [Donatism and African uprisings in the second half of the 4th century]. In: *Religija. Cerkov'. Obshchestvo*. 10: 222–237 (in Russian).
- Trykanova S.A. 2022. Teoretiko-prikladnoj diskurs ponjatija korrupcija [Theoretical and applied discourse of the concept of corruption]. In: *Obrazovanie i pravo*. 2: 167–172 (in Russian).
- Beaver R.P. 1935. The Donatists Circumcellions. In: *Church History*. 4 (2): 123–133.
- Bels L. 1975. La mort volontaire dans l'oeuvre de saint Augustin. In: *Revue de l'histoire des religions*. 187 (2): 147–180.
- Brown P. 1961. Religious Dissent in the Later Roman Empire: the case of North Africa. In: *History*. 46 (157): 83–101.
- Brown P. 1969. Augustine of Hippo: A Biography. New Jersey, University of California Press, 463.
- Dalvit M. 2013. Montenses. The donatists' ecclesiological reflection about habacuc's prophecy. In: *Augustiniana*. 63 (1/4): 173–188.
- Evers A. 2011. A Fine Line? Catholics and Donatists in Roman North Africa. In: *Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009)*. Ed. by Hekster O., Kaizer T. Leiden, Boston, Brill: 175–199.
- Flood J. 1952. St. Augustine in His Letters. In: *The Furrow*. 3 (5): 196–202.
- Frend W.H.C. 2020. The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, Oxford University Press, 384.
- Hill L. 2013. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome. In: *History of Political Thought*. 34 (4): 565–587.
- LaPalombara J. 1994. Structural and institutional aspects of corruption. In: *Social Research*. 61 (2): 325–350.
- Maier H.O. 1995. Religious Dissent, Heresy and Households in Late Antiquity. In: *Vigiliae Christianae*. 49 (1): 49–63.
- Ménissier T. 2007. La corruption un concept philosophique et politique chez les Anciens et les Modernes. In: *Anabases*. 6: 11–16.
- Monceaux P. 1910. L'Église donatiste avant Saint Augustin. In: *Revue de l'histoire des religions*. 61: 20–77.
- Nodes D.J. 2009. The Organization of Augustine's *Psalmus contra Partem Donati*. In: *Vigiliae Christianae*. 63 (4): 390–408.
- Pinto J., Leana C., Pil F. 2008. Corrupt Organization or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization – Level Corruption. In: *The Academy of Management Review*. 33 (3): 685–709.
- Quah J. 2009. Governance and Corruption. Exploring the Connection. In: *American Journal of Chinese Studies*. 16 (2): 119–135.
- Schaff Ph. (ed.) 1887. Nicene and Post-Nicene Fathers. First Series. Vol. 1. The Confessions and Letters of St. Augustine. Buffalo, NY, Christian Literature Publishing Co.
- Shaw B. 2011. Sacred Violence. African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine. Cambridge, Cambridge University Press, 910.
- Tilley M.A. 1991. Dilatory Donatists or Procrastinating Catholics: The Trial at the Conference of Carthage. In: *Church History*. 60 (1): 7–19.
- Whitehouse J. 2016. The Course of the Donatist Schism in Late Roman North Africa. In: *The Donatist Schism Controversy and Contexts*. Ed. by Miles R. Liverpool, Liverpool University Press: 13–53.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.12.2022

Поступила после рецензирования 19.12. 2022

Принята к публикации 20.12. 2022

Received 09.12.2022

Revised 19.12. 2022

Accepted 20.12. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сахаров Станислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, факультет истории и права, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

 [ORCID 0000-0001-5174-1675](https://orcid.org/0000-0001-5174-1675)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav S. Sakharov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State-Legal disciplines, Faculty of History and Law, Smolensk State University, Smolensk, Russia

УДК 94(569.4)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-44-52
Оригинальное исследование

К вопросу о характере ранневизантийского паломничества: прагматические аспекты

Родина Е.О.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 939799@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются прагматические аспекты ранневизантийского паломничества. Делается вывод о том, что благочестивые путешественники (паломники), активно перемещавшиеся по всему Восточному Средиземноморью как по морю, так и по суше, не только придерживались аскетических практик, но не были полностью изолированы от повседневной жизни и были включены в целый ряд прагматических аспектов. Это материальная инфраструктура, наличие дорог, обеспечение безопасности, включенность в существующие коммуникации (использование кораблей торговцев) и др. Места паломничеств были связаны с культом Святой Земли в Палестине и с культом святых мест, связанных с памятью отдельных святых и мучеников по всей империи. Места паломничеств включали не только храм или монастырь, но и в расширительном плане всю округу. Помимо Палестины, одним из наиболее важных регионов паломничеств была Киликия, прежде всего, в связи с культом св. Феклы. Она дает хорошие источниковедческие возможности для изучения проблемы, так как обладает как письменными (житие св. Феклы), так и археологическими источниками.

Ключевые слова: паломничество, Ранняя Византия, античность, церковь, пространство, прагматические аспекты

Для цитирования: Родина Е.О. 2023. К вопросу о характере ранневизантийского паломничества: прагматические аспекты. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 44–52.
DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-44-52

To the Issue of the Nature of the Early Byzantine Pilgrimage: Pragmatic Aspects

Ekaterina O. Rodina

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St. Belgorod 308015, Russia
E-mail: 939799@bsu.edu.ru

Annotation. The article deals with the pragmatic aspects of the early Byzantine pilgrimage. It is concluded that pious travellers (pilgrims), who actively moved throughout the Eastern Mediterranean, both by sea and by land, were not completely isolated from everyday life and were included in a number of pragmatic aspects. These are material infrastructure, the availability of roads, security, inclusion in existing communications (the use of merchant ships), etc. Places of pilgrimage were associated with the cult of the Holy Land in Palestine and with the cult of holy places associated with the memory of individual saints and martyrs throughout the empire. Places of pilgrimage included not only a temple or a monastery, but also, by extension, the entire district. In addition to Palestine, one of the most important pilgrimage regions was Cilicia, primarily in connection with the cult of St. Thekla. It provides good source study opportunities for studying the problem, as it has both written (the life of St. Thekla) and archaeological sources.

Keywords: pilgrimage, Early Byzantium, antiquity, church, space, pragmatic aspects

For citation: Rodina E.O. 2023. To the Issue of the Nature of the Early Byzantine Pilgrimage: Pragmatic Aspects. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 44–52 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-44-52

Введение

Христианское паломничество в Восточном Средиземноморье в поздней античности (совпадающей в регионе с ранневизантийским периодом IV – 1 пол. VII вв.) было широко распространенным явлением. Паломники путешествовали повсюду, где можно было поклониться физическим (материальным) памятникам культа – мощам христианских мучеников и святых, или чтобы ощутить присутствие места, где произошло событие, вдохновенное божественным промыслом [Dietz, 2004, p. 125–134]. Эти места на двух уровнях охватывали, прежде всего, Святую Землю, где разворачивались события Священного Писания, а также многочисленные места по всей империи, где действовали различные святые [Elsner, Rutherford, 2005].

Так, большинство паломников стремилось попасть в Иерусалим, где разворачивались события евангельской истории, и прежде всего к пещере, где, как считалось, Иисус был погребен в течение трех дней, прежде чем воскреснуть. Среди первых «объектов» по обустройству культа «святых мест» именно здесь возникает храм Гроба Господня.

Примером второго рода может служить гробница св. Иоанна в Эфесе [Sewing, 2020, 2021], где, как считалось, тело святого ежегодно в день своего поминаения источало священный прах [Frank, 2005, p. 21]. Таких мест в империи было множество. Кроме того, некоторые паломники приходили за советом к живому святому, такому как Симеон Столпник, стоявшему на вершине своей колонны на горе в северной Сирии.

Наконец, христианская традиция переняла от античности практику священного (вещного) сна – инкубации в святилище или храме, чтобы получить исцеляющее прикосновение или совет святого [Csepregi, 2007, p. 7].

Независимо от намерения или пункта назначения, общим для всех этих паломников является их итерация – собственно путешествие к священному месту назначения [Ousterhout, 1990, p. 7]. Археологические и письменные источники не всегда позволяют составить точную карту таких мест и составить свод их упоминаний, чтобы попытаться выявить степень поклонения и, соответственно, степень сакральной силы, но очертить инфраструктуру материального (физического) мира, по которому они путешествовали, возможно.

Вместе с тем, помимо сугубо сакральной цели благочестивых путешествий ради приобщения на месте к источнику мощной силы, очищения от грехов, исполнения просьб и т. п., в контексте паломничества возникает целый ряд иных, вполне земных проблем, требующих решения. Это вопросы инициирования паломнической поездки, ее организации, материального обеспечения, безопасности, вопрос о замещении паломника в его трудовой деятельности в период отсутствия, совмещение паломничества с иными делами (торговлей, мореплаванием и др.) и т. п. Все это в совокупности можно назвать прагматическими аспектами паломничества.

В отечественной исторической науке эти аспекты еще не были предметом специального исследования, что определяет его актуальность.

Объект и методы исследования

Основное внимание при рассмотрении прагматических аспектов паломничества следует уделить не столько тому, почему паломники предпринимали свои путешествия, сколько тому, как и где они это делали. Этот вид анализа может показать, как условные связи – социальные, физические, религиозные, политические – становились реальными в

конкретном ландшафте. Цель работы – определить материальные основы и последствия этих связей в ходе непростого движения путешественников по ним и через них.

Объект исследования – прагматические аспекты ранневизантийского паломничества.

Решение задач возможно благодаря комплексному подходу к источникам и комплексу основных методов исторического исследования.

Результаты и их обсуждение

Одним из наиболее репрезентативных источников по данной теме является текст V в. «Жизнь и чудеса Феклы» [Dagron, 1978], который изобилует множеством аллюзий на многие темы, и все они связаны с прагматическими вопросами паломнического путешествия. Территориально оно замыкается на Киликии как на месте культа данной святой.

Само путешествие в Киликию требовало пересечения северо-восточного Средиземноморья с Кипра, чтобы прибыть на юго-восточное побережье Малой Азии в одну из многочисленных киликийских гаваней. Хотя паломничество по определению было сосредоточено вокруг движения паломника к священному месту, где он должен был поклониться святому, группе святых или священному событию, это путешествие также должно было происходить через существующую материальную инфраструктуру.

Материальность этого перемещения приводит к новой проблеме: конкретная группа паломников в случае перемещения по морю специально использовала какое-либо торговое судно для этой поездки. На этом примере мы убеждаемся в том, что паломничество не было мероприятием, отделенным от более приземленных повседневных занятий того времени, таких как торговля. Этот момент становится еще более значимым в связи с тем, что не только паломники, но и сами мореплаватели зачастую решали воспользоваться возможностью посетить ежегодный праздник святого и тем самым образовывали ряд «паломников-попутчиков», для которых благочестивое путешествие было лишь побочным результатом их повседневной (и иногда совсем не благочестивой) деятельности.

Кроме того, сухопутные дороги также являют прочную связь между оживленной обстановкой вокруг основного места паломничества и самим существованием, обслуживанием или строительством инфраструктуры в регионе и месте, связанном с паломничеством. Место культа имеет определенный контекст в сети путешествий и различные масштабы религиозного движения к нему.

Далее – важен вопрос о числе участников каждого конкретного паломничества. Источники нередко сообщают о том, что паломник вёл с собой жену, детей и слуг, к которым присоединялось неизвестное количество моряков и прочих примкнувших к данной группе. При этом путь по морю был более надежным, определенным и безопасным, а практики длинных сухопутных паломнических «караванов» через всю Малую Азию и Сирию практически не было, хотя сухопутные отрезки неизбежно были – в Палестине от портов (Птолемаида, Яффо, Маюма) до Иерусалима, в районах Антиохии, той же Киликии и т. п.

Паломничество к святыне, как правило, не ограничивалось отдельными благочестивыми преданными или кающимися людьми (или их группой) и, таким образом, было связано и влияло на ландшафт за пределами каждой группы христиан, которая перемещалась в пространстве и посещала святое место в религиозных целях.

Упоминание праздника святого – ежегодного события, которое подчеркивало связь места паломничества с региональными и межрегиональными аспектами торговли, сельского хозяйства и религии, также подчеркивает тот факт, что на дни его почитания (поминания), как правило, приезжали люди из всех слоев общества и со всего Средиземноморья, чтобы по-разному участвовать в празднестве. Хорошее описание такого праздника и сопровождавшей их активности дал ритор и софист Хорикий для своей родной Газы и ее аванпорта Маюмы в 530-х гг. (праздники свв. Сергия и Стефана) (Chor. Orat. I, II).

Для всего паломничества принципиально важно центральное место физического святилища святого в его более широком комплексе. Развитие базиликальной церковной формы, которая стала ассоциироваться со святым, чье физическое присутствие в виде реликвии повышало их эффективность как связи с божественным, было процессом, который занял несколько столетий. Лишь постепенно, к V–VI вв., он оформился в здания и комплексы, которые функционировали как священные пространства для исполнения как институциональных (например, дня праздника святого), так и спонтанных проявлений почитания святых отдельными паломниками. Эти церкви составляют основной массив материальных источников в силу их роли маркеров священных мест в конфигурации религиозного ландшафта [Ousterhout, 2008, p. 47–58].

Географическое расположение и характер церквей может дать потенциальную точку доступа к отношениям более обширного региона к его священным местам, что «влияние святых не ограничивалось строго местом их останков. В своих многочисленных проявлениях «в церквях поздней античности святые выполняли ряд взаимосвязанных социальных и пространственных функций» [Yasin, 2012, p. 262].

Расширительное понимание территориального расположения святых выходит за стены церковного здания и связанного с ней комплекса до определенной зоны в ландшафте. Это привязывало к местам культа местное население, которое также вовлекалось в систему паломничества. То, что священные пространства, заключенные в церквях, оказывали внешнее влияние на повседневную жизнь позднеантичных малоазийцев, сирийцев, египтян [Frankfurter, 1998], выходящую за пределы церковного пространства, ясно из различных свидетельств источников – литературных, эпиграфических, археологических [Vikan, 2010].

Киликия является особенно плодотворным примером для изучения материальных следов паломничества в расширенном контексте. Это регион с богатыми археологическими находками церквей и сильной научной традицией регистрации этих памятников ранневизантийского христианства. Кроме того, существует ряд текстовых источников, описывающих не только сам регион, но и множество святых и паломников, населявших и прошедших через него. Именно паломническая усыпальница св. Феклы, ученицы апостола Павла, поставила Киликию на почетное место на карте христианского паломничества в IV–VII вв. [Craft, 2015, p. 21–30]. Особо важно описание паломничества к святилищу св. Феклы в Киликии по случаю ежегодного праздника святой, которое мы находим в ее житии.

Св. Фекла и ее усыпальница недалеко от столицы провинции Селевкии на юго-восточном побережье Малой Азии имели общеимперское значение в системе паломничества в ранневизантийский период [Davis, 2001]. Это был один из главных пунктов паломничества в Восточном Средиземноморье, помимо Палестины, особенно в качестве остановки для тех, кто у кого Иерусалим и Святая Земля были конечными пунктами назначения [Дайм, 2018. С. 557–588]. До наших дней сохранились обширные материальные остатки комплекса, что позволяет сравнить их вкуче с данными письменных источников.

Археологические данные представляют паломничество как совокупность практик, где «социальные практики, такие как религиозное почитание, путешествия и торговля, породили конкретные организационные формы, такие как сами святыни, дороги, гостиницы и ремесленные мастерские» [Craft, 2015, p. 49].

Именно дороги связали развитие этих практик в единую сеть на гораздо более широком ландшафте, чем тот, что заключен в стенах паломнической церкви или даже ее комплекса.

Именно в этом контексте закрепленного и связанного христианского религиозного путешествия подход к позднеантичному паломничеству, который принимает во внимание инфраструктуру за пределами самой святыни, расширяет наши знания не только о самой практике паломничества, но и мира, в котором это происходило.

Археология паломничества еще не особенно широко распространена, но те исследования, которые уже проводились, дали впечатляющие результаты. Эти исследования, как правило, были сосредоточены на архитектурных комплексах самих святынь, но все боль-

ше и больше таких проектов включают раскопки зданий за пределами самой паломнической церкви. К ним относятся раскопки на горе Аарон (Джебель-Харун) в Иордании, Абу-Мина в Египте [Bangert, 2010, p. 293–328; Grossman, 1998, p. 281–303], Хирбет Кана в Палестине [Edwards, 2002, p. 101–132] и др. Не случайно эти места часто представляют собой монастырские комплексы, что указывает на растущий интерес к монастырской археологии в Восточном Средиземноморье [Stopford, 1994, p. 57].

Монастыри как места паломничества являются важными точками пересечения различных сфер и траекторий в ранневизантийском мире, включая движение благочестивых путешественников. Являясь в большой мере специфически позднеантичными явлениями, они хорошо демонстрируют понятия пересечений, связности и движения.

Одной из определяющих работ о паломничестве, от которой зависели почти все более поздние исследования или, по крайней мере, на которые часто ссылались, является «тернеровская парадигма», выдвинутая Виктором и Эдит Тернер [Turner, Turner, 1978] в их «Образе и паломничестве в христианской культуре». Эта парадигма вращается вокруг способности паломничества способствовать чувству общности и равенства внутри него, с выводом о том, что оно существует как феномен вне повседневных жестких практик и институций. Хотя с тех пор многие авторы критиковали идеализм этой модели, она по-прежнему остается в зарубежной историографии наиболее часто используемой точкой для изучения позднеантичного паломничества.

Также необходимо отметить различные подходы в науке к оценке «степени благочестия» в паломничестве. Одни ученые считают, что на Востоке паломничество с первых дней своего существования приобрело четко выраженный аскетический оттенок [Dietz, 2005], особенно паломничество на дальние расстояния. В этом смысле физические испытания и невзгоды на пути к усыпальнице святого были такой же частью паломничества, как и почитание самого места. Кроме того, в аскетической монастырской практике ранневизантийской Палестины, например, известна практика «благочестивых скитаний» (ксенитий), когда монахи (и монахини) на какое-то время покидали свой монастырь, чтобы посетить иные святые места.

Другие рассматривают паломников как «агиотуристов», преуменьшая аскетическую сторону путешествия. Клайв Фосс, например, очень прагматично предполагает, что паломничество иногда (и зачастую) было «лишь случайным мотивом» [Foss, 2002, p. 146] для преобладающих других целей путешествия, например, для моряков, наемников, торговцев и т. д.

Проблемой для археологического изучения паломничества в целом является неспособность различать обозначенные «типы» благочестивых путешественников по материальным останкам, которые можно найти либо на земле, либо в ней, за исключением конкретных и, к сожалению, редко находимых типов свидетельств, таких как паломническая ампула [Anderson, 2004, p. 79–93].

Это поднимает важный вопрос о том, что редко когда древний путешественник, христианин принадлежал к какому-то определенному «типу». Иными словами, не всегда, или даже обычно не было заметной разницы между паломником и купцом или послом, моряком или солдатом с точки зрения того, куда и как они путешествовали и что они брали с собой или привозили обратно из своей поездки. На уровне более коротких и локальных местных поездок [Frankfurter, 2006, p. 13–37] эта двусмысленность цели была еще более выраженной.

Даже ампула паломника не может точно соотноситься с путешествиями отдельных конкретных паломников, а скорее должна рассматриваться как более показательная для контактов между местом происхождения объекта и местом его находки.

Представление о священном месте, которое христиане приняли на протяжении IV века, в основе своей материально. И это – не нововведение ранних христиан. Священные места (*loca Sancta*) позднеантичного христианства демонстрируют «принятие греко-

римской веры в сакральность места» [Anderson, 2007, p. 27]. Это усвоение произошло не только в абстрактной сфере, но и в земном плане, о чем свидетельствует частое превращение языческих храмов в христианские церкви по всему Средиземноморью.

Как христианские, так и языческие представления о *lousa Sancta* предполагают материальность связи между земным и божественным. Имманентность божественного в очерченном пространстве не была внутренней характеристикой этого места, а основывалась либо на событии, которое там произошло, либо на святости, связанной с телом мученика или святого. Другими словами, сакральность такого места, как церковь, была производной.

Кажущееся противоречие между универсальностью божественного и созданием отдельных священных пространств, подобных церквям, можно понять в том смысле, что «церкви были важны не как географические точки или локусы божественного, а потому, что они были местами, в которых христиане собирались» [Craft, 2015, p. 71]. Но для того, чтобы собраться, они должны были двигаться по установленным путям, чтобы добраться до этих святых мест.

Паломничество как процесс было связано с физическими движениями тела, обязательно включающими в себя инфраструктуру, необходимую для путешествия: это дороги, мосты, лодки, жилье и запасы воды как для людей, так и для животных. «Некоторые паломничества совершались добровольно; и для некоторых быть странником было образом жизни – были люди, которые постоянно находились в движении и были «неотличимы от бродяг» [Craft, 2015, p. 88]. В Антиохии Иоанн Златоуст проповедовал, что людям будет полезно посещать гробницы мучеников «не только сегодня, но и каждый день»; и он поощрял их регулярное посещение этих влиятельных христианских мест.

Идея регулярного посещения мест паломничества также подразумевает необходимость близости этих мест и материальной инфраструктуры для облегчения таких регулярных связей [Voltaggio, 2011, p. 197–210].

Некоторые ученые выделяют понятие «личной» религии, которая, возможно, исключала необходимость частых дальних путешествий христиан. Однако реконструкции процессов в литургическом календаре Церкви ясно показывают, что верующие христиане путешествовали ради этих событий, независимо от того, было ли их основной целью благочестие, торговля или даже некоторое удовольствие.

Таким образом, паломничество можно понимать как экстраординарное путешествие в благочестивых целях без каких-либо ограничений на расстояние путешествия. Это означает, что, хотя паломническое путешествие могло происходить по путям, которые каждый день использовались для повседневной жизнедеятельности, оно специально и преднамеренно предпринималось в осознанных религиозных целях.

Но паломничество не может быть четко отграничено от ежедневной рутины (нельзя паломника исключать из общего потока событий жизни) или классифицировано только с точки зрения географического расстояния, отдельных видов деятельности или благочестивых намерений. Был ли путешественник подобен Эгерии, пересекшей все Средиземноморье, или женщине, ищущей исцеления для своего подопечного у св. Феклы по соседству, – эти формы путешествий и их воздействия накладывались друг на друга, как различные и меняющиеся скопления узлов – людей, мест и вещей – в конфигурации христианского регионального пейзажа. Священное при этом было неразрывно связано с прагматическим.

Заключение

Таким образом, раннее паломничество как в основном физическое мероприятие от места отправления до места назначения было, наряду со спиритуальным, очень материальной и телесной практикой, и, таким образом, религиозное путешествие в целом включало в себя не только церкви и самих практикующих, но и собственно материальные практики.

Паломники IV–VII вв. вряд ли чувствовали полное выключение из жизни и глубокое погружение в иную реальность благочестивого путешествия. Скорее, они проживали свою жизнь, перемещаясь в пространстве и между собой. Поэтому, даже если их христианская религия не была определяющей гранью их идентичности, то она сопровождала их жизнь не только в паломничестве, но и каждый день: в виде крестов над дверями; на надгробиях умерших близких; в процессиях пирующих и торговцев, посещающих сопутствующие рынки; и, конечно же, в церковных структурах, которые закрепляли самую сакральную христианскую часть их жизни в привычном им ландшафте.

Все Восточное Средиземноморье ранневизантийского времени было пронизано горизонтальной мобильностью, активными передвижениями людей, среди которых, по всей видимости, на первое место мы должны поставить паломничество (а на второе – поездки в образовательных целях как преподавателей, так и обучающихся).

Список литературы

- Дайм Ф. 2018. Паломники в Иерусалиме. В: *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 23: 557–588.
- Anderson W. 2004. An Archaeology of Late Antique Pilgrim Flasks. In: *Anatolian Studies*. 54: 79–93.
- Anderson W. 2007. Votive Customs in Early Byzantine Asia Minor. In: *Journal of the Australian Early Medieval Association*. 3: 17–27.
- Bangert S. 2010. The Archaeology of Pilgrimage: Abu Mina and Beyond. In: *Religious Diversity in Late Antiquity*. Leiden, Brill: 293–328.
- Craft S. 2015. Pilgrimage Pragmatics: Travel Infrastructure, Movement, and Connectivity in Late Roman and Early Byzantine Cilicia. Providence, Joukowsky Institute for Archaeology and the Ancient World, Brown University, 475.
- Csepregi I. 2007. The Compositional History of Greek Christian Incubation Miracle Collections: Saint Thecla, Saints Cosmas and Damian, Saints Cyrus and John, Saint Artemios. Ph.D. Dissertation. Budapest, Central European University, 222.
- Dagron G. 1978. *Vie et Miracles de Sainte Thècle: Texte Grec, Traduction et Commentaire*. Brussels, Société des Bollandistes, 200.
- Davis S. 2001. The Cult of Saint Thecla: A Tradition of Women's Piety in Late Antiquity. Oxford, Oxford University Press, 321.
- Dietz M. 2004. Itinerant Spirituality and the Late Antique Origins of Christian Pilgrimage. In: *Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane*. Aldershot, Ashgate: 125–134.
- Dietz M. 2005. *Wandering Monks, Virgins, and Pilgrims: Ascetic Travel in the Mediterranean World, A.D. 300-800*. University Park, Pennsylvania State University Press, 310.
- Edwards D. 2002. Khirbet Qana: From Jewish Village to Christian Pilgrimage Site. In: *Journal of Roman Archaeology Supplementary. Series Number 49*. Portsmouth, 2002. P. 101–132.
- Elsner J., Rutherford I. (eds.). 2005. *Pilgrimage in Graeco-Roman and Early Christian Antiquity: Seeing the Gods*. Oxford, Oxford University Press, 411.
- Foss C. 2002. Pilgrimage in Medieval Asia Minor. In: *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 56: 129–151.
- Frank G. 2000. *The Memory of the Eyes: Pilgrims to Living Saints in Christian Late Antiquity*. Berkeley, University of California Press, 454.
- Frankfurter D. (ed.). 1998. *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt*. Leiden; Boston, Brill, 377.
- Frankfurter D. 2006. Hagiography and the Reconstruction of Local Religion in Late Antique Egypt: Memories, Inventions, and Landscapes. In: *Church History and Religious Culture* 86: 13–37.
- Grossman P. 1998. The Pilgrimage Center of Abu Mina. In: *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt*. Leiden, Brill: 281–303.
- Ousterhout R. (ed.). 1990. *The Blessings of Pilgrimage*. Urbana, University of Illinois Press, 388.
- Ousterhout R. 2008. Pilgrimage Architecture. In: *Egeria: Mediterranean Medieval Places of Pilgrimage*. Athens: 47–58.
- Sewing K. 2021. A Late Antique Pilgrimage Church at the Harbor Canal of Ephesus and Its Interaction with Its Religious Center. In: *Space and Communities In Byzantine Anatolia*. Istanbul: 23–32.
- Sewing K. 2020. A New Pilgrimage Site at Late Antique Ephesus. In: *Transfer of Religious Ideas in Western Asia Minor Transmitting and Circulating the Late Antique and Byzantine Worlds*. L.: 54–64.

- Stopford J. 1994. Some Approaches to an Archaeology of Christian Pilgrimage. In: *World Archaeology* 26.1: 57–72.
- Turner V., Turner E. 1978. *Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives*. New York, Columbia University Press, 186.
- Vikan G. 2010. *Early Byzantine Pilgrimage Art*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 456.
- Voltaggio M. 2011. «Xenodochia» and «Hospitia» in Sixth-Century Jerusalem: Indicators for the Byzantine Pilgrimage to the Holy Places. In: *Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins*, Bd. 127, H. 2: 197–210.
- Yasin A.M. 2012. Response: Materializing the Study of Late Antique Pilgrimage. In: *HEROM*. 1: 261–276.

References

- Dajm F. 2018. Palomniki v Ierusalime [Pilgrims in Jerusalem]. In: *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria]. 23: 557–588.
- Anderson W. 2004. An Archaeology of Late Antique Pilgrim Flasks. In: *Anatolian Studies*. 54: 79–93.
- Anderson W. 2007. Votive Customs in Early Byzantine Asia Minor. In: *Journal of the Australian Early Medieval Association*. 3: 17–27.
- Bangert S. 2010. *The Archaeology of Pilgrimage: Abu Mina and Beyond*. In: *Religious Diversity in Late Antiquity*. Leiden, Brill: 293–328.
- Craft S. 2015. *Pilgrimage Pragmatics: Travel Infrastructure, Movement, and Connectivity in Late Roman and Early Byzantine Cilicia*. Providence, Joukowsky Institute for Archaeology and the Ancient World, Brown University, 475.
- Csepregi I. 2007. *The Compositional History of Greek Christian Incubation Miracle Collections: Saint Thecla, Saints Cosmas and Damian, Saints Cyrus and John, Saint Artemios*. Ph.D. Dissertation. Budapest, Central European University, 222.
- Dagron G. 1978. *Vie et Miracles de Sainte Thècle: Texte Grec, Traduction et Commentaire*. Brussels, Société des Bollandistes, 200.
- Davis S. 2001. *The Cult of Saint Thecla: A Tradition of Women's Piety in Late Antiquity*. Oxford, Oxford University Press, 321.
- Dietz M. 2004. Itinerant Spirituality and the Late Antique Origins of Christian Pilgrimage. In: *Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane*. Aldershot, Ashgate: 125–134.
- Dietz M. 2005. *Wandering Monks, Virgins, and Pilgrims: Ascetic Travel in the Mediterranean World, A.D. 300-800*. University Park, Pennsylvania State University Press, 310.
- Edwards D. 2002. Khirbet Qana: From Jewish Village to Christian Pilgrimage Site. In: *Journal of Roman Archaeology Supplementary*. Series Number 49. Portsmouth, 2002. P. 101–132.
- Elsner J., Rutherford I. (eds.). 2005. *Pilgrimage in Graeco-Roman and Early Christian Antiquity: Seeing the Gods*. Oxford, Oxford University Press, 411.
- Foss C. 2002. Pilgrimage in Medieval Asia Minor. In: *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 56: 129–151.
- Frank G. 2000. *The Memory of the Eyes: Pilgrims to Living Saints in Christian Late Antiquity*. Berkeley, University of California Press, 454.
- Frankfurter D. (ed.). 1998. *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt*. Leiden; Boston, Brill, 377.
- Frankfurter D. 2006. Hagiography and the Reconstruction of Local Religion in Late Antique Egypt: Memories, Inventions, and Landscapes. In: *Church History and Religious Culture* 86: 13–37.
- Grossman P. 1998. *The Pilgrimage Center of Abu Mina*. In: *Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt*. Leiden, Brill: 281–303.
- Ousterhout R. (ed.). 1990. *The Blessings of Pilgrimage*. Urbana, University of Illinois Press, 388.
- Ousterhout R. 2008. Pilgrimage Architecture. In: *Egeria: Mediterranean Medieval Places of Pilgrimage*. Athens: 47–58.
- Sewing K. 2021. A Late Antique Pilgrimage Church at the Harbor Canal of Ephesus and Its Interaction with Its Religious Center. In: *Space and Communities In Byzantine Anatolia*. Istanbul: 23–32.
- Sewing K. 2020. A New Pilgrimage Site at Late Antique Ephesus. In: *Transfer of Religious Ideas in Western Asia Minor Transmitting and Circulating the Late Antique and Byzantine Worlds*. L.: 54–64.
- Stopford J. 1994. Some Approaches to an Archaeology of Christian Pilgrimage. In: *World Archaeology* 26.1: 57–72.

- Turner V., Turner E. 1978. *Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives*. New York, Columbia University Press, 186.
- Vikan G. 2010. *Early Byzantine Pilgrimage Art*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 456.
- Voltaggio M. 2011. «Xenodochia» and «Hospitia» in Sixth-Century Jerusalem: Indicators for the Byzantine Pilgrimage to the Holy Places. In: *Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins*, Bd. 127, H. 2: 197–210.
- Yasin A.M. 2012. Response: Materializing the Study of Late Antique Pilgrimage. In: *HEROM*. 1: 261–276.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.12.2022

Received 03.12.2022

Поступила после рецензирования 10.12. 2022

Revised 10.12. 2022

Принята к публикации 10.12. 2022

Accepted 10.12. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Родина Екатерина Олеговна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Ekaterina O. Rodina, postgraduate student of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-7636-5303](https://orcid.org/0000-0001-7636-5303)

УДК 902/904

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-53-64

Оригинальное исследование

Фортификация раннесредневековых городов Азербайджана (V – первая половина VIII вв.)

Нагиев Г.Г.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии –

МВА имени К.И. Скрябина

Россия, 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23

E-mail: hnagiev@gmail.com

Аннотация. Проблемы становления города, особенности его развития на разных исторических этапах являются одной из актуальных проблем исторической науки. Раннесредневековые города Азербайджана в основном имели древнее происхождение и были политико-административными, торгово-ремесленными и культурными центрами. Сложная оборонительная система с развитыми фортификационными сооружениями является обязательным атрибутом многих средневековых городов. Их изучение дает возможность выявить закономерности возникновения и развития феодальных городов в регионе, установить уровень экономического развития страны, определить место и значение городов в социально-экономической, военно-политической, административно-хозяйственной и культурной жизни феодального общества. В статье рассматриваются фортификационные сооружения некоторых городов эпохи раннего средневековья, особое внимание уделено фортификациям наиболее изученных исторических городов северного Азербайджана.

Ключевые слова: средневековые города Азербайджана, города-крепости, фортификационные сооружения, Габала, Дербент, Нахчыван, Бейлаган

Для цитирования: Нагиев Г.Г. 2023. Фортификация раннесредневековых городов Азербайджана (V – первая половина VIII вв.). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 53–64. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-53-64

Fortification of Early Feudalism of Azerbaijan Cities (V – First Half of VIII Century A. D.)

Gadzhiragim G. Nagiev

Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA by K.I. Skryabin

23 Academician Scriabin St., 109472 Moscow, Russia

hnagiev@gmail.com

Abstract. The problems of the formation of the city, the features of its development at different historical stages is one of the urgent problems of historical science. The early feudal cities of Azerbaijan were mainly of ancient origin and were political, administrative, trade, craft and cultural centers. A complex defensive system with developed fortifications is an obligatory attribute of many medieval cities. Their study makes it possible to identify patterns of emergence and development of feudal cities in the region, to establish the level of economic development of the country, to determine the place and importance of cities in the socio-economic, military, administrative, economic and cultural life of feudal society. The article deals with the fortifications of the cities of the early Middle Ages, special attention is paid to the fortifications of the most studied historical cities of northern Azerbaijan. The early medieval period in the history of Azerbaijan (V–VII centuries), is characterized by the extensive construction of defense structures, the emergence of cities-fortresses, both in the border regions and inside the country.

Keywords: medieval cities of Azerbaijan, fortified cities, fortifications, Gabala, Derbent, Nakhchivan, Beylagan

For citation: Nagiev G.G. 2023. Fortification of Early Feudalism of Azerbaijan Cities (V – First Half of VIII Century A. D.). Via in tempore. History and political science. 50 (1): 53–64 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-53-64

Введение

Раннесредневековый период в истории Азербайджана (V–VII вв.) характеризуется широким строительством сооружений оборонного назначения, возникновением городов-крепостей как в пограничных регионах, так и внутри страны.

Защита страны от иноземных агрессоров и внутривосточные события – усобицы между крупными владельцами – сделали необходимым укрепление городов самым надежным способом. Города с фортификационными сооружениями, отдельно стоящими крепостями и «длинными» стенами на северо-востоке составляли единую систему обороны страны.

Оборона города обусловлена была многими факторами: природно-географическими, социально-политическими, экономическими. Особо отличались оборонительные системы городов столиц, резиденций правителей. С учетом стратегической важности они были укреплены мощными крепостными сооружениями – стенами, башнями, рвами. На каждом этапе развития городов их фортификационная система приобрела новые черты, обновилась, усовершенствовалась, соответствуя вызовам той эпохи.

Сообщения письменных источников о раннесредневековых городах Азербайджана – скудные и разноречивые, а археологические материалы пока недостаточны для воссоздания полной и реальной картины городской жизни. Кроме того, города неоднократно разрушались, восстанавливались – изменились их формы, планировки и технические параметры. Все это создает определенную сложность для получения полной картины о характере развития фортификационных систем на определенных этапах их истории.

Однако на основании материалов, полученных в результате многолетних археологических исследований, можно говорить об общих чертах оборонительной системы городов раннесредневекового Азербайджана. Города этого периода относятся к сложным типам укрепленных поселений, так как они имеют двух- (цитадель (нарын гала), шахристан) или трехчастную структуру (цитадель, шахристан, посад) [Нагиев, 2016, с. 38].

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают города раннесредневекового Азербайджана. В работе использован комплекс методов исторического исследования на основе комплексного подхода к имеющимся источникам.

Результаты и их обсуждение

Город Габала – столица Кавказской Албании¹⁴, где находилась резиденция албанских царей, позднее – сасанидских наместников (марзпанов) и христианское епископство, был одним из укрепленных городов сложного типа раннего средневековья. Несмотря на перенесение столицы из Габалы в Партав (Барда) (V в.) в связи с нашествием северных кочевников, с учетом стратегической важности города он был защищен мощными крепостными сооружениями.

В раннем средневековье обе части города, северная – Сельбир и южная – Гала, были укреплены крепостными стенами и башнями. Наземные части оборонительных сооруже-

¹⁴ В исторической литературе «Кавказская Албания», «Арран» – государство на территории исторического Азербайджана.

ний, в основном в Сельбуре, сохранились плохо (при этом северная и западная стороны сохранились в лучшем состоянии, чем восточная и южная). Судить о характере фортификации города возможно только по остаткам их фундаментов и сохранившимся частям.

Длина крепостных стен Сельбура составляет в периметре более 1 400 м. Большая часть восточной окраины Сельбура размыта рекой Джоурлучай, поэтому сейчас трудно судить о её первоначальном виде [Алиев, Гадиров, 1986, с. 25]. Предполагается, что южная сторона Сельбура, где расположены городские ворота, также была укреплена оборонительными стенами.

Северная стена была укреплена полукруглой башней внутренним диаметром 3 м из сырцового кирпича на глиняном растворе. Наружная часть стены и башни были облицованы сырцовыми кирпичами. С внутренней стороны города к востоку от башен на протяжении стен возведены вторичные стены позднего происхождения в виде контрфорса (6 м) из камня и обожженного кирпича на известковом растворе. Нижняя часть фрагмента крепости, выполненная из глинобитной массы («мохра» – «пахса»), характерная для ранне-средневекового времени [Нагиев, 2014, с. 28–31], дает основание считать, что башня была возведена в V–VI вв.

На западной стороне Сельбура изучена оборонительная стена длиной 35 м, толщиной 2,4 м и сохранившейся высотой 1 м. В её строительстве были применены пористый камень на известковом растворе и глинобит (серенная часть стены) [Гадиров, 1978, с. 40–42]. Разный строительный характер затрудняет точную датировку и восстановление их первоначального облика. Возможно, стены из пористого камня относятся к более древнему периоду, а при Сасанидах были восстановлены или построены заново на фундаменте старых.

Остатки квадратной в плане башни высотой до 14 м со сторонами 10 м на юго-западной части Сельбура позволяют утверждать, что башня была возведена из булыжника на известковом растворе, облицована четырехугольными плитами из мягкого пористого камня. Верхняя часть башни не сохранилась. Выше уровня городища находилась верхняя пологая часть башни, где, вероятно, размещались защитники города. Строительные материалы фундамента западной стены высотой 0,5 м идентичны строительному материалу башни [Гадиров, 1975, с. 63]. Под каменным полом обнаружены материалы Ялойлутепинской культуры (III–I вв. до н. э.). Предполагается, что башня и крепостные стены были построены в I в. до н. э. [Гадиров, 1990, с. 28], а в раннем средневековье они были отстроены заново.

Гала отличалась от Сельбура наличием более мощного укрепления. Она со всех сторон была окружена оборонительной стеной длиной 1 600 м. Сравнительно неплохо сохранились наземные части пяти полукруглых башен и крепостных стен Галы с юга. Сохранившаяся высота башен (10,7 м, 11,3 м, 14 м, 5 м) показывает, что они были более высокими. Толщина стен башен составляла 5 м, внутренний диаметр – 5 м, наружная линия полуокружности – 27 м. Толщина крепостных стен (5 м) сохранившейся высотой 3–7 м еще раз свидетельствует о более укрепленной обороне Галы, так как толщина крепостных стен Сельбура составляла 2,5–3 м [Исмизаде, 1962, с. 62]. Расстояние между башнями достигает 20–25 м; башни, расположенные по сторонам ворот, отделены расстоянием в 10,5 м. Видимо, такое усиление обороны южной части города было продиктовано наибольшей уязвимостью в этой части. В русле реки Джоурлучай обнаружены остатки разрушенных юго-восточных башен и стен.

Кроме крепостных стен Сельбур был укреплен и оборонительным рвом. Ров был расположен на северной стороне Сельбура, между крепостной стеной и глубоким оврагом. Здесь расположена широкая (5 м) земляная площадка, видимо, она была построена во время строительства крепостных стен. В некоторых местах, на самом краю этой площади, шла линия насыпи оборонительного характера. Такой же ров прослеживается между западной стеной Сельбура и оврагом реки Гарачай. Здесь ров (30 м) защищает город только с левой и правой стороны городских ворот. Кроме оборонительной функции эти рвы выполняли и роль коллектора против эрозии крепостных стен.

Что касается южной стороны Сельбира и северной Галы, то они были защищены искусственным рвом протяженностью около 350 м. Глубина рва около 18–20 м, ширина в верхней части – 30 м, а на дне – 5 м. Автор XV в. в труде «Шуджаетнаме» отмечает раннее происхождение и оборонительный характер этого рва [Azerbaýcan yurt bilgisi, 1932, с. 123–132; Ахмедов, 1986, с. 52]. Вопрос о том, какую часть города защищал ров – Сельбира или Галы, или же обе части города одновременно, остается дискуссионным. Деление территории города на две почти равные части заставляет предположить преднамеренное расчленение городищ для постепенной организации обороны [Кюи, 1889, с. 22, 24] как один из способов фортификации, описанный архитектором итальянского Ренессанса Альберти [Альберти, 1935, с. 134]. Необходимость расчленения города естественными или искусственными преградами объяснялась удобством в подавлении восставших народных масс [Альберти, 1935, с. 134].

Некоторые города сложного типа кроме цитадели имели дополнительную линию, которая защищала большую площадь. Такими были Хараба Гилан, Дербент и другие крупные по размеру города.

Сохранившиеся части фортификационных сооружений Дербента дошли до нас в уникальной сохранности, и на сегодняшний день они выглядят грандиозно. Каменный оборонительный комплекс города состоит из цитадели (нарынгала) на вершине высокого холма, северной и южной стен, тянущихся параллельно друг другу от нарынгалы до Каспийского моря (здесь стены уходили в море на расстояние до 500 м) и горной стены (Даг бары), протянувшейся от юго-западного угла цитадели до неприступных вершин Кавказа более чем на 40 км [Хан-Магомедов, 1966, с. 227–243; Кудрявцев, 1980, с. 100–106]. Почти полностью сохранились стены и башни цитадели и северной стены, а горная стена и южная стена города сохранились частично.

Пехлевийские надписи на его стенах и средневековые источники связывают возведение крепостных сооружений Дербента со строительной деятельностью сасанидских царей. Широкие археологические раскопки показали, что в Дербенте было два крупных этапа сасанидского строительства: сырцовое и каменное.

Систематическое изучение сырцовой фортификации – раннего сасанидского укрепления (сер. V в.) – показало, что она полностью совпадает с северной каменной стеной города и цитаделью [Кудрявцев, 1982, с. 173]. Сырцовая фортификация представляет собой мощную стену шириной 8 м, сложенную из сырцового кирпича крупного размера на основе глинобиной платформы, имеющей наружный каменный цоколь [Гаджиев, 1989, с. 61–76].

На втором этапе строительства крепостных сооружений Дербента в сасанидский период сырцовая фортификация (цитадель, южная и северная стены) была заменена на каменную. Расстояние между стенами в районе цитадели около 300 м, в прибрежной полосе – около 400 м; длина северной и южной стен 3 650 м и 3 500 м соответственно [Спаский, 1929, с. 267–276; Кудрявцев, 1987]. По сообщениям арабских историков и географов IX–XIII вв., стены города продолжались в море [Бартольд, 1965, с. 419–430; Кудрявцев, 1985], что подтверждается подводными археологическими исследованиями, в результате которых выяснено, что стена шла в море в пределах 250–450 м [Кудрявцев, 2020, с. 101; Кудрявцев, 1985, с. 121–122; Кудрявцев, 1987, с. 55].

При сооружении фортификации Дербента максимально был учтен рельеф местности, за счет которого усиливалась обороноспособность города. Громадные крепостные стены, идущие по краю крутых склонов холма, где расположена цитадель, защищали город с северной и восточной стороны. Более мощные и высокие стены южной стороны цитадели, многочисленные башнеобразные квадратные выступы делают её с этой стороны неприступной.

Северная стена города от цитадели до ворот Гырхлар гапы (около 700 м) следует по краю цитадели, огибая холм с севера, а далее до моря контур стены приобретает строгую геометрическую прямолинейность [Кудрявцев, 1976, с. 243]. Значительные изгибы контура в этой части создавали хорошие условия для флангового обстрела. Видимо, поэтому здесь число крупных башен с большим выносом сокращено, к тому же многие из них (13 из 16)

глухие. Все башни прямоугольные в плане и в основном стоят там, где рельеф не создал условий для флангового обстрела и были «мертвые» зоны. Этот самый ответственный в оборонном отношении участок северной стены завершается огромным круглым бастионом диаметром 24 м. Он фланкировал ворота Гырхлар гапы и охранял уязвимый участок стены, поворачивающийся здесь под прямым углом к югу [Кудрявцев, 1976, с. 56].

Пехлевийские надписи на северной стене, отличия между стенами, форма башен и расстояние между ними (северная стена снабжена часто расположенными башнями разных форм, а на южной стене стоят только прямоугольные башни на большом расстоянии друг от друга) [Кудрявцев, 1980, с. 103] подтверждают, что южная стена (прямолинейные очертания на всем протяжении) построена позднее цитадели и северной стены. Это объясняется второстепенной ролью южной стены. При этом на ней на наиболее слабых местах в оборонном значении (ворота Байат гапы и Орта гапы) стояли фланкирующие башни.

Две поперечные стены, обнаруженные в городе, выполняли оборонительные функции. Нижняя из них, примыкая к восточному торцу Джума мечети, шла с изгибом к востоку, защищая город с восточной стороны [Кудрявцев, 1984, с. 126]. Она была возведена в сасанидский период и функционировала в X–XI вв. [Кудрявцев, 1980, с. 27].

Верхняя поперечная стена (толщина 1,2–1,5 м), сложенная из крупного бутового камня, прикрывала дальние подступы к цитадели, создавая дополнительный оборонительный рубеж [Кудрявцев, 1984, с. 127]. Культурные слои V–VIII вв. на данном участке и другие археологические материалы дают возможность датировать эту стену IX–X вв. [Кудрявцев, 1980, с. 27]. Между верхней поперечной стеной и стеной цитадели образовалось пространство, которое не было застроено вплоть до XV–XVI вв. То есть за счет этого пространства создавались значительные трудности при штурме цитадели, кроме того, оно служило защитой от нападения со стороны города. Эти стены неоднократно были разрушены в результате политических или военных событий, о чем говорится в «Дербендname» [Кудрявцев, 1984, с. 127].

Города, расположенные на ровных и непересеченных местностях, укреплялись исключительно искусственным путем, так как для их защиты отсутствовали естественные ограждения – обрывистые берега рек, крупные склоны, глубокие овраги и т. д., что характерно для городов горных и предгорных областей. Таковы были города Бейлаган, Чёл Агдам, Шахрияр, расположенные в Мильской степи вдоль Миль-Муганской оросительной системы (Гявур архы) общей длиной 600 км, которая связывала реки Аракс с рекой Болгарчай на юго-востоке и рекой Гаргарчай на северо-западе. Проведение такого грандиозного канала еще раз доказывает наличие в стране сильной центральной власти, без которой невозможно было осуществление таких крупных строительных работ. Хозяйственное и стратегическое значение степных районов росло по мере укрепления феодальных отношений в Азербайджане.

Город Бейлаган и Миль-Муганские оросительные узлы построены одновременно ¹⁵.

Сам термин «гявур» показывает, что эти каналы существовали до арабского нашествия. При арабах в конце VIII–IX вв. часть этих каналов (муганская) вышла из строя, и города вдоль них («Шахриярский комплекс городов») окончательно замерли [Ахмедов, 1972, с. 32]. Упомянутые оросительные системы благоприятствовали развитию оседлой жизни, возникновению и росту городов в степных районах Азербайджана.

Наиболее интенсивная жизнь города Бейлаган приходится на VII–VIII вв., что соответствует ранним культурным слоям [Якобсон, 1965, с. 25]. Не исключено, что Бейлаган был построен как город-крепость с мощными оборонительными сооружениями и уже в начальный период своей истории имел мощную оборонительную стену [Иессен, 1969,

---

¹⁵ Мильский и Муганский гявурархы прорезали некрополи, состоящие из кувшинных погребений, верхняя дата которых в низменных районах определяется примерно II–III вв. [Ахмедов, 1979, с. 16]. Слово «Гявур» (арабская форма «кафир») происходит от слова «гябр» на фарси, т. е. огнепоклонник. Люди, принявшие ислам, особенно огнепоклонники, были названы кафирами. Их города, крепости и другие сооружения (гявургала, гявурарх), относятся к доисламскому периоду.

с. 33–51; Ахмедов, 1972, с. 40]. Со временем он стал городским центром, резиденцией наместника сасанидского царя. В развитии города особую роль играло и соседство с городом Барда.

Вокруг всей территории города (площадь – 40 га) были возведены крепостные стены общей длиной 2 410 м (605×600×610×590) [Ахмедов, 1979, с. 22; Нагиев, 2016, с. 77]. По всей протяженности крепостных стен город был окружен оборонительным рвом глубиной 1–2 м, шириной 10–30 м.

Поздние стены построены на фундаменте (6 м) раннесредневековых стен [Ахмедов, 1979]. На остатках ранних стен выявлены следы различных построек IX–XIII вв. Ширина ранних оборонительных стен (для внутренней и наружной облицовки был использован глиняной раствор с соломой толщиной 7 см) составляла 8 м. Предполагается, что крепостные стены имели высоту от 4 до 12 м. Совпадение местонахождения башен раннего и позднего периодов археологически не доказано. Полукруглая башня радиусом 7 м (обнаружена часть башни) относится к раннесредневековому периоду, о чем свидетельствуют сырцовые кирпичи размером 52×52×14 см, характерные для сасанидского строительства.

Сведения о крепостных стенах Бейлагана имеются в письменных источниках. В середине VII в. Бейлаган был занят арабами по «мирному договору», согласно которому они обязывались «не трогать городские стены» [Баладзори, 1927, с. 13; Ахмад ибн асам ал Куфи, 1981, с. 58]. Стены города были разрушены в 10–30 годы VIII в. в период арабо-хазарских войн, но не были тронуты во время восстания Мусафира против Халифата (748–752 гг.). Археологические данные подтверждают сообщения арабских авторов о разрушении городских стен полководцем Харун ар Рашидом (789–809) [Йакуби, 1927, с. 5,7; Баладзори, 1927, с. 13; Ибн ал Факих ал Хамеди, 1902, с. 27].

При укреплении города Нахчыван (система цитадели и шахристана) [Керимов, 1992, с. 27] были учтены географические особенности местности – край плоскогорья реки Аракс, склоны гор. Стены города охватили плоскую вершину склона, которая возвышается над уровнем долин на 30 м. Почти квадратная в плане цитадель со сторонами 140 м укреплена стенами с сохранившейся шириной 3,5 м при высоте 8 м. Обороноспособность стен усиливалась за счет восьми круглых башен диаметром 8 м и высотой 10 м [Керимов, 1981, с. 114–115]. Башни были расположены равномерно вдоль прямолинейных стен города. Это особенно увеличивало оборонную мощь города.

Шахристан города, который был расположен к западу от цитадели, был окружен линией оборонительных стен, соединяя эту часть города с юго-восточным углом цитадели. В верхних частях стен цитадели была предусмотрена боевая тропа [Керимов, 1981, с. 115]. Стены высотой не более 8 м на всех участках имели крутые склоны, были труднодоступными. С северо-западной стороны зигзагообразные стены были снабжены сильно вынесенными круглыми башнями диаметром 7–14 при высоте 8–9 м, которые располагались в поле видимости друг друга. Они защищали углы и повороты стен, имели массивное основание и несколько утончались кверху [Керимов, 1981, с. 118].

Узкий коридор между цитаделью и шахристаном, видимо, имел оборонное значение – он являлся ловушкой для захватчиков. Точная дата построения крепостных стен и башен Нахчывана не установлена. В.М. Сысоев в 1929 г. высказал мнение о том, что весьма вероятно, что город был построен при последних сасанидских царях [Сысоев, 1929, с. 87–121]. Об этом пока твердо говорить трудно. Однако, учитывая правильную планировку цитадели города, можно предполагать, что он был построен одновременно с городами Байлаган, Шамкир как крепость-гарнизон.

О существовании города Нахчыван с крепостными сооружениями в начале VII в. свидетельствует источник, где говорится, что «вступивший на престол в 610 г. византийский император Ираклий во время похода в Персию против царя Хосрова II разрушил город Нахчыван с крепостью» [цит. по: Никитин, 1882, с. 114]. В середине VII в. (655 г.) арабский полководец Хабиб ибн Маслама занял Нахчыван, заключив с жителями города

договор о безопасности людей, имущества, вероисповедания и городских стен. Последнее еще раз доказывает наличие укреплений города Нахчыван в VII в.

В обороне города Хараба Гилан особую роль играли естественные преграды. При этом город имел мощные фортификационные сооружения – стены и башни. Изучались остатки укреплений цитадели, юго-восточной оборонительной стены и стены около водной плотины [Ибрагимов, 1985, с. 15]. Также исследованы оборонительные укрепления предместья города [Ибрагимов, 2000, с. 28]. Линии фортификационных сооружений города тянулись вплоть до реки Аракс [Керимов, 1991, с. 31]. Ступенчатые оборонительные стены прикрывали город с западной стороны.

Отвесные обрывы и цепь оборонительных стен и башен со всех сторон окружали эллипсоидный холм на юго-восточной окраине города, на вершине которого расположена цитадель. Восточная и южная стороны цитадели превышают по высоте западную сторону холма (170–180 м) и кончаются крутыми обрывами. С северо-запада к цитадели ведет каменная лестница, высеченная в скале и сохранившаяся на высоту двухсот ступеней.

Вероятно, первоначальная высота оборонительной стены (местами она сохранилась на высоте до 2 м) была 4–5 м, при толщине 1,5 м. Наиболее пологие склоны участка цитадели были укреплены дополнительными линиями крепостных стен. Круглые и полукруглые башни цитадели играли важную роль в оборонительной системе города.

С востока у подножия цитадели город защищен линией стен общей протяженностью 540 м, толщиной 2–3 м, сохранившейся высотой 2–2,5 м [Керимов, 1978, с. 31–32]. Более мощную толщину в 15,4 м имела часть стены, которая перекрывала глубокий овраг и служила плотиной для водоема. Здесь крепостная стена была снабжена оборонительными башнями разной формы и размера – одна шестигранная, пять круглые. Пологая сторона холма, на котором находилась цитадель, была защищена шестиугольной башней. Высота крайней башни – около 8 м. Таким образом, данная стена защищала восточную сторону города, примыкая к северному концу холма, на которой расположена цитадель, и одновременно служила плотиной для водоема, который находился на её северной стороне, занимая весь овраг на северо-восточной окраине города. Вода поднималась до крутых склонов холмов, на которых расположены кварталы города. Там, где склоны были более уязвимы в оборонном отношении, были построены заградительные стены.

На юго-восточной стороне овраг крутыми утесами между цитаделью и первым кварталом города заканчивается стенами, укрепленными крепостными круглыми и крестообразными башнями. Длина укрепления (стен с башнями) в юго-западной части – 96 м. Диаметр круглых башен – от 7 до 12 м при толщине стен 2,5 м. К западу от цитадели идет западная линия обороны, которая прикрывала подступ к цитадели. Стена длиной 98 м при толщине 2 м была снабжена круглыми башнями диаметром 5,6 и 8 м.

Западная и северо-западная окраины города были укреплены стеной длиной 140 м, вдоль которой стоят четырехугольные башни со сторонами 20×11–12 м. Толщина стен 2 м. Вдоль линии крепостных стен были расположены жилые постройки, высокие стены (до 8–10 м) с узкими окнами («машикули»), которые увеличивали обороноспособность города в этой части. На северной стороне отсутствуют крепостные стены, однако здесь возведены отдельно стоящие башни. Ниже крупных утесов северной окраины города была построена заградительная линия стен. Здесь местами образуется двойная, а у цитадели – тройная оборонительная система.

Таким образом, все составные части города Хараба Гилан – цитадель, шахристан (кварталы), посад – были укреплены своеобразными фортификационными системами, учитывающими рельеф местности. Точной даты построения описываемых крепостных сооружений города нет. По мнению некоторых исследователей, в начале нашей эры цитадель города была укрепленным пунктом [Ибрагимов, 2000, с. 35]. При Сасанидах город вырос и был обнесен крепостными стенами – восточная и юго-восточная части цитадели, оборонительные и заградительные стены были построены при последних Сасанидах [Иб-

рагимов, 1985, с. 11–15]. По другой версии, стены и башни города возведены в переходном этапе от древнего периода к раннесредневековому [Керимов, 1978, с. 31–32].

Город Шиз (Тахти-Сулейман) в Южном Азербайджане укреплен крепостной стеной длиной 1 120 м. До построения крепостных стен город был окружен оборонительным валом. Стены из мелкого камня были облицованы тесаными камнями. Ширина крепостных стен – 3,80 м, высота – примерно 13 м [Naumann, Kleiss, Neglander, Gezelius, 1964, p. 19]. По другим данным, ширина стен достигает 10 м, высота – 7,5 м [Мюсаддиг, 1978, с. 26]. Вдоль этой древней стены (длиной с севера на юг 400 м, шириной с востока на запад 300 м) идут еще две параллельные стены – первая из сырцового кирпича (40×50×10) и вторая из камня, толщина которых вместе составляет 5 м. Таким образом, общая длина крепостных стен достигает 15 м [Нагиев, 2021, с. 11–12].

На всем протяжении стены снабжены 38 округлыми башнями [Naumann, Kleiss, Neglander, Gezelius, 1964, p. 19; Мюсаддиг, 1978, с. 28], которые расположены на расстоянии 25 друг от друга.

Видимо, каменные плиты на башнях (высота 1,5 м, ширина 1 м, толщина 0,8 м) с отверстиями в середине не только выполняли декоративную функцию в башне, но и являлись своеобразными зубцами-бойницами, за которыми прятались бойцы и стреляли по врагу через эти отверстия. Ворота города были укреплены башнями из обожженного кирпича.

Заключение

Получить полное представление об оборонительной системе раннесредневековых городов Азербайджана сложно. Это связано в первую очередь со скудностью письменных источников и малоизученностью этих городов в археологическом отношении.

Особенности фортификационной системы городов Азербайджана, её развития в эпоху раннего феодализма определялись внутренними и внешними причинами военно-политического характера, осадными техниками, приёмами организации обороны. Раннесредневековые города в основном являлись городами-крепостями, где военно-политический фактор играл большую роль, чем социально-экономический. В дальнейшем они становились крупными центрами торгово-ремесленного, политико-административного и культурного характера.

Города были укреплены мощными крепостными стенами и башнями, строительным материалом для которых служили сырцовые кирпичи большого размера и мохра (глинобитная масса). Для этого периода характерна монолитная стена без внутренней галереи, что, по всей вероятности, связано с появлением стенобитных орудий. Возрастает роль башен, которые превращаются в важные узлы обороны. Башни в основном круглые в плане, однако имеют место и прямоугольные башни. Последние ставятся на той стороне стены, которая имеет второстепенное значение в обороне города. Точное время замены формы башен в фортификации городов проследить трудно. Предположительно можно сказать, что такой переход имел место между V и VII вв., когда круглые башни получают более широкое применение. Кроме крепостных стен и башен города были укреплены глубокими и широкими оборонительными рвами.

Особое внимание было обращено на укрепления пограничных городов. Замена сырцовых фортификаций на каменные – большая эволюция в раннесредневековой фортификации городов.

Список литературы

- Алиев И.Г., Гадиров Ф.В. 1986. Кабала. Баку, Элм, 86.
Альберти. 1935. Десять книг о зодчестве. Т. I. М., Изд. ВАА, 392.
Ахмад ибн асам ал Куфи. 1981. Книга завоеваний. Пер. З.М. Буниятова. Баку, 84.

- Ахмедов Г.М. 1986. О результатах раскопок на участке VII территории Калы городища Кабалы. В: АЭИА (1985 г.). Баку, Элм: 45–47.
- Ахмедов Г.М. 1972. Средневековый город Байлакан (Историко-археологическое исследование). Автореферат дисс. д-ра ист. наук. Баку, 154.
- Ахмедов Г.М. 1979. Средневековый город Байлакан. Баку, Элм, 200.
- Баладзори. 1927. Книга завоевания стран. В кн.: Материалы по истории Азербайджана, вып. III, Баку, Общество обследования и изучения, 1–70.
- Бартольд В.В. 1965. Дербент. Соч., Том 3. М., Наука: 419–430.
- Гаджиев М.С. 1989. Исследования сырцово-фортификации цитадели Дербента. В кн.: Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала: 61–76.
- Гадиров Ф.В. 1975. Раскопки на крепостных стенах Сельбира (Кабала). В: АЭИА. Баку, Элм: 62–65.
- Гадиров Ф.В. 1978. Работы 1975 г. на городище Кабала. В: АЭИА. Баку, Элм: 40–42.
- Гадиров Ф.В. 1990. Результаты археологических исследований в Кабале в 1982 г. (Сельбирский отряд). В: АЭИА. Баку, Элм.
- Йакуби. 1927. История. В кн.: Материалы по истории Азербайджана, вып. IV, Баку, 1–36.
- Ибн ал Факих ал Хамеди. 1902. Китаб ал булдан: Книга о странах. Пер. Н.А. Караулова. В: СМОМПК. Вып.31. Тифлис: 1–57.
- Ибрагимов Б.И. 2000. Средневековый город Киран. Баку – Москва, 176.
- Ибрагимов Б.И. 1985. Средневековый город Хараба Гилан. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 25.
- Иессен А.А. 1969. Городище Оренкала. В: МИА СССР № 67. М.-Л: 33–51.
- Исмизаде О.Ш. 1962. Кабала – столица древней Кавказской Албании. Баку, Изд-во АН Азерб. ССР: 54–74.
- Керимов В.И. 1981. Крепость Йезидабад. В: Известия АН Азерб. ССР, Серия Литература, язык и искусство, 2: 117–118.
- Керимов В.И. 1978. Башни крепости Хараба Гилана. В: Гобустан, № 1, Баку, 123.
- Керимов В.И. 1991. Оборонительные сооружения Азербайджана эпохи Низами. Баку, Элм, 41.
- Керимов В.И. 1992. История развития оборонительного зодчества Азербайджана. Автореф. дисс. докт. арх. Баку, 54.
- Кудрявцев А.А. 1976. Город, не подвластный векам. Махачкала, Даг. кн. изд-во, 144.
- Кудрявцев А.А. 1982. Древний Дербент. М., Наука, 176.
- Кудрявцев А.А. 1985. Подводные археологические исследования в древнем Дербенте. АО – 1983. М., 56–57.
- Кудрявцев А.А. 1987. О синкретизме парфяно-сасанидских, греко-римских и местных традиций в фортификационной архитектуре и градостроительстве древнего и раннесредневекового Дербента. В кн.: Этнокультурные процессы в древнем Дагестане (Сборник статей). Махачкала, 112.
- Кудрявцев А.А. 1980. Сложение исторической топографии средневекового Дербента. В: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН СССР: 190–211.
- Кудрявцев А.А. 2020. Подводные археологические исследования средневекового порта Дербента, в свете данных арабских авторов IX–X вв. В: Вопросы подводной археологии, 11: 97–120.
- Кудрявцев А.А. 1984. Интерпретация сведений «Тарих Баб Ал-Абвоб Дербента» в свете археологического изучения города. В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., Наука, 36–44.
- Кудрявцев А.А. 1980а. Археологические данные о социальной топографии и структуре феодального Дербента. В: Генезис, основные этапы, общие пути в особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 96–97.
- Кюи Ц. 1889. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 300.
- Мюсадиг М. 1978. Столица древнего Азербайджана Тахти Сулейман. В: Гобустан, 1 (37): 26–29.
- Нагиев Г.Г. 2014. Техника строительства крепостных сооружений средневековых городов Азербайджана. В: Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 5–2: 28–31.
- Нагиев Г.Г. 2016. Средневековые города Азербайджана особенности динамики развития (по топографическим и фортификационным данным). В: Наука. Костанай. S4–2: 36–40.

- Нагиев Г.Г. 2021. Древний город Азербайджана Шиз (топографические и фортификационные особенности). В: История. Философия. Культура. Актуальные вопросы гуманитарных исследований. Сборник научных статей. Ассоциация «НИЦ «Пересвет». СПб.: 7–15.
- Нагиев Г.Г. 2016а. Оборонительные сооружения средневековых городов Азербайджана: пути развития и особенности эволюции. В: Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. Серия «Исторические науки». 4 (24): 75–87.
- Никитин К.А. 1882. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В: СМОМПК. Выпуск 2, отд. 1. Тифлис, 1–142.
- Спасский П.И. 1929. Дербентские укрепления. В: Известия Азкомстариса, Вып. 4, тетрадь 2. Баку: 267–276.
- Сысоев В.М. 1929. Нахичевань на Араксе и древности Нахичеванской АССР. В: Известия Азкомстариса, Вып. 4, тетрадь 2: 87–121.
- Хан-Магомедов С.О. 1966. Раннесредневековая горная стена в Дагестане. В: Советская археология, № 1: 227–243.
- Якобсон А.Л. 1965. Археологические исследования на городище Оренкала в 1953–1955 гг. В: МИА СССР, № 133. М.-Л.: 9–25.
- Azerbaijan yurt bilgisi. III c. 1932. İstanbul: Bürhanettin Matbaası, 1932: 123–132.
- Naumann R., Kleiss W., Neglander G., Gezelius L. 1964. Takhti Suleiman und Zendani – Suleiman. In: Archologischer Anzieger, № 1, Berlin, 135.

References

- Aliiev I.G., Gadirov F.V. 1986. Kabala. Baku, Elm, 86 (in Russian).
- Al'berti. 1935. Desyat' knig o zodchestve [Ten books about architecture]. T. I. M., Izd. VAA, 392 (in Russian).
- Ahmad ibn asam al Kufi. 1981. Kniga zavoevanij [Book of conquests]. Per. Z.M. Bunyatova. Baku, 84 (in Russian).
- Ahmedov G.M. 1986. O rezul'tatah raskopok na uchastke VII territorii Kaly gorodishcha Kabaly [On the results of the excavations on site VII of the territory of the Kalf settlement of Kabala]. In: AEIA (1985 g.). Baku, Elm: 45–47 (in Russian).
- Ahmedov G.M. 1972. Srednevekovyj gorod Bajlakan (Istoriko-arheologicheskoe issledovanie) [Medieval city Bailakan (Historical-archaeological research)]. Avtoreferat diss. d-ra ist. nauk. Baku, 154 (in Russian).
- Ahmedov G.M. 1979. Srednevekovyj gorod Bajlakan [Medieval city Bailakan]. Baku, Elm, 200 (in Russian).
- Baladzori. 1927. Kniga zavoevaniya stran [Book of Conquest]. In: Materialy po istorii Azerbajdzhana [Materials on the history of Azerbaijan], vyp. III Baku, Izd. Obshchestvo obsledovaniya i izucheniya, 1–70 (in Russian).
- Bartol'd V.V. 1965. Derbent. Soch., Tom 3. M., Nauka: 419–430 (in Russian).
- Gadzhiev M.S. 1989. Issledovaniya syrcovoj fortifikacii citadeli Derbenta [Investigations of the fortification of the citadel of Derbent]. In: Drevnyaya i srednevekovaya arhitektura Dagestana [Ancient and medieval architecture of Dagestan]. Mahachkala: 61–76 (in Russian).
- Gadirov F.V. 1975. Raskopki na krepostnyh stenah Sel'bira (Kabala) [Excavations on the fortress walls of Selbir (Kabala)]. In: AEIA. Baku, Elm: 62–65 (in Russian).
- Gadirov F.V. 1978. Rabota 1975 g. na gorodishche Kabala [Works of 1975 on the settlement of Kabala]. In: AEIA, Baku, Elm: 40–42 (in Russian).
- Gadirov F.V. 1990. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij v Kabale v 1982 g. (Sel'birskij otryad) [The results of archaeological research in Kabala in 1982 (Selbir detachment)]. In: AEIA. Baku, Elm.
- Jakubi. 1927. Istoriya [History]. In: Materialy po istorii Azerbajdzhana [Materials on the history of Azerbaijan], vyp. IV, Baku, 1–36 (in Russian).
- Ibn al Fakih al Hamedi. 1902. Kitab al buldan: Kniga o stranah [Kitab al Buldan: The Book of Countries]. Per. N.A. Karaulova. In: SMOМПК. vyp.31, Tiflis: 1–57 (in Russian).
- Ibragimov B.I. 2000. Srednevekovyj gorod Kiran [Medieval city Kiran]. Baku – Moskva, 176 (in Russian).
- Ibragimov B.I. 1985. Srednevekovyj gorod Haraba Gilan [Medieval city Kharaba Gilan]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. M., 25 (in Russian).

- Iessen A.A. 1969. Gorodishche Orenkala [Settlement of Orenkala]. In: MIA SSSR № 67, М.-Л.: 33–51 (in Russian).
- Ismizade O.Sh. 1962. Kabala stolica drevnej Kavkazskoj Albanii [Kabala – the capital of ancient Caucasian Albania]. Baku, Izd-vo AN Azerb.SSR: 54–74 (in Russian).
- Kerimov V.I. 1981. Krepost' Jezidabad [Yezidabad Fortress]. In: Izvestiya AN Azerb. SSR, Seriya Literatura, yazyk i iskusstvo [News of the Academy of Sciences of Azerbaijan. SSR, Literature, language and art series], № 2: 117–118 (in Russian).
- Kerimov V.I. 1978. Bashni kreposti Haraba Gilana [Towers of Kharab Gilan Fortress]. In: Gobustan, № 1, Baku (in Russian).
- Kerimov V.I. 1991. Oboronitel'nye sooruzheniya Azerbajdzhana epohi Nizami [Defensive structures of Azerbaijan in the era of Nizami]. Baku, Elm, 41 (in Russian).
- Kerimov V.I. 1992. Istoriya razvitiya oboronitel'nogo zodchestva Azerbajdzhana [History of the development of defensive architecture in Azerbaijan]. Avtoref. diss. dokt. arh. Baku, 54 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 1976. Gorod, ne podvlastnyj vekam [A city beyond the ages]. Mahachkala, Dag. kn. izd-vo, 144 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 1982. Drevnij Derbent [Ancient Derbent]. М., Nauka, 176 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 1985. Podvodnye arheologicheskie issledovaniya v drevnem Derbente Underwater archaeological research in ancient Derbent. In: AO – 1983 [Archaeological discoveries – 1983]. М.: 56–57.
- Kudryavcev A.A. 1987. O sinkretizme parfyano-sasanidskih, greko-rimskih i mestnyh tradicij v fortifikacionnoj arhitekture i gradostroitel'stve drevnego i rannesrednevekovogo Derbenta [On the syncretism of the Parthian-Sasanian, Greco-Roman and local traditions in the fortification architecture and urban planning of ancient and early medieval Derbent]. In: Etnokul'turnye processy v drevnem Dagestane (Sbornik statej) [Ethnocultural processes in ancient Dagestan (Collected articles)]. Mahachkala, 112 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 1980. Slozhenie istoricheskij topografii srednevekovogo Derbenta [The addition of the historical topography of medieval Derbent]. In: Drevnie i srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Dagestana [Ancient and medieval archaeological sites of Dagestan]. Mahachkala: Izd-vo Dagestanskogo filiala AN SSSR: 190–211 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 2020. Podvodnye arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo porta Derbenta, v svete dannyh arabskih avtorov IX–X vv. [Underwater archaeological research of the medieval port of Derbent, in the light of the data of Arab authors of the 9th – 10th centuries]. In: Voprosy podvodnoj arheologii [Issues of underwater archeology], № 11: 97–120 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 1984. Interpretaciya svedenij «Tarih Bab Al-Abwab Derbenta» v svete arheologicheskogo izucheniya goroda [Interpretation of the information «Tarikh Bab Al-Abwab Derbent» in the light of the archaeological study of the city]. In: Istochnikovedenie i tekstologiya srednevekovogo Blizhnego i Srednego Vostoka [Source Studies and Textual Studies of the Medieval Near and Middle East]. М., Nauka: 36–44 (in Russian).
- Kudryavcev A.A. 1980a. Arheologicheskie dannye o social'noj topografii i strukture feodal'nogo Derbenta [Archaeological data on the social topography and structure of feudal Derbent]. In: Genesis, osnovnye etapy, obshchie puti v osobennosti razvitiya feodalizma u narodov Severnogo Kavkaza [Genesis, main stages, common ways in particular the development of feudalism among the peoples of the North Caucasus]. Mahachkala, 96 (in Russian).
- Kyui C. 1889. Kratkij istoricheskij ocherk dolgovremennoj fortifikacii [Brief historical outline of long-term fortification]. SPb., 300 (in Russian).
- Myusaddig M. 1978. Stolica drevnego Azerbajdzhana Tahti Sulejman [The capital of ancient Azerbaijan Tahti Suleiman]. In: Gobustan, № 1 (37): 26–29 (in Russian).
- Nagiev G.G. 2014. Tekhnika stroitel'stva krepostnyh sooruzhenij srednevekovyh gorodov Azerbajdzhana [Technique for the construction of fortifications in the medieval cities of Azerbaijan]. In: Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International Journal of Applied and Basic Research]. № 5–2: 28–31 (in Russian).
- Nagiev G.G. 2016. Srednevekovye goroda azerbajdzhana osobennosti dinamiki razvitiya (po topograficheskim i fortifikacionnym dannym) [Medieval cities of Azerbaijan features of development dynamics (according to topographic and fortification data)]. In: Nauka [Science]. Kostanaj. № S4–2: 36–40 (in Russian).

- Nagiev G.G. 2021. Drevnij gorod Azerbajdzhana Shiz (topograficheskie i fortifikacionnye osobennosti) [The ancient city of Azerbaijan Shiz (topographic and fortification features)]. In: Istoriya. Filosofiya. Kul'tura. Aktual'nye voprosy gumanitarnyh issledovanij. Sbornik nauchnyh statej [History. Philosophy. Culture. Topical issues of humanitarian research. Collection of scientific articles]. Associaciya «NIC «Peresvet». Sankt-Peterburg: 7–15 (in Russian).
- Nagiev G.G. 2016a. Oboronitel'nye sooruzheniya srednevekovyh gorodov Azerbajdzhana: puti razvitiya i osobennosti evolyucii [Defensive Structures of Medieval Cities of Azerbaijan: Ways of Development and Peculiarities of Evolution]. In: Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Science Magazine. Series «Historical Sciences»]. № 4 (24): 75–87 (in Russian).
- Nikitin K.A. 1882. Gorod Nahichevan' i Nahichevanskij uezd. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza [Nakhichevan city and Nakhichevan district. Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. In: SMOMPK. Vyp. 2, otd. 1. Tiflis, 1–142 (in Russian).
- Spasskij P.I. 1929. Derbentskie ukrepleniya. Izvestiya Azkomstarisa [Derbent fortifications]. In: Izvestiya Azkomstarisa [News of Azkomstaris]. Vyp. 4, Tet. 2. Baku: 267–276 (in Russian).
- Sysoev V.M. 1929. Nahichevan' na Arakse i drevnosti Nahichevanskoj ASSR [Nakhichevan on the Araks and antiquities of the Nakhichevan ASSR]. In: Izvestiya Azkomstarisa [News of Azkomstaris]. Vyp. 4, tetrad' 2: 87–121 (in Russian).
- Han-Magomedov S.O. 1966. Rannesrednevekovaya gornaya stena v Dagestane [Early medieval mountain wall in Dagestan]. In: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], № 1: 227–243 (in Russian).
- Yakobson A.L. 1965. Arheologicheskie issledovaniya na gorodishche Orenkala v 1953–1955 gg. [Archaeological research at the Orenkala settlement in 1953–1955.]. In: MIA SSSR, № 133. M.-L.: 9–25 (in Russian).
- Azerbaycan yurt bilgisi. III c. 1932. İstanbul: Bürhanettin Matbaası: 123–132.
- Naumann R., Kleiss W., Neglander G., Gezelius L. 1964. Takhti Suleiman und Zendani – Suleiman. Archologischer Anzieger, № 1, Berlin, 135.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Received 29.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К.И. Скрябина, г. Москва, Россия

Hajiragim G. ogly Nagiyev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA named after K.I. Scriabin, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8206-9583](https://orcid.org/0000-0002-8206-9583)

УДК 94(4)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-65-74

Оригинальное исследование

Кроя в политике Венецианской республики в конце XIV – начале XV вв.

Коряков Д.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: koriakov.dmitrij2010@yandex.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу политики Венецианской республики по отношению к городу Крое, который расположен в Албании. Данный город и его крепость не были расположены на побережье Адриатического моря, но всё же серьёзно заинтересовали Венецию. На основе доступных венецианских источников сформирована картина политики Венецианской республики, направленной на получение Крои. Хронологические рамки исследования – с 1392 по 1404 год, от первой попытки втянуть правителя Крои в орбиту своего влияния до заключения договора с Никетой Топией в начале XV века. В результате показан процесс включения отдельной албанской территории в сферу политического и экономического влияния Венецианской республики.

Ключевые слова: Венецианская республика, Албания, Кроя, Марк Барбадиго, Константин Балшич, Никета Топия, Османская империя

Для цитирования: Коряков Д.А. 2023. Кроя в политике Венецианской республики в конце XIV – начале XV вв. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 65–74. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-65-74

Kroja in the Politics of the Venetian Republic in the Late XIV – Early XV Centuries

Dmitry A. Koryakov

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhni Novgorod 603950, Russia
E-mail: koriakov.dmitrij2010@yandex.ru

Abstract. This study is devoted to the analysis of the policy of the Republic of Venice in relation to the city of Kroja, which is located in Albania. This city and its fortress were not located on the Adriatic coast, but still seriously interested in Venice. The reason for this was Kroja's strategic position. The Kroja's fortress was a reliable defense of the center of the Venetian possessions in Albania - the city of Dyrrachium. Based on the available Venetian sources, a picture of the policy of the Venetian Republic aimed at obtaining Kroja was formed. The chronological framework of the study is from 1392 to 1404, from the first attempt to draw the ruler of Kroja into the orbit of his influence to the conclusion of an agreement with Niketa Topia at the beginning of the 15th century. As a result, the process of inclusion of a separate Albanian territory into the sphere of political and economic influence of the Venetian Republic is shown. Venice expanded its possessions, subordinating economically advantageous lands. First of all, this concerns the towns-communes of the Dalmatian coast.

Keywords: Republic of Venice, Albania, Kroja, Mark Barbadiko, Konstantin Balšić, Niketa Topia, Ottoman Empire

For citation: Koryakov D.A. 2023. Kroja in the Politics of the Venetian Republic in the Late XIV – Early XV Centuries. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 65–74 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-65-74

Введение

Венецианская республика вела активную политику в течение всех Средних веков. Будучи по своей форме городом-государством, она расширяла свои владения, подчиняя выгодные в экономическом плане земли. В первую очередь это касается городов-коммун Далматинского побережья, которые для Венеции обладали стратегической значимостью, давая возможность контролировать Адриатику. В XIII и XIV вв. венецианцы стали называть Адриатическое море *mare nostrum* и *culphus noster* – наше море и наш залив соответственно [Лазаревич, 2006, р. 213–214]. Однако в середине XIV века интерес к Далмации проявила Венгрия, что вылилось в войну Венгрии и Венеции 1356–1358 гг., в ходе которой республика потеряла все ключевые далматинские коммуны. Итогом войны стал Задарский мирный договор, по условиям которого Венеция теряла свои владения в Далмации, а венецианский дож исключал упоминание Далмации и Хорватии из своего титула. Также Венеция отрекалась [Лазаревич, 2006, р. 222–223; Норвич, 2010, с. 307–308] от целой Далмации от Кварнера до Диррахия¹⁶. Следующим событием, коснувшимся положения Венеции в Далмации, стала венецианско-генуэзская война, известная в сербской историографии как война за Тенедос 1378–1381 гг. [Крекић, 1958]. Окончанием войны стал Туринский мир, по итогам которого Венеция вновь отрекалась от Далмации, очерченной теми же границами, что и в Задарском мирном договоре [Норвич, 2010, с. 335; Коматина, Коматина, 2018, р. 72].

Объект и методы исследования

Объект исследования – история албанского средневекового города Кроя в контексте политики Венеции в указанных хронологических рамках. Комплекс методов исторического исследования был применен в данной работе в соответствии с его задачами.

Результаты и их обсуждение

Венецианская республика, потеряв позиции в Далмации, вынуждена была искать возможности для возврата влияния в Адриатике. Из-за того, что она не имела права владеть землями к северу от Диррахия, её внимание пало именно на этот город. Отношения с её тогдашним правителем Карлом Топией были установлены уже с 60-х гг. XIV в. В 1392 г. Диррахий оказался в руках Венеции, чем было положено начало «Венецианской Албании» [Коматина, Коматина, 2018, р. 64–65]. Привлекательной была Албания и в экономическом плане, так как из неё вывозилась соль, зерно, столь необходимое Венеции, у которой не было своих сельскохозяйственных угодий, древесина, а также ряд других товаров: засоленная свинина, рыба, овечья шерсть, охотничьи соколы и красители. Кроме того, эти земли представляли собой рынки сбыта венецианских товаров [Бартл, 2001, р. 35–36].

Венецианская республика чаще всего подчиняла своей власти прибрежные земли, с которыми было проще установить коммуникации, которые были ей необходимы и выгодны в геополитическом, военном и экономическом плане. Однако были и редкие исключения. Одним из них был город Кроя, который был расположен не на берегу, как Диррахий или Лежа, и не на берегу реки, с помощью которой можно было бы установить сообщение при помощи флота, как Скадар.

¹⁶ Диррахий – латинское название современного албанского города Дурреса. В данной работе мы будем использовать это название.

Несмотря на достаточное удаление Крои от побережья моря, она имела довольно выгодное положение, являясь географическим центром Албании [Божих, 1983, р. 12]. Иван Степанович Ястребов, русский историк, этнограф и дипломат, посетивший Балканы в XIX веке, описал и этот город. По его словам, укрепление Крои выстроено на вершине неприступной горы. Со всех её сторон находятся пропасти, а более лёгкий доступ к нему возможен с севера по террасе, где выстроен сам город. Кроме того, из Крои открывается вид на огромное пространство до Драча на запад и до Петрели на юг, называемое *regnum Albaniae* [Ястребов, 1904, с. 335–336]. Так, этот город, находясь в центре географической области, представлял собой достаточно защищённую крепость, которая защищала важный экономический и политический центр и одновременно один из северных форпостов Венецианской республики на Адриатике – Диррахий.

В научной литературе данного вопроса касались сербские историки. Политика Венеции в отношении Крои затронута в трудах Ивана Божича [Божих, 1983] и коллективном труде, посвящённом истории Черногории [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2. 1970]. Однако политика по отношению к Крое отодвинута на второй план и далеко не всегда изучена детально. Ещё менее затронул данную тему хорватский исследователь Милан Шуффлай [Šufflay, 1925]. В отечественной историографии албанская политика Венецианской республики изучена поверхностно [История Италии. Т. 1, 1970; Краткая история Албании, 1992].

Кроя стала представлять интерес для Венеции вскоре после получения Диррахия в свои руки – уже в ноябре 1392 г. Тогда венецианский дож дал указание своим *provisoribus*¹⁷ Michaeli Contareno и Petro Quirino, связанное с замком Кроей. Этот замок находился в двадцати тысячах шагов от Диррахия, и в нём есть обычай подавать сигнал дымом днём и огнём ночью, если заметят вражеское войско. Этим замком владела старшая сестра Карла Топии Елена, которая к тому времени вышла замуж за венецианского гражданина Марка Барбадико, известного в сербской историографии под фамилией Барбадико. Магистраты Диррахия должны были добиться от Марка и Елены, чтобы они владели Кроей от имени Венеции [Ljubić, 1874, р. 297–301; Thallóczy et al., 1918, р. 123–124; Божих, 1983, р. 57]. Неизвестно, что предприняли магистраты для достижения данной цели, а следующий документ, освещающий данный вопрос, повествует о событиях, произошедших спустя почти год.

В конце августа 1393 г. Республика св. Марка отвечала Марко Барбадико. Из ответа видно, что Марко и Елена согласились владеть крепостью от имени Венеции, о чём они принесли торжественную клятву. За это Марко и Елене обещали платить по 100 золотых дукатов ежегодно. Кроме того, Венеция готовила посольство к турецкому султану; было обещано, что Кроя будет представлена ему как венецианская крепость [Ljubić, 1874, р. 314–316; Thallóczy et al., 1918, р. 131]. Так, венецианские документы чётко показывают, что в республике осознавали военную значимость данного замка, обладание которым давало возможность защитить опорный пункт своих колоний на Балканах, подготовившись к нападению противника. Осознавали в республике и опасность, исходящую от турок, поэтому стремились представить замок Крою в качестве своей крепости, надеясь, что турки не захотят воевать с ними.

Тем не менее власть Венеции над Кроей продержалась недолго. Уже 21 мая 1394 г. венецианскому байло¹⁸ в Диррахии сообщали, что Марк Барбадико преклонился перед Паша Йигит-беом, поэтому байло должен предпринять меры, чтобы Марк со своей женой перестали быть отступниками и признали венецианскую власть. В случае если добиться этого невозможно, то байло должен был найти тех, кто мог бы передать Венеции Крою, обещая взамен ту же плату, которую получал Марк [Ljubić, 1874, р. 328; Thallóczy et al.,

¹⁷ Provisor – это магистрат коммуны, одна из должностей, существовавшей в Венецианской республике [Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Vol. II, 1973, р. 935].

¹⁸ Baiulus – высшее должностное лицо в городе [Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Vol. I, 1973, р. 93].

1918, p. 135]. В конце июля стало известно, что Марк получил от турок указание занять албанские земли вплоть до Диррахия, поэтому байло должен был публично объявить, чтобы Марк в течение трёх месяцев прибыл в Венецию и оправдался. При этом было учтено, что он мог отказаться приехать из-за накопившихся долгов, поэтому ему гарантировали запрет на взыскания в течение одного месяца со дня прибытия в Венецию [Ljubić, 1874, p. 331–332; Thallóczy et al., 1918, p. 135]. Такое решение показывает, что Республика св. Марка в то время не была настроена враждебно по отношению к Марку, своему гражданину, предлагая ему путь для примирения и даже гарантируя ему временную защиту от возможных долговых неприятностей. Целью этого было желание вернуть Крою как важный элемент системы защиты Диррахия.

Марк Барбадико, судя по всему, узнал о предпринятых действиях Венеции, но в республику не прибыл. Известно, что он отправил при помощи своего *procuratoris*¹⁹ *Liberalis*²⁰ в Венецию некие просьбы и что байло заключил некий договор с ним, однако в Венеции запретили предпринимать какие-либо действия по этому поводу до их распоряжения. Неизвестно, в чём заключались просьбы Марка, а также то, о чём он договорился с байло Диррахия. Безусловно, речь не могла идти о передаче Крои Венеции, иначе не было бы дано указания не исполнять условия договора. Следует учесть и новые обстоятельства, которые влияли на развитие событий. Марк Барбадико стал нападать на владения Венеции, чем сделал невозможным проход торговых караванов по окрестностям Диррахия, а также побуждать албанцев выступать против венецианской власти [Šufflay, 1925, p. 47; Божич, 1983, p. 57]. Данные события явно происходили после попыток Венеции примириться с ним, и поэтому, судя по венецианским документам, они могли происходить между 24 июля и 6 сентября 1394 г.

Тогда, в начале сентября, байло и капитану в Диррахии дали полномочия потратить 3 000 дукатов на получение Крои в свои руки и 1 000 дукатов на поимку Марка Барбадико. Также им было дано указание привлечь на свою сторону жену Марка Елену. В случае поимки *rebellionis Marci* его следовало держать в кандалах под хорошей охраной и сообщить поморскому капитану или другим флотоводцам, чтобы те прибыли в Диррахий для доставки его на галере в Венецию. Флотоводцам было дано указание выполнять просьбы байло и капитана Диррахия, а последним также давалось разрешение задействовать войска для охраны Крои, если она будет получена, а также им отправлялись [Ljubić, 1874, p. 336; Thallóczy et al., 1918, p. 136–137] дополнительно 20 *ballistariis*²¹. Вскоре указание было дополнено, и байло было разрешено предпринять необходимые меры против Елены, если она будет противодействовать намерениям республики [Ljubić, 1874, p. 336; Thallóczy et al., 1918, p. 137].

Вероятно, Венеция предприняла такие шаги уже после того, как Марк Барбадико совершил агрессивные действия против республики. Следует отметить, что было разрешено потратить немалые ресурсы на поимку отступника и получение Крои. Так, за выдачу Марка предполагалось заплатить сумму, равную пожалованиям, которые Марк получил бы за управление Крои за десять лет. Божич [Божич, 1983, p. 57] пишет, что позиция Елены была неизвестной, тогда как Шуффлай [Šufflay, 1925, p. 47] сообщает, что именно она подстрекала Марка выступить против Венеции. Маловероятно, что Венеция хотела бы привлечь её на свою сторону, если бы знала, что она спровоцировала Марка на агрессию против Венеции. Кроме того, в документе указано, что меры против неё следует предпри-

¹⁹ Прокуратор – лицо, которое выполняло какую-либо работу от имени другого физического или юридического лица [Лексикон српског средњег века, 1999, с. 589].

²⁰ *Liberalis de Bachinis de Ferraria*, венецианский гражданин, ранее был нотариусом в Улцине. Известно, как он оказался на службе у Марка.

²¹ *Ballistrarius* – воин, вооружением которого является *ballistra* [Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Vol. I, 1973, p. 94–95]. Баллистой называлось не только осадное орудие, но и арбалет [Шкриванић, 1957, с. 112]. В данном случае имеются в виду именно арбалетки.

нимать тогда, когда она будет противодействовать Республике св. Марка. Намерения республики тем не менее не изменились: на получение Крои было решено потратить немалое количество средств, а также привлечь военные силы.

Однако занять Крою Венеции не удалось. В конце 1394 [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, р. 60; Божић, 1979b, р. 202] или в начале 1395 г. [Šufflay, 1925, р. 47; Божић, 1983, р. 58] ею завладел Константин Балшич. Возможно, этот город ему передали турки, недовольные неудачами Марка Барбадиго [Fine, 2009, р. 419]. Константин также женился на Елене Топии, бывшей жене Марка Барбадиго, чем получил право владеть Кроей. Тогда в середине февраля 1395 г. в Венеции решили отправить к Константину посла, который должен был добиться передачи Крои, на что республика была готова потратить определённые средства. Кроме того, было решено отправить вооружённую барку к *partibus Sclauoniae*, чтобы увести оттуда обнаруженную галеру Марка [Ljubić, 1874, р. 339; Thallóczy et al., 1918, р. 139].

Сам Марк Барбадиго находился у Георгия Страцимировича Балшича. В историографии нет единого мнения о том, каков был его статус в то время. Есть точка зрения как о его пленении [Šufflay, 1925, р. 47; Божић, 1983, р. 58], так и его добровольном пребывании у Георгия [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, с. 60]. В начале июля 1395 г. байло было отправлено указание, чтобы он договорился с Георгием о выдаче Венеции Марка. Для этого можно было потратить 1 000 дукатов. Тогда же байло и капитану Диррахия сообщили, что в самом Диррахии находится *Antonius de civitate Nova*, который хочет придумать способ, как можно отнять у Константина Крою [Ljubić, 1874, р. 349; Thallóczy et al., 1918, р. 142]. Последнее указание свидетельствует о том, что если переговоры с Константином состоялись, то закончились неудачей. Сам правитель Крои был лоялен туркам и до захвата города, и после, что подтвердил участием в походе на Валахию 1395 г. на стороне турецкого султана [Божић, 1979b, р. 202]. За передачу крепости Константин мог бы дорого заплатить. Что касается Марка Барбадиго, то Георгий Страцимирович Балшич отказался пойти навстречу Венеции, и Марк пробыл у Георгия шесть лет, а в 1401 г. добровольно явился в Венецию, где был осуждён на выплату 100 ливров и пребывание в тюрьме в течение года [Šufflay, 1925, р. 48; Божић, 1983, р. 58]. Вместе с тем не вполне понятно, где мог находиться Марк Барбадиго в период с 1396 по 1401 гг., так как владения Георгия Страцимировича Балшича отошли Венеции.

В 1396 г. Венеция получила в свои руки владения Георгия Страцимировича Балшича, после чего решила предпринять более решительные шаги в Албании, надеясь на успех похода венгерского короля Сигизмунда [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, с. 72]. В конце сентября решено стянуть к Диррахию войска, для руководства выбирался один *provisor et gubernator*. Этот *provisor* должен найти способ отвоевать замок Крою, находившийся в то время в руках *Probistiti*²², и замок *Satti*²³, который захватил *Cozas*. Для достижения цели *provisor* после прибытия в Диррахий должен был провести осмотр войск, а также провести совещание с *Paulo Nani*²⁴, байло, и капитаном Диррахия. Кроме того, было решено заключить соглашение с *Comino Spata et comite Nicheta*, которые предлагают служить Венеции с 400 всадниками и 1 000 пехотинцев, и им предлагается платить не бо-

²² О личности *Пробиштита* ничего не известно. В научной литературе он назван кастеланом Крои [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, с. 72].

²³ Особенность данной крепости заключалась в том, что она, как и Кроя, находилась достаточно далеко от берега. Права на неё Венеция получала по договору с Георгием Страцимировичем Балшичем. Фактически она не находилась в их руках. Однако вопрос о её принадлежности решился мирным путём – владеть ею стал Прогон Дукаджини [Божић, 1979a, 350].

²⁴ О личности его ничего не известно. Из документа становится ясно, что это был человек, находившийся в то время на службе у венецианцев, которого отправили в Дриваст. Судя по тому, что он должен был находиться на военном совете, он был достаточно опытным в военных делах. Вместе с ним отправлялись и наёмники [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, с. 72].

лее 1 200 иперпиров в год, если им придётся уехать во владения Венеции [Ljubić, 1874, p. 385; Thallóczy et al., 1918, p. 156–159]. Вместе с тем начинания Венеции оказались напрасными: Сигизмунд потерпел поражение в битве при Никополе.

Отношения Константина Балшича и Венеции не были безоблачными. Константин занял Скурию и держал под контролем сухопутные торговые пути, ведущие от Диррахия вглубь Балкан, что не могло нравиться республике. В 1401 г. отношения Константина и Венеции несколько улучшились. В историографии встречается мнение о том, что республика предоставила Константину венецианское гражданство [Šufflay, 1925, p. 48; Божић, 1983, p. 58] и что это была инициатива самой Венеции. Также встречается мнение, что Венеция дала право людям Константина передвигаться и перевозить товары по венецианской территории под теми же условиями, какие выполняют и венецианские граждане [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, с. 80]. Вместе с тем в документе, датированном 8 августа 1401 г., ясно указано, что в Венецию прибыли послы Константина и Елены, которые передали их просьбы. Из него же следует, что людям Константина и Елены дают права пребывать, передвигаться и провозить товары на тех же условиях, на каких это делают венецианские граждане [Ljubić, 1974, p. 437–438]. Тем самым гражданство им не предоставлялось. В том же документе говорится о согласии выдать им некоторое имущество, если они докажут, что у них есть на него право.

Однако уже в 1402 г. сюзерен Константина Баязид был пленён после поражения в битве при Анкаре, после чего Константин, которого считали опасным противником, оказался в руках венецианцев в Диррахии. Затем он был казнён, что, однако не имело никаких последствий для Елены, и её просьба о возврате части имущества была удовлетворена [Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, с. 80; Божић, 1979b, p. 205; Божић, 1983, p. 58].

В том же году Венеция вновь заинтересовалась в получении Крои. После смерти Константина этим замком, а также Скурией, завладел comes Nicheta Thoría. Он был известен в Венеции и ранее, так как был её союзником, и воевал против Марка Барбадиго [Šufflay, 1925, p. 47; Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2, 1970, с. 60, 72, 80; Божић, 1983, p. 57], а также предлагал военную помощь венецианцам в их плане захватить Крою в 1396 г. Так, 29 июля 1402 г. байло Диррахия отправил в Венецию письмо, текст которого ныне неизвестен [Thallóczy et al., 1918, p. 210]. О содержании его можно судить из ответа, составленного 19 августа того же года. В нём, в частности, говорится, что байло и капитан Диррахия могут потратить указанную сумму, а также выделить четыре, а не два куска ткани разного качества стоимостью в полдуката и сумму в 30 дукатов, которые можно передать некоторым лицам для того, чтобы они стали повиноваться Венеции. Для лучшего укрепления Крои или более выгодного соглашения было разрешено потратить 1 000 золотых дукатов. Но было запрещено захватывать этот замок силой, так как это представляло опасность для войск [Thallóczy et al., 1918, p. 211]. Неизвестно, кто в то время владел Кроей и из чьих рук венецианцы хотели этот замок получить, так как в тот момент, когда байло писал письмо, прошло совсем мало времени от битвы при Анкаре. Неизвестно также, когда был захвачен в плен Константин. Можно лишь сказать, что им владел некто, кто не был враждебен республике. Возможно, городом уже тогда завладел Никета Топия, однако этому нет прямых подтверждений, а сам Никета, столь хорошо известный венецианцам, не указан в документе. Кроме того, Венеция, вероятно, не стала бы пытаться захватить город у своего союзника, даже если бы не было опасности для войск.

О власти Никеты Топии в Крое известно в 1403 г. Тогда в июне венецианцы сообщили rectoribus Скадара и Диррахия, что Никета решил построить укрепление в месте Sanctus Marcus, находящемся в 8 тысячах шагов от Диррахия, что нанесёт ущерб Диррахию и окрестностям, и будет необходимо сделать большие траты для её удержания. Поэтому необходимо найти способ помешать строительству этой крепости, используя и войска, но не подвергая их риску [Ljubić, 1875, p. 10–11; Thallóczy et al., 1918, p. 222–223]. Такое решение было вызвано опасением, что в случае активных действий против Никеты послед-

ний мог бы стать противником Венеции, что сильно ослабило бы защищённость Диррахия. Поэтому в литературе встречается упоминание о том, что республика разрешила Никете построить крепость [Божих, 1983, р. 63]. С таким утверждением можно отчасти согласиться, так как выбора у Венеции, если бы не удалось предотвратить постройку неагрессивными методами, не оставалось. Тем не менее неизвестно, было ли построено указанное укрепление.

Наконец, в 1404 г. Венеция смогла добиться своей цели. В республику был отправлен посол Никеты Топии. В литературе встречается упоминание, что тогда Никета стал служить Венеции, обязавшись поднять в Крое флаг Республики св. Марка, отправлять ежегодно двух соколов в Венецию и приходить на помощь венецианским городам [История Црне Горе. Кн. 2. Т. 2, 1970, с. 80; Божих, 1983, р. 63]. В действительности отношения с Никетой регулировались несколько шире. Так, он становился *amicus et servitor* Венеции, за ним признаётся владение Крои, которую он несправедливо занял, но он и его наследники должны держать на замке знамя Святого Марка. В качестве ежегодной платы за обладание Кроей он должен на праздник Святого Михаила отправлять байло Диррахия двух ястребов. Никета просил разрешения закупать в случае необходимости соль на Корфу и санкционировать работу собственных соляных копей, на что ему ответили, что соль следует покупать в Диррахии, а соляные копи необходимо разрушить и не допускать строительство новых. Также ему разрешали продавать зерно только венецианским купцам. Кроме того, Венеция ответила согласием на его просьбу об отправке арбалетчиков и бомбард. Наконец, Никета просил для себя какие-либо дары. Ему обещали, что если он будет верен и покорен Венеции, то будет получать в год 100 золотых дукатов, а также два одеяния, достойные барона. От Никеты также требовали, чтобы он не брал никаких пошлин с венецианских купцов, предоставлял им защиту и гарантировал свободу передвижения. Кроме того, он был обязан высылать войска на помощь и поддерживать венецианские военные акции. Через два года это соглашение было подтверждено [Ljubić, 1875, р. 43–44, 81; Thallóczy et al., 1918, р. 231–232, 248].

Венеция наконец получала контроль над Кроей. Никета Топия, фактический правитель города, теперь был на службе у Республики и, как ранее Марк Барбадико, теперь получал от неё такое же денежное довольствие. На Никету налагались обязательства оказывать военную помощь Венеции, а сама Венеция была готова усилить своими силами Крою.

Не менее важными были экономические обстоятельства договора с Никетой. Венеция включала новые земли в зону своего экономического влияния. Она ставила под свой контроль производство и торговлю солью, дав указание уничтожить соляные копи. Это не был первый подобный случай: в конце XIV в. было дано указание ректору Корфу, чтобы тот добился получения контроля над соляными копиями янинского деспота Эсау Буондельмонти, либо добиться их уничтожения. Подчинение земель Албании и части Зеты Венеции расширило возможности продажи соли из Диррахия. Так, в Скадаре, Леже и торговле св. Сергия могла продаваться соль лишь из этого города, чем расширялась его монополия [Hrabak, 1972, р. 246–247]. Поэтому логично, что она была расширена и на Крою, находящуюся к тому же недалеко от Диррахия. Кроме того, Венецианская республика ввела запрет [Храбак, 2005, р. 283] свободной торговли зерном на Адриатике, и потому подобный запрет распространялся и на территорию Крои. Сходные ограничения были введены и в приморских албанских городах [Краткая история Албании, 1991, с. 40].

Заключение

Таким образом, Венеции удалось добиться успеха в усилении своих позиций в Албании. В республике чётко осознавали значимость Крои в военном и стратегическом плане, она являлась достаточно защищённой крепостью, о чём говорит то, что сами венецианцы не стремились брать её штурмом, а также защищала окрестности Диррахия – цен-

тра албанских владений Венеции. Поэтому Республика св. Марка стала интересоваться установлением контроля над этой крепостью вскоре после получения Диррахия. При этом она чаще всего стремилась взять на службу владельца замка, а не захватывать его, что, вероятно, было связано с тем, что находящуюся столь далеко от берега крепость будет сложно охранять от врагов, особенно от турок, стремительно набиравших мощь. Гораздо выгоднее было найти союзника, которого можно поддержать войсками и который сам будет готов воевать на стороне Венеции.

Данная территория становилась подчинённой Венеции, но, вероятно, фактически не включалась в её состав. Отчасти подтверждает это и тот факт, что в важных приморских городах, прямо подчинявшихся Венецианской республике (в Диррахии, Скадаре, Леже), находились назначенные ею должностные лица – байло, капитаны, ректоры и т. д. О наличии подобных должностных лиц в Крое документы умалчивают.

Венеция стремилась получить Крою мирным путём. Лишь в 1396 г. она совершила военные приготовления, надеясь на поражение турецкого султана, тогдашнего сюзерена Константина Балшича. В остальных случаях Республика св. Марка намеревалась получить крепость экономическим путём. Причём она была готова потратить крупные средства для достижения своих целей: так, если владельцу Крои выплачивали 100 дукатов в год, то на получение этого города выделялись средства, которые потратились бы на такие выплаты в течение тридцати лет. В целом такой подход можно считать оправданным: у небольшой по площади Венецианской республики не было лишних войск, частью которых можно было бы пожертвовать, но экономическое положение её всё ещё было хорошим. Кроме того, подарками и посулами можно привлечь на свою сторону местную элиту, в то время как военные действия могут привести к вражде с ней, что может привести к конфликтам и нестабильности в будущем.

Наконец, Венеция стремилась не просто получить крепость, которая защищала бы её владения, но и включить её окрестности в свою систему экономических отношений. Так, устанавливались жёсткие ограничения на торговлю двумя важнейшими товарами, поставляемыми из албанских земель: на зерно и соль. Тем самым Венеция усиливалась не только в военном, но и экономическом плане.

Данные события, безусловно, стали временной победой Венеции. После договора 1404 г. с Никетой Топией и подтверждением его в 1406 г. в венецианских документах пропали какие-либо упоминания о Крое. Это свидетельствует о том, что сложившееся положение вещей устраивало республику, и она не стремилась что-либо менять. Однако уже в 1415 г. Никета умер, и в Крою вошли турки, что сделало позиции Венеции в Албании менее выгодными.

Список литературы

- История Италии. 1970. Т. 1. М., Наука, 427.
Краткая история Албании. 1992. М., Наука, 511.
Норвич Д. 2010. История Венецианской республики. М., АСТ, 862 (Norwich, John Julius. 1989. A history of Venice. L., 704).
Ястребовъ И.С. 1904. Стара Сербія и Албанија. Путевыя записки. В: Споменик Српске краљевске академије, 61, 1–267.
Бартл П. 2001. Албанци: од средњег века до данас. Београд, СЛЮ, 303.
Божих И. 1979. О Дукађинима. В: Божих И. Немирно Поморје XV века. Београд: СКЗ: 332–384.
Божих И. 1979. Dominus rex Constantinus. В: Божих И. Немирно Поморје XV века. Београд, СКЗ, 195–205.
Божих И. 1983. Албанија и Арбанаси у XIII, XIV и XV веку. В: Глас Српске академије наука и уметности, Одељење историјских наука. 3: 11–116.
Историја Црне Горе. Књ. 2. Т. 2. 1970. Титоград, 592.

- Коматина И., Коматина П. 2018. Настанак «Млетачке Албаније» и успомена на византијску власт у српском поморју. В: Историјски часопис, 67: 55–82.
- Крекић Б. 1958. Дубровник и рат око Тенедоса (1378–1381). В: Зборник радова Византолошког института, 5: 21–47.
- Лазаревић С. 2006. Задарски мировни уговор из 1358. године. Теме, 2: 213–231.
- Лексикон српског средњег века. 1999. Београд, 843.
- Храбак Б. 2005. Арбанашке студије. Књ. 3. Београд, ВОВА, 427.
- Шкриванић Г. 1957. Оружје у средњовековној Србији, Босни и Дубровнику. Београд, Научно дело, 226.
- Fine, John. 2009. The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest, 683.
- Hrabak B. 1972. Trgovina arbanaskom i krfskom solju u XIII, XIV i XV stoleću. In: Balcanica, 3: 237–272.
- Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Volumen I. 1973. Zagreb, 633.
- Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Volumen II. 1973. Zagreb, 635–1362.
- Ljubić Š. 1874. Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike. Knjiga 4. Zagreb, 480.
- Ljubić Š. 1875. Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike. Knjiga 5. Zagreb, 353.
- Ljubić Š. 1874. Documents on the relations between southern Slavs and the Venetian Republic. Book 5. Zagreb, 353.
- Šufflay M. 1925. Srbi i arbanasi, njihova simbioza u srednjem vijeku. Beograd, 142.
- Thallóczy, L., Jireček C., Sufflay E. 1918. Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. Vol. II. Vindobona, Typis Adolphi Holzhausen, 300.

References

- Istoriya Italii. T. 1 [History of Italy. Vol. 1]. 1970. Moskow, Nauka, 427 (in Russian).
- Kratkaya istoriya Albanii [A brief history of Albania]. 1992. Moskow, Nauka, 511 (in Russian).
- Norvich D. 2010. Istoriya Venetsianskoj respubliki [History of the Venetian Republic]. Moskow, AST, 862 (Norwich, John Julius. 1989. A history of Venice. L., 704) (in Russian).
- Yastrebov I.S. 1904. Stara Serbiya i Albaniya. Putevyaya zapiski [Old Serbia and Albania. Travel notes]. In: Spomenik Srpske kraljevske akademije [Monument of the Serbian Royal Academy], 61: 1–267 (in Russian).
- Bartl P. 2001. Albanci: od srednjega veka do danas [Albanians: from the Middle Ages to the present day]. Belgrade, CLIO, 303 (in Serbian).
- Božić I. 1979. O Dukachinima [About the Dukagjins]. In: Božić I. Nemirno Pomorje XV veka [Restless Pomorje of the 15th century]. Belgrade: SKZ: 332–384 (in Serbian).
- Božić I. 1979. Dominus rex Constantinus. In: Božić I. Restless Pomorje of the 15th century [Nemirno Pomorje XV veka]. Belgrade: SKZ: 195–205 (in Serbian).
- Božić I. 1979. Albanija i Arbanasi u XIII, XIV i XV veku [Albania and Albanians in the 13th, 14th and 15th centuries]. In: Glas Srpske akademije nauka i umetnosti, Odeљење istorijskih nauka [Bulletin of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Department of Historical Sciences]. 3: 11–116 (in Serbian).
- Istorija Crne Gore [History of Montenegro]. Book 2. Volume 2. 1970. Titograd, 592 (in Serbian).
- Komatina I., Komatina P. 2018. Nastanak «Mletachke Albanije» i uspomena na vizantijsku vlast u srpskom pomorju [The origin of «Venetian Albania» and the memory of the Byzantine rule in the Serbian Pomorje]. In: Istorijски часопис [Historical Journal], 67: 55–82 (in Serbian).
- Krekić B. 1958. Dubrovnik i rat oko Tenedosa (1378–1381) [Dubrovnik and the war for Tenedos (1378–1381)]. In: Collection of works of the Byzantological Institute, 5: 21–47 (in Serbian).
- Lazarević S. 2006. Zadar Peace Treaty of 1358. Themes, 2: 213–231 (in Serbian).
- Lexicon of the Serbian Middle Ages. 1999. Belgrade, 843 (in Serbian).
- Hrabak B. 2005. Albanian studies. Book 3. Belgrade, VOVA, 427 (in Serbian).
- Škrivanić G. 1957. Weapons in medieval Serbia, Bosnia and Dubrovnik. Belgrade, Scientific work, 226 (in Serbian).
- Fine J. 2009. The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest, 683.
- Hrabak B. 1972. Trade of Albanian and Corfu salt in the 13th, 14th and 15th centuries. Balcanica, 3: 237–272 (in Serbian).

- Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Volumen I. 1973. Zagreb, 633.
Lexicon latinatis medii aevi Iugoslaviae. Volumen II. 1973. Zagreb, 635–1362.
Ljubić Š. 1874. Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike [Documents on the relations between southern Slavs and the Venetian Republic]. Knjiga 4. Zagreb, 480.
Ljubić Š. 1875. Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i mletačke republike [Documents on the relations between southern Slavs and the Venetian Republic]. Knjiga 5. Zagreb, 353.
Šufflay M. 1925. Srbi i arbanasi, njihova simbioza u srednjem vijeku [Serbs and Albanians, their symbiosis in the Middle Ages]. Beograd, 142.
Thallóczy, L., Jireček C., Sufflay E. 1918. Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. Volumen II. Vindobona, Typis Adolphi Holzhausen, 300.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Received 17.01.2022

Поступила после рецензирования 10.09.2022

Revised 10.09.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коряков Дмитрий Алексеевич, аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5569-8325](https://orcid.org/0000-0002-5569-8325)

Dmitry A. Koryakov, postgraduate student of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(476)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-75-83

Оригинальное исследование

Полонизация белорусских воеводств Второй Польской республики с помощью вооруженных сил в 1930-е гг.

Тихонович О.В.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, 392024, г. Тамбов, ул. Н. Вирты, 201
E-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль польских вооруженных формирований, которые политическое руководство межвоенной Польши активно задействовало в 30-е гг. XX в. с целью успешного проведения полонизаторской политики по ассимилированию белорусского национального меньшинства в северо-восточных областях страны. Использование армейских формирований на территории белорусских воеводств являлось составной частью «санационной» политики Ю. Пилсудского, правительство которого стремилось заселить Восточные земли страны представителями польской нации. Реализация такой национальной политики «санационного» правительства встречала активное сопротивление со стороны крестьянских и городских жителей белорусских воеводств, которые активно выступали против колониальных методов польской администрации. В статье делается вывод о том, что военно-политические круги Второй Польской республики рассматривали вооруженные формирования в качестве руководящей силы по ликвидации национального самосознания белорусского этнического меньшинства.

Ключевые слова: Вторая Польская Республика, полонизация, вооруженные силы, белорусские воеводства, Восточные земли, санация

Для цитирования: Тихонович О.В. 2023. Полонизация белорусских воеводств Второй Польской республики с помощью вооруженных сил в 1930-е гг. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 75–83. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-75-83

Polonization of the Belarusian Voivodeships of the Second Polish Republic with the Help of the Armed Forces in the 1930s

Oleg V. Tikhonovich

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
201 N. Virty St., Tambov 392024, Russia
E-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the role of the armed forces of the Second Polish Republic in the 1930s, which the military leadership of J. Pilsudski actively used to carry out the policy of Polonization of the Belarusian voivodeships. In the article, the author examines the repressive actions of the Polish army against the Belarusian national minority, represented in the northeastern lands of the Polish Republic by the peasant population, who did not want to accept the national-cultural policy "Sanation". The military-political government of the country considered the Polish armed formations as a reliable means of planting Polish spiritual and cultural values in order to break historical ties with Russian civilization. The Polish central and local authorities resorted to the services of the armed forces in order to use violence to deprive Belarusians of the opportunity to use their native language in communication, open national schools, acquire land, and also express their opinion and dissatisfaction. The article concludes that the armed forces of the Second Polish Republic were sent to the Belarusian voivodeships to carry out punitive expeditions to destroy the national identity of non-Polish people.

Keywords: Second Polish Republic, polonization, armed forces, Belarusian voivodeships, Eastern lands, sanation

For citation: Tikhonovich O.V. 2023. Polonization of the Belarusian Voivodeships of the Second Polish Republic with the Help of the Armed Forces in the 1930s. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 75–83 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-75-83

Введение

Первая мировая война 1914–1918 гг. вывела на политическую карту Центрально-Восточной Европы ряд новых государств, которые образовались за счет распада трех империй – Российской, Германской и Австро-Венгерской. В числе таких новых стран особенно выделялась Вторая Польская республика (II Речь Посполитая), получившая 11 ноября 1918 г. свою независимость, которая была потеряна в результате так называемых Трех разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII столетия. Важно при этом отметить, что государственные границы Польской республики в межвоенное время замыкались не на исконных землях польской нации, что было определено лидерами Антанты на Парижской мирной конференции в 1919 г. путем установления так называемой «линии Керзона» [Акулин, 2017; Жеймо, 2018; Jędrzejewska, 2020], а территориальные претензии польских руководителей уходили далеко на Восток, вплоть до Смоленской земли. Такие хищнические аппетиты молодой Польской республики обосновывались с помощью теоретических концепций и националистических лозунгов, среди которых популярностью пользовался «Od morza do morza» (пер. с польск. – «От моря до моря»), означающий возрождение границ польской государственности от Балтийского до Черного морей. И политическое руководство Второй Польской республики в 1919 г., представленное приближенными Юзефа Пилсудского, развязало военные действия против молодой Советской России с целью присоединения литовских, белорусских и украинских территорий.

В результате польско-советской войны 1919–1921 гг. был заключен Рижский мирный договор, по которому Вторая Польская республика, представленная на высшем уровне польскими националистическими лицами, приобретала значительную часть белорусских и украинских территорий: так называемые земли Западной Белоруссии и Западной Украины, которые не являлись этническими для поляков. И на протяжении 20-х гг. буржуазно-демократические круги II Речи Посполитой в отношении жителей этих территорий наметили колонизационные методы социально-экономического и культурного порабощения. Данная внутринациональная политика Польской республики получила название полонизации [Кретинин, 2014; Исакаў, 2020].

Западная Белоруссия²⁵ в административно-территориальном отношении разделялась на четыре воеводства – Белостокское, Полесское, Новогрудское и Виленское. Данные воеводства представляли собой весь северо-восток страны. В территориальном отношении это было 100 тыс. км², на которых в начале 30-х гг. проживало около 4 млн чел., 70 % из них были лица именно белорусской национальности, то есть автохтонным населением белорусских воеводств Второй Польской республики являлись белорусы [Rzepkowski, 2005; Вабищевич, 2011; Barwiński, 2015; Ablamski 2017]. К тому же надо отметить, что в межвоенное двадцатилетие польское руководство стремилось в официальных статистических отчетах существенно занижить количество национальных меньшинств для того, чтобы ликвидировать саму проблему национального вопроса [Гольдштейн, 1940; Шевченко, 2020].

С целью удержать четырехмиллионное население северо-восточных воеводств, военно-политическое руководство Ю. Пилсудского, пришедшее к власти в результате май-

²⁵ В польских источниках межвоенного периода данная территория именовалась Восточными землями или окраинами.

ского переворота 1926 г. [Матвеев, 2015], усилило полонизаторскую политику на Восточных землях [Матвеев, 2008; Дедулин, 2015]. Успешность такой политики у Варшавы выделась только в польской армии, которая в 1930-е гг. активно привлекалась для ликвидации культурно-национальной автономии непольских этносов.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются вооруженные силы Второй Польской республики, применяемые в 1930-е гг. центральным военно-политическим руководством в белорусских воеводствах в отношении местного населения с целью их социально-культурного порабощения. «Санационное» правительство страны возлагало на польскую армию в Восточных землях не только миссию защиты от «большевистской заразы», как характеризовался общественно-политический строй СССР в провластной польской печати, но и в качестве важнейшего механизма по успешному осуществлению ассимиляции непольских элементов.

В данной статье применяются принципы историзма и объективности, составляющими частями которых являются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы исследования. Использование данных принципов и методов исследования позволяет всестороннее рассмотреть роль польских вооруженных формирований в проведении политики полонизации в северо-восточных воеводствах.

Результаты и их обсуждение

«Санационное» правительство Ю. Пилсудского в 1930-е гг. активно разрабатывало военно-теоретические планы действий против СССР, согласно которым на территории Восточных земель располагались крупные военные силы в лице следующих формирований: пехотные дивизии, кавалерийские и моторизованные бригады, а также Корпус охраны пограничья (КОП). Базированием данных воинских контингентов являлись как географические пространства, например, болотистые местности Полесья, а также крупные городские центры – Вильно, Барановичи, Лида [Ламов, 1937; Grzybowski, 2013; Wojtaszak, 2020].

Военно-политическое руководство Польской республики в 30-е гг. активно прибегало к услугам профессиональных военных с целью окончательно ассимилировать представителей национальных меньшинств в белорусских воеводствах. Исполнителями данной политики полонизации на северо-востоке страны являлись польские администрации и командующие военными округами, что, в свою очередь, вызывало массовые недовольства местного населения, которое в предыдущее десятилетие не только ощутило на себе негативные последствия социально-экономической и культурно-духовной колонизации, но и активно прибегало к революционным, бунтарским методам протеста: в первой половине 20-х гг. на территории польских Восточных земель шла настоящая партизанская война крестьянской массы, которая стремилась к справедливому разрешению земельного вопроса в свою пользу [Токть, 2005].

Враждебное отношение белорусов к представителям польской власти было продемонстрировано и охарактеризовано в специальной записке старосты Пружанского повета, составленной в конце января 1930 г. и направленной к брестскому воеводе В. Костек-Бернацкому, который являлся сторонником фашистской идеологии и выступал за реализацию жестких методов наведения порядка в белорусских воеводствах при помощи солдат и полицейских. В данной записке пружанский староста, который был поляком по национальности, перечислял В. Костек-Бернацкому те причины, которые, по его мнению, способствовали не только превращению белорусов в пассивную и непросвещенную массу, но и приводил аргументы, говорившие о рождении у белорусских лиц чувства вражды ко всему тому, что несла в себе польская гегемония на их землях.

Так, пружанский староста указывал, что белорусские воеводства в результате военных действий 1914–1921 гг. находились в экономической отсталости и на последнем месте в стране по демографической ситуации. Такое тяжелое социально-экономическое положение усугубил Мировой экономической кризис, начавшийся в 1929 г. и давший о себе знать на территории Восточных окраин в 1930 г.²⁶ Также пружанский староста в своей записке подчеркивал, что к белорусским гражданам II Речи Посполитой польские помещики, интеллигенция и чиновники относятся как к антисоциальным элементам, которые не способны обладать своим культурно-историческими прошлым и будущим. Поэтому чиновники, учителя, полицейские и военные, как отмечал пружанский староста, «в начале существования Польского государства» только разжигали социальную и национальную ненависть белорусов к полякам, но не принимали никаких действий и мер по ассимилированию белорусского этнического меньшинства. Поэтому пружанский староста убеждал брестского воеводу В. Костек-Бернацкого в том, что местным властям и военно-полицейскому аппарату нужно неукоснительно следовать тем рекомендациям, которые исходят от «санационного» руководства Ю. Пилсудского, а это означало применение более жестких методов по избавлению белорусского элемента от революционных и бунтарских идей с помощью репрессий, осуществление которых должно падать на воинские формирования [Польша-Беларусь, 2012, с. 110].

О необходимости включения вооруженных сил польской армии в ассимиляционную политику указывалось на специальной конференции, которая проходила 24 апреля 1937 г. в Гродно под громким названием – «Активизация польского элемента в Северо-Западных землях Польской республики». Конференция была представлена как командующими военных округов, так и воеводами. Все участники конференции стояли на позициях ликвидации национального самосознания народов, которые проживали на территории Восточных земель, так как физическое присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины в 1921 г. не несло в себе полного социально-политического и культурного господства польской нации. Для политических кругов Польской республики необходимо было окончательно искоренить, как они считали, чужеродные для государства национально-культурные элементы. И это могла осуществить, по большинству высказанного мнения, именно армия.

Так, бригадный генерал Ярнушкевич, служивший тогда на территории военного округа № 9, в своем выступлении на конференции подчеркнул, что именно офицеры вооруженных сил II Речи Посполитой успешно выполняют все задачи, связанные с проводимой на Востоке страны политикой колонизации, в то время как польские учителя и чиновники плохо справляются с этим [Польша – Беларусь, 2012, с. 158]. С данной точкой зрения согласился и полесский воевода де Траммеркурт, который в своем докладе даже предложил идею создания специальных центров из бывших военнослужащих, солдат, ушедших после службы в резерв. Именно такие центры из резервистов должны были, по мнению полесского воеводы, открываться во всех населенных пунктах белорусских воеводств с целью привлечения крестьянской молодежи в вооруженные силы. Подобные центры смогли бы, по заявлениям де Траммеркурта, привить новобранцам любовь к польской культуре с последующей ее передачей остальному населению [Польша – Беларусь, 2012, с. 159].

Следует также иметь в виду, что большинство населения белорусских воеводств по своему социальному составу было крестьянским, поэтому для успешной реализации колонизации использовался польский институт осадничества. Осадники представляли собой крупных землевладельцев, которые практически даром в Восточных воеводствах получа-

---

²⁶ К тому же надо иметь в виду, что экономическая политика польского правительства, проводившаяся в 20-е гг., не способствовала осуществлению индустриализации белорусских воеводств, а только усугубляла с каждым годом катастрофическое положение как сельского, так и городского населения путем превращения этих воеводств в сырьевой придаток Польской республики с последующей продажей сырья западноевропейским странам.

ли участки земли, размеры которых в среднем составляли 700 га, в то время как основная масса белорусских, украинских и русских крестьян страдала малоземельем или безземельем [Зимионко, 1932; Пичета, 1940; Гольдштейн, 1949; Василючек, 1977; Kirwiel, 2012].

Осадники по-своему происхождению являлись бывшими офицерами польской армии, которые проявили в 1914–1921 гг. свой героизм и умелое командование с целью возрождения II Речи Посполитой. И они были призваны играть роль катализатора в Восточных землях страны для утверждения там политического, экономического и национально-культурного господства польской нации. Это означало, что осадники обязаны были подчинить интересам Варшавы крестьянскую массу следующими тремя действиями: 1) не допустить приобретения крестьянами земельных участков; 2) заставить беднейших и безземельных крестьян работать на кабальных условиях; 3) контролировать настроения крестьянской массы. Верными их помощниками являлись профессиональные вооруженные формирования, которые при любом вызове совершали свои кровавые экспедиции против митингующих крестьян, стремившихся улучшить свое экономическое положение. И часто происходили случаи, когда во время таких экспедиций солдаты не только своим оружием избивали недовольных граждан, среди которых могли быть женщины и старики, но и в буквальном смысле грабили крестьянские избы и забирали абсолютно все имущество: скот, урожай, предметы обихода, вплоть до «последней тряпки» [Польша – Беларусь, 2012, с. 133, 136, 139–140].

Также польское руководство белорусских воеводств в 30-е гг. активно продолжало использовать вооруженные силы страны с целью недопущения реализации так называемого «Закона о языках», который был утвержден польским парламентом 31 июля 1924 г., согласно которому представителям национальных меньшинств разрешалось открывать свои школы, преподавание в которых велось бы на родном для них языке. Но все это возможно было достичь при одном условии: чтобы сами родители предоставляли властям соответствующие, специально составленные заявления. В этом и крылась пагубность реализации данного законопроекта, так как администрация всех уровней, представленная поляками в белорусских воеводствах, путем привлечения армии и полиции «отговаривала» репрессивными методами тех родителей, которые изъявляли желание подать подобные документы на открытие национальных школ для своих детей [Польша – Беларусь, 2012, с. 116–117]. И польскими чиновниками применялись не только словесные запугивания, но и физическое воздействие, в том числе массовые избиения и аресты.

Но все эти карательные методы по национальному угнетению белорусской нации во Второй Польской республике, осуществляемые с помощью армейских частей, шли в полный разрез с высшим законом страны – Конституцией. Об этом говорят и те документы, которые составлялись самими белорусами. Одно из таких открытых писем, написанное в 1930 г. жителями д. Подгурье Негневичской гмины Новогрудского повета, было адресовано премьер-министру страны В. Славеку, которому жители деревни прямо указывали, что они не чувствуют себя в безопасности, живут под угрозой «нагайки и тюрьмы вместо того, чтобы жить вольной жизнью, какой она, казалось бы, должна быть в конституционном и культурном государстве» [Польша – Беларусь, 2012, с. 118]. Но все подобные письменные просьбы, исходившие от белорусского этнического меньшинства, оставались без ответа по той причине, что «санационное» политическое руководство II Речи Посполитой в 30-е гг. не желало менять свой внутренний национальный курс.

Недовольства политикой колонизации в 30-е гг. исходили не только от местного населения и Советского Союза, который в лице III Интернационала в межвоенный период активно боролся против буржуазно-демократических и фашистских режимов, угнетающих рабочих и крестьян, но и встречались протесты и осуждения в форме дипломатических нот западноевропейских стран: например, со стороны Третьей Французской респуб-

лики, которая с первых месяцев существования II Речи Посполитой активно поддерживала польское руководство страны в ее военной агрессии на Восток²⁷.

Так, дипломатический представитель Франции в Польской республике 16 февраля 1930 г. направил в Париж к своему руководству специальную докладную записку, в которой указывалось на то, что поляки и белорусы во Второй Польской республике не смогут жить в полном мире и согласии, если Варшава и дальше будет продолжать полонизировать белорусские воеводства с помощью военных штыков и полицейских дубинок. И если польское правительство не сменит курс на так называемую «либеральную политику», то представители белорусской нации и дальше будут стремиться к воссоединению с Москвой, потому что, как верно отмечал французский посол, белорусы и русские на протяжении многих веков обладали едиными культурно-историческими связями, в то время как поляки столетиями шли другим путем развития [Польша – Беларусь, 2012, с. 112–113].

Французское министерство иностранных дел и в дальнейшие годы получало из Варшавы подобные докладные записки о положении национальных меньшинств в Восточных воеводствах. Так, в марте 1931 г. французский посол прямо указывал своему министру, что культурно-национальное закабаление всех граждан страны, осуществляемое военной кликой Ю. Пилсудского, может привести к тому, что политическая верхушка рано или поздно потеряет значительную часть своей территории, например, Виленский край, так как на северо-востоке II Речи Посполитой были очень сильны прокоммунистические настроения и пропаганда, особенно, в молодежной среде, а также и у представителей интеллектуального труда, которых силой заставляли отказываться от своих национальных ценностей [Польша – Беларусь, 2012, с. 118–119].

Заключение

Таким образом, польские вооруженные силы в белорусских воеводствах являлись надежным средством по проведению политики полонизации, которая была направлена на ликвидацию национально-культурных ценностей и социально-экономического благополучия белорусов. Польские солдаты и офицеры выступали также главной силой по успокоению белорусского элемента в межвоенной Польше, особенно в тех случаях, когда в белорусских местечках возникали антиправительственные манифестации, забастовки, крупные волнения. Такие действия польской армии в межвоенной Польше именовались пацификацией, во время которой польские солдаты получали полное право задерживать и избивать всех причастных лиц к волнениям, независимо от того, какого возраста и пола были «нарушители спокойствия», то есть под приклад польского солдата попадали не только мужчины, но и женщины, старики, подростки. И акции пацификации сопровождались часто разрушениями жилищ и зданий тех, кто принимал участия в антиправительственных демонстрациях, вплоть до конфискации личного имущества таких лиц. Подобные действия польских солдат в белорусских воеводствах могли проходить целыми днями и охватывать огромные пространства. Это были настоящие карательные экспедиции вооруженных сил против всех граждан, которые словом или делом выступали против утверждения полонизации.

«Санационное» правительство Польской республики, с целью окончательного подавления любого свободомыслия, разрешало местной администрации, представленной в северо-восточных областях в лице воевод, а также командующим войсками военных округов использовать вооруженные силы в отношении всех жителей белорусских воеводств, которые были недовольны утверждением социально-политического и культурно-

²⁷ Следует отметить, что «санационное» руководство Ю. Пилсудского с 1926 г. резко поменяло свой внешнеполитический курс: в начале 30-х гг. II Речь Посполитая пошла на сближение с СССР, а уже с 1934 г. военно-политические круги страны сделали ставку на сотрудничество с нацистской Германией. Такая неопределенность внешней политики и привела Польскую республику к трагедии 1 сентября 1939 г.

духовного доминирования представителей польской нации. Поэтому закономерно, что осенью 1939 г. так называемые земли Западной Белоруссии и Западной Украины воссоединилась с СССР, так как жители этих областей к началу Второй мировой войны ощутили на себе последствия польских процессов полонизации и децентрализации.

Список литературы

- Акулин Е.В. 2017. Польский вопрос в 1918–1921 гг. В: Аллея науки, 3 (9): 166–169.
- Вабищевич А.Н. 2011. Этнокультурные взаимоотношения на западно-белорусских землях в 1921–1939 гг. В кн.: Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. М., Институт славяноведения: 293–310.
- Василючек М.В. 1977. В семье единой (Воссоединение Зап. Белоруссии в братской семье народов). Минск, Вышэйшая школа, 112.
- Гольдштейн И.И. 1940. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. М., Соцэкгиз, 296.
- Дедурин Г.Г. 2015. Белорусский вектор в политике Юзефа Пилсудского. В кн.: Белоруссия и Украина: история и культура. М., Институт славяноведения РАН, 5: 300–318.
- Жеймо М. 2018. Геополитические условия формирования восточных границ Польши после окончания первой мировой войны. В: Проблемы межрегиональных связей, 13: 18–20.
- Зимионко А.Г. 1932. Оккупация и интервенция в Белоруссии. М., Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 46.
- Ісакаў С.А. 2020. Беларускія землі ў планах палітычных канцэпцый Ю. Пілсудскага і Р. Дмоўскага падчас польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.). В: Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія, 2 (104): 99–102.
- Кретинин С.В. 2014. «Польша для поляков»: политика полонизации и разномечивания в польской Республике в первой половине 1920-х годов. В: Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 1: 51–57.
- Ламов Л.М. 1937. Польша и ее армия. М., Гос. воен. изд., 134.
- Матвеев Г.Ф. 2008. Пилсудский. М., Молодая гвардия, 473.
- Матвеев Г.Ф. 2015. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше. В: Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика, 3 (26): 42–51.
- Пичета В.И. 1940. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., Соцэкгиз, 136.
- Польша – Беларусь (1921–1953): сборник документов и материалов. 2012. Сост. И.А. Валаханович, В.В. Данилович, А.Н. Вабищевич; ред. А.В. Волченко [и др.]. Минск, Белорусская наука, 442.
- Токть С.М. 2005. Динамика этнического самосознания крестьянского населения Западной Белоруссии в 1920–1930-х годах. В кн.: Белоруссия и Украина: история и культура. М., Наука: 285–304.
- Шевченко К.В. 2020. Положение белорусского национального меньшинства Второй Речи Посполитой в начале 1920-х годов в освещении западнобелорусской прессы. В: Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. Материалы международной научной конференции, Новозыбков, 28 марта 2020 г. Брянск, ООО Издательство «Аверс»: 194–202.
- Ablamski P. 2017. The Nationality Issue on the Peripheries of Central and Eastern Europe. The Case of Polesie in the Interwar Period. In: *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 52 no 2: 55–76.
- Barwiński M. 2015. Spisy powszechnie w Polsce w latach 1921–2011 – określanie czy kreowanie struktury narodowościowej? In: *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Geographica Socio-Oeconomica*, 21: 53–72.
- Grzybowski J. 2013. Belarussen in den polnischen Streitkräften in Friedenszeiten (1921–1939). In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 62 H. 2: 233–253.
- Jędrzejewska A. 2020. Polska wobec państw Europy Wschodniej w latach 1918–1945 (Украина – Białoruś – Estonia – Litwa – Łotwa). In: *Ład wschodnioeuropejski w polskiej myśli politycznej w XX wieku*, tom I: 43–57.

- Kirwiel E. 2012. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne. In: *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku*, 10: 181–193.
- Rzepakowski A. 2005. Spisy ludności na ziemiach polskich w latach 1789–1939. In: *Przegląd Nauk Historycznych*: 101–125.
- Wojtaszak A. 2020. Wykorzystanie środowiska naturalnego w polskich planach przyszłej wojny w latach trzydziestych XX w. In: *Oblicza Wojny, Armia kontra natura*, 1: 245–273.

References

- Akulin E.V. 2017. Pol'skij vopros v 1918–1921 gg. [The Polish question in 1918–1921]. In: *Alleja nauki [Alley of Science]*, 3 (9): 166–169 (in Russian).
- Vabishhevich A.N. 2011. Jetnokul'turnye vzaimootnosheniya na zapadno-belorusskikh zemljah v 1921–1939 gg. [Ethnocultural relations in the Western Belarusian lands in 1921–1939]. In: *Jetnokul'turnaja identichnost' narodov Ukrainy, Belorussii i Pol'shi: Mehanizmy formirovaniya i sposoby projavleniya [Ethno-cultural identity of the peoples of Ukraine, Belarus and Poland: Mechanisms of formation and ways of manifestation]*. M., Institut slavjanovedeniya: 293–310 (in Russian).
- Vasiljuchek M.V. 1977. V sem'e edinoj (Vossoedinenie Zap. Belorussii v bratskoj sem'e narodov) [In a single family (Reunification of Western Belarus in a fraternal family of peoples)]. Minsk, Vyshhejsjsh. shkola, 112 (in Russian).
- Gol'dshtejn I.I. 1940. Agrarnye otnosheniya v byvshej Pol'she, Zapadnoj Ukraine i Zapadnoj Belorussii [Agrarian relations in former Poland, Western Ukraine and Western Belarus]. M., Socjkgiz, 296 (in Russian).
- Dedurin G.G. 2015. Belorusskij vektor v politike Juzefa Pilsudskogo [The Belarusian vector in the politics of Jozef Pilsudski]. In: *Belorussija i Ukraina: istorija i kul'tura [Belarus and Ukraine: history and culture]*. M., Institut slavjanovedeniya RAN, 5: 300–318 (in Russian).
- Zhejmo M. 2018. Geopoliticheskie uslovija formirovaniya vostochnyh granic Pol'shi posle okonchanija pervoj mirovoj vojny [Geopolitical conditions for the formation of the eastern borders of Poland after the end of the First World War]. In: *Problemy mezhregional'nyh svjazej [Problems of interregional relations]*, 13: 18–20 (in Russian).
- Zimionko A.G. 1932. Okkupacija i intervencija v Belorussii [Occupation and intervention in Belarus]. M., Izd-vo Vsesojuz. o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselencev, 46 (in Russian).
- Isakaŭ S.A. 2020. Belaruskija zemli ŭ planah palitychnyh kancjepyj Ju. Pilsudskaga i R. Dmoŭskaga padchas pol'ska-saveckaj vajny (1919–1921 gg.) [Belarusian lands in the plans of the political concepts of Yu. Pilsudski and R. Dmowski during the Polish-Soviet war (1919–1921)]. In: *Vesci BDPU. Seryja 2. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Kul'turalogija [Lead the BDPU. Series 2. History. Philosophy. Political science. Sociology. Economic. Cultural studies]*, 2 (104): 99–102 (in Belarussian).
- Kretinin S.V. 2014. «Pol'sha dlja poljakov»: politika polonizacii i raznemechivaniya v pol'skoj Respublike v pervoj polovine 1920-h godov [«Poland for the Poles»: the policy of Polonization and denationalization in the Polish Republic in the first half of the 1920s.]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]*, 1: 51–57 (in Russian).
- Lamov L.M. 1937. Pol'sha i ee armija [Poland and its army]. M., Gos. voen. izd., 134 (in Russian).
- Matveev G.F. 2008. Pilsudskij [Pilsudski]. M., Molodaja gvardija, 473 (in Russian).
- Matveev G.F. 2015. K voprosu o tipologii rezhima «sanacii» v Pol'she [On the question of the typology of the «sanation» regime in Poland]. In: *Bereginja. 777. Sova: Obshhestvo. Politika. Jekonomika [Bereginya. 777. Owl: Society Politics. Economics]*, 3 (26): 42–51 (in Russian).
- Picheta V.I. 1940. Osnovnye momenty istoricheskogo razvitija Zapadnoj Ukrainy i Zapadnoj Belorussii [The main points of the historical development of Western Ukraine and Western Belarus]. M., Socjkgiz, 136 (in Russian).
- Pol'sha – Belarus' (1921–1953): sbornik dokumentov i materialov [Poland-Belarus (1921–1953): collection of documents and materials]. 2012. Sost. I.A. Valahanovich, V.V. Danilovich, A.N. Vabishhevich; red. A.V. Volchenko i dr.]. Minsk, Belorusskaja nauka, 442 (in Russian).

- Tokt' S.M. 2005. Dinamika jetnicheskogo samosoznaniya krest'janskogo naselenija Zapadnoj Belorussii v 1920–1930-h godah [Dynamics of Ethnic Self-Consciousness of the Peasant Population of Western Belarus in the 1920s–1930s.]. In: Belorussija i Ukraina: istorija i kul'tura [Belarus and Ukraine: history and culture]. M., Nauka: 285–304 (in Russian).
- Shevchenko K.V. 2020. Polozhenie belorusskogo nacional'nogo men'shinstva Vtoroj Rechi Pospolitoj v nachale 1920-h godov v osveshhenii zapadnobelorussoj pressy [The situation of the Belarusian national minority of the Second Rzeczpospolita in the early 1920s in the coverage of the Western Belarusian press]. In: Rossija i slavjanskije narody v XIX–XXI vv. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Novozybkov, 28 marta 2020 g. [Russia and the Slavic peoples in the XIX–XXI centuries. Proceedings of the international scientific conference, Novozybkov, March 28, 2020]. Brjansk, OOO Izdatel'stvo «Avers»: 194–202 (in Russian).
- Ablamski P. 2017. The Nationality Issue on the Peripheries of Central and Eastern Europe. The Case of Polesie in the Interwar Period. In: Studies in the History of Russia and Central and Eastern Europe, vol. 52 no 2: 55–76.
- Barwinsky M. 2015. Censuses in Poland in 1921–2011 – determining or creating a national structure? In: Journal of the University of Lodz Socio-Economic Geographical Leaves, 21: 53–72.
- Grzybowski J. 2013. Belarusians in the Polish Armed Forces in peacetime (1921–1939). In: Journal for East Central European Research, 62 H. 2: 233–253.
- Endzheevskaya A. 2020. Poland towards the countries of Eastern Europe in the years 1918–1945 (Ukraine – Belarus – Estonia – Lithuania – Latvia). In: The East European order in Polish political thought in the XX century, volume I: 43–57.
- Kirvil E. 2012. Economy of the North-Eastern Borderlands of the Second Polish Republic, conditions for development, economic reforms. In: Studies in the Socio-Economic History of the XIX and XX centuries, 10: 181–193.
- Rzepakowski A. 2005. Censuses of population in the Polish lands in the years 1789–1939. In: Historical Sciences Review: 101–125.
- Wojtashak A. 2020. The use of the natural environment in Polish plans for a future war in the thirties of the XX century. In: Faces of war, army against nature, 1: 245–273.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.09.2022

Received 19.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихонович Олег Владимирович, аспирант кафедры истории и философии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Oleg V. Tikhonovich, Postgraduate Student, Department of History and Philosophy, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

 [ORCID: 0000-0003-1842-2482](https://orcid.org/0000-0003-1842-2482)

УДК 94

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-84-92

Оригинальное исследование

Античность в концептах национального строительства в межвоенной Европе: идеология режима И. Метаксаса в Греции (1936–1941)

Сапожникова М.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: sapozhnikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Древность как концепт национального строительства в Центральной и Восточной Европе, особенно межвоенного периода, вызывает большой интерес как феномен рецепции античности. Данная статья раскрывает причины обращения режима И. Метаксаса (1936–1941) к античному прошлому его государства. В начале XX в. среди греческой интеллигенции появились убеждения об уникальности греческой нации в плане создания сразу двух цивилизаций – античной, а затем византийской. Пока в Европе набирали силу новые идеологии – нацизм, фашизм, греческое правительство искало свой самобытный путь, поскольку шансы реализации «Великой идеи» стали ничтожными к 1922 г., а либерализм премьер-министра Э. Венизелоса потерпел крах в 1929 г. Поэтому для Иоанниса Метаксаса было важно найти опору для своего режима, которая бы основывалась на традициях, добродетелях, идеалах и героях легендарного античного прошлого. Такой идеологией стала «третья греческая цивилизация».

Ключевые слова: Греция, Иоаннис Метаксас, греческий национализм, античность, режим «Четвёртого августа»

Благодарности: работа подготовлена при поддержке гранта НИУ «БелГУ» для создания и развития молодежных студий научно-инновационного творчества (приказ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ» № 992-ОД от 22.08.2022). Студия «Цитадель «Хронос»; проект «От древней истории к новым нациям: этнос, нация, национализм в прошлом и настоящем» (научный руководитель студии д-р. ист. наук, проф. Н.Н. Болгов).

Для цитирования: Сапожникова М.Г. 2023. Античность в концептах национального строительства в межвоенной Европе: идеология режима И. Метаксаса в Греции (1936–1941). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 84–92. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-84-92

Antiquity in the Concepts of Nation-Building in Interwar Europe: the Ideology of the I. Metaxas Regime in Greece (1936–1941)

Maria G. Sapozhnikova

Belgorod National Research University,
14 Studencheskaja St., Belgorod 308007, Russia
E-mail: sapozhnikova@bsu.edu.ru

Abstract. Antiquity as a concept of nation-building in Central and Eastern Europe, especially in the interwar period, is of great interest as a phenomenon of the reception of antiquity. This article reveals the reasons for the treatment of the regime of I. Metaxas to the ancient past of his state. At the beginning of the XX century. among the Greek intelligentsia there were ideas about the uniqueness of the Greek nation in terms of creating two civilizations at once – the ancient, and then the Byzantine. While new ideologies – Nazism, fascism – were gaining strength in Europe, the Greek government was looking for its own distinctive path, since the chances of realizing the «Great Idea» became negligible by 1922, and the liberalism of Prime Minister E. Venizelos collapsed in 1929. Therefore, it was important for Ioannis

Metaxas to find a support for his regime, which would be based on traditions, virtues, ideals and heroes of the legendary ancient past. The «third Greek civilization» has become such an ideology.

Keywords: Greece, Ioannis Metaxas, Greek nationalism, antiquity, the «Fourth of August» regime

Acknowledgements: The work was prepared with the support of a grant from the National Research University «BelsU» for the creation and development of youth studios of scientific and innovative creativity (order of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education NRU «BelsU» No. 992-OD dated August 22, 2022). Studio «Citadel» Khronos»; project «From ancient history to new nations: ethnos, nation, nationalism in the past and present» (scientific director of the studio, Doctor of History, Prof. N.N. Bolgov).

For citation: Sapozhnikova M.G. 2023. Antiquity in the Concepts of Nation-Building in Interwar Europe: the Ideology of the I. Metaxas Regime in Greece (1936-1941). Via in tempore. History and political science. 50 (1): 84–92 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-84-92

Введение

В XIX веке в Центральной и Восточной Европе пробуждаются национальные движения, идет процесс «рождения наций». В 1-й пол. XX в. с распадом последних империй Европы образовался ряд новых независимых государств. В межвоенный период в них активно идет процесс национального строительства. Зачастую при этом активно используется концепт древности (античности), придающий молодой нации исторический бэкграунд. Этот процесс, особенно межвоенного периода, вызывает большой интерес как феномен рецепции античности [Болгова, 2022, с. 448–457], а также с точки зрения генезиса феномена национализма.

Установление режима Иоанниса Метаксаса в Греции происходило на фоне ряда военных переворотов, социально-экономической нестабильности. В это же время на политической сфере отразились и мировые события. В октябре 1935 г. Италия предприняла полномасштабное вторжение в Абиссинию, угрожая позициям Великобритании в Египте и гегемонии королевского флота в Восточном Средиземноморье. Три года спустя, в 1938 г., Германия установила своё господство над Центральной Европой в результате серии военных операций, включив Австрию и Судетскую область в состав рейха путём аншлюса и Мюнхенского соглашения.

Расчленение Чехословакии нанесло смертельный удар по французской системе безопасности в Юго-Восточной Европе. В то время как доверие к Франции как к великой державе почти полностью подорвалось в одночасье, Вена и Прага внезапно предоставили готовые платформы для оживлённой и возрождающейся Германии, чтобы спроецировать свою мощь на Юго-Восточную Европу и перестроить эту область в соответствии с планами Берлина по созданию нового европейского порядка. Это, в свою очередь, дало толчок национальному самоутверждению в ревизионистских государствах, Болгарии и Венгрии, в то время как это вызвало волны национальной незащищённости и внутренней нестабильности в государствах, имевших статус-кво – Греции, Румынии и Югославии.

Объект и методы исследования

Объектом статьи является античное и византийское наследие, используемые в пропаганде режима «Четвёртого августа» в Греции.

Для изучения вопросов, касающихся идеологии национализма, применялся социокультурный подход. В ходе работы над статьёй были использованы следующие методы: просопографический и историко-биографический, которые позволили изучить деятельность некоторых государственных лидеров, направленную на создание новой национальной идеологии; сравнительно-исторический метод предоставил возможность выявить сходства и различия в рецепции античности в политических программах И. Метаксаса и его предшественника.

Результаты и их обсуждение

Чтобы понять конкретную политику и мировоззрение, на которых основывался режим Метаксаса, также необходимо осветить исторический и национальный контекст.

Влияние Первой мировой войны на Грецию было сильным: она усугубила существующие разногласия и свела на нет эффективность политических структур и всего государства. Национальный раскол был порождён разногласиями между политической элитой, оппозицией и командующими вооружёнными силами.

Конфликт возник из-за ожесточённой конфронтации между королём Константином I и его премьер-министром Элефтериосом Венизелосом. Противоречия заключались в представлениях о том, как вывести Грецию из Первой мировой войны и реализовать греческие национальные амбиции, известные как «Великая идея» [Петрунина, 2015, с. 93]. В своих самых далеко идущих видениях она стремилась к возрождению греческой империи на Востоке – новой Византии – с отвоеванием бывшей имперской столицы Константинополя. Король хотел удержать Грецию на нейтральном курсе, в то время как Венизелос предпочёл участие в войне на стороне Антанты.

Константина часто обвиняют в германофилии. Этому способствовал и тот факт, что он был связан браком с Софией, сестрой кайзера Вильгельма. Несомненно, что король был поклонником немецкого милитаризма, о котором он знал из первых рук как на полях сражений, так и в академии. Будучи главнокомандующим греческими вооружёнными силами в кампании 1897 г. против Османской империи, тогда ещё наследный принц был свидетелем эффективности, с которой обученные немцами турецкие войска за поразительно короткий промежуток времени сумели разгромить его армию. Два года спустя, в 1899 г., он отправился в Германию, став студентом Берлинской Военной академии. Константин также опасался британской морской мощи, и из-за геополитического положения Греции он считал слишком опасным вступать в противоборство с Англией и её союзниками. С другой стороны, присоединение к Антанте подвергло бы недавно завоеванные Грецией земли в Македонии притязаниям Болгарии, которая в 1915 г. встала на сторону блока.

Македония имела особую символическую ценность для Константина: его триумфальный въезд в Салоники, трофеем Балканских войн во многом оправдывал его в глазах общественности после позорного поражения от османов в 1897 г. Это помогло обрести ему много преданных сторонников как в правительстве, так и в армии. В 1913 г., в момент триумфа монархии и в то время, когда принц собирался сменить своего отца на троне, многие ожидали, что он примет стиль Константина XII, преемника Константина XI Палеолога, последнего императора Византии, чтобы указать, что наследнику суждено вернуть Константинополь.

Затяжное противоборство между королём и премьер-министром привело Грецию в состояние гражданской войны и разделило страну на роялистскую «Старую Грецию» и венизеллистскую «Новую Грецию» с двумя правительствами, одним во главе с Константином в Афинах, другим, возглавляемым Венизелосом, в Салониках. В 1917 г. державы Антанты вмешались в конфликт на стороне Венизелоса и вынудили Константина отречься от престола, в то время как Греция вступила в Первую мировую войну под руководством премьер-министра [Никитина, 1995, с. 137].

Как державе-победительнице на мирных конференциях в Париже, Греции не только было разрешено сохранить свои владения в Македонии, но она также получила бывшую болгарскую территорию во Фракии и обширные участки бывших османских земель в Малой Азии (Иония). Последнее оскорбило итальянские амбиции и заложило основы непростых отношений между двумя государствами, которые продлились весь межвоенный период. Более того, высадка греков в Малой Азии создавала впечатление, что настал момент гегемонии Греции на Ближнем Востоке и что она превратится в средиземноморскую державу среднего размера наравне с Италией. На короткое время даже казалось, что Британия

или, по крайней мере, Ллойд Джордж подумывали о том, чтобы рассчитывать на Грецию в качестве основного проводника своих интересов в этой области.

Однако в ноябре 1920 г. Венизелос неожиданно потерпел поражение на выборах, и вскоре после этого Константин вернулся в Грецию, а Венизелос отправился в изгнание в Париж. Это, в свою очередь, перенесло Национальный раскол на греческие общины в Малой Азии до такой степени, что Священный Синод даже рассматривал вопрос об отлучении короля Константина, в то время как Афины ответили сокращением всей финансовой помощи Патриархату в Стамбуле. Катастрофа 1922 г. – поражение в войне с Турцией Ататюрка и потеря территорий в Малой Азии и Фракии – на время остановила неовизантийские амбиции Греции.

10 октября 1935 г. очередной военный переворот в Греции восстановил монархию, которая была упразднена после Первой мировой войны. 4 августа 1936 г. король Георг II установил постоянную диктатуру под руководством генерала Иоанниса Метаксаса, видного роялиста. Этот политический режим в полной мере соответствовал синхронным националистическим крайне правым режимам многих стран Европы того же времени.

В определённых случаях пропаганда, используемая режимом Метаксаса, подражала методам Муссолини и Гитлера. И. Метаксас присвоил себе символические титулы «Первый рабочий» (Protos Ergatis) и «Первый крестьянин» (Protos Agrotis), основал национальную молодёжную организацию EON (Ethniki Organosis Neoleas), которая напоминала Гитлерюгенд, и ввёл «римское приветствие». Однако либеральные историки считают, что Метаксасу не удалось заручиться подлинной поддержкой народа, а отечественные учёные имеют более сбалансированную точку зрения [Петрунина, 2010, с. 638].

Диктатор явно пытался преобразовать греческое сознание и создать поколение новых «возрождённых греков». Эти усилия соответствовали тем, которые предпринимали Гитлер, Муссолини для создания «нового человека». Идеологическое содержание реформ И. Метаксаса имело много общего с фашизмом и нацизмом и может рассматриваться как попытка переориентировать Грецию в направлении, которое также привело бы её в соответствие с запланированным Осью «новым порядком» в Европе.

В поисках идеологических опор режим Метаксаса, желая создать современную и культурно однородную Грецию, взял за образец классическую Элладу и ввёл культурную и национальную политику интеграции. Византийский концепт при этом отошел на второй план.

Из классической античности И. Метаксас приписывал первостепенное символическое значение милитаристской и олигархической Спарте и изображал её как первую из трёх греческих цивилизаций.

Двумя другими были Византия, представляющая христианский ортодоксальный идеал, и его собственный «режим 4 августа», изображаемый как «Третья греческая цивилизация».

Диктатор считал, что после 400-летнего турецкого господства греческая цивилизация была полностью уничтожена [Никитина, Петрунина, 2005, с. 459–460], и он видел идеал классической Греции (Спарты) как средство перехода страны XX в. с её нынешнего уровня «ублюдочной культуры» праздных индивидуумов к «чистой расе» дисциплинированных, неиспорченных мужчин и женщин, работающих на общее дело создания «новой Греции».

Примечательно, что И. Метаксас рассматривал античность не просто как идеал, которым можно пассивно восхищаться, а скорее как метод прямых политических действий по модернизации общества и культуры. Такое представление об Элладе, вероятно, происходило из личного восхищения немецкой культурой, эффективно использовавшей концепт Эллады в тех же целях.

Его взгляды в некоторой степени напоминали взгляды Вильгельма фон Гумбольдта, идеолога восстановления Германии после наполеоновских войн, который высказывался за преподавание классического греческого языка и истории как средства очищения немецкой

культуры и общества от французского влияния и поднятия государства на более высокий уровень цивилизации [Gourgouris, 1996, p. 122].

Восхищение немцев греческой древностью и кредо Гумбольдта, в свою очередь, придали греко-германским отношениям эмоциональную окраску, которой не было в отношениях Германии с другими странами Балканского региона. Национал-социалисты видели интеллектуальную близость между древними греками и современными немцами.

Один из идеологов германского нацизма Альберт Шпеер отметил, что Гитлера впечатлила греческая архитектура и он рассматривал античную культуру как выражение высочайшего вообразимого совершенства [I Ellada 1936–44, 1989, p. 52]. В дневнике Йозефа Геббельса можно прочесть о чувствах, которые были вызваны у немецкого министра пропаганды во время его первого визита в Грецию. Он описывает, как мечта его юности сбылась в воздухе над горой Олимп: «Там возвышается гора Олимп, а там Парнас. От этого становится тепло. Всплывают старые воспоминания из моей юности. Мечта становится явью. Солнце садится красиво над вечной Грецией». На второй день своего визита Геббельс отправился в Акрополь. Министр описал это как самое счастливое утро в своей жизни: «Вчера было утро – одно из самых прекрасных и значимых в моей жизни. На Акрополе. Всего несколько человек. И я часами бродил по этим благородным местам» [Goebbels, 1999, S. 682].

Обращение к античности наблюдалось и в исторической науке. Балканские войны, Первая мировая война и расширение греческого государства сделали ещё более настоящим признанием греческого характера Византийской империи во всей её полноте [Karamanolakis, 2006, 320]. Ещё правительство Венизелоса содействовало этому и было готово поддержать территориальные устремления греческого государства необходимыми научными исследованиями и аргументами, ещё раз подтверждая тесную, а иногда и противоречивую взаимосвязь между политикой и историографией.

Первые грандиозные проявления новой стратегии «культурного национализма», поддерживаемой театральной пропагандой режима Метаксаса, произошли в апреле 1937 г. Поводом стало празднование столетия Афинского национального университета и университета Каподистрии, «самого подлинного представителя греческой древности и образования», согласно газете «Athinaika Nea» [Close, 1995, p. 44].

Организованное на самом высоком уровне администрацией греческого университета и представителями сферы образования, это мероприятие пользовалось поддержкой правительства, и в нём приняли участие королевская семья, правительство, высокопоставленные иностранные чиновники, греческие и зарубежные учёные и сотни выдающихся гостей [Hill, 1948, p. 45]. При организации этого празднования пропаганда имела целью трёх адресатов: интеллектуалов и литераторов, которые должны были посвятить свои навыки и внимание перевоспитанию и реформированию греческого народа, особенно молодёжи; народные массы, которые следовало познакомить с интеллектуальным миром и великими национальными идеалами; и, наконец, иностранные правительства, которые должны были быть впечатлены демонстрацией культурной мощи и волей правительства восстановить славное прошлое посредством образования и культурного просвещения.

В то же время событие не должно было быть сосредоточено вокруг государственного лидера, а стать праздником в честь учебного заведения, прославляющего и продвигающего идею эллинизма, кроме того, должно было быть живым свидетельством успеха политики И. Метаксаса и подлинной поддержки народа.

Согласно местным газетам, кульминацией и показателем пропаганды режима стала постановка на Акрополе «символического представления обращения к богине Афине и к древнему духу, который она олицетворяла. Греческая молодёжь призывала богиню обратиться к духу современной Греции и проявить единую и вечную преемственность греческого Духа» [Linardatos, 1966, p. 121].

Отчёт о выступлении, предоставленный УТТ, весьма поразителен и отражает усилия режима убедить аудиторию в своей решимости восстановить славное прошлое: «Представление открылось появлением сорока шести дев, вышедших из задней части Парфенона. Они были одеты в белые платья и вуали в старинном стиле и увенчаны лаврами и цветами. Они шли ритмично (...), пока не достигли вершины уровня с колоннами, где они выстроились в ряд. Затем девушка, изображающая богиню Афину, одетая в шлем и держащая копьё в одной руке, а венок из золотого лавра в другой, медленно шла, следуя за шестью девами. На западной стороне Парфенона, перед небольшим алтарём, стоял доктор философии Мицопулос. Он произнёс заклинание, обращённое к богине Афине на древнегреческом языке [Griechenlands nationale Widergeburt. Zum ersten Jahrestag der Einführung der autoritären Regierungsform, PAAA, PoUY, Po. 5, Gr. Bd. 1]. Когда заклинание подошло к концу, богиня Афина передала золотой венок двум своим служанкам. Они положили его на ступени Парфенона, в то время как другие бросали цветы к ногам Афины. Богиня снова вошла в Храм, а остальные девы ритмично поднимались по ступеням и следовали за ней. Церемония была короткой, простой и достойной, и, несмотря на риск, присущий персонификации Богини в благородном храме Парфенон, возрождение архаичной процессии оказалось очень успешным и было с энтузиазмом воспринято иностранными и греческими зрителями» [Erbach to AA, der 1. Mai in Griechenland, Athens 10 May 1939, PAAA, PoUY, Po. 5, Gr. Bd. 1].

Вопрос, на который необходимо ответить, заключается в том, оставалась ли концепция древнегреческого прошлого неизменной или менялась на протяжении рассматриваемого периода.

Признание древности в микрокосме университета как наследия предков последнего повлекло за собой переосмысление. В рамках изучения античности произошла переоценка её исторических периодов (доисторические времена, классическая античность, эллинистический период), и, как следствие, были сформированы новые иерархии. На эту переоценку повлияли политические и социальные события.

Чтобы установить контекст, в котором *εθνικοφροσύνη* (национальное мышление) использовало классическое прошлое, необходимо обрисовать основное видение античности, разработанное при диктатуре Метаксаса [Tziouvas, 2014, p. 132].

Как отметили несколько историков, режим «Четвёртого августа» постоянно демонстрировал своё восхищение авторитарной и суровой Спартой и в меньшей степени – древней Македонией.

Как отмечает научный сотрудник Королевского колледжа Лондона Филипп Каработт, в эту эпоху подвергалась критике «афинская демократия как позорный провал, который привёл к Пелопоннесской войне» [Carabott, 2003, p. 30]. По этой причине один из самых знаменитых символов афинской демократии, надгробная речь Перикла, была запрещена в греческой национальной школьной программе в конце 1930-х гг. [Linardatos, 1975, p. 75; Sarandis, 1993, p. 151; Carabott, 2003, p. 30; Hamilakis, 2007, p. 178].

Более того, во многих речах Метаксаса, а также в пропагандистских материалах, распространяемых его правительством, классические Афины восхвалялись, только лишь когда речь шла о достижениях в области искусств и наук.

Однако основной вклад античности в философию и политику регулярно изображался как уступающий учению христианства, которое позже было принято императорами Византии.

Во время одного из своих выступлений перед группой студентов университета И. Метаксас суммировал эти взгляды следующим образом: «Древней цивилизации, великой в своём искусстве, великой в своей науке, не хватало религии (...). Её философия не была религией. Этого ещё больше не хватало в политическом развитии. Я не верю, что

если кто-нибудь из вас изучал историю, то вы можете восхищаться мыслью политиков, которые привели Грецию к Пелопоннесской войне» [Metaxas, 1997, p. 285].

Другим важным аспектом восприятия режимом античности было своеобразное использование термина «цивилизация». Диктатура Метаксаса утверждала, что создаёт «Третью эллинскую цивилизацию», которая придёт на смену «Первой» классической Греции и «Второй» Византии. В этом отношении понятие «цивилизация» определялось идеологией в чисто этноцентрических терминах и рассматривалось как синонимичное культурно-историческому понятию «эллинизм».

Например, выступая перед жителями Эгиона в октябре 1937 г., Метаксас сказал: «Поскольку вы дети одной расы, потому что вы все связаны одним языком, потому что ваше происхождение общее (...) – не ищите эту цивилизацию в иностранных журналах и тех вещах, которые приходят извне. Поищите это в своей душе» [Metaxas, 1997, p. 253–254].

Хотя режим «Четвёртого августа» никогда не заходил так далеко, чтобы объявлять другие культуры «варварскими», его понятие цивилизации было ограничено такими узкими рамками, что к нему относились как к «исключительно греческому делу» [Petraakis, 2006, p. 133].

Действительно, в некоторых случаях Метаксас твердо заявлял: «Мы не хотим чужих цивилизаций. То, к чему мы стремимся, – это создать нашу собственную цивилизацию» [Metaxas, 1997, p. 53; Petraakis, 2006, p. 133]. В связи с этим понятие цивилизации в идеологии режима «Четвёртого августа» было определено в строго шовинистических терминах.

Несмотря на симпатии к Германии, во внешней политике Метаксас всячески пытался проводить политику нейтралитета. Но это не спасло его ни от агрессии со стороны Италии в октябре 1940 г., которую Греция успешно отразила, ни от завоевания гитлеровской Германией в апреле 1941 г.

Заключение

Итак, Первая мировая война стала одним из триггеров для роста националистических идей в странах Балканского полуострова. Территориальные притязания Греции конца XIX в. на Македонию, крах «Великой идеи» в 1922 г., социально-экономические кризисы привели к появлению новой трактовки национальной идеи – «третьей греческой цивилизации». Иоаннис Метаксас рассматривал обращение к античной и византийской цивилизациям как способ создания «новой греческой нации». Взяв всё лучшее: от Спарты – дисциплинированность, от Афин – культурные достижения, от Македонии – «идею вождя» и, наконец, от Византии – религию и концепцию сильного государства, режим начал формирование своей политической программы. Одной из целей диктатора было распространение новой идеологии среди творческой и научной интеллигенции, которые, в свою очередь, адаптировали её уже для широких масс. Греция Метаксаса потерпела поражение от гитлеровской Германии в 1941 г., и его национальный концепт на этом прекратил существование.

Список литературы

- Болгова А.М. 2022. Античные основы в истории европейской культуры. Белгород, ИД «Белгород НИУ «БелГУ», 648.
- Никитина Т.В., Петрунина О.Е. 2005. Идея нации и национальное сознание в Греции. В кн.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Москва, ИКД «Зерцало-М»: 459–495.
- Никитина Т.В. 1995. Элефтериос Венизелос – идеолог и практик греческого либерализма (1864–1936). Новая и новейшая история, 2: 135–155.
- Петрунина О.Е. 2010. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. Москва, КДУ, 745.
- Петрунина О.Е. 2015. Национальная идея и правый радикализм в Греции в XX – начале XXI вв. БЕРЕГИНЯ.777.СОВА, 3 (26): 88–102.

- Carabott Ph. 2003. Monumental visions: the past in Metaxas's Weltanschauung. In: The usable past: Greek metahistories: 23–37.
- Close D.H. 1995. The Origins of the Greek Civil War. London, Longman, 256.
- Erbach to AA, der 1. Mai in Griechenland, Athens 10 May 1939, PAAA, PoUY, Po. 5, Gr. Bd. 1.
- Goebbels J. 1999. Tagebücher 1924–1945. München, Piper Verlag GmbH, 2249²⁸.
- Gourgouris S. 1996. Dream Nation: Enlightenment, Colonization and the Institution of Modern Greece. Stanford, Stanford University Press, 320.
- Griechenlands nationale Widergeburt. Zum ersten Jahrestag der Einführung der autoritären Regierungsform, PAAA, PoUY, Po. 5, Gr. Bd. 1.
- Hamilakis Y. 2007. The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece. Oxford, Oxford University Press, 360.
- Hill H.A. 1948. The Economy of Greece: Prepared for the Coordinating Committee of American Agencies in Greece. Part II. New York, n. d., 854.
- I Ellada 1936–44. Diktatoria – Katochi – Antistasi. 1989. Athens, Agrotiki Trapeza Ellados, 329.
- Karamanolakis V.D. 2006. Η συγκρότηση της ιστορικής επιστήμης και η διδασκαλία της ιστορίας στο Πανεπιστήμιο Αθηνών 1837–1932. Athens, Historical Archive of the Greek Youth of the General Secretariat for the Younger Generation/Institute for Neohellenic Research of the National Research Foundation, 546.
- Linardatos S. 1966. I 4e avgoustou. Athens, Themelio, 274.
- Linardatos S. 1975. Η Τετάρτη Αυγούστου. Athens, Dialogos, 455.
- Metaxas I. 1997. Λόγοι και σκέψεις 1936–1941. Athens, Govostis, 122.
- Petrakis M. 2006. The Metaxas Myth: Dictatorship and Propaganda in Greece. London, I. B. Tauris, 269.
- Sarandis C. 1993. The ideology and character of the Metaxas regime. In: Aspects of Greece, 1936–1940: The Metaxas Dictatorship. Athens, ELIAMEP, 147–77.
- Tziouvas D. 2014. Re-imagining the Past: Antiquity and Modern Greek Culture. Oxford, Oxford University Press, 448.

References

- Bolgova A.M. 2022. Antichnye osnovy v istorii evropejskoj kul'tury [Antique foundations in the history of European culture]. Belgorod, ID «Belgorod NIU «BelGU», 648.
- Nikitina T.V., Petrunina O.E. 2005. Ideya natsii i natsional'noe soznanie v Gretsii [The idea of a nation and national consciousness in Greece]. In: Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoye vremya. Moskva, IKD «Zertsalo-M»: 459–495 (in Russian).
- Nikitina T.V. 1995. Elefterios Venizelos – ideolog i praktik grecheskogo liberalizma (1864–1936) [Eleftherios Venizelos – ideologist and practitioner of Greek liberalism (1864–1936)]. In: Novaya i noveyshaya istoriya, 2: 135–155 (in Russian).
- Petrunina O.E. 2010. Grecheskaya natsiya i gosudarstvo v XVIII–XX vv. Ocherki politicheskogo razvitiya [The Greek nation and state in the XVIII–XX centuries. Essays on political development]. Moskva, KDU, 745 (in Russian).
- Petrunina O.E. 2015. Natsional'naya ideya i pravyy radikalizm v Gretsii v XX – nachale XXI vv. [The national idea and right – wing radicalism in Greece in the XX – early XXI centuries]. In: BEREGINYa.777.SOVA, 3 (26): 88–102 (in Russian).
- Carabott Ph. 2003. Monumental visions: the past in Metaxas's Weltanschauung. In: The usable past: Greek metahistories: 23–37.
- Close D.H. 1995. The Origins of the Greek Civil War. London, Longman, 256.
- Erbach to AA, der 1. Mai in Griechenland, Athens 10 May 1939, PAAA, PoUY, Po. 5, Gr. Bd. 1.
- Goebbels J. 1999. Tagebücher 1924–1945. München, Piper Verlag GmbH, 2249²⁹.

²⁸ В 2013 г. русскоязычное издание «Дневников» в части 1945 года включено в перечень экстремистских материалов. Цитата из немецкого издания не относится к нему и использована исключительно в научных целях.

²⁹ В 2013 г. русскоязычное издание «Дневников» в части 1945 года включено в перечень экстремистских материалов. Цитата из немецкого издания не относится к нему и использована исключительно в научных целях.

- Gourgouris S. 1996. *Dream Nation: Enlightenment, Colonization and the Institution of Modern Greece*. Stanford, Stanford University Press, 320.
- Griechenlands nationale Wiedergeburt. Zum ersten Jahrestag der Einföhrung der autoritären Regierungsform, PAAA, PoUY, Po. 5, Gr. Bd. 1.
- Hamilakis Y. 2007. *The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece*. Oxford, Oxford University Press, 360.
- Hill H.A. 1948. *The Economy of Greece: Prepared for the Coordinating Committee of American Agencies in Greece. Part II*. New York, n. d., 854.
- I Ellada 1936–44. Diktatoria – Katochi – Antistasi. 1989. Athens, Agrotiki Trapeza Ellados, 329.
- Karamanolakis V.D. 2006. Η συγκρότηση της ιστορικής επιστήμης και η διδασκαλία της ιστορίας στο Πανεπιστήμιο Αθηνών 1837–1932. Athens, Historical Archive of the Greek Youth of the General Secretariat for the Younger Generation/Institute for Neohellenic Research of the National Research Foundation, 546.
- Linardatos S. 1966. *I 4e avgoustou*. Athens, Themelio, 274.
- Linardatos S. 1975. *Η Τετάρτη Αυγούστου*. Athens, Dialogos, 455.
- Metaxas I. 1997. *Λόγοι και σκέψεις 1936–1941*. Athens, Govostis, 122.
- Petrakis M. 2006. *The Metaxas Myth: Dictatorship and Propaganda in Greece*. London, I. B. Tauris, 269.
- Sarandis C. 1993. The ideology and character of the Metaxas regime. In: *Aspects of Greece, 1936–1940: The Metaxas Dictatorship*. Athens, ELIAMEP, 147–77.
- Tziouvas D. 2014. *Re-imagining the Past: Antiquity and Modern Greek Culture*. Oxford, Oxford University Press, 448.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.12.2022

Received 01.12.2022

Поступила после рецензирования 10.12.2022

Revised 10.12.2022

Принята к публикации 10.12.2022

Accepted 10.12.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сапожникова Мария Григорьевна, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Maria G. Sapozhnikova, assistant of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0003-1714-4281](https://orcid.org/0000-0003-1714-4281)

УДК 94(3)+172.15(498)"1918–1941"

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-93-101

Оригинальное исследование

Древняя история в национальных идеях румынских интеллектуалов межвоенного периода

Жукова Н.В. , Лихошерстов В.А. , Лобынцев Д.В. , Морозов С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: 1157932@bsu.edu.ru, 1239386@bsu.edu.ru, 1370485@bsu.edu.ru, Morozov@bsu.edu.ru

Аннотация. В комплексе идей восточноевропейских мыслителей первой половины XX в. особое место занимала древняя история. С целью легитимации и формирования национальной идеологии румынского государства в интеллектуальную традицию широко вовлекались образы и идеи греко-римской античности и истории древнебалканских этносов. Статья рассматривает их влияние на румынскую национальную идею в рамках литературного, мистико-философского и историко-археологического наследия конца 1910-х – нач. 1940-х гг. Обращается внимание на связи данных мыслителей с румынским «Легионерским движением». Особый интерес представляют анализ развития идеи дакианства как идеи о румынской этнической идентичности, археологические изыскания В. Пырвана, а также рецепция мифа о Замолксисе, благодаря переосмыслениям Л. Благи и М. Элиаде воплотившегося в румынский национальный миф. Также в статье рассмотрено, как образы и мифы древности, отражённые в западноевропейской континентальной философии конца XIX – нач. XX вв., повлияли на межвоенную румынскую интеллектуальную традицию.

Ключевые слова: румынский национализм, гвардизм, дакомания, культ Залмоксиса, гиперборейский миф, Античность, романизация

Благодарности: работа подготовлена при поддержке гранта НИУ «БелГУ» для создания и развития молодежных студий научно-инновационного творчества (приказ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ» № 992-ОД от 22.08.2022). Студия «Цитадель «Хронос»; проект «От древней истории к новым нациям: этнос, нация, национализм в прошлом и настоящем» (научный руководитель студии д-р ист. наук, проф. Н.Н. Болгов).

Для цитирования: Жукова Н.В., Лихошерстов В.А., Лобынцев Д.В., Морозов С.В. 2023. Древняя история в национальных идеях румынских интеллектуалов межвоенного периода. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 93–101. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-93-101

The Ancient History in National Ideas of Romanian Intellectuals in Interwar Period

Nina V. Zhukova , V'acheslav A. Lihosherstov , Denis V. LobynceV ,
Stanislav V. Morozov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1157932@bsu.edu.ru, 1239386@bsu.edu.ru, 1370485@bsu.edu.ru, Morozov@bsu.edu.ru

Abstract. In the complex of ideas of Eastern European thinkers of the first half of the 20th century, a special place was occupied by ancient history. To solve the problems of legitimation and the formation of the Romanian national ideology, images and ideas of Greco-Roman Antiquity and the history of the ancient Balkan ethnic groups were widely involved in the intellectual tradition. The article examines their influence on the Romanian national idea within the framework of the literary, philosophico-mystical, and historical heritage of the late 1910s – early 1940s. The connections of these thinkers with the Romanian

«Legionnaire movement» are shown. Also particular interest are the analysis of the development of the idea of Dacianism as an idea of the Romanian ethnic identity, the archaeological research of V. Parvan and the reception of the myth of Zamolksis, which was embodied in the Romanian national myth under the influence of rethinking by L. Blaga and M. Eliade. Also, in the article it was considered how the ancient images and myths reflected in the Western European continental philosophy of the late 19th – early 20th centuries, influenced the interwar Romanian intellectual tradition.

Keywords: Romanian nationalism, Guardism, Dacianism, cult of Zalmoxis, Hyperborean myth, Antiquity, romanization

Acknowledgements: The work was prepared with the support of a grant from the National Research University «BelSU» for the creation and development of youth studios of scientific and innovative creativity (order of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education NRU «BelSU» No. 992-OD dated August 22, 2022). Studio «Citadel» Khronos»; project «From ancient history to new nations: ethnos, nation, nationalism in the past and present» (scientific director of the studio, Doctor of Historical Sciences, Prof. N.N. Bolgov).

For citation: Zhukova N.V., Lihosherstov V.A., Lobyncey D.V., Morozov S.V. 2023. The Ancient History in National Ideas of Romanian Intellectuals in Interwar Period. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 93–101 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-93–101

Введение

Первая половина XX века, особенно межвоенный её период, был интенсивно насыщен различными изысканиями в области национальных историй европейских народов. Такое направление мысли в совокупности с определёнными событиями явило многочисленные национальные конструкции в самых различных странах. В качестве обоснования таких проектов активно использовалось историческое или философское содержание античного периода, посредством которого устанавливался культурный континуитет между греческой и римской историей (как высшим достижением праевропейской культуры) и тем или иным современным национальным государством.

Весьма интересно данный концепт применялся в не самых передовых государственных образованиях Восточной Европы. В частности, в Румынии в 1920-е – 1930-е гг. интеллектуалы, массово примыкавшие к радикальным общественным течениям, искали в историческом прошлом пути освобождения от латинского или античного культурного стереотипа (или, реже, сближения с ним), способы заявить об уникальности румынского этноса. Данное явление не феноменально, однако именно в Румынии, как отмечает Ф. Заватти, конфликт точек зрения на этногенез был столь «преобладающим и фундаментальным» в политической культуре межвоенного времени [Zavatti, 2014, p. 42–43], что даже в период социализма дискуссии данного рода не прекратились, в отличие от других государств Восточного блока.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является история развития восточноевропейского национализма в XX веке, преимущественно в 1-й его половине. Методологической основой исследования стали теория цивилизаций и принцип историзма. Были использованы историко-сравнительный, историко-биографический и историко-типологический методы, а также методы анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение

Для начала необходимо подробнее обозначить, что древняя история активно использовалась в контексте строительства праворадикальных националистических режимов Европы в первой половине XX в. Данная практика началась в стране классического фашизма

ма, т. е. в Италии [Чиглинец, 2014, с. 186]. Однако восточноевропейские страны значительно отличались от развитых диктатур (Германия, Испания Франко и Италия) как по историческому пути в целом, так и в отношении особенностей национального строительства в частности. Не стала исключением и Румыния.

Несмотря на наличие здесь многочисленных радикальных националистических объединений и политических партий, массовым и самым мощным движением, которое обычно приравнивают или относят к фашизму, стал так называемый «Легион Архангела Михаила» (будущая «Железная гвардия»), основанный в 1927 г. Корнелиу Кодряну (1899–1938). Данная организация объединила в себе радикальную молодежь послевоенного поколения и студенчество.

Также необходимо отметить, что «гвардия», как и движение фашистов в Италии [Моисеев, 2021, с. 13], стало местом притяжения многих румынских интеллектуалов, которые и начали теоретическое осмысление феномена гвардизма. В качестве ориентиров ими рассматривались бытовая антисемитизм, православие и крестьянский уклад жизни [Манн, 2023, с. 383–384]. Легион фактически являлся полувоенной группировкой, но был ориентирован на построение человека с новым мировоззрением и ценностями. О подобных целях и задачах пишет крупнейший представитель румынской гуманитарной мысли того времени Мирча Элиаде в статье «Почему я верю в победу легионерского движения» [Мутти, 2020, с. 195]. Для достижения обозначенных целей в практике собраний организации использовались различные ритуалы и обряды, которые подробно описывает традиционалист Юлиус Эвола [Эвола, 2010, с. 155].

Многие румынские интеллектуалы направили в тот период свои усилия на строительство нации. Данную тенденцию наметили еще румынские поэты 2-й половины XIX в., но тогда упор делался на лингвистической составляющей [Кирчанов, 2016, с. 180–182]. В этом идейном комплексе исключением не стала и область классической истории. С первых лет XX века начинается разработка концептов Гипербореи и Римской Дакии. Однако выбранные темы не преследовали чисто академический интерес, они должны были связать и возвести румынское государство и нацию к древним дакийцам (дакам), покорённым римским императором Траяном (II в.). Выбор такой древней области истории был обусловлен стремлением преодолеть область периферии европейских народов, которые вводили своё появление к античности, но с сохранением румынской идентичности.

Ориентация на древнее прошлое со временем явилась настоящим новым национальным мифом, который должен был способствовать строительству Великой Румынии и ликвидации культурных особенностей региональных и национальных меньшинств [Ленель-Лавастин, 2007, с. 76], которые оказались в составе государства по результатам Первой мировой войны.

Впервые подобные идеи начинают высказываться в 1920-е годы. Условным провозвестником данной идеи можно считать румынского драматурга Лучиана Благу (1895–1961). В статье «Бунт нашего нелатинского происхождения» он описывает румынский менталитет не только как римское «неслышное культурное превосходство», но и как славяно-фракийские «буйные и витальные» корни. Драматург заявляет о том, что не стоит «хвататься только за латинский культурный идеал» [Blaga, 1921, p. 181]. Во взглядах Благи здесь явно прослеживается влияние ницшеанского дуализма аполлонического и дионисийского начал.

Более последовательно эта идея раскрывается в трагедии того же автора «Залмоксис» (1921 г.), названной так в честь упомянутого Геродотом фракийского божества. В ней даки показаны неспособными к принятию более сложной веры, нежели слепое поклонение Залмоксису, представленному как главный бог даков. Один из героев, взирающий на них со стороны, осознаёт себя находящимся «не в окружении людей, а среди природы». Однако для Лучиана Благи это натуралистическое сравнение положительно: дикие даки ещё полны «сил, роящихся в их нутре, слишком плодородном», и культ такого божества

слишком саморазрушителен для них [Blaga, 1986, p. 122–124]. Именно концепт Залмоксиса раскрывает образ античного, латинского компонента в румынском мировосприятии, хотя образ этого персонажа исследователи склонны также рассматривать как образ неясных истоков этнического самосознания [Băgiu, Plantus-Runey, 2010, p. 317].

Своеобразным «эталонном» дакианизма в румынской исторической науке можно считать воззрения историка и публициста правоконсервативного направления Николае Йорги (1871–1940). В работе «История румын и их цивилизации» он высказывает мнение о том, что оформление румынского этноса (также используется понятие «румынская раса»), относимое им к позднеимперскому-ранневизантийскому периоду, надо рассматривать как конгломерат романизированного подунайского населения Южных Балкан, собственно даков, а также иных фракийских этнических групп – как подкарпатских, так и южнобалканских [Iorga, 1920, p. 36–38], хотя речь идёт и об иных этнических влияниях. Вместе с тем Йорга считал, что дакийская и римская «цивилизации сосуществовали, не смешиваясь, и только язык утверждал связь между ними» [Iorga, 1920, p. 32].

Таким образом, Римская Дакия для Йорги была ареалом культурного и этнического влияния Римской империи, в рамках которого около III–IV вв. сформировалось понятие «румыны» (*romînește, romîn* – трансформировавшееся в вульгарной латыни «*homo romanus*» – римлянин), хотя материальное наследие Рима он считает «не представлявшим никакой привлекательности» для дакско-римского населения. Кроме того, важно, что в «Истории румын...» этнокультурная инвариантность этого народа подчёркивается высказываниями о том, что ни германские, ни славянские, ни венгерские элементы никак не влияли на его становление и на его язык (за исключением того, что последние ассимилировали остатки латинского компонента в Дакии [Iorga, 1920, p. 36–43]), хотя в современных исследованиях такая точка зрения опровергается лингвистическими аргументами [Schulte, 2009, p. 239–241].

Ученик Йорги Василе Пырван (1882–1927), создатель новой румынской археологической школы, также видел генезис румынского этноса в смешении романизированных колонистов и автохтонного населения Дакии. Последующие взаимодействия со славянами он рассматривал практически исключительно как ассимиляцию последних [Pârvan, 1922, p. 4]. Именно такой взгляд на появление румын побудил Пырвана начать масштабные раскопки дакийских памятников, а также рассматривать Румынию либо как последнюю цитадель Запада в Восточной Европе (в силу сохранения множества римских культурных институтов у румын), либо как абсолютно самобытную цивилизацию (в силу консервации дакийского наследия) [Pârvan, 1922, p. 5–7].

Кроме того, после включения Трансильвании в состав Румынии многие интеллектуалы почувствовали необходимость в новой объединяющей национальной идее, которая будет способна преодолеть разницу между румынскими субэтносами и поглотить национальные меньшинства. Это также открыло новое огромное поле исследований для румынских археологов, чем и воспользовался Пырван [Condurachi, 1957, p. 26–27].

В своём фундаментальном труде «Гетика» исследователь проанализировал археологические, исторические и лингвистические свидетельства об истории и жизни автохтонного доримского населения Дакии. Изучая историю формирования и развития румынского этноса, он считал, что появление румын в стране произошло как до начала славянской колонизации Балкан и Карпат, так и до прихода на эти земли венгров. Углубленное исследование исторического периода, общего как для румын Трансильвании, так и для румын Валахии и Молдовы (то есть периода дакийского и римского владычества над регионом [Zavatti, 2014, p. 47]), позволяло преодолеть накопившуюся разницу между культурами румынских субэтносов – именно культура прошлого, по Василе Пырвану, является подлинным объектом исторического исследования.

Более радикальная точка зрения была высказана историком и политиком Константином К. Джуреску (1901–1977). В его «Румынской истории», выпущенной в 1935 г., период

этногенеза румын был отнесён к «пяти поколениям» господства римской цивилизации в Дакии [Giurescu, 1946, p. 173]. По его мнению, смешение римского населения с дакийским шло довольно активно. Впрочем, как и Йорга, Джуреску видит влияние римлян, в первую очередь, как языковое, тогда как этнически доля латиноязычных переселенцев в Дакии «суммарно не превосходила числом ... даков», которых автор уверенно именуется автохтонным населением региона [Giurescu, 1946, p. 192].

Таким образом, в румынской межвоенной исторической мысли последовательно утверждалась концепция преемственности между румынским этносом и дакийским (романизированным) населением Балканского полуострова [Voia, 2001, p. 96], а также тенденция к «удревнению» румынского этноса в историографии данного периода.

Но можно ли тесно связывать дакианизм и идеологию гвардизма? Крупный философ и писатель Эмиль Чоран (1911–1995), вспоминая свой диалог с Кодряну, хотя и говорил о том, что «возрождение дакских добродетелей» в 1930-е гг. виделось как преодоление разрыва между легионерами и дакианским мифом [Ленель-Левастин, 2007, с. 151–152], впоследствии пересмотрел свои взгляды на саму идею дакианства как идею этнического превосходства [Ленель-Левастин, 2007, p. 373].

Альтернативой дакианизму Йорги и Джуреску можно считать и «гетскую идею», принадлежащую румынскому философу и литератору Константину Нойке (1909–1987). На «Страницах румынской души» (так называлась работа, написанная им в начале 1940-х годов и изданная в 1944 г.) он пишет о содержательном тождестве античных греков и гетов Мёзии, противопоставляя их как городскую и сельскую культуры [Noica, 1991, p. 6–7]. Но если историки 1920-х гг. своей целью ставили создание положительного образа румынской идентичности, то Нойка пишет именно о том, что образ «вечных сельских жителей истории» пагубен для национальной идеи, что гетская культура «не представляет собой ... акта утверждения в истории» [Noica, 1991, p. 35].

В данном контексте необходимо отметить и деятельность крупнейшего религиоведа Мирчи Элиаде (1907–1986). Всемирно известный ученый, работавший в области сравнительного религиоведения и истории религиозных идей, в годы своей молодости увлекался идеями гвардизма. К примеру, в его книге «Залмоксис, исчезающий Бог», которая была опубликована в 1972 г. в США, первые главы по своей смысловой нагрузке весьма соотносятся с идеологией гвардизма, следовательно, были написаны гораздо ранее – можно предположить, что как раз в межвоенный период. В первой главе Элиаде в своих изысканиях заходит гораздо дальше археологических штудий, основываясь на данных этнологии о значении архетипа волка в мифологии и религиозных представлениях даков, перенося их на современные фольклорные представления румын, и приходит к выводу о том, что они являются прямыми потомками индоевропейцев [Eliade, 1972, p. 14–18].

Во второй главе, которая посвящена упомянутому древнему божеству дакийцев Залмоксису, он рассматривает иррациональную традицию его культа, которая прослеживается в источниках от Геродота через всю классическую литературу, насколько это возможно, вплоть до триумфа христианства. В результате этого Элиаде акцентирует внимание на том, что фактически процесс латинизации после римского завоевания не способствовал разрушению автохтонности населения римской провинции. Даки неурбанизированной руральной местности лишь приняли в качестве разговорного языка латынь, но сохранили при этом традиционный уклад и образ жизни и, следовательно, веру в культ Залмоксиса. Именно это способствовало дальнейшему структурному пониманию христианства, когда в Дакию прибыли первые миссионеры [Eliade, 1972, p. 75–76].

Однако такие выводы Элиаде не находят материального подтверждения. Данные археологии указывают нам, что часть племён даков была романизирована римлянами весьма основательно, а другая, к востоку от Карпат, продолжала жить в русле своих традиций [Тельнов, Левинский, 2000, с. 172–175]. Идеология гвардизма здесь выражена в неесте-

ственно древнем возрасте румынского этноса и, следовательно, нации как таковой, а также особой роли жителей сельской местности.

В 1938 г. Элиаде была написана пьеса под названием «Ифигения». В образе героини древнегреческой мифологии и её жертве ученый проводит аналогию со смертью предводителя легиона Кодряну, который верил, что только радикальные жертвы будут способствовать будущей победе движения [Мутти, 2020, с. 66–67].

Следующий мыслитель, который использовал древнюю историю в контексте румынской националистической концепции, – это Василий Ловинеску, он же Гетикус (1881–1943). Будучи традиционалистом и последователем Рене Генона, он выстраивал своё видение румынской нации в связи со своими предпочтениями в философии. Его концепция весьма подробно изложена в работе «Гиперборейская Дакия», которая вышла в журнале «Традиционные исследования» в 1936 г. [Мутти, 2020, с. 128]. Выбор такой тематики не явился чем-то новым, т. к. в политическом контексте гиперборейский миф использовала ещё афинская знать классического периода [Матвейчев, 2017, с. 305], а также всевозможные националисты XX века.

Здесь излагается версия появления даков в результате миграции (легендарных) гиперборейцев с их арктической прародины. При этом в представлениях Ловинеску это не просто переселение, но перенесение духовных опор и святынь власти. Результатом этого стало появление некой великой расы, единой в своем языке, нравах и традициях, хотя и разделенной политически. К этой расе автор относит все варварские народы, которые проживали на севере Греции, согласно Геродоту. Список расширяется за счёт галлов, иллирийцев, скифов, сарматов, даков и т. д. Все они приписываются к ответвлениям переселившейся дако-фракийской расы. По его мнению, из этого массива только румыны смогли сохранить расовую аутентичность, которая заключается в языковой идентичности, и произошло это из-за завоевания императора Траяна. На других территориях она была уничтожена нашествиями германцев и кочевников с востока. Следовательно, традиция Гипербореи – это традиция Дакии. В подтверждение своей версии Ловинеску приводит цитаты из многих античных источников, где хоть как-то упоминается область Гипербореи с географической привязкой к западному Причерноморью или району Карпатских гор [Geticus, 1936, p. 130–132], но с поправкой на использование им сакральной географии, распространённой в традиционалистских кругах того времени, как дополнительного аргумента для обоснования [Geticus, 1936, p. 145].

Вполне можно предположить, что эта концепция была вдохновлена весьма созвучным и распространенным в кругах европейских традиционалистов исследованием «Заря человечества» голландско-немецкого этнолога и мистика Германа Вирта (1928).

Говорить про географическое расположение Гипербореи весьма затруднительно. Об этом как минимум свидетельствуют весьма различные и часто противоречащие друг другу сообщения античных источников. Однако А.Ф. Лосев считает, что под данным этнонимом вообще следует понимать социальную категорию, а не следы исторической реальности в мифе [Лосев, 1996, с. 477].

Таким образом, Василий Ловинеску создаёт синтез философии традиционализма и гиперборейского мифа для обоснования националистической риторики. Эта струя в национальном строительстве в межвоенной Румынии осталась более умозрительной и в силу этого не получила распространения в политической практике, оставшись крайним радикальным проявлением в идейном комплексе эпохи.

Заключение

Таким образом, в первой половине XX в. в Румынии действовала плеяда интеллектуалов, благодаря которым в национальную идею этой страны были широко включены различные элементы древних балканских культур и античности. Они стали плодами как

аутентичного мифотворчества, так и заимствования идей европейской иррациональной и традиционалистской философии. Деятельность этих учёных, писателей или философов была, за небольшим исключением, теснейшим образом связана с правыми политическими течениями и конкретно «Железной гвардией», и в целом можно говорить о том, что их идейные ориентиры не только совпадали, но и оказывали взаимное влияние друг на друга.

Дакомания, один из ключевых национальных проектов-мифов межвоенной Румынии, активно использовалась интеллектуалами, и в 1920–1930-е годы можно наблюдать «радикализацию» дакианства, выражающуюся в нарастающем отдалении румынского национализма от идеи общности с древнеримской культурой. Противостояли ей малочисленные голоса таких скептиков, как Эмиль Чоран или Константин Нойка. Обращение Ловинеску к гиперборейской легенде, возможно, стоит считать апогеем румынского национального мифа в его крайних проявлениях.

Дискурс «древней истории» Румынского государства в идейно-политическом смысле применялся для легитимизации территориальных приобретений Румынии по результатам Первой мировой войны с потенциалом её дальнейшего расширения и постепенного устранения каких-либо культурных, языковых и религиозных различий между гражданами. Именно для этого отстаивалась идея об автохтонной румынской нации, которая является прямыми потомками древних даков, подвергшихся романизации.

Список литературы

- Кирчанов М.В. 2016. Воображая Румынию пространственно и телесно: «национальный локус» и «национальное тело» как изобретаемые традиции румынской идентичности второй половины XIX в. В: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб.: 169–192.
- Ленель-Лавастин А. 2007. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран. М., Прогресс-Традиция, 528.
- Лосев А.Ф. 1996. Мифология греков и римлян. М., Мысль, 975.
- Манн М. 2023. Фашисты. СПб., Питер; Фонд «Историческая память», 592.
- Матвейчев О.А. 2017. Гиперборея и гиперборейцы в трудах античных ученых. В: *Социально-гуманитарные знания*. М.: 291–309.
- Моисеев Д.С. 2021. Политическая философия итальянского фашизма. Москва – Екатеринбург, Кабинетный ученый, 320.
- Мутти К. 2020. Мирча Элиаде и «Железная Гвардия». Румынские интеллектуалы в окружении «Легиона Михаила Архангела». М., Тотенбург, 266.
- Тельнов Н.П., Левинский А.Н. 2000. Древности свободных даков. Новая археологическая культура в Молдавии. В: *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. № 4. Кишинев: 172–175.
- Чиглинецв Е.В. 2014. Античные истоки патриотических представлений в фашистской Италии. В: *Ученые записки Казанского университета*. Казань: 185–191.
- Эвола Ю. 2010. Империя Солнца. Тамбов, Ex Nord Lux, 176.
- Băgiu L, Plantus-Runey D. 2010. Lucian Blaga and «Zamolxis»: The Revolt of Our Non-Latin Nature. In: *Proceedings of the International Conference Language, Literature and Foreign Language Teaching: Interdisciplinarity and Transdisciplinarity in Language, Literature, and Foreign Language Teaching Methodology*. Alba Iulia, Editura Aeternitas, Universitatea «1 Decembrie 1918»: 311–322.
- Blaga L. 1921. *Revolta fondului nostru nelatin*. Gândirea, 1 (10): 181–182.
- Boia L. 2001. *History and Myth in Romanian Consciousness*. Budapest, Central European University Press, 285.
- Condurachi E. 1957. V. Pârvan. *Dacia*, Revue d'Archéologie et d'Histoire Ancienne, 1 (13): 9–40.
- Eliade M. 1972. *Zalmoxis, the vanishing God*. Chicago; London, Chicago University Press, 280.
- Geticus. 1936. *La Dacie Hyperboreenne*. In: *Etudes Traditionnelles*. Paris, 130–147.
- Giurescu C. 1946. *Giurescu Istoria Românilor*. Vol. 1. Din cele mai vechi timpuri până la moartea lui Alexandru cel Bun (1432). București, Fundația Pentru Literatură Și Artă, 607.
- Iorga N. *Histoire des Roumains et de leur civilisation*. Paris, H. Paulin, 289.
- Noica C. 1991. *Pagini despre sufletul românesc*. București, Humanitas, 112.
- Pârvan V. 1922. *Sulle origini della civiltà Romena*. Roma, Libreria di Cultura, 17.

- Schulte K. 2009. Loanwords in Romanian. In: *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Walter de Gruyter, Berlin: 230–259.
- Zavatti F. 2014. Romans, Dacians, Thracians, Slavs, or Pelasgians? A history of the debate on the ethnogenesis of the Romanian people since 17th century until the computer age. *Cadernos do Tempo Presente*, 17: 41–54.

References

- Kirchanov M.V. 2016. Voobrazhaya Rumyniyu prostranstvenno i telesno: «nacional'nyj lokus» i «nacional'noe telo» kak izobretaemye tradicii rumynskoj identichnosti vtoroj poloviny XIX v. [Imagining Romania Spatially and Physically: «National Locus» and «National Body» as Invented Traditions of Romanian Identity in the Second Half of the 19th Century] V: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. SPb.: 169–192 (in Russian).
- Lenel'-Levastin A. 2007. Zabytyj fashizm: Ionesko, Eliade, Chorán [Forgotten Fascism: Ionesco, Eliade, Cioran]. M., Progress-Tradiciya, 528.
- Losev A.F. 1996. Mifologiya grekov i rimlyan [Mythology of the Greeks and Romans]. M., Mysl', 975 (in Russian).
- Mann M. 2023. Fashisty [Fascists]. SPb., Piter; Fond «Istoricheskaya pamyat'», 592 (in Russian).
- Matvejchev O.A. 2017. Giperboreya i giperborejcy v trudah antichnyh uchenyh [Hyperborea and Hyperboreans in the works of ancient scientists]. V: *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. M.: 291–309 (in Russian).
- Moiseev D.S. 2021. Politicheskaya filosofiya ital'yanskogo fashizma [Political Philosophy of Italian Fascism]. Moskva – Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj, 320 (in Russian).
- Mutti K. 2020. Mircha Eliade i «Zheleznaya Gvardiya». Rumynskie intellektualy v okruzhenii «Legiona Mihaila Arhangela» [Mircea Eliade and the Iron Guard. Romanian intellectuals surrounded by the Legion of Michael the Archangel]. M., Totenburg, 266 (in Russian).
- Tel'nov N.P., Levinskij A.N. 2000. Drevnosti svobodnyh Dakov. Novaya arheologicheskaya kul'tura v Moldavii [Antiquities of the free Dacians. New archaeological culture in Moldova]. V: *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya [Archeology and cultural anthropology]*. № 4. Kishinev: 172–175 (in Russian).
- Chiglinev E.V. 2014. Antichnye istoki patrioticheskikh predstavlenij v fashistskoj Italii [Antique origins of patriotic ideas in fascist Italy]. V: *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta [Scientific notes of Kazan University]*. Kazan', 185–191 (in Russian).
- Evola Yu. 2010. Imperiya Solnca [Empire of the Sun]. Tambov, «Ex Nord Lux», 176 (in Russian).
- Bâgiu L, Plantus-Runey D. 2010. Lucian Blaga and «Zamolxis»: The Revolt of Our Non-Latin Nature. In: *Proceedings of the International Conference Language, Literature and Foreign Language Teaching: Interdisciplinarity and Transdisciplinarity in Language, Literature, and Foreign Language Teaching Methodology*. Alba Iulia, Editura Aeternitas, Universitatea «1 Decembrie 1918»: 311–322.
- Blaga L. 1921. Revolta fondului nostru nelatin. *Gândirea*, 1 (10): 181–182.
- Boia L. 2001. History and Myth in Romanian Consciousness. Budapest, Central European University Press, 285.
- Condurachi E. 1957. V. Pârvan. Dacia, *Revue d'Archéologie et d'Histoire Ancienne*, 1 (13): 9–40.
- Eliade M. 1972. Zalmoxis, the vanishing God. Chicago and London, Chicago University Press, 280.
- Geticus. 1936. La Dacie Hyperboreenne. In: *Etudes Traditionnelles*. Paris, 130–147.
- Giurescu C. 1946. Giurescu Istoria Românilor. Vol. 1. Din cele mai vechi timpuri până la moartea lui Alexandru cel Bun (1432). București, Fundația Pentru Literatură Și Artă, 607.
- Iorga N. Histoire des Roumains et de leur civilisation. Paris, H. Paulin, 289.
- Noica C. 1991. Pagini despre sufletul românesc. București, Humanitas, 112.
- Pârvan V. 1922. Sulle origini della civiltà Romena. Roma, Libreria di Cultura, 17.
- Schulte K. 2009. Loanwords in Romanian. In: *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Walter de Gruyter, Berlin: 230–259.
- Zavatti F. 2014. Romans, Dacians, Thracians, Slavs, or Pelasgians? A history of the debate on the ethnogenesis of the Romanian people since 17th century until the computer age. *Cadernos do Tempo Presente*, 17: 41–54.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.09.2022

Received 03.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.10.2022

Accepted 10.10.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жукова Нина Васильевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-4261-7768](https://orcid.org/0000-0002-4261-7768)

Nina V. Zhukova, Post-graduate Student, Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Лихошерстов Вячеслав Александрович, магистрант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-8187-9904](https://orcid.org/0000-0002-8187-9904)

Vjacheslav A. Lihosherstov, Master Student, Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Лобынцев Денис Викторович, студент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9127-0812](https://orcid.org/0000-0001-9127-0812)

Denis V. Lobyntsev, student, Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Морозов Станислав Вацлавович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5027-4048](https://orcid.org/0000-0002-5027-4048)

Stanislav V. Morozov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(470+520)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-102-108

Оригинальное исследование

Российско-японское энергетическое сотрудничество периода администраций Дз. Коидзуми и С. Абэ

Абанин Г.Д.

Дальневосточный федеральный университет,
Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10
E-mail: abanin.gd@students.dvfu.ru

Аннотация. В XXI в. сотрудничество в энергетической сфере между Россией и Японией пережило несколько важных этапов развития, наиболее примечательные из которых соотносятся с правлением кабинетов Дз. Коидзуми (2001–2005) и С. Абэ (2012–2020). Несмотря на значительный прогресс в отношениях относительно последнего десятилетия XX в., можно констатировать, что из-за ряда нерешенных проблем двухсторонних отношений весь потенциал сотрудничества между Москвой и Токио в энергетической сфере так и не был реализован. В работе выявляются особенности в российско-японском энергетическом сотрудничестве при кабинетах Дз Коидзуми и С. Абэ и их обусловленности. Делается вывод об определяющей роли для развития связей в энергосфере таких факторов, как курильский территориальный спор, уровень американо-российских отношений, противостояние Японии Китаю и динамика цен на международном рынке энергоносителей.

Ключевые слова: Япония, Россия, экспорт, нефть, газ, Абэ Синдзо, Коидзуми Дзюинтиро

Благодарности: работа выполнена под научным руководством доцента департамента истории и археологии ШИГН ДВФУ, кандидата исторических наук Шевчук Ольги Михайловны.

Для цитирования: Абанин Г.Д. 2023. Российско-японское энергетическое сотрудничество периода администраций Дз. Коидзуми и С. Абэ. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 102–108. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-102-108

Russian-Japanese Energy Ties During the Cabinets of J. Koizumi and S. Abe

Grigory D. Abanin

Far Eastern Federal University,
10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Primorsky krai, Russia
E-mail: abanin.gd@students.dvfu.ru

Abstract. Relations between the governments of Russia and Japan in the field of energy in the 21st century have reached a higher level than in previous years, when politicians in Tokyo linked the development of any Russian-Japanese economic ties with the resolving of the problem of Kuril status in favor to Tokyo position. a special role in development of Russia-Japan energy ties was played by the Japanese Prime Ministers J. Koizumi (2001–2005) and S. Abe (2012–2020). However, the full potential of cooperation in the energy sector has not been realized due to unresolved problems in bilateral relations, primarily territorial dispute. The purpose of the work is to identify the features of cooperation in the energy sector under the Cabinets of Koizumi and Abe and their conditionality. The conclusion is made about the decisive importance of the Kuril issue, the level of US-Russian relations, the dynamics of prices in international energy markets and the growing competition between China and Japan.

Keywords: Japan, Russia, export, oil, gas, Junichiro Koizumi, Shinzo Abe

Acknowledgements: the work was carried out under the supervision of Associate Professor of the Department of History and Archeology, Candidate of Historian Sciences Shevchuk Olga Mikhailovna.

For citation: Abanin G.D. 2023. Russian-Japanese Energy Ties During the Cabinets of J. Koizumi and S. Abe. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 102–108 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-102-108

Введение

Высокие абсолютные показатели промышленного развития Японии во 2-й половине XX – начале XXI вв. остро ставят перед Токио вопрос об обеспечении внутреннего потребления энергоресурсами. Необходимость выстраивания надежных цепочек поставок энергоносителей оказала значительное влияние на внешнюю политику Японии, особенно по отношению к России. Несмотря на трудности, со второй половины 1990-х гг. сотрудничество между Москвой и Токио активно развивается. И хотя в последние годы японское правительство взяло курс на уменьшение зависимости экономики от импорта, Москва продолжает играть заметную роль в обеспечении Токио ресурсами.

На наш взгляд, в условиях российского «разворота на Восток» актуализируется вопрос торгово-экономических связей России с АТР и, в частности, со второй по размерам экономикой региона – Японией, основу сотрудничества с которой формирует энергетическая сфера. Именно энергетическое сотрудничество могло бы сгладить российско-японские отношения, страдающие от нерешенного территориального спора.

Целью исследования является выявление изменений в российско-японском энергетическом сотрудничестве в указанный период. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) определить степень влияния политических факторов на динамику энергетического сотрудничества; 2) выявить степень влияния на сотрудничество ситуации на международном рынке энергоносителей.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются отношения между Москвой и Токио. Основой исследования является сравнительно-исторический метод, при помощи которого удалось проследить изменения в динамике сотрудничества между двумя странами. Кроме этого, используются общенаучные методы: анализ, синтез и обобщение.

Результаты и их обсуждение

Отношения двух стран на межгосударственном уровне в энергетической сфере стали заложниками политики. Распад Советского Союза дал Японии надежду на решение курильского вопроса в свою пользу, однако адекватной стратегии по решению проблемы Токио выработать не сумел. Во многом это связано с тем, что в 1990-х гг. Япония вступила в полосу длительной экономической рецессии, повлекшей за собой нарастание внутриполитической нестабильности: ослабли позиции правящей с 1955 г. Либерально-демократической партии (ЛДП), начались постоянные смены правительств [Парамонов, 2021, с. 112]. В таких условиях любые компромиссы с Россией могли негативно сказаться на положении правящего в Токио кабинета.

В советский период территориальный спор удавалось сгладить за счет выгодных для Токио сделок по поставкам сырьевых ресурсов из СССР. Лишь из-за перехода Японии к энергосберегающим технологиям и нарастания напряженности в мире в связи с ситуацией в Афганистане экономическое сотрудничество между странами стало сокращаться [Белов, 2016, с. 112–114; Zagorsky, 1999, p. 339–340]. При этом в постсоветский период приоритеты правительств в Токио резко изменились: теперь экономическое сотрудничество как таковое увязывалось с решением территориального вопроса, о чем было открыто заявлено

на саммите G7 в 1992 г. Несмотря на необходимость наращивания инвестиций в экономику, президент Б. Ельцин не мог пойти на столь серьезные уступки в условиях нарастания политического кризиса в России, поэтому поддержки развития энергетических связей на межгосударственном уровне не было. Это отразилось и на ключевых документах данного периода – Декларациях «О российско-японских отношениях» [Токийская декларация о российско-японских отношениях] и «О перспективах торгово-экономических и научно-технических отношениях между Российской Федерацией и Японией» [Декларация о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений между Российской Федерацией и Японией], которые содержали лишь абстрактные заявления.

Политику Токио в отношении Москвы попытался скорректировать премьер-министр Р. Хасимото, который предложил установить доверительные отношения с российским руководством и продвигать решение территориального вопроса в рамках широкого спектра сфер сотрудничества, однако из-за политической нестабильности и сохранения курильской темы в повестке дня добиться успеха не получилось [Zagorsky, 2001, p. 78–85].

В XXI в. японская позиция в отношении России меняется, начинается постепенный отказ от приоритета решения территориального вопроса над развитием экономических связей, что стало важным фактором роста поставок энергоносителей в Японию.

В 2001 г. место главы японского правительства занял Дз. Коидзуми, придерживавшийся идеи возвращения всех Южных Курил Японии. Несмотря на это, этот премьер-министр поддержал курс своего политического оппонента Р. Хасимото на развитие сотрудничества с Москвой. Улучшение отношений с Россией происходило в рамках новой стратегии безопасности, согласно которой в условиях нестабильности на Ближнем Востоке Япония должна была улучшить отношения с основными экспортёрами энергоресурсов [Добринская, 2007, с. 84–85; Носова, 2012, с. 120–121].

На момент прихода к власти в Японии Дз. Коидзуми стоимость российского экспорта в эту страну оценивалась в 2,7 млрд долл., из которых лишь менее 10 % (263 млн) стоимости приходилось на энергоносители. Наибольший стоимостный объем имел уголь, который в структуре экспорта энергоносителей составлял почти 2/3 стоимости, или 171 млн долл. Доля нефти в российском экспорте в Японию в 2001 г. составляла менее 15 %, или 38 млн долл. [Japan-Russia Bilateral Trade, 2022].

К 2005 году ситуация изменилась. Российский экспорт в Японию достиг 4,12 млрд долл., из которых 1,4 млрд долл. (35 %) составляли энергоносители. Практически в 4 раза возрос стоимостный объем экспортируемого угля, достигший 613 млн долл., или 44 % от общего экспорта энергоносителей. В 17 раз вырос стоимостный объем экспортируемой нефти-сырца, достигший 644 млн долл., или 46 % от общего экспорта энергоносителей [Japan-Russia Bilateral Trade, 2022].

В отличие от конца XX в., совместные энергетические проекты начали развиваться при поддержке японского правительства. Например, в Совместном плане действий указывалось на важность для Токио «Сахалина-2» [Российско-японский план действий].

Это стало важным обстоятельством в условиях обострения конкуренции за энергоресурсы Сибири с Китаем. Серьезная борьба развернулась вокруг нефтепровода из Ангарска в Восточной Сибири. Первоначально российская компания ЮКОС пыталась осуществить исключительно «китайский» вариант строительства в город Дацин, что не отвечало интересам Москвы по диверсификации покупателей и ставило ее в зависимость от Пекина. В этих условиях важным оказалось вмешательство японского премьера Дз. Коидзуми, который обещал вложить 2 млрд долл. в развитие Сибири и Дальнего Востока в случае строительства «японского» варианта трубопровода до Находки [Парамонов, 2021, с. 121].

В 2005 г. на встрече в Москве в присутствии президента России В. Путина и премьер-министра Японии Д. Коидзуми были заключены ряд соглашений: было решено реализовать комбинированный проект трубопровода из Восточной Сибири в сторону Тихого океана с

ответвлением на Китай, который получил название «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) [Белов, 2016]. Пуск проекта произошел уже в 2009 г. [Воронцов, 2014, с. 38–39].

В период 2012–2020 гг. энергетическое сотрудничество было довольно противоречиво. С одной стороны, кризис в энергетике и внешняя угроза со стороны Китая заставляли Японию укреплять отношения с Россией, с другой – осложнение отношений между Москвой и Вашингтоном сильно ограничивало потенциал взаимодействия.

Вторично избранный в 2012 г. премьер-министром С. Абэ предпринял попытку выстраивания антикитайского союза, в который он хотел вовлечь и Россию. В первом после правления Дз. Коидзуми официальном визите в Россию главы японского правительства премьер заявил о желании выстраивания стратегического сотрудничества, причем вопрос территорий был обойден стороной.

В России возлагались определенные надежды на нового премьер-министра: в условиях стабилизации внутривластной жизни с приходом С. Абэ мог наконец-то появиться конструктивный диалог между странами, который был прерван после ухода Дз. Коидзуми.

К партнерству с Россией Японию вынуждала и авария на Фукусиме, за которой последовало отключение всех атомных реакторов в Японии, в результате чего страна потеряла до трети вырабатываемой электроэнергии и остро нуждалась в увеличении поставок углеводородов [Устинова, 2020, с. 271].

В 2011 г. суммарная стоимость экспорта российских энергоносителей в Японию составила 12,1 млрд долл., а в 2012 – уже 13,2 млрд долл. Почти половину стоимости давала сырая нефть – 6,54 млрд долл., вторым по значимости объема был СПГ – 4,24 млрд долл., стоимость угля оценивалась на уровне 1,53 млрд долл.

Максимальный стоимостный объем был достигнут в 2014 г., когда Москва экспортировала энергоносителей на 16,4 млрд долл., в том числе нефти-сырца – на 9,47 млрд долл., СПГ – на 4,61 млрд долл., угля – на 1,2 млрд долл. [Japan-Russia Bilateral Trade, 2022].

Позитивная тенденция сохранялась недолго: трагическое падение стоимости нефти с более 110 долл. за баррель во втором квартале 2014 г. до менее чем 40 долл. за баррель в конце 2015 г. [National Association of Securities Dealers Automated Quotation, 2022] негативно отразилось и на российских поставках в Японию. Их стоимостный объем сократился на четверть по сравнению с прошлым годом и составил 12,1 млрд долл., из которых 6,23 млрд долл. – сырая нефть, 3,6 млрд долл. – СПГ, 1,1 млрд долл. – уголь [Japan-Russia Bilateral Trade, 2022].

Негативная тенденция продолжила нарастать: уже в 2019 г. экспорт энергоносителей сократился до 8,75 млрд долл. Особенно сильно упала стоимость нефти – до 3,26 млрд долл. и СПГ – до 2,8 млрд долл. [Japan-Russia Bilateral Trade, 2022], при этом экспорт угля достиг рекордных 1,9 млрд долл., что связано с политикой Токио по диверсификации поставок [Демидова, 2021, с. 40].

Кроме падения стоимости энергоресурсов, важную роль сыграло решение правительства Абэ восстановить атомную электрогенерацию. В результате в 2014 г. импорт топлива в Японию, за исключением угля, начал медленно сокращаться [Носова, 2012, с. 122–123; Акимова, 2014, с. 72–74].

Крупных совместных проектов более не реализовывалось. Строительство трубопровода и энергомоста Сахалин – Хоккайдо, которое всерьез обсуждалось в деловых кругах, так и не начало реализовываться вследствие неблагоприятной международной ситуации [Глеба, 2013, с. 164–165; Стрельцов, 2016, с. 97–98].

В условиях конфликта Москвы и Вашингтона любое сотрудничество с Россией могло нести риски. Президент Б. Обама открыто заявлял японскому премьеру, что ему необходимо воздержаться от поездок в Россию, однако С. Абэ проявил самостоятельность и посетил Сочи в 2016 г., что вызвало скандал [Панов, 2016, с. 32–33].

При этом решительному премьеру так и не удалось урегулировать территориальный спор. Более того, с принятием новой редакции Конституции РФ присоединение Курил к японской территории стало окончательно невозможно.

Вызовом для Японии оставалась конкуренция с Пекином. В 2014 г. Газпром и китайская CNPC подписали контракт на поставку газа на 400 млрд долл. на 30 лет. Долгосрочные контракты с Москвой могли быть полезны для Токио, однако волатильность мировых цен на энергоресурсы и отсутствие развитой инфраструктуры сделали невозможными подобные решения.

Заключение

Главной причиной укрепления связей между Токио и Москвой при администрации Дз. Коидзуми стала новая стратегия энергетической безопасности, в то время как С. Абэ толкало на сближение с Россией катастрофическое состояние энергетики Японии после аварии на АЭС Фукусима. Оба премьер-министра опасались растущей конкуренции Китая и пытались привлечь на свою сторону Россию, причем кабинету Коидзуми удалось достичь значительно больших результатов, что во многом связано с относительной стабильностью американо-российских отношений в данный период времени. Наконец, в периоды правительств Дз. Коидзуми и С. Абэ (2001–2020) были достигнуты высокие показатели по экспорту российских энергоресурсов, однако это было связано не столько с деятельностью отдельных политиков или политических групп, сколько с позитивной для России обстановкой на международном рынке нефти.

Список литературы

- Акимова В.В. 2014. Новая энергетическая стратегия Японии и развитие солнечной энергетики. В: Япония 2014. Ежегодник. М., АИРО – XXI: 71–87.
- Белов А.В. 2016. Полтора века российско-японской торговли: как преодолеть «эффект колеи»? В: Япония 2016. Ежегодник. М., АИРО – XXI: 105–130.
- Воронцов А.В. 2014. Транспортно-логистическая и энергетическая политика России в Северо-Восточной Азии. В: Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей. М., Институт востоковедения РАН: 33–48.
- Глеба Г.В. 2013. Мостовой переход материк – Сахалин и перспективы российско-японского сотрудничества на Дальнем Востоке. В: Общероссийская научная конференция «три года правления демократической партии Японии: итоги и перспективы. М., ИДВ РАН: 157–165.
- Декларация о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений между Российской Федерацией и Японией. Информационная сеть «Техэксперт»: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902886> (дата обращения: 01.06.22)
- Добринская О.А. 2007. О внешнеполитических итогах деятельности Дз. Коидзуми. В: Япония 2007. Ежегодник. М., АИРО – XXI: 84–101.
- Добринская О.А. 2009. Подход Японии к энергетической безопасности в Восточной Азии. В: Япония 2009. Ежегодник. М., АИРО – XXI: 103–121.
- Носова И.А. 2012. Внешняя энергетическая политика Японии: до и после Фукусимы. В: Вестник МГИМО-Университет, 1 (22): 119–125.
- Панов А.Н. 2016. Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Синдзо Абэ. В: Япония 2016. Ежегодник. М., АИРО – XXI: 7–42.
- Парамонов О.Г. 2021. Российско-японские отношения на рубеже веков: закономерности, маршруты, лидеры. В: Международная аналитика, 12 (2): 107–129.
- Российско-японский план действий. Администрация Президента России [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4684> (дата обращения: 18.03.2022).
- Стрельцов Д.В. 2016. Российско-японские торговые отношения. Есть ли новая точка опоры? В: Вестник МГИМО-Университета. 1 (46): 93–105.

- Токийская декларация о российско-японских отношениях. Посольство Японии в России [официальный сайт]. – URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html (дата обращения: 18.03.2022).
- Устинова Т.Н. 2020. Перспективы сотрудничества России и Японии в области энергетики. В: Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. М., Институт востоковедения РАН: 270–277.
- Brent Crude Historical Data [Electronic resource]. Nasdaq: National Association of Securities Dealers Automated Quotation [official website]. URL: <https://www.nasdaq.com/market-activity/commodities/bz:nmx/historical> (date of access: 18.03.2022).
- Japan-Russia Bilateral Trade By Products Historical Data [Electronic resource]. OEC: Observatory of Economic Complexity [official website]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/jpn/partner/rus?dynamicBilateralTradeSelector=year2019&dynamicYearGeomapSelector=year2001&geomapMeasureSelector=geomapBalanceOption1&measureBilateralTradeSelector=vizValueOption1&productSectionSelector=sectionID5> (date of access: 18.03.2022).
- Zagorsky A.V. 2001 Three Years on a Path to Nowhere: The Hashimoto Initiative in Russian-Japanese Relations. Pacific Affairs. Vol. 74. 1: 75–93.
- Zagorsky A.V. 1999. Russian-Japanese Relations: Back to the Deadlock. The Russia and Asia. Oxford University Press: 318–336.

References

- Akimova V.V. 2014. Novaya energeticheskaya strategiya Yaponii i razvitie solnechnoj energetiki [The New Energy Strategy of Japan and the Development of Solar Energy]. In: Yaponiya 2014. Ezhegodnik [Yearbook Japan. 2014]: 71–87 (in Russian).
- Belov A.V. 2016. Poltora veka rossijsko-yaponskoj trgovli: kak preodolet' «effekt kolei»? [One-and-a-Half Centuries of Russo-Japanese Trade Relations: How to overcome «Path Dependence»?] In: Yaponiya 2016. Ezhegodnik [Yearbook Japan. 2016]: 105–130 (in Russian).
- Voroncov A.V. 2014. Transportno-logisticheskaja i jenergeticheskaja politika Rossii v Severo-Vostochnoj Azii [Transport and Energy Policy of Russia in North-Eastern Asia]. In: Japonija v Azii: sostojanie i perspektivy regional'nyh svyazej [Yaponiya v Azii: sostojanie i perspektivy regional'nyh svyazej]. M., Institute of Oriental Studies RAS: 33–48 (in Russian).
- Gleba G. V., 2013. Mostovoj perehod materik – Sahalin i perspektivy rossijsko-japonskogo sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke [Continent-Sakhalin Bridge and Prospects for Russia-Japan Cooperation in the Far East]. In: Obshherossijskaja nauchnaja konferencija «tri goda pravlenija demokraticeskoi partii Japonii: itogi i perspektivy [All-Russian scientific conference «Three years of the rule of the Democratic Party of Japan: results and prospects»]. M., Institute of Far East RAS, 2013: 157–165 (in Russian).
- Deklaracija o perspektivah trgovno-jekonomicheskikh i nauchno-tehnicheskikh odnoszenij mezhdru Rossijskoj Federaciej i Japoniej [Declaration on the Prospects for Trade, Economic, Scientific and Technical Relations between the Russian Federation and Japan]. Information Web-Site «Tehjeksper»: jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902886> (Date of access: 01.06.22) (in Russian).
- Dobrinskaja O.A. 2007. O vneshnepoliticheskikh itogah deyatelnosti Dz. Koidzumi [Concerning Some Results of Junichiro Koizumi's Foreign Policy]. In: Yaponiya 2007. Ezhegodnik [Yearbook Japan. 2007]: 84–101 (in Russian).
- Dobrinskaja O.A. 2009. Podhod Yaponii k energeticheskoj bezopasnosti v Vostochnoj Azii [Japanese Approach to Energy Security in East Asia]. In: Yaponiya 2009. Ezhegodnik [Yearbook Japan. 2009]: 103–121 (in Russian).
- Nosova I.A. 2012. Vneshnyaya energeticheskaya politika YAponii: do i posle Fukusimy [The International Energy Policy of Japan: Before and After Fukushima]. In: Vestnik MGIMO-Universitet [MGIMO Review of International Relations]. 2012; 1 (22): 119–125 (in Russian).
- Panov A.N. 2016. Vneshnepoliticheskie prioritety prem'er-ministra Sindzo Abe [The Foreign Policy Priorities of Japan's Prime Minister Shinzo Abe]. In: Yaponiya 2016. Ezhegodnik [Yearbook Japan. 2016]: 7–42 (in Russian).

- Paramonov O.G. 2021. Rossijsko-yaponskie otnosheniya na rubezhe vekov: zakonomernosti, marshruty, lidery [Russian-Japanese Relations at the Turn of the Century: Patterns, Routes, Leaders]. In: Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]. 12 (2): 107–129 (in Russian).
- Rossijsko-japonskij plan dejstvij [Russian-Japanese Action Plan]. Presidential Executive Office [Official Web-Site]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4684> (date of access: 18.03.2022) (in Russian).
- Streltsov D.V. 2016. Rossijsko-yaponskie torgovyie otnosheniya. Est' li novaya tochka opory? [Russian-Japanese Trade and Economic Relations: is There a New Fulcrum?] In: Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 1 (46): 93–105 (in Russian).
- Tokijskaja deklaracija o rossijsko-japonskih otnoshenijah [Tokyo Declaration of Russian-Japanese Relations]. Embassy of Japan in Russia [Official Web-Site]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html (date of access: 18.03.2022) (in Russian).
- Ustinova T.N. 2020. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Yaponii v oblasti energetiki [Japan and Russia: Perspectives of Cooperation in the Field of Energy]. In: Nestabil'nost' geostrategicheskogo prostranstva na Blizhnem, Srednem i Dal'nem Vostoke: aktual'nye problemy [Instability of the Geostrategic Space in the Near, Middle and Far East: Actual Problems]. M., Institute of Oriental Studies RAS: 270–277 (in Russian).
- Brent Crude Historical Data [Electronic resource]. Nasdaq: National Association of Securities Dealers Automated Quotation [official website]. URL: <https://www.nasdaq.com/market-activity/commodities/bz:nmx/historical> (date of access: 18.03.2022).
- Japan-Russia Bilateral Trade by Products Historical Data [Electronic resource]. OEC: Observatory of Economic Complexity [official website]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/jpn/partner/rus?dynamicBilateralTradeSelector=year2019&dynamicYearGeomapSelector=year2001&geomapMeasureSelector=geomapBalanceOption1&measureBilateralTradeSelector=vizValueOption1&productSectionSelector=sectionID5> (date of access: 18.03.2022).
- Zagorsky A.V. 2001 Three Years on a Path to Nowhere: The Hashimoto Initiative in Russian-Japanese Relations. Pacific Affairs. Vol. 74. 1: 75–93.
- Zagorsky A.V. 1999. Russian-Japanese Relations: Back to the Deadlock. The Russia and Asia. Oxford University Press: 318–336.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.09.2022

Received 01.09.2022

Поступила после рецензирования 10.12.2022

Revised 10.12.2022

Принята к публикации 10.12.2022

Accepted 10.12.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абанин Григорий Дмитриевич, студент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Grigory D. Abanin, student of the Department of History and Archeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7591-8401](https://orcid.org/0000-0002-7591-8401)

УДК 94(497.2) "1920/1927"

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-109-117

Оригинальное исследование

Прокрустово ложе военного контроля в монографии болгарского историка Владимира Станева

Ермишин Л.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: lyermishin@inbox.ru

Аннотация. Изданная в 2018 г. монография болгарского историка Владимира Станева, имеющая информационный и аналитический характер, посвящена главным событиям навязанного межсоюзнического контроля за соблюдением Болгарией военных ограничений Нейиского мирного договора 1919 года. Болгарский исследователь, опираясь на широкую источниковую базу и обширный фактический материал, прослеживает обстоятельства становления военного контроля, решаемые задачи, видоизменение структуры и отклик на этот процесс в болгарском обществе. Большое внимание автор уделяет настойчивому сопротивлению болгарского руководства и военного командования воздействию органов военного контроля на национальные вооруженные силы. Стремление союзников путем наложения военных ограничений обеспечить себе военно-политические преимущества на долгосрочную перспективу не только на Балканах, но и в Европе, встретило упорное противодействие армии, администрации и простого народа Болгарии. Болгарский историк неоднократно подчеркивает значимость национальной армии как оплота государственности. По мнению Станева, межсоюзнический военный контроль сыграл неоднозначную роль во внутренней и внешнеполитической жизни Болгарии, а изучение его последствий еще не завершено.

Ключевые слова: Болгария, межсоюзнический военный контроль, ликвидационный орган, болгарская армия, военные ограничения

Для цитирования: Ермишин Л.В. 2023. Прокрустово ложе военного контроля в монографии болгарского историка Владимира Станева. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 109–117. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-109-117

Procrustean Bed of Military Control in the Monograph of Bulgarian Historian Vladimir Stanev

Leonid V. Ermishin

Lomonosov Moscow State University,
bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russia
E-mail: lyermishin@inbox.ru

Abstract. The monograph of the Bulgarian historian V. Stanev, which was published in 2018, reviews to the main events in the history of Bulgaria, when, after the defeat in First World War, the national armed forces was under the strict control of the Committees set up by the countries-winners for Bulgaria's compliance with the military decrees of Neuilly peace treaty of 1919. Vladimir Stanev, relying on a wide source base and rich factual material, traces the circumstances of the formation of military control, the tasks, which it solved, the modification of its structure and the response to this process in Bulgarian society. The author pays much attention to the fact, that the desire of the allied winners to secure in this way long-term military and political advantages both in the Balkans and in Europe, met with stubborn opposition from the army as well as Bulgaria's leadership and ordinary people of Bulgaria. V. Stanev repeatedly emphasizes the importance of the national army as a stronghold of statehood. According to V. Stanev, inter-allied military control played an ambiguous role in the domestic and foreign policy life of Bulgaria, and the study of its consequences has not yet been completed.

Keywords: Bulgaria, inter-union military control, liquidation body, Bulgarian army, military restrictions

For citation: Ermishin L.V. 2023. Procrustean Bed of Military Control in the Monograph of Bulgarian Historian Vladimir Stanev. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 109–117 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-109-117

Введение

Монография Владимира Георгиева Станева «Межсоюзнический военный контроль в Болгарии (1920–1927)» [Станев, 2018], вышедшая в 2018 г., – это исследование отдельных сторон послевоенной социальной действительности страны, преимущественно сфокусированное на национальных вооруженных силах, на контроле их реорганизации специальными органами держав-победительниц в период с августа³⁰ 1920 по июнь 1927 гг., на отношении болгарского общества к исполнению военных ограничений.

Значительный по объему труд, насчитывающий более 300 страниц текста, опирается на широкую источниковую базу, включающую архивные документы – как изданные, так и не публиковавшиеся ранее, мемуары современников, периодические издания того времени и литературу. Впечатляет предметный, географический и хронологический охват историографии: автор с глубоким вниманием обращается как к признанным авторитетам, так и к последним работам, относящимся к теме исследования.

Для болгарской исторической науки монография В. Станева имеет большое значение как первый труд, раскрывающий идею военных ограничений и ее приложение на практике, в прокрустовом ложе которой оказалась армия побежденной в Первой мировой войне державы. До Станева о межсоюзническом военном контроле, деятельности специальных военных комиссий и ликвидационного органа на территории Болгарии давали представление хотя и многочисленные, но фрагментарные упоминания в трудах болгарских историков [Крапчански и др., 1961; Димитров, 1977; Радулов, 1981; Недев, 1984; Косашки, 1988; Петрова, 1988; Василев, 1991; Марков, 1992; Йонов, 1995; Бориславов и Кирилов, 1996; Спасов, 1999; Кузманова, 2003; Янчев, 2021] и воспоминаниях современников [Казасов, 1949; 1969; Ллойд Джордж, 1957; Эррио, 1958; Вранчев, 1968; Коларов, 1968; РС, 1969; Винаров, 1971; Муравиев, 1992; Мушанов, 1992; Бойдев, 2012].

В российской и иностранной (для Болгарии) историографии эта тема никогда ранее не была самостоятельным объектом исследования. Исчерпывающего ответа на вопрос о том, как страна, пережившая за шесть лет две национальные катастрофы, сумела сохранить и восстановить главный оплот защиты национальной идентичности, каковы были внутренние механизмы этого процесса, по-прежнему не дано.

Актуальность темы также обусловлена общеприменимым историческим опытом реорганизации одного из важнейших институтов государства – армии – в крайне неблагоприятных внешних и внутренних условиях. Кроме того, изучение ранее не удостоенных внимания историков аспектов прошлого того или иного государства позволяет противопоставить выверенную научную точку зрения слабо обоснованным попыткам исторического ревизионизма в угоду складывающейся конъюнктуре и не вызывает сомнений в необходимости и актуальности.

Объект и методы исследования

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, что составляет объект исследования, носящего историографический характер.

³⁰ В. Станев в своей монографии определяет, с некоторыми оговорками, начало работы межсоюзнической военно-контрольной комиссии в Болгарии началом сентября 1920 г. Самый ранний документ, относящийся к деятельности союзнических военно-контрольных органов в Болгарии, датирован 28 августа 1920 г. Это письмо председателя военного комитета союзников в Версале маршала Фердинанда Фоша председателю межсоюзнической военной контрольной комиссии в Болгарии бригадному генералу Барди де Фурту о принципе набора в болгарскую армию (Российский Государственный Военный Архив. Ф. 1707 к. Оп. 1. Д. 325. Л. 588).

Соответственно, в статье использованы методы историографического исследования, прежде всего, метод контент-анализа, в сочетании с комплексом прочих, как специально исторических, так и общенаучных методов.

Результаты и их обсуждение

В первой главе «Создание, структура и обеспечение военного контроля» показана внешне- и внутривосточная обстановка в Болгарии на момент установления странами Антанты военных ограничений для неё. Владимир Станев рассматривает состояние болгарской армии, общества и элементов системы государственного управления в кризисных обстоятельствах Салоникского перемирия 1918 г. и выхода из войны. Им подробно прослеживается взаимодействие французской, британской, итальянской, японской, бельгийской и болгарской дипломатии на Парижской мирной конференции при разработке идеи нового миропорядка, определения структуры, задач и альтернативных форм военного контроля побежденных государств. В заключительной части первой главы приводятся цифровые данные и факты финансовых обременений, которые понесла Болгария на содержание военно-контрольных органов и их представителей, а также определяются упущенные возможности, в том числе вследствие управленческих ошибок болгарского руководства. По мнению В. Станева, отказываться от военно-контрольного органа, единого для трех побежденных стран, – т. н. гарантийного комитета, предложенного 6 декабря 1922 г. конференцией посланников, было во многом недалководным решением [Станев, 2018, с. 76–77].

Во второй главе «Военный контроль и вооружение» показано, как болгарская сторона укрывала оружие от надзора военных контрольных органов союзников, затронута тема трансформации в условиях военного контроля болгарской военной контрразведки, описываются перипетии противостояния вокруг трактовки понятия «военные материалы»³¹ и разоружения гражданского населения. Действия военного командования и Военного союза³² по укрытию оружия, боеприпасов и военных материалов от военных контрольных органов приобрели национальный охват [Марков, 1992, с. 27–28; Тодоров, 1994, с. 192]. Время от времени оружие и боеприпасы попадали не в те руки, что привело к нескольким происшествиям с детонацией зарядов и гибелью гражданских лиц [Станев, 2018, с. 111, 145–146]. Военный союз, по мнению В. Станева, создавался, в первую очередь, для укрывания оружия, и только затем перенаправил свои усилия на внутривосточные задачи [Станев, 2018, с. 104, 119].

Неоднократно автор монографии указывает на вербовку ликвидационным органом (ЛО)³³ союзников информаторов из числа болгарских подданных [Станев, 2018, с. 114, 144, 162, 193], но не приходит к выводу, что такая деятельность была одной из задач этой структуры. Вероятно, документы архива межсоюзнической военно-контрольной комиссии (МВКК) в Болгарии, раскрывающие этот вид деятельности, были автору недоступны³⁴. Тем не менее борьба с агентурной сетью МВКК для болгарской стороны стала объективной необходимостью, а сотрудники третьей секции министерства войны, названной со-

³¹ Термин «военные материалы» в Нейском мирном договоре не был прокомментирован, что послужило поводом длительного выяснения его значения в практическом смысле.

³² Военный союз – организационное объединение болгарских офицеров, неоднократно запрещенное военным командованием. Существовало в полуправильной форме в первой трети XX века. Имело весомое общественное значение, активно участвовало во внутривосточной жизни Болгарии [Георгиев, 1989, с. 106–108; Янчев, 2014, с. 131–132].

³³ В соответствии со статьями 94–97 Нейского мирного договора, надзор за выполнением Болгарией военных, военно-морских и военно-воздушных ограничений возлагался на три соответствующие межсоюзнические военно-контрольные комиссии. С августа 1920 до февраля 1922 г. комиссии функционировали под объединенным руководством французского бригадного генерала Барди де Фурту. С февраля 1922 г. комиссии прекратили свою деятельность, персонал был значительно сокращен, а функции надзора приняла новая межсоюзническая контрольная структура – ликвидационный орган.

³⁴ Письмо начальника генеральных штабов министерства обороны Франции от 21 января 1921 г. Председателю МВКК генералу де Фурту (Российский Государственный Военный Архив. Ф. 1707 к. Оп. 1. Д. 325. Л. 346, 347).

временниками «поркова команда»³⁵, «ЧК» или «эскадрон», покрыли себя печальной славой после череды уголовных и политических убийств [Станев, 2018, с. 118–119, 178].

Автор отмечает, что руководители Болгарского земледельческого народного союза целенаправленно помогали укрывать оружие [Недев, 1984, с. 275; Муравиев, 1992, с. 55], несмотря на обвинения в их непатриотичности со стороны политических противников [Станев, 2018, с. 119]. Передача оружия и военных материалов военным контрольным органам стран-победительниц происходила при непрекращающемся пассивном противодействии со стороны болгарских военных и администрации [Станев, 2018, с. 140–144]. До настоящего времени не удалось обнаружить достоверных данных о количестве укрытого болгарской стороной оружия [Ермишин, 2022]. В то же время союзники полагали, что именно в решении задачи надзора за болгарским вооружением они достигли наилучших результатов [Станев, 2018, с. 151].

Говоря о проблеме разоружения, В. Станев обратил внимание на парадокс, заключающийся в том, что, несмотря на курс военных ограничений, вопреки духу, но следуя букве Неййского мирного договора, МВКК обязала Болгарию построить собственную фабрику по производству вооружения и военных материалов, тем самым заложив основы болгарской военной промышленности [Станев, 2018, с. 162–164]. Разоружение гражданского населения, по мнению автора, также встретило сопротивление со стороны центральных и местных органов власти, простых граждан и в итоге осталось не завершённым [Станев, 2018, с. 177].

В главе «Военный контроль и болгарские вооруженные силы» В. Станев рассматривает проблемы структурной реорганизации армии под требования мирного договора и развитие других национальных вооруженных структур – жандармерии, пограничной стражи, таможенной, акцизной и лесной служб, полиции. Длительное противостояние военного командования и руководителя ЛО полковника Д'Амарзи [Станчев, Николов, 2017, с. 22] привело в 1925 г. к приемлемой для обеих сторон форме подчинения жандармерии, узаконившей прямую взаимосвязанность с армией [Станев, 2018, с. 254]. Кроме того, автор детализирует ход борьбы за сохранение принципа набора на военную службу по призыву, как это было предусмотрено статьей 71 Тырновской конституции [Петрова, 1988, с. 210–212], а также подробно останавливается на изменениях в военном законодательстве, в том числе и на Законе о трудовой повинности применительно к военному делу [Велев, 1977; Спасов и др., 2016, с. 151].

В Законах, принятых спешно и под давлением ЛО, был установлен добровольный принцип набора на военную службу, но на практике его реализация была условной [Станев, 2018, с. 254]. В. Станев приходит к заключению, что сложившаяся в условиях военного контроля практика вольного отношения к исполнению хотя и навязанных, но тем не менее национальных Законов опасна для любого государства [Станев, 2018, с. 253–254].

Болгарская идея структурной реорганизации армии под положения военного раздела мирного договора была элегантной в своей простоте, а потому успешной в реализации. Страна сохранила свои мобилизационные возможности благодаря введению полковой организации [Крапчански и др., 1961, с. 124–126; Йонов, 1995, с. 82] и сбережению кадровой основы офицерского корпуса [Косашки, 1988, с. 99–106]. При этом стоит отметить, что, хотя болгарская армия надолго потеряла возможность быть реальным фактором силы на Балканах [Станев, 2018, с. 255], тем не менее были сохранены национальные воинские традиции, школа военного обучения и воспитания.

Заключительная глава посвящена процессу сворачивания деятельности военных контрольных органов на территории Болгарии и подведению итогов влияния межсоюзнического военного контроля на болгарские вооруженные силы и общество в исторической перспективе. В. Станев акцентирует внимание на противоречивой внутренней обстановке в МВКК, проистекавшей из разнонаправленности интересов союзников на Балканах [Станев, 2018, с. 262–265]. Он предполагает, что офицеры МВКК стремились пропагандировать и продвигать интересы и укреплять влияние своих стран в Болгарии [Станев, 2018, с. 265].

³⁵ Длительное время третью секцию возглавлял Димитр Порков.

Интересно, что, в отличие от предшественников, оставивших исключительно негативную оценку деятельности военно-контрольных органов [Станев, 2018, с. 256–258], автор указывает и на некоторые положительные аспекты в их функционировании. Так, например, положительный доклад МВКК содействовал приему Болгарии в Лигу Наций в конце 1920 г. [Станев, 2018, с. 260]. Позиция МВКК, не усмотревшей в военном перевороте 9 июня 1923 г. угрозу безопасности для версальской системы, способствовала предотвращению возможности интервенции в Болгарию югославской армии [Станев, 2018, с. 312].

Целью своего исследования В. Станев определил раскрытие места и роли межсоюзнического военного контроля в Болгарии [Станев, 2018, с. 8]. Достижение цели исследования предполагалось путем решения трех основных и одной дополнительной задачи: изучить обстоятельства при установлении контрольных органов в Болгарии, их структуру и порядок работы; выяснить цели и мотивы, которыми руководствовались в своих действиях и решениях победители; проследить деятельность контрольных органов по исполнению различных военных положений и результаты этой деятельности; попытаться раскрыть взаимоотношения контрольных органов с болгарским обществом [Станев, 2018, с. 8, 9].

Работа отличается насыщенной информативностью: здесь можно почерпнуть сведения об обстоятельствах, в которых происходило установление военных контрольных органов, об исполнении ими различных военных положений, о результатах этой деятельности. Большим достоинством работы следует считать богатый фактический материал, положенный в ее основу.

Автор справедливо отмечает, что мотивом решений победителей была ликвидация Болгарии как военного и политического фактора в регионе. Действия победителей проистекали из убежденности, что наложенный военный контроль обеспечит реализацию этих решений [Станев, 2018, с. 305]. И действительно, в результате Болгария на длительное время перестала быть значимым игроком на балканской арене с военной точки зрения.

Также трудно не согласиться со Станевым в том, что мотивацией всех общегуманитарных по внешним признакам действий стран-победительниц в действительности было стремление сохранить за собой привилегии, полученные силой оружия, как можно дольше [Станев, 2018, с. 99].

Анализируя причины затягивания военного контроля на семь лет вместо предусмотренных мирным договором трех месяцев, автор приходит к обоснованным, на наш взгляд, выводам: причины заключались в пассивном сопротивлении болгарской стороны и сложной процедуре согласования своих действий первоначально МВКК, а впоследствии ЛО. По сложным вопросам военно-контрольные органы вообще не принимали решений. При их возникновении следовало обращение к конференции посланников в Версаль, и параллельно каждый руководитель национальной делегации запрашивал инструкции от своего правительства. Здесь же проявлялась еще одна важная деталь, характеризующая особенности межсоюзнического военного контроля: офицеры МВКК стремились продвигать интересы своих стран в Болгарии, что предопределило непоследовательность в политике Франции, Великобритании и Италии по отношению к военному контролю [Станев, 2018, с. 312].

Автор достаточно полно определяет задачи работы военных контрольных органов – убедиться в сдаче основной части вооружения; в уменьшении общего числа личного состава; в приведении армии к условиям мирного договора [Станев, 2018, с. 305]. Вместе с тем, по нашему мнению, этот перечень может быть углублен и расширен. Исходя из фактического материала исследования В. Станева, органы военного контроля в Болгарии выполняли следующие задачи:

1. Структурное перестроение сухопутных войск, включавшее: сокращение численности; изменение принципа комплектования; уничтожение мобилизационных возможностей; сдача или уничтожение излишествующего оружия; передача военных материалов; введение жандармерии; реорганизация пограничной стражи; введение ограниченного военно-промышленного производства; упрощение военного образования [БВИ, 1986, с. 304].

Равноценными по значимости перестроению сухопутных войск задачами были:

2. Уничтожение военно-морского флота [Кръстева и др., 2011].
3. Уничтожение военно-воздушных сил [Бориславов и Кирилов, 1996].
4. Разоружение населения.
5. Реорганизация других вооруженных структур.
6. Реорганизация полиции.
7. Ведение разведывательной деятельности и формирование сети информаторов.

Также не представляются исчерпывающими выводы автора о роли и месте военного контроля. «Военный контроль в Болгарии сыграл двойственную роль. С одной стороны, это было тяжелое финансовое обременение, затормаживание развития национальных вооруженных сил и унижительное напоминание о поражении в войне. С другой, военно-контрольные органы, понимая обстановку на месте, часто принимали решения в пользу болгарской стороны» [Станев, 2018, с. 311]. На самом же деле болгарская армия к 1927 г. не просто затормозилась в развитии, а утратила свою основную функцию – способность защиты национальных интересов от внешних посягательств. Военный контроль лишил Болгарию статуса фактора силы не только в Европе, но и в Балканском регионе [Даскалов, 2005, с. 144]. Нам представляется, что эти аспекты роли военного контроля имело смысл указать.

Заключение

Изменения в мотивах действий стран-победительниц, а также непрекращающаяся борьба болгарской стороны за обеспечение национальных интересов постепенно видоизменяли саму структуру военного контроля. Интересы союзников в Болгарии со временем становились все более разнонаправленными, что, в первую очередь, определялось внешне-политической конъюнктурой. Единого связывающего европейские государства мотива действий не было. Декларированное ими стремление ко всеобщему разоружению для исключения повторения ужасов Первой мировой войны на практике оказалось стремлением победивших держав сохранить за собой военно-политические преимущества.

Изменение мотивации находило отражение в изменении структуры военного контроля. Контроль, предусмотренный Нейским мирным договором, – это процесс, в котором участвовали субъекты и объекты проверки. МВКК или ЛО не были единым субъектом процесса. Они представляли собой составную структуру, не постоянную во времени. Процесс контроля делился на отдельные эпизоды. Основной составляющей эпизода являлась проверка и ее результат, что имело материальное отражение в документах. Понятие структуры военных контрольных органов, на наш взгляд, имело смысл рассматривать шире, чем перечень воинских званий и фамилий, наименование комиссий и подкомиссий. Это, по нашему мнению, предопределяет необходимость отвечать на комплекс вопросов: национальный состав подкомиссии; что и где проверялось или контролировалось; обстоятельства выполнения контроля; какова была эффективность и объективность контроля – соответствие реальной обстановке или последствия эпизода контроля для Болгарии; датировка конкретной проверки и ее связь с национальными интересами субъекта контроля; динамика проверок по одному и тому же направлению.

Ряд заключений автора представляются, на наш взгляд, не полностью обоснованными. Так, вывод о потенциальной опасности для внутреннего порядка в стране армии Врангеля [Станев, 2018, с. 311] не увязан с темой исследования. Автор констатирует взаимосвязь между процессами военного контроля в Болгарии, Германии, Венгрии и сближением между Болгарией и Венгрией, Болгарией и Германией в конце двадцатых годов [Станев, 2018, с. 311]. При этом в тексте монографии не раскрыта организация взаимосвязи, способы поддержания и в чьих интересах она была. В. Станев указывает на то, что военные ограничения мирного договора имели социальные и политические последствия в виде активного вмешательства армии во внутривнутриполитическую жизнь страны [Станев, 2018,

с. 310–311], что не вызывает сомнений. Однако в исследовании не раскрыта взаимосвязь между собственно межсоюзническим военным контролем в Болгарии 1920–1927 гг. и внутривосточной активностью национальных вооруженных сил.

Оценивая работу в целом, нельзя не отметить как положительные ее стороны, такие как безусловная актуальность, богатый фактический материал, широкая источниковая база, аргументированность основных заключений, так и имеющиеся, на наш взгляд, недостатки. Нам представляется, что тема межсоюзнического военного контроля в Болгарии 1920–1927 гг. далеко не исчерпана. Возможно, углубленный анализ событий, представленных автором и дополненных сведениями из Российского Государственного Военного Архива, раскроет новые объяснения как причин, их предопределивших, так и последствий во внутренней и внешней политике Болгарии, ими вызванных.

Список литературы

- Бойдев В. 2012. От поручик до генерал. Спомени. София, Военно издателство, 284.
- Бориславов И., Кирилов Р. 1996. Самолетите на България. Ч. 1. От «Блерио» до «Месершмит». София, 248.
- Българска военна история [БВИ]. 1986. Подбрани извори и документи. Т. 3. Под ред. Х. Христов. София, 728.
- Василев В. 1991. Правителството на БЗНС, ВМРО и българо-югославските отношения. София, 343.
- Велев А. 1977. Главни реформи на земеделското правителство. София, 181.
- Винаров И. 1971. Бойцы тихого фронта: Воспоминания разведчика. М., Воениздат, 405.
- Вранчев П. 1968. Спомени. София, Държавно военно издателство, 636.
- Георгиев В. 1989. Народният сговор 1921–1923. София, Унив. издателство «Св. Климент Охридски», 327.
- Даскалов Р. 2005. Българското общество 1878–1939. Том 1. Държава. Политика. Икономика. София, Гутенберг, 470.
- Димитров Н. 1977. Нелегалната военна организация на БКП (т. с.) 1919 – юни 1923 г. София, 239.
- Ермишин Л.В. 2022. Прощай, оружие? Укрытие оружия в Болгарии после Первой мировой войны. В: Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 4: 65–81.
- Йонов М. 1995. Българската армия като държавна институция след първата световна война 1919–1929 г. София, Издателство на Министерство на Отбраната «Св. Георги Победоносец», 302.
- Казасов Д. 1949. Бурни години. 1918–1944. София, Народен печат, 783.
- Казасов Д. 1969. Видяно и преживяно 1891–1944. София, Нац. съвет на Отечествения фронт, 703.
- Коларов В. 1968. Детство, юношество, зрелост. Воспоминания. София, София пресс, 155.
- Косашки Н. 1988. Революционният процес в армията (9 юни 1923–1929 г.). София, Военно издателство, 342.
- Крапчански В., Христов Г., Възелов Д., Скачоков И. 1961. Кратък обзор на бойния състав, организацията, попълването и мобилизацията на българската армия от 1878 до 1944 г. София, Държавно военно издателство, 248.
- Кръстева М, Панайотов А., Георгиев А. 2011. Контраадмирал Вариклечков (1891–1974) и неговото време. Варна, Морски свят, 176.
- Кузманова А. 2003. Италия, България и Балканите (1919–1927). София, БПС, 189.
- Ллойд Джордж Д. 1957. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., Иностр. лит., 655.
- Марков Г. 1992. Парола «Сабя». Заговорите и превратите на Военния съюз 1919–1936. София, Наука и Изкуство, 193.
- Муравиев К. 1992. Събития и хора. София, Български писател, 584.
- Мушанов Н. 1992. Спомени. Дневник. София, Христо Ботев, 100.
- Недев Н. 1984. Александър Стамболийски и заговорът. София, БЗНС, 349.
- Петрова Д. 1988. Самостоятелното управление на БЗНС 1920–1923. София, Наука и Изкуство, 413.
- Радулов С. 1981. Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София, БЗНС, 408.
- Революционна София 1891–1944 [РС]. 1969. Спомени. София, БКП, 750.
- Российский Государственный Военный Архив. Ф. 1707 к. Оп. 1.
- Спасов Л. 1999. Врангеловата армия в България 1919–1923. София, Унив. издателство «Св. Климент Охридски», 243.

- Спасов Л., Борисов Д., Маринова М. 2016. Стопанска история на България, Европа и света XV–XX век. Част първа. България. София, 260.
- Станев В. 2018. Междусъюзническият военен контрол в България (1920–1927). София, Univ. издателство «Св. Климент Охридски», 325.
- Станчев С., Николов Р. 2017. История на сухопътните войски на България (1918–1945). Т. 2. София, СиТи Директ ЕООД, 182.
- Тодоров К. 1994. Изповедта на една луда балканска глава. София, 505.
- Эррио Э. 1958. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., Иностр. лит., 772.
- Янчев В. 2014. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях (1913–1915 и 1918–1923). София, Univ. издателство «Св. Климент Охридски», 433.
- Янчев В. 2021. Офицери без пагони. Съюзът на запасните офицери 1907–1945. София, Българска история, 320.

References

- Boïdev V. 2012. Ot poruchik do general. Spomeni [From Lieutenant to General. Remember]. Sofiia, Voenno izdatelstvo, 284 (in Bulgarian).
- Borislavov I., Kirilov R. 1996. Samoletite na Bŭlgariia. Ch. 1. Ot «Blerio» do «Mesershmit» [Aircraft of Bulgaria. Ch. 1. From «Blerio» to «Messerschmitt»]. Sofiia, 248 (in Bulgarian).
- Bŭlgarska voenna istoriia. 1986. Podbrani izvori i dokumenti [Bulgarian military history. Selected sources and documents.]. Т. 3. Red. H. Hristov. Sofiia, 728 (in Bulgarian).
- Daskalov R. 2005. Bŭlgarskoto obshtestvo 1878–1939. Tom 1. Dŭrzhava. Politika. Ikonomika [Bulgarian Society 1878–1939. Volume 1. Country. Politics. Economy]. Sofiia, Gutenberg, 470 (in Bulgarian).
- Dimitrov N. 1977. Nelegalnata voenna organizatsiia na BKP (t.s.) 1919 – iuni 1923 g. [The underground military organization of the Bulgarian Communist Party 1919 – June 1923]. Sofiia, 239 (in Bulgarian).
- Ermishin L.V. 2022. Proshchai, oruzhije? Ukrtyije oruzhiia v Bolgarii posle Pervoi mirovoi voiny. [Farewell to Arms? – arms hiding in Bulgaria after World War I]. In: Vestnik Moskovskogo Universiteta [Bulletin of Moscow University]. Seriiia 8. Istoriia. 4: 65–81 (in Russian).
- Errio E. 1958. Iz proshlogo. Mezhdvu dvumia voynami. 1914–1936 [From the past. Between two wars. 1914–1936]. М., Inostr. lit., 772 (in Russian).
- Georgiev V. 1989. Narodniiat sgovor 1921–1923 [The Popular Alliance 1921–1923]. Sofiia, Univ. izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 327 (in Bulgarian).
- Ianchev V. 2014. Armiia, obshtestven red i vŭtreshna sigurnost mezhdvu voïnite i sled tiaħ (1913–1915 i 1918–1923) [Army, public order and internal security between and after the wars (1913–1915 and 1918–1923)]. Sofiia, Univ. izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 433 (in Bulgarian).
- Ianchev V. 2021. Ofitseri bez pagoni. Sŭiuzŭt na zapasnite ofitseri 1907–1945 [Officers without badges. The Union of Reserve Officers 1907–1945]. Sofiia, Bŭlgarska istoriia, 320 (in Bulgarian).
- Ïonov M. 1995. Bŭlgarskata armiia kato dŭrzhavna institutsiia sled pŭrvata svetovna voïna 1919–1929 g. [The Bulgarian Army as a State Institution after the First World War 1919–1929]. Sofiia, Izdatelstvo na Ministerstvo na Otbranata «Sv. Georgi Pobedonosets», 302 (in Bulgarian).
- Kazasov D. 1949. Burni godini. 1918–1944 [Stormy years. 1918–1944]. Sofiia, Narodn pechat, 783 (in Bulgarian).
- Kazasov D. 1969. Vidiano i prezhiviano 1891–1944 [Seen and lived 1891–1944]. Sofiia, Nats. sŭvet na Otechestveniia front, 703 (in Bulgarian).
- Kolarov V. 1968. Detstvo, iunoshestvo, zrelost?. Vospominaniia [Childhood, adolescence, adulthood. Memories]. Sofiia, Sofiia press, 155 (in Russian).
- Kosashki N. 1988. Revoliutsionniiat protses v armiia ta (9 iuni 1923 – 1929 g.) [The Revolutionary Process in the Army (9 June 1923–1929)]. Sofiia, Voenno izdatelstvo, 342 (in Bulgarian).
- Krapchanski V., Hristov G., Vŭzelov D., Skachokov I. 1961. Kratŭk obzor na boïniia sŭstav, organizatsiia ta, popŭlvaneto i mobilizatsiia ta na bŭlgarskata armiia ot 1878 do 1944 g. [A Brief Overview of the Combat Composition, Organization, Recruitment and Mobilization of the Bulgarian Army from 1878 to 1944]. Sofiia, Dŭrzhavno voenno izdatelstvo, 248 (in Bulgarian).
- Krŭsteva M, Panaïotov A., Georgiev A. 2011. Kontraadmiral Variklechkov (1891–1974) i negovoto vreme. [Rear Admiral Variklechkov (1891–1974) and his time]. Varna, Morski sviat, 176 (in Bulgarian).
- Kuzmanova A. 2003. Italiia, Bŭlgariia i Balkanite (1919–1927) [Italy, Bulgaria and the Balkans (1919–1927)]. Sofiia, BPS, 189 (in Bulgarian).

- Lloid Dzhordzh D. 1957. Pravda o mirnykh dogovorakh [The Truth About Peace Treaties]. Т. 1. М., Inostr. lit., 655 (in Russian).
- Markov G. 1992. Parola «Sabia». Zagovorite i prevratite na Voennia sūiuz 1919–1936 [Password: «Saber». Conspiracies and coups of the Military Union 1919–1936]. Sofiia, Nauka i Izkustvo, 193 (in Bulgarian).
- Muraviev K. 1992. Sūbitiia i hora [Events and people]. Sofiia, Būlgarski pisatel, 584 (in Bulgarian).
- Mushanov N. 1992. Spomeni. Dnevnik [Memories. Diary]. Sofiia, Hristo Botev, 100 (in Bulgarian).
- Nedev N. 1984. Aleksandūr Stamboliīski i zagovorūt [Alexander Stamboliiski and the Conspiracy]. Sofiia, BZNS, 349 (in Bulgarian).
- Petrova D. 1988. Samostoiatelnoto upravlenie na BZNS 1920–1923 [The autonomous administration of the BZNS 1920–1923]. Sofiia, Nauka i Izkustvo, 413 (in Bulgarian).
- Radulov S. 1981. Upravlenieto na BZNS i būlgarskata burzhoaziia [The Management of the BZNS and the Bulgarian Bourgeoisie]. Sofiia, BZNS, 408 (in Bulgarian).
- Revoliutsionna Sofiia 1891–1944. 1969 [Revolutionary Sofia 1891–1944]. Spomeni. Sofiia, BKP, 750 (in Bulgarian).
- Rossiiskii Gosudarstvennyi Vojennyi Arkhiv [Russian State Military Archive]. F. 1707 k. Op.1 (in Russian).
- Spasov L. 1999. Vrangellovata armia v Būlgariia 1919–1923 [The Wrangel Army in Bulgaria 1919–1923]. Sofiia, Univ. izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 243 (in Bulgarian).
- Spasov L., Borisov D., Marinova M. 2016. Stopanska istoriia na Būlgariia, Evropa i sveta XV–XX vek. Chast pūrva Būlgariia [Economic history of Bulgaria, Europe and the world XV–XX century. Part One Bulgaria]. Sofiia, 260 (in Bulgarian).
- Stanchev S., Nikolov R. 2017. Istoriia na suhopūtnite voīski na Būlgariia (1918–1945). Т. 2 [History of the ground forces of Bulgaria (1918–1945). Т. 2]. Sofiia, SiTi Direkt EOOD, 182 (in Bulgarian).
- Stanev V. 2018. Mezhdusūiuznicheskiiat voenen kontrol v Būlgariia (1920–1927) [Inter-Allied Military Control in Bulgaria (1920–1927)]. Sofiia, Univ. izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 325 (in Bulgarian).
- Todorov K. 1994. Izpovedta na edna luda balkanska glava [The confession of a crazy Balkan head]. Sofiia, 505 (in Bulgarian).
- Vasilev V. 1991. Pravitelstvoto na BZNS, VMRO i būlgaro-iugoslavskite otnosheniia [The Government of the BZNS, VMRO and Bulgarian-Yugoslav relations]. Sofiia, 343 (in Bulgarian).
- Velev A. 1977. Glavni reformi na zemedelskoto pravitelstvo [Main reforms of the agricultural government]. Sofiia, 181 (in Bulgarian).
- Vinarov I. 1971. Boitsy tikhogo fronta: Vospominaniia razvedchika [Fighters of the Quiet Front: Memories of a reconnaissance officer]. М., Vojenizdat, 405 (in Russian).
- Vranchev P. 1968. Spomeni. [Memories]. Sofiia, Dūrzhavno voenno izdatelstvo, 636 (in Bulgarian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.10.2022

Received 01.10.2022

Поступила после рецензирования 10.10. 2022

Revised 10.10. 2022

Принята к публикации 10.10. 2022

Accepted 10.10. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ермишин Леонид Валерьевич, аспирант кафедры истории южных и западных славян, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Leonid V. Ermishin, Postgraduate student at the Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0002-2843-8683](https://orcid.org/0000-0002-2843-8683)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47)(470.56)

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-118-129

Оригинальное исследование

Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке

Кудланов К.Б.

Курское отделение Российского общества историков архивистов,
305005, Россия, г. Курск
E-mail: kudlanov777@mail.ru

Аннотация. На основе массы неопубликованных и нарративных источников автор определяет общее движение в городских конгломерациях Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) служилых людей и их потомков в XVIII веке. В ходе исследования автор установил, что характер урбанизационных процессов у однодворцев изменился по причине преобразования городов из очагов расселения и средоточий защиты в торгово-промышленные центры. Отчего в первом периоде исследователь везде выявил рост служилых людей в городах ЦЧ, а во втором – убыль городских однодворцев на фоне общего урбанизационного прироста. Главная особенность урбанизационных процессов состояла в том, что после замирения края в городах требовались предприимчивые люди, а до него – отважные и воинственные. В целом рост товарно-денежных отношений обеспечил приток в город населения, но вместе с тем наизнанку перевернул сословную иерархию XVII века.

Ключевые слова: служилые люди, однодворцы, города, уезд, Центральное Черноземье

Для цитирования: Кудланов К.Б. 2023. Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 118–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-118-129

Migration of One-Courtyard People from Villages to Cities of the Central Chernozem Region in XVIII Century

Konstantin B. Kudlanov

Kursk Branch of the Russian Society of Historians of Archivists,
Kursk, 305005, Russia
E-mail: kudlanov777@mail.ru

Abstract. Based on the mass of unpublished and narrative sources, the author determines the general movement in the urban conglomerations of the Central Chernozem Region (hereinafter – CC) of the military service people and their descendants in the XVIII century. In the course of the study, the author found that the nature of urbanization processes among the urban one-courtyard people changed due to the transformation of cities from centers of settlement and pockets of protection into commercial and industrial centers. In the first period, the researcher everywhere revealed the growth of the military service people in the cities of the Central Chernozem region, and in the second – the decline of urban smallholders against the background of a general urbanization increase. The main feature of the urbanization processes was that after the pacification of the region, enterprising people were required in the cities, and before it – brave and warlike. In general, the growth of commodity-money relations ensured the influx of population into the city, but at the same time, it turned the estates hierarchy of the XVII century inside out.

Key words: military service people, one-courtyard people, smallholders, city, county, Central Chernozem region

For citation: Kudlanov K.B. 2023. Migration of One-Courtyard People from Villages to Cities of the Central Chernozem Region in XVIII Century. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 118–129 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-118-129

Введение

Сверхактуальный вопрос изменения численности городского населения является неотъемлемой частью демографического развития. Цель данной статьи состоит в установлении урбанизационных процессов среди однодворцев ЦЧ в XVIII веке. Часто в течение работы исследователь будет выходить за эти временные рамки и обращаться к процессам, протекавшим с начала XVII по середину XIX века. Для этого последний временной отрезок исследователь делит на два периода, отличающиеся характером миграций в город среди однодворцев ЦЧ. Во время борьбы с Крымским ханством доминировал фактор безопасности, а во второй период мирного времени – рост капиталистических отношений. Однако приток служилых людей в города для занятия промыслами и торговлей встречались и до означенного рубежа. Кстати, грань этих периодов в нач. XVIII в. для ЦЧ совпадает с общегосударственными циклами царства и империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи является однодворческое сословие. В связи с частыми сопоставлениями процессов двух разных эпох, имеющих свою особую терминологию, во избежание путаницы установим чёткий понятийный аппарат исследования. Итак, термин однодворец для XVII в. означал служилого человека, проживавшего одним двором, т. е. без крестьян [Важинский, 1974, с. 44]. После податных реформ нач. XVIII в. этот термин приобретает новый смысл названия сословия, сформированного из значительной части служилых людей «по отечеству» и абсолютного большинства служилых «по прибору» [Мизис, 2006, с. 42]. Для бытности XVIII в. имело место и малочисленное сословие «старых служб служилых людей», которое по тем или иным причинам не было зачислено при Петре I в состав однодворцев [Ачмизов, 2015, с. 32]. Впоследствии «старых служб служилые люди» войдут в число однодворцев, а последние – в состав государственных крестьян [Дружинин, 1946, с. 50]. Таким образом, употребляемые в ходе исследования такие словосочетания, как «потомки служилых людей», «однодворческое население», «городские однодворцы», «однодворческое общество», «потомки детей боярских», «потомки служилых по отечеству», будут использоваться синонимами к термину «однодворец» в качестве сословия XVIII – пер. пол. XIX веков.

Относительно географических рамок данной статьи отметим следующее. За её основу мы возьмём разнообразный исторический материал по Курскому краю, который в течение всего исследования будем сопоставлять с аналогичными процессами во всём ЦЧ. Если быть точнее, то границы этой области мы олицетворяем, помимо Курской, ещё с Орловской, Тамбовской и Воронежской губерниями в пределах территориально-административного деления нач. XIX века.

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при обозначении общих урбанизационных процессов в разные временные отрезки; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (различные виды движения однодворцев в городах ЦЧ) в широкий исторический контекст.

Для рассмотрения динамики особенностей притока потомков служилых людей в города мы использовали традиционные методы историографического исследования: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-генетический. Статистический

метод наблюдения позволил выявить роль тех однодворцев в общем урбанизационном движении ЦЧ. Картографический метод исследования помог сопоставить в изучаемой нами местности территориально-административное деление XVI–XVII вв. с XIX веком. Соединение общих и уникальных явлений предоставило возможность выявить особенности демографической подвижности однодворцев в городах ЦЧ.

В своей совокупности весь применённый нами комплекс методов позволяет получить достоверные результаты исследования.

Результаты и их обсуждение

Во время борьбы Московского государства с Крымским ханством, учитывая постоянно висевшую опасность набегов кочевников, правительство осознавало, что «один в поле не воин». Для этого противостояния на заселяемых местностях требовались военные центры, вокруг которых можно было бы систематизировать все население в целях его же защиты. В целом строительство городов сыграло немалую роль в исполнении задач заселения прежде пустынной местности ЦЧ. Во-первых, они являлись оплотами защиты населения [Попова, 1886, с. 284]. Во-вторых, хозяйственным средоточием экономического освоения региона [Миклашевский, 1894, с. 64]. В-третьих, духовными центрами [Пономарева, 1999, с. 144]. В-четвёртых, очагами расселения по близлежащей местности и тем речным системам, на которых стояли эти города-крепости [Кудланов, 2022, с. 13].

Правильную организацию уезда можно рассмотреть на примере основания г. Козлова в 1635 году. Сначала определялось место для города, а затем – для сельских поселений. Только после одобрения государя начиналось само строительство крепости, сел и деревень [Алферова]. Основным правилом заселения новых крепостей было сосредоточение населения вблизи них в слободах и обязательное устройство жителями дворов внутри города на случай осадного времени [Новосельский, 1948, с. 408]. Следовательно, правительством предполагался всеобъемлющий приток в крепости всех жителей уезда в нужное время. Однако, на наш взгляд, в случае внезапной опасности все сельские обитатели уезда вряд ли могли успеть прийти в город. Несмотря на это, подобные постановления регулярно предписывались. Например, в декабре 1631 г. всем ливенским служилым людям на случай осадного времени предписывалось «в городе и в остроге на порозжих местех поставить избы и клети тотчас, велеть им держать хлебные и всякие запасы и рухлядь всякую» [Неделин, 2012, с. 273]. В условиях же мирного времени это правило забывалось и не соблюдалось. После чего многие жители расселялись по территории уезда, выбирая себе места, более удобные для хозяйственной деятельности.

Переломным моментом в характере притока однодворцев в города оказали Петровские войны и реформы [Шапиро, 1940, с. 52–53]. Для ЦЧ этот период совпадает ещё с замирением края, только после которого стало возможным полноценное вхождение региона в естественную экономическую жизнь государства, правда, с провинциальным оттенком. Стимулирование развития ремесла и возникновения мануфактур [Лаппо, 1975] вело к общественному разделению труда, которое способствовало росту внутреннего рынка. Последний, в свою очередь, стал определять спрос на продукты и их цену. Хлеб на внутреннем рынке становился всё более и более частым и ценным товаром [Греков, 1952, с. 6–7]. Это увеличивало товарно-денежные отношения в деревне и способствовало дальнейшему отделению промышленности от сельского хозяйства [Лаппо, 1975]. В этих условиях однодворцам приходилось чаще передвигаться с места на место, переезжать из губернии в губернию, переселяться для торговли и промыслов в города – уездные, губернские и даже столичные [Дружинин, 1946, с. 81–82]. Всё перечисленное мы можем наблюдать на протяжении последующего изучаемого нами периода после нач. XVIII века. Главное различие между двумя означенными эпохами для ЦЧ состояло в том, что из очагов расселения города преобразовались в торгово-промышленные центры, куда стекались потомки служилых людей уже по экономическим соображениям.

Для осмысления, написанного выше, немаловажным будет соотнести однодворческие и общие урбанизационные процессы ЦЧ в изучаемом нами периоде. Источниковая база, позволяющая произвести количественные измерения миграционного движения именно однодворцев, невелика по причине предпочтительного для многих статистиков включения численности этого сословия в состав государственных крестьян. Во всей своей силе указанный процесс проявился в пер. пол. XIX века. В этой связи данные из опубликованного источника «Труды Курского губернского статистического комитета за 1863» отражают именно всех государственных крестьян [Труды ..., 1863, с. 170–182]. Сопоставление численности однодворцев, проживающих в городах Курского края между 1795 и 1816 гг., мы обнаружили в черновиках Ф.И. Лаппо, которые он сдал на хранение в Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Они, в свою очередь, отражают показатели Генеральных табелей 5 и 7 ревизских сказок³⁶. Представляет ценность для исследования и «Описание Курского наместничества ...» С.В. Ларионова, в котором мы обнаружили численность городских однодворцев на момент 4-й ревизии в 1782 году. На основе упомянутых выше источников и нескольких опубликованных исследований мы составили таблицу 1, которую мы разместили ниже. Обратимся к её рассмотрению.

Таблица 1

Общий урбанизационный прирост населения в соотношении с увеличением численности городских однодворцев Курского края 1626–1860 гг. [Загоровский, 1969, с. 82; Папков, 2004, с. 227; Ларионов, 1786, с. 38–158; Труды ..., 1863, с. 170–182]³⁷.

General urbanization growth of the population in relation to the increase in the number of urban one-palaces of the Kursk Territory in 1626–1860 [Zagorovsky, 1969, p. 82; Papkov, 2004, p. 227; Larionov, 1786, p. 38–158; Proceedings ..., 1863, p. 170–182]

Год	1626/ 1643	1782			1795		1816			1860			
		Служилых людей по прибору	Однодворцев в городе	Городское население	% однодв. от всех горожан	Разница с 4 рев.	Однодворцев в городе	Разница между 1816 и 1795 гг.	Однодворцев в городе	% однодв. от всех горожан	Разница между 1860 и 1816 гг.	Гос. крестьян в городе	Всех горожан
Курск	538	222	6 006	3, 70	- 271	1 950	244	2 194	18	-1 321	873	18 016	
Белгород	276	536	3 462	15, 48	- 55	481	29	510	11, 8	-75	435	5 978	7,3
Хотмыжск / Грайворон	160	394	512	76, 95	0	0	1 100	1 100	61, 9	-	?	?	-
Богатый Мирополье	/	-	-	-	633	1 027	-1 027	-	-\	-	- / -	391/497	-
Дмитриев	-	0	200	0	0	0	8	8	0, 6	52	60	1 168	5,1
Короча	236	382	3 835	9, 96	233	914	794	1 708	24, 5	-1 485	223	3 122	-
Льгов	-	0	236	0	28	28	22	50	5, 2	17	67	1 658	4
Обоянь	-	957	2 169	44, 12	61	1 018	298	1 316	36, 1	-1 293	23	3 189	-
Новый Оскол	-	1 251	1 387	90, 19	102	1 348	257	1 605	72, 5	-1 596	9	355	2,5
Старый Оскол	272	2 182	2 529	86, 28	- 76	2 106	-1 711	395	13, 2	-280	115	3 750	3,1
Путивль	-	1 888	3 996	47, 28	- 530	1 357	353	1 710	58, 9	-767	943	3 338	28,2
Рыльск	-	557	2 232	24, 95	- 197	352	23	375	12, 6	292	667	4 400	-
Суджа	-	53	2 839	1, 87	- 15	38	46	84	6, 2	203	287	2 298	12,5
Тим	-	786	935	84, 06	105	1 401	214	1 615	66, 1	-	?	?	-
Фатеж	-	334	394	84, 77	- 17	255	70	325	16, 4	-267	58	2 406	2,4
Щигры	-	1 298	1 412	91, 93	48	835	168	1 003	44, 6	-	-	2 409	-
Всего	-	10 840	32 144	33, 72	49	10142	888	13 998	18	-6 520	3760	23 360	-

³⁶ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 85. Л. 240–242.

³⁷ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 85. Л. 240–242.

Итак, сначала отметим, что в графе «Служилые люди по прибору» мы указали общее кол-во дворов казаков, стрельцов, пушкарей, затынщиков и воротников. Если их численность не указана, это означает, что точными данными по тем городам мы не обладаем. В целом между XVII и XVIII вв. в численности однодворцев по известным нам 5 городам прослеживался повсеместный прирост, кроме г. Курска. На наш взгляд, это вызвано крупным пожаром, который в августе 1781 г. уничтожил практически весь центр упомянутого города [Кудланов, 2017, с. 134]. К 1795 г. численность однодворцев губернского центра уже нормализовалась.

В 1782 г. в Хотмыжске, Новом Осколе, Старом Осколе, Тиме, Фатеже и Щиграх однодворцы составляли более 75 %. Больше 44 % их доля прослеживалась в Обояни и Путивле. Важно отметить, что наличие однодворческих городов в Курском крае не было каким-то исключением, т. к. в ЦЧ такое встречалось повсюду, например, в Тамбовском крае (Усмань [Проторчина, 1954, с. 39], Козлов, Гвазды и др.), в Воронежском (Коротояк, Землянк, Нижне-Девицк и др.), а также в ряде упразднённых городов, из бывших крепостей [Кудланов, 2022, с. 152].

Между 1782 и 1795 гг. значительный приток при расселении прослеживался только в губернном городе. Однако там же, как и в большинстве уездных центров, прослеживалась убыль однодворческого населения. Общий прирост мы наблюдаем только в 5 городах из 11, по которым мы обладаем точными сведениями, да и то города Богатый, Тим и Щигры являлись недавно образованными, произошедшими от однодворческих сёл. Из старых же городских конгломераций незначительный прирост потомков служилых людей прослеживался только в Короче и Новом Осколе. Главную роль в этой прибыли, видимо, играл естественный прирост, а весомую причину убыли составляли выселения и межсословная мобильность однодворцев, являвшихся основным социальным донором в городах для мещанства и купечества³⁸.

Согласно таблице, размещённой в Приложении, нужно отметить, что дальнейшая тенденция протекала в пользу сокращения общей доли однодворцев в городской среде Курского края. Между 1795 и 1816 гг. незначительное увеличение общей доли однодворцев мы наблюдаем в Дмитриеве, Льгове, Судже, Путивле. Ощутимый же прирост, скорее всего, вызванный притоком потомков служилых людей, наблюдался в губернном центре (с 3,7 до 18 %) и Короче (9,9 до 24,5 %). Хуторская система Путивля относилась к пригородной слободе [Кудланов, 2022, с. 36–43], поэтому там за счёт расселения по недавно образованной территориальной единице прослеживался общий прирост. В Дмитриеве, Льгов и Суджу однодворцы, скорее всего, стекались для промысла. В остальных 9 городах Курского края прослеживался спад доли однодворцев среди горожан между 5 и 7 ревизиями. В некоторых из них, как в Старом Осколе, уменьшение было колоссальным (с 86,3 до 13,2 %), в Щиграх – в два раза меньше (с 91,9 до 44,6 %). На наш взгляд, в Старом Осколе произошло выселение из города и расселение в сельскую местность уезда, а вот в недавно образованных Щиграх просто увеличивалось общее кол-во горожан вместе с естественным приростом потомков служилых людей. Подобный процесс, только в меньших масштабах, протекал и в остальных однодворческих городах: Белгороде, Обояни, Новом Осколе, Рыльске, Тиме и Фатеже.

При сравнении же численности городских однодворцев между 1782–1795–1816–1860 гг. повсюду получается тенденция к уменьшению, ощутимо улучшающаяся лишь между 1795 и 1816 годами. Так, между 1782 и 1795 гг. пропорция убыли однодворцев в городах к прибыли прослеживалась 7 к 7, между 1795 и 1816 гг. – 2 к 14, а между 1816 и 1858 гг. – 8 к 4. Удивительно, но неприкращающийся прирост городских однодворцев протекал только в западных уездных центрах губернии (Дмитриеве, Льгове, Судже и Рыльске). В первых трёх их число было ничтожно мало, что свидетельствует о прибытии

³⁸ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 348. Л. 440.

занимавшихся промыслами. В торгово-промышленный центр Рыльск приток однодворцев прослеживался по той же причине, учитывая их массовую вовлечённость в развитый там косный промысел [Апанасёнок, 2014, с. 225]. Во всех же тех городах, где в XVII в. насчитывалось много потомков служилых людей, везде прослеживалась их повсеместная убыль. И главное, что она протекала на фоне общего увеличения численности всех городов, кроме Нового Оскола, Путивля, Корочи, Суджи. Там, видимо, протекал всеобщий переход крепостей на торгово-промышленный лад, так как первые два являлись местом обитания однодворцев, а последние – войсковых обывателей. В целом же городское население между 1782 и 1860 гг. увеличилось на 20 741 душу.

На наш взгляд, процесс уменьшения роли однодворческого населения в городах, где доминирующим сословием являлись потомки служилых людей, в своём основании имеет ряд причин. Первая крылась в незначительном притоке однодворцев в города из-за ряда бюрократических трудностей, а именно в податной системе, учреждённой при Петре I. Переселяясь в города, однодворцы обязывались представлять удостоверения о том, что они «приобвыкли к промыслу» и имеют в месте притока обзаведение, а также одобрены домохозяевами города в своей благонадёжности. Если переселение влекло за собой раздробление семейства, то оно запрещалось. У родных обществ однодворцам требовалось получение согласия и свидетельство о том, что средства для пропитания остающихся в деревне обеспечены и их земля «не останется впусе». К тому же от переселяющихся однодворцев требовалось внесение трёхгодичной подати или её залога [Дружинин, 1946, с. 82–83]. Таким образом, Петровское правительство создавало, с одной стороны, предпосылки для нового вовлечения крестьян в города, в ремесло, на мануфактуру и на строительства, а с другой стороны, оно же и тормозило это вовлечение. Единственный законный канал, по которому могли направляться сельское население в города, были отходы [Шапиро, 1940, с. 52–53].

На примере пришедших однодворцев в г. Курск между 2 и 3 рев. Ф.И. Лаппо замечал, что все лица, вновь поселившиеся в слободах, не сразу записывались в однодворческое общество, а лишь во время ревизий. Например, основная масса тех, чьё принятие оформили в 1762 г., фактически проживала в Курске, по их словам, «лет 15», т. е. с 1747 года. Несомненно, что не все желающие принимались в общество городских слобод, а лишь те, кто имел средства на покупку дома или возможность породниться со слобожанами путём женитьбы на вдовах и дочерях однодворцев [Лаппо, 1975]. Имелась и такая категория счастливчиков, кому правительство в пригородных селах и слободах предоставляло даже земельные угодья. Такое явление мы наблюдаем в декабре 1791 г. в пригородах г. Воронежа³⁹. Встречались и массовые переселения односельчан в городскую местность. Например, из с. Хреновца между 1782 и 1795 гг. выселилось 9 душ в Казацкую слободу г. Курска, где их положили в однодворческий оклад⁴⁰. Альтернатива официальному переезду состояла в постоянном проживании в городе без оформления. Известно, что кроме лиц, приписанных в слободах г. Курска, в 1782 г. было зарегистрировано 128 душ, записавшихся по 4-й ревизии в своих селениях, но фактически живших в Курске. В 1795 г. численность подобной категории составляла 216 человек [Лаппо, 1975]. Не всегда их участь была завидной. Например, однодворец, занимавшийся ломовым извозом, не записавшийся в слободах, всё же обычно перевозил свою семью в город. Однако сам он жил у рядчика, а его жена поступала куда-нибудь в кухарки или няньки. Так и коротали весь век, видясь между собою только по временам, урывками, в праздники и воскресные дни [Добротворский, 1885, с. 106].

В кон. 20-х и нач. 30-х гг. XIX в. произошло падение бюрократических стеснений для переселений однодворцев в городские конгломерации. Отныне такие переезды допускались, и сельским потомкам служилых людей разрешалось иметь в городах недвижимую собственность. Правительство признавало, что это «будет полезно, сколько для однодворцев, пред-

³⁹ ГАВО. Ф. И 245. Оп. 1. Д. 17. Л. 201.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р 30. Оп. 1. Д. 179. Л. 145.

ставляя им новые возможности к выгодному употреблению их собственности и к расширению круга их промышленности, столько и для городов, наипаче уездных, которых благосостояние может улучшиться умножением народонаселения и облегчением жителей в исправлении повинностей». Теперь в месте водворения им нужно было только одобрение от домохозяев города в их благонадежности, а в месте выхода – получение согласия общества. К тому же вместо трёхлетней подати им разрешалось ограничиться лишь годичной [Дружинин, 1946, с. 82–83]. Кстати, это упрощение касалось всех категорий государственных крестьян.

Другие внутренние причины были вызваны земледельческим и отчасти аристократическим менталитетом значительной части потомков служилых людей. Начнём с первого вида мышления. Обусловленная многими традициями крестьянский образ жизни не позволял однодворцам окончательно расстаться со своим хозяйством и уйти на промышленное производство. Тяжёлая земледельческая работа, вызванная примитивной техникой, была тягостна. Из-за этого все, кто мог позволить жить, не утруждаясь, сделали бы так, даже за счёт снижения уровня благосостояния. Но ощущение себя хозяином, собственником, отличавшее однодворца от помещичьего крестьянина, не позволяло уйти от суровой жизни земледельца и искать стабильного заработка в более комфортных городских условиях обитания. К тому же в губерниях ЦЧ было совсем немного промышленных предприятий [Иванова-Малофеева, 2005, с. 72]. Таким образом, уходили только однодворцы с безвыходным положением, и то у них была альтернатива переселения в сельскую местность других уездов и губерний. Причём потомки служилых людей пользовались этой возможностью более остальных.

Вторая разновидность ментальности, препятствующей однодворцам стечению в города, особенно относилась к потомкам детей боярских. Ведь они имели старинную родовую гордость от сознания того, что в них течёт «дворянская кровь» [Зеленин, 1913, с. 66]. Для них занятие торговлей и промыслом являлось второсортным уподоблением служилым «по прибору» людям и тем более посадским. Этот склад ума сформировался до конца XVII века. Например, крупный специалист по XVII в., д-р ист. наук В.П. Загоровский так и не обнаружил информацию, подтверждающую участие служилых людей в городской торговле [Загоровский, 1969, с. 32–34]. Наниматься в наёмные работники же для таких потомков служилых по отечеству людей совсем считалось унижительным. По свидетельству специалиста по однодворческому менталитету Д.К. Зеленина, они готовы на разную работу, которая им кажется «благороднее» экономической службы, лишь бы не наниматься в батраки [Зеленин, 1913, с. 66].

Другое дело – потомки служилых людей по прибору, которые достаточно часто участвовали в торговле. К концу первой четверти XVIII в. крепости ЦЧ окончательно утратили своё военное значение, и главным занятием проживавших там однодворцев стала не «государева служба», а ремесло и торговля [Неделин, 2012, с. 298]. Данные процессы вытекали напрямую из исторических реалий, т. к. у представителей изучаемого нами сословия имелся к этому определённый навык. Ведь служилые люди по прибору, кроме части городских казаков, даже в период борьбы с Крымским ханством обычно не имели возможности существовать с семьями на земельные дачи или на получаемое из казны денежное и хлебное жалование. Поэтому специалист по однодворцам М.Г. Рабинович заявлял, что, если их служба протекала не в пограничных районах и не была связана с постоянными посылками и командировками, большинство служилых «по прибору» людей обычно занимались торговлей, ремёслами и всякого рода промыслами [Рабинович, 1953, с. 96]. Тем более они не несли тягла и были избавлены от всякого рода поборов и повинностей. Кстати, эти существенные привилегии позволяли им успешно конкурировать в торговле и промыслах с разными категориями посадских людей. В остальном их положение мало чем отличалось от средних и низших слоёв посада [Рабинович, 1953, с. 97], что их сближало и предоставляло возможность к переходу в городские сословия после замирения края. И действительно, по свидетельству В.П. Загоровского, как раз служилые по прибору люди, особенно в первой половине XVIII в., являлись одним из источников как

для зарождающейся предпринимательского слоя [Загоровский, 1969, с. 32–34], так и переселенцев в городскую местность в последующее время.

Правительство это осознавало, поэтому в 1723 г. было решено старых служб служилых людей, не имеющих земель и кормящихся торгом или каким-либо мастерством, писать в посады: торгующих – в купечество, а мастеровых – в цехи [Семевский, 1908, с. 803]. Этот процесс рекрутирования в городские сословия из однодворческой среды активно протекал не только на протяжении XVIII века. Так, в начале XIX в. очередное подобное постановление предписывало причислить к мещанам жителей слобод, неимевших навыков в сельскохозяйственном труде, а занимавшихся «большою частию упражнениями, городским жителям свойственными» [Лаппо, 1975]. Подобное явление перехода однодворцев в купечество и мещанство протекало не только массово, но и в частном порядке. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что убыль городских однодворцев зачастую была вызвана их переходом в другие сословия. К этому же фактору присовокуплялись остальные причины убыли: смертность, ландмилицкая и рекрутская повинности, бегство и пропажа без вести, ссылка, переселение в разные уезды и губернии, а также переход в другие сословия, помимо городских. При этом главное, что все перечисленные факторы убыли компенсировались только естественным приростом и незначительным притоком потомков служилых людей в город, т. к. остальные статьи прибыли однодворческого населения были скудны.

Заключение

Подводя итог данной статьи, отметим следующее. Во время урбанизационных процессов XVIII–XIX вв. мы наблюдаем наибольшее смешивание как служилых людей по прибору и по отчеству в рамках однодворческого сословия, так и всего этого разряда среди других. Так, экономическая составляющая наизнанку переворачивала сословную иерархию XVII века. Это отражалось как на взаимовлиянии этих составных частей однодворцев, так и на их общем изменении стереотипов поведения.

Однако сословное мышление быстро не преобразовывалось. До конца XVII в. проживание в городской местности не было престижным, и родовитые дети боярские там обитать не хотели. Их стремления были обращены на поместья в сельской местности. Поэтому после наблюдавшегося до конца XVII в. принудительного сведения в крепости ЦЧ однодворцы, подражавшие боярским детям, добровольно расселялись от их городских очагов в XVIII веке. Этот фактор обуславливал доминирование оттока над притоком в города потомков служилых людей.

В нач. XVIII в. выявились предпосылки для смены социально-экономической формации определившие стечение предприимчивых однодворцев в городские конгломерации. Мирное время и приоритет экономики для ЦЧ во главе урбанизационных процессов однодворцев установили принцип их личного желания, вписывавшегося в канву исторического движения. Уже с нач. XVIII в. начинают явно проследиваться правовой приоритет городских сословий и следовавшее за ним к XIX в. их ментальное доминирование. Последнее явление тогда ещё не носило определяющего характера. Правовой же приоритет отражался на массовом переходе однодворцев в городские сословия, начавшие считаться более привилегированными. Следовательно, стекающиеся в города предприимчивые потомки служилых людей в большинстве своём не оставались в составе однодворцев, обеспечивая очередную статью убыли в среде последних.

Главное различие между двумя означенными урбанизационными эпохами для ЦЧ состояло в том, что из очагов расселения города преобразовались в торгово-промышленные центры. В первом периоде проследивается повсеместный рост служилых людей в городах ЦЧ, а во втором – убыль городских однодворцев на фоне общего урбанизационного прироста. На это явление влиял ряд факторов. Во-первых, бюрократические сложности при переходе однодворцев в города, вызванные податной системой Петра I, упрощившейся лишь в

кон. 20-х и нач. 30-х гг. XIX века. Во-вторых, традиционный сельскохозяйственный менталитет и следовавший за ним отток потомков служилых людей из городских конгломераций. В-третьих, массовый переход однодворцев в торгово-промышленные сословия. В-четвёртых, тем, что совокупность причин убыли городских потомков служилых людей компенсировались только их высоким естественным приростом и незначительным притоком в город. Остальные же статьи прибыли однодворцев были малы.

Главная роль влияния урбанизационных процессов состояла в том, что после замирения края в городах требовались предприимчивые люди, а до него – отважные и воинственные. Однако если предприимчивые редко оставались в однодворческой среде, то последние – в своём большинстве. На озвученное в конце явление значительное влияние имели правительственные меры охранения сословных привилегий. Рост же товарно-денежных отношений, обеспечил приток в город населения, но вместе с тем нёс в себе принципы, подтачивающие сословные рамки. Кстати, всё это признаки капиталистической формации. Последняя использовала однодворцев в качестве биоматериала для разбавления котла городских сословий. На наш взгляд, именно благодаря капитализму сословие однодворцев к середине XIX в. стало архаизмом.

Список литературы

- Алферова Г.В. Государственная система строительства городов и освоение новых земель в XVI–XVII вв. (на примере г. Козлова и его уезда). URL: <https://Shapkino.ru>.
- Апанасенок А.В. 2014. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск, РОСИ, 397 с.
- Ачмизов А.А. 2015. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления (XVIII–XIX вв.) (историко-правовое исследование). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 186 с.
- Важинский В.М. 1974. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк, облтипография, 237 с.
- Греков Б.Д. 1952. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века. Кн. 1. Изд. 2-е, исп. и доп. М., Из-во Академии наук СССР, 532 с.
- Дружинин Н.М. 1946. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., Изд-во Акад. Наук СССР, 633 с.
- Добротворский Н.А. 1885. Промыслы и вземземеделческие занятия крестьян Центрального района. Курск, Тип. Губ. Зем., 228 с.
- Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Дис. ... док. ист. наук. Т. 1. Воронеж, 287 с.
- Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Дис. ... док. ист. наук. Т. 2. Воронеж, 250 с.
- Зеленин Д.К. 1913. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., Тип-я А.В. Орлова, 544 с.
- Иванова-Малофеева Е.Ю. 2005. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Тамбов, Изд-во ТГТУ, 196 с.
- Кудланов К.Б. 2017. Социально-экономическое развитие Курской губернии в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 296 с.
- Кудланов К.Б. 2022. Расселение однодворцев от их городских очагов на территории Центрального Черноземья в XVII–XIX вв. Региональные историко-культурные исследования. Сборник статей. Т. 2. Курск, Инвестсфера: 9–16.
- Кудланов К.Б. 2022. Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII–XIX веках. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право, 12 (5): 148–158.
- Лаппо Ф.И. Курск в период разложения крепостнических отношений. (Вторая половина XVIII века). URL: <https://gorenka.org/6520/?ysclid=171g11e0pu491331639>

- Ларионов С.В. 1786. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце. М., Вольн. Тип. Пономарёва, 189 с.
- Миклашевский И.Н. 1894. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., Тип-я Д.И. Иноземцева, 310 с.
- Мизис Ю.А. 2006. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII веков. Авт. дис. ... док. ист. наук. Воронеж, 52 с.
- Неделин В.М. 2012. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел, Вешние воды, 544 с.
- Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., Из-во Акад. Наук СССР, 452 с.
- Папков А.И. 2004. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, Изд-во «Константа», 352 с.
- Пономарева О.Б. 1999. Социально-экономическое и культурное развитие Белгородской губернии (1727–1779 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 241 с.
- Попова Н.А. 1886. Очер землевладения и межевания в Воронежской губернии. Воронежский сборник в память 300-летия г. Воронежа. Т. 1. Воронеж, Типолитография Губернск. Правления: 281–330.
- Проторчина В.М. 1954. Волнения воронежских однодворцев в XVIII веке. Из истории Воронежской области. Воронеж, Воронежское книжное издательство: 39–45.
- Рабинович М.Г. 1953. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 693 с.
- Семевский В.И. 1901. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. Спб., Тип-я М.М. Стасюлевича, 865 с.
- Труды Курского губернского статистического комитета. 1863. Вып. 1. Курск, Тип-я Губернского Правления, 585 с.
- Шапиро А.Л. 1940. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Ученые записки. Т. V. Исторический факультет. Вып. 1. Л., ЛГПИ им. Покровского: 23–53.

References

- Alferova G.V. Gosudarstvennaya sistema stroitel'stva gorodov i osvoyeniye novykh zemel' v XVI–XVII vv. (na primere g. Kozlova i yego uyezda) [The state system of building cities and the development of new lands in the XVI–XVII centuries (on the example of the city of Kozlov and its county)]. URL: <https://Shapkino.ru> (in Russian).
- Apanasenok A.V. 2014. Religioznyy traditsionalizm v provintsial'noy Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old Believer communities of the Central Chernozem region in the XVII-th – early XX-th centuries]. Kursk, ROSI, 397 p. (in Russian).
- Achmizov A.A. 2015. Gosudarstvennye krest'yane v Rossii: transformatsiya pravovogo statusa, upravleniya i soslovnogo samoupravleniya (XVIII–XIX vv.) (istoriko-pravovoe issledovanie) [State Peasants in Russia: Transformation of Legal Status, Management and Class Self-Government (XVIII – XIX centuries) (historical and legal research)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 186 p. (in Russian).
- Vazhinskiy V.M. 1974. Zemlevladieniye i skladyvaniye obshchiny odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii). Uchebnoye posobie k spekkursu dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov pedagogicheskikh institutov [Land ownership and the formation of the smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia). Textbook for a special course for students of Historical faculties of pedagogical institutes]. Voronezh: Lipetsk obltipografiya, 237 p. (in Russian).
- Grekov B.D. 1952. Krest'yane na Rusi s drevneyshikh vremen do XVII veka [Peasants in Russia from ancient times to the XVII-th century]. Book. 1. Ed. 2nd, isp. i dop. Moscow, Iz-vo Akademii nauk SSSR, 532 p. (in Russian).
- Druzhinin N.M. 1946. Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 633 p. (in Russian).

- Dobrotvorskiy N.A. 1885. Promysly i vnezemledel'cheskiye zanyatiya krest'yan Tsentral'nogo rayona [Crafts and non-agricultural activities of the peasants of the Central region]. Kursk, Tip. Gub. Zem., 228 p. (in Russian).
- Zagorovskiy V.P. 1969. Belgorodskaya cherta [Belgorod line]. Dis. ... dok. ist. nauk. T. 1. Voronezh, 287 p. (in Russian).
- Zagorovskiy V.P. 1969. Belgorodskaya cherta [Belgorod line]. Dis. ... dok. ist. nauk. T. 2. Voronezh, 250 p. (in Russian).
- Zelenin D.K. 1913. Velikorusskiye govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniyem zadneneznykh soglasnykh s svyazi s techeniyami pozdneyshey velikorusskoy kolonizatsii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive mitigation of back-palatal consonants in connection with the currents of the later russian colonization]. St. Petersburg, Tip-ya A.V. Orlova, 544 p. (in Russian).
- Ivanova-Malofeyeva Ye.YU. 2005. Reforma gosudarstvennoy derevni v Tambovskoy gubernii (seredina 30-kh – seredina 50-kh gg. XIX v.) [Reform of the state village in the Tambov province (middle-30s – middle-50s of the XIX-th century)]. Tambov, Izd-vo TGTU, 196 p.
- Kudlanov K.B. 2017. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Kurskoy gubernii v pervoy chetverti XIX veka [Socio-economic development of the Kursk province in the first quarter of the XIX-th century]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk, 296 p. (in Russian).
- Kudlanov K.B. 2022. Rasseleniye odnodvortsev ot ikh gorodskikh ochagov na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII–XIX vv. [Settlement of smallholders from their urban centers on the territory of the Central Chernozem region in the XVII-th – XIX-th centuries]. Regional'nyye istoriko-kul'turnyye issledovaniya. Sbornik statey. Kursk, Investsfera, 2: 9–16 (in Russian).
- Kudlanov K.B. 2022. Features of the influx of one-courtyard people into the cities of the Central Chernozem region in the XVII-th – XIX-th centuries. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo, 12 (5): 148–158 (in Russian).
- Lappo F.I. Kursk v period razlozheniya krepostnicheskikh otnosheniy. (Vtoraya polovina XVIII veka) [Kursk in the period of decomposition of serf relations. (Second half of the XVIII-th century)]. URL: <https://gorenka.org/6520/?ysclid=171g11e0pu491331639> (in Russian).
- Larionov S.V. 1786. Opisaniye Kurskogo namestnichestva iz drevnikh i novykh raznykh o nem izvestiy vkrattse [Description of the Kursk governorship from ancient and new various news about it in brief]. Moscow, Vol'n. Tip. Ponomarova, 189 p. (in Russian).
- Mizis Yu.A. 2006. Formation of the Central Chernozem Market in the Second Half of the XVII-th – First Half of the XVIII-th Centuries. Avt. dis. ... dok. ist. nauk. Voronezh, 52 p. (in Russian).
- Miklashevskiy I.N. 1894. K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1. Zaseleniye i sel'skoye khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moscow, Tip-ya D.I. Inozemtseva, 310 p. (in Russian).
- Nedelin V.M. 2012. Drevniye goroda zemli Orlovskoy. XII–XVIII veka. Istoriya. Arkhitektura. Zhizn' i byt [Ancient cities of the Oryol land. XII–XVIII centuries. Story. Architecture. Life and mode of life]. Orel, Veshniye vody, 544 p. (in Russian).
- Novosel'skiy A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka [The struggle of the Muscovite state with the Tatars in the first half of the XVII century]. Moscow – Leningrad, Iz-vo Akad. Nauk SSSR, 452 p. (in Russian).
- Papkov A.I. 2004. Porubezh'ye Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel' Rechi pospolitoy (konets XVI – pervaya polovina XVII veka) [Border of the Russian Empire and the Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the end of the XVI-th – the first half of the XVII-th century)]. Belgorod, Izd-vo «Konstanta», 352 p. (in Russian).
- Ponomareva O.B. 1999. Sotsial'no-ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Belgorodskoy gubernii (1727–1779 gg.) [Socio-economic and cultural development of the Belgorod province (1727–1779)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 241 p. (in Russian).
- Popova N.A. 1886. Ocher zemlevladieniya i mezhevaniya v Voronezhskoy gubernii [Essay on land ownership and land surveying in the Voronezh province]. Voronezhskiy sbornik v pamyat' 300-letiya g. Voronezha. Voronezh, Tipolitografiya Gubernsk. Pravleniya, 1: 281–330 (in Russian).

- Protorchina V.M. 1954. Volneniya voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [Unrest of Voronezh single-court people in the XVIII-th century]. *Iz istorii Voronezhskoy oblasti. Voronezh, Voronezhskoye knizhnoye izdatel'stvo*: 39–45 (in Russian).
- Rabinovich M.G. 1953. Sud'by sluzhilykh lyudey «starykh sluzhb» v period formirovaniya regulyarnoy russkoy armii v nachale XVIII veka [The fate of the military service people of the «old military services» during the formation of the regular Russian army at the beginning of the XVIII century]. *Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow*, 693 p. (in Russian).
- Semevskiy V.I. 1901. Krest'yane v tsarstvovaniye imperatritsy Yekateriny II [Peasants in the reign of Empress Catherine II]. Vol. II. St. Petersburg, Tip-ya M.M. Stasyulevicha, 865 p. (in Russian).
- Trudy Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta [Proceedings of the Kursk provincial statistical committee]. 1863. Вып. 1. Kursk, Tip-ya Gubernskogo Pravleniya, 585 p. (in Russian).
- Shapiro A.L. 1940. Krest'yanskiye otkhody i krest'yanskiy nayem v petrovskoye vremya [Peasant waste and peasant hiring in the time of Peter the Great]. *Uchenyye zapiski. T. V. Istoricheskiy fakul'tet. Leningrad, LGPI im. Pokrovskogo*, 1: 23–53. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.09.2022

Received 04.09.2022

Поступила после рецензирования 12.01.2023

Revised 12.01.2023

Принята к публикации 27.01.2023

Accepted 27.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кудланов Константин Борисович, кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения Российского общества историков архивистов, г. Курск, Россия

Konstantin B. Kudlanov, PhD (History), Chairman of the Youth Section of the Kursk Branch of the Russian Society of Historians of Archivists, Kursk, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9734-3178](https://orcid.org/0000-0002-9734-3178)

УДК 930.85
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139
Оригинальное исследование

Памятники воинской славы Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв. как инструмент исторической политики

Сосницкий Д.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

Аннотация. В рамках работы рассматривается комплекс военных памятников, установленных в Санкт-Петербурге в XVIII – начале XX вв. Основная задача исследования – анализ их места в государственной исторической политике, определение значимости столичной монументальной скульптуры как источника конструирования массовых исторических представлений. Посредством анализа справочной и исследовательской литературы были выделены памятники, посвященные памяти великих полководцев, побед, отдельных сражений и т. д. Проанализировано участие властей в возведении того или иного монумента (непосредственный контроль со стороны императора, размеры выделенных сумм, присутствие на церемониях открытия и т. д.). Выявлены наиболее популярные места памяти и проведено сравнение количества военных памятников, установленных в Санкт-Петербурге в дореволюционный, советский и постсоветский период.

Ключевые слова: монументальная скульптура, историческая память, Санкт-Петербург, образы прошлого, памятники

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Монументальная скульптура Санкт-Петербурга как инструмент конструирования национальной памяти», проект № 22-78-00164, руководитель Д.А. Сосницкий

Для цитирования: Сосницкий Д.А. 2023. Памятники воинской славы Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв. как инструмент исторической политики. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 130–139. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139

Monuments of Military Glory of St. Petersburg XVIII – Early XX Centuries as an Instrument of Historical Politics

Dmitry A. Sosnitsky

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Russian Federation, St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: d.sosnitskij@spbu.ru

Abstract. The paper deals with the certain monumental sculpture of St. Petersburg. As part of the work, a complex of military monuments installed in St. Petersburg in the 18th – early 20th centuries is considered. The main objective of the study is to analyze their place in the state historical policy, to determine the significance of the capital's monumental sculpture as a source for constructing mass historical representations. Through the analysis of reference and research literature, monuments dedicated to the memory of great commanders, victories, individual battles, etc. were identified. The participation of the authorities in the construction of a particular monument (direct control by the emperor, the amount of allocated funds, presence at the opening ceremonies, etc.) is analyzed. Lost monuments are singled out as a separate category. The most popular places of memory are identified and a comparison is made of the number of military monuments erected in St. Petersburg in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet

periods. Conclusions about the place of monuments of military glory in the historical policy of the Russian authorities in the imperial period are drawn.

Key words: monumental sculpture, historical memory, St. Petersburg, images of the past, monuments

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Academy of Sciences within the framework of the research project «Monumental sculpture of St. Petersburg as a tool for constructing national memory», project No. 22-78-00164, head D.A. Sosnitsky.

For citation: Sosnitsky D.A. 2023. Monuments of Military Glory of St. Petersburg XVIII – Early XX Centuries as an Instrument of Historical Politics. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 130–139 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-130-139

Введение

Среди многочисленных монументов дореволюционного Санкт-Петербурга памятники воинской славы вообще и скульптурные воплощения великих военачальников в частности занимают значительное место. По нашим подсчетам, количество памятников полководцам и различным событиям военной истории сопоставимо со значительным числом скульптурных воплощений государственных деятелей и видных деятелей культуры. Это ярко свидетельствует о том, что военные победы занимали важное место в национальной памяти российского общества XIX – начала XX вв., а обращение к воинской тематике было одним из основных направлений государственной политики памяти. Безусловно, памятники воинской славы неоднократно становились предметом исследования, однако чаще всего они изучались с позиций искусствоведческого анализа [см., напр.: Исаченко, 2004; Памятники, 2012; Нарвские, 2014] или в рамках работ, посвященных истории города вообще [см., напр.: Крюковских, 2001]. Помимо обобщающих работ такого рода, создано множество исследований, посвященных конкретному памятнику [см., напр.: Смирнов, 1986]. В рамках данной статьи осуществлена попытка проанализировать государственный и общественный заказ в конструировании образа прошлого посредством отражения в монументальной скульптуре Санкт-Петербурга событий военной истории России.

Объекты и методы исследования

На основании анализа справочной и исследовательской литературы [Памятники, 2000; Памятники, 2003; Исаченко, 2004; Памятники, 2005; Памятники, 2016; Энциклопедия, 2023] был составлен список памятников, возведенных в Санкт-Петербурге XIX – начала XXI вв., так или иначе связанных с тематикой военных конфликтов, в которых принимала участие Россия. Все памятники были разделены нами на несколько основных категорий: а) военным деятелям; б) военным победам/памяти войн; в) государственным деятелям как покровителям военных учреждений/подразделений; г) конкретным битвам, событиям, происшествиям; д) военным, погибшим не в ходе военных действий. В статье приведены примеры памятников, относящихся к каждой из этих категорий, описаны особенности их возведения, а также торжественных церемоний открытия. В ряде случаев приведены суммы, потраченные на установку монументов. Так как в рамках данного исследования нет возможности подробно рассмотреть все памятники, то в каждой категории будут описаны обстоятельства, связанные с одним или двумя монументами. Все эти сведения должны прояснить позицию государства и общества по отношению к памятникам воинской славы, продемонстрировать внимание власти к военной мемориальной скульптуре как инструменту конструирования национальной памяти.

Результаты и их обсуждение

В первую очередь рассмотрим такую категорию, как памятники выдающимся военным деятелям. Безусловно, к числу ярких примеров памятников такого рода принадлежат скульптурные воплощения героев Отечественной войны 1812 г. – М.И. Кутузова и М.Б. Баркляя-де-Толли. Работа над ними была изначально поручена скульптору Э. Шмидту фон дер Лауницу, однако представленные им рисунки были отвергнуты. В результате в августе 1827 г. был объявлен конкурс на создание памятников, но именитые скульпторы (И.П. Мартос, В.И. Демут-Малиновский, С.С. Пименов и Н.А. Токарев) отказались от создания проекта по различным обстоятельствам. Возможно, это было связано с нежеланием изображать полководцев в современных российских мундирах, с холодным оружием и фельдмаршалскими жезлами. Это необычное для того времени условие было обязательным для выполнения [Смирнов, 1986, с. 16–17]. О значимости для государства возведения памятников героям войн говорят, помимо прочего, суммы, отпускаемые на изготовление таких монументов. Так, литейный мастер В.П. Екимов, занимавшийся отливкой из меди фигур М.И. Кутузова и М.Б. Баркляя-де-Толли, сообщает президенту Академии художеств А.Н. Оленину, что он обязуется статую М.Б. Баркляя-де-Толли «исполнить литьем и чеканкою, как статую князя Смоленского, за ту же цену, а именно за 24 тысячи рублей, и тем же количеством меди, всего 450 пуд., которые казна отпустит мне безмездно» [Таракановский, 2003, с. 135]. На памятники были отпущены значительные суммы. В частности, только на полотно, которым были укрыты статуи, была выделена 1 000 рублей⁴¹. Николай I внимательно следил за всеми этапами работы. Так, например, он вникал даже в нюансы ситуации с производством и доставкой постаментов для памятников героям Отечественной войны 1812 г. В частности, оценив тяжелое положение подрядчика мещанина Суханова (того на протяжении исполнения заказа преследовали неудачи, например, крушение судна, перевозившего материалы), занимавшегося изготовлением постаментов, он велел выдать ему 5 тысяч рублей [подр. об этом см.: Таракановский, 2003, с. 137–140]. Памятники были открыты 25 декабря 1837 г., в 25-летнюю годовщину изгнания Наполеона и его армии за пределы России.

В числе «поздних» памятников, открытых накануне Первой мировой войны и революций, монумент, на котором увековечен погибший в ходе Русско-японской войны вице-адмирал С.О. Макаров. В 1910 г. был создан комитет, посвященный памяти С.О. Макарова, который и собрал средства для возведения памятника. Любопытной особенностью этого проекта было то, что скульпторы, участвовавшие в разработке модели памятника, обязательно должны были учитывать одно обстоятельство. Это обстоятельство – монолитная глыба гранита, которая должна была стать постаментом. Кусок скалы должен был быть использован при возведении памятника Павлу I еще в начале XIX в., однако был потерян в Выборгском заливе. Согласно газетным известиям, камень был замечен в прозрачной воде императором Николаем II, и тот повелел достать его. Обязательным требованием к разработчикам проектов памятника было то, что его необходимо вписать в глыбу в том виде, в котором она существует. Архитектору Л. Шервуду, который в итоге и спроектировал памятник, это удалось. Помимо фигуры самого вице-адмирала, на камне расположены три барельефа: взрыв корабля «Интибах» в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., арктический ледокол «Ермак», взрыв броненосца «Петропавловск». Эти барельефы иллюстрируют важнейшие события в жизни С.О. Макарова [Леонид, 2021, с. 40–42]. Значение, которое придавала власть открытию подобных монументов, выражается в участии государя и многих членов императорской фамилии в церемонии открытия. Помимо Николая II, на открытии памятника присутствовали великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Никола-

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 536. Тон Константин Андреевич, архитектор. Отчеты (2) о работе. Л. 3.

евна, великие княгини Мария Федоровна и Виктория Федоровна. Кроме того, в Кронштадт на церемонию прибыли председатель совета министров В.Н. Коковцов, многочисленные министры и члены Государственной Думы. Практически весь номер «Кронштадтского вестника», вышедшего в день открытия памятника, был посвящен адмиралу С.О. Макарову. В редакционной статье, повествующей об этом событии, помимо прочего содержится критика самого положения с увековечиванием имен адмиралов: «Светлой памяти вождя Тихоокеанского флота, нашедшего свой конец в водах далекого океана, воздвигнут на средства личного состава флота памятник. И это тем знаменательнее, что многие вожди русского флота, даже выдающиеся, удостоены этой чести: скажите, где памятник непобедимому Ушакову? Где памятник доблестному Синявину? Славное имя Бутакова только теперь украсит собой на вечные времена списки боевых судов родного флота. А славные Нахимов и Корнилов удостоились памятников спустя полвека их доблестной кончины»⁴². Не совсем ясно, кому адресовано недовольство автора заметки – властям или обществу, но, вероятно, все-таки властям, т. к. в тексте подчеркивается, что памятник возведен «на средства личного состава».

Ко второй многочисленной группе принадлежат монументы в память о войнах и военных победах. В дореволюционном Санкт-Петербурге есть целый ряд памятников такого рода. Это и колонны Славы на Конногвардейском бульваре, и памятник ополченцам Русско-шведской войны 1788–1790 гг. в Усть-Ижоре, и многие другие. В рамках нашего исследования хотелось бы обратить внимание на один из самых значительных монументов такого рода – Московские триумфальные ворота, посвященные победам русских войск в Русско-персидской войне 1826–1828 гг., Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и при усмирении восстания в Царстве Польском в 1830–1831 гг. Архитектор В.П. Стасов, который начал работу над проектом в 1833 г., представил два проекта ворот, которые отличались друг от друга по размерам. Император выбрал «большой» проект. Предварительно для понимания масштаба будущего сооружения была выстроена деревянная модель ворот в натуральную величину [Василий, 2016, с. 69]. В.П. Стасов совместно с директором Александровского чугунолитейного завода составил смету на производство и возведение ворот. Их стоимость составила 825 051 рубль [Гусаров, 2010, с. 64]. Император пристально следил за ходом работ. В частности, Николай I настаивал, чтобы на аттике была установлена скульптурная группа с Александром Невским, однако В.П. Стасов возражал против этого. Эта скульптурная группа не была окончена в связи со смертью Б.Ф. Орловского, трудившегося над ней, и так и не заняла места на Московских воротах, открытых в 1838 г. Масштабная торжественная церемония состоялась 16 октября 1838 г. Непростая судьба ждала этот памятник в XX веке. В суровые дни блокады Ленинграда чугунные цилиндры колонн использовались в качестве противотанковых заграждений на подступах к городу. Московские ворота были полностью воссозданы только в 1961 г. [Василий, 2016, с. 69].

Нами были учтены также памятники императорам и высшим государственным деятелям, однако только в том случае, если они поставлены за какие-либо военные заслуги или шефство военным организациям или подразделениям. К подобным памятникам можно отнести статую императора Николая I как основателя Санкт-Петербургского Николаевского военного госпиталя, находящуюся внутри здания. Император был изображен на нем во весь рост в сюртуке. Памятник был окружен чугунной решеткой с вензелем императора и венками, на которых указаны год закладки госпиталя (1835) и его открытия (1840). Бюст Николая I был установлен также и в сквере, выходящем на Конногвардейскую улицу, перед главным госпитальным зданием. Несмотря на то, что сам памятник утрачен, мы имеем возможность представить себе, как он выглядел, благодаря описанию, сохранившемуся в издании, выпущенном к юбилею госпиталя в 1890 г. Это был поясной бюст в натуральную величину, поставленный на четырехгранном гранитном обелиске,

⁴² Кронштадт, 24 июля 1913 г. // Кронштадтский вестник. 1913. № 164 (8371), 24 июля. С. 1.

высотой в полторы сажени и окруженный железной решеткой. Надписи на памятнике гласили: «Императору Николаю I, основателю госпиталя» и «Благодарные чины Петербургского Николаевского военного госпиталя 6-го августа 1890 г.». Деньги на этот памятник были собраны офицерскими чинами госпиталя. Автор юбилейного издания пишет: «Этот монумент, пока существует госпиталь, конечно, будет постоянно поддерживаться и не перестанет пробуждать в сердцах наших потомков воспоминания о минувших событиях» [Колодезников, 1890, с. 197]. Этим предсказаниям не суждено было сбыться – памятник простоял меньше 30 лет и был утрачен в первые годы советской власти.

Если говорить о памятниках, установленных в честь какого-либо конкретного события, то здесь, по нашим наблюдениям, чаще всего увековечивались подвиги и экипажи кораблей. Одним из них стал клипер «Опричник» [подр. о гибели клипера «Опричник» см. здесь: Обзор, 1871, с. 31–33]. На первый взгляд, причина, почему памятник был поставлен именно «Опричнику», не до конца ясна – только в 1850–1860-е годы погибли транспорт «Неман», фрегаты «Диана» и «Александр Невский», клипер «Пластун», корвет «Новик» и пароход «Реми». В действительности, вероятно, памятник «Опричнику» поставлен по совокупности обстоятельств. Повлияла, во-первых, история его постройки – корабль был возведен в годы Крымской войны для борьбы с неприятелем. Во-вторых, экипаж корабля принимал участие в гидрографических и исследовательских работах на Дальнем Востоке. В-третьих, гибель клипера окутывает ореол таинственности – «Опричник» пропал без вести при пересечении Индийского океана. Экипажу еще одного корабля – броненосца «Александр III», погибшего полностью в ходе русско-японской войны, посвящен Цусимский обелиск. Все 857 человек, находившихся на борту судна, погибли во время знаменитого сражения. Памятник возводился на средства офицеров, а проект монумента авторства полковника М.С. Путятин был одобрен лично императором.

Некоторые монументы выделяются в череде памятников полководцам и военным действиям. Это памятники людям, так или иначе связанным с военной службой, но умершим или погибшим не при несении воинской службы или выполнении боевых задач. К этой немногочисленной группе принадлежат памятники врачам, известным спасениями солдат и офицеров на войне (С.П. Боткин, Я.В. Виллие); химику-артиллеристу, преподавателю Михайловской артиллерийской академии (Н.П. Панпушко); мичману, бросившемуся с борта корабля в море ради спасения своего товарища (А.А. Домашенко); военному летчику, погибшему при осуществлении испытательного полета (М.Г. Балабушка). В их числе памятный знак на месте гибели Л.М. Мациевича – первого российского авиатора, разбившегося в ходе полета на всероссийском празднике воздухоплавания 24 сентября 1910 г. Авиационные шоу, только появившиеся в это время в России, вызывали неподдельный интерес у зрителей. Среди авиаторов были штатские и военные, к числу которых и принадлежал капитан Л.М. Мациевич. Инженер по специальности, он с 1902 г. служил в Севастопольском порту. Затем поступил на службу по морскому ведомству в Корпус корабельных инженеров. Он принимал участие в постройке крейсера «Очаков» и броненосца «Иоанн Златоуст», подводных лодок «Камбала», «Карась» и «Карп» [Петраков, 2010, с. 55–62]. После гибели капитана Л.М. Мациевича было принято решение об увековечивании его памяти. Средства были собраны по подписке, а уже весной 1911 г. памятник был открыт на Комендантском аэродроме. На памятнике отмечено: «На сем месте пал жертвою долга 24 сентября 1910 года, совершая полет на аэроплане Фармана, корпуса корабельных инженеров флота капитан Лев Макарович Мациевич. Памятник сей сооружен Высочайше утвержденным Особым Комитетом по усилению военного флота на добровольные пожертвования, членом которого состоял погибший». Таким образом, несмотря на то, что гибель Л.М. Мациевича никак не связана с военными действиями (более того, соревнования носили коммерческий характер и погибший авиатор летел на приз высоты, уже заработав в ходе праздника 1 570 рублей призовых [Петраков, 2010, с. 91]), он сам ассоциировался с российской армией, а его выступление – с исполнением «долга». Кроме

того, сама гибель авиатора оказала влияние на развитие техники – спустя год офицер Г.Е. Котельников, бывший свидетелем трагедии, разработал парашют, который помог спастись многим российским летчикам, участвовавшим в Первой мировой войне. Установка памятника Л.М. Мациевичу была вопросом времени, причем небольшого. В данном случае можно говорить о том, что это была инициатива не только государственная, но и общественная. Гибель летчика приковала к себе огромное внимание. Вот как его похороны описаны на страницах сборника, посвященного памяти Л.М. Мациевича: «В церковь с 9 часов утра начали прибывать депутации от самых разнообразных учреждений и групп. Моряки, кавалергарды, студенты, курсистки, рабочие, артисты, нижние чины и т. д. Парадные мундиры чинов разных ведомств и воинских частей мешались со скромными костюмами учащихся и штатской публики <...> Отдать последний долг усопшему прибыли: военный министр Сухомлинов, товар. мор. министра адм. Григорьев, помощ. Военного министра генерал Поливанов, адмиралы: Яковлев, де-Ливрон, Рейценштейн, Зацаренный; генералы: бар. Каульбарс, Кованько, контр-адмирал гр. Толстой. Члены Госуд. Думы: Гучков, Челноков, Лерхе, Некрасов, Степанов и мн. др. А также вр. пребывающий в Петербурге военный министр Соедин. Штатов Дикенсон и представители французских авиаторов Полана и Райта» [Сборник, 1912, с. 98–99].

Отдельно стоит сказать о тех военных памятниках Санкт-Петербурга, которые позднее были утрачены. Как правило, подобные утраты происходили в результате исполнения декрета «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг» от 12 апреля 1918 г. Одной из самых известных «жертв» этого декрета стал памятник М.Д. Скобелеву в Москве. Летом 1918 г., согласно газетным сообщениям, рабочие завода Гужона (позднее «Серп и молот») стали самостоятельно разрушать монумент. Эта инициатива была поддержана властями, и вскоре на месте фигуры генерала появился памятник советской конституции. Однако и он не простоял на площади, переименованной в «Советскую», долго. После окончания Великой Отечественной войны на этом месте был установлен памятник основателю Москвы – Юрию Долгорукому [Романюк, 1992, с. 119–120]. В Петрограде большевики уничтожили памятник еще одному герою Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – великому князю Николаю Николаевичу-старшему. Идея создания памятника появилась в 1910 г., и в связи с этим был создан специальный комитет, который пытался получить разрешение на установку памятника сначала на Конногвардейском бульваре, а затем в ограде Ксениинского института. Оба этих предложения были отвергнуты, и городская дума разрешила установку памятника в Ново-Манежном сквере. На торжественной церемонии открытия памятника 12 января 1914 г. присутствовал император, члены императорской фамилии, делегации Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории, ветераны Русско-турецкой войны 1877–1878 г. На постаменте памятника было помещено 4 горельефа: 1) парад под стенами Константинополя (изображены великий князь Николай Николаевич-старший, наследник-цесаревич Александр, великий князь Владимир Александрович, герцог С.М. Лейхтенбергский, М.Д. Скобелев и др.); 2) группа из пяти знаменосцев (русский, серб, румын, болгарин, черногорец); 3) Плевна; 4) Шипка. В газетных заметках, посвященных церемонии открытия, перечисляются многочисленные полки и взводы, выстроенные на площади и прилегающих к ней улицах. Подробно описано и участие императора, который в числе прочего «изволил обходить бывших участников русско-турецкой войны. Раздалась команда к церемониальному маршу. Молодецки проходили войска, удостоившись Царского спасибо» [Открытие памятника..., 1914, с. 3]. Стоимость памятника составила 330 тысяч рублей [Веснина, 2008, с. 174–177]. Однако простоял монумент на площади совсем недолго. Согласно декрету «О памятниках республики» он был убран. В дальнейшем на этом месте собирались установить памятник Н.В. Гоголю, но и этим планам не суждено было сбыться.

По нашим подсчетам, всего в Санкт-Петербурге XVIII – начала XX вв. был установлен 41 памятник военным героям и событиям. Для того чтобы понять, много это или мало, приведем цифры за последующие периоды. С 1917 по 1991 гг., т. е. за советский период

истории Санкт-Петербурга/Петрограда/Ленинграда, было установлено не менее 48 военных монументов, за период с 1991 по 2023 гг. – не менее 30. Для двух последних периодов приведены минимальные цифры, т. к. специального всеобъемлющего исследования по этой теме еще не приводилось, а данные справочной и исследовательской литературы нельзя считать исчерпывающими в силу трудности классификации ряда памятников (например, некоторых мемориальных комплексов) и того фактора, что некоторые недавно открытые памятники еще не учтены в справочниках. Тем не менее полученные данные позволяют нам выявить распределение военных памятников по периодам в процентном соотношении: а) XVIII – начало XX вв. – 34,45 %; б) 1917–1991 гг. – 40,33 %; в) 1991–2023 гг. – 25,21 %. Если же говорить о распределении по востребованности основных (в данном случае – периодов) и локальных (личности, события, явления) объектов исторической памяти, то применительно к исследуемому периоду можно выделить следующие тенденции. В дореволюционной монументальной скульптуре военной тематики чаще всего обращались к сюжетам XIX в. – 21 раз (51,21 %). Доли XVIII и XX столетий примерно равны – 21,95 % и 26,82 % соответственно. Обратимся также к «рейтингу» популярности локальных объектов исторической памяти (таблица 1), составленному при анализе монументальной скульптуры Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв.

Таблица 1
Table 1

Рейтинг популярности локальных объектов памяти в военных памятниках Санкт-Петербурга XVIII – начала XX вв.

Rating of the popularity of local memory objects in the military monuments of St. Petersburg in the 18th – early 20th centuries

№	Объект исторической памяти	Количество памятников
1–2	Отечественная война 1812 г., русско-японская война 1904–1905 гг.	6
3–4	Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русско-турецкая война 1768–1774 гг.	3
5–6	Александр I, Николай I	2

Приведем также данные наших подсчетов, демонстрирующие распределение всего комплекса проанализированных монументов по тематическим группам (таблица 2).

Таблица 2
Table 2

Распределение военных памятников по тематическим категориям
Distribution of military monuments by thematic categories

Группа	Военным деятелям/подразделениям	Военным победам/памяти войн	Государственным деятелям как покровителям военных учреждений/подразделений	Конкретным битвам, событиям, происшествиям	Военным, погибшим не в ходе военных действий
Количество (в %)	36,54	34,13	7,3	9,75	12,19

Заключение

Подводя итог нашему краткому обзору, отметим, что изучение обстоятельств установки воинских памятников в Санкт-Петербурге позволило сделать вывод о главенствующей роли государства в большинстве проектов. Даже когда памятник устанавливался за счет средств, собранных по подписке, власти так или иначе участвовали в его открытии. В случае с известными деятелями армии и флота на открытие монументов зачастую при-

езжал сам император или направлял представителей императорской семьи. Еще одной формой непосредственного участия царя было одобрение того или иного проекта памятника и пристальный контроль за работами по его возведению. Если же говорить о коллективных исторических представлениях, которые должны были быть сформированы у широких слоев населения посредством восприятия этих памятников, то ключевым моментом здесь является актуализация памяти о совсем недавнем прошлом. Эта тенденция сохраняется и в современной России, где памятников событиям и героям Великой Отечественной войны, возводится значительно больше, чем средневековым князьям-воинам. Однако в дореволюционной России память о древней и средневековой военной истории России не актуализировалась вовсе. Несмотря на то, что пантеон увековечиваемых в этот период героев ограничен двухвековым хронологическим отрезком, памятники воинской славы составляют значительную часть всего комплекса монументальной скульптуры дореволюционного Санкт-Петербурга. Это позволяет нам сделать вывод о том, что они с точки зрения как властей, так и общественности имели первостепенное значение для формирования массовых представлений об истории России.

Список источников

- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 542. Оленин А.Н. Д. 536. Тон Константин Андреевич, архитектор. Отчеты (2) о работе. 3 Л.
Кронштадт, 24 июля 1913 г. Кронштадтский вестник. 1913. 24 июля. 164 (8371): 1.
Открытие памятника Генерал-Фельдмаршалу Великому Князю Николаю Николаевичу. Петербургский листок. 1914. 12: 3.

Список литературы

- Василий Петрович Стасов (1769–1848). Москва, Комсомольская правда; Директ-медиа, 2016.
Веснина Н.Н. 2008. Сады Невского проспекта. Санкт-Петербург, ПроPILEI, 207.
Гусаров А.Ю. 2010. Памятники воинской славы Петербурга. Санкт-Петербург «Паритет», 400.
Исаченко В.Г. 2004. Памятники Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, «Паритет», 396.
Колодезников В.П. 1890. Очерк истории Петербургского николаевского военного госпиталя (1840–1890). Санкт-Петербург, Типография И.Н. Скороходова, 236.
Крюковских А.П. 2001. Скульптура Санкт-Петербурга: Художественно-исторический очерк. Санкт-Петербург, Лениздат, 379.
Леонид Шервуд. Путь скульптора. Сост. В. Шервуд. Санкт-Петербург, Издательство ООО «Союз писателей Петербурга», 2021.
Нарвские триумфальные ворота: [альбом-каталог к 180-летию Памятника]. Санкт-Петербург, Государственный музей городской скульптуры, 2014.
Обзор заграничных плавания судов русского военного флота с 1850 по 1868 год. Санкт-Петербург, типография Морского министерства, 1871. Т. II.
Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. В.И. Андреева и др. Отв. ред. Б.М. Кириков. Санкт-Петербург, Альт-Софт, 2000.
Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. В.И. Андреева и др. Отв. ред. Б.М. Кириков. Санкт-Петербург, Альт-Софт: Серебряный век, 2003.
Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. В.И. Андреева и др. отв. ред.: Б.М. Кириков. Санкт-Петербург, Альт-Софт, 2005.
Памятники Отечественной войне 1812 года в Санкт-Петербурге: путеводитель. Санкт-Петербург, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2012.
Памятники Санкт-Петербурга. Государственный музей городской скульптуры; [авторы-составители: Е.А. Жарова и др.]. Санкт-Петербург, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна», 2016.
Петраков В.В. 2010. Лев Мациевич: памятная книжка: биография, документы, публикации. Москва, Фонд содействия авиации «Русские Витязи», 192.
Романюк С.К. 1992. Москва. Утраты. Москва, Издательство ПТО «Центр», 336.

- Сборник памяти Л.М. Мациевича (1 января 1877 г. – 24 сентября 1910 г.) (Биографический очерк, воспоминания, газетные статьи, телеграммы и т. д. Санкт-Петербург, Типография А.С. Суворина, 1912.
- Смирнов А.А. 1986. Памятник М.И. Кутузову. Москва, Московский рабочий, 75.
- Таракановский Г.Г. 2003. «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...». Санкт-Петербург, Издательство «Лема», 148.
- Энциклопедия «Санкт-Петербург». URL: <http://encspb.ru/object/2805451993> (дата обращения: 17.01.2023).

References

- Vasiliy Petrovich Stasov (1769–1848). М., Komsomol'skaya pravda; Direkt-media, 2016 (in Russian).
- Vesnina N.N. 2008. Sady Nevskogo prospekta [Gardens of Nevsky Prospekt]. Saint-Petersburg, Propilei, 207 (in Russian).
- Gusarov A.Yu. 2010. Pamyatniki voinskoj slavy Peterburga [Monuments of military glory of St. Petersburg]. Saint-Petersburg, «Paritet», 400 (in Russian).
- Isachenko V.G. 2004. Pamyatniki Sankt-Peterburga [Monuments of St. Petersburg]. Saint-Petersburg, «Paritet», 396 (in Russian).
- Kolodeznikov V.P. 1890. Oчерk istorii Peterburgskogo nikolaevskogo voennogo gosпитalya (1840–1890) [Essay on the history of the St. Petersburg Nikolaev military hospital (1840–1890)]. Saint-Petersburg, Printing house I.N. Skorokhodova, 236 (in Russian).
- Kryukovskikh A.P. 2001. Skul'ptura Sankt-Peterburga: Khudozhestvenno-istoricheskij oчерk [Sculpture of St. Petersburg: An Artistic and Historical Essay]. Saint-Petersburg, Lenizdat, 379 (in Russian).
- Leonid Shervud. Put' skul'ptora. Sost. V. Shervud. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo OOO «Soyuz pisateley Peterburga», 2021.
- Narvskie triumfal'nye vorota: [al'bom-katalog k 180-letiyu pamyatnika]. Saint-Petersburg, Gosudarstvennyy muzey gorodskoy skul'ptury, 2014.
- Obzor zagranichnykh plavaniya sudov russkogo voennogo flota s 1850 po 1868 god. Saint-Petersburg, tipografiya Morskogo ministerstva, 1871. Т. II.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga, sostoyashchie pod gosudarstvennoy okhranoy. V.I. Andreeva i dr. Otv. red. B.M. Kirikov. Saint-Petersburg, Al't-Soft, 2000.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga, sostoyashchie pod gosudarstvennoy okhranoy. V.I. Andreeva i dr. Otv. red. B.M. Kirikov. Saint-Petersburg, Al't-Soft: Serebryanyy vek, 2003.
- Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga, sostoyashchie pod gosudarstvennoy okhranoy. V.I. Andreeva i dr. Otv. red.: B.M. Kirikov. Saint-Petersburg, Al't-Soft, 2005.
- Pamyatniki Otechestvennoy voyne 1812 goda v Sankt-Peterburge: putevoditel'. Saint-Petersburg, Gosudarstvennyy muzey istorii Sankt-Peterburga, 2012.
- Pamyatniki Sankt-Peterburga. Gosudarstvennyy muzey gorodskoy skul'ptury; [avtory-sostaviteli: E.A. Zharova i dr.]. Saint-Petersburg, FGBOU VPO «Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet tekhnologii i dizayna», 2016.
- Petrakov V.V. 2010. Lev Matsievich: pamyatnaya knizhka: biografiya, dokumenty, publikatsii [Lev Matsievich: memorial book: biography, documents, publications]. Moscow, Aviation Assistance Fund «Russian Knights», 192 (in Russian).
- Romanyuk S.K. 1992. Moskva. Utraty [Moscow. Losses.] Moscow: Publishing house «Center», 336 (in Russian).
- Sbornik pamyati L.M. Matsievicha (1 yanvarya 1877 g. – 24 sentyabrya 1910 g.) (Biograficheskiy oчерk, vospominaniya, gazetnye stat'i, telgrammy i t. d. Saint-Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina, 1912.
- Smirnov A.A. 1986. Pamyatnik M.I. Kutuzovu [Monument to M.I. Kutuzov]. Moscow, Publishing house «Moskovskiy rabochiy», 75 (in Russian).
- Tarakanovskiy G.G. 2003. «Grusten i vesel vkhozhu, vayatel', v tvoyu masterskuyu...» [«I am sad and cheerful, sculptor, I enter your workshop ...»]. Saint-Petersburg, Publishing House «Lema», 148 (in Russian).
- Entsiklopediya «Sankt-Peterburg». Available at: <http://encspb.ru/object/2805451993> (accessed 17 January 2023) (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.02.2023

Поступила после рецензирования 13.03.2023

Принята к публикации 15.03.2023

Received 12.02.2023

Revised 13.03.2023

Accepted 15.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2489-1560](https://orcid.org/0000-0002-2489-1560)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Sosnitsky, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

УДК 908 (470 +571)
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-140-155
Оригинальное исследование

Благотворительная деятельность дворян Апраксиных в Брасовском имении Орловской губернии во второй половине XVIII – первой четверти XX в. (по документам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)

Ерофеева Г.И.

Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы
«Государственный музей-заповедник «Царицыно»,
Россия, 115569, г. Москва, ул. Дольская, д. 1.
E-mail: nosoreva1987@mail.ru

Аннотация. В статье освещается благотворительная деятельность дворян Апраксиных в контексте Брасовского имения Орловской губернии (в настоящее время это территория Брянской области). При написании работы были привлечены малоизвестные документы, находящиеся в личном фонде Апраксиных Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Брасовское имение на протяжении XVIII – первой четверти XX вв. являлось одним из ярких примеров многоотраслевого частновладельческого поместья. За счет средств имения содержались богадельни, строились храмы, выплачивались пособия неимущим и страждущим. Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что благотворительную помощь окрестному населению Апраксины оказывали и далее, после продажи имения императорской семье. Роль Брасовского имения в формировании культурного ландшафта Брянского края значительна. В 2019 году Брасовская усадьба стала одним из пунктов на карте проекта «Императорский маршрут», предусматривающего проведение научно-изыскательных, реставрационных работ, а в дальнейшем – создание музея.

Ключевые слова. Брасовское имение, дворяне Апраксины, благотворительность, храмы Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии

Для цитирования. Ерофеева Г.И. 2023. Благотворительная деятельность дворян Апраксиных в Брасовском имении Орловской губернии во второй половине XVIII – первой четверти XX в. (по документам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 140–155. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-140-155

Charitable Activities of the Apraksin Nobles on the Brasovo Estate of the Orel Province in the Second Half of the XVIII – First Quarter XX Century (by Documents of the Manuscripts Department of the Russian State Library)

Galina I. Erofeeva

State Historical-Architectural, Art and Landscape Museum-Reserve «Tsaritsyno»,
1 Dolskaya St., Moscow 115569, Russia
E-mail: nosoreva1987@mail.ru

Abstract. The article covers the charitable activities of the Apraksin nobles in the context of the Brasovo estate of the Oryol province (now the territory of the Bryansk region). Little-known documents from the Apraksin family's personal collection at the Manuscripts Department of the State Library of Russia were used to write the paper. Brasovo estate in the 18th – the first quarter of the 20th centuries was one of the

brightest examples of multi-branch private property. The manor afforded almshouses, churches were built, and benefits were paid to the poor and the suffering. Separate attention should also be paid to the fact that the Apraksins continued to provide charitable assistance to the surrounding population after the sale of the estate to the imperial family. In 2019, the Brasovo estate became one of the points on the map of the project «Imperial route», which provides for scientific research, restoration work, and in the future the creation of a museum. The geography of the Brasov estate is associated with such significant cultural and historical sites of the Bryansk region as: Kazan Bogoroditskaya Ploshchanskaya hermitage - one of the oldest orthodox monasteries, the railway station «Altukhovo» (the building in pseudo-Russian style of the early XX century), which currently houses the museum of A.D. Vyaltseva, the stud farm «Lokotskaya» (founded in the first half of the XIX century, operates to this day) - one of the leading horse farms of Russia, historical and local history museum of Brasovsky district in the settlement Lokot.

Keywords: Brasovo estate, noblemen Apraksin, charity, churches Sevsky and Trubchevsky districts of Oryol province

For citation: Erofeeva G.I. 2023. Charitable Activities of the Apraksin Nobles on the Brasovo Estate, Oryol Province in the Second Half of the XVIII – First Quarter XX Century (by Documents of the Manuscripts Department of the Russian State Library). *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 140–155 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-140-155

Введение

Брасовское имение на протяжении XVIII – первой четверти XX вв. являлось одним из ярких примеров многоотраслевого частновладельческого поместья. Площадь имения составляла свыше 100 000 десятин, включала земли Трубчевского, Севского, Карачевского уездов Орловской губернии, теперь это территория Брянской области [Ерофеева, 2021, с. 35].

Имение Брасово неразрывно связано с фамилией Апраксиных, владевших поместьем на протяжении практически 140 лет. Потомственные дворяне Апраксины, много десятилетий верно служившие Отечеству и немало сделавшие для славы России, являлись крупнейшими помещиками Российской империи [Ерофеева, 2021, с. 33]. Апраксиным принадлежали подмосковное имение Ольгово, земли в Ярославской, Владимирской и других губерниях [Ерофеева, 2020, с. 58]. Проявив себя на государственном поприще, дворяне Апраксины также много сделали на ниве благотворительности и милосердия.

Система благотворительности в дореволюционной России была разнообразна и проявлялась в различных формах – от строительства богоугодных заведений до помощи конкретному нуждающемуся лицу. Значительная роль в этом деле отводилась дворянству. Как правило, строительство медицинских учреждений, приютов, храмов было делом чести, престижа и поощрялось в обществе. Благотворительная деятельность сопровождалась значительными денежными тратами. Нередко эти средства пополнялись из «неисчерпаемых» доходов имений, Брасовское поместье не исключение.

Брасовское имение представляло собой образец высокодоходной экономики, включавшей многоотраслевое рациональное хозяйство [Ерофеева, 2021, с. 33]. Основными источниками дохода были винокуренное производство, сельское хозяйство, продажа лесоматериалов. Поместье обладало развитой технической, материальной базой, имело высокоорганизованную систему управления [Ерофеева, 2021, с. 33]. Часть производственных и хозяйственных объектов Брасовского имения сохранилась до настоящего времени, поэтому вполне справедливо возродить интерес к истории именно этой усадьбы.

Объект и методы исследования

Объектом исследования научной статьи является благотворительная деятельность дворян Апраксиных в контексте Брасовского имения. Работа потребовала изучения обширной историографии по данному вопросу. Благотворительная деятельность отдельных пред-

ставителей дворянского сословия Российской империи освящена в ряде современных исследований: монографии И.А. Кени «Благотворительность в провинциальной России: особенности и персоналии» [Кеня, 2019], в работах Н.А. Симоненко «Женская община во имя иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» и её основательница – игуменья Магдалина (графиня Мария Орлова-Давыдова)» [Симоненко, 2021], А.П. Дудникова «Князь Долгоруков Н.Д.: жизнь – служение Отечеству» [Дудников, 2019] и др. Значительный вклад в дело милосердия и благотворительности внесли члены императорской семьи. Данная тема освещается в работах А.В. Громовой «Благотворительное наследие августейших владельцев имения «Ильинское-Усово»» [Громова, 2022], А.В. Волошун «Блаженны милостивые: благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Федоровны» [Волошун, 2010] и др. Широко известна и благотворительная деятельность семьи Ольденбургских: «Ольденбургские: во благо России» [Сборник статей. Составитель Анненкова, 2018].

В литературе второй половины XIX начала XX столетий появилось значительное количество серьезных изданий, отражающих хозяйственную сторону усадебной жизни. Изучение данных публикаций также представляется важным для исследования заявленной темы. К подобным изданиям следует отнести «Описание отдельных русских хозяйств» (1897–1898), «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах» (1900–1904) и др. Данные работы выпускались под редакцией Министерства земледелия и государственных имуществ.

Наиболее важным источниковым материалом являются архивные документы, находящиеся в личных фондах владельцев поместий. Как правило, значительная часть фонда представлена материалами по вотчинным делам, вследствие чего при написании работы были привлечены малоизвестные документы, находящиеся в личном фонде дворян Апраксиных Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее – Отдел рукописей РГБ)⁴³. Это позволило рассмотреть эволюцию хозяйства имения Брасово, выявить его специфику.

При написании исследования учитывались принципы историзма, системного подхода. Хозяйственная сторона усадебной жизни играла одну из ключевых сторон и определяла благосостояние не только владельца имения, но и крестьян окрестных сел и деревень. Поэтому приходится обращаться к таким вопросам, как социальный статус владельца усадьбы, его материальное положение. Системный анализ архивных источников, хранящихся в личном фонде дворян Апраксиных Отдела рукописей РГБ, позволил раскрыть проблему заявленной тематики научной статьи.

Актуальность работы определяется тем обстоятельством, что Брасовская усадьба стала одним из пунктов на карте проекта «Императорский маршрут», предусматривающего проведение научно-изыскательных, реставрационных работ, а в дальнейшем – создание музея [Ерофеева, 2021, с. 48]. Результаты данного исследования вводятся в научный оборот с последующим использованием их при формировании общей концепции будущего музея усадьбы Брасово.

Ранее заявленная тема (благотворительная деятельность дворян Апраксиных) не имела широкого освещения в научных публикациях. Данная статья позволит восполнить этот пробел.

Результаты и их обсуждение

Первым владельцем Брасовского имения из дворянского рода Апраксиных стал генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин (1702–1758). В указе Елизаветы Петровны от 29 сентября 1748 года читаем: «Объявляем Сим что Мы Наше императорское величество любезно верному нашему генералу и нашей лейб-гвардии Семеновского полку подполковнику и ордена Святого Александра Невского кавалеру Степану Апраксину за верныя Его нам и государству нашему службы всемилостивейше пожаловали из дворцо-

⁴³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Фонд дворян Апраксиных, 11.

вых наших Комарицких волостей Брасовский стан с селами и с деревнями, и со всеми в том Стану принадлежностями в вечное и потомственное владение. И по самодержавной нашей императорской власти силою сей нашей жалованной грамоты за ним и за <...> его потомками в вечное правильное и совершенное собственное владение»⁴⁴.

После смерти С.Ф. Апраксина имение перешло в собственность его сына С.С. Апраксина (1757–1827 гг.). Усадебные постройки находились в селе Брасово (рис.1).

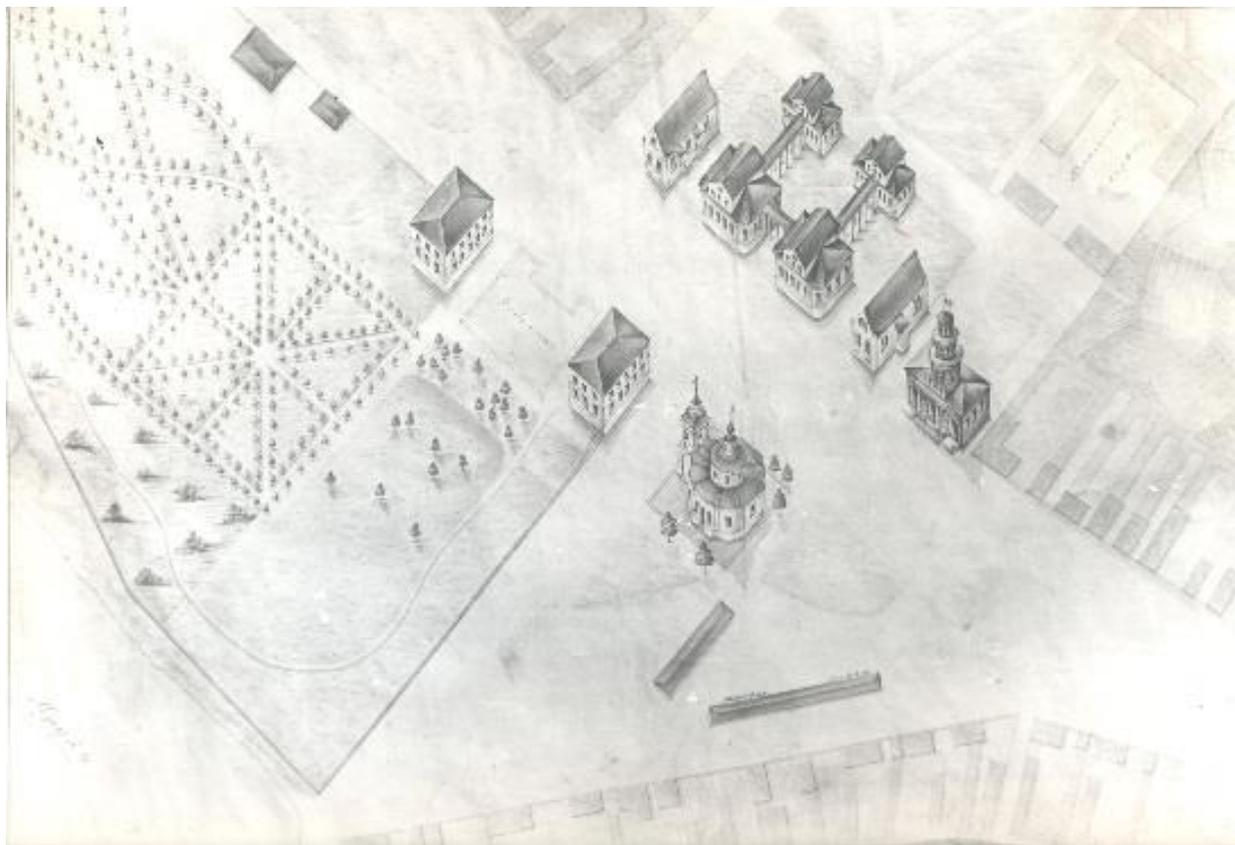

Рис. 1. План аксонометрический церкви и зданий в с. Брасово. Петр Ладыгин. 1836 г.

Источник: ГБУК «Брянский государственный краеведческий музей». БОМ 7445/26.

Fig. 1. Axonometric plan of the church and buildings in the village of Brasovo. Peter Ladygin. 1836. Bryansk State Museum of Local Lore. BOM 7445/26.

Одним из главных направлений благотворительной деятельности С.С. Апраксина стало строительство храмов на территории Брасовского имения.

При С.С. Апраксине в селе Брасово была построена каменная церковь в честь Святого Василия Великого. На сохранившейся закладной доске читаем: «1778 году мая 28 дня заложен и застроен сей храм архитектором его сиятельства графа Федора Алексеевича Апраксина служитель Александр Морозов иждевением его высокородия Степана Степановича Апраксина и старанием его упровителя Ивана Мусорина». В настоящее время ведутся работы по реставрации храма. Помимо этого, на средства С.С. Апраксина также были возведены храмы во имя Преподобного Макария Египетского в селе Крупец, Успения Пресвятой Богородицы в селе Литовня, Введения Пресвятой Богородицы в селе Телятниково, Преображения Господня в селе Клинское [Вязьмитин, 2010]. По инициативе С.С. Апраксина были построены два здания богаделен (точный год постройки не известен,

⁴⁴ Указ императрицы Елизаветы о пожаловании генералу и подполковнику Семеновского полка Степану Федоровичу Апраксину Брасового стана с селами и деревнями в вечное и потомственное владение // ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

требует дополнительных исследований). Здания существуют и поныне, входят в свод памятников архитектуры и монументального искусства России (Брянская область) [Свод памятников архитектуры ..., 1998, с. 193–194].

Следующим владельцем наследных земель стал генерал-майор Владимир Степанович Апраксин (1798–1833 гг.). Живя на широкую ногу, прежний владелец Брасовского имения не уделял значительного внимания хозяйству поместья. Поэтому встал вопрос о его скорейшей реорганизации, что как нельзя лучше понимал В.С. Апраксин. Основными источниками дохода имения Брасово были винокурение (Александровский и Холмецкий винокуренные заводы), производство сукна (Олтуховская суконная фабрика), сельское хозяйство. Также работал конный завод. Ключевую роль в получении доходов поместья играло лесное хозяйство. О личном участии В.С. Апраксина в хозяйственных делах свидетельствует ряд документов: «Дневник с замечаниями по экономии и фабрикам усадьбы»⁴⁵ за 1827–1829 годы, «Тетради «дневных замечаний» по хозяйству Брасовского имения»⁴⁶ (не позднее 1833 года), «Памятная тетрадь по делам Брасовской вотчины и имеющимся там фабрикам»⁴⁷ за 1833 год. Перечисленные материалы хранятся в Отделе рукописей РГБ, фонд дворян Апраксиных (Ф. 11).

Понимая, что от благосостояния крепостных крестьян зависит и его собственное, Владимир Степанович оказывал помощь брасовцам: «облегчил участь крестьян, уничтожив все сборы коноплюю, холстами, устроил школу, откуда вышли отличные служащие по имению» [Рожкова, 2015, с. 10]. В России в первой четверти XIX века смертность от оспы, особенно среди крестьян, была все еще очень высокой. Из распоряжения В.С. Апраксина штабс-лекарю Брасовского имения: «Вести самые бдительные наблюдения, прививать оспу у детей, а тем взрослым, которые не болели оспой, прививать коровью»⁴⁸.

При заводах Брасовского поместья были взяты на особый учет инвалиды. При содействии В.С. Апраксина была построена церковь Казанской иконы Божией Матери (село Девичье). На средства его супруги С.П. Апраксиной был обновлен иконостас храма Василия Великого в селе Брасово [Вязьмитин, 2010].

К сожалению, Владимир Степанович умер рано, в возрасте 36 лет. К тому моменту из его троих сыновей в живых остался только старший сын, Виктор Владимирович Апраксин, впоследствии получивший в наследство Брасовское имение.

В.В. Апраксин (1821–1898), выпускник юридического факультета Московского университета, до 1850 года служил в Министерстве иностранных дел. Был активным членом Московского императорского общества сельского хозяйства, награжден серебряными медалями Парижской выставки «за успехи в сельском хозяйстве» и всероссийской промышленно-художественной выставки в Москве (1882), являлся членом Императорского русского географического общества [Ерофеева, 2021, с. 36].

В 1857 году Виктор Владимирович был избран Орловским губернским предводителем дворянства. Нужно отметить, что к этому времени особенно остро обозначился крестьянский вопрос. В 1858 году было принято решение о создании в России губернских комитетов по крестьянскому делу. В.В. Апраксин был назначен председателем Орловского губернского комитета. В фонде дворян Апраксиных Отдела рукописей РГБ хранится

⁴⁵ Апраксин Владимир Степанович. Дневник с замечаниями по экономии и фабрикам усадьбы // ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 19.

⁴⁶ Апраксин Владимир Степанович. Тетради «дневных замечаний» по хозяйству Брасовского имения // ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 21.

⁴⁷ Апраксин Владимир Степанович. «Памятная тетрадь» по делам Брасовской вотчины и имеющимся там фабрикам // ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 20.

⁴⁸ Апраксин Владимир Степанович. «Памятная тетрадь» по делам Брасовской вотчины и имеющимся там фабрикам // ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 20. Л. 40.

большой объем материалов, отражающий деятельность В.В. Апраксина в связи с подготовкой к крестьянской реформе 1861 года⁴⁹.

Несмотря на вполне успешную государственную карьеру, жизнь помещика импонировала Виктору Владимировичу. Являясь одним из крупнейших землевладельцев, В.В. Апраксин принимал непосредственное участие в управлении своими обширными владениями. Благополучие дворян Апраксиных росло, в том числе благодаря личным заслугам Виктора Владимировича [Ерофеева, 2020, с. 61]. Председатель Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев, приглашая Виктора Владимировича стать членом-экспертом, также указывал на профессионализм Апраксина как хорошего администратора и хозяйственника. Из письма Ростовцева: «Почтенная и полезная деятельность Вашего Превосходительства по званию Предводителя Дворянства Орловской губернии и председателя Орловского Губернского комитета, а также полное знакомство Ваше с сельским хозяйством и бытом крестьян побуждают меня <...> пригласить Вас, от Имени Его Императорского Величества, <...> принять на себя деятельность Члена Эксперта в комиссиях для составления Положений о крестьянах»⁵⁰.

Супругой Виктора Владимировича являлась Александра Михайловна Апраксина (1829–1916), дочь инспектора пограничной стражи и члена Совета Государственного коннозаводства, генерал-лейтенанта М.В. Пашкова. Александра Михайловна, будучи человеком разносторонним, обладала широким кругозором, интересовалась политикой, искусством, литературой, занималась благотворительностью.

Возвращаясь к описанию Брасовского имения, отметим, что при В.В. Апраксине с конца 1860-х годов в экономии выборочно начинает вводиться 11-польная система севооборота⁵¹. Нужно отметить, что в большинстве хозяйств вплоть до конца XIX века сохранялась трехпольная система земледелия. Например, в Орловской губернии шло классическое чередование ржи, овса и пара [Ерофеева, 2020, с. 61]. Так как значительную площадь Брасовского имения составляли лесные угодья, особое внимание отводилось лесному хозяйству. В лесничествах поместья было проведено лесоустройство [Ерофеева, 2021, с. 36]. На должности заведующего лесами с 1868 по 1884 гг. состоял В.И. Даниель, выпускник Санкт-Петербургского лесного и межевого института, был причислен к Корпусу лесничих Министерства государственных имуществ. Высокий профессионализм Даниеля был оценен по достоинству. В формулярном списке Василия Ивановича читаем: «по представлению г. Министра Государственных имуществ о полезных трудах и примерной деятельности по заведыванию частными лесами, Всемилостивейше пожалован в <...> 1875 г. орденом Святого Владимира 4 степени»⁵² (рис. 2–3).

Согласно отчету за 1877–1878 гг., Брасовское имение включало в себя «усадебной земли 7 000 десятин, пахотной 23 500 десятин, луговой 1 600 десятин, лесов 57 500 десятин, под реками, ручьями, озерами, прудами, дорогами, просеками, оврагами, болотами и прочими неудобными землями 5 300 десятин»⁵³.

В поместье были «винокурный завод новейшего устройства, маслобойный завод, производивший в год до 350 пудов конопляного масла, 23 водяные мукомольные мельницы, 4 паровые лесопильни в 100 сил. Действовали 3 лесотехнических завода шведской системы, из осмола получали скипидар, смазочное масло, уголь и другие продукты сухой перегонки дерева»⁵⁴.

⁴⁹ Документы по подготовке крестьянской реформы в связи с работой В.В. Апраксина в Орловском губернском комитете // ОР РГБ. ОР РГБ. Ф. 11. П. 152–154; 158.

⁵⁰ Материалы о приглашении В.В. Апраксина к участию в работах Редакционных комиссий // ОР РГБ. Ф. 11. П. 158. Ед. хр. 12. Л. 2.

⁵¹ Таблицы севооборота на землях Брасовского имения // ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

⁵² Дело о дворянстве Даниель // Российский государственный исторический архив Ф. 1343 – III Департамент Сената. Оп. 20. Ед. хр. 276. Л. 9.

⁵³ Прощение Александру II о продаже Брасовского имения // ОР РГБ. Ф. 11. П. 5. Ед. хр. 16. Л. 27.

⁵⁴ Там же.

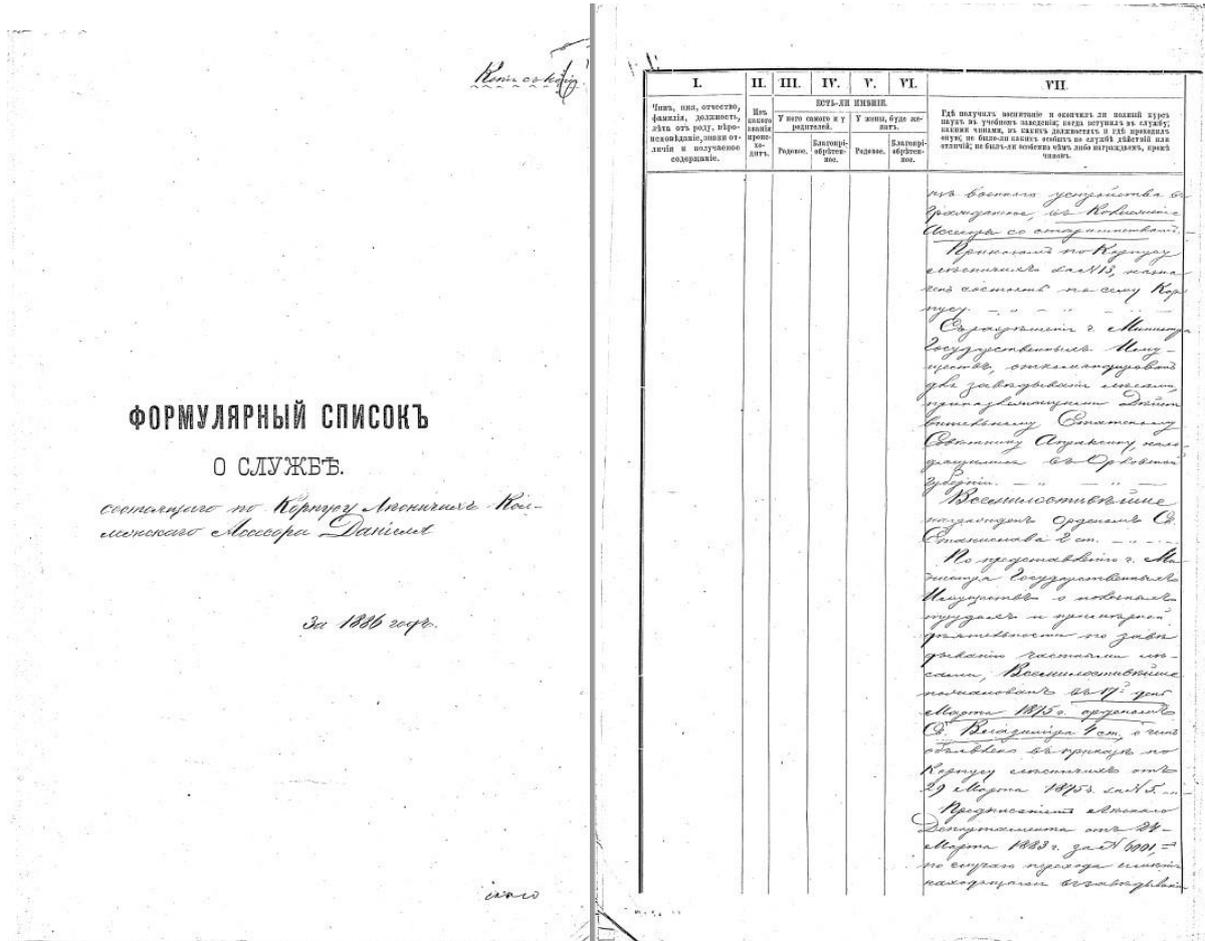

Рис. 2–3. Формулярный список В.И. Даниеля. 1886 год.
 Публикуется впервые. Источник: РГИА. Ф. 1343 – III Департамент Сената. Оп. 20. Ед. хр. 276
 Fig. 2–3. Formal list of V.I. Daniel. 1886.
 Published for the first time. RGIA. F. 1343 – III Senate Department. Op. 20. D. 276

Также в имении находились «жилые и хозяйственные постройки на 15 сельскохозяйственных хуторах в совершенной исправности с необходимыми орудиями, рабочим и гужевым скотом, в числе 1 500 штук рогатого скота, 200 лошадей и 6 000 штук тонкорунных овец»⁵⁵.

Милосердие было не чуждо В.В. и А.М. Апраксиным. Супруги детей не имели, поэтому взяли на воспитание приемного ребенка – А. Линского. В.В. Апраксин жертвовал деньги на строительство храмов в Севском уезде. Это церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Добрик, во имя Святого Великомученика Дмитрия Солунского в селе Дубровка, во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца в селе Колошичье. Виктор Владимирович был также и в числе жертвователей на колокол для храма Богородицкой Площанской Оптиной Пустыни.

Большой вклад в дело милосердия и благотворительности внесла супруга Виктора Владимировича А.М. Апраксина. Заслуживает особого внимания и тот факт, что эту помощь Александра Михайловна оказывала даже и после продажи Брасовского имения. В 1882 году владельцем поместья стал великий князь Георгий Александрович, сын императора Александра III. После смерти Георгия Александровича в 1899 году Брасовское поместье унаследовал его брат великий князь Михаил Александрович.

⁵⁵ Там же. Л. 27 об.

После продажи Брасовской усадьбы чета Апраксиных проживала в подмосковном имении Ольгово, тем не менее связь с Брасовской землей не прерывалась вплоть до смерти А.М. Апраксиной в 1916 году. В.В. Апраксин умер в 1898 году.

В 1900 году А.М. Апраксина преподнесла храму Знамени Пресвятой Богородицы села Добрик колокол. Отец Тихон, настоятель церкви, в письме, адресованном А.М. Апраксиной, писал: «Колокол и по внешнему виду, и по качеству звука очень хорош <...> Когда раздался торжественный и радостный звон нового колокола, все присутствующие при торжестве собрались в храме. Здесь мы помолились об упокоении души незабвенного своего благодетеля Виктора Владимировича <...> О таком важном пожертвовании мы сочли нужным уведомить свое Епархиальное Начальство»⁵⁶. Что и было сделано впоследствии. В фонде Апраксиных Отдела рукописей РГБ хранится грамота на имя А.М. Апраксиной за подписью первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Санкт-Петербургского Антония⁵⁷ (рис. 4).

Рис. 4. Синодальная грамота на имя А.М. Апраксиной. 1900.
Публикуется впервые. Источник: ОР РГБ. Ф. 11. П. 174. Ед. хр. 1
Fig. 4. Synodal letter addressed to A.M. Apraksina. 1900.
Published for the first time. DM RSL. F. 11. Op. 174. D. 1

Апраксины также оказывали поддержку окрестному населению. Забота о неимущих крестьянах велась еще при прежней хозяйке поместья С.П. Апраксиной, но в наибольших размерах она проявилась именно при Александре Михайловне. Ежегодно составлялись списки нуждающихся крестьян, как правило, это были бывшие крепостные Апраксиных и служащие Брасовского имения, вышедшие в отставку.

⁵⁶ Письмо настоятеля храма Знамени Пресвятой Богородицы на имя А.М. Апраксиной. 1900 // ОР РГБ. 11. П. 95. Ед. хр. 17. Л. 1 об.

⁵⁷ Синодальная грамота на имя А.М. Апраксиной. 1900 // ОР РГБ. 11. П. 174. Ед. хр. 1. Л. 1.

На протяжении ряда лет делами брасовских пенсионеров (так они значились по ведомостям) занимался Павел Захарович Гурнов, являвшийся доверенным лицом Апраксиных. П.З. Гурнов был членом землеустроительной комиссии по Севскому уезду Орловской губернии.

Прежде чем просителя считать пенсионером, о нем наводились справки, учитывались семейное положение (одинок, есть ли кормилец в семье), состояние здоровья, жилищные, материальные условия и прочее. Так, сельский староста 2-го общества села Брасова Д. Чекрыгин докладывал в 1897 г.: «Честь имею доложить Вашему Высокопревосходительству, что пенсионеры, живущие в селе Брасове, мною проверены с Господином Желудковым и за искренность ручаюсь»⁵⁸ (рис. 5).

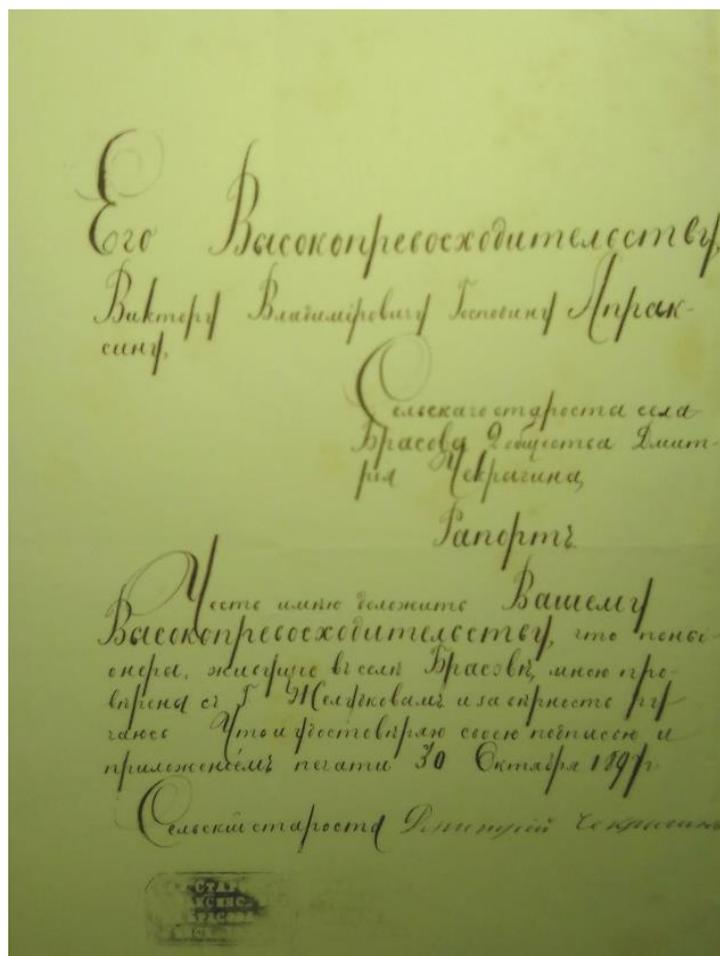

Рис. 5. Рапорт сельского старосты села Брасово Д. Чекрыгина. 30 октября 1897 г.
Публикуется впервые. Источник: ОР РГБ. Ф. 11. П. 144. Ед. хр. 10
Fig. 5. Report of the village headman D. Chekrygin. October 30, 1897.
Published for the first time. DM RSL. F. 11. Op. 144. D. 10

Списки формировались по каждому населенному пункту, входившему до реформы 1861 года в состав владений Апраксиных. В ведомостях указывались фамилия просителя, краткие сведения о нем. Например, в списке за 1897 г. под номером 44 числилась Чекрыгина Анна, проживающая в селе Брасово: «муж ее 73 лет, страдает ревматизмом в руках, с ними живет сын, который старостой, в свободное время занимается столярной работой и выручает иногда в месяц по 7 р., имеет жену и 5 человек детей, возрастом с 8 месяцев до

⁵⁸ Материалы по проверке пенсионеров по Брасовскому имению. 1897 // ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 10. Л. 18.

11 лет, другой сын живет в Киеве, занимается также столярной работой и с Апреля месяца сего года получает жалования 15 руб. в месяц и одна дочь 17 лет, живет дома»⁵⁹. Из вышеуказанного видно, что размер заработной платы членов семьи А. Чекрыгиной оставлял желать лучшего. Для сравнения лесной объездчик, зачисленный в штат Брасовского имения, получал в месяц 25 руб., данные взяты за 1897 год [Описание отдельных русских хозяйств, 1897, с. 6]. Под номером 116 числился Башкиров Федор из села Аркинъ – «оба с женою старые, служил сторожем в Ивановском хуторе, а теперь отказано ему, имеет сына, который женат и занимается кузнечной работой»⁶⁰ и т. д.

В фонде Апраксиных Отдела рукописей РГБ сохранились многочисленные прошения на имя А.М. Апраксиной, которые дают представление о нуждах и чаяниях крестьян рубежа XIX–XX вв., о причинах, заставляющих их обращаться к благотворителям. Приведем текст одного из таких прошений: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство оказать мне возможную денежную помощь в виду моего печального положения. Мужа моего Василия Яковлева односельчанин Иван Львов сильно избил, находясь в нетрезвом виде, следствием чего явилась неспособность моего мужа к работе. В настоящее время работы много, а нанять мне не за что, семья большая, все маленькие, живу бедно»⁶¹.

При благоприятном рассмотрении дела проситель зачислялся в число пенсионеров и получал особую книжку, в которой фиксировались все выплаты. Пенсионерам платилось пособие как в денежном эквиваленте, так и продуктами (мука и др.). Ежемесячная сумма выплат различалась и составляла от 1 до 25 руб. на одно лицо, размер зависел от обстоятельств просителя. Нередко подобную помощь пенсионеры получали в течение достаточно длительного времени, в том числе и пожизненно. Так, годовой размер выплат согласно «Общего счета высылки и выдачи пенсий Брасовским пенсионерам с 1 января 1901 года по 1 января 1902 года» составил 2 358 руб. 80 коп., «оставалось не розданным и послано – 2 461 руб.»⁶².

Количество нуждающихся пенсионеров варьировалось (в зависимости от года) и составляло от 90 до 200 человек.

Несмотря на то, что Брасовское имение являлось одним из наиболее передовых по ведению хозяйства и значительная часть местного населения обеспечивалась работой, общее материальное положение крестьян по Севскому и Трубчевскому уездам Орловской губернии было крайне тяжелым. Достаточно показательны характеристики, которые в 1916 г. дал местному крестьянству главный землемер и луговод Брасовского имения В.А. Фоминых. По своему происхождению Василий Абрамович относился к крестьянскому сословию, поэтому имел непредвзятое мнение. Приведем выдержки: «Как это ни странно, а Брасовское имение, несмотря на то, что оно лежит в самом центре Европейской России, представляет из себя «непочатый уголок» <...> Взять население сел и деревень, окружающих Брасовское имение <...> все это, в полном смысле слова, «лесные жители» <...> Грамотность на весьма низкой ступени – попадают деревни, в которых почти нет грамотных. Бедность, грязь, убогие жилища, во многих местах еще курные избы, а рядом с этим лень, пьянство и нищенство. Для имения все это сказывается весьма ощутительным образом в малопродуктивной работе местных рабочих, в неумении их обращаться с машинами»⁶³.

Пособия брасовским пенсионерам также платили за долголетнюю и примерную службу. Например, на протяжении многих лет на службе у Апраксиных и следующих вла-

⁵⁹ Материалы по проверке пенсионеров по Брасовскому имению. 1897 // ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 10. Л. 5.

⁶⁰ Там же. Л. 7.

⁶¹ Прощения денежной помощи на имя А.М. Апраксиной от разных лиц. 1907–1915 // ОР РГБ. 11. П. 138. Ед. хр. 48. Л. 8.

⁶² Ежемесячные ведомости и годовой отчет о выдаче пенсий пенсионерам по Брасовскому имению // ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 1. Л. 73.

⁶³ Известия Главной конторы Брасовского и Дерюгинского имений Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича, №. 2–3. Дмитриев. Типография А.Д. Кривущенко. 1915 год // Государственный архив Брянской области.

дельцев имения – великих князей Георгия и Михаила Александровичей была семья Барыкиных. Мужчины из семьи Барыкиных занимали руководящие должности в администрации Брасовского имения. Смотрительницей Брасовской больницы 1-го участка Севского уезда была А. Барыкина. Пенсия членам этой семьи платилась пожизненно.

Нередко в число пенсионеров зачислялись и работающие люди, попавшие в сложную жизненную ситуацию: болезнь близких, долг за жилье, отсутствие средств на оплату обучения детей и прочее. Подобным примером может служить письмо прачки Е.А. Комелягиной, работавшей у Апраксиных на протяжении 15 лет. Полный текст прошения приводится в приложении ⁶⁴.

Среди пенсионеров были и родственники бывших служащих Апраксиных, причем в пользу просивших засчитывалась служба их близких в имении уже при новом владельце, великом князе Михаиле Александровиче. Так, читая прошение, поданное в 1903 г. от лица А. Хапровой, вдовы сторожа Брасовской экономии, А.М. Апраксина, чтобы убедиться в достоверности сведений, дала следующее указание: «Переслать Павлу Захаровичу Гурнову и спросить у него, когда умер Хапров и до смерти состоял ли на службе нового помещика?» ⁶⁵. В свою очередь, Гурнов в докладной записке сообщал: «...муж просительницы Трифон Хапров служил в Брасовской экономии при новом владельце лесным сторожем и умер на службе 18 декабря 1902 года, оставив жену с 6 малолетними детьми, из коих старшей дочери 13 лет, без всяких средств поддержки» ⁶⁶. В итоге прошение было удовлетворено, вдове была назначена пенсия в размере трех рублей.

В силу различных обстоятельств выплата пособия могла прекратиться, если пенсионер был с этим не согласен, прошение подавалось повторно. Примером подобного обращения является прошение 1902 г. бывшей дворовой крестьянки Апраксиных А. Скубылиной, которая сообщала: «С 1-го минувшего февраля месяца настоящего года у меня отобрана книжка, по которой я с сестрою моею девицей Екатериной по смерти матери нашей Надежды получали от Вашего Превосходительства пенсион в количестве 3 рублей в месяц, и за упомянутый февраль нам уже оно не выдано. Вследствие прекращения по неизвестной нам причине пенсион осмеливаюсь всепокорнейше просить <...> и слезно умолять мать-кормилицу и питательницу несчастной жизни нашей продлить Вашу милостыню на нас, как на единых от меньших сил, не имеющих не только что насущного пропитания, но даже и собственного крова, и скитающихся по чужим углам, а по болезненному своему положению и преклонности уже лет не способных и к физическому труду» ⁶⁷.

Участь одиноких стариков, оставшихся без родных и не имеющих жилья, была очень тяжелой, крестьянская община не всегда могла помочь, и поддержка помещика, бывшего барина, была едва ли не единственной надеждой на дальнейшее существование. Резолюция Апраксиной на прошение сестер Скубылиных была следующей: «Прошу сообщить мне справку об этих просительницах» ⁶⁸, на что П.З. Гурнов, получив необходимые сведения, сообщал: «получала мать просительницы Надежда Скубылина, после ее смерти выплата пенсии прекращена. Просительница человек больной, к труду не способен, живет на квартире, имеет сестру, тоже болезненную и к труду малоспособную, почему терпит крайнюю нужду» ⁶⁹. Сочтя объяснение удовлетворительным, Александра Михайловна повторно внесла сестер в список пенсионеров, продолжив выплачивать пособие и далее.

⁶⁴ Прощения бывших служащих Апраксиных и других лиц о зачислении в число пенсионеров. 1902–1903 // ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 15. Л. 22.

⁶⁵ Там же. Л. 23.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л. 18.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Прощения бывших служащих Апраксиных и других лиц о зачислении в число пенсионеров. 1902–1903 // ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 15. Л. 18 об.

Обучение детей и внуков бывших крепостных крестьян А.М. Апраксиной также нередко происходило за ее счет. В личном фонде Апраксиных Отдела рукописей РГБ сохранились оплаченные счета от Дельвиговского технического железнодорожного училища, Московского епархиального Филаретовского женского училища, Московской женской учительской семинарии⁷⁰ и др.

Заключение

Благотворительность в России – состоявшееся явление в жизни российского общества, ее история насчитывает не одно десятилетие. «Золотой век» благотворительности приходится на вторую половину XIX – начало XX вв. Исследователь И.А. Кеня пишет: «В жизни пореформенной России благотворительность выступала как важный регулятор социального равновесия, как один из аспектов государственной политики, как условие достижения социально-экономических целей государства» [Кеня, 2020, с. 60].

Свершившаяся реформа 1861 года в корне изменила уклад жизни не только помещиков, но и бывших крепостных крестьян. Неслучайно в сельскохозяйственной, статистической, экономической литературе второй половины XIX столетия появился ряд серьезных изданий, где описывались примеры ведения экономически выгодного и рационального хозяйства как примера для подражания. Корреспондент земства Орловской губернии, сельский учитель, писал: «Соседство хорошо устроенных помещичьих хозяйств поучительно действует на крестьян. Так, например, в нашей местности, где имеются уже образцовые хозяйства, крестьяне уже значительно лучше стали обрабатывать землю, поднимая вовремя взмет и пар, вовремя сеют и заделывают семена; обращают внимание на качество семян для посева, покупая их или обменивая у помещика; заводят хороший скот, улучшают луга, разрывая на них кочки, и т. д. В селе этом видно близкое знакомство с правильным хозяйством, а что отраднее, так это то, что крестьяне взялись за улучшение без посторонней инициативы, видя только у соседнего помещика положительный успех образцового хозяйства» [Описание отдельных русских хозяйств, 1897, с. 2].

Тем не менее в большинстве центральных губерний Российской империи (Орловская не исключение) крестьяне находились в крайне тяжелом положении. Высокая арендная плата за землю, отсутствие постоянных рабочих мест вынуждали покидать родные места и ехать на заработки. Главный агроном Главного управления уделов И.Н. Клинген, автор ряда научных публикаций по рациональному ведению усадебного хозяйства, констатировал (1903 г.): «Между тем крестьянские наделы остались те же, а население за последние 40 лет почти удвоилось <...> крестьяне приспособляются со своей скотиной к питанию впроголодь и на зиму впадают в зимнюю спячку <...> старая культура помещиков, стоившая им и государству огромных затрат и жертв, тает и разрушается, вытесняясь крестьянской убогой и варварской обработкой <...> 40 лет подряд, несмотря на «Великую реформу», мы непрерывно опускались в яму разорения и бедствия. В огромном большинстве случаев, за исключением лишь нескольких деятельных земских центров, положение у крестьян не только не улучшилось, но даже ухудшилось в целых губерниях. <...> Все та же у нас, как и прежде, несчастная трехполка, но только еще более выпаханная и захудалая, все та же матушка «соха-Андреевна» и смычковая деревянная борона-попрыгунья. Все тот же печальный одер таскает их, и все та же первобытная картина в стиле неолитического каменного века или, вернее, «лыково-деревянного», мозолит вам глаза от Курска вплоть до самого Петербурга» [Клигген, 1903, с. 36–38].

Трудное материальное положение вынуждало крестьян обращаться к бывшему помещику ища помощи и поддержки. Брасовское поместье яркий тому пример. К достоин-

⁷⁰ Квитанции учебных заведений и расписки в получении денег за обучение детей. 1899–1906 // ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 24.

ству дворян Апраксиных, особенно в лице А.М. Апраксиной, следует отнести и то, что даже после продажи имения эта помощь продолжала оказываться.

Нужно отметить, что следующие владельцы Брасовского поместья великие князья Георгий и Михаил Александровичи продолжили линию Апраксиных на ниве благотворительности и милосердия. В память 17 октября 1888 года (крушения поезда под Борками, в котором ехала императорская семья) были открыты «богадельня для престарелых, детский приют» [Краткий очерк..., 1903, с. 9]. Также оказывалось «пособие церквям, причтам и школам в семнадцати приходах и монастырю Площанско-Богородицкой пустыни» [Описание отдельных русских хозяйств, 1897, с. 4]. В 1898 г. в Брасове была открыта второклассная церковно-приходская школа [Ерофеева, 2021, с. 43]. В имении работала сеть медицинских учреждений.

Как итог, благодаря социальной политике, проводимой владельцами имения сначала в лице Апраксиных, а далее великих князей Георгия и Михаила Александровичей, крестьянских волнений в Брасовском поместье в 1905–1907 гг. удалось избежать ⁷¹.

Приложение

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 11. К. 144. Ед. хр. 15.
Письмо Е.А. Комелягиной Александре Михайловне Апраксиной

Ее превосходительству Александре Михайловне Апраксиной.
Евдокии Комелягиной, проживающей в г. Курске, а урожденной крестьянке села Брасова Е. (Дуняши) Кабалиной.

Убедительное прошение

Прослужа в Брасовском и Ольговском имениях при усадьбах Вашего Превосходительства в качестве прачки около полтора десятка лет, я с благословения (1887 год) еще Ваших Превосходительств вышла в замужество за в то время конторщика Главной Брасовской уже Его Высочества конторы Ф. Комелягина, который впоследствии очутился бухгалтером кассы Курского губернского земства. В конце июля 1900 года мой муж неожиданно разбит окончательно весь наповал 5 ударами паралича и скитаясь безуспешно 11 месяцев по больницам, теперь находится без признаков улучшения (верно погибший) под призреванием в Богадельне Курско-губернского земства. Я же с двумя подростками школьного возраста (сейчас сыну 14 лет и дочери 12 лет) положительно без средств к существованию, страдающая бессилием и безотвязным ревматизмом левой руки, очутилась средь неба и земли, да еще на чужбине! Курское губернное земство гуманное и обратило на мой душераздирающий вопль должное попечительское внимание и, принимая в расчет хотя и полуторалетнюю, но хорошую службу моего еще 35-летнего погибшего мужа, и мне с детьми до сих дней давало разного рода и неоднократно много пособий. И я дожила в полгоря до настоящего времени.

Дерзая на помощь Всевышнего и милосердие Вашего Превосходительства, припоминая слова блаженной памяти покойного Его Превосходительства незабвенного Виктора Владимировича (в злободневную минуту и во всяких несчастиях всегда тебе будет наша возможная помощь), я покорнейше и убедительнейше прошу Ваше Превосходительство, помогите посылить мне несчастно, как и многим другим по благоусмотрению Вашего Превосходительства, памятуя изречение Святого Писания: «дающая рука не оскудеет».

Мой адрес: г. Курск, Мясницкая улица, дом Остапковой.
Евдокии Александровне Комелягиной
Января 10 1903 г.

Письмо П.З. Гурнова Александре Михайловне Апраксиной

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что муж просительницы действительно разбит параличом и в настоящее время находится в богадельне Курского земства. Сама же проси-

⁷¹ Письмо главноуправляющего имениями великого князя Михаила Александровича в Петербург о положении дел в имении Брасово во время рабочих и крестьянских волнений // Государственный архив Российской Федерации // Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 86.

тельница больна суставным ревматизмом и к труду не способна, почему не имея средств пережить крайнюю нужду с 2 детьми школьного возраста.

Февраля 12 1903 г.

П. Гурнов

Резолюция А. М. Апраксиной

Разрешаю выдавать просительнице до особого моего распоряжения по 3 рубля в месяц.

Список источников

- Дело о дворянстве Даниель. Российский государственный исторический архив Ф. 1343 – III Департамент Сената. Оп. 20. Ед. хр. 276.
- Документы по подготовке крестьянской реформы в связи с работой В.В. Апраксина в Орловском губернском комитете. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 11. П. 152–154.
- Материалы по проверке пенсионеров по Брасовскому имению. 1897. ОР РГБ. 11. П. 144. Ед. хр. 1; 10; 15; 24.
- Материалы о приглашении В.В. Апраксина к участию в работах Редакционных комиссий. ОР РГБ. Ф. 11. П. 158. Ед. хр. 12.
- Письмо настоятеля храма Знамени Пресвятой Богородицы на имя А.М. Апраксиной. 1900. ОР РГБ. 11. П. 95. Ед. хр. 17.
- Письмо главноуправляющего имениями великого князя Михаила Александровича в Петербург о положении дел в имении Брасово во время рабочих и крестьянских волнений. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 668. Оп. 1. Ед. хр. 86.
- Прошение Александру II о продаже Брасовского имения. ОР РГБ. Ф. 11. П. 5. Ед. хр. 16.
- Прошения денежной помощи на имя А.М. Апраксиной от разных лиц. 1907–1915. ОР РГБ. 11. П. 138. Ед. хр. 48.
- Синодальная грамота на имя А.М. Апраксиной. 1900. ОР РГБ. 11. П. 174. Ед. хр. 1.
- Материалы по Брасовскому имению дворян Апраксиных. ОР РГБ. Ф. 11. П. 1. Ед. хр. 2; 8; 19–21.

Список литературы

- Волошун А.В. 2010. Блаженны милостивые: благотворительная деятельность Великой княгини Елизаветы Федоровны. М., Дарь, 479 с.
- Громова А.В. 2021. Благотворительная деятельность августейших владельцев имения «Ильинское-Усово». Музеефикация объектов. «Une vie de château». Жизнь в усадьбе и вокруг нее: материалы международной научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина». Руководитель проекта В.Ю. Панкратов, научный руководитель А.Н. Фарафонова. Белгород, ИП Сангалов, 185–204.
- Ерофеева Г.И. 2020. Брасовская усадьба-экономика дворян Апраксиных: особенности хозяйственной жизни. Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология. 4 (46). Брянск, РИСО БГУ. 56–72.
- Ерофеева Г.И. 2021. Страницы истории Брасовского имения великого князя Михаила Александровича (на основе новых архивных документов). Журнал «Культурный ландшафт регионов». Краснодар, НОЧУ ДПО «КМИДО». Т. 3. 5: 33–52.
- Историческое описание церквей и приходов Севского уезда. Под общ. ред. О.Р. Вязьмитина. 2010. Брянск, Белобережье: Группа компаний «Десяточка». 103 с.
- Кеня И.А. 2019. Благотворительность в провинциальной России: особенности и персоналии. Брянск, Автограф, 167 с.
- Кеня И.А. 2020. Благотворительность представителей династии Романовых на Брянской земле. Великий князь Михаил Александрович. Жизнь. Эпоха. Судьба. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Брянск, Читай-город. 60–68.
- Клинген И.Н. 1903. Роль женщины как образованной сельской хозяйки в обновлении русской деревни. Санкт-Петербург, Типография Главного Управления Уделов. 52 с.
- Князь Долгоруков Н.Д.: Жизнь – служение Отечеству. Авт. идеи, ред. и сост.: Дудников Александр Петрович. 2019. М., Вишневый пирог. 645 с.

- Краткий очерк Брасовского и Дерюгинского имений, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику и Великому Князю Михаилу Александровичу. 1903. Орел, Типография Губернского Правления. 30 с.
- Ольденбургские во благо России: сборник статей. 2018. Составитель Э.А. Анненкова. СПб., Нестор-История. 440 с.
- Описание отдельных русских хозяйств. Выпуск 2. Орловская губерния. 1897. СПб., Типография С.-Петербургского Градоначальства. 61 с.
- Отрада и утешение. Женская община во имя иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» и её основательница – игуменья Магдалина (графиня Мария Орлова-Давыдова). 2021. А.А. Васильев, Н.А. Симоненко, М.А. Овчинников; под общей редакцией кандидата богословия протоиерея А.А. Васильева. Домодедово, Приходской совет храма Рождества Христова. 320 с.
- Рожкова С.Н. 2015. Двуглавые орлы Брасовской усадьбы. Из истории имения Великого князя Михаила Александровича. Брянск, ГУП «Брянск. Обл. полигр. объединение. 160 с.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. 1998. М., Наука. 640 с.

Referens

- Voloshun A.V. 2010. Blazhenny milostivye: blagotvoritel'naya deyatel'nost' Velikoj knyagini Elizavety Fedorovny [Blessed are the Merciful: the charitable activities of Grand Duchess Elizaveth Feodorovna]. М., Dar", 479 s.
- Gromova A.V. 2021. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' avgustejshih vladel'cev imeniya «Il'inskoe-Usovo». Muzeefikaciya ob"ektov [Charitable activity of the august owners of the estate «Ilyinskoe-Usovo». Museumification of objects]. «Une vie de château». Zhizn' v usad'be i vokrug nee: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii iz cikla «Imperatorskaya Gatchina». Rukovoditel' proekta V.Yu. Pankratov, nauchnyj rukovoditel' A.N. Farafonova. Belgorod, IP Sangalov, 185–204.
- Erofeeva G.I. 2020. Brasovskaya usad'ba-ekonomiya dvoryan Apraksinyh: osobennosti hozyajstvennoj zhizni [Brasovskaya manor-economy of the Apraksin nobles: features of economic life]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya. 4 (46). Bryansk, RISO BGU. 56–72.
- Erofeeva G.I. 2021. Stranicy istorii Brasovskogo imeniya velikogo knyazya Mihaila Aleksandrovicha (na osnove novyh arhivnyh dokumentov) [Pages of the history of the Brasovo estate of Grand Duke Mikhail Alexandrovich (based on new archival documents)]. Zhurnal «Kul'turnyj landshaft regionov». Krasnodar, NOCHU DPO «KMIDO». Т. 3. 5: 33–52.
- Istoricheskoe opisanie cerkvej i prihodov Sevskogo uyezda [Historical description of churches and parishes of Sevsky uyezd]. Pod obshch. red. O.R. Vyaz'mitina. 2010. Bryansk, Beloberezh'e: Gruppy kompanij «Desyatochka». 103 s.
- Kenya I.A. 2019. Blagotvoritel'nost' v provincial'noj Rossii: osobennosti i personalii [Charity in Provincial Russia: features and personalities]. Bryansk, Avtograff, 167 s.
- Kenya I.A. 2020. Blagotvoritel'nost' predstavitelej dinastii Romanovyh na Bryanskoj zemle. Velikij knyaz' Mihail Aleksandrovich [Charity of representatives of the Romanov dynasty on the Bryansk land. Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. Zhizn'. Epoha. Sud'ba. Sbornik materialov mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Bryansk, Chitaj-gorod. 60–68.
- Klingen I.N. 1903. Rol' zhenshchiny kak obrazovannoj sel'skoj hozyajki v obnovlenii russkoj derevni [The role of women as educated rural housewives in the renewal of the Russian village]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 52 s.
- Knyaz' Dolgorukov N.D.: Zhizn' – sluzhenie Otechestvu [Prince Dolgorukov N.D.: life is service to the Fatherland]. Avt. idei, red. i sost.: Dudnikov Aleksandr Petrovich. 2019. М., Vishnevyy pirog. 645 s.
- Kratkij ocherk Brasovskogo i Deryuginskogo imenij, prinaldezhashchih Ego Imperatorskomu Vysochestvu Gosudaryu Nasledniku i Velikomu Knyazyu Mihailu Aleksandrovichu [A brief sketch of the Brasovo and Deryugino estates belonging to His Imperial Highness the Sovereign Heir and Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. 1903. Орел, Типография Губернского Правления. 30 с.
- Ol'denburgskie vo blago Rossii [Oldenburg for the Good of Russia: collection of articles]. Sbornik statej. 2018. Sostavitel' E.A. Annenkova. SPb., Nestor-Istoriya. 440 s.

- Opisanie ot del'nyh russkih hozyajstv. Vypusk 2. Orlovskaya guberniya [Description of individual Russian farms. Issue 2. Orel province]. 1897. SPb., Tipografiya S.-Peterburgskogo Gradonochal'stva. 61 s.
- Otrada i uteshenie. Zhenskaya obshchina vo imya ikony Bozhiej Materi «Otrada i Uteshenie» i eyo osnovatel'nica – igumen'ya Magdalina (grafinya Mariya Orlova-Davydova) [Joy and consolation. Women's Community in the name of the Icon of the Mother of God «Joy and Consolation» and its founder – Abbess Magdalene (Countess Maria Orlova-Davydova)]. 2021. A.A. Vasil'ev, N.A. Simonenko, M.A. Ovchinnikov; pod obshchej redakciej kandidata bogosloviya protoiereya A.A. Vasil'eva. Domodedovo, Prihodskoj sovet hrama Rozhdestva Hristova. 320 s.
- Rozhkova S.N. 2015. Dvuglavye orly Brasovskoj usad'by. Iz istorii imeniya Velikogo knyazya Mihaila Aleksandrovicha [Double-headed eagles of the Brasovo estate. From the history of the estate of Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. Bryansk, GUP «Bryansk. Obl. poligr. ob"edinenie. 160 s.
- Svod pamyatnikov arhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii: Bryanskaya oblast' [The code of monuments of architecture and monumental art of Russia: Bryansk region]. 1998. M., Nauka. 640 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.01.2023

Received 17.01.2023

Поступила после рецензирования 29.01.2023

Revised 29.01.2023

Принята к публикации 08.02.2023

Accepted 08.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ерофеева Галина Игоревна, специалист отдела музейно-образовательных программ, Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы «Государственный музей-заповедник «Царицыно», г. Москва, Россия, соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

Galina I. Erofeeva, specialist of museum and educational programs department. State Historical-Architectural, Art and Landscape Museum-Reserve Tsaritsyno, Moscow, Russia. Candidate of the academic degree of Candidate of Historical Sciences departments of national history of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5247-3537](https://orcid.org/0000-0001-5247-3537)

УДК 94(47).08

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-156-164

Оригинальное исследование

Институционализация и деятельность провинциальных народных университетов в России в XIX – начале XX вв.

Дворецкий Е.В. , Веникова М.С. , Мошкин А.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: dev@bsu.edu.ru, venikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Целью исследования является изучение феномена народных университетов России в конце XIX – начале XX вв. Изучение исторического опыта Обществ народных университетов императорской России крайне актуально, поскольку в современном обществе наблюдается высокий интерес к исследованию подобного рода общественных трансформаций. В статье особое внимание уделено изучению институционализации, просветительской и в некоторых случаях образовательной деятельности провинциальных Обществ народных университетов. Выделены основные проблемные моменты в процессе становления провинциальных Обществ. Устанавливается взаимосвязь столичных и провинциальных народных университетов посредством транслирования общественных, просветительских и образовательных инноваций.

Ключевые слова: народный университет, гражданское общество, рубеж XIX–XX вв., Общество народных университетов, общественные организации

Для цитирования: Дворецкий Е.В., Веникова М.С., Мошкин А.Н. 2023. Институционализация и деятельность провинциальных народных университетов в России в XIX – начале XX вв. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 156–164. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-156-164

Institutionalization and Activities of Provincial People's Universities in Russia in the 19th – Early 20th Centuries

Evgenij V. Dvoreckij , Marina S. Venikova , Aleksandr N. Moshkin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: dev@bsu.edu.ru, venikova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of people's universities in Russia at the beginning of the XX century. The research topic is in the context of the general problem of the formation of civil society in imperial Russia in the late XIX early XX century. A similar social transformation is observed in modern Russia, which determines the relevance of the existing historical experience of the Societies of People's Universities. In the presented study, the educational activity of people's universities is studied not as an educational process and educational technologies, but as the content of the chosen mission, and is characterized from the position of fulfilling this mission. Special attention is paid to the study of institutionalization, educational and, in some cases, educational activities of provincial societies of people's universities. The organizers of the provincial Societies of People's Universities adopted the public and educational innovations of the metropolitan Societies of People's universities, taking into account their own specifics.

Keywords: National University, the turn of the XIX–XX centuries, the civil society, enlightenment, public organizations

For citation: Dvoreckij E.V., Venikova M.S., Moshkin A.N. 2023. Institutionalization and Activities of Provincial People's Universities in Russia in the 19th – Early 20th Centuries. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 156–164 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-156-164

Введение

В начале XX века в России появляются народные университеты. Юридически в современном понимании они являются некоммерческими организациями (НКО). Официальным их названием было «Общество народных университетов» с добавлением места локализации (название города) каждого конкретного Общества.

Изначально проект создания народных университетов предполагал появление Общества народных университетов – общероссийской негосударственной организации, но по ряду причин реализация проекта в таком формате не удалась. Что же касается термина «народный университет», то в начале XX века он носил определенную смысловую окраску, его включали в официальное название просветительских и образовательных учреждений нового типа.

Особая роль в изучении проблемы отведена трудам участников и современников этой деятельности: В.И. Чарнолуского [Чарнолуский, 1908, Чарнолуский, 1910, Чарнолуский, 1911, Чарнолуский, 1913], Я.В. Абрамова [Абрамов, 1894], Н.В. Чехова [Чехов, 1912], Н.П. Ануфриева [Ануфриев, 1916].

Также следует отметить исследования А.Д. Степанского [Степанский, 1979, Степанский, 1980, Степанский, 1982], которые по праву являются основой для современных представлений об общественных организациях, исследуемого периода и о культурно-просветительской деятельности в целом. В трудах современных исследователей, таких как А.С. Туманова [Туманова, 2002, Туманова, 2011], Л.В. Кошман [Кошман, 2008], М.В. Михайлова [Михайлова, 1993], также находят отражение различные аспекты культурно-просветительской деятельности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются провинциальные народные университеты, которые как общественные организации существовали в Российской Империи.

Методологической основой стал стадийный подход, который в совокупности с теорией модернизации позволяет идентифицировать появление Обществ народных университетов как важную общественную модернизацию в стране с аграрно-индустриальной экономикой. Важно, что самофинансирование, самоорганизация и самоуправление – это ключевые понятия для определения Обществ народных университетов в качестве элемента гражданского общества императорской России.

В исследовании были применены следующие общенаучные методы: сравнительно-исторический, восхождение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному. Использование этих методов позволило не только изучить становление Обществ народных университетов как элементов гражданского общества, но и исследовать взаимодействие и влияние деятельности столичных народных университетов на провинциальные народные университеты.

Результаты и их обсуждение

Институционализация провинциальных народных университетов

Появление народных университетов в провинции является результатом общественной инициативы. Организаторы провинциальных Обществ народных университетов активно использовали опыт столичных коллег.

Огромное значение для изучения институционализации и взаимодействия Обществ народных университетов имеют Материалы Первого всероссийского съезда деятелей Обществ народных университетов (03.01–07.01.1908 г., город Санкт-Петербург), включающие тексты докладов, подробные рассуждения по тематике деятельности народных университетов. В источнике содержатся материалы шестидесяти докладов из шестидесяти одного заслушанного и ста шести заявленных [Материалы..., 1908, 527 с.].

Участники Съезда считали, что «народные университеты, как и подобные им организации, призванные служить запросам широких масс, должны быть построены на демократических началах, началах самоуправления и самодеятельности этих масс» [Там же, с. 30].

«Для организации и успешной постановки деятельности народных университетов было необходимо: а) сделать их доступными за счёт установления мелких членских взносов, устройства автономных секций и различных вспомогательных учреждений в районах жительства трудового населения; б) привлечь представителей от слушателей к участию в управлении делами народных университетов; в) расширить участие слушателей в выработке общего плана занятий, определении отдельных тем, в выборе лекторов; г) расширить учебный план народных университетов путем введения в него курсов и лекций по общественно-юридическим наукам, рабочему и крестьянскому вопросам» [Там же].

Правовой базой в сфере регулирования деятельности Обществ народных университетов были «Временные правила об обществах и союзах» [Полное собрание законов..., Собр. 3, Т. 26, с. 449] от 4 марта 1906 г. Так, Обществом считалось объединение нескольких лиц, которые не ставят перед собой задачу получения прибыли от своей деятельности и выбрали для себя определенную цель. Общества народных университетов полностью соответствовали такому определению «Общества».

Провинциальные Общества народных университетов принимали для себя наиболее подходящий вариант устава, ориентируясь при этом на пример столичных Обществ. Так, Воронежское, Самарское и Смоленское общества приняли для себя вариант устава Московского общества народных университетов, а вот Астраханское общество народных университетов отдало предпочтение варианту устава Санкт-Петербургского общества народных университетов.

При анализе особенностей самоуправления, основываясь на материалах изученных провинциальных Обществ, можно прийти к выводу, что они имели следующую организационную структуру управления, представленную графически на рисунке 1 [по материалам Уставов]:

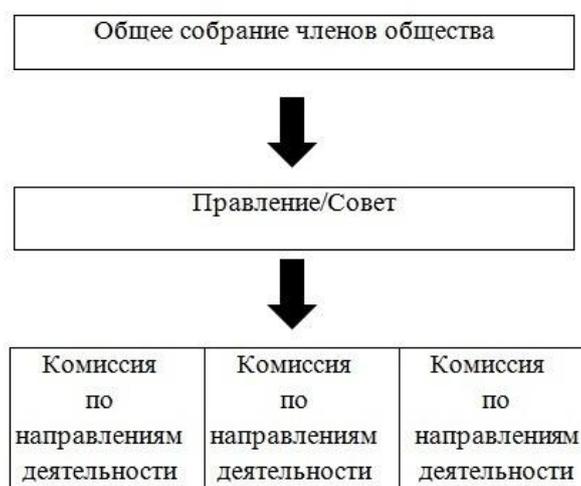

Рис. 1. Структура управления Обществом народных университетов
Fig. 1. Management structure of the Society of People's Universities

При этом за Общим собранием закреплялась функция высшего органа управления, выборное Правление (или Совет) осуществляло оперативное управление, Комиссии вели деятельность каждая по вверенному профилю. Общее собрание собиралось на заседания обычно три раза в год, но могли быть организованы дополнительные собрания по какому-либо экстренному поводу. Количество заседаний Правления не регламентировалось, за один год могло проводиться более тридцати подобных заседаний для решения разноплановых вопросов деятельности Общества народных университетов. Контроль над финансовой деятельностью осуществлялся выборной ревизионной комиссией, а Правление представляло Общему собранию ежегодный отчет [Материалы Уставов].

Самофинансирование

Самофинансирование и самокупаемость являлись основой экономической обеспеченности деятельности народных университетов. В качестве основного и важнейшего источника для финансирования всех направлений деятельности народных университетов в императорской России являлась оплата, которая взималась за посещение лекций, это почти 90 % от доходов. Но иногда прибыль от лекций могла не покрывать затраты на их организацию. Дополнительной финансовой нагрузкой для провинциальных Обществ было приглашение столичных лекторов, чья работа оплачивалась выше, чем работа местных специалистов.

Также наличие собственных аудиторий или помещений для организации работы – огромная проблема, с которой необходимо было справиться инициаторам создания народных университетов в условиях самофинансирования. В процессе выстраивания и налаживания своей деятельности проблемы финансового характера инициаторы создания Обществ пытались решить с помощью мобилизации внутренних и внешних ресурсов.

К мобилизации внутренних ресурсов следует отнести отказ лекторов от оплаты за свою работу. Ресурсами, зависящими от внешних факторов, являлись, во-первых, различная помощь благотворителей, во-вторых, субсидии от местного самоуправления.

Поскольку с помещениями для проведения лекций у Обществ часто возникали проблемы, большую поддержку могли оказывать в некоторых случаях местные власти, предоставляя возможность работать в выделенных помещениях без арендной оплаты.

Так, например, Воронежский народный университет не имел в своем распоряжении собственного здания, и наем помещения стал бы непосильным финансовым бременем для него. Ситуацию спасло временное разрешение Воронежского губернского земства использовать для просветительских целей дом известного педагога-просветителя Бунакова Николая Федоровича.

После окончания срока временного разрешения использования этого помещения на одну из эпизодических аренд (для проведения массовых занятий) было потрачено 999 рублей и 95 копеек, что составило 19 % от общих расходов Общества [Отчет о деятельности..., 1909 г. 1910, с. 8–9].

Спасла ситуацию Лариса Ивановна Бунакова (вдова Н.Ф. Бунакова), которая выступила с инициативой передать дом народному университету, обратившись с заявлением в Воронежскую губернскую земскую управу. «Глубокое сочувствие к Обществу народных университетов» стало движущим мотивом для этого поступка. Из заявления Л.И. Бунаковой: «Я душевно чаю, чтобы эта передача состоялась и дом имени Н.Ф. Бунакова служил бы для просветительских целей г. Воронежа»⁷². Далее последовал процесс юридического урегулирования вопроса передачи дома в собственность Обществу народных университетов. В итоге Обществу была выделена ещё и субсидия для проведения ремонта здания, её размер составил 1 600 рублей⁷³.

⁷² Государственный архив Воронежской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7852. Л. 2.

⁷³ Там же. Л. 8.

Миссия народных университетов

Народные университеты заимствовали опыт аналогичных европейских организаций, реализуя при этом следующие подходы к осмыслению собственной миссии: в первом варианте задача народного университета была в большей степени просветительской и состояла в организации работы в виде лекционных циклов, в другом же варианте миссия была образовательной – заключалась в организации деятельности народного университета в формате систематических предметных курсов. Каждая концепция получила поддержку в лице известных просветителей. Так, концепция просветительской миссии развивалась благодаря Б.И. Сыромятникову, образовательную миссию поддерживал Г.Г. Генкель.

Так, филолог-востоковед Герман Германович Генкель попытался систематизировать имевшийся на тот момент опыт зарубежных народных университетов в работе «Что такое народный университет?» [Генкель, 1908]. Исследование стало своеобразным пособием, с которым работали инициаторы создания народных университетов, в нём заложены как теоретические, так и методические основы существования народного университета. Герман Германович считал, что народный университет должен «дать практическую возможность людям различного рода труда развивать свои знания» [Там же, с. 16]. В его представлении самое важное – это появление у человека желания к постоянному и непрерывному самообразованию.

Учёный-историк Борис Иванович Сыромятников является автором труда «Что дает народный университет» [Сыромятников, 1912]. Он не только исследовал теоретические основы деятельности народных университетов, но активно участвовал в работе столичного Московского общества народных университетов. По сформулированному Борисом Ивановичем определению, народный университет – это «просветительная организация, которая призвана в первую очередь популяризировать научное и общеобразовательное знание в среде взрослого трудового населения» [там же, с. 3]. Такая трактовка позволяет автору определить основную миссию университетов как просветительскую, в противовес идеям Г.Г. Генкеля (которые разделяли и представители Санкт-Петербургского общества народных университетов), где миссия народных университетов рассматривалась более как образовательная, проявлялось стремление к введению систематического обучения.

Что же касается провинциальных Обществ, то они заимствовали инновации, основываясь на опыте столичных единомышленников. Этот процесс прослеживается в копировании уставов и выборе специфики деятельности. Важно отметить, что выбор определенной модели деятельности не зависел от того, какой устав был выбран за образец. Начало непосредственной деятельности внесло свои коррективы в деятельность провинциальных Обществ. В Самаре и Воронеже была осуществлена попытка совместить просветительскую и образовательную деятельность, взяв за пример Санкт-Петербургскую модель. Концепция, которая реализовывалась в Москве, была использована в Смоленске и Астрахани.

Представители провинциальных народных университетов приглашали из столичных народных университетов высококвалифицированных специалистов, также столичные коллеги передавали им различные методические материалы. Организаторы провинциальных народных университетов нередко сталкивались с кадровой проблемой на местах, так представители Смоленского общества народных университетов подчеркивают, что «Полная систематичность (в плане курса занятий) еще долго будет составлять лишь мечту нашего учреждения. Причины этого явления – отсутствие большого контингента лекторов на месте и невозможность свободно распоряжаться наличными лекторскими силами вспомогательных столичных учреждений, снабжающих лекторами провинциальные народные университеты» [Отчет., 1910. с. 11].

Так, А.Я. Френкель (Смоленское общество народных университетов) ещё в 1908 году подчеркивал, что «вопрос о лекторах – это вопрос жизни или смерти провинциальных народных университетов. Не все лекторы решаются выступать, так как кроме лекторского

надо иметь еще и популяризаторский талант. Поэтому трудно составить кадры лекторов на местах» [Материалы..., 1908, с. 59]. С.П. Буренин (представитель Воронежа) считал, что «нужно организовать работу так, чтобы вести её на местных лекторах. Приезжие лекторы могут обслуживать народный университет только случайно. Роль «центральных лекторов», специалистов должна сводиться только к роли учителей местных лекторов» [Там же].

Таким образом, влияние столичных специалистов в лице профессорско-преподавательского состава было достаточно велико для деятельности провинциальных народных университетов как в плане чтения разовых лекций, так и в плане обмена опытом с коллегами из провинции, их обучения.

Иногда происходило подобное взаимодействие и между университетами провинции. Например, доктор Ф.М. Блюменталь (преподаватель народного университета из Самары) оказался самым популярным лектором в Астраханском народном университете [Отчет..., за 1912–1913 г., 1914, с. 16–17]. Провинциальным народным университетам полностью воссоздать деятельность столичных университетов было достаточно сложно, в некоторых случаях совсем маловероятно. Но, например, Воронежским обществом народных университетов было организовано к 1909 году 3 секции в самом городе: музыкальная, внешкольного образования, средней школы. А в таких городах, как Валуйки, Богучар, Острогожск и в слободе Россоши Острогожского уезда, были открыты поместные секции.

Таким образом, народные университеты провинциальных городов, впитывая опыт столичных коллег, преодолевая трудности самофинансирования, смогли проявить себя как центры просвещения и образования для своих регионов.

Заключение

Провинциальные Общества народных университетов (в современном понимании НКО) появлялись в России как результат общественной инициативы и копировали модель деятельности столичных Обществ, начиная с оформления уставных документов, заканчивая организацией просветительской, а в некоторых случаях и образовательной деятельности.

В процессе институционализации и дальнейшей деятельности Обществ народных университетов провинции явно прослеживаются черты самоорганизации, самофинансирования и самоуправления. Они выступали своеобразными центрами просветительской и образовательной инновации в регионах, были учреждениями нового типа, которые обеспечивали всеобщность просвещения.

Народные университеты привлекали в свои стены людей разного возраста, сфер деятельности, вероисповеданий и политических взглядов, мужчин и женщин, всех, кто хотел получать знания и учиться, выполняя тем самым завет одного из основателей движения народных университетов в России Альфонса Леоновича Шанявского.

Список литературы

- Абрамов Я.В. 1894. Хроника народного образования. Русская школа, (5, 6): 337–339.
- Ануфриев Н.П. 1916. Правительственная регламентация образования частных обществ в России. Вопросы административного права. Кн. 1. М., Т-во Тип. А.И. Мамонтова: 15–45.
- Генкель Г.Г. 1908. Что такое народный университет? Его история, задачи и организация. СПб., Энергия, 20.
- Кошман Л.В. 2008. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., РОССПЭН, 446.
- Материалы первого всероссийского съезда деятелей Обществ народных университетов и других просветительских учреждений частной инициативы. 1908. СПб., Родник, 527.
- Михайлова М.В. 1993. Общественные просветительские и педагогические организации дореволюционной России (середина XIX – начала XX в.). М., ИТПиМИ в образовании РАО, 164.

- Отчет Астраханского общества народных университетов за 1912–1913 г. 1914. Астрахань, Новая русская типография, 29.
- Отчет о деятельности Воронежского общества народных университетов за 1909 г. 1910. Воронеж, Типо-литография В.Д. Колесникова, 149.
- Отчет Смоленского общества народных университетов за 1909/10 год: с 1 июля 1909 по 1 июля 1910 г. Третий год. 1910. Смоленск, Электр. Типо-литография Я.Н. Подземского, 19.
- Полное собрание законов. Т. 26. Именной высочайший указ Правительствующему сенату «О Временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. СПб., Государственная типография, 1906.
- Степанский А.Д. 1979. История общественных организаций в дореволюционной России. М., МГИАИ, 80.
- Степанский А.Д. 1982. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., МГИАИ, 90.
- Степанский А.Д. 1980. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., МГИАТ, 98.
- Сыромятников Б.И. 1912. Что дает народный университет. М., Типография П.П. Рябушинского, 42.
- Туманова А.С. 2002. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 487.
- Туманова А.С. 2011. Самоорганизация Российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 887.
- Устав Астраханского Общества Народных Университетов. 1912. Астрахань, Тип. А.А. Штылько, 8.
- Устав Воронежского Общества Народных Университетов. 1907. Воронеж, Типо-Литография Товарищества «Н. Кравцов и КО», 7.
- Устав Московского общества народных университетов. 1913. М., Тов-во Охоролеч, 7.
- Устав С.-Петербургского общества народных университетов. 1907. СПб., Городская типография, 8.
- Устав Самарского общества народных университетов. 1908. Самара, Земская типография, 9.
- Чарнолуцкий В.И. 1911. Внешкольное образование. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко». Т. 10. СПб., Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и Ко: 490–493.
- Чарнолуцкий В.И. 1913. Настольная книга по внешкольному образованию. Полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений сената и справочных сведений. СПб., Знание, 501.
- Чарнолуцкий В.И. 1908. Учительские организации в России. М., издательство Т-ва И.Д. Сытина, 146.
- Чарнолуцкий В.И. 1910. Частная инициатива в деле народного образования. Социальное значение, типы, основные вопросы и очередные практические задачи свободных, просветительных общественных организаций в современной России. СПб., Знание, 195.
- Чехов Н.В. 1912. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., Польза, 224.

References

- Abramov Ja.V. 1894. Chronicle of Public Education. Russian School. (5, 6): 337–339. (in Russian).
- Anufriev N.P. 1916. Pravitel'stvennaja reglamentacija obrazovanija chastnyh obshhestv v Rossii. Voprosy administrativnogo prava. Kn. 1 [Government regulation of the formation of private societies in Russia//Administrative law issues]. М., Т-во Тип. А.И. Мамонтова: 15–45 (in Russian).
- Genkel' G.G. 1908. Chto takoe narodnyj universitet? Ego istorija, zadachi i organizacija [What is People's University? Its history, tasks and organization]. SPb., Jenergija, 20 (in Russian).
- Koshman L.V. 2008. Gorod i gorodskaja zhizn' XIX stoletija: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the 19th century: social and cultural aspects]. М., ROSSPJeN, 446 (in Russian).
- Materialy pervogo vsrossijskogo s"ezda deyateley Obshchestv narodnykh universitetov i drugikh prosvetitel'skikh uchrezhdeniy chastnoy iniciativy [Materials of the first all-Russian congress of leaders of Societies of People's Universities and other educational institutions of private initiative]. 1908. SPb., Rodnik, 527 (in Russian).
- Mihajlova M.V. 1993. Obshhestvennye prosvetitel'nye i pedagogicheskie organizacii dorevoljucionnoj Rossii (seredina XIX – nachala XX v.) [Public educational and pedagogical organizations of pre-revolutionary Russia (mid-XIX – early XX centuries)]. М., ИТПиМІ v obrazovanii RAO, 164 (in Russian).

- Otchet Astrahanskogo obshhestva narodnyh universitetov za 1912–1913 g. [Report of the Astrakhan Society of People's Universities for 1912–1913]. 1914. Astrahan', Novaja russkaja tipografija, 29 (in Russian).
- Otchet o dejatel'nosti Voronezhskogo obshhestva narodnyh universitetov za 1909 g. [Report on the activities of the Voronezh Society of People's Universities for 1909]. 1910. Voronezh, Tipolitografija V.D. Kolesnikova, 149 (in Russian).
- Otchet Smolenskogo obshhestva narodnyh universitetov za 1909/10 god: s 1 ijulja 1909 po 1 ijulja 1910 g. Tretij god [Report of the Smolensk Society of People's Universities for 1909/10]. 1910. Smolensk, Jelektr. Tipo-litografija Ja.N. Podzemskogo. 19 (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov. T. 26. Imennoj vysochajshij ukaz Pravitel'stvujushhemu senatu «O Vremennyh pravilah ob obshhestvah i sojuzah» ot 4 marta 1906 g. [«On Provisional Rules on Societies and Unions» of March 4, 1906]. SPb., Gosudarstvennaja tipografija, 1906 (in Russian).
- Stepanskij A.D. 1979. Istorija obshhestvennyh organizacij v dorevoljucionnoj Rossii [History of public organizations in pre-revolutionary Russia]. M., MGIAI, 80 (in Russian).
- Stepanskij A.D. 1982. Obshhestvennye organizacii v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Public organizations in Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. M., MGIAI, 90 (in Russian).
- Stepanskij A.D. 1980. Samoderzhavie i obshhestvennye organizacii Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Autocracy and public organizations of Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. M., MGIAI, 98 (in Russian).
- Syromjatnikov B.I. 1912. Chto daet narodnyj universitet [What the People's University gives]. M., Tipografija P.P. Rjabushinskogo, 42 (in Russian).
- Tumanova A.S. 2002. Samoderzhavie i obshhestvennye organizacii v Rossii. 1905–1917 gody [Autocracy and public organizations in Russia. 1905–1917]. Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 487 (in Russian).
- Tumanova A.S. 2011. Samoorganizacija Rossijskoj obshhestvennosti v poslednej treti XVIII – nachale XX vv. [Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX centuries]. M., Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 887 (in Russian).
- Ustav Astrahanskogo Obshhestva Narodnyh Universitetov [Charter of the Astrakhan Society of People's Universities]. 1912. Astrahan', Tip. A.A. Shtyl'ko, 8 (in Russian).
- Ustav Voronezhskogo Obshhestva Narodnyh Universitetov [Charter of the Voronezh Society of People's Universities]. 1907. Voronezh, Tipo-Litografija Tovarishhestva «N. Kravcov i KO», 7 (in Russian).
- Ustav Moskovskogo obshhestva narodnyh universitetov [Charter of the Moscow Society of People's Universities]. 1913. M., Tov-vo Ohorolech, 7 (in Russian).
- Ustav S.-Peterburgskogo obshhestva narodnyh universitetov [Charter of the St. Petersburg Society of People's Universities]. 1907. SPb., Gorodskaja tipografija, 8 (in Russian).
- Ustav Samarskogo obshhestva narodnyh universitetov [Charter of the Samara Society of People's Universities]. 1908. Samara, Zemskaja tipografija, 9 (in Russian).
- Charnoluskij V.I. 1911. Vneshkol'noe obrazovanie. Jenciklopedicheskij slovar' T-va «Br. A. i I. Granat i Ko» [Extracurricular Education. Encyclopedic Dictionary]. T. 10. SPb., T-vo Br. A. i I. Granat i Ko: 490–493 (in Russian).
- Charnoluskij V.I. 1913. Nastol'naja kniga po vneshkol'nomu obrazovaniju. Polnyj sistematičeskij sbornik zakonov, cirkuljarov, razjasnenij senata i spravocnyh svedenij [Desktop book on extracurricular education. A complete systematic collection of laws, circulars, senate clarifications and background information]. SPb., Znanie, 501 (in Russian).
- Charnoluskij V.I. 1908. Uchitel'skie organizacii v Rossii [Teaching organizations in Russia]. M., izdatel'stvo T-va I.D. Sytina, 146 (in Russian).
- Charnoluskij V.I. 1910. Chastnaja iniciativa v dele narodnogo obrazovanija. Social'noe znachenie, tipy, osnovnye voprosy i ocherednye praktičeskie zadachi svobodnyh, prosvetitel'nyh obshhestvennyh organizacij v sovremennoj Rossii [Private initiative in the field of public education. Social importance, types, main issues and regular practical tasks of free, educational public organizations in modern Russia]. SPb., Znanie, 195 (in Russian).
- Chehov N.V. 1912. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-h gg. XIX v. [Public education in Russia since the 60s. XIX]. M., Pol'za, 224 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.12.2022
Поступила после рецензирования 10.01.2023
Принята к публикации 27.01.2023

Received 06.12.2022
Revised 10.01.2023
Accepted 27.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дворецкий Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9524-0303](https://orcid.org/0000-0001-9524-0303)

Evgenij V. Dvoreckij, candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of World, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Веникова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6447-0827](https://orcid.org/0000-0001-6447-0827)

Marina S. Venikova, candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the russian history and records management department, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Мошкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторической антропологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-7660-8456](https://orcid.org/0009-0001-7660-8456)

Aleksandr N. Moshkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 93/94 930

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-165-172

Оригинальное исследование

Террористическая деятельность анархистов в Орловской губернии в начале XX века

Зубарев И.Ю.

Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
E-mail: iwan.zubarew2016@gmail.com

Аннотация. В данной работе исследуется деятельность анархистов на территории Орловской губернии в начале XX века. Затрагивается история деятельности орловских анархистских организаций в период Первой русской революции 1905–1907 годов и последующих лет политической борьбы левых радикалов вплоть до 1910 года. Таким образом, временные рамки исследования: 1905–1910 год. Они обусловлены тем, что именно в этот период анархисты широко применяют террористические методы политической борьбы на территории губернии. Это позволяет нам наиболее подробно раскрыть тему региональной деятельности анархистов, а также проиллюстрировать основной метод политической борьбы анархистского движения в России в начале XX века на конкретном примере. В Орловской губернии анархистами довольно широко применялся индивидуальный террор как средство пропаганды и устрашения местных властей.

Ключевые слова. Анархизм, политический террор, экспроприации, Первая русская революция, индивидуальный террор, Орловская губерния, Брянск

Для цитирования. Зубарев И.Ю. 2023. Террористическая деятельность анархистов в Орловской губернии в начале XX века. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 165–172. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-165-172

Terrorist Activity of Anarchists in the Orel Province at the Beginning of the XX Century

Ivan Yu. Zubarev

Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh 394043, Russia
E-mail: iwan.zubarew2016@gmail.com

Abstract. The work examines the activities of anarchists on the territory of the Orel province at the beginning of the XX century. The article touches upon the history of the activities of anarchist organizations during the First Russian Revolution of 1905–1907 and the subsequent years of the political struggle of the left radicals up to 1910. The subject of the study is precisely the terrorist and expropriation activities of anarchists in the region during this period. Special attention is paid to the successful fight of the Gendarmerie Department against terrorists. The analysis of the number of anarchists in the region is carried out. A brief description of the political situation of the province in the period under study is given. The scientific novelty of the study is based on the disclosure of the regional activities of the anarchist movement during the First Russian Revolution and the subsequent government reaction. The list of the most significant terrorist acts of anarchists in the province is presented. In the results of the study, we came to the conclusion that, in the Orel province, anarchists widely used the tactics of individual terror in their political struggle, the victims of terror were mainly local merchants, manufacturers, employees of the Gendarmerie Department. The center of the anarchist movement became the Bryansk district, where at different periods there were two fairly large and significant organizations.

Keywords: anarchism, political terror, expropriations, the First Russian Revolution, Bryansk

For citation: Zubarev I.Yu. 2023. Terrorist Activity of Anarchists in the Orel Province at the Beginning of the XX Century. Via in tempore. History and political science. 50 (1): 165–172 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-165-172

Введение

Анархистское движение зародилось на территории Российской империи в начале XX века. Накануне Первой русской революции 1905–1907 гг. анархисты имели свои группы и ячейки внутри страны. В разгар революции анархизм укрепился в рядах революционных масс. Русские анархисты активно проводили пропаганду и участвовали в революционной борьбе. Основным методом политической борьбы русских анархистов в данный исторический период был террор.

Однако история русского анархизма все еще является малоизученной по сравнению с иными революционными партиями и движениями в России в начале XX века. «Белым пятном» все еще является история деятельности анархистов в отдельных губерниях европейской части страны. Изучение региональной деятельности анархистов поможет глубже раскрыть тему истории развития анархизма в России, обогатить знания по политической истории определенного региона. Актуальность данной темы заключается в том, что ее изучение поможет глубже проанализировать террор как метод политической борьбы на конкретном примере.

В крупнейших современных исследованиях, посвященных теме анархизма в России в начале XX века, за авторством В.Д. Ермакова [Ермаков, 1996] и В. В. Кривенького [Кривенький, 2018] региональная деятельность анархистских организаций упоминается вскользь. В основном авторы акцентируют свое внимание на деятельность анархистов в столичных и окраинных регионах Российской империи. Более подробно тему орловского анархизма раскрывает историк А.В. Гуларян [Гуларян, 2011], однако он большее внимание уделяет работе Жандармского управления в борьбе с революционерами, в том числе и анархистами. Важной для нашей темы является также работа О.Н. Квасова [Квасов, 2005], посвященная революционному терроризму в Центральном Черноземье. В данном труде дана краткая иллюстрация некоторых важнейших эпизодов террора анархистов в Орловской губернии.

Мы в своей работе попытаемся подробно рассмотреть террористическую деятельность анархистов в Орловской губернии, проследить географию их деятельности в изучаемом нами регионе, провести анализ социального и количественного состава анархистских групп.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является анархистское движение в России в начале XX века. Предметом выступает организационная и террористическая деятельность анархистов на территории Орловской губернии в 1905–1911 годах.

Методы исследования: метод проблемного исследования, анализ и синтез, сравнительно-исторический, ретроспективный и иллюстративные методы.

Результаты и их обсуждение

Орловская губерния в начале XX века входила в состав Центрального Черноземья, была регионом с обширной сельскохозяйственной территорией, с немногочисленными районами промышленного производства. К 1905 году в Орловской губернии начинаются социальные обострения на аграрной почве. В первую очередь это было вызвано аграрным перенаселением в губернии [Гаврилюк, 2010, с. 321]. Немаловажным фактором была и

общая бедность орловского крестьянства. В 1905 году 49 % от общего количества составляли бедняцкие хозяйства из числа бывших помещичьих крестьян [Статистика землевладения 1905 г., 1906, с. 36]. Заметна была доля и бездомных крестьян, не имевших собственного хозяйства. Так, например, по данным Трубчевского и Болховского уезда, свыше 2 % крестьянских семей были поражены «бездомовьем» [1905 год в Орловском крае, 1926, с. 12]. Все это привело к массовым выступлениям крестьян против правительства. Развитием было и рабочее движение в губернии. Центром борьбы рабочих в этот период становится город Брянск как промышленный центр губернии.

К началу Первой русской революции в Орловской губернии сложились крупные организации эсеров, а также крупнейшая в Центральном Черноземье организация РСДРП [Квасов, 2005 с. 44]. Социал-демократы и социалисты-революционеры вели свою агитационную деятельность еще до 1905 года. Центром их деятельности был Брянск. Согласно воспоминаниям В.А. Оболенского, «Орел был город малопромышленный, и потому вести в нем массовую социал-демократическую пропаганду не было смысла. Поэтому через наш комитет велась пропаганда главным образом на брянских заводах, куда от нас ездили студенты, переодетые рабочими» [Оболенский, 1988, с. 69]. В Брянске также сформировалась и сильная анархистская федерация.

Анархистское движение в Орле начинает свое развитие с начала революции. Основными методами революционной борьбы русских анархистов в период Первой русской революции стали индивидуальный террор и экспроприации. Данные методы нашли свое отражение и в деятельности анархистов в Орловской губернии.

Экспроприации являлись частью экономического террора анархистов. Не имея иных источников дохода и комитетов, анархистам приходилось вести весьма активную грабительскую деятельность, направленную на зажиточных крестьян, фабрикантов и торговцев.

Экспроприационная деятельность осуществлялась при помощи вооруженных ограблений и рассылки вымогательских писем, так называемых «мандатов». Обычно такие послания содержали точную сумму, которую нужно отдать на революционную борьбу, и угрозы. Особо широкую экспроприационную деятельность в Орловской губернии вели местные эсеры. Мы выделим несколько экспроприационных актов, совершенных именно анархистами.

18 октября 1906 г. в поселке Чугунная Радица Брянского уезда был ограблен мещанин А. Акимов на сумму в 12 600 рублей [Квасов, 2005, с. 53]. В 1907 г. было арестовано семеро анархистов, принимавших участие в данной экспроприации. Дело вызвало довольно большой резонанс. Он был связан в первую очередь с угрозами в адрес участников судебного процесса, в том числе и судей. Рассмотрение данного дела из-за угроз со стороны анархистов властями было решено перенести из Брянска в Орел [Квасов, 2005, с. 53].

13 июня 1907 г. анархистами совершается ограбление кассира Ивотской фабрики при перевозе им зарплаты рабочим завода общей суммой в 9 тысяч рублей. В результате завязавшейся перестрелки погиб один из охранников, а также была застрелена лошадь ⁷⁴.

16 октября 1907 г. анархисты совершают ограбление Жирятинской почтовой конторы. Помимо денег, анархисты забрали с собой и винтовку охранника ⁷⁵. За это преступление арестовывают членов Брянской федеративной группы анархистов-коммунистов К.С. Глашутина, И.Д. Тимошенко, И.Д. Немешаева и В.К. Кузовкина ⁷⁶. Также осенью 1907 года Брянскими анархистами совершается ограбление почтового отделения в поселке Жуковка [Кляченков].

⁷⁴ Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 883. Оп. 1. Д. 396. Л. 196.

⁷⁵ Там же. Л. 412.

⁷⁶ Там же. Л. 494.

В 1909 г. членами Брянской федерации анархистов-коммунистов Михаилом «Гуляком» и Григорием Ипатовым осуществляется ограбление сборщика денег в селе Ревнах и почтового отделения на железнодорожной станции Выгоничи [Гуларян, 2011, с. 125].

Ярким примером применения «мандатов» в экспроприационной деятельности может служить дело о попытке хищения у дворянки Ададуровой, проживающей в городе Кромах, 1 000 рублей 29 ноября 1907 г. Через дворника было передано письмо с требованием выделить на революционную деятельность сумму в размере одной тысячи рублей. Все это сопровождалось угрозой: «Смерть или деньги. Орловская федеративная группа анархистов-коммунистов»⁷⁷. Жандармским управлением за это преступление был арестован местный житель А.М. Говняков. При обыске у арестованного были найдены чернила, которыми писалось письмо, стихи собственного сочинения и револьвер с одной пулей.

1 марта 1907 г. «мандат» получил арендатор мануфактурного магазина в городе Бежице. Послание было подписано «анархисты-коммунисты Бежицкой группы» [Кляченков]. Арендатору магазина предлагалось выделить революционерам сумму в 1 000 рублей. Сумму предлагалось передать членам группы в указанном месте. Во время облавы были арестованы местные крестьяне Ельнинского, Карачевского и Жиздринского уездов. При себе задержанные имели оружие.

Активно вели анархисты на территории Орловской губернии и террористическую деятельность. Большое распространение метода террора среди анархистов связано в первую очередь с тем, что огромное влияние на молодых русских анархистов оказывали их французские «старшие братья». Исследователь анархизма П. Рябов [Рябов, 2020] отмечал, что многие члены нового анархистского движения развивались под мощным влиянием «ревшолевщины»⁷⁸.

Вообще террор как метод политической борьбы был весьма распространен в период Первой русской революции среди всех революционных организаций. Террористические акты в этот период имеют широкий размах. Исследовательница А. Гейфман в своей работе, посвященной терроризму в Российской империи, приводит следующие данные: «в годы первой русской революции 1905–1907 гг. жертвами террористов различной партийной принадлежности стали 4 500 государственных служащих, а всего с 1901–1911 жертвами террора стали около 17 тысяч человек» [Гейфман, 1997, с. 22].

Мотивами применения террора для анархистов являлись как революционные цели (пропаганда действием), так и личные мотивы. К пропагандистским целям терроризма можно также отнести попытки анархистов прославиться среди угнетаемых фабричным руководством рабочих.

Также террор применялся анархистами как инструмент запугивания. Так, например, во время слушанья дела об ограблении мещанина А. Акимова за участие в этом слушанье 1 ноября 1907 г. было совершено покушение на самого пострадавшего. Также во время этого судебного процесса 11 октября 1906 г. был убит помощник директора Брянского завода А.В. Морозов. Преступников так и не удалось найти. До конца не известно, было ли это убийство совершено анархистами или местными максималистами. А.В. Морозов принимал участие в обвинении анархистов по делу А. Акимова. Однако, по данным полиции, «убийство Морозова политического характера не имело, и, по имеющимся сведениям, Морозов был убит за то, что занимался увольнением рабочих, брал взятки»⁷⁹.

Вообще целью террористических актов часто становились именно служащие заводов. Примером такого может служить убийство 13 января 1907 г. помощника заводского пристава Надольского [Кляченков].

⁷⁷ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 401. Л. 3.

⁷⁸ От имени французского анархиста-бомбиста Ревашоля.

⁷⁹ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 396. Л. 417.

Большой резонанс вызвало убийство 27 марта 1907 г. ротмистра П.В. Аргамакова, начальника брянского отделения Московско-Киевского жандармского отделения железных дорог⁸⁰. При совместной работе местного отделения полиции и московского сыскного отдела за это преступление был арестован анархист Ю.Д. Краснощеков. После его ареста и благодаря его показаниям жандармское управление совершило облаву на львовских анархистов. В результате при задержании был убит анархист С. Климов, а хозяин явочной квартиры Иван Лобачев был арестован.

5 января 1909 г. Ф.Д. Краснощеков был повешен за убийство П.В. Аргамакова и ряд других преступлений [Квасов, 2005, с. 70].

3 января 1908 г. в Брянском уезде, в деревне Кирилловские Выселки анархистами был убит мещанин Я. Марченков. Жандармское управление называло мотивом убийства Я. Марченкова «личную месть анархистов» за соучастие того в арестах местных анархистов-коммунистов [Квасов, 2005, с. 211].

16 апреля 1908 г. в Брянске 17-летним рабочим М.А. Епиховым был убит пристав Бежицкого завода А.Н. Цешковский. Мотивом данного преступления, со слов самого преступника, было приобретение доверия со стороны местных анархистов, чтобы вступить в организацию анархистов-коммунистов [Квасов, 2005, с. 75].

Подобная активная деятельность анархистов, конечно, не проходила незамеченной для местного жандармского управления. Самые крупные анархистские организации просуществовали недолго. «Брянская федеративная группа анархистов-коммунистов» – с 1907 по 1908 гг. Группа была разгромлена Жандармским управлением после убийства А.Н. Цешковского. Аресты членов группы были проведены 30 июня 1907 г. на похоронах одного из членов группы А. Данилова, совершившего самоубийство 27 июня во время задержания. Сам А. Данилов подозревался в участии нападения на кассира Ивотской фабрики и убийстве одного из сотрудников, охраняющих кассира при перевозке денег, М. Евдокимова. Арест произошел силами полиции и казаков, после того как на гробе умершего агентами был замечен веночек с аббревиатурой Ф.Г.А.К. (Федеративная группа анархистов-коммунистов). По подозрению в членстве в данной группе было арестовано 60 человек, что говорит о довольно большой популярности организации⁸¹. Однако обвинение было вынесено лишь восьмерым.

Вторая крупная анархистская организация: «Брянская федерация анархистов-коммунистов» была образована в 1908 году. Инициатором создания являлся прибывший в Брянск анархист П. Аршинов (Михаил «Гуляк»). Просуществовала группа до августа 1910 г. [Гуларян, 2015, с. 242]. Причем при разгроме федерации анархистов-коммунистов в августе 1910 года выяснилась связь брянских анархистов с московскими товарищами. А в самом Брянске была обнаружена лаборатория для изготовления взрывчатых веществ. По делу «федерации» было задержано 20 человек, в основном служащие завода, ученики железнодорожных мастерских, мещане, крестьяне. Возраст арестованных анархистов колебался от 17 до 35 лет⁸². Руководитель группы, 26-летний Григорий Ипатов, погиб 31 августа 1910 г., попав в засаду, выставленную Орловским ГЖУ на хуторе у А.П. Струменщикова⁸³.

Следует уточнить, что проведенная облава на анархистов Брянска была частью большой операции царской охраны по ликвидации выявленных анархистских групп. В ходе допросов и дознаний было установлено, что, помимо экспроприаций, члены федерации намеревались совершить несколько громких террористических актов. Согласно дан-

⁸⁰ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 461. Л. 15.

⁸¹ Там же. Д. 396. Л. 220.

⁸² Там же. Д. 577. Л. 70.

⁸³ Там же. Д. 473. Л. 10.

ным Департамента полиции, в намерения анархистов входило: «бросить бомбу в Большом театре в городе Москве; произвести взрыв на заседании Государственной думы»⁸⁴.

Таким образом, именно в Брянске были образованы самые крупные и организованные анархистские организации. Это было вызвано рядом факторов. Во-первых, Брянск был самым крупным промышленным центром Орловской губернии с большим количеством пролетариев, и террор, направленный против фабрикантов, являлся типичной для анархистов пропагандой «прямого действия». Во-вторых, «Брянское акционерное общество» владело не только металлургическим заводом в Брянске, но и в Екатеринославле, где в изучаемый нами период анархисты имели большую популярность среди рабочих. В самом Екатеринославском «Брянском заводе» существовала многочисленная анархистская федерация [Полонский, 2017, 64]. Согласно воспоминаниям самих анархистов, рабочие «Брянского завода» поддерживали радикальную тактику анархистов и выступали против умеренной деятельности социал-демократов: «Социал-демократы столько лет работают, все ничего сделать не могут, анархисты только что появились, а уж сколько сделали!» [Горев, 1930, с. 72].

Разгром брянских анархистов в 1910 г. стал сильным ударом для анархистского движения в губернии. В Брянске продолжала существовать небольшая группа анархистов-коммунистов, однако террористической деятельности больше не вела, занимаясь пропагандой, продолжая агитировать рабочих Брянского завода. Влияние анархистов на революционные массы в уезде было весьма сильным, и в 1917 г., после Февральской революции, местные анархисты перешли на вполне легальные позиции.

В самом Орле террористическая деятельность анархистов в изучаемый нами период не проявлялась. По воспоминаниям некоторых участников событий, в революционный период орловские анархисты занимались перевозом оружия по железной дороге для московских анархистов. Имеются также сведения о совместной работе орловской федерации с тульскими анархистами при перевозке необходимого московским товарищам вооружения [Боровой и др., 1926, с. 318]. Согласно воспоминаниям участника анархистского движения в России В. Худолея, к 1917 г. «анархистов в Орле было человека три» [Боровой и др., 1926, с. 322].

Заключение

Таким образом, проанализировав деятельность анархистов в Орловской губернии, мы пришли к следующим выводам:

1. Центром анархистского движения в губернии был Брянский уезд.
2. Основной деятельностью анархистов в губернии были экспроприации, фабричный и индивидуальный террор.
3. Основными мотивами анархистского террора были пропаганда, запугивание губернских и заводских властей, личные мотивы.
4. Целями анархистского террора в основном становились местные купцы, члены заводских администраций.
5. Спад террористической деятельности анархистов в губернии приходится на 1910 г. после разгрома Жандармским управлением основных анархистских групп.
6. Анализ списков лиц, арестованных за участие в анархистских организациях, показал социальный состав анархистского движения в губернии. Членами анархистских групп являлись крестьяне, рабочие местных заводов, подмастерья, мещане, представители интеллигенции.

⁸⁴ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 473. Л. 10.

Список источников

- Донесения помощников начальника Орловского ГЖУ, исправников и др. об убийствах жандармов и полицейских, экспроприациях, пожарах. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО) Ф. 883. Оп. 1. Д. 396.
- Дело о Говнякове А.М., обвиняемом в принадлежности к партии анархистов. ГАОО Ф. 883. Оп. 1. Д. 401.
- Обзор деятельности Орловского организации РСДРП и партии эсеров с 1 октября 1906 г. до 1 апреля 1907 г., списки членов партии РСДРП и партии эсеров по Орловской губернии. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 461.
- Циркуляры Департамента полиции о деятельности партии анархистов-коммунистов и о розыске ее членов. ГАОО Ф. 883. Оп. 1. Д. 473.
- Дело об аресте членов Брянской группы партии анархистов-коммунистов. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 577.

Список литературы

- 1905 год в Орловском крае. 1926. Орел, Истпартотдел Орловского губкома ВКП(б), 120 с.
- Боровой А.А. 1926. Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. Сборник статей под редакцией Алексея Борового. Москва, Голос труда, 340 с.
- Гаврилюк И.В. Экономическое положение орловского крестьянства накануне первой российской революции 1905–1907 гг. Вестник ТГУ. 2010. 3: 321–327.
- Гейфман А. 1997. Революционный террор в России 1894–1917. Москва, Крон-пресс, 448 с.
- Горев Б.И. 1930. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., Молодая гвардия, 143 с.
- Гулярян А.Б. 2015. Дореволюционные самодеятельные общественные организации Орловской губернии: словарь-справочник. Орел, Изд-во ФГБОУ ВО Орловский ГМИ, 498 с.
- Гулярян А.Б. 2011. Революционеры и жандармы в российской провинции. На материале Орловской губернии 1894–1914 гг. Орел, изд-во Орел ГАУ, 166 с.
- Ермаков В.Д. 1996. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX веков). Санкт-Петербург, Нестор, 325 с.
- Квасов О.Н. 2005. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.) Воронеж, Воронежский государственный университет, 224 с.
- Кляченков Е.А. Брянские анархисты в начале XX века [Электронный документ]. URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/anarhisty> (дата обращения: 09.01.2023).
- Кривенький В.В. 2018. Анархистское движение в России в первой четверти XX века: теория, организация, практика. М., Политическая энциклопедия, 430 с.
- Оболенский В.А. 1988. Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS, 754 с.
- Полонский И. 2017. Безначальцы и чернознаменцы. Анархисты начала XX века против Российской империи. Москва, «Издательские решения», 132 с.
- Рябов П.В. 2020. Краткий очерк истории русского анархизма. От Феодосия Косого до Алексея Борового. Москва, Common place, 383 с.
- Статистика землевладения 1905 г. Вып. 24. Орловская губерния. 1906. Санкт-Петербург, 51 с.

References

- 1905 god v Orlovskom krae. 1926. [1905 in the Orel region] Orel, Istpartotdel Orlovskogo gubkoma VKP(b), 120 s.
- Borovoj A.A. 1926. Mihailu Bakuninu. 1876–1926. Ocherki istorii anarhicheskogo dvizheniya v Rossii [Mikhail Bakunin. 1876–1926. Essays on the History of the Anarchist Movement in Russia]. Sbornik statej pod redakciej Alekseya Borovogo. Moskva, Golos truda, 340 s.
- Gavriilyuk I.V. Ekonomicheskoe polozhenie orlovskogo krest'yanstva nakanune pervoj rossijskoj revolyucii [The economic situation of the Oryol peasantry on the eve of the first Russian Revolution]. 1905–1907 gg. Vestnik TGU. 2010. 3: 321–327.
- Gejfmán A. 1997. Revolyucionnyj terror v Rossii 1894–1917 [Revolutionary Terror in Russia 1894–1917]. Moskva, Kron-press, 448 s.
- Gorev B.I. 1930. Anarhizm v Rossii (ot Bakunina do Makhno) [Anarchism in Russia (from Bakunin to Makhno)]. M., Molodaya gvardiya, 143 s.

- Gularyan A.B. 2015. Dorevolucionnyye samodiyatel'nye obshchestvennyye organizatsii Orlovskoy gubernii: slovar'-spravochnik [Pre-revolutionary amateur public organizations of the Orel province: dictionary'-reference book]. Orel, Izd-vo FGBOU VO Orlovskij GMI, 498 s.
- Gularyan A.B. 2011. Revolyucionery i zhandarmy v rossijskoj provincii. Na materiale Orlovskoy gubernii 1894–1914 gg. [Revolutionaries and gendarmes in the Russian province. Based on the material of the Orel province of 1894–1914] Orel, izd-vo Orel GAU, 166 s.
- Ermakov V.D. 1996. Rossijskij anarhizm i anarhisty (vtoraya polovina XIX – konec XX vekov) [Russian anarchism and anarchists (the second half of the XIX – the end of the XX centuries)]. Sankt-Peterburg, Nestor, 325 s.
- Kvasov O.N. 2005. Revolyucionnyj terrorizm v Central'nom Chernozem'e v nachale XX veka (1901–1911 gg.) [Revolucionnyj terrorizm v Central'nom Chernozem'e v nachale XX veka (1901–1911 gg.)]. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 224 s.
- Klyachenkov E.A. Bryanskije anarhisty v nachale XX veka [Bryansk anarchists at the beginning of the XX century]. [Elektronnyj dokument]. URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/anarhisty> (data obrashcheniya: 09.01.2023)
- Kriven'kij V.V. 2018. Anarhistское dvizhenie v Rossii v pervoj chetverti XX veka: teoriya, organizatsiya, praktika [Anarchist Movement in Russia in the first quarter of the XX century: theory, organization, practice]. M., Politicheskaya enciklopediya, 430 s.
- Obolenskij V.A. 1988. Moya zhizn'. Moi sovremenniki [My life. My contemporaries]. Parizh, YMCA-PRESS, 754 s.
- Polonskij I. 2017. Beznachal'cy i chernoznamency. Anarhisty nachala XX veka protiv Rossijskoj imperii [Beznachaltsy and chernoznamentsy. Anarchists of the early XX century against the Russian Empire]. Moskva, «Izdatel'skie resheniya», 132 s.
- Ryabov P.V. 2020. Kratkij ocherk istorii russkogo anarhizma. Ot Feodosiya Kosogo do Alekseya Borovogo [A brief sketch of the history of Russian anarchism. From Feodosiy Kosoy to Alexey Borovoy]. Moskva, Common place, 383 s.
- Statistika zemlevladieniya 1905 g. Vyp. 24. Orlovskaya guberniya [Statistics of land ownership 1905. Issue 24. Orel province]. 1906. Sankt-Peterburg, 51 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.01.2023

Received 12.01.2023

Поступила после рецензирования 06.02.2023

Revised 06.02.2023

Принята к публикации 08.02.2023

Accepted 08.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зубарев Иван Юрьевич, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Ivan Yu. Zubarev, Postgraduate Student of the Department of Russian History of Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0000-0001-6733-138X](https://orcid.org/0000-0001-6733-138X)

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-173-184

Оригинальное исследование

«Недели помощи фронту» в годы Гражданской войны (на примере Ярославской губернии)

Ионов А.Н.

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Большая Октябрьская, д. 67а
E-mail: yaralek@mail.ru

Аннотация. В научной статье на основе архивных источников и публикаций местной печати рассматривается история проведения «недель помощи фронту» в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) на территории Ярославской губернии. Недели помощи были призваны улучшить непростое материальное и продовольственное положение РККА. В сборе продуктов, вещей, денег были задействованы разные группы населения Ярославской губернии. Агитационно-пропагандистская политика большевиков была направлена как на максимизацию пожертвований, так и на разъяснение политической повестки населению. В статье рассматриваются особенности работы местных комиссий по помощи фронту, порядок проведения мероприятий в городах и сельской местности, сложности проведения кампаний. По итогам статьи сделаны выводы о результатах и значении недель помощи фронту.

Ключевые слова. РККА, недели помощи, агитация и пропаганда

Для цитирования. Ионов А.Н. 2023. «Недели помощи фронту» в годы Гражданской войны (на примере Ярославской губернии). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 173–184. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-173-184

«Weeks of Assistance to the Front» During the Civil War (on the Example of the Yaroslavl Province)

Alexey N. Ionov

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense,
67a Bolshaya Oktyabrskaya St., Yaroslavl 150000, Russia
E-mail: yaralek@mail.ru

Abstract. The scientific article based on archival sources and publications of the local press examines the history of the «weeks of assistance to the front» during the Civil War (1917–1922) on the territory of the Yaroslavl province. Weeks of assistance were designed to improve the difficult material and food situation of the Red Army. Different groups of the population of the Yaroslavl province were involved in collecting food, goods, and money. In addition to the purely practical goal of winning the war at any cost, the weeks of aid carried a characteristic ideological message of the bond of workers, peasants and intellectuals with the Workers' and Peasants' Red Army (Red Army). The Bolsheviks' agitation and propaganda policy was aimed both at maximizing donations and explaining the political agenda to the population. The article deals with the specifics of the work of local commissions to help the front, the order of events in cities and rural areas, the complexity of campaigns. Based on the results of the article, conclusions are drawn about the results and significance of weeks of assistance to the front.

Keywords: Red Army, weeks of assistance, agitation and propaganda

For citation: Ionov A.N. 2023. «Weeks of Assistance to the Front» During the Civil War (on the Example of the Yaroslavl Province). Via in tempore. History and political science. 50 (1): 173–184 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-173-184

Введение

Гражданская война 1917–1922 гг. является одним из наиболее драматичных событий отечественной истории. Политический, социально-экономический, духовный надлом, произошедший в российском обществе, определил непростой и крайне противоречивый вектор развития страны в XX столетии. Для победы в затяжном конфликте большевиками осуществлялась планомерная агитационно-пропагандистская политика, направленная на расширение числа собственных сторонников, а также на решение конкретных проблем советского строительства. Ярким эпизодом подобных агиткампаний стали проводимые в масштабах страны «недели помощи»: неделя помощи голодающим, топливная неделя, неделя помощи школе, неделя профсоюзов, партийная неделя и т. д. «Недели помощи фронту» были призваны улучшить тяжелое положение красноармейцев, остро нуждавшихся в обмундировании, продовольствии, вооружении. Помимо сугубо практической цели – победы в войне любой ценой, недели помощи несли в себе характерный идеологический посыл смычки рабочих, крестьян и интеллигенции с Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА).

Кампании в пользу фронта изучались еще советскими исследователями, рассматривавшими агитационно-пропагандистские мероприятия периода Гражданской войны через призму партийного строительства [Деркач, 1940; Женжеруха, 1971]. Статьи современных авторов затрагивают региональные аспекты проведения недель помощи, а также поддержку Красной Армии отдельными социальными слоями и организациями [Бурева, 2014; Дианова, 2015; Голубев, 2017; Тишкина, 2021]. Некоторые исследователи весьма критично оценивают недели фронта, да и в целом агитационно-пропагандистские кампании большевиков [Шульман, 2004, с. 213]. Другие указывают на важное значение «дней» и «недель» в контексте мобилизации ресурсов для решения наиболее важных задач, стоявших перед новой властью [Киселева, 2011, с. 87]. Проведение недель фронта в масштабах территории Ярославской губернии остается одним из слабоизученных вопросов местной истории. При этом отдельные аспекты помощи «красному фронту» в 1917–1922 гг. упоминалась как советскими, так и современными исследователями [Козлов, Северный рабочий. 26.02.1943; Генкин, 1958; Рязанцев, Салова, 2019а; Рязанцев, Салова, 2019б]. В данной статье предпринята попытка рассмотреть опыт проведения недель помощи фронту в Ярославской губернии – одном из тыловых регионов РСФСР в годы Гражданской войны.

Недели помощи фронту, несмотря на идеологическую подоплеку и трагизм Гражданской войны, являются важным и в то же время характерным эпизодом отечественной истории. Помощь значительной части населения Красной Армии, оказавшейся ближе других сил к победе, стала важным вкладом в дело сохранения страны. Изыскав внутренние резервы, российское общество смогло преодолеть потрясения, ставшие результатом воздействия внутри- и внешнеполитических факторов. Вызовы, стоящие перед современной Россией, солидарность граждан в решении общих проблем придают актуальное звучание изучаемому вопросу в третьем десятилетии XXI столетия.

Объект и методы исследования

Объектом изучения статьи является совокупность агитационно-пропагандистских мероприятий, проведенных в рамках недель фронта в Ярославской губернии. Методологической основой работы стал системный подход, в соответствии с которым недели фронта рассматриваются в контексте политических и социально-экономических событий Гражданской войны. При написании статьи использовались традиционные методы исто-

рического исследования: поиск исторических источников, системный и сравнительный анализ. Историко-генетический метод позволил проследить развитие агитационно-пропагандистских кампаний в пользу фронта.

Источниковую базу исследования составили материалы по истории военного и партийного строительства, сохранившиеся в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), а также его филиале – Центре документации новейшей истории (ЦДНИ ГАЯО). Прежде всего, это документы фонда Р-1431 «Ярославский губисполком» и фонда 1 «Ярославский губком ВКП(б)». Разрозненный, но в то же время достаточно обширный массив документов позволяет составить репрезентативную картину недель помощи. Дополняют архивные материалы заметки местной газеты «Известия Ярославского губисполкома», посвященные подготовке и проведению кампаний в пользу фронта.

Результаты и их обсуждение

В период Гражданской и Советско-польской войны на территории Ярославской губернии было проведено 4 недели помощи в пользу «красного фронта». Это:

1. Неделя обороны (14–20 ноября 1919 г.),
2. Неделя фронта и транспорта (фронтно-транспортная) (23–30 января 1920 г.),
3. Неделя помощи Западному фронту (12–16 июля 1920 г.),
4. Неделя помощи фронту (15–20 октября 1920 г.).

Из указанных четырех кампаний только две имели широкий размах – это январская и октябрьская недели 1920 г. В масштабах этих недель агитационно-пропагандистские мероприятия и материальные сборы охватили большинство уездов губернии.

В организационном плане недели помощи были схожи. В городах (городских районах), уездах и волостях создавались Комиссии помощи фронту (Горуждкомфронта, Уездкомфронта, Волкомфронта, Райкомфронта), деятельность которых была бюрократически централизованна и подчинена Губернской комиссии (Губкомфронт). На заседаниях Комиссий определялись сроки и порядок проведения мероприятий, утверждались инструкции, осуществлялась координация действий местных культурно-просветительных сил. Комиссии отвечали за сбор, хранение и учет продуктов и вещей. В их состав входили представители местных советских учреждений, военкоматов, а также члены РКП(б). Представителям партии отводилась ключевая роль в организации массовой агитации, в частности, из числа коммунистов назначались руководители проводимых концертов, митингов и спектаклей. Все товарищи, умевшие выступать на митингах и вести беседы, «независимо от должности», ставились на учет и не имели права покидать район агитации без разрешения райкома. Сведения о невыполняющих задания и уклоняющихся от партийной обязанности сообщались в местные Комиссии помощи. По сути, была объявлена мобилизация местных коммунистов на агитационный фронт.

Каждая из проведенных недель фронта имела идеологическое обоснование и отражала наиболее животрепещущие для советского государства вопросы [Шульман, 2004, с. 210]. Так, недели обороны, фронта и транспорта были приурочены к поворотному моменту Гражданской войны – победе к концу 1919 г. над наиболее крупными силами Белого движения. Кампания помощи Западному фронту проводилась в поддержку борьбы с «панской Польшей». Наконец, октябрьская неделя 1920 г. посвящалась одному из завершающих этапов Гражданской войны – разгрому Врангеля. На страницах местных газет разъяснялись конкретные действия советских граждан, соответствующие каждой неделе помощи. Так, во время недели обороны ярославцам предлагалось вступать в «красные рабочие батальоны», а тем, кто не может воевать на фронте, – «удесятерить» работоспособность в тылу⁸⁵. В канун фронтно-транспортной недели задачи рабочих сводилась к 5 пунктам: 1) пополнение поредевших рядов РККА, 2) борьба с дезертирством, 3) поднятие про-

⁸⁵ Известия Ярославского губисполкома. 1919. 17 ноября.

изводительных сил, 4) «жесточайшая борьба с внутренними врагами»: холодом, голодом, эпидемией, 5) борьба с разрухой на транспорте, саботажем и разгильдяйством⁸⁶. В дни недели помощи Западному фронту прозвучал призыв пополнения фронта новыми бойцами из числа граждан, «горящих священным пламенем гнева против буржуазии»⁸⁷. Центральным посылом осенней кампании стал вопрос об усилении снабжения Красной Армии теплой одеждой: «...Англия, испугавшись поражения Врангеля, шлет ему пароходы с оружием. Поможем и мы Красной Армии. Пошлем героям красноармейцам обувь и одежду, поможем им, обутым и согретым, сильнее нажать и раздавить барона»⁸⁸. Помимо газет, подобные призывы тиражировались через многочисленные плакаты и листовки. Только в ходе проведения фронто-транспортной недели в Рыбинском уезде было разослано и расклеено порядка 18 000 экземпляров листовок и воззваний⁸⁹.

Митинговая форма являлась наиболее распространенной формой агитации, не требовавшей от организаторов серьезных финансовых затрат. С самого начала недель фронта в Ярославской губернии был взят курс на массовость агитмероприятий: «Митинги устраивать в каждом селе, деревне, местечке не менее 3 раз в неделю... развив до максимума пропаганду»⁹⁰. На практике далеко не везде получилось выдержать подобные масштабы. Если в городах многие митинги проходили при большом стечении народа (например, на митингах 14 ноября 1919 г. на Механическом заводе и Ярославской Большой мануфактуре присутствовало до 3 тыс. человек), то в сельской местности наблюдалась несколько иная картина. Так, в крупном ярославском селе Курба на агитмероприятии, приуроченном к неделе обороны, присутствовало около 100 человек, большую часть из которых составили старики⁹¹. В находящихся по соседству Спас-Ярыжницах из 200 пришедших основную массу составили женщины, а в селе Пажа – исключительно женщины и дети⁹². Подобный крестьянский абсентизм, как отмечают исследователи, был характерным явлением в рассматриваемый период [Соколов, 2014, с. 102].

Имели место случаи срыва митингов вследствие опоздания либо не приезда выступающих, а также из-за несвоевременной рассылки оповещений. В то же время во множестве населённых пунктов крестьяне выдвигали претензии к новой власти, и агитповестка «тонула» в массе злободневных вопросов. Например, на митинге в Куриловской школе Норской волости был поднят вопрос об отсутствии свободного подвоза продуктов⁹³. В расположенном рядом с Ярославлем селе Крест была задана «масса вопросов»: «Почему неравномерно распределяют продукты между городом и деревней?», «Что такое коммунизм?», «Почему крестьян призывают в коммуны и какое от этого может быть улучшение?». Раздражение местных жителей вызвал факт закрытия местной школы и подозрение местного коммуниста в растрате общественного хлеба. При этом на призыв записываться в Красную Армию местные мужчины заявили, что «их сыновья и братья уже там сражаются»⁹⁴.

Нельзя сказать, что отношение крестьян к кампаниям помощи фронту было исключительно прохладным. Сотни сохранившихся подписных листов, резолюций деревенских и сельских сходов свидетельствуют о широком сочувствии положению красноармейцев. Сама идея помощи «рабоче-крестьянской» армии многими расценивалась как помощь

⁸⁶ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 6 января.

⁸⁷ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 11 июля.

⁸⁸ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 2 ноября.

Здесь и далее при цитировании сохранены стиль и орфография первоисточников.

⁸⁹ Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (далее ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 278.

⁹⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 152. Л. 119.

⁹¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 278. Л. 35.

⁹² Там же. Л. 20, 31.

⁹³ Там же. Л. 32.

⁹⁴ Там же. Л. 40.

своим родственникам, детям, защищающим границы советского государства. Однако в характере оказания этой помощи нашла свое отражение непростая социально-экономическая и политическая обстановка, сложившаяся в Ярославской губернии в 1919–1920 гг. Масштабные экспроприации продовольствия, проведение очередного призыва, облавы на дезертиров привели к широкомасштабным волнениям и партизанской войне в ряде уездов [Шанина, 1919]. Итогом подавления восстаний стали массовые расстрелы крестьян (не менее 300 человек), а также контрибуции, наложенные на «провинившиеся» волости [Данилов, 2013, с. 101–134]. И здесь кампании помощи оказались тем важным каналом, через который осуществлялся мирный диалог между крестьянами и представителями власти. Жалобы на «жандармские действия» продармейцев, пассивность местных властей и просто «жизненные» проблемы оказались высказаны десяткам агитаторов. Зачастую агитатор ассоциировался деревней как человек, способный восстановить справедливость в конкретной местности. При этом, как правило, крестьяне не выдвигали к ним каких-то радикальных требований. Используя демонстративную лояльность, они пытались обратить на себя внимание властей. Данная позиция сельского общества была весьма конструктивна [Соколов, 2014, с. 125].

Практической стороной недель фронта стала организация денежных, вещевых и продуктовых сборов. Денежные сборы проводились в масштабах предприятий, организаций, советских и партийных учреждений, военных формирований, домовых комитетов и отдельных домовладений. По их итогам составлялись подписные листы, заверенные ответственными лицами. Основными формами денежных сборов являлись: 1. Процентные (однодневные) отчисления жалования. 2. Денежные сборы по подписным листам. 3. Кружечный сбор. 4. Денежные поступления с митингов и культурно-массовых мероприятий.

Процентные (однодневные) отчисления жалования стали наиболее распространенной формой денежных поступлений. Основанием для их проведения являлись постановления трудовых коллективов. Размер соответствующих вычетов рассчитывался исходя из зарплаты работника. При месячном окладе сотрудника Ярославского губернского управления по делам пленных и беженцев в 2 200 руб. в пользу фронта удерживалось 88 руб.⁹⁵ Процентные сборы могли достигать внушительных масштабов. Например, во время фронто-транспортной недели рабочими и служащими Тутаевской прядильно-ткацкой фабрики было собрано 94 459 руб. 48 коп. Также по Тутаевскому уезду был удержан однодневный заработок: 2 723 руб. – с работников местного исполкома, 2 627 руб. 26 коп. – со служащих судебных учреждений, 1 716 руб. 69 коп. – с коллективов I, II и III советских школ города, 1 185 руб. 91 к. – со служащих уездлескома⁹⁶.

Важным источником поступлений были пожертвования, собранные по подписным листам. Организация этих жертвований лежала как на самих гражданах, так и на специальных агитационных группах, действовавших в районах сбора. Так, в осеннюю кампанию 1920 года город Данилов был разбит на 4 района (по числу райкомов), в каждом из которых создавалась группа сборщиков в составе местных коммунистов, советских служащих, а также представителей Союза работников просвещения. В сельской местности в каждый район назначались представители волисполкома и местной ячейки РКП(б), которые совместно со сборщиками из числа служащих советских учреждений и учительской интеллигенции осуществляли объезд населения. Относительно размера пожертвований действовал традиционный принцип «кто сколько может». Например, жители домкома № 5 по Мологской улице в Ярославле в январскую кампанию 1920 г. жертвовали 25, 45, 50 и даже 250 руб., собрав сумму 930 руб.⁹⁷ Фамилии отдельных граждан, пожертвовавших наиболее крупные суммы, публиковались на страницах местной газеты. Например, в но-

⁹⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 448. Л. 7–7 об.

⁹⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 270. Л. 119, 141–142 об., 143, 177–177 об., 207.

⁹⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 448. Л. 8.

мере «Известий Ярославского губисполкома» от 31 января 1920 г. упоминается некий гражданин Шульц, пожертвовавший 350 руб.⁹⁸ Осенью 1920 г. с учетом инфляции встречались пожертвования в 1 000, 1 500 и даже в 4 000 руб.⁹⁹ В ходе сбора пожертвований практиковались и так называемые «штрафы за рукопожатие»¹⁰⁰. Сохранились подписные листы подобных штрафов, собранных отдельными агитаторами, а также отчеты, предоставленные коллективами предприятий, организаций и советских учреждений. Как правило, это были незначительные суммы – например, в счет январской кампании 1920 г. тутавским агитатором Николаевым было сдано 605 руб., в этот же период коммунистическая ячейка фабрики «Тульма» собрала 90 руб., при этом средний размер штрафа составил 10–20 руб. с человека¹⁰¹.

Широкое распространение получил кружечный сбор. Количество выпущенных кружек зависело от размеров населенного пункта. Так, в Ростове в ходе осенней недели помощи 1920 г. было выпущено шесть кружек, соответствующих числу районов города. Для сбора денег использовались как кружки, имевшиеся в распоряжении местных ячеек РКП(б), так и аналогичные копилки из прочих учреждений. В деревне дозволялось использовать деревянные кружки. Главным критерием при данном виде сборов был факт запечатывания кружки и ее публичное вскрытие в присутствии членов местной Комиссии. Масштабы кружечных сборов существенно различались. В частности, в Тутаве в ходе январской недели помощи фронту кружечным сбором получили внушительные 25 370 руб. 88 коп.¹⁰² В то же время в отдельных районах сельской местности кружечные сборы не проводились.

Денежные сборы поступали от спектаклей, концертов, танцевальных вечеров и прочих увеселительных мероприятий, неизменно сопровождавших многочисленные митинги. Только в 1 городском районе Ярославля в ходе январской недели фронта было проведено 67 митингов, спектаклей, концертов¹⁰³. Активно устраивало подобные мероприятия военное ведомство. В частности, в клубе имени Троцкого при Отдельном рабочем батальоне и авиаскладе было устроено 2 платных митинг-концерта, митинг-спектакль и 2 вечера без митингов, а также один бесплатный кинематограф. Выручка от этих мероприятий составила 28 947 руб.¹⁰⁴ Доходы от увеселительных мероприятий зачастую еле перекрывали суммы, затраченные на их устройство. Концерт-митинг, устроенный 30 января 1920 г. Культурно-просветительной комиссией Ярославского потребительского общества, принес лишь 4 671 руб. 38 коп. чистой прибыли при валовом сборе порядка 31 тыс. руб.¹⁰⁵ Основная часть выручки ушла на «устройство мероприятия»: гонорары артистам, подготовку и уборку помещений, работу буфета и т. п. Иногда в подобных случаях артисты отказывались от своей зарплаты, перечисляя заработанные деньги в пользу Красной Армии. Далеко не все граждане считали морально оправданным совмещение кампаний в пользу Красной Армии с «лихой танцулькой». Однако вопреки звучащим возражениям «развлекательная часть» сохраняла свои прочные позиции в проводившихся агитационных мероприятиях. Репертуар постановок зачастую оставался далеким от революционной тематики. Например, во время недели Западного фронта в Даниловском народном доме зрителю были представлены спектакли с названиями: «За чем пойдешь, то и найдешь», «Нож моей жены», «На маневрах», «Кручина»¹⁰⁶.

⁹⁸ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 31 января.

⁹⁹ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 17 октября.

¹⁰⁰ «Штраф за рукопожатие» – характерная примета 1920-х гг., когда в рамках борьбы с острозаразными заболеваниями по инициативе наркома здравоохранения Н.А. Семашко был введен официальный запрет на приветствие в форме рукопожатия.

¹⁰¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 270. Л. 29–29 об., 96.

¹⁰² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 212. Л. 163 об.

¹⁰³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 119.

¹⁰⁴ Там же. Л. 138 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 48.

¹⁰⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 181. Л. 11.

Практической составляющей помощи фронту стали вещевые и продуктовые сборы. Населению региона «без всякого на то принуждения» предлагалось жертвовать «кто что может»: от одной пары портянок или носков до картофеля, муки и сметаны. Было решено устроить приемные пункты, список которых доводился до граждан. В сельской местности сбор осуществлялся посредством объезда поселений специальными фурами. После соответствующего учета собранное свозилось на склады Губкомфронта. Устанавливался порядок приема/сдачи вещей и продуктов, а также их учета с заполнением соответствующих документов.

Все собранное и учтенное в неделю фронта распределялось на три категории: а) скоропортящиеся продукты (творог, яйца и т. д.); б) съестные припасы (хлеб, сухари, мука и т. д.); в) обмундирование, снаряжение, оружие и белье. Скоропортящиеся товары должны были распределяться в соответствии с пропорцией: 10 % масла, 50 % яиц – на нужды местных лазаретов, приютов и семей красноармейцев, оставшееся количество – в распоряжение Губкомфронта и в испытывавший продовольственный дефицит Ярославль. Хлеб, мука, мясные продукты через Губкомфронт направлялись для усиления питания раненых красноармейцев. Собранная одежда, снаряжение и в целом непродовольственная составляющая направлялись в распоряжение местных военкомов. На практике значительная часть собранного распределялась на местах. Так, в Тутаеве местная Комиссия распорядилась сдать в военный лазарет имевшуюся чайную посуду, подушки, одеяла, наволочки, полотенца, белье, обувь и т. д. Также находящимся в лазарете полагалось 30 кисетов, 25 коробок спичек, а даже по одной пачке папирос и восьмушке табаку на человека. Собранное военное обмундирование было сдано в местный отдел снабжения¹⁰⁷.

Основными продуктами, жертвуемыми гражданами, являлись картофель, овес, мука и сухари. При этом характер продуктов, собранных в разных районах, мог отличаться. Так, в лесном Любимском уезде в ходе фронто-транспортной недели было получено 3 пуда 12 фунтов сушеных грибов, в луговом Мологском – 12 пудов 34 фунта льна, 22 фунта клюквы, а в огородной Угодичской волости Ростовского уезда – 376 пудов 20 фунтов картофеля, 38 пудов 10 фунтов свеклы, 24 пуда 24 фунта лука¹⁰⁸. Характерным пожертвованием являлись табак и махорка. Правда, в силу дефицита размеры подобных сборов колебались – от 9 пудов в имевшем табачные фабрики Ярославле до 4 чашек в аграрном Мологском уезде¹⁰⁹. Жертвовалась одежда всевозможных типов и фасонов: теплая верхняя, рубашки, шаровары, кальсоны, пиджаки, рукавицы, валенки, обмотки и т. д. Причем это были как совершенно новые, так и сильно изношенные вещи. Собирались предметы личного обихода: полотенца, носовые платки, кисеты, трубки и мундштуки, книги и даже альбомы с открытками. В целом характер собранного достаточно ярко отражал добровольно-принудительный подход, взятый на вооружение местными властями. Некоторые граждане были вынуждены жертвовать хотя бы что-то, лишь бы их оставили в покое. Кроме того, за весь период сборов практически не встретилось информации о, казалось бы, крайне необходимом для армии оружии. По итогам работы Рыбинской комиссии, за январскую неделю фронта был сдан только 1 штык и 34 патрона¹¹⁰.

Распределение вещей и продуктов стало местом для злоупотреблений. Сохранилась свидетельство о «ненормальностях», произошедших в 23 госпитале Рыбинска, в результате чего был снят с должности и предан партийному суду местный военный комиссар¹¹¹. Встречались случаи насильственной реквизиции продуктов, как это произошло в Тутаеве. Здесь начальником местной милиции были изъяты сухари, перевозимые гражданками

¹⁰⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 212. Л. 162

¹⁰⁸ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 286, 278, Д. 118. Л. 47–47 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 119, 278.

¹¹⁰ Там же. Л. 42 об.

¹¹¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 274 об.

Пошехоно-Володарского уезда своим мужьям и другим лицам, находившимся на принудительных работах в Ярославле¹¹².

Свой вклад в оказание помощи Красной армии внесли местные военные. В период с 23 января по 3 февраля 1920 г. только формированиями 1-го района Ярославля было собрано порядка 795 457 руб.¹¹³ Расквартированный в городе 6 стрелковый запасной полк пожертвовал 51 пуд печеного хлеба, 9 пудов сахара, 2 913 коробков спичек, а местный территориальный полк, помимо прочего, собрал 19 828 руб. 54 коп. деньгами¹¹⁴. Впечатляющими выглядели пожертвования 139 Отдельного стрелкового батальона ВОХР, в частности его ростовского отряда: 38 пудов муки, 3 пуда сахара, 1 пуд табака, а также 47 334 руб. деньгами¹¹⁵. Зачастую на пожертвования шло буквально последнее. Так, красноармейцы Отдельной запасной понтонной роты, расположенной в Тутаеве, в январе 1920 г. отдали на нужды фронта свой однодневный заработок в размере 5 903 руб. 91 коп., а также порядка 30 фунтов муки и 12 фунтов табака¹¹⁶. При этом положение самой роты было крайне тяжелым: «снабжение понтонеров настолько мизерно, что большую часть вечеров им приходится сидеть впотьмах»¹¹⁷. Участвовали военные и в городских субботниках, проводимых во время недель фронта. В дни январской недели красноармейцы Ярославля помогали ремонтировать паровозы и вагоны, расчищали пути у Московского вокзала, работали в трамвайном парке. По результатам работы на станции льдом и снегом был загружен состав из 36 вагонов¹¹⁸. Свою лепту в общие сборы внесли военные-инвалиды. В частности, инвалиды, живущие при Патронате увечных воинов, пожертвовали в счет одной из недель фронта 800 руб.¹¹⁹

Примечательно, но сборы во время недель помощи проводились и в заведениях пениitenciарной системы. Сохранилась информация о вечере в пользу фронта 28 января 1920 г., проведенном в ярославском Лагере принудительных работ, располагавшемся в бывшем Спасо-Преображенском монастыре. Его программа включила спектакль с музыкально-вокальным отделением, поставленный заключенными, танцы до 2 часов ночи, а также лотерею. В вокальном отделении выступила товарищ Александрова, исполнившая под аккомпанемент гитары несколько романсов, вызвавших «теплое сочувствие присутствующих». Отмечалось, что вечер прошел «с большим подъемом», была получена солидная сумма денег (29 200 руб. 70 коп.) в пользу красных воинов¹²⁰. Вызывает вопрос искренность и добровольный характер пожертвований людей, пострадавших от новой власти.

Привлекались к неделям фронта и дети. В одном из отчетов по городу Пошехонье значилось: «1-й день недели. Митинг в 2-й школе 1-й ступени. На митинге присутствовали учащиеся, учащие и некоторые из родителей. Детям было разъяснено: 1) о значении Красной Армии, 2) кем мы должны быть по отношению к фронту. Дети выразили полную готовность идти на встречу Красной Армии. Было решено поставить спектакль, сбор с которого пошел бы в пользу красного фронта»¹²¹. В дальнейшем к агитационным мероприятиям подключили и самых маленьких: «9-й день. И детский сад не остался глух и он не дремал. За всю неделю фронта детям в форме рассказа объяснено было положение дел в России в настоящую минуту. Поняли малышки; жалко стало им раненых солдатиков – и всю неделю фронта дети несли подарки фронту». Оценка результатов детских акций дава-

¹¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 270. Л. 90–91 об.

¹¹³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 93–162 об.

¹¹⁴ Там же. Д. 447. Л. 75; Д. 448. Л. 61.

¹¹⁵ Там же. Д. 448. Л. 195–195 об.

¹¹⁶ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 270. Л. 218–224.

¹¹⁷ Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. Р-2044. Оп. 1. Д. 944. Л. 4.

¹¹⁸ Известия Ярославского губисполкома. 1920. 10 февраля.

¹¹⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 448. Л. 14.

¹²⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 119.

¹²¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 192. Л. 40–40 об.

лась и в ярославской прессе: «На днях состоялось собрание Р.К.С.М. ... По окончании собрания дети с восторгом начали жертвовать в пользу фронта, некоторые отдали последнее... Всего собрано 6 671 руб. 50 коп. денег»¹²².

Итоги недель фронта достаточно сильно варьировались по уездам, городам и даже отдельным районам. В качестве примера приведем самую репрезентативную январскую неделю 1920 г. По ее результатам в наиболее населенном и зажиточном 1-м городском районе Ярославля было проведено 95 митингов, на которых присутствовало около 28 000 человек, в Райкомфронт поступило 1 637 348 руб. 36 коп. денежных пожертвований¹²³. В других городских районах сборы оказались значительно меньше. Так, в наименее пострадавшем во время июльского восстания 1918 г. и преимущественно рабочем 2-м Закоторосльском районе было собрано 247 393 руб. 70 коп., в Тверицком районе – 173 277 руб. 40 коп.¹²⁴ Общая сумма сборов по всему Ярославлю с учетом денег, перечисленных государственным учреждениями, по состоянию на 12 февраля 1920 г. составила 6 588 527 руб. 79 коп.¹²⁵ Во втором по величине городе губернии Рыбинске в период с 20 января по 2 марта местным Уездкомфронтом было собрано 2 214 620 руб. 13 коп.¹²⁶ При этом из-за морозов в уезде не удалось полностью выполнить намеченную программу¹²⁷. В Тутаеве фронто-транспортная неделя прошла «довольно хорошо», дав свыше 600 000 руб. деньгами, а также 250 пудов картофеля, 150 пар белья, 170 полотенец, 30 шуб, около 2 000 кисетов и т. д.¹²⁸ В Любимском уезде было собрано: деньгами 602 644 руб. 92 коп., а также 279 пудов 76 фунтов картофеля¹²⁹. В Пошехонско-Володарском уезде: 537 025 руб. денег, 121 пуд 20 фунтов картофеля, а также 119 пудов 27 фунтов овса¹³⁰. В Мологском уезде: 204 345 руб. 21 коп. и 185 пудов 45 фунтов картофеля¹³¹. Для уездов, ставших менее чем за год до этого ареной кровопролитной борьбы с «зелеными» повстанцами, подобные сборы представляются своеобразным достижением.

Заключение

Недели помощи фронту стали одним из ярких эпизодов Гражданской войны. Сборы теплых вещей, денег, продовольствия позволили улучшить положение Красной Армии, в том числе воинских частей, лазаретов, находившихся в тылу. Ярославский опыт показал картину достаточно широкой народной помощи – пожертвования в пользу РККА делали крестьяне, рабочие, служащие советских учреждений, красноармейцы. При этом зимняя и осенняя кампании 1920 г., проводившиеся под лозунгом борьбы с контрреволюцией, оказались более существенными по своему масштабу, нежели мероприятия в поддержку советско-польской войны. Наряду с характерной для исторического периода «принудилкой» встречались многочисленные примеры добровольных и довольно крупных пожертвований в пользу фронта. Большую активность при этом проявили жители городов, что обуславливалось социально-экономическими реалиями страны, слабыми позициями большевиков в деревне. Важную роль в проведении сборов сыграла создаваемая на местах система партийных органов, а также сотни агитаторов, отправленных в уезды. Эти шаги позволили не только провести в жизнь идеи помощи фронту, но и максимально развить соответствующую деятельность. В конечном итоге высокая агитационная активность вкупе с планомер-

¹²² Известия Ярославского губисполкома. 1920. 24 октября.

¹²³ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 91.

¹²⁴ Там же. Д. 446. Л. 102; Ф. 126. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

¹²⁵ Там же. Д. 446. Л. 79 об.

¹²⁶ Там же. Л. 45.

¹²⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 278.

¹²⁸ ГАЯО. Ф. Р-2044. Оп. 1. Д. 945. Л. 49–50 об.

¹²⁹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Л. 287–287 об.

¹³⁰ Там же. Л. 278.

¹³¹ Там же. Л. 286.

ной реализацией принятых решений явились важнейшими источниками победы красных сил в Гражданской войне. Рассмотренные в масштабах статьи недели помощи стали одним путей укрепления новой власти в Ярославской губернии, благодаря идеологическому наступлению ускорилось втягивание местного населения в политическую жизнь.

В дальнейшем народная помощь РККА вылилась в ряд кампаний по улучшению обеспечения военных. В течение 1921–1922 гг. на территории Ярославской губернии были проведены неделя помощи красноармейцу тыла, 2 недели достояния красноармейца, неделя помощи Красной Армии. Однако по мере приближения долгожданного мира масштаб проведения этих кампаний начал сокращаться. К 1923 г. основной формой помощи, оказываемой Красной Армией, стало так называемое «красное шефство» – закрепление за отдельными воинскими частями и подразделениями, расположенными в губернии, местных предприятий, учреждений и организаций.

Список источников

- Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2044. Оп. 1. Д. 944. Протоколы заседания комиссии по проведению недели помощи красноармейцу тыла, 1920 г.
- Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2044. Оп. 1. Д. 945. Протоколы общих собраний коммунистов и красноармейцев Понтонной и Караульной рот по организационному вопросу и проведении недели фронта и транспорта, 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 278. Отчеты и доклады агитаторов и пропагандистов о работе на местах по проведению «Недели обороны страны». Сводки о проведении партийной недели по районам и уездам, 1919 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 446. Отчеты, доклады, переписка губернского, уездного и волостных комитетов помощи фронту о проведении «недели фронта», 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 448. Переписка губкома РКП(б) с учреждениями, домовыми комитетами по вопросу проведения «недели фронта». Списки лиц, отчисливших дневной заработок в пользу «недели фронта», 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 192. Переписка с партийными организациями по вопросу проведения «Недели фронта», 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 212. Дело Тутаевского Укома РКП(б). Материалы Комиссии недели фронта, 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 270. Списки по сбору пожертвований в пользу недели фронта, 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 152. Письма, докладные записки, выписки из протоколов ячеек о проведении недели фронта, 1920 г.
- Центр документации новейшей истории ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 181. Подписные листы сбора пожертвований в пользу недели Западного Фронта, 1922 г.
- Известия Ярославского Губернского Исполнительного Комитета (Известия Ярославского губисполкома). 1920. 6 января, 31 января, 10 февраля, 11 июля, 17 октября, 24 октября, 2 ноября, 17 ноября.

Список литературы

- Буреева Е.В. 2014. «День сухаря», «неделя фронта» – советские кампании по борьбе с голодом в период Гражданской войны (на материалах РТ). Современные проблемы науки и образования, 6.
- Генкин Л.Б. Ярославские рабочие в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. Ярославль, Ярославское книжное издательство, 1958, 271.
- Голубев А.С. 2017. Проведение «недели фронта и транспорта» в Псковской губернии в 1920 г. (по материалам отделения документов новейшей истории и по личному составу государственного архива Псковской области). Великая российская революция 1917 г. в контексте региональной истории XX в. Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, ООО Вологодская типография: 151–158.

- Данилов А.Ю. 2013. Гражданская война в Ярославском крае. Страницы военной истории Ярославии: сборник, под ред. В.М. Марасановой. Ярославль, Индиго: 101–134.
- Дианова Е.В. 2015. Участие северной кооперации в неделях помощи Красной армии и укреплении обороноспособности страны. Войны и военные конфликты в истории России: к 70-летию великой Победы. Материалы XIX Всероссийской научно-теоретической конференции. Ответственные редакторы: В.М. Козьменко, В.В. Керов. М., Изд-во РУДН: 112–121.
- Деркач П. 1940. Трудовой героизм и самоотверженность рабочих тыла в годы Гражданской войны. Исторический журнал, 7: 27–33.
- Женжеруха Г.С. 1971. «Великий почин» на родине В.И. Ленина 1919–1920 гг. Краеведческие записки. Ульяновск, 3: 162–190.
- Киселева Е.В. 2011. Формирование образа советской власти средствами агитации и пропаганды: октябрь 1917–1920 гг.: на материалах Орловской и Брянской губерний. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 231.
- Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. 2019. История Ярославского края. От Первой мировой войны до начала XXI века. Ярославль, Канцлер: 74–75.
- Рязанцев Н.П. 2019. Ярославская губерния в годы Гражданской войны. Ярославль, Канцлер, 308.
- Соколов Ю.А. 2012. Конформистское восприятие партийно-государственной пропаганды крестьянством Европейского Севера России в годы Гражданской войны. Ярославский педагогический вестник: Гуманитарные науки. Ярославль, Изд-во ЯГПУ, 3. 1: 27–30.
- Соколов Ю.А. 2014. Политическая агитация и пропаганда в восприятии крестьянства в годы Гражданской войны в России (на материалах Вологодской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 237.
- Тишкина К.А. 2021. «Товарищ! Что ты сделал для Западного фронта?»: Участие жителей Сибири в сборе пожертвований в пользу Рабоче-крестьянской Красной армии (1920). Научный диалог. 11: 482–501.
- Шанина О.Н. 1919. Гражданская война в ярославской деревне. URL: <https://www.yararchive.ru/publications/details/500/> (дата обращения: 06 декабря 2022).
- Шульман М.Г. 2004. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет Советской власти: октябрь 1917–1920 гг.: По материалам Калужской и Тульской губерний. Дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 291.

References

- Bureeva E.V. 2014. «Den' suharja», «nedelja fronta» – sovetskie kampanii po bor'be s golodom v period Grazhdanskoj vojny (na materialah RT) [«Day of the Cracker», «Week of the front» – Soviet campaigns to combat hunger during the Civil War (based on RT materials)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 6 (in Russian).
- Danilov A.Ju. 2013. *Grazhdanskaja vojna v Jaroslavskom krae* [Civil War in the Yaroslavl Region]. *Stranicy voennoj istorii Jaroslavii: sbornik, pod red. V.M. Marasanoj. Jaroslavl', Indigo, 101–134* (in Russian).
- Derkach P. 1940. *Trudovoj geroizm i samootverzhennost' rabochih tyla v gody Grazhdanskoj vojny* [Labor heroism and courage of home front workers during the Civil War]. *Istoricheskij zhurnal*, 7: 27–33 (in Russian).
- Dianova E.V. 2015. *Uchastie severnoj kooperacii v nedeljah pomoshhi Krasnoj armii i ukreplenii oboronosposobnosti strany* [Participation of the Northern cooperation in the weeks of assistance to the Red Army and strengthening the country's defense capability]. *Vojny i voennye konflikty v istorii Rossii: k 70-letiju velikoj Pobedy. Materialy XIX Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii. Otvetstvennye redaktory: V.M. Koz'menko, V.V. Kerov. M., Izd-vo RUDN: 112–121* (in Russian).
- Genkin L.B. *Jaroslavskie rabochie v gody Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii* [Yaroslavl workers during the Civil War and foreign intervention]. *Jaroslavl', Jaroslavskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. 271* (in Russian).
- Golubev A.S. 2017. *Provedenie «nedeli fronta i transporta» v Pskovskoj gubernii v 1920 g. (po materialam otdelenija dokumentov novejshej istorii i po lichnomu sostavu gosudarstvennogo arhiva pskovskoj oblasti)* [Holding of the «week of the front and transport» in Pskov province in 1920 (based on the materials of the department of documents of modern history and personnel of the

- State Archive of the Pskov region)]. Velikaja rossijskaja revoljucija 1917 g. v kontekste regional'noj istorii XX v. Materialy mezhhregional'noj nauchnoj konferencii. Vologda, OOO Vologodskaja tipografija: 151–158 (in Russian).
- Kiseleva E.V. 2011. Formirovanie obraza sovetskoj vlasti sredstvami agitacii i propagandy: oktjabr' 1917–1920 gg.: na materialah Orlovskoj i Brjanskoj gubernij [Formation of the image of Soviet power by means of agitation and propaganda: October 1917–1920: based on the materials of the Orel and Bryansk provinces.]. Dis ... kand. ist. nauk. Brjansk, 231.
- Rjazancev N.P., Salova Ju.G. 2019. Istorija Jaroslavsogo kraja. Ot Pervoj mirovoj vojny do nachala XXI veka [The history of the Yaroslavl region. From the First World War to the beginning of the XXI century]. Jaroslavl', Kancler, 74–75 (in Russian).
- Rjazancev N.P. 2019. Jaroslavskaia gubernija v gody Grazhdanskoj vojny [Yaroslavl province during the Civil War]. Jaroslavl', Kancler, 308 (in Russian).
- Sokolov Ju.A. 2012. Konformistskoe vosprijatie partijno-gosudarstvennoj propagandy krest'janstvom Evropejskogo Severa Rossii v gody Grazhdanskoj vojny [Conformist perception of party-state propaganda by the peasantry of the European North of Russia during the Civil War]. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik: Gumanitarnye nauki. Jaroslavl', Izd-vo JaRGPU, 3. 1: 27–30 (in Russian).
- Sokolov Ju.A. 2014. Politicheskaja agitacija i propaganda v vosprijatii krest'janstva v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii (na materialah Vologodskoj, Severo-Dvinskoj i Cherepoveckoj gubernij) [Political agitation and propaganda in the perception of the peasantry during the Civil War in Russia (based on materials from the Vologda, North Dvina and Cherepovets provinces)]. Dis ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 237 (in Russian).
- Shanina O.N. 1919. Grazhdanskaja vojna v jaroslavskoj derevne [1919. The Civil War in the Yaroslavl village]. URL: <https://www.yararchive.ru/publications/details/500/> (data obrashhenija: 06 dekabnja 2922) (in Russian).
- Shul'man M.G. 2004. Partijno-gosudarstvennaja agitacija i propaganda pervyh let Sovetskoj vlasti: oktjabr' 1917–1920 gg.: Po materialam Kaluzhskoj i Tul'skoj gubernij [Party-state agitation and propaganda of the first years of Soviet power: October 1917–1920: Based on the materials of the Kaluga and Tula provinces]. Dis ... kand. ist. nauk. Kaluga, 291 (in Russian).
- Tishkina K.A. 2021. «Tovarishh! Chto ty sdelał dlja Zapadnogo fronta?»: Uchastie zhitelej Sibiri v sbore pozhertvovaniij v pol'zu Raboche-krest'janskoj Krasnoj armii (1920) [«Comrade! What have you done for the Western Front?»: Participation of Siberian residents in collecting donations in favor of the Workers' and Peasants' Red Army (1920)]. Nauchnyj dialog. 11: 482–501 (in Russian).
- Zhenzheruha G.S. 1971. «Velikij pochin» na rodine V.I. Lenina 1919–1920 gg. [«The Great Initiative» in the homeland of V.I. Lenin 1919–1920]. Kraevedcheskie zapiski. Ul'janovsk, 3: 162–190 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 07.12.2022

Поступила после рецензирования 12.01.2023

Принята к публикации 19.01.2023

Received 07.12.2022

Revised 12.01.2023

Accepted 19.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ионов Алексей Николаевич, доцент кафедры военно-политической работы, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0001-7791-7800](https://orcid.org/0000-0001-7791-7800)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Ionov, docent of the Department of Military and Political Work, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Yaroslavl, Russia

УДК 625.1/.5(4/.5)«1939/1945»

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-185-196

Оригинальное исследование

Организация Советским Союзом эксплуатации зарубежных железных дорог в годы Второй мировой войны

Буряк Ю.Ю.¹ , Шаповалов В.А.²

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, 46;

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: yuriiburyak@mail.ru; Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация. В годы Второй мировой войны руководство СССР в рамках проведения завершающих военных операций по освобождению Центральной и Восточной Европы, а также разгрому Германии и Японии разработало систему управления и эксплуатации железных дорог на территории сопредельных государств. Общая длина используемых на территории 10 государств советскими и местными железнодорожниками магистралей превышала 25 000 км. Также отечественными специалистами контролировались железные дороги Ирана, через который проходил один из ключевых маршрутов ленд-лиза – Персидский. В статье рассматриваются особенности восстановления зарубежных дорог, вертикаль управления и взаимодействия с Народным комиссариатом путей сообщения, Народным комиссариатом обороны и Государственным комитетом обороны СССР. Также представлены данные по объемам перевозок, методике обеспечения скорейшего продвижения воинских контингентов и снабжения всем необходимым подразделений Красной Армии.

Ключевые слова: Красная Армия, военные сообщения, Народный комиссариат путей сообщения, восстановление зарубежных железных дорог, военно-эксплуатационное управление

Для цитирования: Буряк Ю.Ю., Шаповалов В.А. 2023. Организация Советским Союзом эксплуатации зарубежных железных дорог в годы Второй мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 185–196. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-185-196

Operation by the Soviet Union of the Foreign Railways During the Second World War

Yurii Yu. Buryak¹ , Vladimir A. Shapovalov²

¹ Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia;

² Belgorod National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia

E-mail: yuriiburyak@mail.ru; Shapovalov@bsu.edu.ru

Abstract. During the Second World War, the leadership of the USSR, as part of the final military operations to liberate Central and Eastern Europe, as well as the defeat of Germany and Japan, developed a system for managing and operating railways on the territory of neighboring states. The total length of the main lines used by Soviet and local railway workers on the territory of 10 states exceeded 25 000 km. Also, domestic specialists controlled the railways of Iran, through which one of the key lend-lease routes, the Persian one, passed. The article discusses the features of the restoration of foreign roads, the vertical of management and interaction with the People's Commissariat of Communications, the People's Commissariat of Defense and the State Defense Committee of the USSR. Data on traffic volumes,

methods for ensuring the speedy advancement of military contingents and supplying all the necessary units of the Red Army are also presented.

Keywords: Red Army, military communications, People's Commissariat of Railways, recovering of foreign railways, military operation department

For citation: Buryak Yu.Yu., Shapovalov V.V. 2023. Operation by the Soviet Union of the Foreign Railways During the Second World War. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 185–196 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-185-196

Введение

В ходе освобождения Европы от нацистов НКПС СССР задействовал военно-эксплуатационные отделения (ВЭО) и другие специальные железнодорожные формирования для эксплуатации магистралей освобождаемых стран с целью обеспечения наступления РККА. Им суждено было преодолеть также комплекс тех трудностей, которые возникали при эксплуатации зарубежных железных дорог для обеспечения наступления Красной Армии при освобождении стран Восточной и Центральной Европы, Балкан и Дальнего Востока.

В отечественной историографии достаточно детально освещены вопросы работы железнодорожного транспорта на территории СССР в годы Второй мировой войны. Однако администрирование эксплуатации железных дорог сопредельных государств, которые были заняты Красной Армией для обеспечения снабжения отечественных войск в ходе наступления против Германии и ее союзников, а также для охраны стратегического персидского маршрута ленд-лиза, малоизучен. Это определяет актуальность исследования данной темы для создания целостного представления о работе отечественного железнодорожного транспорта на стратегически важных направлениях деятельности оборонного ведомства СССР в 1939–1945 гг.

При исследовании темы нами были изучены труды по истории железных дорог, в которых содержится информация о создании специальной системы управления железнодорожным транспортом на территории стран, занятой в ходе наступления Красной Армии на завершающем этапе войны. Примечательно, что комплексного освещения данной темы нет ни в одной из представленных работ. Отдельные сведения содержатся в монографиях И.В. Ковалева, Г.А. Куманева, а также коллективных трудах по истории железных дорог СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. под редакцией Н.С. Конарева, а также В.Е. Павлова и М.М. Уздина. При этом управление железными дорогами сопредельных государств в Иране и на Дальнем Востоке фактически не освещено. Таким образом, историография исследуемой темы представлена весьма ограниченно – лишь несколькими трудами, что предопределило в рамках проведения исследования сфокусировать внимание на архивных материалах.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают железные дороги Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Польши, Германии, Китая и Ирана, которые эксплуатировались НКПС и НКО Советского Союза в целях обеспечения потребностей Красной Армии на этапе освобождения вышеуказанных государств от нацистской Германии и ее союзников в Европе и на Дальнем Востоке, окончательного разгрома нацистского режима, а также обеспечения работы персидского маршрута ленд-лиза. В ходе исследования автором использовались специальные исторические методы: сравнительно-исторический, историко-системный, а также историко-генетический. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и систематизации. Научная новизна исследования состоит в том, что в научный оборот вво-

дятся ранее засекреченные материалы, а также в статье впервые представлена комплексная система организации управления железнодорожным транспортом НКО и НКПС СССР на территории соседних государств во время Второй мировой войны.

Результаты и их обсуждение

Идея создания специальных формирований для оперативного управления железными дорогами в районах ведения боевых действий и тылу – военно-эксплуатационных отделений (ВЭО) – в нашей стране появилась еще в довоенное время и увенчалась успехом в годы «Зимней войны» 1939–1940-х гг. [Аксененко и др., 2001, с. 122]¹³². Мобилизационным планом НКПС 1941 г. было предусмотрено формирование подвижных ВЭО, на которые возлагались следующие задачи:

- 1) эксплуатация прифронтовых и фронтовых железнодорожных участков;
- 2) содержание и ремонт пути, искусственных (мосты, насыпи, тоннели и т. д.) и гражданских сооружений, устройств тягового хозяйства, связи и систем сигнализации и безопасности движения;
- 3) выполнение работ по ликвидации последствий налетов авиации и наземных подразделений противника;
- 4) обеспечение мероприятий по противовоздушной и противохимической обороне обслуживаемого участка;
- 5) осуществление постоянной связи с командованием Красной Армии и органами военных сообщений (ВОСО) СССР.

Количество ВЭО, подлежащих формированию, было установлено по числу предполагаемых фронтов, из расчета одно ВЭО для каждого фронта, без учета количества имеющих в районе фронта железнодорожных направлений [Музей железных дорог..., л. 112]. По вышеуказанному плану мощность каждого формирования рассчитана была на комплексное обслуживание железнодорожного участка протяженностью 200–250 км. Штат личного состава каждого ВЭО был предусмотрен численностью 1 990 чел.

В феврале 1942 г. Центральное военно-мобилизационное управление НКПС установило 3 категории ВЭО: 1 категория – 1 990 чел. для обслуживания участка до 200 км, 2 категория – 1 249 чел. (участок до 150 км), 3 категория – 934 чел. (участок до 100 км). Личный состав ВЭО был переведен на положение состоящих в рядах РККА с распространением на него армейских уставов, а также льгот по налогам и пенсиям, которыми пользовались военнослужащие и их семьи, но с применением существовавшей системы оплаты труда железнодорожников. Формирование и развитие системы ВЭО в годы Великой Отечественной войны разделяют на 3 этапа: с объявлением мобилизации, временного отступления РККА, подготовки к наступлению и вовремя наступления Красной Армии [Музей железных дорог..., л. 113–114.]. Также возникла необходимость обслуживания и контроля работы ряда заграничных участков железных дорог в интересах обеспечения обороноспособности СССР, о которых далее пойдет речь.

Так, в Иране действовало ВЭО № 17 на железнодорожной линии Джульфа – Тебриз (Тебризская (Гаврицкая) магистраль). Это был один из участков персидского маршрута ленд-лиза. Оно было сформировано 1 июля 1941 г. силами Закавказской железной дороги СССР. В течение 1941–1945 гг. сотрудники ВЭО погрузили 8 960 вагонов различных стратегически важных грузов для Советского Союза (выгрузка не производилась данным ВЭО). Что касается кадрового состава данного ВЭО, то при норме в 934 железнодорожника в 1941–1943, 1945 гг. штат ВЭО-17 составлял 868 чел. (768 мужчин и 100 женщин). Дополнительно отметим, что из общего числа сотрудников военно-эксплуатационного отделения всего лишь 20 железнодорожников были инженерами. При этом 130 – члены и кандидаты в

¹³² СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 384. Д. 234. ЛЛ. 303, 340.

ВКП(б), 125 – члены ВЛКСМ. Лишь в 1944 г. число работников составляло 1 000 чел. (900 мужчин и 100 женщин): по кадровому составу – количество инженеров было 15, кандидатов и членов ВКП(б) – 100, членов ВЛКСМ – 120 чел. Вышеуказанное подразделение в 1946 г. насчитывало 155 чел. Расформировано было в соответствии с телеграммным приказанием от 1 октября 1946 г. Коллектив и имущество впоследствии были отправлены на Азербайджанскую железную дорогу [Музей железных дорог... Л. 158, 160–161, 164].

Всего в годы Великой Отечественной войны в сопредельном государстве действовали 2 передвижных ВЭО. Второе отделение (№ 50) было сформировано 15 июня 1942 г. отдельно НКПС, а не конкретной магистралью (как было принято). В 1946 г. личный состав ВЭО-50 насчитывал 60 человек. 9 апреля 1946 г. было расформировано вышеуказанное подразделение (без указания железной дороги, на которую направлялся личный состав и имущество ВЭО) [Музей железных дорог..., л. 122, 161–162, 166].

Так как через Иран проходил один из маршрутов ленд-лиза, мы можем выдвинуть гипотезу, что организация бесперебойного продвижения сверхважных стратегических грузов, техники и военных специалистов была основной задачей ВЭО № 50. Например, в 1944 г. под Полтавой действовали несколько аэродромов, где базировались американские и английские самолеты (через Иран доставлены) [Буряк, 2017, с. 214]. Генерал Л.И. Зорин руководил продвижением грузов по данному маршруту ленд-лиза в СССР. В апреле 1944 г. ВОСО Закавказского фронта получили задание доставить авиационных специалистов из Ирана на советско-германский фронт для осуществления челночных бомбардировок вермахта. Американские военные были доставлены морем в Персидский залив, далее автотранспортом – в Тебриз (Иран), отсюда 7 мая 1944 г. эшелонами вывезены в СССР через Джульфу, Баку, Ростов, Славянск. 11 мая представители союзных войск прибыли в Полтаву. [Федосов, 1974, с. 248–252; Каргин, 1974, с. 233–234; Балашов, Рудаков, 2005, с. 393].

Задача по координации работы магистралей сопредельных стран Европы возникла уже в начале 1944 г. В феврале 1944 г. И.В. Сталин потребовал от ЦУП ВОСО СССР предоставить сведения о состоянии путей сообщения Румынии. Однако данные, которыми располагали руководители вышеуказанной структуры, по объективным причинам были достаточно обобщенными. Это не позволяло планировать перевозки в соответствии с конкретно поставленными задачами. Отдельно встал вопрос о необходимости перешивки путей на советский стандарт колеи на магистральных Восточной и Центральной Европы. Альтернативой данного варианта было устройство (либо восстановление) перегрузочных пунктов в районах стыков советских и зарубежных железных дорог [Ковалев, 1981, с. 343–344; Гайдамакин, Четвергов, 2012, с. 167].

Таким образом, предстояло принять конкретное решение, которое фундаментальным образом определило бы систему организации воинских перевозок, влияло на обеспечение всем необходимым частей Красной Армии, формировало общую методику эксплуатации зарубежных железных дорог в 1944–1945 гг. Каждый вариант имел свои преимущества и недостатки. В итоге И.С. Сталин приказал начальнику ЦУП ВОСО И.В. Ковалеву выехать совместно с группой специалистов в район ведения боевых действий 2-го и 3-го Украинских фронтов, чтобы на месте изучить проблемы на магистральных в сопредельных государствах, выбрать наиболее оптимальный вариант организации перевозок. Координировавший действия фронтов представитель Ставки маршал С.К. Тимошенко и командующие фронтами генералы Р.Я. Малиновский и Ф.И. Толбухин получили указание оказать содействие этой группе. В итоге более предпочтительным был выбран метод организации перегрузочных пунктов, а подразделения РККА должны были стараться предотвратить (минимизировать) разрушения путей и угон нацистами подвижного состава из сопредельных государств [Ковалев, 1981, с. 346; Куманев, 1987, с. 273].

При этом отдельные железнодорожные линии (фактически по одной магистральной ветке для каждого фронта) перешивались на стандарт 1 524 мм для обеспечения скорейшего продвижения наших войск и, в частности, скорейшего вывоза силезского угля (из

Польши) для нужд железных дорог и экономики западных областей СССР ввиду дефицита донецкого и московского угля, длинных маршрутов доставки топлива из Кузбасса и Караганды. В итоге скорость и маневренность отечественных железнодорожных перевозок в сложившихся условиях нередко ошеломляла немецкое командование [Куманев, 1976, с. 330; Олейник, 1995, с. 123; Кузьмич, Левин, 2004, с. 12].

Итак, весной 1944 – в течение 1945 гг. советским железнодорожникам приходилось решать ряд важных задач в связи с выходом на государственную границу и началом освобождения стран Европы от нацизма. Во-первых, увеличивалась протяженность маршрутов доставки боеприпасов и всего необходимого с тыловых производственных баз в адрес РККА (до 5 000 км). Так, для перевозки одного и того же количества воинских грузов в 1945 г. требовалось в среднем на 43 % больше вагонов и на 28 % паровозов. Во-вторых, остро встал вопрос по скорейшему восстановлению и четкой организации перевозок (по аналогии с советскими магистралями) на железных дорогах сопредельных государств Европы, причем разных стандартов колеи (1 524 мм и 1 435 мм), для обеспечения быстрых темпов наступления нашей армии [Конарев, 1987, с. 382].

Ввиду того, что через железные дороги Польши предполагалось генеральное наступление советских войск на Берлин, в октябре 1944 г. на магистралях Польши создавался институт уполномоченных ЦУП ВОСО РККА и НКПС [Музей железных дорог..., л. 206]. Институт уполномоченных также был создан и на железных дорогах Венгрии и Восточной Пруссии в соответствии с постановлением ГКО № 6980-С от 21 ноября 1944 г. и приказа НКПС (Л.М. Каганович) и начальника Тыла РККА (А.В. Хрулев) № СС-1057/Ц/0030 от 4 декабря 1944 г. со штатом 224 чел. [Музей железных дорог..., л. 209, 221] [Куманев, 1988, с. 254].

Для управления эксплуатацией железных дорог государств, занятых Красной Армией, и освобожденных союзных государств по приказу НКПС № СС 1057-0030/Ц от 4 декабря 1944 г. были созданы 6 военно-эксплуатационных управлений (ВЭУ) со штатом по 245 чел. в каждом подразделении [Павлов, Уздин, 1997, с. 372]. В связи с организацией ВЭУ управление эксплуатационных железнодорожных бригад упразднилось с переходом их штата в ВЭУ.

Общий порядок использования железных дорог сопредельных государств выглядел следующим образом. По мере восстановления участков их принимали во временную эксплуатацию железнодорожные части, которые свои участки передавали военно-эксплуатационным формированиям НКПС. Последние состояли из управлений и отделений. Своим штатным составом управление (в него входило обычно 1–4 ВЭО и 1–3 железнодорожных эксплуатационных полка (ЧЭ)) могло полностью обеспечить эксплуатацию железнодорожного направления протяженностью до 250 км, включало 2 распорядительные станции, 4 станции снабжения, 14 промежуточных станций, 2 оборотных депо, 2 дистанции пути, вагонный участок. Для эксплуатации головного участка (50 км от линии фронта), примыкавшего непосредственно к восстановленному, выделялся один ЧЭ. С помощью местных железнодорожников осуществлялись железнодорожные перевозки, ремонт подвижного состава, пути и железнодорожных зданий, искусственных сооружений (мостов, путепроводов и т. д.) [Музей железных дорог..., л. 213, 217, 219]. Как предписывало правительство СССР, эксплуатация железнодорожных участков на территории, занятой РККА, осуществлялась в основном местными ресурсами – подвижным составом, а также материалами, топливом и оборудованием, расположенными на магистралях территорий, занятых Красной Армией [Музей железных дорог..., л. 212].

Восстановление связи на эксплуатируемых ВЭУ магистралях было возложено на ЦШ (Главное управление службы связи НКПС СССР) и УВВР (Управление военно-восстановительных работ) соответствующих фронтов. Глава ЦШ Чигарков должен был предоставить по 1 радиостанции каждому ВЭУ [Музей железных дорог..., л. 218–219].

Руководитель управления подвижных формирований НКПС в оперативном отношении подчинялся командованию фронта, задания на перевозки получал от начальника ВОСО фронта [Ковалев, 1981, с. 378]. ВЭУ для удобства управления работой железных дорог в пределах фронта, как правило, располагались по месту дислокации Управления военных сообщений фронта (УП ВОСО фронта). В текущей работе по эксплуатации железных дорог начальник ВЭУ подчинялся также Военному совету соответствующего фронта. При этом ГКО СССР обязывал военные советы фронтов обеспечивать охрану железных дорог и технических сооружений, оказывать ВЭУ помощь материалами, топливом, содействовать в снегоборьбе, нормальной работе транспорта [Музей железных дорог..., лл. 214, 217–218].

По решению ГКО ВЭУ являлись специальными формированиями военного времени с соответствующим довольствием персонала, оплатой труда, льготами (на основе постановления ГКО № 1095 от 3 января 1942 г.) и ответственностью по Уставам РККА и статьями УК СССР по воинским преступлениям [Музей железных дорог..., лл. 215, 217, 220–221]. Сотрудники ВЭУ, а также ЧЭ и ВЭО были в 10-дневный срок после издания приказа о формировании ВЭУ обеспечены обмундированием военного образца улучшенного качества, поставлены на все виды довольствия наравне с бойцами РККА. Каждое ВЭУ начальники тыла соответствующих фронтов обеспечили автотранспортом (по 2 легковых и 2 грузовых автомобиля) с последующим снабжением топливом и запасными частями по нормам РККА (аналогично снабжались ЧЭ и ВЭО), персонал – средствами противохимической защиты [Музей железных дорог..., л. 220].

Уже в начале 1945 г. руководство работой организованных ВЭУ было возложено на Центральное военно-эксплуатационное управление (ЦВЭУ) НКПС, созданное по приказу наркомата № 194/Ц от 23 февраля 1945 г. со штатом 155 чел. и следующими структурными отделами: движения, подвижного состава, технического, специальных формирований, материально-технического обеспечения. ЦВЭУ НКПС руководило непосредственной деятельностью ВЭУ на фронтах, ВЭО, ЧЭ и другими специальными формированиями на зарубежных магистралях. Помимо этого, курировало работу уполномоченных НКПС и ЦУП ВОСО РККА на железных дорогах государств, занятых РККА, для нужд фронта и обеспечение выполнения планов НКО и НКПС СССР. Добавим, что в Центральном военном отделе (ЦВО) НКПС создавался специальный отдел для связи наркомата с ВЭУ. Таким образом, ВЭУ были связующим звеном НКПС с фронтами в рамках осуществления воинских перевозок, курировали работу находящихся за рубежом ЧЭ, ВЭО и других специальных формирований НКПС. ВЭУ организовывали и обеспечивали перевозки по заданиям НКПС, ЦУП ВОСО, командования фронта, поддерживали в исправном состоянии подвижной состав, пути и технические сооружения. Обеспечивали в последующем по заданию советского правительства перевозки оборудования из Германии [Музей железных дорог..., лл. 210, 214, 221, 234].

Итак, ВЭУ №№ 1–3 были сформированы из эксплуатационных железнодорожных бригад № 2, 16 и 18 соответственно. ВЭУ-1 (начальник – Шмелев) обслуживало 3-й Белорусский фронт, обеспечивая эксплуатацию железных дорог Восточной Пруссии. Управление располагалось в г. Инстербурге (ныне Черняховск Калининградской области). В состав ВЭУ-1 входили ВЭО №№ 8 (сформировано Московско-Рязанской железной дорогой), 16 (Юго-Восточной ж/д), 42 (Ташкентской ж/д) и 43 (Томской ж/д), а также ЧЭ № 11. Также в его оперативном управлении находились 5 Особого резерва колонн паровозов (ОРКП) [Вульф, 2018, с. 666]. Помимо этого, работали паровозоремонтный поезд № 5, паровозоремонтная колонна № 7, вагоноремонтная колонна № 49. Таким образом, в работе ВЭУ-1 принимали участие 9 189 чел. и привлекаемое население из местных железнодорожников в количестве 227 чел.

ВЭУ-1 эксплуатировало к 1 декабря 1945 г. 140 км двухпутных линий и 326 км однопутных линий (всего 466 км) советской колеи (1 524 мм) и 685 км однопутных линий европейской колеи (1 435 мм). Что касается показателей работы ВЭУ-1, то в марте – июле 1945 г. ежедневно выгружалось 650–750 вагонов. Сотрудники ВЭУ-1 в период своей рабо-

ты обеспечили перевозки РККА с целью разгрома нацистов под Кенигсбергом, организовали перевалочную базу на станции Инстербург по перегрузке оборудования, рельс и силезского угля для Латвии и Литвы, отремонтировали 3 988 вагонов и оборудовали 1 589 вагонов под специальные перевозки [Музей железных дорог..., лл. 196–197, 215–216].

Дополнительно отметим, что ВЭО-16 обслуживало линии в районе станции Найденбург (ныне Нидзица) в Польше. В последующем времени оно было передислоцировано приказом НКПС СС-№764/Ц от 10 августа 1945 г. в Воронежскую область. Личный состав (512 чел.) с имуществом (165 вагонов) с 28 августа 1945 г. проследовал через Белосток, Барановичи, Минск, Смоленск, Брянск, Орел, Елец, Грязи на станцию Лиски Юго-Восточной железной дороги. 2 сентября 1945 г. ВЭО-16 было расформировано.

ЧЭ-11 действовал в районе станции Коршен (ныне Корше Северо-Восточная Польша) до середины августа 1945 г. и был передислоцирован (280 вагонов) согласно приказу НКПС с 24 августа 1945 г. на Свердловскую магистраль через узловые станции Инстербург, Вильнюс, Минск, Москва, Ярославль, Буй, Киров в Свердловск (ныне Екатеринбург) [Музей железных дорог..., лл. 164, 169].

Специалисты ВЭУ-2 (начальник – И.К. Кулагин) обслуживали железные дороги в районах действия 2-го и 4-го Украинских фронтов (магистралей Венгрии и Чехословакии). Вышеуказанное ВЭУ включало в себя ВЭО №№ 12 (Оренбургской ж/д), 19 (Юго-Восточной ж/д), 25 (Куйбышевской ж/д) и 39 (Казанской ж/д), ЧЭ-5, ЧЭ-6, ЧЭ-8. На 1 июля 1945 г. в ВЭУ-2 работали 7 484 чел. советских граждан и 30 700 чел. из числа местных железнодорожников.

Эксплуатационная длина обслуживаемых участков составляла 2 851 км (из них 407 км – двухпутные линии). В 1 и 2 кварталах 1945 г. ежедневно ВЭУ-2 в среднем обеспечивало погрузку 950 и 1 000 вагонов соответственно. Средняя скорость поездов на обслуживаемых линиях при этом была 8,8–12,6 км/ч в зависимости от участка пути. Это свидетельствует о масштабах разрушений железнодорожного хозяйства, а также сложности профиля пути из-за горной местности. Примечательно, что сотрудники ВЭУ-2 разработали и ввели в действие графики движения поездов, планы их формирования. Силами вышеуказанного подразделения были восстановлены 35 паровозных депо и заново построены локомотивные депо в Мишкольце, Мукачево, Хатване, Михайлянах. Восстановлены и запущены в эксплуатацию паровозоремонтные заводы в городах Сольнок, Дебрецен, Будапешт (в столице Венгрии – 2 завода). Благодаря вышеуказанным работам были восстановлены 150 трофейных и принятых из Румынии паровозов, отремонтированы и восстановлены после тяжелых повреждений 417 паровозов.

Также были организованы 35 пунктов экипировки паровозов углем и построено 8 пунктов экипировки паровозов нефтью. Была восстановлена и налажена работа 18 угольных шахт, с которых для нужд железных дорог Венгрии и Чехословакии было отправлено 213 466 т угля.

Также сотрудники ВЭУ-2 оборудовали 235 вагонов для санитарных поездов, отремонтировали 2 783 грузовых вагона и 334 пассажирских вагона. Запущены были на постоянной основе 12 пассажирских поездов и 2 специальных поезда. 5 восстановительных поездов занимались восстановлением железнодорожных линий в ведении ВЭУ-2. В итоге восстановлены были 171 км главных и 176 км станционных путей, 348 комплектов стрелочных переводов, 22 моста [Музей железных дорог..., лл. 163–166, 197–199, 215–216].

ВЭУ-3 (начальник – Цымбал) занималось обслуживанием железных дорог в зоне действия 3-го Украинского фронта, обеспечивая эксплуатацию магистралей Югославии и Австрии. Также стоит отметить, что ВЭУ-3 обеспечивала перевозки для нужд 3-го Украинского фронта в период боев у озера Балатон (Венгрия) и взятия Будапешта, а затем Вены.

В состав ВЭУ-3 входили ВЭО-21 (Южной ж/д) и ЧЭ-23. На 1 июля 1945 г. в штат ВЭУ-3 входили 3 775 чел. с привлечением 15 068 местных железнодорожников. В эксплуатации вышеуказанного ВЭУ были 3 000 км однопутных линий европейской колеи. В январе

– июле 1945 г. было обеспечено продвижение 3,2 млн. вагонов, погружено 113 400 вагонов и выгружено – 115 740. Также было отправлено помимо грузов Народного комиссариата обороны СССР 20 000 вагонов заводского оборудования и 23 957 вагонов угля.

Сотрудниками ВЭУ-3 были разработаны и введены в действие графики движения поездов, правила технической эксплуатации для венгерских и австрийских железных дорог. Дополнительно были изданы книги «Техническое описание железных дорог» для Венгрии, Югославии и Австрии соответственно. Из числа югославских железнодорожников по аналогии с СССР были сформированы ОРКП № 24 и ОРКП № 36.

Благодаря работе ВЭУ-3 были восстановлены 482 паровоза, а также отремонтированы 178 166 грузовых и 100 пассажирских вагонов.

Добавим, что восстановлены были паровозные депо Сегед, Печ, Уйдомбовар, Секешфехервар, Сомбойхель, а также мастерские депо в Вене. Созданы были 6 ремонтно-восстановительных поездов (15–18 вагонов каждый). На советский стандарт колеи были перепрессованы 900 колесных пар, восстановлено 47 км главных и 83,6 км станционных путей, 9 мостов и 103 стрелочных перевода [Музей железных дорог..., лл. 200–201, 215–216].

ВЭУ-4 обслуживал 1-й Белорусский фронт по вопросам эксплуатации железных дорог Польши и Германии. В его состав входили ВЭО №№ 15 (Московско-Донбасской ж/д), 38 (Рязано-Уральской ж/д), 46 (Московско-Рязанской ж/д). Также в его подчинении работали ЧЭ-12, ЧЭ-13, 10 ОРКП (3 ОРКП на советской колее работали и 7 ОРКП на европейской колее). 1 июля 1945 г. в ВЭУ-4 работали 8 416 чел., а также 5 105 местных железнодорожников. По состоянию на 15 августа 1945 г. длина путей, которая эксплуатировалась ВЭУ-4, составляла 4 531 км.

С 25 февраля по 15 августа 1945 г. сотрудники ВЭУ-4 погрузили 229 740 вагонов (в том числе для фронта 1 500 вагонов), выгрузили 267 870 вагонов (из них 131 000 вагонов для фронта). С учетом того, что боевые действия закончились в Европе в мае 1945 г., основная масса фронтального снабжения от вышеуказанного объема была в марте – мае.

Сотрудники исследуемого ВЭУ участвовали в восстановлении и ремонте 10 основных и 8 оборотных паровозных депо, 36 пунктов водоснабжения локомотивов, 1 896 паровозов, 8 электростанций и 40 подстанций, 6 вагоноремонтных мастерских, 21 склада топлива. Было построено 23 км нового пути, перебито на советский стандарт 40 км европейской колеи, 95 стрелочных переводов. Восстановили дальнюю (магистральную) и станционную связь. Были перепрессованы на советский стандарт колеи 2 204 вагона.

Рассматриваемое ВЭУ также участвовало в демонтаже и отправке из Германии в СССР Бромбергского, Цеховского, Ресьидовского заводов, а также предприятия «Телефункен» [Музей железных дорог..., лл. 202–203].

ВЭУ-5 обслуживало потребности 2-го Белорусского фронта, занималось эксплуатацией части железных дорог Восточной Пруссии, Польши и Германии. В состав ВЭУ входили ВЭО №№ 4 (Кировской ж/д), 7 (Калининской ж/д), 10 (Восточно-Сибирская ж/д) и 23 (Орджоникидзевской ж/д), ЧЭ-7, ЧЭ-14. 1 июля 1945 г. штат ВЭУ насчитывал 6 752 чел. и 776 местных железнодорожников. В зоне ответственности ВЭУ-5 были 140 км однопутных линий советского стандарта и 1 055 км линий с шириной колеи 1 435 мм [Ковалев, 1981, с. 369].

Помимо обеспечения нужд вышеуказанного фронта, ВЭУ-5 получало задания по погрузке и вывозу заводского оборудования Германии, верхнего строения пути немецких железных дорог (операция была выполнена до 1 августа 1945 г. с помощью 53 составов-вертушек), а также обеспечивало перевозки демобилизованных бойцов РККА. Для перевозок красноармейцев были сформированы силами ВЭУ-5 3 состава-вертушки, для перевозки репатриированных организованы были 5 составов-вертушек по 50 вагонов. Также из-за р. Одер были вывезены 180 трофейных паровозов. ВЭУ-5 оказывала помощь ВЭУ-1 в июле 1945 г. в перевозке 490 составов собственными локомотивами.

Кроме перевозочного процесса коллектив ВЭУ-5 производил масштабные ремонтно-восстановительные работы на вверенном ему участке железных дорог: 42 паровоза (по плану был 31 локомотив), 3 408 вагонов, 449 вагонов переставлены на советские колесные пары стандарта 1 524 мм [Музей железных дорог..., лл. 163, 203–204].

ВЭУ-6 обслуживало польские железные дороги [Музей железных дорог..., лл. 205–206]. Считаем целесообразным отдельно осветить систему управления и эксплуатации магистралей Польши.

Переброска воинского контингента, вооружений и военной техники с Запада на Дальний Восток стало целой операцией советских железнодорожников. Теперь особое значение приобрела эксплуатация СССР железных дорог в Монголии и Китае во время победной войны против Японии в августе-сентябре 1945 г. [Кресик, 1974, с. 278–279; Куманев, 2007, с. 466–467].

В Маньчжурии обеспечивало перевозки ВЭО-34 (Приморская магистраль сформировала) после переброски из Белоруссии, а 49-я отдельная железнодорожная бригада в составе трех узкоколейных железнодорожных полков обслуживала железнодорожные участки на территории Монгольской народной республики [Конарев, 1987, с. 306; Когатько, 2002, с. 314]. Благодаря советским железнодорожникам с 10 августа по 30 сентября 1945 г. железнодорожные части и спецформирования НКПС и НКО восстановили и перешли 3 600 км главных и станционных путей, восстановили десятки искусственных сооружений на территории Маньчжурии. На колею стандарта 1 524 мм была перешита только главная магистраль от станции Маньчжурия до станции Пограничная (1 481 км). В связи с этим на железнодорожных узлах Цицикар, Харбин и Муданьцзян были обустроены перегрузочные пункты. Наибольший объем работ был выполнен Харбинским узлом. Благодаря слаженным действиям советских железнодорожников с 10 августа по 20 ноября 1945 г. через Маньчжурию было перевезено свыше 112 000 вагонов [Овчинников, 1974, с. 283; Конарев, 1987, с. 414].

Заключение

Таким образом, основной эксплуатационной единицей на железных дорогах сопредельных государств, которые использовались советскими железнодорожниками и местными специалистами, были военно-эксплуатационные отделения, а также железнодорожные эксплуатационные полки. Нами установлено, что ВЭО работали как в Восточной и Центральной Европе, так и в Иране и Маньчжурии (Китай). Железнодорожные полки работали в освобожденных европейских государствах и Монголии. Общая длина эксплуатируемых железнодорожных линий, по нашим подсчетам, превышала 25 000 км.

Ввиду того, что объем перевозок на территории государств, расположенных к западу от СССР, был более значительным, чем на Дальнем Востоке и Иране, система управления железнодорожными линиями и станциями там была более сложной. Так, в конце 1944 г. были созданы 6 военно-эксплуатационных управлений (ВЭУ). Они управляли ВЭО, а также другими специальными железнодорожными подразделениями. В свою очередь, с 23 февраля 1945 г. работу ВЭУ на территории стран Европы курировало специально созданное центральное военно-эксплуатационное управление при НКПС СССР.

В итоге создание ЦВЭУ и ВЭУ показали свою эффективность в годы Второй мировой войны, а положительный опыт их работы и других действовавших железнодорожных подразделений оценен был на всех уровнях военного и железнодорожного ведомств СССР. При этом нашими железнодорожными специалистами был осуществлен огромный вклад в восстановление и налаживание работы магистралей освобожденных государств Европы и Азии.

Отдельно отметим, что специфическая система управления была создана на эксплуатируемых железных дорогах Польши ввиду их главного магистрального направления из СССР в Германию. Поэтому в перспективе считаем необходимым провести отдельное исследование по вышеуказанной теме.

Список литературы

- Аксененко Н.Е., Лapidус Б.М., Мишарин А.С. 2001. Железные дороги России: от реформы к реформе. М., Транспорт, 335 с.
- Балашов А.И., Рудаков Г.П. 2005. История Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). СПб., Питер, 464 с.
- Буряк Ю.Ю. 2017. Северо-Донецкая и Южно-Донецкая железные дороги накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1937–1945 гг. Дисс. ... кандидата исторических наук. Белгород, 247 с.
- Вульф А. 2018. История железных дорог Российской империи. М., РИПОЛ классик, 744 с.
- Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. 2-е изд., доп. 1987. Под ред. министра путей сообщения Н.С. Конарева. М., Транспорт, 591 с.
- Железнодорожные войска России. Кн. 3. На фронтах Великой Отечественной войны: 1941–1945. 2002. Н.Л. Волконский, А.Г. Дьячкин, Н.А. Зензинов, Е.Б. Сизов, А.Ф. Столяров, В.В. Яробков; под ред. Г.И. Когатько. М., «Стэха», 336 с.
- История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. 1997. Под общ. ред. В.Е. Павлова, М.М. Уздина. СПб., ОАО «Иван Федоров», 416 с.
- История железнодорожного транспорта СССР. Т. 3: 1945–1991 гг. 2004. Под общ. ред. В.Д. Кузьмича, Б.А. Левина. М. – Иваново, ОАО «Ивановская областная типография», 631 с.
- История железнодорожного транспорта России: учебное пособие. 2012. Под ред. А.В. Гайдакина, В.А. Четвергова. М., ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 312 с.
- Каргин И.В. 1974. Перевозка импортных грузов через Иран. Уходили на фронт эшелоны. Под общ. ред. С.В. Хвощева, А.В. Добрякова. М., Воениздат: 233–236.
- Ковалев И.В. 1981. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., Наука, 480 с.
- Кресик С.Н. 1974. Железнодорожный транспорт в победе на Дальнем Востоке. Уходили на фронт эшелоны. Под общ. ред. С.В. Хвощева, А.В. Добрякова. М., Воениздат: 276–280.
- Куманев Г.А. 1976. На службе фронта и тыла: железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). М., Наука, 455 с.
- Куманев Г.А. 1988. Война и железнодорожный транспорт СССР (1941–1945). М., Наука, 368 с.
- Куманев Г.А. 2005. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, Русич, 632 с.
- Куманев Г.А. 2007. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., Собрание, 656 с.
- Музей железных дорог России. Отчет о мобилизации железных дорог Советского Союза (по мобплану 1941 г.) в 4-х томах. Т. 2. 1947–1948. Под общей редакцией директор-полковника движения В.В. Звонарева. ЦВМО МПС СССР, 244 с. Электронная книга. URL: <https://rzd-museum.ru/expositions/archive> (дата обращения: 10.11.2022 г.).
- Овчинников И.В. 1974. От Кенигсберга до Порт-Артура. Уходили на фронт эшелоны. Под общ. ред. С.В. Хвощева, А.В. Добрякова. М., Воениздат: 281–286.
- Олейник Б.С. 1995. Юго-Западная железная дорога. Вчера. Сегодня. Завтра. 1870–1995 гг. Киев, Транспорт Украины, 243 с.
- Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (СА ДонЖД). Ф. 32. История Донецкой железной дороги. Оп. 384. Д. 234.
- Федосов И.В. 1974. Из Ирана на советско-германский фронт. Уходили на фронт эшелоны. под общ. ред. С.В. Хвощева, А.В. Добрякова. М., Воениздат: 248–252.

References

- Aksenenko N.E., Lapidus B.M., Misharin A.S. 2001. Zheleznyye dorogi Rossii: ot reformy k reforme [Railways of Russia: from reform to reform]. M., Transport, 335 s.
- Balashov A.I., Rudakov G.P. 2005. Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [History of the Great Patriotic War (1941–1945)]. SPb., Piter, 464 s.
- Buryak Yu.Yu. 2017. Severo-Donetskaya i Yuzhno-Donetskaya zheleznyye dorogi nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1937–1945 gg. [North-Donetsk and South-Donetsk railways on the eve and during the Great Patriotic War. 1937–1945]. Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk. Belgorod, 247 s.

- Vul'fov A. 2018. Istoriya zheleznikh dorog Rossiyskoy imperii [History of the Railways of the Russian Empire]. M., RIPOL klassik, 744 s.
- Zheleznodorozhniki v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 [Railway workers in the Great Patriotic War 1941–1945]. 2-e izd., dop. 1987. Pod red. ministra putey soobshcheniya N.S. Konareva. M., Transport, 591 s.
- Zheleznodorozhnye voyska Rossii. Kn. 3. Na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945 [Railway troops of Russia. Book. 3. On the fronts of the Great Patriotic War: 1941–1945]. 2002. N.L. Volkonskiy, A.G. D'yachkin, N.A. Zenzinov, E.B. Sizov, A.F. Stolyarov, B.V. Yarobkov; pod red. G.I. Kogat'ko. M., «Stekha», 336 s.
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuza. T. 2: 1917–1945 gg. [History of railway transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2: 1917–1945]. 1997. Pod obshch. red. V.E. Pavlova, M.M. Uzdina. SPb., OAO «Ivan Fedorov», 416 s.
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta SSSR. T. 3: 1945–1991 gg. [History of railway transport of the USSR. Vol. 3: 1945–1991] 2004. Pod obshch. red. V.D. Kuz'micha, B.A. Levina. M. – Ivanovo, OAO «Ivanovskaya oblastnaya tipografiya», 631 s.
- Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii: uchebnoe posobie [History of railway transport in Russia: textbook]. 2012. Pod red. A.V. Gaydamakina, V.A. Chetvergova. M., FGBOU «Uchebno-metodicheskiy tsentr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte, 312 s.
- Kargin I.V. 1974. Perevozka importnykh gruzov cherez Iran. Ukhodili na front eshelony [Transportation of imported goods through Iran. Echelons went to the front. Under the general]. Pod obshch. red. S.V. Khvoshcheva, A.V. Dobryakova. M., Voenizdat: 233–236.
- Kovalev I.V. 1981. Transport v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.) [Transport in the Great Patriotic War (1941–1945)]. M., Nauka, 480 s.
- Kresik S.N. 1974. Zheleznodorozhnyy transport v pobede na Dal'nem Vostoke. Ukhodili na front eshelony [Railway transport in the victory in the Far East. Echelons went to the front]. Pod obshch. red. S.V. Khvoshcheva, A.V. Dobryakova. M., Voenizdat: 276–280.
- Kumanev G.A. 1976. Na sluzhbe fronta i tyla: zheleznodorozhnyy transport SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1938–1945) [In the service of the front and rear: railway transport of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War (1938–1945)]. M., Nauka, 455 s.
- Kumanev G.A. 1988. Voyna i zheleznodorozhnyy transport SSSR (1941–1945) [War and railway transport of the USSR (1941–1945)]. M., Nauka, 368 s.
- Kumanev G.A. 2005. Govoryat stalinskie narkomy [Stalin's people's commissars speak]. Smolensk, Rusich, 632 s.
- Kumanev G.A. 2007. Problemy voennoy istorii Otechestva (1938–1945 gg.) [Problems of the military history of the Fatherland (1938–1945)]. M., Sobranie, 656 s.
- Muzey zheleznikh dorog Rossii. Otchet o mobilizatsii zheleznikh dorog Sovetskogo Soyuza (po mobplanu 1941 g) [Museum of Russian Railways. Report on the mobilization of the railways of the Soviet Union (according to the mobilization plan of 1941)]. v 4-kh tomakh. T. 2. 1947–1948. Pod obshchey redaktsiey direktor-polkovnika dvizheniya V.V. Zvonareva. TsVMO MPS SSSR, 244 s. Elektronnaya kniga. URL: <https://rzd-museum.ru/expositions/archive> (data obrashcheniya: 10.11.2022 g.).
- Ovchinnikov I.V. 1974. Ot Kenigsberga do Port-Artura. Ukhodili na front eshelony [From Koenigsberg to Port Arthur. Echelons went to the front]. Pod obshch. red. S.V. Khvoshcheva, A.V. Dobryakova. M., Voenizdat: 281–286.
- Oleynik B.S. 1995. Yugo-Zapadnaya zheleznaya doroga. Vchera. Segodnya. Zavtra. 1870–1995 gg. [Southwestern Railway. Yesterday. Today. Tomorrow. 1870–1995]. Kiev, Transport Ukrainy, 243 s.
- Sektor arkhivov GP «Donetskaya zheleznaya doroga» (SA DonZhd). F. 32. Istoriya Donetskoy zheleznoy dorogi [History of the Donetsk railway]. Op. 384. D. 234.
- Fedosov I.V. 1974. Iz Irana na sovetko-germanskiy front. Ukhodili na front eshelony [From Iran to the Soviet-German front. Echelons left for the front]. Pod obshch. red. S.V. Khvoshcheva, A.V. Dobryakova. M., Voenizdat: 248–252.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.12.2022
Поступила после рецензирования 12.01.2023
Принята к публикации 15.01.2023

Received 04.12.2022
Revised 12.01.2023
Accepted 15.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буряк Юрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7840-4975](https://orcid.org/0000-0002-7840-4975)

Шаповалов Владимир Анатольевич, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, доктор исторических наук, профессор, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yurii Yu. Buryak, associate professor of the Department of Sociology and management, candidate of historical sciences, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

Vladimir A. Shapovalov, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Belgorod, Russia

УДК 93/94

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-197-207

Оригинальное исследование

Боевые действия 7-й гвардейской армии в подготовительный период Курской битвы (конец марта – июнь 1943 г.)

Наумов Д.В.

43 отдел Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Россия, 309000, Белгородская область, п. Прохоровка, ул. Парковая, 47
E-mail: dimasnone@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются боевые действия 7-й гвардейской армии в подготовительный период Курской битвы. После завершения Сталинградской битвы на тот момент еще 64-я общевойсковая армия прибыла в распоряжение Воронежского фронта, заняв позиции на восточном берегу Северского Донца. Справа располагалась 21-я армия Воронежского фронта, слева – 57-я армия Юго-Западного фронта. После неудачной атаки Михайловского плацдарма в середине апреля соединения армии на всем участке перешли к возведению оборонительных линий, как и на остальных участках фронта. В статье описаны основные виды боевых действий, которые вела армия, а также их результаты. На основании архивных документов установлены боевые потери 7-й гвардейской армии в период с конца марта по июнь 1943 г.

Ключевые слова: Курская битва, 7-я гвардейская армия, Михайловский плацдарм, Воронежский фронт

Для цитирования: Наумов Д.В. 2023. Боевые действия 7-й гвардейской армии в подготовительный период Курской битвы (конец марта – июнь 1943 г.). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 197–207. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-197-207

7th Guards Army's Combat Actions in Preparation Period of Kursk Battle (End of March – June 1943)

Dmitri V. Naumov

43th department Military History Research Institute of the RFAF General Staff Military Academy,
47 Parkovaya St., Prokhorovka 309000, Belgorod region, Russia
E-mail: dimasnone@yandex.ru

Abstract. The article deals with 7th Guards Army's combat actions in the preparation period of Kursk battle. After ending of Stalingrad battle 7th Guards Army (previously 64th Army) came to Voronezh front. The army replaced in positions 69th Army suffered after heavy combats near Kharkov and Belgorod. 7th Guards Army took up positions on east bank of the Seversky Donets. The Army had 21st Army on the right flank and 57th of the Southwestern front on the left flank. The German armed forces had a bridgehead in Mikhaylovka – the village near Belgorod. In April 7th Guards Army's formations attacked Mikhaylovka. The combat was unsuccessful for the Soviets. After that the Army started building fortifications in front of Mikhaylovka. In the article also described main types of combat actions during the preparation period of Kursk battle. main types of combat actions were firefights, artillery fire and annihilation reconnaissance group of the Wehrmacht. Analysis of archival documents made it possible to define a number of 7th Guards Army's human losses.

Keywords: Kursk battle, 7th Guards Army, the bridgehead in Mikhaylovka, the Voronezh front

For citation: Naumov D.V. 2023. 7th Guards Army's Combat Actions in Preparation Period of Kursk Battle (End of March – June 1943). *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 197–207 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-197-207

Введение

2023 год – юбилейный для двух знаковых событий отечественной военной истории: окончания битвы за Сталинград и Курской битвы. Связующим звеном между ними является 64 армия¹³³, которая за боевые отличия в Сталинградской битве была удостоена звания гвардейской, а затем принимала непосредственное участие в битве на Курской дуге.

Усилия многих исследователей за прошедшие десятилетия не закрыли всех «белых пятен». Относительно недавно рассекреченные архивные документы позволили ученым сформировать целостную, точную и объективную картину грандиозной битвы не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Достаточно назвать фамилии Л.Н. Лопуховского [Лопуховский, 2005], П.Е. Букейханова [Букейханов, 2012], А.В. Исаева [Исаев, 2018], Г.М. Ипполитова [Ипполитов, 2018].

Исследование различных аспектов Курской битвы невозможно представить без крупнейшего специалиста по данной проблеме В.Н. Замулина [Замулин, 2008; Замулин, 2013; Замулин, 2018]. Даже В.Н. Замулин, рассматривая подготовку обеих сторон к Курской битве, описывал боевые действия лишь крупными штрихами, поскольку изучение непосредственно боевых действий не входило в число основных задач его работ.

События с марта по начало июля 1943 г. интересовали исследователей главным образом с точки зрения стратегических планов сторон, комплектования соединений и частей, деятельности разведки и т. д.

В работах известных зарубежных историков Стивена Ньютона [Ньютон, 2006; Newton, 2003], Ника Корниша [Корниш, 2013; Kornish, 2002], Романа Тёппеля [Тёпель, 2019; Töppel, 2017] и других также отсутствует подробная информация по боевым действиям Воронежского фронта или его объединений в период с конца марта по конец июня.

Но на фронте велись боевые действия, пусть и меньшей интенсивности. Обе стороны пытались достигнуть тактических успехов, чтобы улучшить свои позиции. Кроме того, велись действия, направленные на уничтожение живой силы, мест хранения боекомплекта, материальной части – всё, что было способно затруднить подготовку противника к грядущему сражению. На наш взгляд, полноценное изучение Курской битвы невозможно без изучения периода, получившего в историографии названия оперативной паузы.

Изучение боевых действий в районе Белгорода (в полосе действия 7-й гвардейской армии) с конца марта – по конец июня 1943 г. позволит восполнить определенные пробелы и ввести в научный оборот новые источники. Изучение данных событий имеет и несомненное значение с точки зрения региональной истории.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является боевая деятельность 7-й гвардейской армии в подготовительный период Курской битвы. Период с конца марта по конец июня 1943 г. был выбран нами по следующим причинам. Во-первых, к концу марта относится прекращение немецкими силами наступательных действий в районе Белгорода и окончательный переход Воронежского фронта к планомерной обороне. Первые числа июля неразрывно связаны с начавшейся 5 июля операцией «Цитадель» и довольно хорошо изучены в историографии, поэтому мы ограничились концом июня. Во-вторых, указанный период в контексте боевых действий рассмотрен крайне слабо, и нам представляется перспективным сосредоточить свое внимание на нем.

Для изучения боевых действий 7-й гвардейской армии в период с конца марта – по конец июня 1943 г. были использованы советские военные документы. Это журналы боевых действий Воронежского фронта, 7-й гвардейской армии и ее соединений, оперативные свод-

---

¹³³ 16 апреля 1943 г. была преобразована в 7-ю гвардейскую армию. Поэтому при описании событий до этой даты используется наименование 64-я армия, а после и когда речь идет о воинском объединении как таковом – 7-я гвардейская армия. Прим. – Д.Н.

ки и боевые донесения. Эти документы содержат не только конкретные факты и цифры, но и отражают оценку командованием ситуации на фронте. Конечно, в этом заключается и известный недостаток, поскольку для создания полной и объективной картины необходимо привлечение документов противника. Мы надеемся, что работа в этом направлении в будущем позволит дополнить информацию советских источников и сравнить их с немецкими.

В процессе исследования использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы. Общенаучными методами являются методы индукции, анализа и синтеза.

Историко-генетический метод использовался нами для рассмотрения этапов развития боевой деятельности 7-й гвардейской армии. Историко-системный метод позволил рассмотреть боевые действия с конца марта по конец июня как часть грандиозных событий на советско-германском фронте – от неудачного окончания операции «Звезда» до начала Курской битвы.

Результаты и их обсуждение

В результате неудачно сложившегося завершающего этапа зимней кампании 1942–1943 гг. советские войска вынуждены были оставить Харьков и Белгород. Находившаяся на левом крыле фронта 69-я армия понесла тяжелые потери и была отброшена за р. Северский Донец [Абатуров, Португальский, 2008 с. 323]. Она нуждалась в отдыхе и доукомплектовании.

Согласно приказу НКО от 27 февраля 1943 г. 64-й армии, принимавшей до этого участие в Сталинградской битве, было предписано прибыть в распоряжение командующего Воронежским фронтом. 64-я армия и должна была заменить 69-ю, которая выводилась в резерв фронта.

Процесс перемещения личного состава и материальной части занял около полутора месяцев. Соединения и части армии постоянно сталкивались с острым дефицитом горючего, фуража, возникали задержки и при использовании железнодорожного транспорта¹³⁴. Задержки в пути больше всего касались артиллерии. Например, к 4 апреля большая часть подразделений 161-го гв. пап, 114-го гв. иптап, 124-го зап, 262-го тп из-за отсутствия горючего все еще не добралась до рубежей обороны¹³⁵, а 7 апреля отмечалось, что на станции выгрузки застряла вся артиллерия 81-й, 36-й, 72-й и частично 73-й гв. сд¹³⁶.

Полностью устранить проблему с горючим удалось лишь к 12 апреля, а окончательное сосредоточение артиллерии завершилось лишь к 18 апреля¹³⁷. На скорость передвижения частей влияла погода и состояние дорог. В первой половине апреля температура воздуха колебалась преимущественно от +4 до +6° С; в первой декаде шли обильные осадки, что сильно ухудшало проходимость дорог не только для колесного, но и для гусеничного транспорта¹³⁸.

В целях безопасности передвижение происходило в ночное время, поскольку вражеская авиация не дремала. Еще на этапе перевозки по железной дороге части армии подвергались вражеским авианалетам. Особенно интенсивными они были в период продвижения от станций Новый Оскол и Старый Оскол до станций Волоконовка и Валуйки. Затем застрявшие на станциях выгрузки эшелоны представляли хорошую цель для вражеских бомбардировщиков. Солдаты и офицеры активно применяли меры маскировки, особенно в ночное время. Хорошая организация и строгая дисциплина также помогали избегать по-

¹³⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 341. Оп. 5328. Л. 1 об.

¹³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 284. Л. 11 об.

¹³⁶ Там же. Л. 13.

¹³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 3.

¹³⁸ Составлено на основании прогноза погоды на апрель 1943 г. и оперативных сводок Воронежского фронта.

ть. Например, на станции Волоконовка один из эшелонов был разгружен всего за 40 минут, и в результате последовавшего вражеского авианалета оказались повреждены лишь вагоны, а личный состав не пострадал¹³⁹.

Тем не менее в результате действия вражеской авиации за месяц погибло 45 человек, еще 111 были ранены¹⁴⁰.

В итоге первые соединения и части 64-й армии прибыли на Воронежский фронт в середине марта, когда немецкие войска развивали свой наступательный успех после овладения Харьковом. Последние артиллерийские части добрались лишь к середине апреля, когда фронт уже обрел устойчивую конфигурацию.

Армии предписывалось занять оборонительные позиции на восточном берегу Северского Донца. Приказ командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина от 31 марта № 93 требовал: «Прочно удерживать занимаемый рубеж с передним краем по восточному берегу р. Сев. Донец от Черная поляна до (иск.) 1-е Советское и ни в коем случае не допустить переправы хотя бы одиночных солдат противника через р. Сев. Донец»¹⁴¹.

64-я гвардейская армия находилась на левом фланге Воронежского фронта, соседом слева была 57-я армия Юго-Западного фронта, соседом справа – 21-я армия.

Западный берег Северского Донца на участке обороны 64-й армии был выше восточного, что давало определенные преимущества противнику. Местность характеризовалась следующим образом: «на всю тактическую глубину открытая, с пологим скатом, обращенным к противнику, и хорошо просматривается...»¹⁴². Напротив, западный берег предоставлял возможности для скрытного передвижения и строительства инженерных укреплений. В некоторых местах рельеф местности позволял противнику незаметно подойти почти к самой воде.

Советские вооруженные силы полностью не контролировали восточный берег Северского Донца, на котором имелись немецкие позиции: высота 126,3 и т.н. Михайловский плацдарм¹⁴³. В.Н. Замулин отмечает, что плацдарм был небольшим, около 9 кв. км твердого грунта [Замулин, 2019, с. 140].

Наличие вражеского плацдарма ожидаемо вызывало беспокойство у командующего фронтом. Поэтому тот же приказ № 93 требовал не позднее 2 апреля ликвидировать вражеский гарнизон в Михайловке и прочно занять позиции.

Однако упоминавшиеся выше трудности с передислокацией не позволили выполнить приказ Н.Ф. Ватутина. 2 апреля имевшейся артиллерией был лишь произведен обстрел Михайловки, в результате которого было уничтожено 4 пулеметные точки¹⁴⁴. Активные наступательные действия по вытеснению противника с восточного берега развернулись позднее.

К 7 апреля высота 126,3 перешла под контроль 213-й сд.

Штурм Михайловки проводился частями 73-й гв. сд. Ход боевых действий достаточно подробно описан в журнале боевых действий дивизии¹⁴⁵.

Подступы к Михайловке были хорошо укреплены. Имелись противотанковые и противопехотные минные заграждения и колючая проволока. 15 апреля саперные подразделения дивизии проводили разминирование, а днем ранее ночные бомбардировщики У-2 в течение всей ночи неоднократно бомбили Белгород, Пушкарное и Михайловку. В результате действий советской ночной авиации были отмечены взрывы и возникший пожар.

¹³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 540. Л. 110 об.

¹⁴⁰ Там же. Д. 284. Л. 10 об.

¹⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 3.

¹⁴² ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 537. Л. 117.

¹⁴³ Деревня Михайловка в то время не входила в черту города, находилась в районе современных белгородских улиц Корочанской, Волчанской и Михайловского шоссе – прим. Д.Н.

¹⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 284. Л. 11 об.

¹⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 33. Лл. 19, 19 об, 20.

Вполне возможно, что бомбардировка была частью подготовки к штурму, поскольку фронтовая разведка выявила наличие вражеских батарей в Белгороде и Пушкарном.

Атака Михайловки проводилась с трех сторон. 3-й батальон 343-го гв. сп двигался с южной окраины Старого Города, 1-й батальон того же полка – со стороны железнодорожной ветки восточнее Михайловки, а 3-й батальон 48-го гв. сп наступал с южной стороны Михайловки.

Рано утром после арт. подготовки и залпа реактивной артиллерии батальоны перешли в атаку. Батальоны 343-го гв. сп были остановлены огнем противника у проволочного заграждения, завязался стрелковый бой.

Батальону 48-го гв. сп удалось прорваться на окраины Михайловки, а один из батальонов 343-го гв. сп, несмотря на артиллерийский огонь, сумел начать движение в сторону западного края села, на котором располагался мост.

Шедшая на помощь резервная рота учебного батальона попала под минометный огонь и атаку немецкой авиации, потеряв 32 человека убитыми и ранеными.

Бой продолжался весь день. Журнал боевых действий сообщает о том, что к 18.00 7-я и 8-я роты 3-го батальона 343-го гв. сп оказались отрезанными от остальных подразделений, потеряли до 70 % личного состава, а командир батальона утратил с ними связь¹⁴⁶. К ним пыталась пробиться 9-я рота того же полка, но была остановлена огнем противника.

К вечеру была отмечена и контратака противника, поддержанная 6 танками. Очевидно, что наличие у противника действующего моста позволило ему переправить в течение дня на восточный берег танки.

В течение дня с обеих сторон работала артиллерия. В результате действий советской артиллерии в Белгороде было зафиксировано 6 взрывов и наличие множества возгораний, пожары были и в Михайловке.

В итоге к 17 апреля понесшие большие потери подразделения вынуждены были отступить из Михайловки. Командование дивизии докладывало о следующих потерях: 245 человек убитыми, 231 – ранеными. Кроме того, было уничтожено одно 76-мм орудие. Потери противника были оценены в 250 человек убитыми и ранеными.

Немецкое командование немедленно усилило гарнизон Михайловки. Наблюдателями отмечалось прибытие 300 человек пехоты, а шум моторов позволял сделать предположение о наличии танков. Кроме того, передний край обороны были усилен 4 противотанковыми орудиями.

В течение ночи 18 апреля У-2 также проводили бомбардировки вражеских позиций. Разведка сообщала и о том, что противник в направлении 48-го гв. сп и 29-го гв. сп резал проволочные заграждения. Вероятно, командование 73-й гв. сд опасалось немецкой контратаки, поэтому активно велось минирование перед передним краем обороны южнее и юго-восточнее Михайловки.

Однако активных действий ни та, ни другая сторона в районе Михайловки больше не предпринимали. Велись инженерные работы, устанавливались минные заграждения. На наш взгляд, именно после 18 апреля на данном участке началось такое же строительство инженерных укреплений, как и на других участках ответственности 7-й гвардейской армии. Аналогичное мнение высказывает и В.Н. Замулин [Замулин, 2019, с. 131].

Сохранение противником Михайловского плацдарма оказало влияние на развитие немецкого наступления в ходе операции «Цитадель». Командование 7-й гв. армии вынуждено было концентрировать силы против Михайловского плацдарма за счет ослабления других направлений [Исаев, 2013, с. 51].

В течение следующих дней отмечались артиллерийские обстрелы. Основными целями немецкой артиллерии были позиции южнее Михайловки, а также в районе развязки Крейда, Разумное.

¹⁴⁶ Там же. Л. 19 об.

21 апреля 73-я стрелковая дивизия получила приказ наркома обороны от 16 марта 1943 г. за номером 125. За исключительные заслуги при освобождении Сталинграда 73-я гв. сд получала почетное наименование «Сталинградская». Почетных наименований были удостоены и полки дивизии. Радостное событие было отмечено парадом и 3-минутным артиллерийским залпом из всех орудий по противнику¹⁴⁷.

Наличие переправы через Северский Донец позволяло противнику поддерживать устойчивую связь с гарнизоном в Михайловке. Как показал неудачный опыт штурма, немцы могли довольно оперативно перебросить на плацдарм резервы, в том числе и танки. Без уничтожения вражеских переправ о ликвидации Михайловского плацдарма не могло быть и речи. Кроме того, наличие вражеских переправ на других участках могло представлять серьезную опасность и влиять на перспективы планируемого немецкого наступления.

Точное количество имевшихся у противника переправ не установлено. На советских картах можно увидеть, что к Михайловке ведут два моста через реку. Журнал боевых действий 73-й гв. сд упоминает на 1 апреля лишь один мост, соединяющий Михайловку с западным берегом Северского Донца¹⁴⁸. Журнал боевых действий штаба артиллерии 7-й гвардейской армии отмечает попытки разрушить немецкий мост в Михайловку 1 и 8 апреля.

В ходе упоминавшегося штурма подразделениями 73-й гв. сд была попытка прорваться к мосту, из чего можно сделать вывод, что другой действующей переправы в Михайловку не было (либо командование дивизии о нем не знало). 21 апреля орудия 161-го гв. пап и 214-го гв. ап пытались уничтожить вражеский мост через Северский Донец. Его удалось лишь повредить, но на какое-то время движение транспорта противника по нему было остановлено. Попытки уничтожения моста продолжились и в дальнейшем. 6 мая 1-й батарее 161-го гв. пап цели достигнуть всё-таки удалось¹⁴⁹ (вероятно, позднее всё-таки был восстановлен противником). Из чего можно также сделать вывод, что артиллерия работала по одному конкретному мосту, а не по нескольким.

Начальник штаба инженерных войск 7-й гв. армии гвардии полковник Петров также отмечал (по состоянию на 29 апреля), что все мосты через Северский Донец разрушены, за исключением моста в Михайловку, который используется противником¹⁵⁰.

Характеризуя р. Северский Донец, гвардии генерал-майор инженерных войск И.В. Пляскин отмечал, что все постоянные мосты (их он назвал шесть) были взорваны¹⁵¹.

В конце мая командир взвода управления 6-й батареи 290-го мп обнаружил 4 немецкие переправы через Северский Донец в районе Пушкарного. Две из них были предназначены для пехоты, две другие – для техники¹⁵².

С конца мая в документах отмечается возросшая активность немецких инженерных частей, которые занимались строительством переправ. 5 июня артиллерия 73-й гв. сд вела огонь по «команде строителей моста через Северский Донец», но конкретное место не называется¹⁵³. В последующие дни артиллерия дивизии продолжала вести огонь по возводящимся переправам, создавая помехи вражеским инженерам, и вела огонь по возводящимся переправам. Обращает на себя внимание, что немцы занимались и наведением моста в Михайловке¹⁵⁴. В последующие дни артиллерия неоднократно вела огонь по мосту «Северный», но точного его места не называет.

В.Н. Замулин, основываясь на данных 238-го гв. сп начала июля 1943 г., отмечает, что немцы имели два моста в районе Михайловки [Замулин, 2018, с. 137]. При этом мост в

¹⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 33. Л. 21.

¹⁴⁸ Там же Л. 15 об.

¹⁴⁹ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5328. Д. 171. Л. 20 об.

¹⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 317. Л. 149.

¹⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 248. Л. 66.

¹⁵² Там же. Оп. 5328. Д. 171. Л. 22 об.

¹⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5328. Д. 172. Л. 81.

¹⁵⁴ Там же. Л. 80.

северной части села с наблюдательного пункта полка просматривался плохо. Возможно, это и есть тот самый «Северный» мост, который упоминают советские документы. Исходя из всего вышеназванного, можно сделать предположение о том, что коммуникация с Михайловским плацдармом в апреле и мае осуществлялась по единственному уцелевшему мосту, а в июне немцы уже располагали двумя мостами, которые и простояли до начала «Цитадели».

Обе стороны осуществляли переправу через реку для ведения разведки. К 30 апреля командованию 7 гв. армии было известно как минимум пять бродов¹⁵⁵. Три из них уже использовались для переправы, еще два были указаны местными жителями и требовали проверки. К концу мая советские документы сообщают уже о 14 обнаруженных бродах и еще двух, которые могут появиться в летнее время с характеристикой их проходимости¹⁵⁶. Наконец, небольшие группы могли переправиться через реку с использованием плавсредств.

Разведгруппы противника выявлялись, а их попытки перебраться на восточный берег пресекались. Например, в апреле было зафиксировано несколько попыток ведения разведки противником в районе с. Муром (ныне Шебекинского района Белгородской области). Например, 14 апреля части 15 гв. сд пресекли попытки ведения разведки группой из десяти человек, которая сумела перебраться через Северский Донец¹⁵⁷.

Спустя неделю другая вражеская разведгруппа была рассеяна и частично уничтожена в районе Воткино в 6 км северо-восточнее с. Муром¹⁵⁸.

Особенно активными попытки противника перебраться на восточный берег Северского Донца были в июне, что можно связать с подготовкой к наступлению. 10 июня взвод немецкой пехоты попытался переправиться на восточный берег Северского Донца, но, потеряв в перестрелке 4 человека убитыми, был вынужден отступить¹⁵⁹; в 10.00 того же дня была отбита вторая попытка форсировать Северский Донец в районе Дальние Пески¹⁶⁰.

17 июня группа численностью 15 человек попыталась переправиться через Северский Донец в районе Бугроватка, но была остановлена передовым отрядом 36-й гв. сд¹⁶¹.

Разведка велась и за счет применения военной хитрости. Для этого создавались специальные группы, составленные из пленных красноармейцев. Командованию Воронежского фронта стало известно о том, что в распоряжение 7-й гвардейской армии была направлена одна такая диверсионно-разведывательная группа в составе 13 человек, полностью состоящая из пленных красноармейцев¹⁶². Вся группа была взята в плен в районе Безлюдовки. Всего же на участке Воронежского фронта ожидалась заброска еще 3–4 подобных групп.

Тем не менее иногда немецким разведгруппам удавалось добиваться успехов. Особенно в том случае, если бдительность на переднем крае ослабевала. Несколько таких эпизодов можно обнаружить в приказе генерала М.С. Шумилова от 9 июня¹⁶³. Например, 5 июня немецкой разведгруппе удалось в 9.30 переправиться через Северский Донец, подобраться к позициям 125-го гв. сп 78-й гв. сд и увести в плен 7 военнослужащих, забрать 1 станковый, два ручных пулемета, а также ранить 8 бойцов и командиров.

Разведчики 7-й гв. армии также выполняли поставленные задачи. Например, 26 апреля в районе Соломино и Пристенъ было захвачено два солдата 320-й пехотной дивизи-

¹⁵⁵ Там же. Оп. 5312. Д. 248. Л. 68.

¹⁵⁶ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 317. Лл. 192, 192 об.

¹⁵⁷ Там же. Д. 429. Л. 148.

¹⁵⁸ Там же. Л. 168.

¹⁵⁹ Там же. Л. 299.

¹⁶⁰ Там же. Л. 299.

¹⁶¹ Там же. Л. 313.

¹⁶² ЦАМО РФ. Ф. 6523. Оп. 0203209с. Д. 1. Л. 301.

¹⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 159. Лл. 23–26.

зии ¹⁶⁴; 4 мая на западном берегу реки разведгруппа 213-й сд взяла в плен солдата 442-го пехотного полка 168-й пехотной дивизии, который сообщил ценную информацию о перегруппировке противника в районе Белгорода ¹⁶⁵; 16 мая в районе Пушкарного разведгруппа 73-й гв. сд взяла «языка» из 429-го пехотного полка 168-й пехотной дивизии ¹⁶⁶.

В период с апреля по начало июля на участке ответственности армии регулярно наблюдались перестрелки. Например, за первую неделю мая 24-й гв. ск потерял 13 человек убитыми и 57 ранеными ¹⁶⁷. А за весь июнь тот же корпус понес следующие потери: 131 убитый и 369 раненых ¹⁶⁸.

Регулярно происходили и артиллерийские дуэли. Обе стороны стремились уничтожить выявленные огневые позиции противника, склады боеприпасов, сосредоточение живой силы.

В некоторые дни немецкая артиллерия вела довольно интенсивные обстрелы. Так, 21 апреля на позиции армии «прилетело» порядка 800 снарядов и мин, а 17 мая – около тысячи.

Советская артиллерия вела не только ответный, но и беспокоящий огонь. Например, план ведения беспокоящего огня артиллерии 7-й гв. армии на июнь предполагал ведение артиллерийского огня только в вечернее и ночное время, что должно было оказывать дополнительное деморализующее воздействие на противника ¹⁶⁹. В целях безопасности огонь велся только одиночными орудиями с временных позиций.

Наконец, важной характеристикой боевых действий в изучаемый период будут сведения о потерях, понесенных соединениями и частями 7-й гв. А. Данные о потерях составлены на основании документов оперативного отдела штаба армии. Следует сказать, что подобных данных за июнь 1943 г. нами выявлено не было, поэтому сведения за этот месяц были составлены на основании оперативных сводок, боевых донесений и журнала боевых действий. У нас есть основание полагать, что полученные данные не полны и нуждаются в дальнейшем уточнении. Кроме того, представленные во всех таблицах сведения не отражают полной картины о потерях армии, поскольку мы не учитываем информацию о санитарных потерях.

Таблица 1
Table.1

Потери соединений и частей 7 гв. А в живой силе за апрель 1943 г.¹⁷⁰
 7th Guards Army's formations human casualties in April, 1943

Соединение или часть	Убито	Ранено	Пропало без вести	Всего
15 гв. сд	51	161	–	212
36 гв. сд	11	10	–	21
72 гв. сд	33	97	2	132
73 гв. сд	414	477	47	938
78 гв. сд	5	18	–	23
81 гв. сд	9	20	–	29
213 сд	140	323	63	526
Артиллерийские части	14	35	2	51
Танковые части	6	6	–	12
Всего	683	1147	114	1944

¹⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 429. Л. 181.

¹⁶⁵ Там же. Л. 205.

¹⁶⁶ Там же. Л. 241.

¹⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 875. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

¹⁶⁸ Там же. Л. 11.

¹⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 875. Оп. 1. Д. 213. Лл. 119–120.

¹⁷⁰ Сост. по: ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 194. Л. 91.

Таблица 2

Table 2

Потери соединений и частей 7 гв. А в живой силе за май 1943 г.¹⁷¹
7th Guards Army's formations human casualties in May, 1943

Соединение или часть	Убито	Ранено	Пропало без вести	Всего
15 гв. сд	55	181	1	237
36 гв. сд	4	11	-	15
72 гв. сд	71	294	-	365
73 гв. сд	77	262	-	339
78 гв. сд	52	73	-	125
81 гв. сд	11	7	-	18
213 сд	65	210	32	307
Артиллерийские части	18	49	-	67
Танковые части	11	29	-	40
Инженерные части	7	8	-	15
Всего	371	1124	33	1528

Таблица 3

Table 3

Потери 7 гв. А в живой силе за июнь 1943 г.¹⁷²
7th Guards Army's human casualties in June, 1943

	Убито	Ранено	Пропало без вести	Попало в плен	Всего
Первая половина июня	132	378	9	9	528
Вторая половина июня	77	243	-	-	320
Всего	209	621	9	9	848

Заключение

После окончания Сталинградской битвы 64 армия (затем 7-я гвардейская) была передана в подчинение Воронежского фронта, где должна была сменить на боевых позициях 69-ю армию, понесшую серьезные потери в ходе зимней кампании. Полностью все части армии прибыли на Воронежский фронт лишь к середине апреля.

Командующий фронтом Н.Ф. Ватутин предписывал прочно удерживать восточный берег Северского Донца, не допуская переправы противника. Другой важной задачей был захват высоты 126,3 и Михайловского плацдарма. В ходе боевых действий в апреле высота перешла под контроль армии, а Михайловка в ходе неудачного штурма не была взята. Таким образом, в период оперативной паузы 7-й гвардейской армии не удалось полностью установить контроль над восточным берегом Северского Донца. Немецкие войска сумели сохранить плацдарм до начала операции «Цитадель», что сыграло важную роль в развитии немецкого наступления.

7-я гвардейская армия в период с конца марта по конец июня в целом довольно успешно контролировала занимаемый берег Северского Донца (за исключением района Михайловки). Командование армии было хорошо осведомлено об имевшихся у противника постоянных мостах и переправах, что помогло советской стороне в первые часы реализации плана «Цитадель».

7-й гвардейской армии удавалось в целом успешно отражать переправы вражеских разведгрупп на восточный берег. В июне интенсивность попыток противника переправить на восточный берег Северского Донца возрастала, что можно объяснить готовившимся

¹⁷¹ Сост. по: ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 327. Л. 3

¹⁷² Сост. на основе журнала боевых действий 7-й гв. А.

наступлением. Определенных успехов удалось достигнуть и разведывательным группам соединений армии, которые захватывали пленных и получали от них ценную информацию.

На протяжении всего рассматриваемого периода важным аспектом боевых действий являлись артиллерийские дуэли. Основными целями являлись места скопления живой силы, склады боеприпасов, артиллерийские орудия. Советское командование реализовывало план беспокоящего огня в ночное время, целью которого была деморализация противника.

Список источников

- Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 203. Воронежский фронт. Оп. 2843. Д. 317.
ЦАМО РФ. Ф. 203. Воронежский фронт. Оп. 2843. Д. 323.
ЦАМО РФ. Ф. 203. Воронежский фронт. Оп. 2843. Д. 429.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 159.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 194.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 248.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 284.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 327.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 537.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5312. Д. 540.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5328. Д. 171.
ЦАМО РФ. Ф. 341. 7 гвардейская армия. Оп. 5328. Д. 172.
ЦАМО РФ. Ф. 875. 24 гвардейский стрелковый корпус. Оп. 1. Д. 21.
ЦАМО РФ. Ф. 875. 24 гвардейский стрелковый корпус. Оп. 1. Д. 213.
ЦАМО РФ. Ф. 1212. 73 гвардейская стрелковая дивизия. Оп. 1. Д. 33.

Список литературы

- Абатуров В.В., Португальский Р. 2008. Харьков – проклятое место Красной Армии. М: Яуза, 541.
Букейханов П.Е. 2012. Курская битва. Перелом. Сражение на южном фланге Курской дуги. Крах операции «Цитадель». Июль 1943. М., ЗАО Издательство Центрполиграф, 543.
Замулин В.Н. 2008. Засекреченная Курская битва. М., Эксмо, 784.
Замулин В.Н. 2013. Прохоровское сражение. М., ООО «Издательский дом «Вече», 576.
Замулин В.Н. 2018. Забытое сражение Огненной дуги. М., Эксмо, 864.
Замулин В.Н. 2019. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 2. М., Яуза, 539.
Ипполитов Г.М. 2018. «Огненная дуга»: подготовка противников к Курской битве (5 июля – 23 августа 1943 г.). Взгляд через три четверти века. Известия Самарского научного центра РАН, 3–1: 111–126.
Исаев А.В. 2013. Курская битва. Первая иллюстрированная энциклопедия. М., Эксмо, 2013. 368.
Исаев А.В. 2018. Курская битва. Всё о сражении, решившем судьбу Второй мировой. М., Эксмо, Яуза, 368.
Корниш Н. 2013. Курская битва: величайшее в истории танковое сражение, июль 1943. Пер. с англ. М., Центрполиграф, 223 (Kornish N. 2002. Images of Kursk. History's greatest tank battle, July, 1943. London, The Brown Reference Group plc, 224).
Лопуховский Л.Н. 2008. Прохоровка. Без грифа секретности. М., Эксмо, Яуза, 605.
Ньютон С. 2006. Курская битва. Немецкий взгляд: операция «Цитадель» в описаниях немецких военачальников. Пер. с англ. М., Яуза, Эксмо. 2006. 573 (Newton S. 2003. Kursk: The German view. Da Capo Press, 485).
Тёппель Р. 2019. Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны. Пер. с нем. М., Вече. 304. (Töppel R. 2017. Kursk 1943. Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Paderborn, F. Schöningh, cop. 289).

References

- Abaturov V.V., Portugal'skiy R. 2008. Khar'kov – proklyatoye mesto Krasnoy Armii [Kharkov – the cursed place of the Red Army]. M: Yauza, 541 (in Russian).

- Bukeykhanov P.E. 2012. Kurskaya bitva. Perelom. Srazhenie na yuzhnom fase Kurskoy dugi. Krakh operatsii «Tsitadel'». Iyul' 1943 [Battle of Kursk. Fracture. Battle on the southern face of the Kursk salient. The collapse of Operation «Citadel». July 1943]. M., ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 543 (in Russian).
- Zamulin V.N. 2008. Zasekrechennaya Kurskaya bitva [Secret Battle of Kursk]. M., Eksmo, 784 (in Russian).
- Zamulin V.N. 2013. Prokhorovskoe srazhenie [Battle of Prokhorov]. M., ООО «Izdatel'skiy dom «Veche», 576 (in Russian).
- Zamulin V.N. 2018. Zabytoe srazhenie Ognennoy dugi [Forgotten Battle of the Fire Arc]. M., Eksmo, 864 (in Russian).
- Zamulin V.N. 2019. Kursk-43. Kak gotovilas' bitva «titanov» [Kursk-43. How was the battle of the titans prepared?]. Kniga 2. M., Yauza. 539 (in Russian).
- Ippolitov G.M. 2018. «Ognennaya duga»: podgotovka protivnikov k Kurskoy bitve (5 iyulya – 23 avgusta 1943 g.). Vzglyad cherez tri chetverti veka [«Arch of Fire»: Preparing Opponents for the Battle of Kursk (July 5 – August 23, 1943). A look through three quarters of a century]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 3–1: 111–126 (in Russian).
- Isaev A.V. 2013. Kurskaya bitva. Pervaya illyustrirovannaya entsiklopediya [Battle of Kursk. The first illustrated encyclopedia]. M., Eksmo, 2013. 368 (in Russian).
- Isaev A.V. 2018. Kurskaya bitva. Vse o srazhenii, reshivshem sud'bu Vtoroy mirovoy [Battle of Kursk. All about the battle that decided the fate of World War II]. M., Eksmo, Yauza. 368 (in Russian).
- Kornish N. 2013. Kurskaya bitva: velichayshee v istorii tankovoe srazhenie, iyul' 1943. Per. s angl. M., Tsentrpoligraf, 223 (Kornish N. 2002. Images of Kursk. History's greatest tank battle, July, 1943. London, The Brown Reference Group plc, 224).
- Lopukhovskiy L.N. 2008. Prokhorovka. Bez grifa sekretnosti [Prokhorovka. Nonclassified]. M., Eksmo, Yauza, 605 (in Russian).
- N'yuton S. 2006. Kurskaya bitva. Nemetskiy vzglyad: operatsiya «Tsitadel'» v opisaniyakh nemetskiikh voenachal'nikov [Battle of Kursk. German view: Operation «Citadel» in the descriptions of German military leaders]. Per. s angl. M., Yauza, Eksmo. 2006. 573. (Newton S. 2003. Kursk: The German view. Da Capo Press, 485).
- Teppel' R. 2019. Kursk 1943: Velichayshaya bitva Vtoroy mirovoy voyny. Per. s nem. M., Veche. 304. (Töppel R. 2017. Kursk 1943. Die größte Schlacht des Zweiten Weltkriegs. Paderborn, F. Schöningh, cop. 289).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.02.2023

Received 16.02.2023

Поступила после рецензирования 25.02.2023

Revised 25.02.2023

Принята к публикации 06.03.2023

Accepted 06.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наумов Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник 43-го научно-исследовательского отдела (военной истории Центрального региона РФ), Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, г. Белгород, Россия

Dmitry V. Naumov, candidate of historical sciences, junior research scientist of 43th Department (Military history of Central region of Russian Federation) Military History Research Institute of the RFAF General Staff Military Academy, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-7536-427X](https://orcid.org/0000-0001-7536-427X)

УДК 94(470)

DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-208-221

Оригинальное исследование

Практика реализации реформы приходского управления в юго-восточных благочиниях Курско-Белгородской епархии в 1961 году

Остроухова Н.В. ¹, Прокофьева Е.Ю. ²

¹) МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 36» г. Белгорода,
Россия, 308012, Белгородская область, г. Белгород, Бульвар 1 Салюта, 6

²) Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: pochtaon@mail.ru; E-mail: prokofieva@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье проанализированы особенности практической реализации реформы приходского управления Русской Православной Церкви на материалах Белгородской области, проявление государственного вмешательства в управленческую, кадровую, финансово-хозяйственную деятельность духовенства Курско-Белгородской епархии. Исследование проведено на основе документов региональных архивов, в том числе фондов «Белгородского областного комитета КПСС» Государственного архива новейшей истории Белгородской области, «Уполномоченного Советов по делам Русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР по Белгородской области» Государственного архива Белгородской области. Отстранение духовенства от управления приходской общиной, ограничение деятельности священнослужителей исключительно вопросами литургической стороны, низведение пастыря до положения наемного работника было направлено на слом традиционного канонического устройства Русской Православной Церкви, а также фактическое подчинение церковных советов гражданским властям.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, приходская община, уполномоченный, советское государство, реформа приходского управления

Благодарности: авторы выражают глубокую благодарность преподавателям кафедры российской истории и документоведения, в частности доцентам кафедры российской истории и документоведения Галушко И.Г., Сергиенко М.А., Козлову К.В.

Для цитирования: Остроухова Н.В., Прокофьева Е.Ю. 2023. Практика реализации реформы приходского управления в юго-восточных благочиниях Курско-Белгородской епархии в 1961 году. Via in tempore. История. Политология. 50 (1): 208–221. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-208-221

The Practice of Implementing the Parish Administration Reform in the Southeastern Deaneries of the Kursk-Belgorod Diocese in 1961

Natalya V. Ostroukhova ¹, Elena Yu. Prokofieva ²

Municipal budgetary educational institution «Secondary school 36» of Belgorod,
6 Boulevard 1 Salyuta, Belgorod 308012, Russia
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: pochtaon@mail.ru; E-mail: prokofieva@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the features of the practical implementation of the reform of the parish administration of the Russian Orthodox Church on the material of the Belgorod region, the manifestation of state interference in the managerial, personnel, financial and economic activities of the clergy of the Kursk-

Belgorod diocese. The study was carried out on the basis of documents and materials from regional archives, including the funds of the «Belgorod Regional Committee of the CPSU» of the State Archive of Recent History of the Belgorod Region, «The Commissioner of the Councils for the Russian Orthodox Church and Religious Cults under the Council of Ministers of the USSR for the Belgorod Region» of the State Archive of the Belgorod Region. The removal of the clergy from the management of the parish community, the restriction of the activities of the clergy exclusively to matters of the liturgical side, the reduction of the pastor to the position of a hired worker was aimed at destroying the traditional canonical structure of the Russian Orthodox Church, as well as the actual subordination of church councils to civil authorities.

Keywords: Russian Orthodox Church, the clergy, believers, state-church relations, parish community, authorized representative, soviet government, Soviet state, reform of parish administration

Acknowledgements: the authors express their deep gratitude to the teachers of the Department of Russian History and Documentation, in particular Associate Professors of the Department of Russian History and Documentation Galushko I.G., Sergienko M.A., Kozlov K.V.

For citation: Ostroukhova N.V., Prokofieva E.Yu. 2023. The Practice of Implementing the Parish Administration Reform in the Southeastern Deaneries of the Kursk-Belgorod Diocese in 1961. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 208–221 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-208-221

Введение

На протяжении советского периода существования российской государственности период руководства страной Н.С. Хрущевым стал одним из наиболее трагических для Русской Православной Церкви, связан с очередным ужесточением антирелигиозной политики в СССР. Изучение региональных особенностей проведения реформы приходского управления Русской Православной Церкви 1961 года, свидетельствующей о новом витке антирелигиозной политики руководства СССР по отношению к Русской Православной Церкви, является особенно актуальным ввиду того цивилизационного наступления, которое осуществляет «коллективный Запад» в отношении традиционных ценностей русской православной культуры на постсоветском пространстве, стремления недружественных России государств к разрушению основ соборности Церкви в условиях крайне обострившейся международной обстановки.

История проведения реформы приходского управления Русской Православной Церкви 1961 года в обобщенном виде представлена в работах таких историков, как О.Ю. Васильева, С.М. Зинчук, А.Н. Марченко, И.И. Маслова, М.И. Одинцов, Д.И. Сазонова, Т.А. Чумаченко, М.В. Шкаровский, В. Цыпина [Цыпин, 1994; Васильева, 2004; Шкаровский М.В., 2010; Чумаченко Т.А., 2014; Одинцов М.И., 2015; Сазонов, 2015; Маслова, 2017; Зинчук, 2019]. Автор статьи делает попытку до некоторой степени восполнить недостаточно изученные региональные аспекты практической реализации реформы приходского управления Русской Православной Церкви на примере православных приходских общин юго-восточных благочиний Курско-Белгородской епархии, расположенных на территории Белгородской области.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают взаимоотношения Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) и государства в условиях реализации реформы приходского управления РПЦ 1961 года в Белгородской области.

При подготовке статьи были проанализированы неопубликованные архивные материалы фондов Государственного архива Белгородской области (ГАБО)¹⁷³ и Государ-

---

¹⁷³ Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. Р – 140. Оп. 3. Д. 3; Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 1; Оп.3. Д. 6, 12, 16, 23, 27, 31, 35, 36.

ственного архива новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО) ¹⁷⁴: статистические сведения о духовенстве, действующих и намеченных к закрытию церквях, религиозной активности населения Белгородской области ¹⁷⁵, «сводные данные единовременного статистического учета действующих и недействующих церквей, молитвенных домов, православных религиозных обществ, их имущества, служителей культа и обслуживающего персонала по Белгородской области» ¹⁷⁶; докладная записка уполномоченного по итогам вышеуказанного единовременного учета ¹⁷⁷; материалы инструктивного совещания уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, состоявшегося в январе 1959 года ¹⁷⁸; отчетно-информационные доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Белгородской области, в том числе по итогам 1961 года ¹⁷⁹.

В ходе исследования автором применялись сравнительно-исторический метод, позволяющий сравнивать положение РПЦ, статус духовенства до и после практической реализации реформы приходского управления на территории Белгородской области, статистический метод, позволяющий проследить количественные изменения численности действующих в период проведения реформы культовых зданий и духовенства в Белгородской области. Исследование проводилось с использованием в диалектическом единстве основополагающих принципов исторического познания, а именно принципов объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение

В «послесталинский» период руководство СССР во главе с Н.С. Хрущевым поставило цель добиться свертывания процесса либерализации государственно-церковных отношений. Возобновление реализации государственной богоборческой политики, характерной для 1920–30-х годов, требовало изменения организационных форм и внедрения новых методов воздействия как на духовенство, так и верующих. Начался поиск способов одновременного перекрытия и дополнительных финансовых источников РПЦ, и подрыва ее структурной устойчивости, основ ее соборности. Этой цели соответствовало обсуждаемое в Совете по делам РПЦ при Совете Министров СССР изменение системы приходского управления РПЦ.

На инструктивном совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР (далее – Совет), состоявшемся в январе 1959 года, членом Совета И. Сивенковым был зачитан доклад, содержащий резкую критику предшествующей деятельности Совета, грубых ошибок, допущенных его руководством в лице Г.Г. Карпова, а также содержания «Положения об управлении Русской Православной Церкви» [Постановление СНК СССР 28.01.1944] (далее – «Положения об управлении РПЦ») ¹⁸⁰. По мнению докладчика, данный нормативный акт был использован «духовенством РПЦ для организации централизованной церковной власти в лице Патриарха и Синода, имеющих в Москве большой аппарат: Управляющего делами с канцелярией, хозяйственное управление, учебный комитет, пенсионный комитет, отделы по вопросам внешних сношений, издательский, а в республиках, краях и областях епархиальные управления, объединяющие благочинных церковных округов и настоятелей церквей и молитвенных домов. Создано 72 епархиальных управления, то есть столько же, сколько их было в дореволюционное время...» ¹⁸¹. По мнению сторонников свертывания частичной

¹⁷⁴ Государственный архив новейшей истории Белгородской области (далее ГАНИБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126.

¹⁷⁵ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 3. Д. 6, 16, 23, 27, 31, 35, 36.

¹⁷⁶ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 121–123.

¹⁷⁷ Там же. Л. 114–119.

¹⁷⁸ ГАБО.Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 1. Л. 30–94.

¹⁷⁹ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 129–160.

¹⁸⁰ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 1. Л. 30–94.

¹⁸¹ Там же. Л. 37.

либерализации государственно-церковных отношений, подобное укрепление материальной базы и системы церковного управления РПЦ требовало возврата к нормам, имевшимся в постановлении 1929 года [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР СНК СССР 08.04.1929]. Соответственно, утверждалось, что раздел IV «Положения об управлении РПЦ» «Приходы» находился в грубом противоречии с советским законодательством, поскольку исполнительные органы религиозных общин были отстранены от финансово-хозяйственной деятельности, вследствие чего настоятель церкви фактически стал полным ее хозяином, как это было в дореволюционное время¹⁸².

Назревавшие в стране кризисные явления, вызванные просчетами советского руководства под управлением Хрущева в социально-экономической политике, стали не только одной из важных причин, но и существенно ускорили переход к жесткой линии «богоборчества», что повлекло изменение статуса РПЦ в правовом поле СССР. Рубежом в данном процессе стали 1960–1961 годы, что нашло практическое выражение в принятии ряда нормативных актов, отменявших действие норм права, несколько улучшавших положение РПЦ в советском государстве по сравнению с довоенным периодом. Так, например, постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» объявляло раздел IV «Положения об управлении РПЦ» («Приходы») не соответствующим советскому законодательству о религиозных культах [Русская Православная Церковь, 2015, с. 479].

Власть настаивала не просто на внесении поправок в «Положение об управлении РПЦ», но добивалась обязательной легитимации реформы приходского управления со стороны всего духовенства и руководства РПЦ. И государственные «рекомендации» Церковь вынуждена была выполнить. Определение Священного Синода об отстранении священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности в приходе, принятое 18 апреля 1961 года, было утверждено Архиерейским Собором РПЦ 18 июля 1961 года [Русская Православная Церковь, 2015, с. 490–492]. По существу, священник занял положение наемного работника у общины верующих. Изменение статуса священника в приходской общине стало одной из предпринимаемых мер по ограничению прав духовенства, таких как перевод духовенства на твердый оклад, повышение налогообложения, запрет на осуществление треб вне помещения церкви и др. Лишение священнослужителей прямой обязанности пастырского возглавления приходских общин, ограничение полномочий епархиальных архиереев по назначению духовенства фактически означало установление государственного контроля над внутренней жизнью Церкви.

Анализ документов региональных архивов позволяет более подробно подойти к изучению особенностей проведения реформы приходского управления РПЦ на местах.

Проанализировав архивные материалы, автор исследования предпринял попытку структурировать информацию по следующим направлениям:

1. Проведение единовременного учета действующих религиозных объединений Белгородской области, имущества, находящегося в их пользовании (далее – единовременного учета):

1.1. Организация и проведение единовременного учета.

1.2. Статистические данные учета зарегистрированных религиозных обществ РПЦ, количества верующих в городах и селах, действующих и недействующих молитвенных зданий, иного недвижимого имущества, транспорта и др.

1.3. Данные учета священнослужителей и обслуживающего персонала РПЦ.

2. Анализ проведения реформы приходского управления РПЦ:

2.1. Реализация партийными и советскими органами мер, направленных на усиление контроля за соблюдением религиозными объединениями и духовенством законодательства о культах.

¹⁸² ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 1. Л. 41.

2.2. Взаимодействие уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Белгородской области с епископом Курским и Белгородским Леонидом.

2.3. Изменение полномочий и отношений епископа Леонида, священнослужителей, исполнительных органов приходских общин Курско-Белгородской епархии.

2.4. Работа уполномоченного Совета по Белгородской области с жалобами и обращениями.

Следует отметить, что отличительной чертой социальной структуры Белгородской области являлось существенное преобладание сельского населения над городским, отсутствие жесткой грани между данными категориями населения, достаточно большое количество церквей, открытых в период оккупации, что в целом являлось предпосылкой для сохранения устойчивости позиций РПЦ, традиционных православных ценностей в менталитете белгородцев. Как следствие одной из неотложных задач, стоявших перед союзными и региональными властями, было упорядочение т. н. «церковной сети» (то есть количества храмов), особенно в тех районах, где церквей, с точки зрения власти, было больше, чем требовалось¹⁸³. Для ее решения органами советской власти в 1961 году был предпринят беспрецедентный по охвату и степени формализации единовременный учет действующих религиозных объединений, групп и имущества, находящегося в их пользовании. Сбор данных статистических сведений имел целью повышение результативности реализации церковной реформы. Итоги единовременного учета, как и отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета за 1961 год, содержатся в фонде ГАНИБО «Белгородский Областной комитет КПСС» в деле под названием «Информации уполномоченного Советов по делам православной церкви и религиозных культов при облизполкоме и УКГБ в обком КПСС о деятельности церкви и религиозных обществ в области»¹⁸⁴. По итогам единовременного учета уполномоченным Советом по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Белгородской области А. Сорочкиным в апреле 1962 года была составлена докладная записка, при составлении которой им были учтены не только статистические данные, но и информация о ходе проведения единовременного учета¹⁸⁵. Организация учета и подготовка лиц, привлекаемых для этой цели в городах и районах, была поручена секретарям городских и районных советов как наиболее подготовленным лицам. Подробный инструктаж по всем вопросам, касающимся процедуры проведения учета, был проведен на семинарских занятиях 24 августа 1961 года. Работа по учету началась, однако уже в ноябре из некоторых районов начали поступать материалы, содержащие массу недочетов, особенно по имуществу и незарегистрированным обществам¹⁸⁶. В результате проведенной работы на 1 января 1962 года в Белгородской области было учтено 109 зарегистрированных религиозных обществ РПЦ. Незарегистрированных обществ РПЦ на территории области не было выявлено¹⁸⁷. Было установлено, что «общее количество верующих, посещавших молитвенные собрания (церковные службы) в большие религиозные праздники, достигало 48 292 человек, в том числе 11 870 в городах, 36 422 в селах»¹⁸⁸. «В области функционировало 97 действовавших типовых церквей и 12 молитвенных домов РПЦ, переданных им по договорам в бесплатное и бессрочное пользование»¹⁸⁹. «Из них 97 – в селах, 10 – в городах, 2 – в рабочих поселках»¹⁹⁰. «Общая полезная площадь типовых церквей и молитвенных домов составила 29 636 квадратных

¹⁸³ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 3. Д. 12. Л. 40.

¹⁸⁴ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126.

¹⁸⁵ Там же Л. 114–119.

¹⁸⁶ Там же. Л. 115.

¹⁸⁷ Там же. Л. 116.

¹⁸⁸ Там же. Л. 122.

¹⁸⁹ Там же. Л. 117.

¹⁹⁰ Там же. Л. 122.

метров»¹⁹¹. «Во владении общин РПЦ по итогам единовременного учета были выявлены 16 жилых (причтовых) домов, 15 из которых находились в собственности общин; 56 нежилых помещений (сторожек, крестилен, складов), из которых 47 были переданы обществам вместе с церковными зданиями по типовым договорам, 9 являлись собственностью общин (построены и приобретены религиозными обществами после 1945 г.)»¹⁹². «Общая площадь всех этих строений составила 824 кв. метра»¹⁹³. Важно отметить, что в докладе указывалось на хорошее состояние подавляющего большинства зарегистрированных зданий в области и на своевременное проведение необходимого текущего их ремонта. Были указаны суммы, затраченные на ремонт церковных зданий: 98 тыс. руб. в 1960 г., 42 тыс. руб. – в 1961 г. Эти данные, по мнению составителей отчета, косвенно подтверждали высокую степень религиозной активности населения Белгородской области. С этим выводом можно вполне согласиться.

Помимо действующих церквей, в докладной записке уполномоченного были приведены данные учета недействующих молитвенных зданий. Из 24 учтенных единиц 18 представляли собой каменные здания, 6 – деревянные. 10 зданий были закрыты до 1960 года, 14 – позже. То есть 14 церковных зданий были закрыты в период с 1960 по 1961 гг. Указывалось также настоящее целевое использование данных недействующих церковных строений: 4 здания были переданы для организации учреждений культуры и образования, 9 – использованы в хозяйственных целях, 12 – подлежали сносу, в том числе 3 по реконструкции, 9 – из-за ветхости¹⁹⁴. При этом Алексеевский, Волоконовский, Грайворонский, Ивнянский и Старооскольский районы были указаны как не выполнившие решение облисполкома о сломе или переоборудовании недействующих церковных помещений¹⁹⁵. По заключению уполномоченного, подобная медлительность с переоборудованием служила предлогом для повторных ходатайств верующих об открытии церквей, что затрудняло проведение работы по сокращению т. н. «церковной сети» в районах и в области в целом.

По сводным данным учета штатного состава на территории Белгородской области были выявлены в зарегистрированных церквях и молитвенных домах РПЦ 98 священнослужителей, 11 дьяконов и 38 псаломщиков. В числе обслуживающего персонала в церквях РПЦ установлены «18 регентов, 410 хористов, 109 старост, 28 помощников старост, 100 казначеев, 36 счетоводов, 63 сторожа, 62 просфорницы, 2 секретаря, 38 уборщиц, 4 истопника, 1 дворник, 4 продавца, 1 кладовщик и 1 пономарь»¹⁹⁶. Из 877 человек обслуживающего персонала 570 указаны как получающие денежное вознаграждение. Столь пристальное внимание к подсчету количества обслуживающего персонала РПЦ, на наш взгляд, было обусловлено отношением к данной категории работников как к лицам, заинтересованным в укреплении материальной базы Церкви, а следовательно – как к социальной опоре РПЦ.

Автором статьи установлено, что отчетно-информационный доклад уполномоченного Совета А. Сорочкина за 1961 год дублирует часть сведений проведенного в 1961 году единовременного учета, но, помимо этого, содержит значительный пласт информации, представляющей для исследования данной проблемы существенный интерес¹⁹⁷. Например, доклад включает классификацию духовенства РПЦ в Белгородской области по уровню образования, периоду принятия сана и возрастному составу. Так, 11 священнослужителей (10 %) окончили средние учебные заведения, 27 (25 %) – неполную среднюю школу, 71 (65 %) – имели общее начальное образование, 4 (3 %) – окончили духовные академии, 12 (18 %) – духовные семи-

¹⁹¹ Там же. Л. 117.

¹⁹² ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 123.

¹⁹³ Там же. Л. 117.

¹⁹⁴ Там же. Л. 118.

¹⁹⁵ Там же. Л. 118.

¹⁹⁶ Там же. Л. 131.

¹⁹⁷ Там же. Л. 129–160.

нарии, 32 (29 %) – прошли неполный курс семинарий, школ и отдельных курсов. В том числе 16 человек (15 %) получили духовное образование в период с 1945 по 1960 гг., 12 священнослужителей (10 %) в возрасте до 30 лет обучались в семинариях и академиях в последние годы (то есть в конце 1950-х – начале 1960-х гг.)¹⁹⁸. Остальные 50 % не имели духовного образования. Приняли сан в период до 1917 года – 5 человек (5 %), с 1917 по 1940 год – 33 (30 %), с 1941 по 1945 год – 13 (11 %), в том числе в период оккупации – 3 человека (3 %), в период с 1946 по 1960 год – 58 (54 %)¹⁹⁹. На оккупированной территории проживало 53 священнослужителя (48 %), судимы по политическим мотивам были 27 человек (25 %). По возрастному составу: из всех действующих в православных храмах 98 священников, 11 диаконов и 40 псаломщиков возраста 40 лет достигли 28 человек (19 %), от 41 до 55 лет насчитывалось 16 человек (11 %), старше 55 лет – 105 человек (70 %)²⁰⁰.

Считаем важным отметить, что сведения о молодых священнослужителях, уровне их образования, месте службы детализировались уполномоченным в отдельных списках. Так, например, в список от 27.04.1961 г. были включены сведения о 25 священнослужителях (20 священниках и 5 диаконах)²⁰¹. Данные священнослужители в своем большинстве окончили 7-летнюю школу и приступили к обучению в духовных семинариях (первый курс обучения завершили 4 священнослужителя, второй – 1, третий – 1). 5 священнослужителей завершили обучение в духовных семинариях, 3 – в духовной академии²⁰². Из анализа вышеуказанных статистических данных очевидно, что священнослужители данной возрастной категории в большинстве своем получили духовное образование, что также в силу изменившегося вектора государственной религиозной политики являлось для власти тревожным показателем.

Для сравнения отметим, что, по статистическим данным уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Белгородской области, в январе 1955 года в области был зарегистрирован 131 священник (из них 14 в городах) и 7 диаконов (3 диакона в городах). До 40 лет было 5 священнослужителей, от 41 до 55 лет – 17, старше 55 лет – 116²⁰³. При анализе вышеуказанных возрастных показателей возможно сделать вывод о сокращении количества священнослужителей в изучаемый период в первую очередь по естественным причинам (старость, болезнь, смерть). Тем не менее в общем составе духовенства возросло количество священнослужителей в возрасте до 40 лет. Но, как свидетельствуют архивные данные, проведение реформы приходского управления позволило местной власти прибегать к административному сдерживанию полномочий правящего архиерея в вопросе назначения священнослужителей в приходы. То есть архиереи были лишены права назначать священника на приход, они могли только рекомендовать общине заключить договор найма.

Для более обстоятельной характеристики религиозного вопроса в Белгородской области уполномоченным был проанализирован состав «двадцаток» религиозных православных общин по возрастному и социальному признакам, поскольку т. н. «двадцатки» оценивались советской властью как социальная опора РПЦ. По информации уполномоченного в «двадцатках» РПЦ состояло 2 382 человека, из них 219 человек в возрасте до 40 лет, 386 – до 50, 569 – до 60, 1 208 – свыше 60 лет²⁰⁴. По социальному положению указанная категория верующих подразделялась следующим образом: 131 рабочий, 10 служащих, 132 домохозяйки, 57 пенсионеров, 2 052 колхозника. Таким образом, большинство

¹⁹⁸ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 131.

¹⁹⁹ Там же. Л. 131.

²⁰⁰ Там же. Л. 130.

²⁰¹ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 3. Д. 23. Л. 21–22.

²⁰² Там же.

²⁰³ ГАБО. Ф. Р – 140. Оп. 3. Д. 3. Л. 8–9.

²⁰⁴ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 133.

членов «двадцаток» были жителями сельской местности – колхозниками преклонного возраста, по мнению уполномоченного, слабо охваченными атеистической пропагандой.

Далее в докладе следует детальный анализ проведения реформы приходского управления РПЦ. Уполномоченный пишет, что вся работа в течение 1961 года была направлена на выполнение новых нормативных актов, в том числе постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 года «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением советского законодательства о культах», новой Инструкции по применению законодательства о культах и рекомендаций, данных на апрельском Всесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР²⁰⁵. На областном уровне в ходе исполнения вышеуказанных постановлений в начале 1961 года было принято постановление бюро обкома КПСС, содержащее указание районам о необходимости усиления контроля за деятельностью религиозных объединений²⁰⁶. Критике подвергалось терпимое отношение местных партийных и советских органов к фактам нарушения духовенством законодательства о религиозных культах. В этой связи на областном уровне был предпринят ряд мер, направленный на усиление контроля за соблюдением религиозными объединениями и духовенством законодательства о культах. Например, к концу 1961 года во всех без исключения районах были созданы группы содействия²⁰⁷. По рекомендации уполномоченного Епископ Курский и Белгородский Леонид особым циркулярным письмом предупредил всех священнослужителей о необходимости строгого соблюдения советского законодательства о культах в области. На законодательном уровне была пресечена практика незаконного строительства молитвенных, причтовых домов, незаконного приобретения автомашин, мотоциклов, лошадей и другого имущества, укрепляющего материальную базу церкви²⁰⁸. 16 июля 1961 года на специально созванном областном семинаре заместителей председателей и секретарей городских и районных исполкомов советов, ведающих вопросами культов, были рассмотрены конкретные примеры нарушений советского законодательства о культах, допускаемые религиозными общинами и духовенством, в частности такие как самовольное приобретение транспорта, расширение и переоборудование молитвенных зданий, распродажа пожертвованных прихожанами вещей, благотворительная деятельность, совершение культовых обрядов за пределами прихода, освещение пасхальных куличей под открытым небом, крещение детей без согласия родителей²⁰⁹. В каждом районе были проведены специальные семинарские занятия с участием председателей и секретарей сельских поселковых советов, членов групп содействия, заведующих городских и райотделов исполкомов, работников пропаганды²¹⁰. Поскольку во многих районах отсутствовал учет религиозных организаций, горрайисполкомам было предписано в течение 1961 года завести учетные дела на каждую действующую религиозную общину²¹¹.

В течение 1961 года партийными и советскими органами была проведена работа по ликвидации благотворительной деятельности религиозных обществ, устранению незаконных действий священнослужителей по совершению треб, попыток организовать религиозную пропаганду вне стен храма, пресечению прислуживания в церкви детей и подростков²¹². Прекращено паломничество к местам поклонения в с. Устинке Шебекинского рай-

²⁰⁵ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 133–134.

²⁰⁶ Там же. Л. 134.

²⁰⁷ Там же. Л. 134.

²⁰⁸ Там же. Л. 135.

²⁰⁹ Там же. Л. 136.

²¹⁰ Там же. Л. 137.

²¹¹ Там же. Л. 138.

²¹² Там же. Л. 138.

она, в пойме реки Оскол, близ г. Валуйки, в с. Гнездиловке Прохоровского района и в с. Вязовое Скороднянского района Белгородской области ²¹³.

Епископу Курскому и Белгородскому Леониду (далее – епископ Леонид) было рекомендовано дать распоряжение духовенству о передаче в месячный срок имущества и дело-производства церковным советам, что им и было сделано ²¹⁴. В мае 1961 года епископом Леонидом было созвано совещание благочинных области, на котором он зачитал и прокомментировал известное решение Синода от 18 апреля 1961 года об изменении ряда статей «Положения об управлении РПЦ». На данном совещании уполномоченный Совета А. Сорочкин предупредил об ответственности духовенства за затягивание процесса передачи имущества и руководства финансово-хозяйственной деятельностью общин церковным советам, дал указание о том, чтобы между религиозными общинами и духовенством были заключены договоры с определением условий найма священнослужителя общиной ²¹⁵. При этом разъяснительная работа епископа Леонида с духовенством о последствиях отказа заключения верующими договора со священнослужителем (в части перспективы закрытия церкви) была оценена властью крайне негативно и квалифицировалась как направленная на срыв советского законодательства о религиозных культах ²¹⁶. Власти опасались, что такая подача информации верующим могла вызвать волну жалоб и рост социальной напряженности.

С целью изменения церковного управления, ограничения полномочий епархиального архиерея уполномоченным Советом А. Сорочкиным были даны епископу Леониду «рекомендации» об изменении формы предписания о назначении духовенства на приход. В указе слово «назначаю» было заменено на «рекомендую» ²¹⁷. Следовательно, окончательное решение вопроса о работе духовенства, хотя и формально, но принадлежало все же общине. Но, по сути, епископ лишался права назначения священнослужителей. Тем не менее, по оценке А. Сорочкина, епископ Леонид не доводил согласованные с уполномоченным решения по переводу духовенства до конца, то есть не скрывал в общении с верующими зависимое от власти положение. Так, например, согласившись на закрытие прихода, он отзывал священника, но не соглашался с навязываемой работой по объединению приходов ²¹⁸. Подобное проявление несогласия с действиями властей по закрытию церквей и сокращению приходов свидетельствовало о сопротивлении духовенства РПЦ реализации реформы, подрывающей основы Церкви, руками епархиального руководства.

Приходские общины получили указание о регистрации договоров найма духовенства уполномоченным Советом в присутствии обеих сторон, что давало возможность уполномоченному одновременно и разъяснять существующее законодательство о культах, и изучать церковный актив ²¹⁹. Уполномоченный мог дать рекомендации исполкомам в пределах их компетенции о замене через «двадцатки» наиболее активных членов церковных советов. Кроме этого, общинам было разъяснено, что без надлежащего согласия райисполкомов по каждой отдельной кандидатуре выбранных ими членов исполнительных органов они не получают регистрации и не смогут приступить к выполнению своих обязанностей. Райисполкомам было рекомендовано изучать церковный актив и умело использовать свое право отвода при подборе исполнительных органов ²²⁰.

При оценке проводимой реформы приходского управления РПЦ уполномоченный Совет А. Сорочкин отмечал, что, несмотря на четкие и строгие указания, часть духовенства сознательно затягивала передачу церковным советам имущества и дел по управлению цер-

²¹³ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 139.

²¹⁴ Там же. Л. 139.

²¹⁵ Там же. Л. 139.

²¹⁶ Там же. Л. 140.

²¹⁷ Там же. Л. 140.

²¹⁸ Там же. Л. 158.

²¹⁹ Там же. Л. 140.

²²⁰ Там же. Л. 140.

ковью. Ранее представляемые в епархию отчеты о финансово-хозяйственной деятельности церковью были переадресованы райисполкомам и уполномоченному Совета. Но епископ вопреки этим указаниям сделал попытку через духовенство собрать отчеты за первое полугодие 1961 года в епархию, за что был строго предупрежден уполномоченным²²¹.

В докладе по итогам 1961 года уполномоченный говорил о полном завершении в области перестройки управления церковью, но имевшие место в тексте «некоторые оговорки» ставят под сомнение завершенность данного процесса. Во-первых, по мнению составителя доклада, не везде райисполкомы «правильно и серьезно» подошли к пересмотру церковных советов и «изгнанию из них нежелательных элементов». Некоторые не использовали своих прав отвода, оставив активных верующих в исполнительных органах, а иные, не разобравшись, отводили всех подряд²²². Во-вторых, не все церковные советы правильно поняли перестройку управления церковью, что нашло отражение в формальной передаче духовенством имущества, ценностей, дел церковным советам. Во многих церквях священнослужители продолжали выполнять управленческие функции в приходах, «вмешиваться в дела общины», при этом члены церковных советов «добровольно становились послушным орудием священников»²²³.

Далее в докладе была представлена информация о примененных мерах воздействия (вплоть до снятия с регистрации) к тем священнослужителям, которые оценивали проведение реформы приходского управления как проявление новых притеснений религии и церкви. «Из 18 попов, снятых мною с регистрации, 12 были сняты за саботаж в передаче управления церковью и имуществом», – пишет уполномоченный²²⁴. Причем нарушения выявлялись в ходе проведения инструктажей с представителями исполнительных органов религиозных организаций и разъяснения изменений в законодательстве. И часть священнослужителей, которых уполномоченному «пришлось снять с регистрации», объясняли свои поступки неспособностью церковных советов управлять церковью. Некоторые даже ссылались на отказ церковных советов принять от них имущество и все дела по управлению церковью²²⁵. Уполномоченный также отмечал, что священнослужители рассчитывали на поддержку верующих, которые, по его мнению, вопреки надеждам духовенства, доброжелательно восприняли реформу приходского управления²²⁶. С другой стороны, часть верующих восприняла реформу как предвестницу закрытия церквей, о чем свидетельствуют многочисленные письма и жалобы верующих в адрес уполномоченного с вопросами и просьбами не закрывать храмы, ходатайства о возврате изъятых помещений, о направлении в церкви священников²²⁷. Считаю важным отметить, что в 1961 г. от верующих поступило и было рассмотрено 130 жалоб и заявлений, в том числе 46 по поводу открытия ранее закрытых церквей²²⁸. Уполномоченным было принято 440 священнослужителей, 500 членов исполнительных органов, 51 – других верующих граждан²²⁹. 411 посетителей получили инструктаж по вопросам законодательства, 220 обратились по вопросам регистрации духовенства, 208 – за разъяснениями по внутрицерковным вопросам, 63 – об открытии церквей, 38 – по вопросам регистрации исполнительных органов, 26 – о нарушении существующего законодательства, 22 – по вопросам ремонта церквей, 3 – с жалобами на неправильное обложение налогом.

²²¹ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1126. Л. 141.

²²² Там же. Л. 141.

²²³ Там же. Л. 141–142.

²²⁴ Там же. Л. 142.

²²⁵ Там же. Л. 142.

²²⁶ Там же. Л. 142.

²²⁷ Там же. Л. 143–144, 147.

²²⁸ Там же. Л. 144.

²²⁹ Там же. Л. 147.

Для сравнения отметим, что во второй половине 1958 года в адрес уполномоченного поступило 8 заявлений об открытии церквей, 5 из которых направлены жителями с. Обуховка Старооскольского района²³⁰. В период с 1 июля по 31 декабря 1958 года уполномоченным были приняты 50 посетителей, 33 из которых являлись священнослужителями. Всего в течение 1958 года был принят 71 священнослужитель, из них 32 – по вопросам регистрации, 10 – налогообложения, 29 – ремонта церквей и другим²³¹.

Очевидно, что реформа приходского управления РПЦ вызвала бурную реакцию населения, о чем свидетельствует рост количества жалоб и заявлений об открытии ранее закрытых церквей, обращений к уполномоченному Совету.

О формализме проведения реформы церковного управления в области свидетельствуют различные источники. Например, уполномоченным Советом А. Сорочкиным в докладе, представленном в апреле 1963 г.²³², рассмотрены факты вмешательства священнослужителей с. Погромец Новооскольского района, с. Алексеевка Корочанского района, сл. Борисовка Корочанского района, с. Дмитриевка Старооскольского района в финансово-хозяйственную деятельность церкви²³³.

Вместе с тем при всей незавершенности реформы требование найма священнослужителя общиной по рекомендации правящего архиерея на определенных условиях по договору было практически реализовано. Действенным средством осуществления контроля над религиозными обществами, по мнению уполномоченного, являлось наделение райисполкомов правом на неограниченный отвод кандидатов в церковные органы²³⁴. И с этим выводом, совершенно очевидно, следует полностью согласиться.

Заключение

Таким образом, в Белгородской области в годы «хрущевского десятилетия» уполномоченным Советом по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Белгородской области совместно с партийно-советским активом был реализован комплекс установленных государством антирелигиозных мероприятий. Обозначив подрыв материальной, социальной базы РПЦ, авторитета архиереев и священников РПЦ как стратегическую цель, государство в контексте возобновления и активизации богоборческой политики инициировало проведение реформы приходского управления, имевшей следствием отстранение духовенства от руководства финансово-хозяйственной жизнью церкви. Местные органы власти получали инструкции фактически к тотальному контролю за деятельностью священнослужителей, церковных советов, епископата, посещением населением церковных служб. Проведение в жизнь реформы приходского управления РПЦ стало катализатором возобновления процесса закрытия церквей, снятия с регистрации религиозных православных общин, духовенства юго-восточных благочиний Курско-Белгородской епархии.

При проведении реформы приходского управления РПЦ в Белгородской области, с одной стороны, вставал вопрос о степени подготовленности членов исполкомов местных советов в вопросах религии и Церкви при решении практических задач. Данные вопросы, требующие особого такта, порой решались с опорой на субъективное мнение чиновников, не обладающих специальными знаниями. С другой стороны, обозначилась проблема самостоятельности членов церковных советов, их подготовленности к выполнению финансово-хозяйственных и управленческих функций.

В целом проведение реформы приходского управления, по мнению автора статьи, было направлено на слом традиционного канонического устройства РПЦ. Отстранение

²³⁰ ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 11.

²³¹ Там же. Л. 13.

²³² ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 3. Д. 2. Л. 63–87.

²³³ Там же. Л. 71.

²³⁴ Там же. Л. 72.

духовенства от управления приходской общиной, ограничение деятельности священнослужителей исключительно вопросами литургической стороны, низведение пастыря до положения наемного работника было нацелено на фактическое подчинение церковных советов гражданским властям, вызывало в умах верующих обоснованные опасения об очередном витке закрытия церквей. Несмотря на стремление партийно-советского актива к отстранению священнослужителей от руководства приходскими общинами, что являлось прямым вмешательством государства во внутрицерковные дела и противоречило принципу отделения церкви от государства, во многих населенных пунктах области продолжал сохраняться традиционный порядок вещей, квалифицируемый властью как нарушение законодательства о религиозных культурах.

Список источников

- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р – 140. Фонд уполномоченного Совета по делам русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР. Оп. 3. Описание дел постоянного срока хранения уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Белгородской области за 1954–1958 гг. Д. 3. Переписка уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Белгородской области, 01.01.1955–31.12.1955 гг. 47 Л.
- ГАБО.Ф. Р – 1179. Фонд уполномоченного Совета по делам русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР. Оп. 2. Описание дел постоянного срока хранения уполномоченного Совета по делам русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР по Белгородской области за 1959–1965 гг. Д. 1. Руководящие указания и информационные материалы по вопросам деятельности религиозных обществ и церквей, 09.01.1959–25.12.1959. 163 Л.
- ГАБО. Ф. Р – 1179. Фонд уполномоченного Совета по делам русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР. Оп. 3. Описание дел постоянного срока хранения уполномоченного Совета по делам русской православной церкви и религиозных культов при Совете Министров СССР по Белгородской области за 1956–1991 гг.
- Д. 2. Выписки из законодательства о религии, указатель статей и выступлений В.И. Ленина и задачи КПСС по отношению к религии, сведения о религиозных объединениях Белгородской области и другие документы за 1959–1960 гг. 227 Л.
- Д. 6. Список приходов и зарегистрированного при них духовенства по Белгородской области, том 1, 1959 г. 16 Л.
- Д. 12. Советское законодательство о культурах по усилению контроля за его выполнением, 1960 – 25.02.1966. 144 Л.
- Д. 16. Список приходов и зарегистрированного при них духовенства, 01.07.1960–02.03.1961. 26 Л.
- Д. 23. Список приходов и зарегистрированного при них духовенства, 1961. 35 Л.
- Д. 27. Списки действующих церквей и духовенства в них за 1962 год. 40 Л.
- Государственный архив Новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО). Ф. 1. Фонд Белгородского областного комитета КПСС. Оп. 1. Описание дел Белгородского областного комитета КПСС 1954–1962 гг.
- Д. 697. Информации о деятельности православной церкви и религиозных объединений в области. 58 Л.
- Д.1126. Информации уполномоченного Советов по делам православной церкви и религиозных культов при облизполкоме и УКГБ в обком КПСС о деятельности церкви и религиозных обществ в области. 160 Л.

Список литературы

- Васильева О.Ю. 2004. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. Москва, Лепта, 380.
- Зинчук С.М. 2019. Внутрицерковные процессы в период осуществления приходской реформы в первой половине 1960-х гг. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2: 67–70.

- Марченко А.Н. 2008. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона: 1958–1964 гг. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Москва, РАГС, 392.
- Лозинский Р.Р., прот. 2011. Пастырь на приходе (вопросы пастырской практики), 1934–1974, Ивангород – Тула. Ярославль, 336.
- Маслова И.И. 2017. Государство и Русская Православная Церковь в XX веке: историографический аспект. Символ науки, 1: 144–147.
- Одинцов М.И. 2015. Патриарх Победы. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). Москва, Политическая энциклопедия, 487.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 года «О религиозных объединениях». В кн.: Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. 1995. В 2 кн. Сост. Г. Штриккер. Москва, ПРОПИЛЕИ: 147–149.
- Постановление СНК СССР от 28 января 1944 года № 162 «Положение об управлении Русской Православной Церкви. В кн.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. 2009. Сост. Васильева О.Ю., Кудрявцева И.И., Лыкова Л.А. Москва, Издательство Крутицкого подворья: 271–278.
- Русская Православная Церковь. XX век. 2015. Сост. Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. Москва, Сретенский монастырь, 800.
- Сазонов Д.И. 2015. Сопrotивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей). Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 4: 32–59.
- Цыпин В.А., прот. 1994. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: учебник для православных духовных семинарий. Москва, Хроника, 251.
- Чумаченко Т.А. 2014. Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью, верующими. Вестник Челябинского государственного университета, 19 (348): 82–90.
- Шкаровский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. Москва, Вече, 480.

References

- Vasil'eva O.Yu. 2004. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroy Vatikanskiy Sobor [Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council]. Moscow, Lepta, 380 (in Russian).
- Zinchuk S.M. 2019. Vnutritserkovnye protsessy v period osushchestvleniya prikhodskoy reformy v pervoy polovine 1960-h gg. [Internal church processes during the implementation of the parish reform in the first half of the 1960s]. Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov, 2: 67–70 (in Russian).
- Marchenko A.N. 2008. Khrushchevskaya tserkovnaya reforma i ee vliyanie na vnutritserkovnuyu zhizn' po materialam ural'skogo regiona: 1958–1964 gg. [Khrushchev's church reform and its impact on church life based on materials from the Urals region: 1958–1964]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, RAGS, 392 (in Russian).
- Lozinskiy R.R., prot. 2011. Pastyr' na prikhode (voprosy pastyrskoy praktiki), 1934–1974, Ivangorod – Tula [Shepherd at the parish (questions of pastoral practice), 1934–1974, Ivangorod – Tula]. Jaroslavl', 336 (in Russian).
- Maslova I.I. 2017. Gosudarstvo i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke: istoriograficheskiy aspekt [The State and the Russian Orthodox Church in the 20th century: a historiographical aspect]. Symbol of Science, 1: 144–147 (in Russian).
- Odintsov M.I. 2015. Patriarkh Pobedy. Zhizn' i tserkovnoe sluzhenie patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya (Simanskogo) [Patriarch of Victory. Life and church ministry of Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy (Simansky)]. Moscow, Political Encyclopedia, 487 (in Russian).
- Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 08.04.1929 goda «O religioznykh ob"edineniyakh». In: Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1991 gg.). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i tserkov'yu. 1995. V 2 kn. Sost. G. Shtrikker [Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991). Materials and documents on the history of relations between state and church. 1995. In 2 books. Comp. G. Stricker]. Moscow, PROPYLEIA: 147–149 (in Russian).

- Postanovlenie SNK SSSR ot 28 yanvarya 1944 goda № 162 «Polozhenie ob upravlenii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. In: Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov. 2009. Sost. Vasil'eva O.Yu., Kudryavtseva I.I., Lykova L.A. [The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945 Collection of documents. 2009. Comp. Vasilyeva O.Yu., Kudryavtseva I.I., Lykova L.A.] Moscow, Publishing House of the Krutitsky Compound: 271–278 (in Russian).
- Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. XX vek. 2015. Sost. Beglov A.L., Vasil'eva O.Yu., Zhuravskiy A.V. i dr. [Russian Orthodox Church. XX century. 2015. Comp. Beglov A.L., Vasilyeva O.Yu., Zhuravsky A.V. and others]. Moscow, Sretensky Monastery, 800 (in Russian).
- Sazonov D.I. 2015. Soprotivlenie dukhovenstva reforme prikhodskogo upravleniya 1961 goda (po materialam Yaroslavskoy i Kostromskoy oblastey) [Resistance of the Clergy to the Reform of the Parish Administration of 1961 (Based on the Materials of the Yaroslavl and Kostroma Regions)]. Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasova, 4: 32–59 (in Russian).
- Tsylin V.A., prot. 1994. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 1917–1990: uchebnik dlya pravoslavnykh dukhovnykh seminariy [History of the Russian Orthodox Church, 1917–1990: textbook for Orthodox theological seminaries]. Moscow, Chronicle, 251 (in Russian).
- Chumachenko T.A. 2014. Gosudarstvo i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1958–1964 godakh: novaya politicheskaya voyna s religiei, tserkov'yu, veruyushchimi [The state and the Russian Orthodox Church in 1958–1964: a new political war against religion, the church, and believers]. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 19 (348): 82–90 (in Russian).
- Shkarovskiy M.V. 2010. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Veche, 480 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of Interest: no potential conflicts of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.01.2023

Received 18.01.2023

Поступила после рецензирования 07.02.2023

Revised 07.02.2023

Принята к публикации 22.02.2023

Accepted 22.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Остроухова Наталья Валерьевна, преподаватель, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 36» г. Белгорода, Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8629-0480](https://orcid.org/0000-0001-8629-0480)

Natalya V. Ostroukhova, teacher, Municipal budgetary educational institution «Secondary school 36» of Belgorod, Belgorod, Russia

Прокофьева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0003-1188-9853](https://orcid.org/0009-0003-1188-9853)

Elena Yu. Prokofieva, candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 364-3-056.263|19|(470.325)
DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-222-232
Оригинальное исследование

Белгородская организация глухих на этапе изменений социальной политики государства в 80–90-е годы XX века

Шаханин В.А. , Дудка А.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: v.schahanin@yandex.ru; dudka@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Белгородского отделения общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (ВОГ) в период 80–90-х годов XX века, протекавшая в условиях активных трансформационных процессов российского общества. Организация продолжила свою деятельность как неотъемлемая часть Всероссийского общества глухих, несмотря на проблемы социально-политического и экономического характера. Взвешенное и дальновидное управление региональной организацией позволило сохранить ее кадровый состав и обеспечило преемственность в деятельности. БОООИ «ВОГ», как и в предыдущие десятилетия, успешно решало задачи реабилитации и социализации незлышащих белгородцев. Благодаря сложившейся системе работы Белгородское региональное отделение было подготовлено к переходу на новый этап развития и активной деятельности на современном этапе.

Ключевые слова: инвалиды по слуху, реабилитация глухих, профессиональное обучение, трудоустройство инвалидов, социализация незлышащих

Благодарности: Авторы выражают глубокую благодарность Председателю Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» Юрию Геннадьевичу Шашнину за помощь и поддержку в подготовке данной статьи.

Для цитирования: Шаханин В.А., Дудка А.И. 2023. Белгородская организация глухих на этапе изменений социальной политики государства в 80–90-е годы XX века. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 222–232. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-222-232

Belgorod Organization of the Deaf at the Stage of Changing the Social Policy of the State in the 80–90s of the XX Century

Vladimir A. Shakhanin , Anna I. Dudka

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: v.schahanin@yandex.ru; dudka@bsu.edu.ru

Annotation. The article discusses the activities of the Belgorod branch of the all-Russian public organization of the disabled "All-Russian Society of the Deaf" (VOG) in the period of the 80–90s of the XX century, which took place in the conditions of active transformational processes in Russian society. The organization continued its activities as an integral part of the All-Russian Society of the Deaf, despite the problems of a socio-political and economic nature. The balanced and far-sighted management of the organization by the regional organization has made it possible to retain its personnel and ensure continuity in activities. Belgorod branch of the all-Russian public organization «VOG», as in previous decades, successfully solved the problems of rehabilitation and socialization of deaf Belgorod residents. Thanks to the established system of work, the Belgorod regional branch was prepared for the transition to a new stage of development and vigorous activity at the present stage.

Key words: hearing impaired, rehabilitation of the deaf, vocational training, employment of the disabled, socialization of the deaf

Acknowledgements: The authors express their deep gratitude to the Chairman of the Belgorod Regional Branch of the All-Russian Public Organization of the Disabled "All-Russian Society of the Deaf" Yuri Gennadievich Shashnin for his help and support in the preparation of this article.

For citation: Shakhanin V.A., Dudka A.I. 2023. Belgorod Organization of the Deaf at the Stage of Changing the Social Policy of the State in the 80–90s of the XX Century. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 222–232 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-222-232

Введение

В России, как и во многих странах мира, на протяжении ряда десятилетий на социальную группу инвалидов приходилось около 10 % от общего числа населения [Численность инвалидов в Российской Федерации...]. Среди них выделяются инвалиды по слуху, включающие глухих и слабослышащих граждан. На сегодняшний день Национальная медицинская ассоциация отоларингологов России оценивает численность глухих в стране в 150 тысяч человек [Численность глухих в России...].

Всероссийское общество глухих (ВОГ) защищает права и интересы граждан РФ с нарушениями слуха, способствует их социальной реабилитации. Одной из главных задач ВОГ считает «развитие и укрепление социального партнерства с органами государственной власти – как федеральными, так и региональными и местными, что позволяет решать многие важнейшие задачи по интеграции в общество, по обеспечению глухих техническими средствами реабилитации, услугами по переводу жестового языка» [Общероссийская общественная организация инвалидов...].

Проблемы социализации, социальной реабилитации и трудоустройства инвалидов рассматривали многие исследователи (Т.В. Макаренко, Ю.С. Моздокова, С.А. Осипов и другие), но далеко не во всех работах инвалиды по слуху оказывались в центре их внимания [Макаренко, 2003; Моздокова, 2006; Осипов, 2007]. Непосредственно проблемам инвалидов по слуху посвящены работы В.А. Паленный, И.Г. Дрозденко, Ю.Ю. Климчук и др. [История Всероссийского общества глухих...; К вопросу трудоустройства инвалидов по слуху...; Дрозденко, 2020; Климчук, 2022].

Предметом внимания В.Н. Куликова, Т.С. Крицкой и А.И. Дьячкова стала деятельность Белгородской организации ВОГ [Дьячков, 1961; Куликов, Крицкая, 2015]. Наиболее полное отражение она получила в документах, о которых речь пойдет далее.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступила деятельность Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» в 80–90-е годы XX века.

В процессе научного исследования проблемы был использован историко-генетический метод. На его основе удалось представить деятельность Белгородского отделения ВОГ как неотъемлемую часть деятельности Всероссийского общества глухих и одновременно как нечто цельное и взаимосвязанное, а целостность позволила глубже понять отдельные его элементы. В комплексе с ним были применены методы анализа и синтеза.

Результаты и обсуждения

Белгородский филиал Всероссийского общества глухих функционирует с 1954 года, с момента образования Белгородской области. Он объединил в своих рядах инвалидов по слуху – глухих и слабослышащих сельских и городских белгородцев²³⁵.

²³⁵ Постановление 1-ой Белгородской Областной Конференции Всероссийского общества глухонемых от 15 июля 1954 года. // Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 1319. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–13.

Как записано в Уставе ВОГ, принятом 18 октября 1990 г., «членами ВОГ могут быть граждане Российской Федерации с нарушением слуха, достигшие 14-летнего возраста, а также граждане с нормальным слухом, зарекомендовавшие себя активным участием в его работе и признающие Устав ВОГ» [Устав Всероссийского общества глухих...]. На практике в состав организации входили сотрудники управленческих структур, сурдопереводчики и другие специалисты, работавшие в организациях общества. Они были «обязаны овладеть жестовым языком в объеме, достаточном для выполнения служебных функций» [Устав Всероссийского общества глухих...]. Эту особенность формирования состава организации и ее деятельности следует учитывать при работе с документами, хранящимися в Государственном архиве Белгородской области и в Белгородском региональном отделении Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих»²³⁶. Тогда как по методологии Росстата «в общую численность инвалидов входят лица, состоящие на учёте и получающие пенсию в Пенсионном фонде России, а также в пенсионных системах Министерства обороны, МВД, ФСБ и ФСИН» [Статистика: Численность инвалидов в России...].

В своей деятельности ВОГ руководствуется положениями, закрепленными в важнейших документах, принятых ООН и в России.

1981 год по решению ООН был объявлен Годом инвалидов. Генеральная Ассамблея в 1982 году приняла «Всемирную программу действий в отношении инвалидов» [Всемирная программа действий в отношении инвалидов...]. Ее цель предполагала «содействие эффективным мерам в целях предупреждения инвалидности, восстановления трудоспособности и реализации целей «равенства» и «полного участия» инвалидов в социальной жизни и развитии. Это означало создание таких же условий жизни, что и для всего населения, и равной доли в улучшении условий жизни в результате социального и экономического развития мирового сообщества. Программа должна была применяться одинаковым образом и иметь равную первоочередность во всех странах, независимо от их уровня развития» [Всемирная программа действий в отношении инвалидов...].

20 декабря 1993 года Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция 48/96 «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов» [Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов...]. ООН выражала обеспокоенность ростом численности инвалидов и указывала на необходимость изменения отношения общества к этой категории населения. В документе подчеркивалось, что «права инвалидов уже в течение длительного времени являются предметом пристального внимания со стороны Организации Объединенных Наций и других международных организаций» [Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов...].

Для Всероссийского общества инвалидов основополагающим документом была Конституция Российской Федерации 1993 года, закрепившая, как известно, статус РФ как социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция Российской Федерации]. В статье 7 Основного закона указано, что «в Российской Федерации охраняются труд

²³⁶ Справка о работе Белгородского областного правления Всероссийского общества глухих за 1980 год // ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 476. Л. 119–124.; Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1984 год Белгородским областным правлением ВОГ // ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 587. Л. 5–11; Отчет председателя культкомиссии на президиуме Областного правления ВОГ от 26.12.1985 года // ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 617. Л. 101; Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1986 год Белгородским областным правлением ВОГ // ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 649. Л. 8.; Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1984 год Белгородским областным правлением ВОГ // ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 587. Л. 5–11; Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1984 год Белгородским областным правлением ВОГ // ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 587. Л. 5–11.

и здоровье людей... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [Конституция Российской Федерации]. В Конституции страны, написанной в сложный для всех граждан период, сформулирована позиция государства, положенная в основу всей государственной политики в отношении инвалидов. В целях усиления поддержки инвалидов в условиях перехода к рыночным отношениям и выполняя Указ Президента РФ от 02.10.1992 № 1157 «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» был разработан комплекс мер, призванных облегчить положение этой категории граждан РФ, признанных самыми социально незащищенными и наименее конкурентоспособными на рынке труда.

На последние десятилетия XX – начало XXI века пришлось становление качественно иной системы социальной защиты. Политика российского правительства вполне соответствовала положениям, закрепленным в Конвенции ООН по правам инвалидов [Конвенция ООН о правах инвалидов]. Документ устанавливал:

- «Государства-участники обязуются обеспечивать и поощрять полную реализацию всех прав человека и основных свобод всеми инвалидами без какой бы то ни было дискриминации по признаку инвалидности.

- Каждое государство-участник обязуется принимать, максимально задействуя имеющиеся у него ресурсы, а в случае необходимости – прибегая к международному сотрудничеству, меры к постепенному достижению полной реализации этих прав без ущерба для тех сформулированных в настоящей Конвенции обязательств, которые являются непосредственно применимыми в соответствии с международным правом» /

В новых условиях продолжилась деятельность Всероссийского общества глухих. Его Белгородское отделение, как и вся организация, переживало трудности переходного периода и продолжало работать, осознавая важность всесторонней поддержки глухих инвалидов, которые испытывали проблемы более, чем обычные граждане страны.

В 80–90-е годы проходили съезды Всероссийского общества глухих, на которых поднимались проблемы, актуальные для всех инвалидов: о важности сохранения организации в переходных условиях, о необходимости адресной поддержки глухих и слабослышащих инвалидов, о новых задачах в деятельности местных отделений и т. п.²³⁷ Делегаты обсуждали вопросы, волновавшие всех членов организации: каким должно быть ВОГ в новых условиях и как изменения в стране влияют на деятельность ВОГ?

Общественная организация оперативно старалась решать имеющиеся проблемы и постепенно заняла особое место в системе общественных организаций общества.

К сожалению, данный период деятельности Белгородского отделения ВОГ в меньшей мере обеспечен документами Государственного архива Белгородской области (ГАБО – далее). В процессе подготовки работы удалось обнаружить документы о деятельности организации в 80–90-е годы XX века, хранящиеся сегодня в Правлении действующей организации – БРООООИ «ВОГ».

Обращение к ним позволило увидеть, что в переходный период усилия руководителей организации были направлены на сохранение численности местных отделений и на их поддержку. В свою очередь, руководители районных организаций стремились не только поддерживать своих членов, но и сохранить организации как активно действующие структуры, одновременно адаптируя к новым условиям традиционные направления и формы работы организации. Сохраняли свое значение образовательное, культурно-массовое, физкультурно-спортивное направления деятельности и оказание материальной поддержки членам общества.

Одновременно шел поиск новых форм работы, которые отвечали бы требованиям времени. В планах работы городских и районных организаций чаще присутствовали ме-

²³⁷ XII съезд ВОГ проходил 10–11 июня 1980 г. в г. Кирове, XIII съезд работал 5–6 июня 1985 г. в г. Казани, XIV съезд ВОГ состоялся 15–16 октября 1990 г. в г. Твери.

роприятия, не требовавшие больших материальных вложений. Уменьшение централизованного финансирования областных отделений Всероссийского общества глухих заставило ее руководителей искать спонсоров, в роли которых выступали организации и предприниматели-белгородцы.

Значительные усилия правлений организаций были направлены на сохранение численности местных организаций и оказание материальной поддержки глухим и слабослышащим белгородцам.

«Отчёт о деятельности Белгородского областного управления Всероссийского общества глухих за 1981 год» содержит информацию о численности и составе организации на 1 января 1981 года. В ней на учёте состояли 1 231 глухой инвалид и 388 слабослышащих.

В их числе было:

- 14 глухих и 11 слабослышащих детей до 7 лет;
- 95 глухих и 47 слабослышащих от 7 до 14 лет;
- 165 глухих и 27 слабослышащих от 14 до 30 лет;
- 957 глухих и 303 слабослышащих старше 30 лет [Отчёт о деятельности Белгородского областного правления].

Всего в организации насчитывалось 1 452 человека.

Характеризуя состав контингента, следует указать, что по роду занятий неслышащие белгородцы были распределены следующим образом:

- на предприятиях государственной промышленности работало более 505 человек;
- в колхозах и совхозах – 427 человек;
- в государственных и других учреждениях и организациях – 29;
- в системе ВОГ – 19;
- имелось учащихся спецшкол от 14 лет и старше – 50;
- неработающих инвалидов I и II групп – 70;
- неработающих инвалидов I–II групп – 95;
- неработающих пенсионеров (по возрасту, по случаю потери кормильца, персональных пенсионеров) – 272;
- временно неработающих трудоспособных – 35 (в том числе инвалидов III группы насчитывалось 24 человека, домашних хозяек в возрасте до 55 лет – 11). Из общего количества временно неработающих нуждались в трудоустройстве 13 человек. Эти цифры говорили об отсутствии проблемы трудоустройства неслышащих на территории области.

В городах и рабочих посёлках проживали 716 глухих и слабослышащих от 14 лет и старше, а в сельской местности – 736, т. е. примерно одинаково.

За 1980 год 22 глухих и слабослышащих были обучены массовым профессиям.

927 человек получали государственные пенсии и пособия (в том числе – 306 колхозников).

На начало января 1982 года в Белгородской организации на учёте ВОГ состояли 1 497 человек; из них на глухих и слабослышащих – 1 452 человека (736 мужчин и 716 женщин). Все 1 497 инвалидов по слуху входили в 71 первичную организацию Белгородского отделения, которые были созданы:

«Во-первых, по территориальному признаку:

- 18 организаций городских, районных, поселковых, района города;
- 6 сельских районных организаций.

Во-вторых, по производственному признаку:

- 23 колхозных и совхозных организации;
- 9 организаций при промышленных предприятиях.

В-третьих, по образовательному и прочим признакам:

- 1 организация в спецшколе для глухих и слабослышащих детей;

- 14 прочих организаций.

Деятельностью первичных организаций руководили 11 городских, районных и межрайонных правлений ВОГ» [Отчёт о деятельности Белгородского областного правления].

На предприятиях области было создано 5 производственных коллективов глухих и слабослышащих численностью от 20 человек и выше. 5 коллективов работали на государственных промышленных предприятиях, в организации имелось 7 инструкторов-переводчиков, закрепленных за производственными коллективами.

В составе коллективов трудились:

- 183 глухих и слабослышащих Ударника коммунистического труда и члена «Бригад коммунистического труда»,
- 61 работающий был награждён орденом или медалью СССР.

За год было обследовано 310 глухих села, проведено 17 слетов-собраний, на которых присутствовали 624 члена ВОГ. Эта деятельность способствовала сплочению организации и росту общественного сознания ее членов.

Глухие и слабослышащие дети в 1981–1982 учебном году посещали 7 восьмилетних школ и 2 спецшколы, в которых были созданы дошкольные группы. Численность глухих и слабослышащих детей до семилетнего возраста в дошкольных учреждениях, группах и отделениях составляла 25 человек, т. е. подавляющая часть детей до семилетнего возраста была охвачена дошкольным воспитанием.

В учреждениях Белгородской области глухие и слабослышащие дети получали образование:

- от 7 до 14 лет в специальных школах – 70 школьников;
- начальное образование – 9 школьников;
- полное среднее образование – 9 школьников;
- неполное среднее образование – 33 школьника;
- 5 выпускников специальных школ продолжили обучение в высших и средних специальных образовательных учреждениях.

Кроме того, 92 взрослых глухих и слабослышащих проходили обучение в специальной школе для взрослых глухих и слабослышащих, в трех спецклассах вечерних сменных школ для взрослых и в группах и заочных средних школах.

Всех обучавшихся взрослых можно распределить по классам:

- в 1–8 классах училось 19 учеников;
- в 9–12 классах – 26 учеников;
- в 13–15 классах – 47 учеников.

Глухим и слабослышащим белгородцам в 1981 году оказывалась материальная поддержка:

- 33 члена организации (из которых 8 человек проживали в сельской местности) отдохнули в Домах отдыха и санаториях;
- 60 глухих получили материальную помощь.

Укреплялась материальная база организации. Исполнительный комитет Белгородского городского совета народных депутатов 14 ноября 1986 года принял решение о разрешении Областному управлению Всероссийского общества глухих строительства Дома культуры с пристроенным спортивным залом на территории Школы-интерната № 26 для глухих детей по улице Б. Хмельницкого, 137. Областному правлению Всероссийского общества глухих предписывалось вести строительство по проекту, согласованному со всеми заинтересованными организациями, а по окончании строительства произвести контрольную топографическую съемку участка [Выписка из решения Исполкома Белгородского городского совета народных депутатов].

В 1988–1989 годах численность работников аппарата правления составляла 4 человека. Ответственность за финансовую деятельность была возложена на председателя Белгородско-

го областного правления ВОГ Г.Д. Белополюских, работавшего в этой должности с 12 октября 1976 года по 1 июля 1988 года. С 1 июля 1988 года председателем правления стал В.С. Мелкозеров [Автобиография Г.Д. Белополюских; Автобиография В.С. Мелкозерова].

На начало 1988 года Белгородская организация ВОГ включала 1 межрайонное, 10 районных и 1 городское правление с общей численностью глухих 1 593 человека, в том числе:

1. Белгородское городское правление – 586 человек.
2. Ракитянское МРП – 105 человек.
3. Новооскольское РП – 145 человек.
4. Алексеевская ЦРБ – 84 человека.
5. Красногвардейское РП – 80 человек.
6. Волоконовское РП – 51 человек.
7. Губкинское РП – 86 человек.
8. Шебекинское РП – 100 человек.
9. Старооскольское РП – 94 человека.
10. Валуйское РП – 165 человек.
11. Чернянское РП – 84 человека.

В Доме культуры были организованы кружки: хореографический, драматический, малых сценических форм, бальных танцев, вокала, художественного слова, народной пантомимы и художественной самодеятельности. В штате учреждения состояли 19 работников, в том числе – 9 совместителей [Акт плановой документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности...].

На балансе общества находились Белгородский Дом культуры, 1 межрайонное, 10 районных правлений и Белгородское городское правление ВОГ.

Общая численность организации составляла 1 609 человек, в том числе:

1. Городское правление города Белгорода – 330 человек.
2. Ракитянское МРП – 102 человека.
3. Новооскольское РП – 69 человек.
4. Алексеевская ЦРБ – 75 человек.
5. Красногвардейское РП – 77 человек.
6. Волоконовское РП – 50 человек.
7. Губкинское РП – 80 человек.
8. Шебекинское РП – 97 человек.
9. Старооскольское РП – 91 человек.
10. Валуйское РП – 152 человека.
11. Чернянское РП – 83 человека.
12. Прохоровское РП – 96 человек.

13. Белгородская школа глухих и слабослышащих – 300 человек [Акт документальной ревизии финансовой деятельности...].

О Доме культуры документ дает следующую информацию: он располагался в помещении общей площадью 572 квадратных метра и включал в себя зрительный зал на 200 посадочных мест, кабинет директора, библиотеку, два методических кабинета, киноаппаратную, фотолаборатории, склад для хранения спортивного инвентаря и костюмов художественной самодеятельности. В нем были организованы кружки малых сценических форм, бальных танцев, вокала, художественного слова, хореографический, драматический, пантомимы и художественной самодеятельности. В штате учреждения состояли 18 человек, из которых 14 были совместителями [Акт документальной ревизии финансовой деятельности...]. Белгородский Дом культуры превратился в центр активной работы с глухими и слабослышащими сел и городов области. На его сцене проходили смотры и конкурсы, ставились спектакли и выступали участники художественной самодеятельности.

17 сентября 1990 года Правление юстиции администрации Белгородской области выдало свидетельство № 279 общественной организации Белгородскому региональному отделению Всероссийского общества глухих – общественной организации, объединявшей граждан РФ, инвалидов по слуху. ВОГ именовалось в документе «некоммерческой самоуправляемой организацией, созданной по инициативе граждан РФ и осуществлявшей свою деятельность на основании Устава ВОГ, закона РФ об общественных организациях и Конституции РФ». Согласно положениям Устава, принятого XV съездом ВОГ и зарегистрированного Министерством юстиции РФ 01 сентября 1995 года, «целью общества являлась защита прав и интересов граждан с нарушением слуха, их социальная реабилитация...» [Справка к документальной проверке...]

В начале 90-х годов в связи с тяжёлым экономическим положением в стране ухудшилось и положение ВОГ. Белгородскую организацию глухих, как и многие другие в стране, «лихорадило»: были долги по заработной плате, сокращения штатов.

Как вспоминает Т.И. Бессонова, которая в 1994–2020 годах возглавляла правление Белгородского отделения ВОГ, в 2000 году были закрыты Валуйское, Красногвардейское, Чернянское и Волоконовское местные отделения. Их помещения были переданы органам власти²³⁸.

Резко сократилась, а потом и прекратилась дотация из централизованного фонда Центрального правления ВОГ, что вызвало недофинансирование проведения культурных и спортивных мероприятий, оздоровительной работы и социальной помощи, содержания школ и клубов. Зрительные залы клубов и другие помещения стали сдаваться в аренду сторонним организациям. Были ослаблены требования к документальному обеспечению деятельности областного и районных правлений.

В сложившихся условиях правление Белгородского областного отделения было вынуждено провести реорганизацию структуры: сократить штаты и объединить правления соседних районов, прекратить финансирование поездок спортсменов и коллективов художественной самодеятельности по стране. В этих условиях перед областным правлением встала задача сохранения местных организаций, поддержания их деятельности и оказания помощи членам организации. Правления изыскивали возможности для проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий, находили спонсоров и привлекали средства, не оставляли своим вниманием сельских и городских инвалидов по слуху. Возобновление персонального учета (заводились карточки и личные дела на каждого члена организации) способствовало сохранению численности местных организаций и налаживанию взаимодействия между местными организациями и Белгородским областным правлением.

Заключение

Несмотря на то, что сохранилось значительно меньше документальных свидетельств о деятельности Белгородского регионального отделения Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» в 80–90-е годы XX века, чем о первых десятилетиях, удалось установить, что эти десятилетия показали зрелость организации, ее способность не только сохранить руководящий состав и актив городских, районных и межрайонных организаций, их численность. Белгородское отделение ВОГ продолжало свою каждодневную систематическую работу по реабилитации, обучению, трудоустройству белгородских инвалидов по слуху. В условиях фактического отсутствия финансирования проводились культурно-массовые и спортивные мероприятия, изыскивались средства для оказания материальной помощи наиболее нуждающимся членам общества. Эта работа способствовала успешному решению задач социализации незлышащих белгородцев.

²³⁸ Интервью с Т.И. Терентьевой. Белгород, 20.05.2022.

Период 80–90-х годов XX века стал одновременно подготовительным для перехода Белгородского регионального отделения общественной организации на новую ступень развития – он обеспечил ее вхождение в систему отношений современного общества.

Список источников

- Автобиография Г.Д. Белопольских. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1988, 5 с.
- Автобиография В.С. Мелкозерова. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1988, 4 с.
- Акт документальной ревизии финансовой деятельности Белгородского областного правления за период с 1 февраля 1988 года по 1 февраля 1990 года. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1990, 6 с.
- Акт плановой документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности Белгородского облправления ВОГ от 29 февраля 1988 года. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1988, 11 с.
- Всемирная программа действий в отношении инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 37/52 от 3 декабря 1982 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog1.shtml (дата обращения: 15.01.2023)
- Выписка из решения Исполкома Белгородского городского совета народных депутатов 14 ноября 1986 года № 465 «О строительстве объектов гражданского и промышленного назначения». Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1986, 2 с.
- Интервью с Т.И. Бессоновой. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 20.05.2022, 3 с.
- Конвенция ООН о правах инвалидов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 15.01.2023)
- Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.01.2023)
- Отчёт о деятельности Белгородского областного правления Всероссийского общества глухих за 1981 год. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1981, 8 с.
- Отчет председателя культкомиссии на президиуме Областного правления ВОГ от 26.12.1985 года. Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 1319. Оп. 1. Д. 617. Л. 101.
- Постановление 1-й Белгородской Областной Конференции Всероссийского общества глухонемых от 15 июля 1954 года. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–13.
- Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1984 год Белгородским областным правлением ВОГ». ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 587. Л. 5–11.
- Справка о выполнении условий Всероссийского смотра работы правлений ВОГ по социально-культурному обслуживанию глухих трудящихся за 1986 год Белгородским областным правлением ВОГ. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 649. Л. 8.
- Справка о работе Белгородского областного правления Всероссийского общества глухих за 1980 год. ГАБО. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 476. Л. 119–124.
- Справка к документальной проверке соблюдения налогового законодательства, полноты и своевременности перечисления платежей в бюджет и внебюджетные фонды Белгородским областным правлением ВОГ за 1996 год от 28 апреля 1997 года. Белгород, БРООООИ «ВОГ», 1997, 7 с.
- Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml (дата обращения: 15.01.2023)
- Указ Президента РФ от 02.10.1992 № 1157 (ред. от 01.07.2014) «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2115>.
- Устав Всероссийского общества глухих. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_38349.html (дата обращения: 15.01.2023)
- Численность инвалидов в Российской Федерации, федеральных округах и субъектах Российской Федерации. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost> (дата обращения: 15.01.2023)

Список литературы

- Дрозденко И.Г. 2020. Мультицентр социальной и трудовой интеграции. Проблемы. Задачи, перспективы. Доступная среда. Экспертно-аналитический журнал. 1. URL: <https://ds-rubikon.ru/ds121-123/> (дата обращения: 15.01.2023)
- Дьячков А.И. 1961. Системы обучения глухих детей. М., Издательство Академии педагогических наук, 247 с.
- К вопросу трудоустройства инвалидов по слуху. Доступная среда. Экспертно-аналитический журнал. 2020. 1. URL: <https://ds-rubikon.ru/ds121-123/> (дата обращения: 15.01.2023)
- Климчук Ю.Ю. 2022. Дистанционное обучение младших школьников с нарушением слуха. Плюсы и минусы. Доступная среда. Экспертно-аналитический журнал. 2. URL: <https://ds-rubikon.ru/2022/12/20/ds-12-92-97/> (дата обращения: 15.01.2023)
- Куликов В.Н., Крицкая Т.С. 2015. Развитие системы обучения и воспитания глухих детей на Белгородчине. Белгород, ЛитКараВан, 132 с.
- Мацукевич О.Ю. 2014. Творчество в социально-культурной ресоциализации молодых инвалидов. Культура и образование. 3 (14): 87–92.
- Моздокова Ю.С. 2006. Коммуникативно-деятельностный подход к интеграции инвалидов: социально-культурный аспект. Автореф. дис. докт. пед. наук. М., 50 с.
- Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское общество глухих» (ВОГ). URL: <https://voginfo.ru/about/> (дата обращения: 15.01.2023)
- Осипов С.А. 2007. Социализация и содействие трудовой занятости инвалидов в условиях трансформирующейся экономики региона. Автореф. дис. канд. экон. наук. Воронеж, 24 с.
- Роцин А.В. 2020. Страна утраченной эмпатии. Как советское прошлое влияет на российское настоящее. М., Бомбора, 288 с.
- Статистика: Численность инвалидов в России. URL: <https://ruxpert.ru> (дата обращения: 15.01.2023)
- Хроника важных событий истории ВОГ. URL: <https://voginfo.ru/about/history/> (дата обращения: 15.01.2023)
- Численность глухих в России. URL: <https://xn--80axcg.xn--p1ai> (дата обращения: 15.01.2023)

References

- Drozdenko I.G. 2020. Mul'titsentr sotsial'noy i trudovoy integratsii. Problemy. Zadachi, perspektivy [Multicenter of social and labor integration. Problems. Tasks, prospects. accessible environment]. Dostupnaya sreda. Ekspertno-analiticheskiy zhurnal. 1. URL: <https://ds-rubikon.ru/ds121-123/> (data obrashcheniya: 15.01.2023)
- D'yachkov A.I. 1961. Sistemy obucheniya glukhikh detey [Education systems for deaf children]. M., Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 247 s.
- K voprosu trudoustroystva invalidov po slukhu [On the issue of employment of the hearing impaired]. Dostupnaya sreda. Ekspertno-analiticheskiy zhurnal. 2020. 1. URL: <https://ds-rubikon.ru/ds121-123/> (data obrashcheniya: 15.01.2023)
- Klimchuk Yu.Yu. 2022. Distantcionnoe obuchenie mladshikh shkol'nikov s narusheniem slukha. Plyusy i minusy [Distance learning of primary school children with hearing impairment. Advantages and disadvantages]. Dostupnaya sreda. Ekspertno-analiticheskiy zhurnal. 12. URL: <https://ds-rubikon.ru/2022/12/20/ds-12-92-97/> (data obrashcheniya: 15.01.2023)
- Kulikov V.N., Kritskaya T.S. 2015. Razvitie sistemy obucheniya i vospitaniya glukhikh detey na Belgorodchine [Development of the system of education and upbringing of deaf children in the Belgorod region]. Belgorod, LitKaraVan, 132 s.
- Matsukevich O.Yu. 2014. Tvorchestvo v sotsial'no-kul'turnoy resotsializatsii molodykh invalidov [Creativity in the socio-cultural resocialization of young people with disabilities]. Kul'tura i obrazovanie. 3 (14): 87–92.
- Mozdokova Yu.S. 2006. Kommunikativno-deyatelnostnyy podkhod k integratsii invalidov: sotsial'no-kul'turnyy aspekt [Communication and activity approach to the integration of disabled people: socio-cultural aspect]. Avtoref. dis. dokt. ped. nauk. M., 50 s.
- Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya invalidov «Vserossiyskoe obshchestvo glukhikh» (VOG) [All-Russian Public Organization of the Disabled «All-Russian Society of the Deaf» (VOG)]. URL: <https://voginfo.ru/about/> (data obrashcheniya: 15.01.2023)

- Osipov S.A. 2007. Sotsializatsiya i sodeystvie trudovoy zanyatosti invalidov v usloviyakh transformiruyushcheysya ekonomiki regiona [Socialization and Promotion of Employment of the Disabled in the Transforming Economy of the Region]. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk. Voronezh, 24 s.
- Roshchin A.V. 2020. Strana utrachennoy empatii. Kak sovetskoe proshloe vliyaet na rossiyskoe nastoyashchee [Land of Lost Empathy. How the Soviet past influences the Russian present]. M., Bombora, 288 s.
- Statistika: Chislennost' invalidov v Rossii [Statistics: The number of disabled people in Russia]. URL: <https://ruxpert.ru> (data obrashcheniya: 15.01.2023)
- Khronika vazhnykh sobytii istorii VOG [Chronicle of important events in the history of VOG]. URL: <https://voginfo.ru/about/history/> (data obrashcheniya: 15.01.2023)
- Chislennost' glukhikh v Rossii [The number of deaf people in Russia]. URL: <https://xn--80axcg.xn--p1ai> (data obrashcheniya: 15.01.2023)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.01.2023
Поступила после рецензирования 07.02.2023
Принята к публикации 21.02.2023

Received 18.01.2023
Revised 07.02.2023
Accepted 21.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаханин Вадим Александрович, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-5285-4895](https://orcid.org/0009-0002-5285-4895)

Дудка Анна Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0003-4289-0566](https://orcid.org/0009-0003-4289-0566)

Vadim A. Shakhanin, Postgraduate Student, Department of Russian History and Records Science, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Anna I. Dudka, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.2

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248

Оригинальное исследование

Империализм мировых порядков

Веселов Ю.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ),

Россия, 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51

Email: veseloff30@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья построена вокруг феномена «империализм», который является одновременно и предметом изучения, и методом исследования. «Империализм» как предмет исследования является составной частью объекта исследования – международных отношений как в исторической, так и в политологической перспективах. Автор убежден, что именно «империализм» является «красной нитью», проходящей через историю человечества и формирующей сами международные отношения и мировые порядки как их институциональное оформление. Именно это приводит к тому, что «империализм» одновременно является и методом исследования, так как, по сути, представляет собой практически универсальный ключ в данной области. Данное исследование содержит в себе тезисы-выводы, ранее еще никогда четко не выявленные в отечественной (а возможно, даже и в мировой) науке.

Ключевые слова: империализм, мировой порядок, многополярность, однополярность, конфликтология, гегемония, доминирование

Для цитирования: Веселов Ю.А. 2023. Империализм мировых порядков. Via in tempore. История. Политология. 50 (1): 233–248. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248

World Orders` Imperialism

Yuriy A. Veselov

Lomonosov Moscow State University (MSU)

Faculty of World Politics

p. 51, 1 Leninskie Gory St., Moscow 119991, Russia

Email: veseloff30@gmail.com

Abstract. This article is built around the phenomenon of «imperialism», which is both a subject of study and a method of research. «Imperialism» as a subject of research is an integral part of the object of research – international relations, both in historical and political perspectives. The author is convinced that it is «imperialism» that is the «red thread» that runs through the history of mankind and forms international relations and world orders themselves, as their institutional design. This is what leads to the fact that «imperialism» is also a method of research, since, in fact, it is practically a universal key in this field. This study contains the following main theses–conclusions that have never been clearly identified before in domestic (and perhaps even in world science) that the organized history of mankind is the history of the confrontation of imperialisms, the world order is the creation and essence of modern forms of imperialism, and modernity is the arena of the clash of imperialisms.

Keywords: imperialism, world order, multipolarity, unipolarity, conflictology, hegemony, domination

For citation: Veselov Yu.A. 2023. World Orders` Imperialism. Via in tempore. History and political science. 50 (1): 233–248. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248

Введение

Данная статья является логическим продолжением работы «Основные интерпретации понятия «империализм» в современной теории международных отношений». В ней предложен анализ истории международных отношений, а также их современного состояния через призму политреалистской концепции империализма.

В указанной статье было дано следующее определение «империализма» – объективная, закономерная, историческая деятельность (политика, внешнеполитическая стратегия) держав и тех, кто стремится ими стать, расширение своих возможностей, экспансия территорий, наращивание своего потенциала для распространения своего влияния или укрепления этого влияния, получения с этого экономической прибыли (не всегда, не во всех случаях), стремления по сохранению текущего выгодного мирового порядка или деятельность, направленная на его свержение для осуществления лидерства, а лучше продолжительной по времени гегемонии и нарушения в связи с этим суверенитета других акторов международных отношений и мировой политики [Веселов, 2022, с. 43]

Следовательно, «империализм» – это и политика, и ситуация, в которой так или иначе совершается гегемония и доминирование. В данной работе эти термины будут использованы в следующих значениях:

Доминирование или **господство** – это состояние сдерживания объектов с помощью принуждения силой и установлением механизмов и институтов, обозначающих вертикальные отношения власти и правила подчинения и/или влияния одного актора на другие, при этом доминирующий актор считается с желаниями и позициями других акторов (что делает «лидерство» открытой и явной формой доминирования/господства).

Гегемония – явная форма экономического, политического, социального, культурного, идеологического и иного господства, способность обучать, сдерживать и преобразовывать оппозицию, диктовать свои правила игры, вне зависимости от желания других акторов их соблюдать. Гегемония – открытая, явная форма доминирования.

Организованная история человечества – история противостояния империализмов

Из всех трактовок империализма с исторической точки зрения сильно выделяется концепция, созданная известным австро-американским экономистом Й. Шумпетером. Шумпетер выделил агрессию как ключевой фактор империализма. Согласно определению Шумпетера, «империализм является бесцельной склонностью государства к неограниченной насильственной экспансии» [Schumpeter, 1972, p. 6].

Следует отметить и то, как Шумпетер характеризовал империализм в целом и его проявления на протяжении организованной истории человечества. Первым государством, осуществляющим империалистические действия, согласно Шумпетеру, была Ассирийская империя, которая завоевала огромные территории, разрушила и разграбила множество городов, аргументируя это волей богов, а на деле мотивами (кроме религиозного фанатизма) могли быть жажда крови и добычи, алчность и жажда власти, жажда деятельности (наподобие спорта), коммерческие интересы – всё это, сочетавшись в разной степени, могло сыграть свою роль в мотивации отдельных лиц и групп для осуществления завоеваний. Такие реальные мотивы являются мощными союзниками официальных мотивов (религиозных или иных), усиливают их ударную мощь или узурпируют их облик, составляя основную часть империализма того времени [Schumpeter, 1972, p. 33]. Также можно утверждать, что недостаточно выделять такие факторы характерно исключительно одной эпохи, а применять их повсеместно, так как, вероятно, человеческая натура не такая изменчивая.

Тем не менее могут происходить и функциональные изменения в социальных привычках, правовых формах и т. д., и для каждой эпохи, каждой уникальной цивилизации свойственен свой империализм – египетский, ассирийский, персидский, македонский, корейский, монгольский, франкский, германский и пр. Например, македонский империализм автор рассматривал как «индивидуальный империализм» («individual imperialism») Александра Великого, аналогичными которому являлись, по мнению Шумпетера, «империализмы» Цезарей и Наполеона I, т. е. политиков, чьё положение повышалось и крепло вместе с их военными кампаниями, которым нужны все новые и новые военные успехи, чтобы сохранить свои позиции [Schumpeter, 1972, p. 50]. Можно утверждать, что в ряде случаев воля одного человека – роль личности в истории, может являться основополагающим фактором начала осуществления империализма.

Особое внимание Шумпетер уделял империализму Нового времени, который трактовал как классический его вид [Schumpeter, 1972, p. 66]. В данном случае имеется в виду абсолютизм. Шумпетер полагал, что значительная часть войн, начинавшихся в то время, не носила в своей основе экономической причинности. В пример он приводил знаменитого французского короля Людовика XIV, который действительно проявлял некоторое безразличие к коммерческим и колониальным начинаниям и, вероятнее всего, предпочитал небольшие и с экономической точки зрения бесплодные начинания в Европе, которые казались легкими и сулили успех. Промышленная жизнь была тогда только в зачаточном состоянии. Об экспорте капитала, который действительно был бы актуален в этой связи, не могло быть и речи, а производство было количественно настолько мало, что экспорт не мог занимать центральное место в политике государства. Даже колониальные вопросы лишь незначительно влияли на европейскую политику великих держав. Поселенцы и авантюристы, к примеру, чаще всего боролись со своими проблемами на месте самостоятельно, и им уделялось мало внимания [Schumpeter, 1972, p. 60]. Для монарха завоевание означало в первую очередь приращение власти, солдат и доходов. Правитель, приравниваемый к государству, делал внешнюю политику своей личной прерогативой и следил за тем, чтобы это более никого не касалось. Его личные интересы становились интересами государства [Schumpeter, 1972, p. 61]. Исходя из такой логики Й. Шумпетера, можно сделать вывод, что «капитализма» ещё не было, а империализм уже был.

Это означает, что империализм в классической своей форме проявился ещё до активной фазы промышленной революции, а соответственно раньше «империалистического» капитализма марксистов, который они представляли в своих работах конца XIX – начала XX веков. И только в результате промышленной революции, буржуазных революций сформировались полноценные сильные классы, которые не только требовали, чтобы государство считалось с их запросами, но и дало им право на свободу действий и право на собственность. Империалистические черты капитализма Шумпетер считал проявлением оставшихся докапиталистических тенденций.

Кроме того, обладание колониями, обширными территориями подкрепляет символ великой державы (а одновременно с этим расширяет прибрежную зону). Потеря даже вроде как ненужной территории наверняка могла трактоваться как слабость, ошибка правительства, привести к потере авторитета у государства в глазах соседних держав и у собственного населения [Schumpeter, 1972, p. 13]. Шумпетер придавал империализму особенность, использование которой при трактовке международных отношений объясняет причины и последствия подобной политики – «...следствием, всегда возникающим в империализме, было то, что завоевательная политика неизбежно вела к ситуациям, которые вынуждали к дальнейшим завоеваниям. Как только был совершен первый шаг на подобной дороге, становится трудно сойти с неё, и, наконец, результаты подобной далеко превзошли те, к которым первоначально стремились» [Schumpeter, 1972, p. 53].

Шумпетер, как и многие его предшественники, противопоставлял империалистическим тенденциям режим свободной торговли и, более того, называл данный режим антиимпериалистским, повторяя этим «научного отца империализма» Дж. Гобсона [Schumpeter, 1972, p. 19]. Он утверждал, что там, где господствует свободная торговля, ни

один класс не заинтересован в насильственной экспансии. Так как в таком случае граждане и товары каждой страны могут перемещаться в других странах так же свободно, как если бы эти страны были политически их собственными. Эти рассуждения позволяют аргументировано «оторвать» империализм от исключительно экономических интересов капиталистического государства. Империализм Шумпетера становится не просто ступенью в формационном развитии или названием системы государственно-классового угнетения, а неотъемлемым элементом развития человечества, присущего сильным суверенным государствам. Шумпетеровский империализм лучше всего характеризует фраза профессора кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Бузгалина, относящаяся к империализму в целом: «в разные периоды истории (хроноса) и в разных частях света (топоса) существовали разные по содержанию типы агрессий и империй» [Бузгалин, 2017, с. 33].

Периодизация империализма – не новый аспект рассмотрения этого историко-политического феномена. Ниже будут представлены еще несколько концепций, представляющих безусловный теоретический интерес. Согласно этим подходам, империализм, или завоевание одной группы людей другой, так же стар, как и человечество, и не привязан к какой-либо идеологической экономикоцентристской школе [Nester William, 2010, p. 27–33].

Согласно пониманию империализма американского доктора политологии Уильяма Нестера, профессора государственного управления и политики Университета Сент-Джонса, исторически было две волны европейского империализма: эпоха парусов (1450–1850) и эпоха пара (1850–1950). Каждая из этих империалистических волн стимулировалась динамичным сочетанием технологических, политических, экономических и интеллектуальных изменений.

Непосредственным катализатором европейского империализма стало османское завоевание Ближнего Востока, которое нарушило поток специй из Юго-Восточной Азии в Европу. В 1450-х годах первые португальские каравеллы отправились на юг вдоль африканского побережья, пытаясь найти прямой путь к легендарным островам пряностей на дальнем конце земли. Европейская разобщенность на самом деле была источником власти. Разделение континента на полдюжины крупных централизованных королевств и сотни более мелких королевств, а также непрекращающиеся войны и соперничество между ними, возможно, были главной причиной окончательного господства Европы над миром. Соперничество породило инновации в технологиях, тактике, оружии, конструкции кораблей и создании богатства. Революционные технологические достижения запустили гонку вооружений между европейскими государствами, которая дала им практически неоспоримую мощь против неевропейских государств, имевших преимущество в живой силе.

Первая волна европейского империализма также зависела от оживления торговли и появления огромных торговых и банковских корпораций, которые финансировали большую часть открытий и завоеваний [Nester William, 2010, p. 27–33].

Как и первая волна, вторая волна глобального империализма, согласно У. Нестеру, стимулировалась сочетанием политического и идеологического соперничества, экономических требований и технологических достижений [Daniel Headrick, 2009; Wesseling, 2004].

Причиной для этого могла быть потребность в дешевых и надежных источниках продовольствия, сырья и полезных ископаемых, ограниченные рынки и необходимость компенсировать растущую мощь своих конкурентов. Националистическое соперничество и престиж империи также были важны. Премьер-министр Бенджамин Дизраэли уловил дух времени, и в 1872 году заявил: «будете ли вы довольны тем, что являетесь удобной Англией, созданной по образцу и подобию континентальных принципов... или вы будете великой страной – имперской страной, – страной, где ваши сыновья, когда вырастут, займут высокие посты и получают не просто уважение своих соотечественников, но пользуются уважением всего мира» [Kebbel, 1889, p. 534].

Британия вряд ли была одинока в своем стремлении к глобальной власти. Новые державы, Германия, Соединенные Штаты, Япония, Италия и Бельгия присоединились к рядам старых империалистов, таких как Великобритания, Франция и Россия. Европейские

имперские державы сублимировали свою древнюю вражду и амбиции на континенте, завоевав отдаленные земли по всему земному шару.

Во время второй имперской волны большая часть Африки и Азии перешла под иностранное правление. В 1800 году европейцы контролировали 35 процентов земной поверхности. Европейцы удвоили свой контроль до 67 процентов мира в 1878 году и 84 процентов к 1914 году [Paul Kennedy, 1989, p. 150].

Успех европейского, американского и японского империализма объясняется многими взаимосвязанными причинами. Промышленная революция в Великобритании дала ее производителям огромное сравнительное преимущество, которое в сочетании с империализмом, маскирующимся под свободную торговлю, уничтожило энергичные отрасли промышленности в Индии, Турции, Китае, Египте и других странах [Nester William, 2010, p. 27–33].

Достаточно новый концептуальный подход в рассмотрении империализма использован в одной из работ американского профессора социологии Джулиана Го «Волны империи. Гегемония США и империалистическая деятельность от берегов Триполи до Ирака, 1787–2003». Дж. Го обозначает связи между глобальной гегемонистской позицией США и империалистической деятельностью и предлагает новый лонгитюдный анализ империалистической деятельности США, в котором показывает, что империалистическая деятельность Америки прерывалась волнами высокой амплитуды и частоты, которые, в свою очередь, соответствовали разным этапам карьеры Америки – в частности, с движением США от регионального к полушарному, к глобальному доминированию и, в конечном счете, к ее отказу от своего прежнего статуса гегемона [Go, 2007, p. 5–40].

Дж. Го считает, что большинство исследователей империализма, которых можно назвать «проимперскими», предполагают, что «империя», «гегемония» и «империализм» логически и исторически взаимосвязаны: американская империя относится к американской гегемонии, а за ней следует империалистическая деятельность [Ferguson, 2003], что, в свою очередь, подтверждается политической реалистской позицией в исследованиях международных отношений, которая утверждает, что страны, обладающие непревзойденной глобальной мощью, неизбежно являются экспансионистами [Layne, Schwarz, 1993, p. 5–23].

Дж. Го разделяет понятия «империализм» и «империалистическая активность», что он объясняет использованием более радикальных политических мер на каждом витке «угасания гегемонии» США, которое происходило с определенными циклами с 1945 года. Также политолог использует достаточно узкое толкование «империализма» – «решение правительства выйти за пределы своих границ и действовать за их пределами – либо путем развертывания войск, нанесения авиаударов, направления военной поддержки, либо временной военной оккупации» [Go, 2007, p. 14]. Дж. Го демонстрирует собственные подсчеты – за 216 лет в общей сложности имели место 256 отдельных случаев «империалистической деятельности» США [Go, 2007, p. 16].

Вне зависимости от того, можно ли назвать подход Дж. Го достаточно узким с теоретической точки зрения, он действительно открывает дорогу для осмысления «империализма» как волн гегемонии не только США, но и чередующихся во власти держав, их разных империалистических биографий в разных мировых порядках, мировой человеческой истории.

Стоит заметить, что смена главных империалистов-гегемонов вовсе не означала окончательный разгром империализма гегемона-предшественника, а только лишь его переход от империализма глобального к более региональному и локальному.

Мировой порядок – порождение и суть современных форм империализма

Государства регулируют свои дела в соответствии со своими собственными правилами и традициями и, таким образом, вырабатывают особые стили управления. Так создается основа для неравномерного географического развития, геополитической борьбы и различных форм империалистической политики. Разные государства порождали разные империализмы [Harvey, 2003, p. 183]. В свою очередь, империализмы формировали и ми-

ровые порядки. Биполярный мировой порядок был сформирован двумя сверхдержавами, каждая из которых доминировала идеологически, институционально в «своём» полюсе. Вместе эти две сверхдержавы формировали «правила игры», сам мировой порядок.

Формирование современной «американской гегемонии» стало следствием исключительно благоприятной ситуации, в которой оказались США после завершения Первой, а затем и Второй мировых войн, аккумулировав к своему экономическому потенциалу «беспрецедентные ресурсы и возможности... приведшие к кардинальному перераспределению власти и богатства в мировом масштабе» [Kenberry, 2006, p. 21]. США объявили себя центром «либерального мирового порядка», заняли лидирующее положение среди развитых индустриальных стран, возглавив своего рода «исторический блок» государств, объединенных не только капиталистическим способом производства, но также приверженностью ценностям рыночной экономики и представительной демократии [Богданов, 2013, с. 194]. Развитая институциональная структура послевоенной американской гегемонии, общность ценностей и приверженность либеральной идеологии, а также экономическая взаимозависимость позволили сгладить силовую асимметрию внутри Западного блока и обусловили преобладание консенсусных форм власти [Богданов, 2013, с. 194].

Завершение биполярного порядка, как казалось многим сторонникам неолиберализма, должно было привести к полноценному объединению мира на основе универсальных ценностей и рыночной экономической модели. Однако первые десятилетия после распада СССР продемонстрировали, что, несмотря на отсутствие существенных конфликтов внутри западного «гегемонистского блока», очаги напряженности начинают разгораться на периферии мирового порядка, характеризующейся экономической отсталостью, межэтническими и межконфессиональными конфликтами, традиционализмом, неприятием модернизации и прогресса, а также отторжением западных ценностей и западного образа жизни [Богданов, 2013, с. 195].

Очевидное усиление роли принуждения и насилия во внешней политике США и их союзников в 2000-е годы побудило многих исследователей предположить, что на смену западной «либеральной гегемонии» могла прийти «американская империя» [Сох, 2003, p. 1–27], мало считающаяся с мнением союзников, стремящаяся к максимальному расширению сферы своего геополитического влияния и навязыванию своих национальных ценностей, институциональных практик и традиций в глобальном масштабе.

Вероятно, ослабление идеологического влияния американской гегемонии в пользу «материального» доминирования с помощью военных интервенций, угроз, санкций, гибридных конфликтов может рассматриваться как отчаянная попытка сохранить контроль над теряющим управляемость мировым порядком [Jervis, 2009, p. 288].

Современный империализм скорее напоминает не отношения между имперскими хозяевами и колониальными подданными, а сложное взаимодействие между более или менее суверенными государствами, но, по сути, ту же глобальную иерархию экономической и политической власти, которая является фундаментальным следствием неравномерного и комбинированного развития. Основной площадкой для него в наше время является «осязаемый» аспект глобализации – глобальное управление, существующее на различных уровнях – политическом, экономическом, социальном, экологическом и пр. Было бы невозможно говорить о послевоенном империализме без его многостороннего экономического обоснования в Бреттон-Вудской системе 1944 года. Следовательно, существует множество сложных способов, которыми Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО) и учреждения Организации Объединенных Наций сегодня всё ещё управляют отношениями глобальной имперской власти в интересах крупных корпораций, центральных держав текущего мирового порядка и даже отдельных личностей, пользуясь претендующей на универсальность и глобальность лево-либеральной идеологией. Согласно такой логике, рамочные конвенции ООН (например, РКИК ООН), а также форматы взаимодействия, такие как G7, G20, АПЕС и прочие,

рассматриваются именно как площадки-механизмы глобального управления империализма глобальными ресурсами, капиталами, и, в конце концов, государствами и народами. «...Неолиберальная экономическая модель является составной частью имперской глобализации...» [Herring, Rangwala, 2005, p. 4–5].

Империализм как результат закономерно появляющейся иерархии в силу разных потенциалов государств мира даёт основания для инструментального злоупотребления глобальным управлением ограниченной группой международных игроков [Mojtaba Barghandan, 2019]. Мир стал свидетелем двух самых жестоких и разрушительных мировых войн и множества кровопролитных гражданских войн. Империализм и имперское соперничество послужили как причиной, так и контекстом почти для всех из них. Но любой порядок, появляющийся после каждой такой войны, будет не менее империалистичным, чем порядок до структурной пертурбации. И в любом случае та или иная группа держав будет осуществлять доминирование на мировой арене, а другая группа держав будет пытаться реформировать или нивелировать такой порядок. Империалистическая глобализация представляет собой основу для децентрализованной формы глобального управления [Herring, Rangwala, 2005, p. 677]. Институты и иные форматы глобального управления стараются выстраивать иерархию по отношению к государствам, экономикам и обществам, но они не представляют собой иерархий по отношению друг к другу. Такая система может восприниматься либо как международная (с участием некоторого количества ведущих держав в качестве доминирующих субъектов) или транснациональная (с участием детерриториализованного класса, который правит с помощью государств и других институтов) [Hardt, Negri, 2001]. Вне зависимости от точки зрения, первый и второй подход будут лишь проявлениями империализма с позиции двух эпистем – политического реализма и марксизма (вместе с их доработанными версиями): «В обоих случаях глобальное управление не противопоставляется империализму, как это происходит в либеральных концепциях мировой политики: глобальное управление в его нынешней форме является выражением империализма, определяемого в современный период как формальные и неформальные практики, которые поддерживают правление» [Herring, Rangwala, 2005].

Предположительно, что простая поляриность «центр – периферия» уже не совсем полна для понимания империализма. Производственно-сбытовые цепочки увеличили относительный вес полупериферийных стран. Многонациональные фирмы больше не ставят во главу угла захват национальных рынков, чтобы воспользоваться преимуществами субсидий и таможенных барьеров. Они иерархизируют другой тип внешних инвестиций. В определенных случаях они обеспечивают захват природных ресурсов, определяемых геологией и климатом каждого места. В других ситуациях они пользуются преимуществами наличия больших контингентов дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Эти два варианта – присвоение природных богатств и эксплуатация наемных работников – определяют стратегии транснациональных корпораций и место каждой экономики в мировом порядке. Это низведенное положение подтверждается даже в тех экономиках, которым удалось создать собственные транснациональные компании (Индия, Бразилия, Южная Корея). Они вошли в сферу, которая была монополизирована центром, не изменив своего второстепенного статуса в глобализованном производстве. В связи с этим вспоминаются также и фазы империализма Й. Галтунга [Galtung, 1971, p. 81–117]: колониализм, неоколониализм, нео-неоколониализм [Galtung, 1971, p. 94].

Продолжающееся наступление коллективного империализма Соединённых Штатов / Европы / Японии идёт на двух столпах: экономический аспект – глобализованный неолиберализм, навязанный как единственно возможная экономическая политика; и политический аспект – непрерывные интервенции, включая превентивные войны против тех, кто отвергает империалистические интервенции [Samir Amin, 2015], а также санкционные, информационные и в целом гибридные войны против остальных, но более серьёзных соперников.

Так же, как уже давно был развенчан миф о «конце истории», который бы означал конец межгосударственному противостоянию, конфликтам и начал бы эру мировой демократии и свободы в новом мировом порядке, так и он бы значил конец империализма как феномена в международных отношениях, однако, так как этого не произошло, империализм, не сведённый, правда, исключительно к конфликтологическим измерениям, благополучно продолжил своё существование, обзавёлся новыми методами и формами. К примеру, в нескольких предыдущих мировых порядках одной (опять же, не единственной) формой империализма был колониализм. Колониализм посредством прямой государственной власти превратил экономическое соперничество между империалистическими державами в особое политическое и военное соперничество, что стало просто особенностью этой конкретной стадии империализма или этого конкретного «мирового порядка» [Steven Rob, 1994, p. 290].

Взрыв национального сепаратизма среди колонизированных народов после Второй мировой войны серьезно угрожал всему империалистическому порядку вместе со всеми привилегиями. И старых империалистических акторов вытеснили новые – две сверхдержавы, которые воспользовались деколонизацией в своих собственных целях, играясь с режимами постколониальных стран. Поскольку только две сверхдержавы, казалось, обладали неограниченными возможностями для применения необходимой военной силы, спонсирования «правильных» государственных переворотов, произошел постепенный, но неуклонный переход от зависимости от предыдущих колонизаторов к более не прямой зависимости от США и СССР [Steven Rob, 1994, p. 291].

При этом такой неоколониализм (хотя скорее этот термин является политизированным) уже предоставлял возможность для совместной эксплуатации бывших колоний развитыми странами, что отличалось от предыдущей модели использования, когда великие державы могли пойти на политическое и военное соперничество за монопольное право владения и управления колониями [Steven Rob, 1994, p. 292]. Великие державы ставили лояльный политически и идеологически режим, который предоставлял почти безграничные возможности великим державам, их неправительственным организациям и их бизнесу.

И в этом случае стоит подчеркнуть важную концептуальную дилемму – империалист – это не только тот, кого «обвиняют в империализме», а также тот, кто сам использует негативные трактовки «империализма» для определения отдельных акторов. Например, СССР активно выступал против империализма, осуждая это явление с помощью методик марксистских трактовок империализма, однако сам может быть назван империалистической державой при использовании более широкого научного подхода, при избегании попасть в «медийную и лозунговую ловушку». Также и либерально-идеалистическая парадигма может критиковать старый империализм США и прочих великих держав, однако либерально-идеалистические принципы мироустройства попадают под как минимум марксистское определение империализма. Это никак не может означать, что империализма нет в одном случае, а в другом есть. Это подразумевает собой то, что империализм – явление всеобъемлющее, комплексное и полипарадигмальное.

Более того, в новом мировом порядке оформились институциональные механизмы, посредством которых осуществляется империализм. Это можно назвать многоуровневым, географически распределенным институциональным ансамблем, и они включают сложный набор связей между правительствами развитых и менее развитых стран, различные альянсы между местным капиталом и международным капиталом, обычно в форме совместных предприятий в менее развитых странах, и набор международных институтов, которые частично независимы от других, но частично являются каналами, через которые действуют другие. Другие международные институты включают ВТО, которая стремится обеспечить максимальную открытость развивающихся стран как для торговли, так и для инвестиций из развитых стран, а также международные финансовые институты, такие как Всемирный банк и МВФ, которые пытаются обеспечить, чтобы кредиты развитых стран

не использовались для защиты «неконкурентоспособных» отраслей, а направлялись в наиболее производительные виды деятельности, то есть те, в которых обычно доминирует международный капитал. Хотя эти и другие форматы глобального управления, как правило, сосредоточены на конкретных задачах, они выполняют общую функцию придания легитимности соблюдению правил, которые при прежних мировых порядках более явно служили интересам не только развитых стран, но и отдельных империалистических держав. Международные институты могут более убедительно представить себя в качестве законных опекунов международного сообщества [Steven Rob, 1994, p. 295]. Но империализм текущего мирового порядка, безусловно, не характеризуется одним лишь глобальным управлением, а пользуется всем спектром возможных действий, которые он апробировал на протяжении всей организованной истории человечества.

Если учитывать, что «глобальное управление» – сравнительно новый феномен, то его можно причислить к одним из основных методов текущего мирового порядка, намеренно опуская теоретические сложности определения его временных границ. В одной из своих статей [Mojtaba Barghandan, 2019] Моджтаба Баргандан, аналитик по вопросам политики и безопасности на Ближнем Востоке, сотрудник Генерального консульства Исламской Республики Иран в Стамбуле, высказался о сути международного сотрудничества и глобального управления в современности: «Опора на международное сотрудничество в этих условиях подобна посадке на дырявую лодку, и глобальное управление делает ещё один шаг вперед, ставя у руля слепого». Именно так может выглядеть глобальное управление для некоторых развивающихся стран, однако для центральных держав мирового порядка можно привести обратную аналогию: империализм – есть море, которое продырявило лодку и готово поглотить её. Море может и не поглотить лодку, но она, безусловно, в его власти.

Однополярный, биполярный, многополярный мир – разные форматы империализма, отличающиеся только составом ключевых участников

Став однополярным, мировой порядок, вне зависимости от его теоретического понимания, приобрел однополярное глобальное измерение – международные институты практически полностью охватили планету, экономические и идеологические принципы получили возможности глобального обхвата.

Многополярный мировой порядок, безусловно, не потенциально новая конфигурация, а уже существовавшая в прошлом модель. Но, вопреки предположениям, что такой порядок будет постимпериалистичным, он будет конфигурацией не одного, не двух, а многих империализмов, концертом великих держав, вовсе не «играющих в унисон». И человечество, возможно, вернется, по сути, под конец XIX – начало XX веков.

Ультраимпериализм того типа, который сейчас приветствуется в Европе, имеет, однако, свои собственные негативные коннотации и последствия [Harvey, 2003, p. 210]. Если верить Роберту Куперу, советнику Т. Блэра, это способствует возрождению различий девятнадцатого века между цивилизованными, варварскими и дикими государствами в облике постмодернистских, современных и премодернистских государств, с постмодернистами как хранителями цивилизованного поведения сотрудничества, которое, скорее, означает подчинение универсальным, либеральным (т. е. «западным»), а если использовать марксистскую риторику, то «буржуазным», «капиталистическим») нормам и гуманистическим практикам по всему миру. Примечательно, что постмодернистские, в основном европейские, государства, с этой точки зрения, вовсе не являются «старой Европой», а намного опережают Соединенные Штаты, которые, похоже, испытывают некоторые трудности с отказом от своих модернистских взглядов [Harvey, 2003, p. 210]. И это интересно с точки зрения терминологии «старого», «нового» и «нового» империализмов.

Современность – арена столкновения империализмов. Как и вся история

Национальный суверенитет трактуется большинством исследователей в первую очередь как наличие у государства верховной легитимной власти в пределах собственных границ [Грачев, 2006, с. 88]. Известно также, что данный суверенитет, также называемый вестфальским, претерпевает значительные изменения, подвергаясь таким мировым трендам, как глобализация [Гринин, 2005, с. 6–31], связанная с этим либерализация торговли [Щебарова, 2005, с. 348], интеграционные процессы [Соловьев, Чаевич, 2005, с. 16–31], приватизация государственных функций [Небольсина, 2017, с. 213–224]. Такие процессы не произошли сами по себе (и даже не были вызваны «рукой» одной заинтересованной страны), а являлись логичным следствием развития западной политико-экономической мысли [Sehldon S. Wolin, 2016], которая, в свою очередь, может называться основанием существующего мирового порядка и заложенных в Уставе Организации Объединённых Наций принципов, на которых и основана действующая система международных отношений.

Европейская экономическая, политическая и социальная мысль уходит корнями далеко в прошлое. Европейская традиция мышления диктует линейное восприятие исторического процесса, следовательно, может сложиться впечатление, что случается то, что было заранее предрешено, запрограммировано, существует некая, кажущаяся прямой, линия в светлое будущее. Лучшим образом такая идея отражена в либерально-идеалистической парадигме международных отношений. Ключевым постулатом первой части данной парадигмы является афоризм одного из основоположников экономической теории А. Смита: «невидимая рука рынка». Тем не менее ход истории уже не единожды позволил пересмотреть данный постулат. Так, «Великая депрессия» породила кейнсианский подход к организации рынков. Кейнсианство впервые, по крайней мере за 100 лет, подвергло критике классическую политическую экономию, и даже многие посткейнсианские теории отчасти всё равно опирались на это течение. Те же монетаристы всё равно признавали, что государство должно контролировать денежное обращение, выступать посредником между субъектами рыночных отношений, принимать законы и следить за их соблюдением (в рамках хотя бы антимонопольного законодательства). Государство отстояло роль «ночного сторожа» при сохранении особой роли у негосударственных акторов.

«Путь от национального государства к космополитической демократии лежит через глобализацию» [Мусихин, 2008, с. 42]. В ходе роста процессов глобализации, объединяющих хозяйства различных стран мира, уже к концу Холодной войны начался новый этап, новый цикл в мировой экономической жизни. Отсутствие внешнего врага, существование которого ранее способствовало поддержанию активного государственного вмешательства в жизни общества, позволило пересмотреть степень этого участия. Особенное внимание мирового сообщества было приковано к новому этапу европейской интеграции – образованию уже полноценного политико-экономического союза с работающими наднациональными органами. По всему миру были запущены новые этапы иных интеграционных проектов: АСЕАН, МЕРКОСУР, Андское Сообщество, НАФТА, и другие. На фоне этих структур, а также усиления неправительственных организаций многие стали полагать, что государство уже перестаёт быть ключевым актором международных отношений [Мусихин, 2008, с. 31–45], а служит интересам ТНК и других заинтересованных групп. Существование ЧВК, в свою очередь, обозначило приватизацию одной из основных государственных функций – военной сферы [Крашенинникова, 2008, с. 84]. К идеям осуществления глобального управления в 1995 году добавился проект создания новых институтов ООН (к примеру, второй «палаты» для транснациональных компаний и международных неправительственных организаций) и расширение полномочий-прерогатив данной структуры в рамках доклада Комиссии по глобальному управлению «Наше глобальное соседство» («Our global neighborhood») [Стецко, 2012, с. 112].

Идея суверенитета всегда существовала, основываясь на вопросе власти и монопольном праве на легитимное насилие [Бойко, 2016, с. 114–115]. Однако и эта область стала размываться, в том числе в силу принятой на международном уровне «обязанности (ответственности) по защите» [The Responsibility to Protect, 2001]. Этот подход даже успел закрепиться прецедентно. Глобальная система международных отношений была основана на европейской мысли и оформлена евро-атлантическими ценностями и принципами, которые пропагандируются как универсальные [Барабанов и др, 2019, с. 42], с целью подчеркнуть легитимность существующего устройства, продвинуть геополитические интересы развитых стран Запада и расширить экономические возможности своих организаций.

В XXI век мир вошел в состоянии однополярного мирового порядка, выстроенного вокруг одной сверхдержавы. Но этот мировой порядок, а также вся Вестфальская система международных отношений претерпели значительное количество структурных вызовов и тенденций, сместивших или грозящих сместить основных акторов или фундаментально способных повлиять на их деятельность. Помимо этого, XXI век оказался богат событиями, из-за которых государства смогли пойти, наоборот, на увеличение своей части в жизни общества: деятельность террористических организаций [Vande, Dan Eggen, 2006], финансовые кризисы [Бойко, 2016, с. 115], мировые пандемии [21] и т. д.

Обеспечение безопасности, защита экологии, экономическая сфера и т. д. даже в условиях глобализации и интеграционных процессов не могут существовать без государственного вмешательства. Даже ЕС никогда не придерживался сугубо политики *laissez faire*. Напротив, «частью его идеологии всегда было стремление исправить (или хотя бы частично компенсировать) негативные последствия рыночных механизмов» [Кавешников, 2015, с. 50]. Противостояние либерального и прогосударственного подхода в результате выглядит как постоянная борьба с переменным успехом на протяжении, по крайней мере, новейшего времени. Если и можно сегодня говорить о возвращении «этатистов» и политики дирижизма в общественной жизни общества, то это не значит, что «завтра» правительственные структуры снова не отступят и этот «вальс» не продолжится.

Необходимо также подчеркнуть, что, рассматривая мировое устройство, нельзя обойти особое деление государств: премодерна, модерна и постмодерна (или довестфальские, вестфальские и поствестфальские) [Харкевич, 2010, с. 160]. Следуя логике данной структуры, государства премодерна – исторические слабые, возможно, даже несостоявшиеся образования, которые исторически попадали под зоны влияния мировых держав, а значит, не имели фактического суверенитета, даже если он провозглашался. Так называемые государства постмодерна (иными словами, логика действий которых уже выходит за рамки классической логики Вестфальской системы – эгоистического стремления к сохранению собственного суверенитета и проведению независимой внутренней и внешней политики) делегируют свой суверенитет на наднациональный уровень, но даже в наиболее удавшемся на данный момент образовании – ЕС та же пандемия коронавируса (не говоря уже и о реакции на миграционный кризис) показала оставшиеся черты национального эгоизма, вопреки заявленным декларациям. Государства модерна, такие как США и в большей степени КНР, никак нельзя назвать странами, когда-то добровольно отошедшими от идей суверенитета [Бредихин, Проценко, 2011, с. 98]. Такие страны будут традиционно заинтересованы в передаче им суверенитета других государств (через наднациональные организации и интеграционные проекты). Лучше всего суверенитет государств модерна отражен в понятии «реальный суверенитет», предложенном академиком А.А. Кокошиным [Кокошин, 2006, с. 63].

Прецеденты, связанные с вмешательством во внутренние дела и даже гуманитарные интервенции, могут быть рассмотрены как механизм внешней политики держав Запада по сохранению контроля и избавления от неудобных режимов. В свою очередь, локальные процессы размывания суверенитета подвергаются изменениям вследствие глобальных вы-

зовов, кризисных явлений, которые являются ключевыми точками реформации (нео)либерального мирового порядка.

Будущее человечества – империализм. Как и прошлое

Впрочем, стоит рассматривать акторов империализма в плоскостях «государство – негосударство» не как соперничающих за «субъектность», а как взаимодополняющих. Государствоцентризм не только чередуется с негосударственными акторами, а соседствует с сетями гражданских обществ, формально негосударственными организациями, ТНК. Это значит, что классический «империализм» политреализма может быть скорее историческим феноменом, а современным являлся бы в первую очередь империализм обществ, объединённых транснациональными идеологиями и ценностями [Taylor, 1996, p. 1917–1928], что балансирует на грани политреализма и неомарксистских мир-системных подходов. В случае деятельности таких менее явных акторов (или инструментов иного уровня) делают империалистический фон невидимым, оставляя лишь его следы. В таком случае такие структуры, как НАТО, ЕС, а также любые проявления евроатлантического взаимодействия, безусловно, представляют собой новый тип имперской формации [Wojcisz, 2005, p. 153–173].

Традиционно империалистические державы использовали множество маркеров – от этнической принадлежности до расы, культуры. Либеральные империалисты тоже проводят маркеры, только по иным основаниям. Вместо этнической, национальной принадлежности либерально-гражданское государство проводит границы вокруг того, кто является идеологически приемлемым, «цивилизованным», «просвещённым» или «прогрессивным», подходящим под новую современную «универсальную» идеологию – «новую этику». Таким образом, имперское подчинение порождается внутри структуры либерально-гражданской государственности, а не вопреки ей [Go, 2017, p. 80]. Государство-нация, глобальная интернациональная империя, сеть гражданского общества, сеть ТНК, проецирующие властные иерархические отношения (даже вопреки декларированным целям и вроде как горизонтальной структуры некоторых из них), – это всего лишь некоторые из проявлений одного и того же исторического явления – империализма.

Список литературы

- Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. 2019. Время взрослеть, или оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь, 2019, 24 с.
- Богданов А.Н. 2013. Эволюция гегемонии: Власть США в современном мире. Политическая экспертиза: политэкс, 1: 192–194.
- Бойко С.И. 2016. Легитимное насилие: внутривластный контент. *Thesaurus*, 3: 113–119.
- Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. 2011. Политические основы государственного суверенитета. *Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки Актуальные проблемы теории государства и права*, 8: 92–99.
- Бузгалин А.В. 2017. Империализм в XXI веке: протоимперии и «восстание периферии». *Экономическое возрождение России*. 3 (53): 32–38 с.
- Веселов Ю.А. 2022. Основные интерпретации понятия «империализм» в современной теории международных отношений. *Международные отношения*, 2: 31–56.
- Грачев Н.И. 2006. Происхождение суверенитета: государство и верховная власть в традиционном мировоззрении. *Философия права*, 1: 88–94.
- Гринин Л.Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность*, 1: 6–31.
- Кавешников Н. 2015. Методы управления в Европейском союзе. *Мировая экономика и международные отношения*, 8: 49–60.
- Кокошин А.А. 2006. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., Европа. 63 с.

- Крашенинникова В.Ю. 2008. Война на аутсорсинге. Россия в глобальной политике. 6 (1). 84–94.
- Мусихин Г.И. 2008. Концептуальные изъяны демократии как проблема глобализации. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2: 31–45.
- Небольсина М.А. 2017. Частные военные и охранные компании (ЧВОК): феномен современности. Сборник материалов X Конвента РАМИ: В 5 томах. Московский государственный институт международных отношений (университет). 213–224 с.
- Соловьев А.В., Чаевич А.В. 2005. Глобализация, интеграция и национальная безопасность Российской Федерации. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки, 5: 16–31 с.
- Стецко Е.В. 2012. «Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении. Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana), 4 (25): 110–115.
- Харкевич М.В. 2010. Государство в современной мировой политике. Вестник МГИМО Университета, 6 (15): 160–166.
- Щебарова Н.Н. 2005. Развитие глобализации через либерализацию региональных экономических связей. Вестник Мурманского государственного технического университета. 348–254 с.
- Vorocz Jozsef, Mahua Sarkar. 2005. 'What is the EU?' International Sociology 20. 153–73 p.
- Cox M. 2003. The Empire's Back in Town: Or America's Imperial Temptation Again. Millennium, 1: 1–27 p.
- Daniel Headrick. 2009. Power over People: Technologies, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present Princeton. N.J., Princeton University Press. 400 p.
- Ferguson, N. 2003. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. New York, Basic Books. 424 p.
- Galtung Johan. 1971. A Structural Theory of Imperialism. – International Peace Research Institute, Journal of Peace Research, Oslo. 81–117 p.
- Go Julian. 2017. Myths of nation and empire: The logic of America's liberal empire-state. Thesis Eleven, 139 (1). 69–83 p.
- Go Julian. 2007. Waves of Empire US Hegemony and Imperialistic Activity from the Shores of Tripoli to Iraq, 1787–2003. International Sociology 22 (1). 5–40 p.
- Hardt M., Negri A. 2001. Empire. Boston, MA, Harvard University Press. 440 с.
- Harvey David. 2003. The New Imperialism. Oxford University Press. 183 p.
- Herring Eric, Rangwala Glen. 2005. Iraq, Imperialism and Global Governance, Third World Quarterly, 26. 677 p.
- Ikenberry J. 2006. Rethinking the Origins of American Hegemony // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / Ed. by J. Ikenberry. Cambridge, Polity Press. 21 p.
- Jervis R. 2009. An Empire, But We Can't Keep It // Imbalance of Power. U.S. Hegemony and International Order / Ed. by W. Zartman. London, Lynne Rienner Publishers. 288 p.
- Kebbel T.E., 1889. ed., Disraeli, Selected Papers of the Late Right Honorable The Earl of Beaconsfield, vol. 2, London. 534 p.
- Layne, C., Schwarz, B. 1993. 'American Hegemony – Without an Enemy', Foreign Policy. 92. 5–23 p.
- Mojtaba Barghandan. 2019. Global governance devastated by imperialism. // Daily Sabah. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/05/08/global-governance-devastated-by-imperialism> (date of application: 05.05.2022)
- Nester William R. 2010. Global Imperialism's First Wave. Globalization. A Short History of the Modern World. Chapter, 27–33 p.
- Paul Kennedy. 1989. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, Vintage. 150 p.
- Samir Amin. 2015. Contemporary imperialism. Monthly Review, URL: <https://monthlyreview.org/2015/07/01/contemporary-imperialism/> (date of application: 05.05.2022)
- Sehldon S. Wolin. 2016. Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought. – Princeton University Press. 792 p.
- Schumpeter Joseph. 1972. Imperialism [and] Social classes; two essays, New York, World Pub. Co. 181 p.
- Steven Rob. 1994. New world order: A new imperialism, Journal of Contemporary Asia. 24: 3. 271–296.
- Taylor, P.J. 1996. 'Embedded Statism and the Social Sciences: Opening up to New Spaces', Environment and Planning A 28 (11). 1917–1928 p.

- The Responsibility to Protect. 2001. International Commission on Intervention and State Sovereignty. December. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (date of application: 02.10.2020).
- Vande Hei J., Dan Eggen. 2006. Cheney Cites Justifications For Domestic Eavesdropping. // Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/04/AR2006010400973.html> (date of application: 02.10.2020).
- Wesseling J.L. 2004. The European Colonial Empires, 1815–1919. New York, Longman. 304 p.

References

- Barabanov O.N., Bordachjov T.V., Lisovolik Ja.D., Luk'janov F.A., Sushencov A.A., Timofeev I.N. 2019. Vremja vzroslet', ili opravdanie anarhii. Kak otsutstvie mirovogo porjadka mozhet sposobstvovat' otvetstvennomu povedeniju gosudarstv [Time to grow up, or an excuse for anarchy. how can the absence of a world order contribute to responsible behavior of States]. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» [Report of the Valdai International Discussion Club], sentjabr', 24.
- Bogdanov A.N. 2013. Jevoljucija gegemonii: Vlast' SShA v sovremennom mire [The Evolution of Hegemony: US Power in the Modern World]. Politicheskaja jekspertiza: politjeks [Political expertise: politex], 1: 194 p.
- Bojko S.I. 2016. Legitimnoe nasilie: vnutripoliticheskij kontent [Legitimate violence: domestic political content]. Thesaurus, 3: 113–119.
- Bredihin A.L., Procenko E.D. 2011. Politicheskie osnovy gosudarstvennogo suvereniteta [Political foundations of state sovereignty]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. Juridicheskie nauki Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Legal sciences Actual problems of the theory of state and law], 8: 92–99.
- Buzgalin A.V. 2017. Imperializm v XXI veke: protoimperii i «vosstanie periferii» [Imperialism in the XXI century: Proto-Empire and the «revolt of the periphery»]. Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [The economic revival of Russia], 3 (53): 32–38 p.
- Veselov Ju.A. 2022. Osnovnye interpretacii ponjatija «imperializm» v sovremennoj teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [The main interpretations of the concept of «imperialism» in the modern theory of international relations]. Mezhdunarodnye otnoshenija [International relations], 2: 31–56.
- Grachev N.I. 2006. Proishozhdenie suvereniteta: gosudarstvo i verhovnaja vlast' v tradicionnom mirovozzrenii [The origin of sovereignty: the state and the supreme power in the traditional worldview]. Filosofija prava [Philosophy of Law], 1: 88–94.
- Grinin L.E. 2005. Globalizacija i nacional'nyj suverenitet [Globalization and national sovereignty]. Istorija i sovremennost' [History and modernity], 1: 6–31.
- Kaveshnikov N. 2015. Metody upravlenija v Evropejskom sojuze [Management methods in the European Union]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations], 8: 49–60.
- Kokoshin A.A. 2006. Real'nyj suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme [Real sovereignty in the modern world political system]. M., Evropa. [Europe] 63 p.
- Krashennikova V.Ju. 2008. Vojna na outsorsinge [The outsourcing war]. Rossija v global'noj politike [Russia in global politics], 6 (1): 84–94 p.
- Musihin G.I. 2008. Konceptual'nye iz#jany demokratii kak problema globalizacii [Conceptual flaws of democracy as a problem of globalization]. Journal politizeskoj filosofii i politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz. Global'naja perspektiva» [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics «Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast»], 2: 31–45 p.
- Nebol'sina M.A. 2017. Chastnye voennye i ohrannye kompanii (ChVOK): fenomen sovremennosti [Private military and security companies (PMCs): the phenomenon of modernity]. Sbornik materialov X Konventa RAMI: V 5 tomah. Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) [Moscow State Institute of International Relations]. 213–224 p.
- Solov'ev A.V., Chaevich A.V. 2005. Globalizacija, integracija i nacional'naja bezopasnost' Rossijskoj Federacii [Globalization, integration and national security of the Russian Federation]. Vestn. Mosk. Un-ta [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 12. Politicheskie nauki, 5: 16–31.

- Stecko E.V. 2012. «Global'noe upravlenie» i rol' nepravitel'stvennyh organizacij v ego stanovlenii [«Global Governance» and the role of non-governmental organizations in its formation]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Environment. Development]*. 4 (25): 110–115.
- Harkevich M.V. 2010. Gosudarstvo v sovremennoj mirovoj politike [The state in modern world politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 6 (15): 160–166.
- Shhebarova N.N. 2005. Razvitie globalizacii cherez liberalizaciju regional'nyh jekonomicheskikh svyazej [The development of globalization through the liberalization of regional economic ties]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta [Bulletin of the Murmansk State Technical University]*, 348–254.
- Borocz Jozsef, Mahua Sarkar. 2005. 'What is the EU?' *International Sociology* 20. 153–73 p.
- Cox M. 2003. The Empire's Back in Town: Or America's Imperial Temptation Again. *Millennium*, 1: 1–27 p.
- Daniel Headrick. 2009. *Power over People: Technologies, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present* Princeton. N.J., Princeton University Press. 400 p.
- Ferguson, N. 2003. *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. New York, Basic Books. 424 p.
- Galtung Johan. 1971. A Structural Theory of Imperialism. – International Peace Research Institute, *Journal of Peace Research*, Oslo. 81–117 p.
- Go Julian. 2017. Myths of nation and empire: The logic of America's liberal empire-state. *Thesis Eleven*, 139 (1). 69–83 p.
- Go Julian. 2007. Waves of Empire US Hegemony and Imperialistic Activity from the Shores of Tripoli to Iraq, 1787–2003. *International Sociology* 22 (1). 5–40 p.
- Hardt M., Negri A. 2001. *Empire*. Boston, MA, Harvard University Press. 440 c.
- Harvey David. 2003. *The New Imperialism*. Oxford University Press. 183 p.
- Herring Eric, Rangwala Glen. 2005. Iraq, Imperialism and Global Governance, *Third World Quarterly*, 26. 677 p.
- Ikenberry J. 2006. *Rethinking the Origins of American Hegemony // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / Ed. by J. Ikenberry*. Cambridge, Polity Press. 21 p.
- Jervis R. 2009. An Empire, But We Can't Keep It // *Imbalance of Power. U.S. Hegemony and International Order / Ed. by W. Zartman*. London, Lynne Rienner Publishers. 288 p.
- Kebbel T.E., 1889. ed., Disraeli, *Selected Papers of the Late Right Honorable The Earl of Beaconsfield*, vol. 2, London. 534 p.
- Layne, C., Schwarz, B. 1993. 'American Hegemony – Without an Enemy', *Foreign Policy*. 92. 5–23 p.
- Mojtaba Barghandan. 2019. Global governance devastated by imperialism. // *Daily Sabah*. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/05/08/global-governance-devastated-by-imperialism> (date of application: 05.05.2022)
- Nester William R. 2010. Global Imperialism's First Wave. *Globalization. A Short History of the Modern World*. Chapter, 27–33 p.
- Paul Kennedy. 1989. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York, Vintage. 150 p.
- Samir Amin. 2015. Contemporary imperialism. *Monthly Review*, URL: <https://monthlyreview.org/2015/07/01/contemporary-imperialism/> (date of application: 05.05.2022)
- Sehldon S. Wolin. 2016. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. – Princeton University Press. 792 p.
- Schumpeter Joseph. 1972. *Imperialism [and] Social classes; two essays*, New York, World Pub. Co. 181 p.
- Steven Rob. 1994. New world order: A new imperialism, *Journal of Contemporary Asia*. 24: 3. 271–296.
- Taylor, P.J. 1996. 'Embedded Statism and the Social Sciences: Opening up to New Spaces', *Environment and Planning A* 28 (11). 1917–1928 p.
- The Responsibility to Protect. 2001. International Commission on Intervention and State Sovereignty. December. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (date of application: 02.10.2020).
- Vande Hei J., Dan Eggen. 2006. Cheney Cites Justifications For Domestic Eavesdropping. // *Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/04/AR2006010400973.html> (date of application: 02.10.2020).
- Wesseling J.L. 2004. *The European Colonial Empires, 1815–1919*. New York, Longman. 304 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 26.11.2022
Поступила после рецензирования 10.01.2023
Принята к публикации 10.02.2023

Received 26.11.2022
Revised 10.01.2023
Accepted 10.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Веселов Юрий Александрович, преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2043-2778](https://orcid.org/0000-0003-2043-2778)

Yuriy A. Veselov, Lecturer of the Department of International Organizations and World Political Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 327.8

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-249-257

Оригинальное исследование

Ценности суверенитета во времена перемен и потрясений: Россия, Китай, США

Королёва Л.В.

Московский городской педагогический университет (МГПУ),
Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4
E-mail: KorolevaLV@mgpu.ru

Аннотация. Глобализация как фактор стирания национально-этнических различий между народами и территориальных границ между государствами в настоящее время стала переходить в свою противоположность – деглобализацию. Новая нормальность коснулась, прежде всего, государства как политической организации власти, существующей в определённых границах и самостоятельно определяющей свою внутреннюю и внешнюю политику, т. е. обладающей субъектностью и суверенитетом. И если в условиях глобального миропорядка многие государства потеряли добровольно или принудительно свою независимость и политическую субъектность, то деглобализация, как показывают происходящие события, способна повернуть этот процесс вспять. Отсюда интерес вызывают страны, которые борются за сохранение своей субъектности на мировой арене и независимости во внутренних и внешних делах: Россия, Китай, США. Эти государства, ставшие полюсами притяжения для многих стран, по-разному отстаивают свою суверенность. Оказавшись в центре борьбы за формирование будущего миропорядка, они пытаются определить своё место и свою роль в нём, потому что от этого зависит их существование как независимых субъектов политики. Их представления о собственной суверенности базируются на ценностных установках, складывающихся ментально и исторически, потому могут отличаться и противоречить друг другу. Отсюда целью статьи является сравнительный анализ политических ценностей суверенитета России, Китая, США, а главными задачами – исследование и анализ выявленных ценностных доминант. Основными методами исследования стали компаративный и аналитический. Выводы, сделанные в статье, указывают на невозможность в настоящий период сближения позиций США и Российской Федерации из-за полного несовпадения ценностных политических установок этих стран, разного понимания собственной независимости и самостоятельности, что означает продолжение конфронтации между сторонами. К сожалению, это раскачивает систему международных отношений и норм, делая мир нестабильным на долгое время. Во-вторых, позволяет лучше понять сближение России и Китая как политических партнёров и в то же время оценить разные взгляды обеих держав на определённые международные события.

Ключевые слова: суверенитет, политические ценности суверенитета, многополярность, гегемония, субъектность

Для цитирования: Королёва Л.В. 2023. Ценности суверенитета во времена перемен и потрясений: Россия, Китай, США. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 249–257. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-249-257

Values of Sovereignty in Times of Change and Upheaval: Russia, China, USA

Larisa V. Koroleva

Moscow City Pedagogical University (MGPU),
4 2nd Sel'skohozyajstvennyj Passage, Moscow 129226, Russia
F-mail: KorolevaLV@mgpu.ru

Abstract. Globalization as a factor of erasing national and ethnic differences between peoples and territorial borders between States has now begun to move into its opposite – deglobalization. The new

normality primarily concerned the state as a political organization of power that exists within certain borders and independently determines its internal and foreign policy, i. e., it has subjectivity and sovereignty. And if, in the conditions of the global world order, many states have voluntarily or forcibly lost their independence and political subjectivity, then deglobalization, as events show, is able to reverse this process. Hence, the countries that are struggling to preserve their subjectivity on the world stage and independence in internal and external affairs are of interest: Russia, China, the United States. These states, which have become poles of attraction for many countries, defend their sovereignty in different ways. Having found themselves in the center of the struggle for the formation of the future world order, they are trying to determine their place and their role in it, because their existence as independent subjects of politics depends on it. Their ideas about their own sovereignty are based on values that develop mentally and historically, therefore they may differ and contradict each other. Hence, the purpose of the article is a comparative analysis of the political values of the sovereignty of Russia, China, the United States, and the main tasks: research and analysis of the identified value dominants. The main research methods were comparative and analytical. The conclusions drawn in the article indicate that it is impossible at the present time to bring the positions of the United States and the Russian Federation closer due to the complete discrepancy in the value political attitudes of these countries, different understanding of their own independence and independence, which means the continuation of confrontation between the parties. Unfortunately, this shakes up the system of international relations and norms, making the world unstable for a long time. Secondly, they allow us to better understand the rapprochement between Russia and China as political partners and at the same time assess the different views of both powers on certain international events.

Keywords: sovereignty, political values of sovereignty, multipolarity, hegemony, subjectivity

For citation: Koroleva L.V. 2023. Values of Sovereignty in Times of Change and Upheaval: Russia, China, USA. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 249–257 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-249-257

Введение

Проблема государственного суверенитета всегда была и остаётся главной составляющей любого государства как субъекта мировой политики. Его основные признаки: издание законов, решение вопросов войны и мира, назначение должностных лиц, действие в качестве суда высшей инстанции, помилование были сформулированы ещё Жаном Боденом в XVI веке в его знаменитом трактате «Шесть книг о республике». С течением времени многое изменилось, но признание государственного суверенитета как главного качества верховной власти осталось прежним. Более того, такие его свойства – постоянство и единство суверенной власти – сегодня становятся крайне важными для сохранения самостоятельности любого государственного образования. Вопрос заключается лишь в том, что в глобальном обществе легко потерять политическую независимость, а вместе с ней экономическую, идеологическую, военную, культурную и прочую, вернуть и сохранить же её в условиях современности архисложно. На наших глазах суверенность потеряли не просто отдельные страны (Украина, Молдова, страны Балтии и пр.), международные организации (ООН), но и целые континенты (Европа). По мнению многих специалистов и политиков, глобализация, управляемая из США и понимаемая ими, прежде всего, как американизация всего миропорядка, привела мировое сообщество к новому колониализму, вассальной зависимости (Западная Европа) и однополярности.

Сложность современного осмысления государственного суверенитета заключается в том, что суверенитет – это ещё и политико-правовая категория, в которой право выражает её форму, а содержание связано с непосредственной политической деятельностью самого государства. В настоящее время многие страны в правовом отношении добровольно признают главенство международного права и его институтов над своими национальными правовыми нормами. До внесения поправок в Конституцию в 2020 году Российская Федерация была в таком же зависимом положении, США же руководствуются в международ-

ных делах правилами, которые устанавливают сами и только с выгодой для себя. Следовательно, правовая субъектность государства начинается с признания приоритета собственного национального права.

Политическое содержание суверенитета проявляется в самостоятельном проведении внутренней и внешней политики, в государственном управлении, в идеологическом и ценностном обосновании независимости своей страны. Интерес представляют ценности, которые дают государству возможность самому определять его форму и политический режим, защищать свою территориальную целостность и охранять свои границы, выражать волю своих граждан внутри государства и за его пределами, формировать общую государственную идею. Речь идёт о содержательной стороне суверенитета – политических ценностях. Таким образом, современное осмысление суверенитета затрагивает множество аспектов и сторон, однако проблема заключается в том, что от понимания данного дискурса определённой страной зависит её существование в качестве самостоятельного актора политики. В условиях деглобализации, когда деструкция международных отношений достигла точки своего разрушения, государственный суверенитет нуждается в более фундаментальной поддержке. Фундаментом суверенности каждой страны становится комплекс ценностей, являющихся её основой и отличительной особенностью, которые народ будет и способен защищать.

Результаты исследования

Суверенитет как атрибут самостоятельности любого национального государства является политической ценностью, и сегодня многие государства с началом деглобализации нового миропорядка, стремясь сохраниться, наполняют его особо значимыми для себя ценностными установками. Однако у каждого государства они свои.

Так, в своей новой Стратегии национальной безопасности (октябрь 2022 г.) США прямо пишут о стремлении к мировому лидерству: «Потребность в сильной и лидирующей роли Америки в мире как никогда велика» [Новая стратегия, 2022]. А вот название абзаца, где это написано: «Наша ведущая роль в мире» [Новая стратегия, 2022]. Аксиологическими установками США всегда были частная собственность, свободный рынок, права человека, закон и демократия. Однако в современных американских условиях данные приоритеты превратились в свою прямую противоположность. Например, именно США арестовали золотовалютные счета Российской Федерации после начала специальной военной операции на сумму 340 трлн долларов, что прямо нарушает право частной собственности. Кроме того, эта страна намеревается распоряжаться этими запасами в своих целях, что является мировым финансовым прецедентом. Именно американское руководство шантажирует Западную Европу, навязывая ей продажу своих углеводородов пократно завышенным ценам (в 4 раза), более того, вопреки всем законам рынка, они предложили Европейскому Союзу установить потолок цен на российскую нефть, а это яркое проявление рыночного монополизма. Требуя от других стран соблюдения прав человека, Соединённые Штаты нарушают их как на собственной территории, так и по всему миру: начиная от подтасовки голосов избирателей на президентских выборах 2020 г. и заканчивая многочисленными цветными революциями, подготовленными американцами для свержения неугодных им политических режимов на протяжении первых десятилетий XXI века. Что касается демократии, которая, по их мнению, является высшей ценностью, то её они пытались насаждать повсюду уже с 1947 года («Доктрина Трумэна»).

Действительно, американская политическая система строилась и остаётся таковой до сих пор на представлениях о демократическом устройстве, сложившихся в XVII – XVIII веках. К сегодняшнему дню эти представления устарели и мешают дальнейшему демократическому развитию, а некоторые элементы демократического режима – выборы, избирательная система, система сдержек и противовесов трёх ветвей власти – пришли в

противоречие с реальной ситуацией в стране и мире. Кроме того, американская модель либеральной демократии привела впервые за много лет к прямому противостоянию две основные парламентские партии страны, что стало чревато гражданской войной, проявления которой мы наблюдали после президентских выборов в январе 2021 года. Наконец, находящиеся у власти представители демократического лагеря ввергли своё государство в политический хаос, экономическую стагнацию, забыв про все демократические постулаты, вызвали массовые народные волнения и протесты. Американская демократия постепенно сползает в сторону авторитаризма, т. к. всё идёт по классическому сценарию, описанному ещё Платоном и Аристотелем.

Современные США переживают глубокий политический и идеологический кризис на фоне процессов деглобализации и восстановления суверенности многих государств, но отказываться от лидерства в формировании нового миропорядка они не собираются [Hendrickson, 2018]. Все свои действия американские правители подводят под так называемую концепцию «мягкого суверенитета», которую они активно оправдывают и реализуют после событий 11 сентября 2001 года. Суть данной разновидности суверенитета заключается в том, что в условиях глобализации появляется все больше неэффективных или несостоявшихся государств (именно такие страны сначала Б. Клинтон, а потом Дж. Буш-младший назовут странами-изгоями), которые по разным причинам не смогли приспособиться к условиям глобального мира, поэтому становятся источником террористической, военной, экологической и прочей опасности, т. к. потеряли своё политическое управление. США и государства Запада обязаны помочь этим странам, вводя на их территорию войска, экспортируя туда политико-экономическую модель собственного общественного устройства, финансируя их экономику или, как принято говорить у западных политиков, оказывая «гуманитарную помощь». Те же, кто откажется от навязываемых принципов развития, будут названы несостоявшимися государствами (failed states). Правда, как свидетельствуют недавние события, США не только указывают таким странам их место в современном миропорядке, они уничтожают их субъектность (Ирак, Ливия, Афганистан).

Стремительно теряя свои господствующие позиции в системе международных отношений, Соединённые Штаты пытаются противостоять странам, которые открыто выступают против американского гегемонизма – Китаю и России. Для США наша страна по-прежнему «представляет непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе, попирающей сегодня основные законы международного порядка» [Новая стратегия, 2022]. Китай же в новой Стратегии признаётся наиболее значимой геополитической угрозой для Америки, поскольку для неё он не только главный экономический соперник, но и страна, не разделяющая её ценности, а те, кто ценностно не на стороне Америки, того автоматически записывают во враги.

Так, прошедший недавно XX съезд КПК определил новые политические ориентиры для Китая: приоритет внутренней политики над внешнеполитической линией, построение модернизированного социалистического государства к 2049 году, идеологическое сплочение общества перед лицом растущей международной турбулентности, «необходимо настаивать на обеспечении и улучшении жизни народа в процессе развития», дать новый импульс замедлившейся экономике с помощью импортозамещения и технологического суверенитета [Доклад председателя КПК, 2022].

Возможно, впервые после Дэн Сяопина открыто прозвучала идея о великом Китае, которым он должен стать к 2049 году. Современное руководство страны тем самым подчёркивает необходимость возрождения китайской нации и равнозначность китайского государства в отношении других мировых держав. Китай такими заявлениями даёт понять о собственных политических амбициях, которые сегодня позволяют ему приблизиться к статусам первой экономики мира, одной из самых мощных армий мира и самых техноло-

гично развитых стран. Кроме того, Китай вполне логично стремится вновь стать великим, рассматривая себя как «цивилизационное государство», а свой недавний подъём – как перезагрузку истории, возвращающую Китаю его некогда великий статус континентальной суперсилы [Санджая Бару, 2019]. Однако, заявляя о себе как о будущей великой державе, КНР не стремится к тотальному господству, наоборот, его внешнеполитическая линия предполагает наличие нескольких центров силы (4 или 5) в многополярном мире, невозможность возврата новой холодной войны. Причинами данных утверждений становится и статус Китая как торговой цивилизации, а торговля приносит наибольшую прибыль только в спокойные времена.

Во внешнеполитической деятельности Китай будет верен лозунгу «сознание сообщества судьбы человечества», который указывает на взаимозависимость всех стран и на необходимость решать все мировые проблемы сообща. КНР стремится по-прежнему основываться на принципах и Уставе ООН, а не на правилах, непонятно кем установленных. По этой причине Си Дзиньпин в своей речи на XX съезде КПК дал понять, что не позволит вмешиваться и в территориальную целостность КНР. Подчёркивая нераздельность судьбы Китая и Тайваня, вокруг которого США намеренно устраивают провокации, он объявил эту территорию приоритетной зоной внешней политики страны. С большей вероятностью это означает, что Китай не почувствует себя великой державой, не присоединив к себе Тайвань.

Современная Россия также отдаёт приоритет своим внутренним национальным интересам, несмотря на заявления Запада об отмене её как страны, на почти 8 тысяч санкций, наложенных на неё западными государствами с 2014 года, на проведение вынужденной специальной военной операции, потому что именно сейчас «разворачивается сражение за будущее России как суверенного государства, своеобразной цивилизации. Россия уходит от цивилизации евроатлантической в современном её виде» [Караганов, 2022, с. 7]. Однако существование российской цивилизации возможно только при сохранении её суверенности по всем направлениям. Об этом постоянно напоминает Президент России В.В. Путин: «За 1160 лет мы твердо усвоили, что для России смертельно опасно даже на время ослабить свой суверенитет, отказаться от национальных интересов. В такие периоды под угрозой оказывалось само существование России...» [Путин, 2022].

Конкретным шагом по сохранению собственной независимости и безопасности стали впервые принятые за тридцать лет на официальном уровне Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Указ Президента РФ об утверждении..., 2022]. «Понимание необходимости обоснования общей идеологической концепции развития и функционирования общества и государства» вызревало в современной России уже с 90-х годов XX века [Королёва, 2016, с. 30]. Современная ситуация в России и в мире ускорила этот процесс по защите традиционных ценностей. Данный документ признаётся актом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России, рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Впервые в одном официальном акте названы следующие традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [Указ Президента РФ об утверждении., 2022]. Появление этого документа можно рассматривать в качестве идеологических, моральных, национальных установок, которые долж-

ны стать базовыми ценностями, не только отличающими нас или же делающими похожими на других, но которые объединяют нас в единое государство и единый народ. Эти базовые доминанты сформулированы всей тысячелетней историей Российского государства, Советским государством, потому понятны большинству граждан, которым «нужна современно звучащая «русская идея», основанная на наборе ценностей, органичных для народа России, и включающая ряд целей и принципов: суверенитет государств; неделимость международной безопасности; справедливость, основанная на праве; соразвитие; поддержание культурного многообразия; диалог цивилизаций» [Тренин, 2022, с. 32].

Россия, выбрав в 1991 году демократический путь развития, признавая демократию политической ценностью для себя, пытается выстраивать демократические институты по своему. Наше представление о демократическом устройстве противоположно западной модели либеральной демократии, основанной на собственном западноевропейском видении демократического политического режима, на высокой политической культуре граждан, а в настоящее время – на праве сильного, неограниченной индивидуальной свободе, диктате своих демократических ценностей всем остальным. Вот почему вновь актуальным для России становится дифференция «суверенной демократии» как одна из форм национальной демократии. Данный термин, появившийся в 2005 году, вызвал тогда массу критики и неприятия. Но в современных условиях «употребление термина «суверенная демократия», рассматриваемого в качестве защиты государственного суверенитета, может считаться вполне приемлемым» [Королёва, 2013, с. 93].

Политические ценности российского суверенитета невозможны без экономической составляющей, которая сегодня столкнулась с мощным натиском Евросоюза, США и англо-саксонских стран. Оставаясь по-прежнему слабым звеном российского суверенитета в условиях международной изоляции, специальной военной операции и продолжающихся санкционных ограничений, экономика России вынуждена выработать новую мобилизационную стратегию [Energiepreise unter Druck, 2022], [EU beschließt Maßnahmen., 2022]. Её основные принципы были озвучены президентом В.В. Путиным в июне 2022 года на Петербургском международном экономическом форуме: открытость экономики, опора на предпринимательские свободы, выстоять под напором санкций, социальная справедливость, опережающее развитие инфраструктуры, достижение технологического суверенитета [Путин назвал ключевые..., 2022]. Частью этой программы остаётся борьба с бедностью, которая по-прежнему является ключевой. Следует отметить, что названные ориентиры не новы, однако позволяют пока выдерживать международное давление недружественных стран, обходиться собственными ресурсами, перейти на собственную валюту, найти новые источники сбыта, партнёров, быстрее переходить на импортозамещение, т. е. сохранять экономический суверенитет, который не мог бы состояться без политической самостоятельности.

Указанные политические ценностные доминанты позволяют России создавать вместе с другими не западными государствами новый миропорядок, основанный на дипломатии и международных правилах сотрудничества, центральной координирующей роли ООН и её Совета Безопасности. Современная Россия выстраивает отношения между странами по принципу учёта взаимных интересов, собственной безопасности и безопасности партнёров. В отличие от США ей нужны сильные и стабильные союзники и союзы, основанные на равноправных отношениях. Россия отказалась от диктата своих идей, от решения всех проблем с позиции силы, от однополярного или биполярного мирового устройства, она не претендует на мировое господство, хотя и видит свою роль в качестве одного из влиятельных центров современного мира. В этом состоит разница в подходах к новому международному порядку России и других не западных государств от США и их сателлитов.

Заключение

Глобализация как процесс переживается человечеством не впервые. Но только в наше время она стала угрожать существованию всей человеческой цивилизации. Одной из главных причин этого стало непреодолимое стремление Соединённых Штатов к мировому господству, единичное регулирование ими мирового порядка, присутствие во всех очагах напряжённости и повсеместное создание конфликтных ситуаций [Pillar, 2016]. Гегемонии Соединённых Штатов из крупных мировых держав открыто противостоят только Россия и Китай, для которых борьба за собственный суверенитет стала коренным интересом в сложившихся условиях, поскольку это право даёт возможность самостоятельно решать вопросы внутренней и внешней политики, выстраивать стратегию собственного развития. Эти страны основываются на принципе «стороны не заинтересованы ни в отдалении друг от друга, ни в стремлении сделать партнёра похожим на себя», т. е. Россия и Китай не являются союзниками, они партнёры, имеющие близкие политические ценности, среди которых приоритет национальных интересов, отказ от политики холодной войны, уважение к выбору пути развития, отношения, основанные на равноправии и справедливости. Возвращение двух крупных держав к исконным культурам и религиям объясняется не только уважением традиций, но и необходимостью создать противовес либеральной идеологии, продвигаемой Западом в условиях новой реальности. Заявка России и Китая на статус великих независимых держав все больше раздражает США и Запад, реакцией которых становится не только угрожающая риторика в их адрес, но и провоцирование реального волевого столкновения, чреватого новой мировой войной.

Для современной России защита и сохранение своего суверенитета и независимости становится надолго экзистенциальной потребностью, от которой зависит её существование, истоки и государственность, поэтому нужно мобилизовать все свои внутренние и внешние ресурсы для решения этой проблемы.

Список литературы

- Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на 20 Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. URL: https://www.kt.kz/rus/pressmaterialy/doklad_na_20_vsekitayskom_s_ezde_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html (дата обращения: 10.12.2022).
- Караганов С.В. 2022. От не-Запада к Мировому большинству. Россия в глобальной политике. 20 (5): 6–18.
- Королёва Л.В. 2013. Россия: суверенная демократия. Трансформация социально-политических и экономических ориентаций в современном столичном мегаполисе. М., ГБОУ ВПО МГПУ, 92–95.
- Королёва Л.В. 2016. И снова об идеологии (О некоторых идеологических концептах для современной России). Вестник МГПУ, 1 (17), 28–35.
- Новая стратегия нацбезопасности США: как подмять под себя весь мир. 2022. ИноСМИ: URL: <https://inosmi.ru/20221014/strategiya-256796876.html> (дата обращения: 12.11.2022).
- Путин В.В. 2022. Россия больше не допустит ошибок, подрывающих ее суверенитет, заявил Путин. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220921/suverenitet-1818497491.html> (дата обращения: 22.11.2022).
- Путин назвал ключевые принципы новой российской экономической политики. 2022. Экономика РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/06/2022/62ac88969a7947c64123f0c9> (дата обращения: 22.11.2022).
- Санджая Бару. 2019. Мнения: Центр мира смещается в Азию URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/216824667> (дата обращения: 22.11.2021).
- Тренин Д.В. 2022. «Переиздание» Российской Федерации. Россия в глобальной политике. 20 (2): 27–33.
- Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских

- духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 07.12.2022).
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 07.12.2022).
- Hendrickson D. 2018. Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition. New York, Oxford University Press.
- Energiepreise unter Druck. Deutschlandfunk. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/kommentar-energiepreise- unter-druck-100.html>. (дата обращения: 10.12. 2022).
- EU beschließt Maßnahmen gegen Russland. Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/eu-sanktionen-121.html>. (дата обращения: 10.12.2022).
- Pillar P.L. 2016. Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. New York, Columbia University Press.

References

- Doklad predsedatelya KNR Si Czin'pina na 20 Vsekitajskom s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya 16 oktyabrya 2022 goda. URL: https://www.kt.kz/rus/pressmaterialy/doklad_na_20_vsekitajskom_s_ ezde_kommunisticheskoy_partii_1377941342.html (data obrashcheniya: 10.12.2022).
- Karaganov S.V. 2022. Ot ne-Zapada k Mirovomu bol'shinstvu. Rossiya v global'noj politike. 20 (5): 6–18.
- Korolyova L.V. 2013. Rossiya: suverennaya demokratiya. Transformatsiya social'no-politicheskikh i ekonomicheskikh orientacij v sovremennom stolichnom megapolise. M., GBOU VPO MGPU, 92–95.
- Korolyova L.V. 2016. I snova ob ideologii (O nekotoryh ideologicheskikh konceptah dlya sovremennoj Rossii). Vestnik MGPU, 1 (17), 28–35.
- Novaya strategiya nachezopasnosti SSHA: kak podmyat' pod sebya ves' mir. 2022. InoSMI: URL: <https://inosmi.ru/20221014/strategiya- 256796876.html> (data obrashcheniya: 12.11.2022).
- Putin V.V. 2022. Rossiya bol'she ne dopustit oshibok, podryvayushchih ee suverenitet, zayavil Putin. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20220921/suverenitet-1818497491.html> (data obrashcheniya: 22.11.2022).
- Putin nazval klyuchevye principy novoj rossijskoj ekonomicheskoy politiki. 2022. Ekonomika RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/06/2022/62ac88969a7947c64123f0c9> (data obrashcheniya: 22.11.2022).
- Sandzhaya Baru. 2019. Mneniya: Centr mira smeshchaetsya v Aziyu URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/216824667> (data obrashcheniya: 22.11.2021).
- Trenin D.V. 2022. «Pereizdanie» Rossijskoj Federacii. Rossiya v global'noj politike. 20 (2): 27–33.
- Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
- Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashcheniya: 07.12.2022).
- Hendrickson D. 2018. Republic in Peril. American Empire and the Liberal Tradition. New York, Oxford University Press.
- Energiepreise unter Druck. Deutschlandfunk. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/kommentar-energiepreise- unter-druck-100.html>. (data obrashcheniya: 10.12. 2022).
- EU beschließt Maßnahmen gegen Russland. Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/eu-sanktionen-121.html>. (data obrashcheniya: 10.12.2022).
- Pillar P.L. 2016. Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. New York, Columbia University Press.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Received 26.12.2022

Поступила после рецензирования 10.01.2023

Revised 10.01.2023

Принята к публикации 10.01.2023

Accepted 10.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Королёва Лариса Владимировна, доцент
общеуниверситетской кафедры философии и
социальных наук, Московский городской пе-
дагогический университет, г. Москва, Россия

Larisa V. Koroleva, Associate Professor of the Uni-
versity-wide Department of Philosophy and Social
Sciences, Moscow City Pedagogical University, Mos-
cow, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8103-7734](https://orcid.org/0000-0001-8103-7734)

УДК 327, 327.8
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276
Оригинальное исследование

Внешние факторы обеспечения безопасности в арабских странах с высоким индексом неустойчивости

Горбунова М.Л. , Комаров И.Д. , Сикираз В.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: gorbunova@iee.unn.ru; igor.komarof@gmail.com; sikirazh@imomi.unn.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы обеспечения продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности в неустойчивых арабских государствах. Авторы используют «зеркальные» внешнеторговой статистики и реконструируют структуру внешней торговли знаками, продукцией ТЭК и вооружениями Ирака, Йемена, Сирии и Сомали для оценки стратегических аспектов зарубежного влияния на рассматриваемые государства. Исследование выявило тенденцию диверсификации среди государств-провайдеров внешней безопасности по всем рассмотренным компонентам стратегического экспорта. Это связано с усилением многополярности мирового порядка и возрастанием роли восходящих центров силы в решении проблем неустойчивых государств, а также доминированием глобализационного (либерального), а не геополитического вектора в эволюции мирового порядка.

Ключевые слова: безопасность, военно-политическая безопасность, продовольственная безопасность, энергетическая безопасность, внешняя торговля

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета в рамках научного проекта «Исследование механизмов формирования условий и обеспечения безопасности в макрорегионах Евразии».

Для цитирования: Горбунова М.Л., Комаров И.Д., Сикираз В.В. 2023. Внешние факторы обеспечения безопасности в арабских странах с высоким индексом неустойчивости. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 258–276. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276

External Security Factors in the Most Fragile Arab Countries

Maria L. Gorbunova , Igor D. Komarov , Vladimir V. Sikirazh

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: gorbunova@iee.unn.ru; igor.komarof@gmail.com; sikirazh@imomi.unn.ru

Abstract. The article analyzes the issues of food, energy and military-political security in the unstable Arab states. The authors use «mirror» foreign trade statistics and reconstruct the structure of foreign trade in cereals, fuel and energy products and weapons in Iraq, Yemen, Syria and Somalia to assess the strategic aspects of foreign influence on the states under consideration. The approach newly introduced by the authors permits to assess the outsider influence on the of traditional security, social stability and conditions for economic growth in a structural and dynamic context through indicators concerning trade in strategic goods. The study revealed a trend of diversification among external security provider states in all the considered components of strategic exports. This is due to the strengthening of the multipolarity of the world order and the growing role of ascending centers of power in solving the problems of unstable states, as well as the dominance of the globalization-based (liberal) rather than geopolitical vector in the world order evolution.

Keywords: Security, military-political security, food security, energy security, foreign trade

Acknowledgement: The work was financially supported by the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Competitiveness Program, the project «Investigation of mechanisms affecting conditions and ensuring security in the Eurasian macro-regions».

For citation: Gorbunova M.L., Komarov I.D., Sikirazh V.V. 2023. External Security Factor in the Most Fragile Arab Countries. History. Political science. 50 (1): 258–276. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276

Введение

Неустойчивые государства – одно из наиболее неблагоприятных явлений международных отношений, так как в них возникают проблемы обеспечения стабильности и безопасности, проявляющиеся в том числе в резком снижении качества функционирования институтов и невозможности гарантии нормальных условий жизни местному населению. Кроме того, в связи с тем, что местные власти не могут самостоятельно справиться с возникшими трудностями, проблемы данных государств выходят на макрорегиональный и глобальный уровень, поэтому в теории и практике международных отношений за ними закрепилось понятие «несостоявшихся, недееспособных» (*failed states*) или, в менее негативной коннотации, «хрупких, неустойчивых» (*fragile states*). Общая нестабильность внутривнутриполитических процессов, отличающая эти государства, приводит к тому, что в них возгораются и затухают конфликтные ситуации, в первую очередь в сфере традиционной безопасности, которые местный государственный аппарат не в состоянии разрешить, в результате в странах подорван экономический базис общественного развития и усиливается социальное напряжение среди различных групп населения.

Сама природа термина «несостоявшееся, неустойчивое государство» подразумевает, что на развитие таких государств конструктивным или деструктивным образом оказывают влияние официальные или неофициальные внешние силы. Подобное воздействие может быть многообразным, в связи с этим его не всегда возможно оценить с высокой степенью объективности. В данной статье авторы фокусируются на оценке внешних условий обеспечения военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности рассматриваемых государств, испытывающих проблемы в поддержании стабильности институциональной сферы, а также на идентификации и анализе меняющейся роли зарубежных государств и иных акторов в рассматриваемых процессах.

Существуют разные подходы к изучению проблем безопасности «недееспособных, несостоявшихся, хрупких, неустойчивых государств». Сначала в политический дискурс был введен термин «недееспособное несостоявшееся государство» (*failed state*) для обозначения слабых в институциональном отношении государств, затем термин был замещен менее негативистской версией – «хрупкое, неустойчивое государство» (*fragile state*), который используется в публичном дискурсе, например, при составлении рейтингов. В.И. Бартенев [Бартенев, 2017] в недавней работе на основе использования наукометрических методов сделал подробный анализ эволюции зарубежного дискурса по проблемам государственной состоятельности и инструментализации категории «неустойчивые государства» во всех ее версиях и показал, что понятие было введено в научный и прикладной политический анализ с окончанием холодной войны, но трансформировалась после событий 11 сентября 2001 г.

В соответствии с этим в ранней работе Т.У. Льюка и Дж. Тоала [Luke, Toal, 1998] подтверждается, что ранняя концептуализация понятия именно в инструментальном ключе была реализована международными правительственными и неправительственными институтами, столкнувшимися в своей повседневной практической деятельности с ситуациями сбоя в функционировании правительственного аппарата и распада гражданских институтов в таких странах, как Афганистан, Ирак, Руанда, Сомали, Судан и ряде других, в том числе в Европе и Латинской Америке. Противоречивость применения категории к тем или иным государствам и ситуациям и последствиям подобного маркирования отмечена

М. Боас и К. Дженнингс [Bøås, Jennings, 2007]. Опираясь на случаи применения негативистской версии категории «несостоявшееся государство» (*failed state*), они доказывают, что ее использование политизировано, основывается на западном восприятии безопасности и реализации интересов Запада и имеет неоднозначную практическую имплементацию. Некоторые государства, в которых наблюдаются рецессия и неформализация институтов, в совокупности воспринимаемые как угроза интересам Запада, отнесены к данной категории, в то время как похожие ситуации и условия в других государствах трактуются в благоприятном для бизнеса и международного капитала ключе, и эти случаи не отнесены к категории «несостоявшихся государств» [Bøås, Jennings, 2007, с. 475]. В связи с этим авторы делают вывод о том, что отнесение государства к категории «несостоявшихся» служит средством определения диапазона приемлемых политических ответных мер в отношении этих государств, включая военные меры [Bøås, Jennings, 2007, с. 483].

Глава Всемирного банка Р.Б. Зеллик [Zoellick, 2008] вносит вклад в библиографию неустойчивых государств, рассматривая их с позиций отсутствия в них условий, необходимых для экономического развития, и определяет, таким образом, три ключевых черты «неустойчивых государств»: неэффективное управление, бедность и наличие конфликтов.

З. Икбал и Х. Старр [Iqbal, Starr, 2008] обращают внимание на внешние проблемы, формирующиеся вокруг нестабильных государств. По их мнению, распад определённого суверенного государства ведет к дестабилизации соответствующего макрорегиона за счёт межгосударственного «перелива» (*spillover effects*) таких феноменов, как политическая нестабильность, внутренние и внешние военные конфликты. Исследованием обосновывается необходимость вмешательства мирового сообщества в процессы распада государственности для избегания переноса проблем на другие страны, подтверждая авторскую гипотезу о внешних факторах обеспечения безопасности.

Э. Ньюман [Newman, 2009] обращает внимание на разрыв между теоретическим восприятием термина «неустойчивые государства», его прикладной операционализацией в рамках международных организаций, с одной стороны, и структурой существующих проблем и угроз в конкретных странах – с другой стороны. И предостерегает от решений, основанных на неверном понимании реального положения дел, которые могут иметь огромные материальные последствия в терминах мобилизации финансов, дипломатического внимания и даже военных действий [Newman, 2009, с. 437].

В ранней работе Л. Андерсен [Andersen, 2006] на основе предположения о том, что западные страны обеспечивают безопасность «неустойчивых государств», определяются пути повышения эффективности вмешательства за счет сочетания правительственных и неправительственных форм обеспечения понимаемой в широком контексте безопасности и включающей в себя не только военно-политическую безопасность, но и безопасность для гражданских лиц и формирование для них нормальных условий жизни.

П. Хомел и Н. Массон [Hornel, Masson, 2016] также анализируют институциональное взаимодействие в рамках программ обеспечения безопасности местных сообществ на фоне реформирования силовых органов в неустойчивых и конфликтных контекстах и обращают внимание на необходимость «встречного» – сверху и снизу – продвижения инициатив с целью их более эффективной легитимизации.

И. Роча де Сикейра [Rocha De Siqueira, 2014] обращает внимание, с одной стороны, на необходимость, с другой – на трудности и неточности, которые возникают при сборе статистических данных международными организациями в нестабильных государствах, также подчеркивая важность для принятия научно обоснованных решений и политические и экономические риски, которые могут возникнуть из-за неверного количественного представления ситуации.

Объекты, данные и методы исследования

Анализ дискурса вокруг «неустойчивых государств» и вопросов их безопасности показывает, что в изучении их проблем еще существует место для новых количественных

подходов. Несмотря на то, что концептуализация и прикладное политическое применение категорий «несостоявшееся неустойчивое состояние хрупких государств» еще развиваются в условиях ситуаций вокруг новых и существующих «неустойчивых государств», эмпирический анализ данной проблематики довольно интенсивен. В первую очередь речь идет о рейтингах стран разового или многолетнего характера. К первым относятся Список Всемирного банка стран с низким уровнем дохода в напряженном состоянии (*List of low-income countries under stress*)²³⁹, Прокси-список неустойчивых государств (*Proxy list of fragile states*) Департамента международного развития Соединенного Королевства²⁴⁰ 2005 г. [DFID, 2005], Индекс слабости государств развивающегося мира (*Index of State Weakness in the Developing World*) Института Брукинга²⁴¹. Начиная с 2006 г. идет формирование Индекса неустойчивых государств недееспособных государств (*Fragile State Index*) Фонда мира (*Fund for Peace*)²⁴², с 2008 г. – Глобального индекса мира (*Global Peace Index*) Института экономики и мира²⁴³. Необходимо отметить, что их результаты противоречат друг другу.

В частности, авторы полагают, что данные внешней торговли являются чувствительными в геоэкономическом смысле группами Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД): зерном (группа 10 «Злаки»), продукцией ТЭК (группа 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные») и вооружениями (группа 93 «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности») – могут служить прокси-индикаторами обеспечения продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности, что соответствует идеям, изложенным в работах Дж. Ная [Nye, Welch, 2012], Г. Расула и Б. Шармы [Rasul, Sharma, 2015].

Объект исследования. Для оценки внешних факторов формирования военно-политической безопасности авторы рассматривают наиболее проблемные арабские государства из рейтинга неустойчивых (недееспособных) государств (*Fragile State Index*) Фонда мира (*Fund for Peace*).

Рассмотренные в статье Йемен, Сомали и Сирия занимают в нем в 2019 г. соответственно 1-е, 2-е и 4-е места и относятся к категории государств с очень высоким уровнем тревожности (*Very High Alert*), Ирак в настоящее время отнесен к менее проблемной категории государств со значимым уровнем тревожности (*Alert*) и занимает 13-е место в указанном рейтинге (см. рис. 1).

Данные исследования – консолидированная зеркальная статистика внешней торговли стран с низким индексом дееспособности товарами следующих групп ТН ВЭД:

- 10 «Злаки»;
- 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные»;
- 93 «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности».

В исследовании использованы данные базы торговой статистики ООН (*UN Comtrade Database*)²⁴⁴.

²³⁹ World Bank. World Bank Group work in low-income countries under stress. – Washington, DC: The World Bank Group, 2002. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/329261468782159006/pdf/269030PAPER0WB0Licus0Task0force0report.pdf> (accessed 17.11.2022)

²⁴⁰ UK Department for International Development. Why we need to work more effectively in fragile states. – London: DFID, 2005. 29 p. Available at: https://www.jica.go.jp/cdstudy/library/pdf/20071101_11.pdf (accessed 17.11.2022)

²⁴¹ Rice S.E. & Patrick S. The Index of State Weakness in the Developing World. – Washington, Brookings Institution, 2008. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/02_weak_states_index.pdf (accessed 17.11.2022)

²⁴² Fund for Peace. 2022. Fragile States Index 2022 – Annual Report. Available at: <https://fragilestatesindex.org/2022/07/13/fragile-states-index-2022-annual-report/> (accessed 17.11.2022)

²⁴³ Institute for Economics and Peace. Global Peace Index 2022. Measuring Peace in Complex World. – Sydney, Institute for Economics and Peace, 2022. Available at: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/06/GPI-2022-web.pdf> (accessed 17.11.2022)

²⁴⁴ UN Comtrade Database. UN. 2022. Available at: <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 17.11.2022).

Отказ от данных прямой статистики – в данном случае внешнеторговой статистики Ирака, Йемена, Сирии и Сомали – связан с тем, что в статистике, предоставляемой самими странами, существует значительное количество пропусков, в первую очередь по товарам 93 группы. Авторы принципиально не использовали данные Стокгольмского института исследования проблем мира (*Stockholm International Peace Research Institute*) по торговле оружием, чтобы добиться однородности с показателями, относящимися к торговле зерном и энергоносителями. Данные внешней торговли товарами 93 группы ТН ВЭД «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности» показывают перемещение вооружений с коммерческими и некоммерческими целями, поэтому чистый ввоз оружия трактуется авторами как нарастание военной напряженности «милитаризации» в рассматриваемой стране.

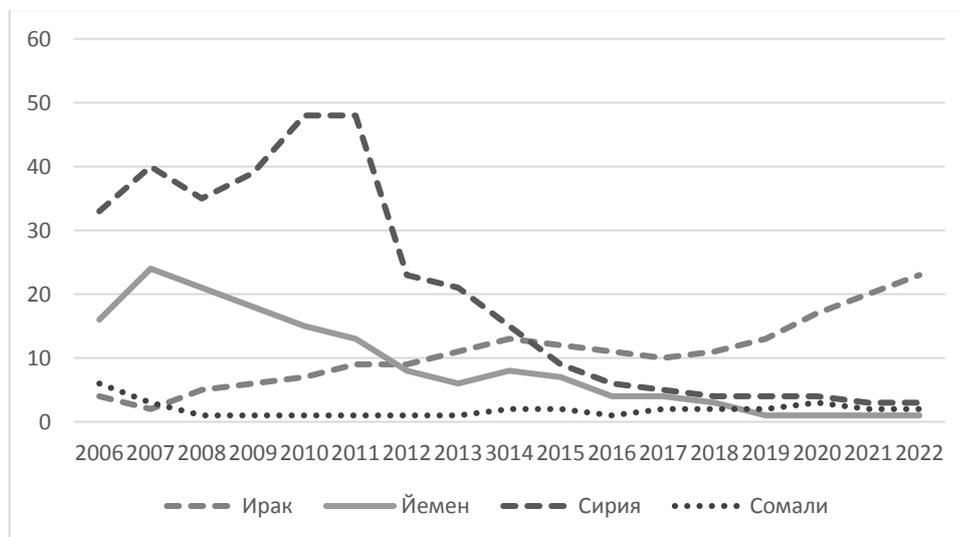

Рис. 1. Динамика позиций Ирака, Йемена, Сирии и Сомали в рейтинге неустойчивых государств, место в рейтинге ²⁴⁵

Fig. 1. Dynamics of positions of Iraq, Yemen, Syria and Somalia in the Fragile States Index, place in the rating

Методика исследования. Данные сгруппированы по периодам пребывания у власти президентов США в три периода ²⁴⁶: второй срок Б. Клинтона ²⁴⁷ (1996–2000 гг.), президентство Дж. Буша-младшего (2000–2008 гг.), президентства Б. Обамы (2008–2016 гг.). Группировка необходима в связи с тем, что данные по поставкам зерна и минерального топлива имеют непрерывный характер в годовом выражении, поставки вооружений имеют место не каждый год, поэтому их необходимо суммировать. Для обеспечения сопоставимости рассматриваемых величин стоимостные показатели пересчитаны на основе дефлятора мирового ВВП и данных о населении исследуемых стран, показателей развития Всемирного банка ²⁴⁸.

Гипотеза исследования носит эксплоративный характер и состоит в том, что анализ данных товарных потоков позволяет дать количественную оценку внешним параметрам военно-политической, продовольственной и энергетической – в совокупности – безопасности в неустойчивых странах.

Цель исследования – проведение сравнительного анализа внешних факторов обеспечения безопасности в выбранных неустойчивых арабских государствах в 1997–2016 гг., охватив максимально доступный временной ряд.

²⁴⁵ Fund for Peace. 2022. Fragile States. Country Dashboard. <https://fragilestatesindex.org/country-data/>

²⁴⁶ В расчеты не включался последний год президентского срока США, когда Президент США находится на посту в течение января.

²⁴⁷ Первый срок Б. Клинтона отсутствует в анализе в связи с тем, что РФ начала устойчиво предоставлять отчетность в UN Comtrade Database с 1996 г.

²⁴⁸ World development indicators. World Bank Group. 2022. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed 17.11.2022).

Задачи исследования:

- 1) оценить масштабы продовольственной и энергетической зависимости/независимости Ирака, Йемена, Сирии и Сомали от внешнего мира;
- 2) выявить признаки нарастания/сокращения военной напряженности в рассматриваемых странах;
- 3) дать сравнительную оценку относительного совокупного «контроля» внешних акторов в них.

Результаты исследования. Анализ внешних факторов формирования безопасности в Ираке, Йемене, Сирии и Сомали в 1997–2016 гг.

На рисунках 2–5 представлены внешние параметры безопасности по компонентам – продовольственной, энергетической и традиционной (военно-политической) – оценены сальдо внешней торговли знаками, продукцией ТЭК и вооружениями, на основании которых можно сделать следующие выводы. Во-первых, для всех стран характерна высокая волатильность рассматриваемых показателей, что связано не только с физическими объемами экспорта, но и ценовыми параметрами. Во-вторых, Ирак, Йемен и Сирия характеризуются сопоставимыми композициями внешних параметров безопасности: внешние закупки продовольствия, чистый экспорт продукции ТЭК, ввоз оружия. В этой группе государств прослеживается связь динамики экспорта топлива и изменений в рейтинге неустойчивых государств. В Ираке (рисунок 2) ситуация стабилизируется и чистый экспорт минерального топлива растет (снижение сальдо с 2012 г. обусловлено снижением цен на нефть), в то время как ситуация в Йемене и Сирии (рисунки 3 и 4) – противоположная: снижается и устойчивость, и сальдо внешней торговли продукцией ТЭК (вплоть до отрицательных величин). Ситуация в Сомали характеризуется отрицательным сальдо внешней торговли продовольствием, минеральным топливом и вооружениями – в нашей интерпретации зависимостью от зарубежных стран по всем рассматриваемым параметрам. Показательно ухудшается положение Сомали в сфере закупок топлива – отрицательное сальдо увеличивается, несмотря на снижение цен на нефть (рисунок 5).

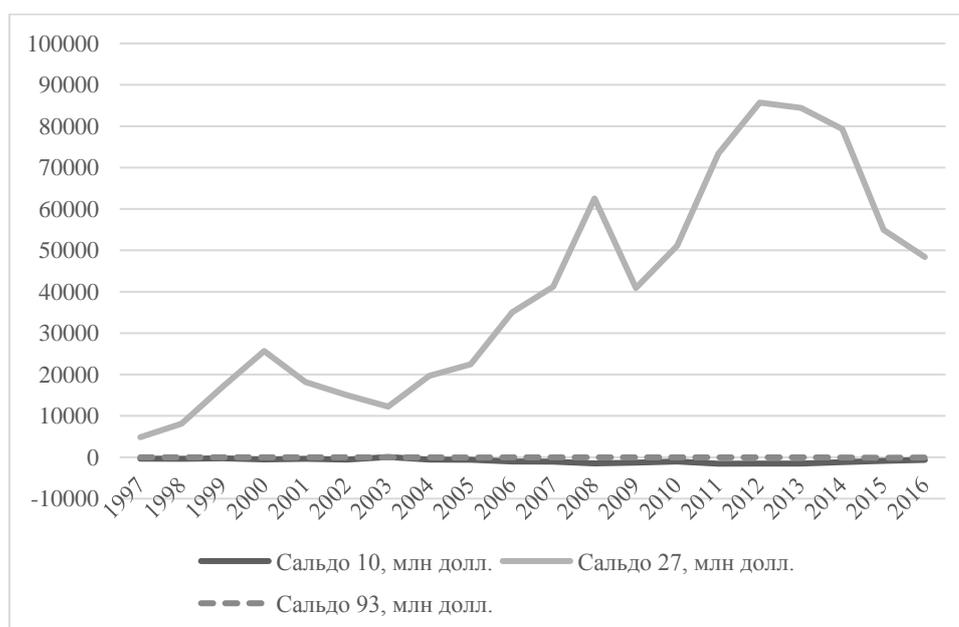

Рис. 2. Внешние факторы безопасности по компонентам: Ирак²⁴⁹

Fig. 2. External security factors by component: Iraq

²⁴⁹ Здесь и далее расчеты авторов по UN Comtrade Database. UN. 2022. Available at: <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 17.11.2022).

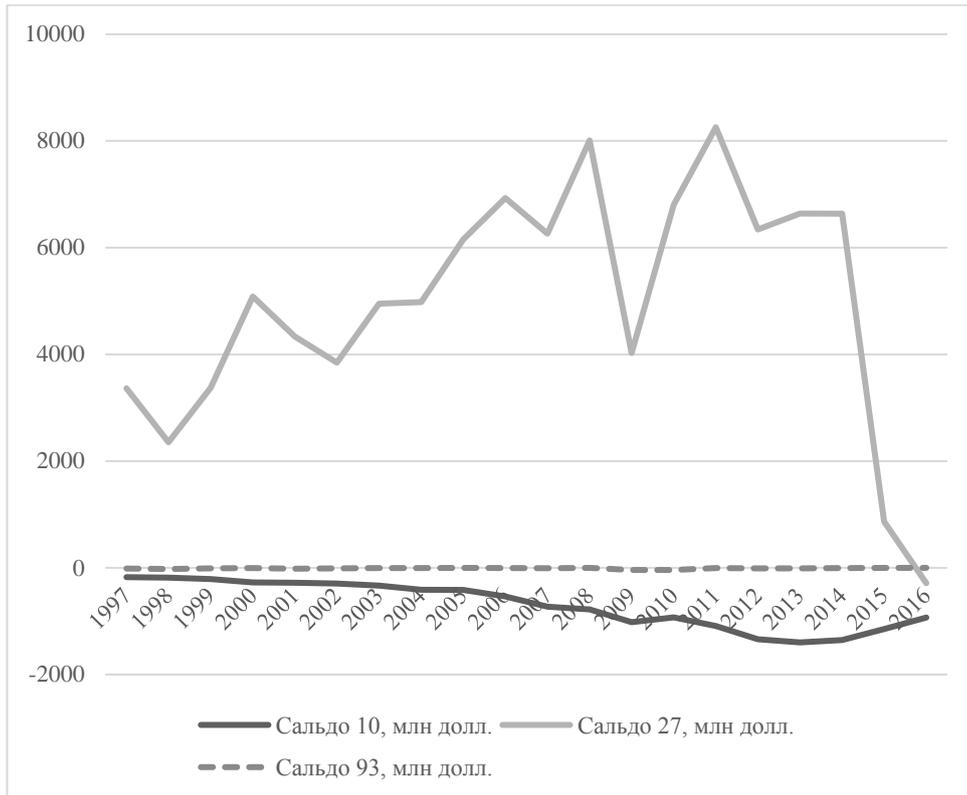

Рис. 3. Внешние факторы безопасности по компонентам: Йемен
 Fig. 3. External security factors by component: Yemen

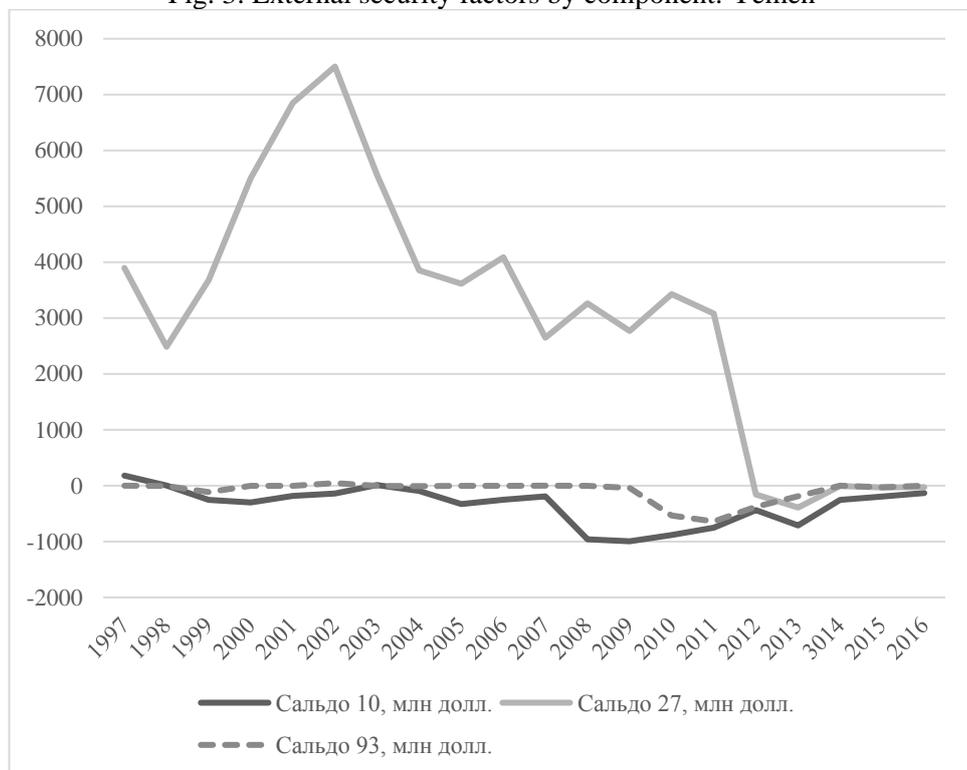

Рис. 4. Внешние факторы безопасности: Сирия
 Fig. 4. External security factors by component: Syria

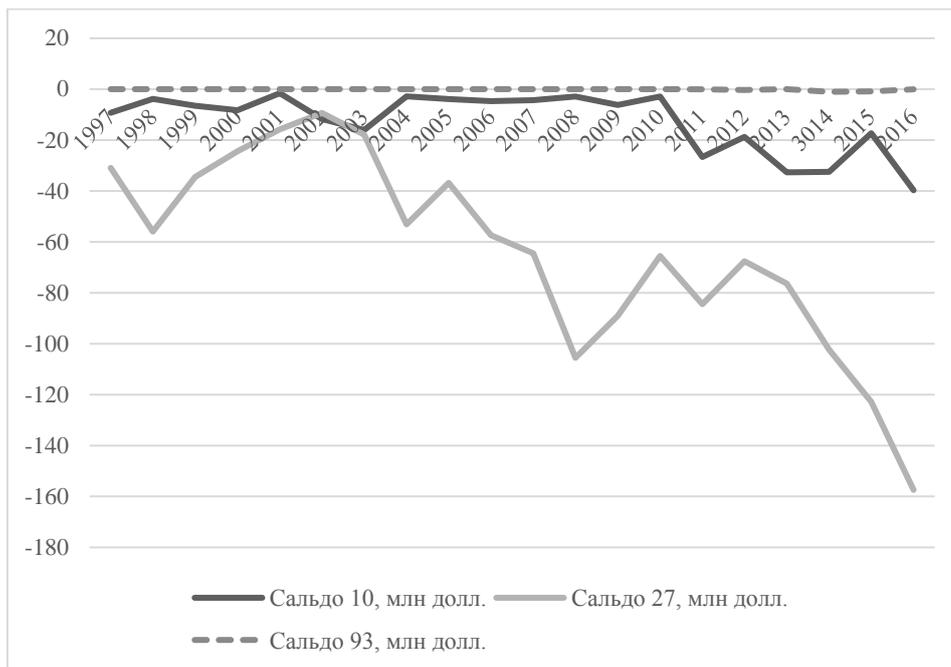

Рис. 5. Внешние факторы «широкой» безопасности: Сомали

Fig. 5. External security factors by component: Somalia

Данные рисунка 6 демонстрируют сходную динамику сальдо внешних закупок зерна на душу населения у Ирака, Йемена и Сирии – рост зависимости до 2008 г., стабилизация максимальных закупок до 2013 г. (периода максимальных мировых цен на зерно) и дальнейшее постепенное сокращение данного показателя к 2016 г. Данные по закупкам зерна Сомали – более стабильны и относительно невелики по сравнению с другими странами (показатель в течение всего периода не превышает 10 долл./чел.), в то время как для других стран закупки на пике приближались к 50 долл. на человека. Сходная динамика закупок зерна Ирака, Йемена и Сирии может быть объяснена близостью их географического положения и сходными климатическими факторами.

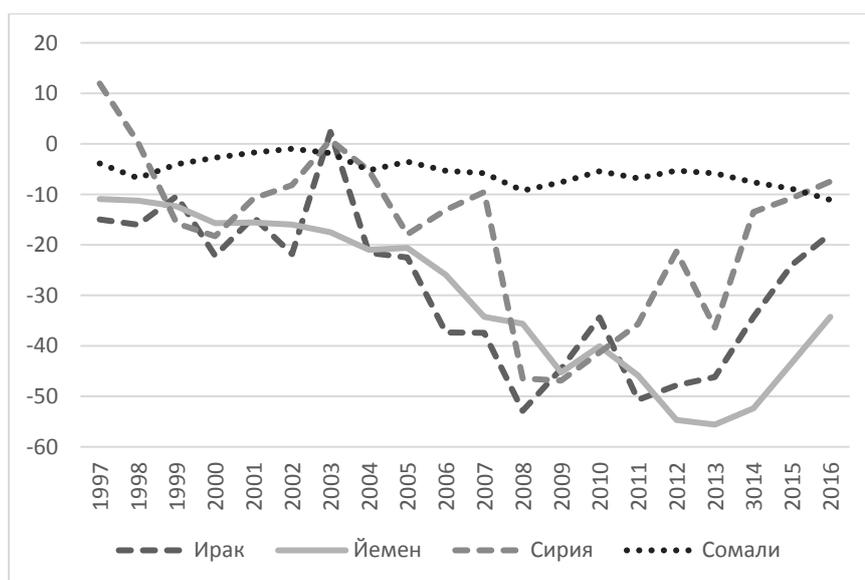

Рис. 6. Сальдо внешней торговли зерном на душу населения, долл./чел.

Fig. 6. The balance of foreign trade in crops per capita, USD/person

Данные графиков, представленных на рисунках 7–10, показывают, что, с одной стороны, в обеспечении продовольственной безопасности рассматриваемых стран участвуют глобальные поставщики США, ЕС-28, Индия, Аргентина, Россия, Таиланд (особенно в периоды президентства Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.), с другой – у каждой страны есть и свои традиционные, менее крупные партнеры. Вьетнам экспортирует в Ирак, Египет и Украина – в Сирию, ОАЭ – в Сомали.

Данные графиков показывают снижение роли ведущего игрока в импорте зерна (наращивание диверсификации): в Йемене и Сомали – в течение всего периода, в Ираке и Сирии – для периода президентства Б. Обамы в сравнении с периодом президентства Дж. Буша. Также очевидно падение роли США в пользу главным образом Австралии и Индии.

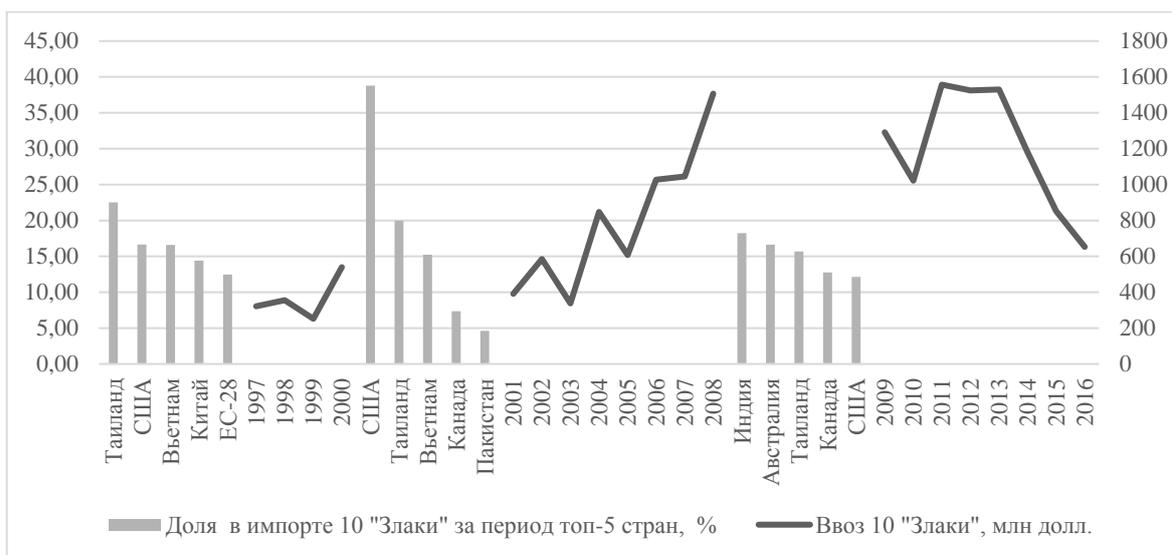

Рис. 7. Обеспечение продовольственной безопасности: Ирак
 Fig. 7. External food security: Iraq

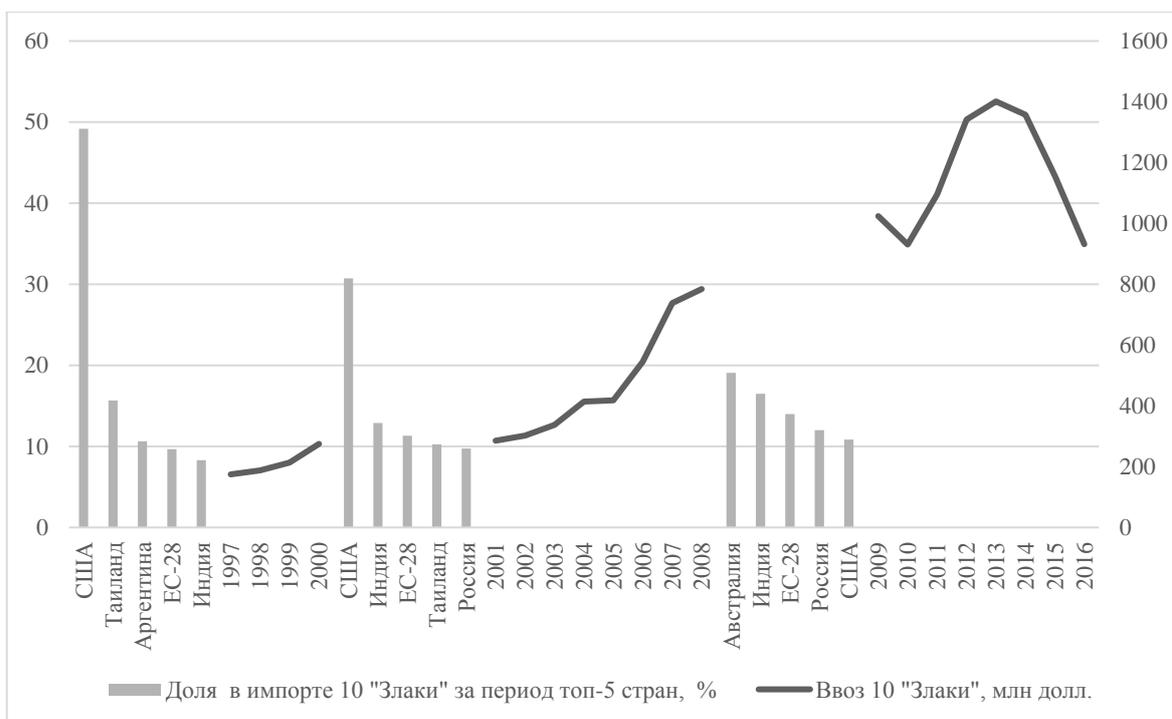

Рис. 8. Обеспечение продовольственной безопасности: Йемен
 Fig. 8. External food security: Yemen

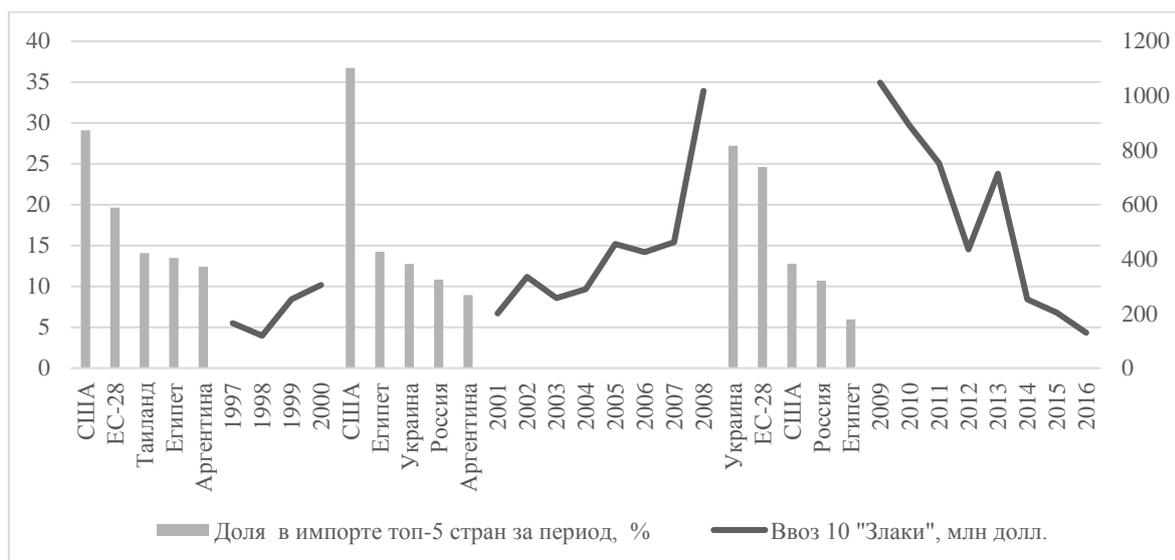

Рис. 9. Обеспечение продовольственной безопасности: Сирия
 Fig. 9. External food security: Syria

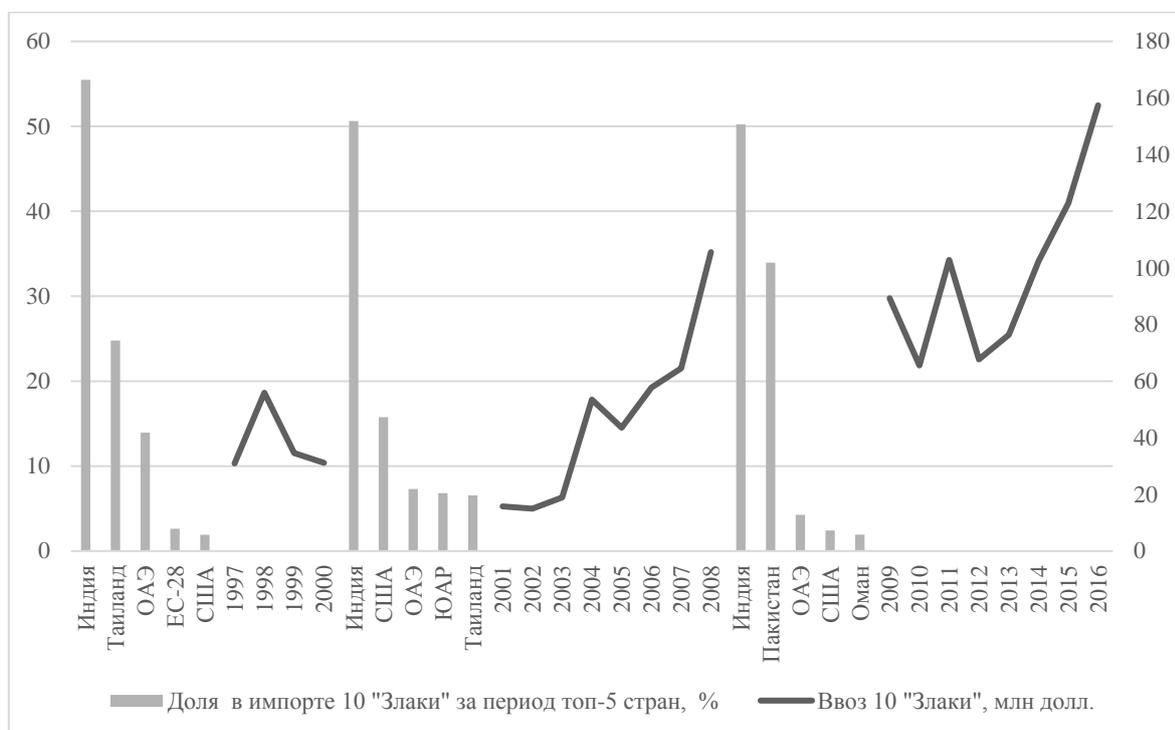

Рис. 10. Обеспечение продовольственной безопасности: Сомали
 Fig. 10. External food security: Somalia

Перейдем к анализу торговли продукцией 27 группы ТН ВЭД «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные». Данные рисунка 11 показывают сальдо торговли топливом на душу населения в рассматриваемых странах (правая шкала – для Ирака). По мнению авторов, прослеживается связь между положением стран в индексе неустойчивых государств и показателями подушевого сальдо торговли продукцией ТЭК – снижение устойчивости происходит на фоне снижения чистого вывоза минерального топлива и наоборот – рост нестабильности проявляется одновременно со снижением вывоза товаров 27 группы. Данная ситуация в меньшей степени характерна для Сомали, что ожидаемо из-за другой структуры внешнего обеспечения безопасности.

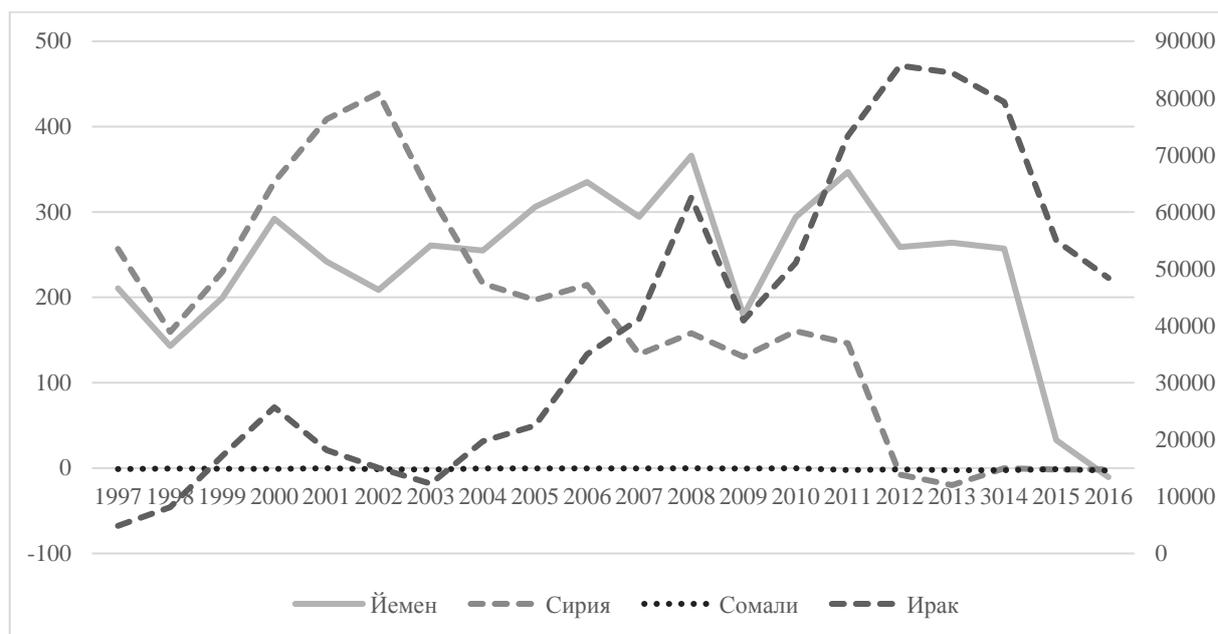

Рис 11. Сальдо внешней торговли топливом на душу населения, долл./чел.
 Fig. 11. The balance of foreign trade in crops per capita, USD/person

Авторы полагают, что при положительном сальдо внешней торговли (в данном случае минеральным топливом) не имеет смысла говорить о внешнем обеспечении энергетической безопасности, речь предположительно идет о ввозе продуктов нефтепереработки или видов минерального топлива, в которых рассматриваемые страны не имеют конкурентного преимущества, например, угля. Данные статистики не позволяют более точно судить об этом.

Как показывают данные рисунков 12–15, в закупках минерального топлива географические факторы доминируют в большей степени, в частности, показательно отсутствие США и незначительное в целом сокращающееся лидерство стран-членов Европейского союза. Таким образом, кроме Сомали, и в этой сфере также проявляется нарастание диверсификации закупок топлива на внешних рынках во времени.

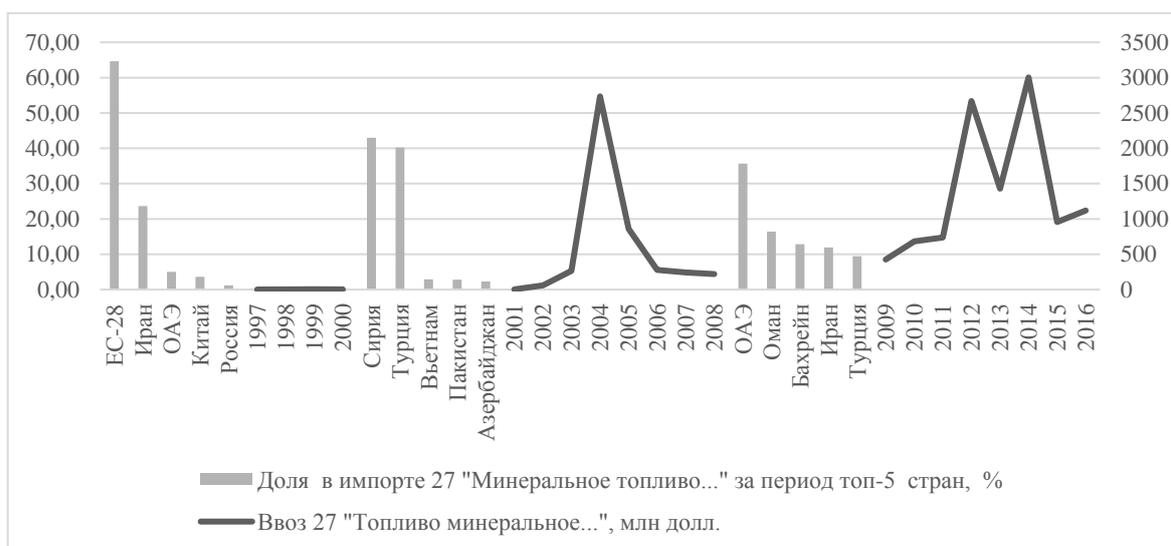

Рис 12. Ввоз минерального топлива: Ирак
 Fig. 12. External fuel security: Iraq

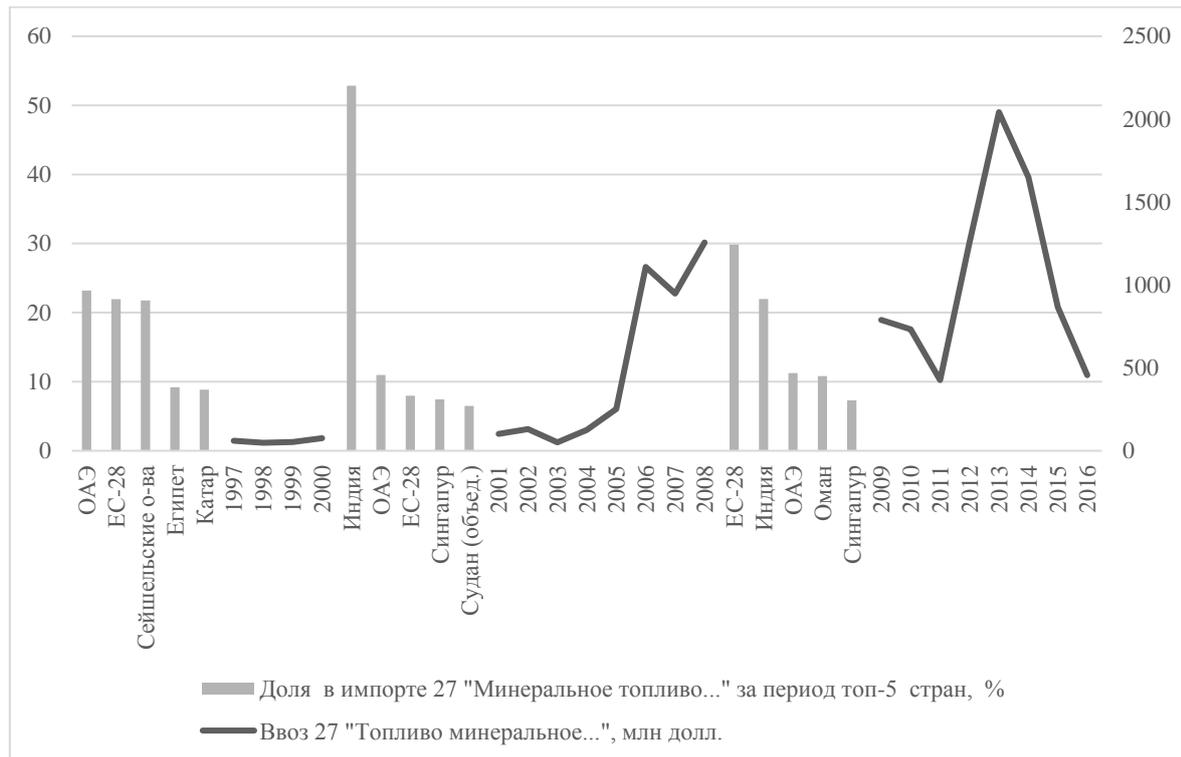

Рис. 13. Ввоз минерального топлива: Йемен

Fig. 13. External fuel security: Yemen

Рис. 14. Ввоз минерального топлива: Сирия

Fig. 14. External fuel security: Syria

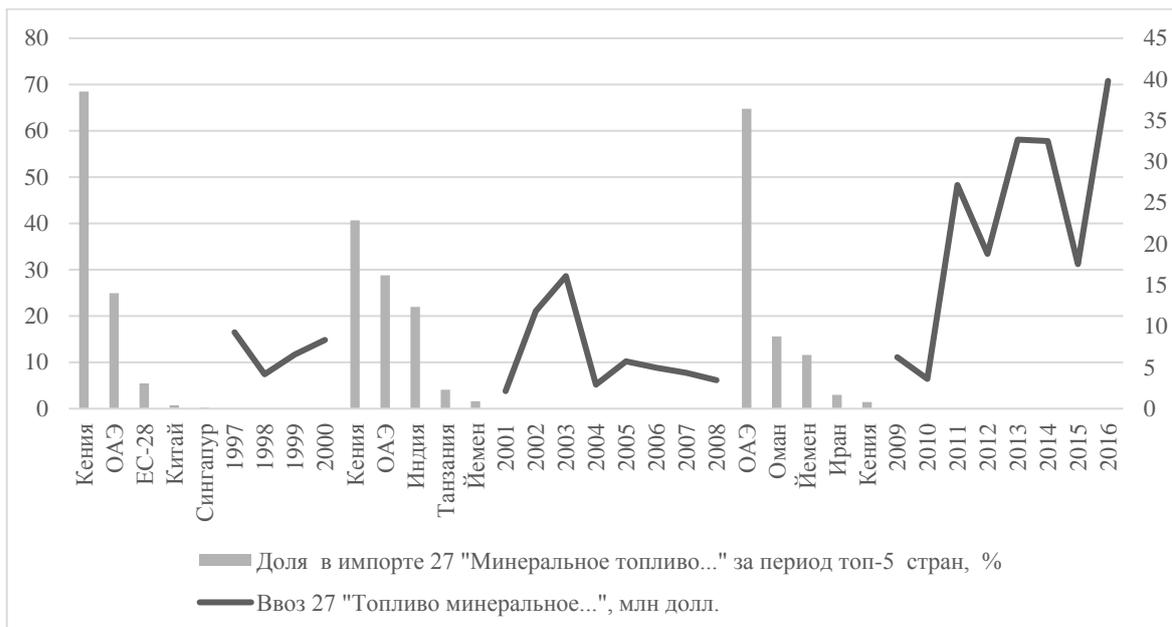

Рис. 15. Ввоз минерального топлива: Сомали
 Fig. 15. External fuel security: Somalia

Перейдем к анализу статистики перемещения через границу товаров 93 группы ТН ВЭД «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», отражающей, по мнению авторов, элементы внешнего обеспечения (контроля) военно-политической сферы рассматриваемых стран. Данные представлены на рисунках 16–19.

Как говорилось выше, представленные данные охватывают и коммерческие перемещения (поставки в рамках закупок), и некоммерческое движение вооружений. Таким образом, чистое отрицательное сальдо ввоза товаров 93 группы в первом приближении указывает на нарастание милитаризации страны (в абсолютном выражении).

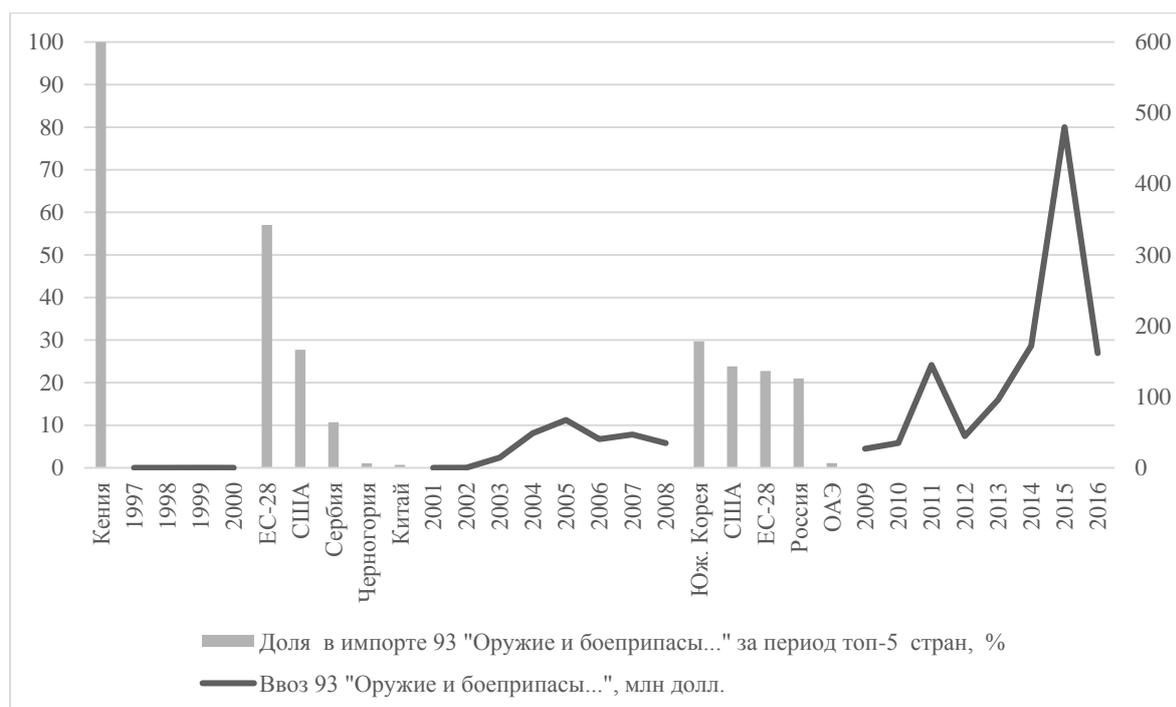

Рис. 16. Милитаризация: Ирак
 Fig. 16. Militarization: Iraq

Использование данного показателя выявило ряд объективных ограничений в его использовании. Во-первых, это поставки, которые учитываются таможней, то есть носят официальный характер, в то время как в неустойчивых странах компонента нелегального перемещения существенна, но она остается за пределами рассмотрения. Во-вторых, на примере Сирии также видно, что военное присутствие США, поддерживающих силы оппозиции, не всегда находит отражение в статистике поставок вооружений. В-третьих, некоторые значимые, в первую очередь для данного региона, экспортеры оружия, такие как Израиль и Саудовская Аравия, не отчитываются о поставках вооружений в ООН (Израиль представляет только общую величину экспорта и импорта, без деления по странам, Саудовская Аравия не представляет никаких данных по данной группе товаров), таким образом судить об их влиянии на обеспечение безопасности в Ираке, Йемене, Сирии и Сомали не представляется возможным.

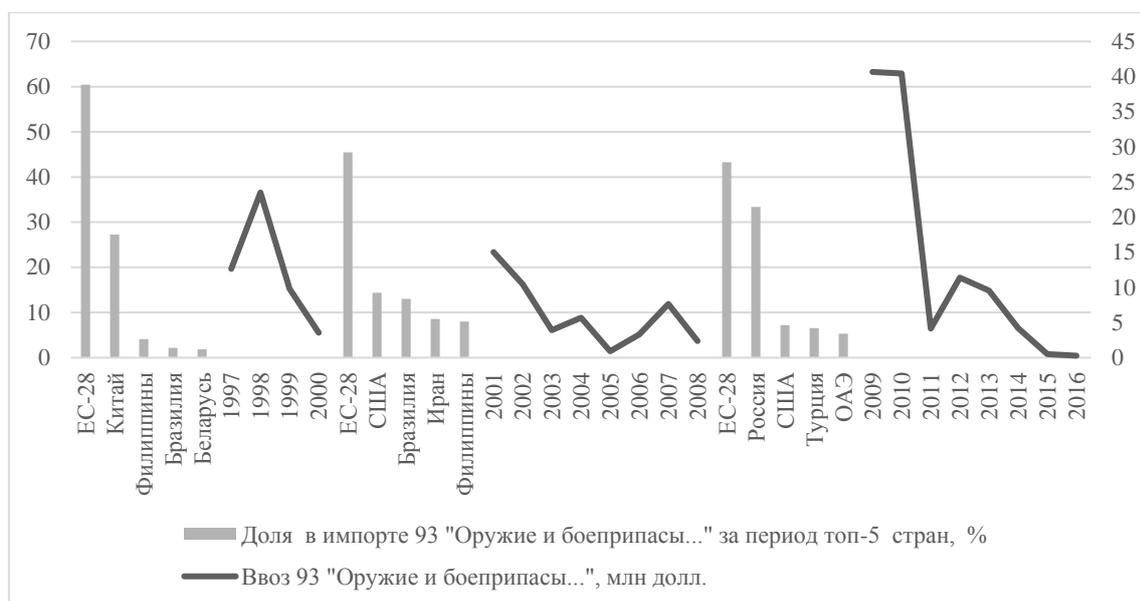

Рис. 17. Милитаризация: Йемен
Fig. 17. Militarization: Yemen

Данные, представленные на графиках, позволяют судить о том, что для Ирака и Сирии характерен сходный масштаб милитаризации, внешние поставки вооружений исчисляются сотнями миллионами долларов, в то время как ежегодные поставки вооружений в Йемен не превышали 45 млн долл., в Сомали – 2,5 млн долл. Однако для всех стран выборки характерен скачок в милитаризации в период президентства Б. Обамы, совпавшего во времени с событиями Арабской весны, даже с учётом того, что данные дефлированы.

Внешняя безопасность в регионе обеспечивается главным образом Европейским союзом и Российской Федерацией, роль США заметна в Ираке и Йемене (что связано с наличием военных баз, признаваемых Министерством обороны США [Ayesh, 2019]). Это противоречит данным независимых источников, в соответствии с которыми военные контингенты США присутствуют во всех рассматриваемых странах [Haltiwanger, 2018], однако факт наличия контингента скрывается из-за соображений безопасности. Во всех странах как поставщики вооружений представлены Турция и ОАЭ.

Несмотря на общие черты в динамике внешних параметров военно-политической безопасности, у каждого из рассмотренных государств есть определенные особенности. Для поставок вооружений в Ирак характерно очевидное нарастание диверсификации, проявляющееся в выравнивании доли ключевых игроков и в том, что на ведущие позиции выдвинулась Южная Корея. По мнению авторов, это может отражать ориентацию руко-

водства Ирака на достижение независимости от традиционных центров силы – США и ЕС – или подтвердить гипотезу В. Бове, К. Деиана и Р. Нистико [Bove, Deiana, Nistico, 2018] об обусловленности поставок оружия необходимостью от закупок нефти – Южная Корея поставляет вооружения, чтобы гарантировать поставки нефти из Ирака.

Для Йемена – наименее устойчивого государства мира по рейтингу неустойчивых государств в настоящее время²⁵⁰ – характерно сохранение доминирующего, хотя и снижающегося влияния стран Европейского союза, а также замещение США Россией в поставках вооружений.

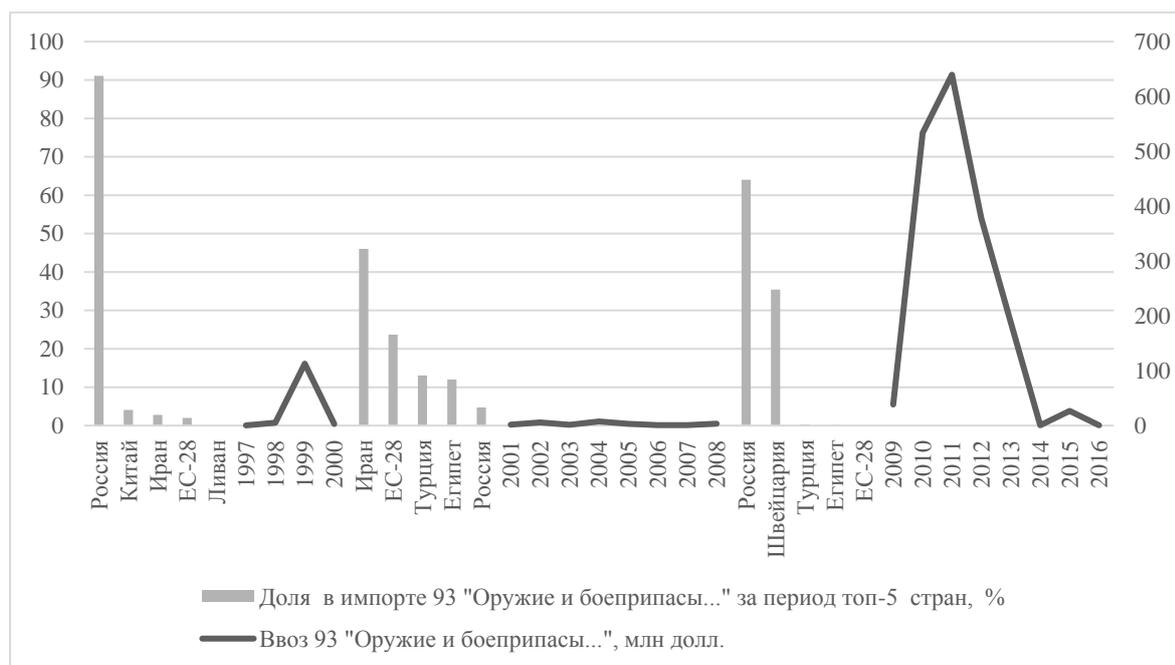

Рис. 18. Милитаризация: Сирия
 Fig. 18. Militarization: Syria

Отметим, что нарастание роли России заметно и в Ираке. Авторы полагают, что в этой тенденции, наиболее четко проявившейся в Сирии, проявляется восстановление лидерской роли России в системе международных отношений в качестве гаранта безопасности, альтернативного Западу и ориентированного в первую очередь на поддержание – сохранение и/или преимущество – существующих режимов неустойчивых стран.

Кейс Сомали отличается от других рассмотренных и в отношении поставок вооружений. Масштабы перемещения вооружений невелики, но, как и в остальных странах, резкое увеличение милитаризации приходится на период президентства Б. Обамы. Обращает внимание тот факт, что среди традиционных центров силы заметно влияние только Европейского союза, которое в период президентства Дж. Буша-мл. даже не являлось доминирующим. При этом за рассмотренные 20 лет американские поставки оружия в Сомали фигурируют единожды, в 2009 г., несмотря на косвенные признаки наличия на территории страны военного контингента США [Haltiwanger, 2018], однако поставки товаров 93 группы ТН ВЭД производятся стратегическими партнерами Вашингтона – Кенией и ОАЭ, как показывают данные.

²⁵⁰ Fund for Peace. 2022. Fragile States Index 2022 – Annual Report. Available at: <https://fragilestatesindex.org/2022/07/13/fragile-states-index-2022-annual-report/> (accessed 17.11.2022)

Рис. 19. Милитаризация: Сомали

Fig.19. Militarization Somalia

Таким образом, в сфере внешнего военно-политического воздействия, во всех странах, кроме Сирии, прослеживается тренд на диверсификацию акторов – и за счет увеличения их количества, и за счет снижения («размывания») доли ключевого игрока или его смены. Именно в данной сфере, военно-политической, диверсификация в наибольшей степени свидетельствует о дрейфе мирового порядка от однополярной архитектуре мирового порядка к многополярной. Увеличение чистого сальдо перемещения вооружений – нарастание милитаризации – в рассматриваемых государствах в 2009–2016 гг., по мнению авторов, свидетельствует о том, что они далеки от устойчивого состояния и существуют угрозы для их стабильного развития в будущем.

Выводы

Вопросы обеспечения безопасности на глобальном и региональном уровнях имеют первоочередное значение для всех акторов системы международных отношений. Наличие неустойчивых государств – проблемное поле глобальной безопасности, негативные сценарии, формирующиеся в них, оказывают влияние на отдельные страны и макрорегионы. Из-за слабости институциональной системы для возвращения данных государств на траекторию стабильности и развития требуется влияние мирового сообщества, чаще всего представленного традиционными и восходящими, глобальными и региональными центрами силы.

В русле данного предположения авторы дают оценку внешних условий для обеспечения военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности в наиболее устойчивых странах-членах Лиги арабских государств – Ираке, Йемене, Сомали и Сирии. Неблагополучная ситуация, наблюдаемая в подобных странах, не позволяет им самостоятельно поддерживать внутривнутриполитическую стабильность и обеспечивать нормальные социально-экономические условия жизни для своих граждан.

Поставки продовольствия оказывают прямое воздействие на благополучие населения и социальную стабильность рассмотренных государств, зависящих от внешних поставок зерновых. В целом в обеспечении продовольственной безопасности прослеживается снижение роли США и формирование диверсифицированного пула торговых партнеров,

среди которых выделяются такие страны, как Австралия, Индия, Пакистан, Таиланд, Украина. Это может говорить об институциональных изменениях, произошедших в рассматриваемых государствах, позволивших им доверить продовольственную безопасность менее политически ангажированным, более коммерчески ориентированным, «нейтральным» поставщикам.

В сфере ТЭК большая часть рассмотренных государств – Йемен, Ирак, Саудовская Аравия – в состоянии обеспечивать не только собственные потребности, но и иметь положительное внешнеторговое сальдо по товарам 27 группы ТН ВЭД. Однако если неустойчивость в рассмотренных государствах возрастает, то профицит (сюрплюс) торговли продукцией ТЭК превращается в дефицит, что моментально приводит к ухудшению социально-экономической ситуации. Таким образом, проблема состоит не в недостаточном обеспечении энергетической безопасности, а в отсутствии военно-политической. Слом государственно-политических институтов при смене режимов, вовлечение общества в гражданскую или ситуация долговременной войны с террористическими группировками приводят к смене бенефициаров добычи и экспорта энергоносителей.

Основными выявленными тенденциями в поставках вооружений, а следовательно, и в обеспечении военно-политической безопасности Ирака, Йемена, Сирии и Сомали, являются, во-первых, диверсификация внешних гарантов стабильности рассмотренных неустойчивых государств, что свидетельствует о достижении мировым порядком состояния многополярности; во-вторых, резкое насыщение вооружениями, произошедшее в 2009–2016 гг., на фоне событий «арабской весны», следствием которого является сохранение нестабильности рассмотренных государств. Анализ военно-политической сферы указывает, по мнению авторов, на закрепление за Россией статуса гаранта безопасности, альтернативного Западу, в первую очередь США, и ориентированного на поддержание легитимных политических институтов рассмотренных государств. Необходимость реализации Россией данной роли связана с тем, что авторы разделяют здесь тезис М. Боас и К. Дженнингс [Bøås, Jennings, 2007], что отнесение государств к категории «несостоявшихся, неустойчивых» основывается на западном восприятии безопасности и реализации интересов Запада, в связи с чем требующееся неустойчивым государствам внешнее влияние может носить не только нейтральный или прогрессивный, но и манипулятивно-регрессивный характер.

В комплексном отношении, опираясь на данные статистики внешней торговли знаками, продукцией топливно-энергетического комплекса и перемещения вооружений через границу, авторы выделили группу государств, оказывающих влияние на стабильность Ирака, Йемена, Сирии и Сомали, среди которых традиционные центры силы – США, Европа, восходящие центры силы, такие как Индия, Россия и Турция, а также ряд «нейтральных», менее политически ангажированных, более коммерчески ориентированных государств.

Список литературы

- Бартенев В.И. 2017. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики. *Polis. Political Studies*, 7 (2), 26–41. doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03
- Luke T.W., & Toal G. 1998. The fraying modern map: Failed states and contraband capitalism. *Geopolitics*, 3 (3), 14–33. [doi:10.1080/14650049808407626](https://doi.org/10.1080/14650049808407626)
- Bøås M., & Jennings K.M. 2007. «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities? *Globalizations*, 4 (4), 475–485. [doi:10.1080/14747730701695729](https://doi.org/10.1080/14747730701695729)
- Iqbal Z., & Starr H. 2008. Bad Neighbors: Failed States and Their Consequences. *Conflict Management and Peace Science*. 25 (4), 315–331. [doi:10.1080/07388940802397400](https://doi.org/10.1080/07388940802397400)
- Zoellick R.B. 2008. Fragile States: Securing Development. *Survival*, 50 (6), 67–84. [doi:10.1080/00396330802601859](https://doi.org/10.1080/00396330802601859)
- Newman E. 2009. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World. *Contemporary Security Policy*, 30 (3), 421–443. [doi:10.1080/13523260903326479](https://doi.org/10.1080/13523260903326479)

- Andersen L. 2006. When Security is Found Beyond the State: Suggestions for a Revised Approach to Security Reform in Fragile States. *Forum for Development Studies*, 33 (2), 305–324.
- Homel P., & Masson N. 2016. Partnerships for human security in fragile contexts: where community safety and security sector reform intersect. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (3), 311–327. doi:10.1080/10357718.2015.1126803
- Rocha De Siqueira, I. 2014. Measuring and managing «state fragility»: the production of statistics by the World Bank, Timor-Leste and the G7+. *Third World Quarterly*. 35 (2), 268–283. doi:10.1080/01436597.2014.878131
- Nye J.S. Jr., Welch D.A. 2012. *Understanding Global Conflicts and Cooperation*. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 338.
- Rasul G., Sharma B. 2015. The nexus approach to water – energy – food security: an option for adaptation to climate change. *Climate Policy*, 16 (6), 682–702. doi:10.1080/14693062.2015.1029865
- Haltiwanger J. 2018. America's year in war: All the places US armed forces took or gave fire in 2018. *Business Insider*. Available at: <http://www.businessinsider.com/america-at-war-the-countries-where-the-us-took-or-gave-fire-in-2018-2018-12> (accessed 17.11.2022)
- Ayesh R. 2019. Where U.S. troops and military assets are deployed in the Middle East. *Axios*. Available at: <https://www.axios.com/where-us-troops-deployed-middle-east-5e96fdb2-c7ba-4f26-90b4-7bf452f83847>. html (accessed 17.11.2022)
- Bove, V., Deiana C., Nisticò, R. 2018. Global Arms Trade and Oil Dependence. *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 34 (2), pp. 272–299, <https://doi.org/10.1093/jleo/ewy007>

References

- Bartenev V.I. 2017. Ot «nesostojavshihhsja gosudarstv» k «neustojchivym sostojanijam»: logika ponjatijnoj jekvilibristik [From «failed states» to unstable states»: the logic of conceptual balancing act]. *Polis. Political Studies*, 7 (2), 26–41. doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03 (in Russian).
- Luke T.W., & Toal G. 1998. The fraying modern map: Failed states and contraband capitalism. *Geopolitics*, 3 (3), 14–33. doi:10.1080/14650049808407626
- Bøås M., & Jennings K.M. 2007. «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities? *Globalizations*, 4 (4), 475–485. doi:10.1080/14747730701695729
- Iqbal Z., & Starr H. 2008. Bad Neighbors: Failed States and Their Consequences. *Conflict Management and Peace Science*. 25 (4), 315–331. doi:10.1080/07388940802397400
- Zoellick R.B. 2008. Fragile States: Securing Development. *Survival*, 50 (6), 67–84. doi:10.1080/00396330802601859
- Newman E. 2009. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World. *Contemporary Security Policy*, 30 (3), 421–443. doi:10.1080/13523260903326479
- Andersen L. 2006. When Security is Found Beyond the State: Suggestions for a Revised Approach to Security Reform in Fragile States. *Forum for Development Studies*, 33 (2), 305–324.
- Homel P., & Masson N. 2016. Partnerships for human security in fragile contexts: where community safety and security sector reform intersect. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (3), 311–327. doi:10.1080/10357718.2015.1126803
- Rocha De Siqueira, I. 2014. Measuring and managing «state fragility»: the production of statistics by the World Bank, Timor-Leste and the G7+. *Third World Quarterly*. 35 (2), 268–283. doi:10.1080/01436597.2014.878131
- Nye J.S. Jr., Welch D.A. 2012. *Understanding Global Conflicts and Cooperation*. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 338.
- Rasul G., Sharma B. 2015. The nexus approach to water – energy – food security: an option for adaptation to climate change. *Climate Policy*, 16 (6), 682–702. doi:10.1080/14693062.2015.1029865
- Haltiwanger J. 2018. America's year in war: All the places US armed forces took or gave fire in 2018. *Business Insider*. Available at: <http://www.businessinsider.com/america-at-war-the-countries-where-the-us-took-or-gave-fire-in-2018-2018-12> (accessed 17.11.2022)
- Ayesh R. 2019. Where U.S. troops and military assets are deployed in the Middle East. *Axios*. Available at: <https://www.axios.com/where-us-troops-deployed-middle-east-5e96fdb2-c7ba-4f26-90b4-7bf452f83847>. html (accessed 17.11.2022)
- Bove, V., Deiana C., Nisticò, R. 2018. Global Arms Trade and Oil Dependence. *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 34 (2), pp. 272–299, <https://doi.org/10.1093/jleo/ewy007>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.01.2023
Поступила после рецензирования 10.02.2023
Принята к публикации 10.02.2023

Received 28.01.2023
Revised 10.02.2023
Accepted 10.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горбунова Мария Лавровна, заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2733-568X](https://orcid.org/0000-0003-2733-568X)

Комаров Игорь Дмитриевич, научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0348-0471](https://orcid.org/0000-0002-0348-0471)

Сикираз Владимир Владимирович, младший научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1744-4073](https://orcid.org/0000-0003-1744-4073)

Maria L. Gorbunova, Head of the Department of International Economics and Customs Affairs, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Igor D. Komarov, Researcher, Scientific Research and Information Agency «Lobachevsky» National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Vladimir V. Sikirazh, Junior Researcher, Scientific Research and Information Agency «Lobachevsky» National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

УДК 327.8

Оригинальное исследование

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-277-285

«Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке?

Маркосян А.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
st079523@student.spbu.ru

Аннотация. В статье анализируется роль религии во внешнеполитическом дискурсе Саудовской Аравии, использование религиозных инструментов для достижения целей и реализации национальных интересов страны, повышения ее роли и значимости на международной арене. Религия рассматривается как инструмент мягкой силы Саудовской Аравии, позволяющий формировать определенный имидж государства. Автор обращает внимание на существующие образовательные проекты и их религиозность. В то же время деятельность Саудовского правительства, в частности строительство мечетей, рассматривается рядом государств в качестве поддержки терроризма, что вынуждает искать новые пути распространения религиозного учения. Автор обращает внимание на то, что политика Саудитов приносит свои плоды и позволяет говорить о гомогенизации ислама и изменении баланса в пользу ваххабизма, ранее не признаваемого в качестве течений ислама. Делается вывод о серьезной значимости религиозного аспекта на политической арене, а также его эффективности как инструмента достижения внешнеполитических целей.

Ключевые слова: дипломатия мечетей, мягкая сила, публичная дипломатия, Саудовская Аравия, религия в международных отношениях, образовательно-религиозные проекты

Для цитирования: Маркосян А.А. 2023. «Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии: есть ли место религии в XXI веке? *Via in tempore. История. Политология*, 50 (1): 277–285. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-277-285

Saudi Arabia's «Mosque Diplomacy»: is there a Room for Religion in XXI Century?

Ani A. Markosyan

St Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia
st079523@student.spbu.ru

Abstract: The article analyzes the role of religion in the Saudi Arabia foreign policy discourse, the use of religious tools to achieve the goals and realize the national interests of the country, increase its role and significance in the international area. Religion is seen as a tool of Saudi Arabia's soft power, allowing the formation of a certain image of the state. The author draws attention to the existing educational projects and their religiosity. At the same time, the activities of the Saudi government – in particular, the construction of mosques - are considered by a number of states as support for terrorism, which forces them to look for new ways to spread religious teachings. The author draws attention to the fact that the policy of the Saudis is bearing fruit and allows us to talk about the homogenization of Islam and a change in the balance in favor of Wahhabism, previously not recognized as one of Islamic trends. The conclusion

about the serious significance of the religious aspect in the political arena, as well as its effectiveness as a tool for achieving foreign policy goals is made.

Keywords: mosque diplomacy, soft power, public diplomacy, Saudi Arabia, religion in international relations, educational and religious projects

For citation: Markoyan A.A. 2023. Saudi Arabia's «Mosque Diplomacy»: is there a Room for Religion in XXI Century? *Via in tempore. History and political science*, 50 (1): 277–285 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-277-285

Введение

В современном мировом сообществе, несмотря на увеличение количества светских государств, религия не только не покинула политическую арену, но и снова стала одним из важнейших инструментов влияния и формирования государственного имиджа. Роль религиозных установок возрастает на фоне размывания культурной уникальности и форсирования глобализации (или в данном контексте вернее будет сказать – вестернизации) по всему миру.

Королевство Саудовская Аравия (КСА), на территории которой располагаются две главные святыни ислама – Запретная мечеть с Каабой в Мекке и Мечеть пророка в Медине, можно назвать фактически религиозным центром. Для повышения значимости и расширения своего влияния Саудовская Аравия внедрила в свою внешнеполитическую деятельность различные инструменты, позволяющие ей стать геополитическим центром и обеспечить лояльную аудиторию за рубежом. Несмотря на серьезные различия с мусульманством суннитского и шиитского толка, ваххабизм – доктрина, преимущественно распространенная на территории Королевства, – привлекает все большее количество последователей.

Располагаясь на территории аравийского полуострова, включающей главные исламские святыни (более того, титул короля с 1986 года включает «хранитель двух святынь»), Королевство является местом зарождения религии и привлечения большого количества паломников. Важно также помнить, что для каждого мусульманина посещение этих священных мест хотя бы один раз за всю жизнь является обязанностью, что, в свою очередь, повышает роль КСА как хранителя святынь.

«Дипломатия мечетей» Саудовской Аравии

Именно паломничество на территорию Саудовской Аравии позволяет властям продемонстрировать свою роль лидера единого мусульманского мира [Kedar, 2017]. Интересно, что, несмотря на то, что шииты не признают суннитское верховенство над святыми местами [Мохаммад, 2018], они оказались вынуждены принять даты праздников (в том числе дату хаджа, проходящего каждый лунный год, на основе которого построен календарь хиджры), определяемые авторитетными саудовскими богословами.

В Королевстве функционирует Министерство хаджа [The Ministry of Hajj and Umrah...], которое ответственно за вопросы, связанные с праздником, в том числе за выдачу виз, обеспечение безопасности, контроль за предоставлением услуг лицензированными компаниями и др. Для работы с иностранцами, въезжающими на территорию Саудовской Аравии на хадж, создан Единый портал для внешнего хаджа [Unified portal..., 2022], посредством которого можно оформить визы, оплатить различные услуги и получить необходимую информацию.

Также стоит обратить внимание на обвинения Ирана в том, что КСА использует паломнический сезон для достижения собственных целей, регулируя доступ представителей тех или иных стран к священным местам [Политика хаджа..., 2018]. Так, например, после начала войны в Йемене власти Саудовской Аравии затягивали процесс выдачи разрешений йеменцам, по причине чего были обвинены в недопущении паломников из Йемена к совершению хаджа из-за политических разногласий [Пять стран..., 2017]. Жителям Ирана,

с которым у Саудовской Аравии отсутствуют дипломатические отношения с 2016 года, также было отказано в паломничестве на территории святынь. Помимо этого, доступ к совершению хаджа также был ограничен сирийцам, проживающим на территориях, подконтрольных правительству (режиму Б. Асада), палестинцам, проживающим в арабских странах, в целях недопущения на территорию КСА террористов и жителям Ливии, рассматриваемой как конкурент в борьбе за лидерство в мусульманском мире.

Помимо этого, Саудовская Аравия использует информационное пространство с целью демонстрации усилий, приложенных правительством, и повышения значимости их действий. Территориальная принадлежность Мекки и Медины, полная ответственность за подготовку хаджа и высокий интерес мусульман к его посещению позволяют использовать информационные инструменты с целью повышения популярности ваххабизма за рубежом, например, печатать в главной типографии Медины и распространять материалы религиозного содержания [Мохаммад, 2018].

Так, Международная организация по контролю за саудовским управлением двух святынь подтвердила, что Саудовская Аравия использует ритуалы хаджа и умры в соответствии со своими политическими интересами [Политика хаджа..., 2018]. Это открыто демонстрирует использование Королевством религии в качестве политического инструмента и манипулятивного механизма, когда это необходимо.

Транслируя религиозный аспект, Саудовская Аравия строит мечети не только на территории своей страны, но и далеко за ее пределами. Сегодня Королевство можно назвать одним из крупнейших государств, применяемых в своей внешнеполитической стратегии так называемую «дипломатию мечетей». Вкладывая от 2 до 3 миллиардов долларов в год на строительство и обеспечение мечетей [Аид Амира, 2019], КСА обеспечивает распространение доктрины ваххабизма (шире – ислама) и определенную поддержку за рубежом.

География активизации такого типа дипломатии саудовскими властями достаточно широка и включает территории стран Европы, Азии, Африки. В Эр-Рияде считают своим моральным долгом обеспечение мигрантам возможности исповедовать ислам даже за рубежом [Саудовская Аравия предложила..., 2015]. Сообщается, что на эти цели было потрачено около 100 миллиардов долларов [Pandith, 2019]. По словам Бакари Самбе, возглавляющего Институт Тимбукту, аналитический центр в столице Сенегала, Дакаре, это соревнование между державами Ближнего Востока [Fröhlich, 2019]. Например, Саудовская Аравия строит больше мечетей в Нигерии, чтобы противостоять шиитскому исламу, который Иран пытается распространить, и для удержания интереса людей к салафизму. В Нигерии мусульмане-шииты составляют меньшинство и говорят, что часто чувствуют себя угнетенными.

Увеличение количества мечетей в государствах с преобладающим мусульманским населением предположительно должно иметь положительное значение, однако, по мнению ряда экспертов, именно они становятся очагами негативного влияния на религиозную обстановку в регионе по причине пропаганды ваххабизма как идеи очищения религии от примесей и пороков, что приводит к увеличению числа радикально настроенных мусульман среди молодежи [Икромов, 2020]. Именно строительство мечетей за рубежом позволило Саудовской Аравии стать одним из лидеров среди стран-представителей мусульманского мира и укрепить свой имидж защитника. В последние годы экстраполяция доктрины путем финансирования религиозных строений стала сменяться повышенным вниманием к сфере образования.

Религия и образовательный процесс

Стоит отметить, что образовательные проекты играют значительную роль во внешнеполитических стратегиях многих стран. Именно образовательные проекты обеспечивают формирование лояльной обученной стране обучения аудитории за рубежом. Образование дает учащемуся не столько объективные знания, сколько результат анализа информации,

основанное на тех или иных особенностях мировоззрение и ориентированную на государственную политику точку зрения. Учитывая, что это происходит в процессе формирования представления о мире, нужно отметить, что ученик начинает смотреть на все глазами учителя, и как бы трудно ни было убедить человека в чем-либо, дальнейшее переубеждение становится все менее реальным.

Повышение более чем в четыре раза количества обучающихся за пределами своей страны в период с 1975 года до 2009 года [Всемирный доклад по образованию..., 2006, с. 32–34], развитие различных программ академической мобильности, разработка стипендиальных программ для иностранцев отразились и в политике Королевства.

Королевство создало по всему миру ряд учебных заведений для саудовских студентов, проживающих за границей. Три крупнейших таких заведения расположены в США, Великобритании и Германии [Education...]. Эти школы принимают учащихся от детского сада до 12 класса и проводят обучение исламу, арабскому языку, а также искусствам и наукам.

Расширение системы высшего образования Саудовской Аравии и строительство большего количества университетов в последние годы помогли приспособиться к растущему притоку студентов из других стран, что привело к высокому коэффициенту входящей студенческой мобильности в 4,6 процента. В период с 2008 по 2017 год количество иностранных студентов, обучающихся по программам на получение степени в Саудовской Аравии, выросло в четыре раза – с 18 725 до 74 000 [AllahMorad, Zreik].

Большую часть иностранных студентов в Саудовской Аравии составляют представители других арабских стран, таких как раздираемые войной Йемен и Сирия (13 процентов и 12 процентов соответственно [AllahMorad, Zreik, 2020]), а также Египет, Иордания и Палестина. Будучи основными источниками трудовой миграции в Саудовскую Аравию, Пакистан и Индия становятся крупными и растущими странами-отправителями студентов. Кроме того, растет интерес студентов африканских стран к образовательным программам Королевства. Например, число студентов из Нигерии утроилось за период менее десяти лет, что сделало ее пятой по величине отправляющей страной иностранных студентов в Королевство.

Помимо того, что Саудовская Аравия предлагает приезжающим студентам разнообразные программы, преподаваемые на английском языке в постоянно развивающихся и повышающих качество обучения университетах, она также предоставляет чрезвычайно щедрые стипендиальные программы для иностранных студентов. Например, Университет науки и технологий имени короля Абдаллы поддерживает квалифицированных магистров и докторантов, предоставляя полную поддержку в оплате обучения, бесплатное жилье, медицинское обслуживание и пособие на жизнь в размере от 20 000 до 30 000 долларов США в год [KAUST Fellowship Program, 2021]. Кроме этого, Исламский университет в Медине, популярный среди студентов-мусульман со всего мира и считающийся одним из самых престижных исламских университетов, был основан по инициативе правительства Королевства как исключительно религиозное учебное заведение [О Мединском университете, 2016]. Сегодня университет обучает студентов из более чем 70 государств на пяти факультетах: Шариата, Хадисоведения, Исламского призыва и основ религии, Коранистики, Арабской филологии.

Также иностранным студентам предлагается Стипендия Университета короля Абдулазиза [King Abdulaziz University Scholarships..., 2021] – это полностью спонсируемая стипендия, которая включает ежемесячную стипендию, пособие на подготовку при первом приезде, медицинскую помощь, жилье и удобства, возможность получения субсидий на питание, ежегодное предоставление билета в обе стороны, стипендия за печать диссертации, пособие на доставку книг после окончания обучения.

Описанные выше стипендиальные программы не представляют собой исчерпывающий список, однако даже на их примере можно рассмотреть привлекательность выбора Саудовской Аравии в качестве государства для обучения.

Расширение исследовательского сотрудничества с зарубежными университетами также играет роль в стимулировании обмена студентами. Однако следует отметить, что Саудовская Аравия остается относительно закрытой образовательной системой по сравнению с другими странами Персидского залива, такими как ОАЭ, одним из ведущих мировых центров транснационального образования.

Таким образом, правительство Королевства не просто заинтересовано, но активно заинтересовывает иностранных студентов в поступлении в местные вузы для обучения, предоставляя привлекательные стипендиальные программы. Однако можно сказать, что ограничения, действующие в стране, становятся отталкивающим фактором для обучающихся, перед которыми стоит выбор будущей страны получения образования.

Внешиполитическая критика проводимой политики

Нередко образование, которое дают в Королевстве, вызывает критику. Так, например, американский конгрессмен Энтони Винер в ходе своего выступления раскритиковал учебник, процитировав строки из него, призывающие к убийству евреев [Do Saudi textbooks teach hate? 2009]. В соответствии с данными Freedom House, несмотря на внесенные в последние годы изменения в учебники, нетерпимость остается серьезной проблемой и в 2020 году, поскольку ряд преподавателей продолжает придерживаться дискриминационных и ненавистных взглядов по отношению к немусульманам и представителям мусульманских меньшинств [Saudi Arabia Freedom..., 2021]. Исследователи полагают, что именно этот подход становится основой и в дальнейшем поощрением исламского терроризма.

Другой формой поддержания террористических и/или оппозиционных группировок за рубежом с целью продвижения религиозного фактора становится финансирование их деятельности. По словам директора Французского центра разведывательных исследований, специалиста по исламскому терроризму и организованной преступности Алена Родье [Comment les Saoudiens..., 2014], финансирование Саудовской Аравией джихадистских группировок началось во время войны против Советского Союза, вторгшегося в Афганистан в 1979 году.

В то же время Королевство, финансировавшее строительство мечетей по всему мусульманскому миру через благотворительные организации, ставило своей целью помешать влиянию Тегерана и Братьев-мусульман (запрещенная в РФ организация, признанная террористической), которые уже рассматривались как противники.

Кроме того, Хилари Клинтон в одном из своих выступлений заявила, что финансирование Саудовской Аравии является основным источником доходов террористических группировок в Сирии, Ираке и других местах [Hillary Clinton on National Security..., 2015]. Стоит обратить внимание, что большинство финансовой помощи направляется рядом сложных операций, что не дает возможности доказать их источник, однако периодические утечки информации [Dearden, 2016] свидетельствуют о наличии связи с правительством Саудитов.

Несмотря на отрицание представителями подверженных влиянию стран, ислам находится в процессе гомогенизации, становится более синонимом ваххабизма и арабской культуры в целом [Pandith, 2019]. Углубление процесса унификации взглядов в соответствии с ваххабизмом вызывает опасность роста экстремизма, что ставит под угрозу безопасность как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Сегодня все чаще можно видеть обратный эффект от деятельности саудовского правительства в части продвижения своей религиозной доктрины в целях формирования своего имиджа и обеспечения лояльности за границей. Так, например, в одном из докладов

ЕС определил ваххабизм как важнейший фактор, способствующий мировому терроризму [Нурдберг, 2018]. Как следствие, многие европейские страны заявили о запрете иностранного финансирования религиозных организаций, однако лишь в части из них он действительно вступил в силу.

В 2015 году КСА объявила о создании Исламского военного контртеррористического альянса, остановке потока средств террористам, противостоянии идеологии экстремизма, которая способствует убийству невинных, что противоречит любой религии, особенно исламской вере [DeYoung, 2015], а также заявила о прекращении финансирования мечетей за рубежом [Saudi Arabia planning to stop..., 2020].

Заключение

Таким образом, Королевство Саудовской Аравии использует религию в качестве инструмента мягкой силы, не просто формируя с его помощью свой имидж защитника истинного ислама, но и путем распространения своей доктрины расширяя сферу своего влияния на другие страны, ранее не признававшие право на существование их религиозно-политического учения. Так, религия в современном мире продолжает играть одну из важнейших ролей, обретая новое значение в политическом дискурсе.

Список литературы

- Амира А. 2019. Дипломатия мечетей: места поклонения на службе государства. ИноСМИ: NoonPost, Египет [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191031/246136933.html> (дата обращения: 01.07.2022)
- Всемирный доклад по образованию. 2006. Сравнение мировой статистики в области образования. Институт статистики ЮНЕСКО. Монреаль, 192.
- Икромов Ш. 2020. «Дипломатия мечетей» в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с Михраба. СААН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21135> (дата обращения: 01.07.2022)
- Нурдберг Й. 2018. Бесплатные мечети из Саудовской Аравии обходятся дорого// ИноСМИ. Svenska Dagbladet, Швеция [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/social/20181124/244068000.html> (дата обращения: 01.07.2022)
- Мохаммад М.Д. 2018. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Королевства Саудовская Аравия. Ислам в современном мире. 14 (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/view/578/355> (дата обращения: 01.07.2022)
- О Мединском университете. 2016. Медина [Электронный ресурс]. URL: <https://medinaschool.org/world/islamskij-universitet-mediny> (дата обращения: 17.06.2022)
- Политика хаджа или политический хадж. 2018. ИноСМИ: Al Alam, Иран [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180815/242991259.html> (дата обращения: 12.06.2022)
- Пять стран, гражданам которых по политическим причинам запретили совершать хадж. 2017. ИноСМИ: Ash-Sharq Al-Qatari, Катар [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240129671.html> (дата обращения: 11.06.2022)
- Саудовская Аравия предложила построить в Германии 200 мечетей для беженцев. 2015. Лента.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/09/saudi/> (дата обращения: 28.06.2022)
- AllahMorad S., Zreik S. 2020. Education in Saudi Arabia. WENR [Electronic resource] URL: <https://wenr.wes.org/2020/04/education-in-saudi-arabia> (accessed on 19.06.2022)
- Comment les Saoudiens ont largement contribué à enflammer le Moyen-Orient à grands coups de wahhabisme. 2014. Atlantico [Electronic resource]. URL: <https://atlantico.fr/article/decryptage/comment-les-saoudiens-ont-largement-contribue-a-enflammer-le-moyen-orient-a-grands-coups-de-wahhabisme> (accessed on 17.06.2022)
- Dearden L. 2016. Saudi Arabia and Gulf states 'support Islamic extremism in Germany, intelligence report finds. Independent [Electronic resource] URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/saudi-arabia-gulf-states-fund-islamic-extremism-germany-salafism-wahhabism-qatar-kuwait-islamists-a7473551.html> (accessed on 22.06.2022)

- DeYoung K. 2015. Saudi Arabia launches 'Islamic military alliance' to combat terrorism. The Washington Post [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/saudi-arabia-launches-islamic-military-alliance-to-combat-terrorism/2015/12/15/ad568a1c-a361-11e5-9c4e-be37f66848bb_story.html?itid=ik_inline_manual_2 (accessed on 20.06.2022)
- Do Saudi textbooks teach hate? 2009. CNN, YouTube [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/gHM7kc9NNXs> (accessed on 21.06.2022)
- Education. 2022. About Saudi Arabia. The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia [Electronic resource]. URL: <https://www.saudiembassy.net/education> (accessed on 23.06.2022)
- Fröhlich S. 2019. Mosques in Africa: A test of strength in the Middle East. DW [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/en/mosques-in-africa-a-test-of-strength-in-the-middle-east/a-51717439> (accessed on 01.07.2022)
- Hillary Clinton on National Security and the Islamic State. 2015. Council on Foreign Relations [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/event/hillary-clinton-national-security-and-islamic-state> (accessed on 20.06.2022)
- KAUST Fellowship Program for Ph.D. And MS/Ph.D. 2021. In Saudi Arabia, 2021. International Scholarships [Electronic resource]. URL: <https://worldscholarshipforum.com/ru/Программа-стипендий-2018%2C-Саудовская-Аравия/> (accessed on 13.06.2022)
- Kedar M. 2017. The Hajj and the Struggle for Islamic Hegemony. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 573. August [Electronic resource]. URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/08/573-The-Hajj-and-the-Struggle-for-Islamic-Hegemony-Kedar-final-1.pdf> (accessed on 18.06.2022)
- King Abdulaziz University Scholarships in Saudi Arabia. 2021. International Scholarships [Electronic resource]. URL: <https://worldscholarshipforum.com/king-abdulaziz-university-scholarships-saudi-arabia/> (accessed on 20.06.2022)
- Pandith F. 2019. Extremism Is Riyadh's Top Export. Foreign Policy [Electronic resource]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/24/farah-pandith-saudi-how-we-win-book/> (accessed on 18.06.2022)
- Saudi Arabia planning to stop funding mosques in foreign countries: Report. 2020. WION [Electronic resource]. URL: <https://www.wionews.com/india-news/saudi-arabia-planning-to-stop-funding-mosques-in-foreign-countries-report-276940> (accessed on 20.06.2022)
- Saudi Arabia, Freedom in the World. 2021. Freedom House [Electronic resource]. URL: <https://freedomhouse.org/country/saudi-arabia/freedom-world/2021> (accessed on 21.06.2022)
- The Ministry of Hajj and Umrah. Official website in English. 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.haj.gov.sa/en> (accessed on 21.06.2022)
- Unified portal for external hajj. Official website in English. 2022 [Electronic resource]. URL: <https://ehaj.haj.gov.sa/EH/index.xhtml?dswid=-7652> (accessed on 19.06.2022)

References

- Amira A. 2019. Diplomatiya mechetej: mesta pokloneniya na sluzhbe gosudarstva. InoSMI: NoonPost, Egipet [Elektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20191031/246136933.html> (data obrashcheniya: 01.07.2022)
- Vsemirnyj doklad po obrazovaniyu 2006. Svravnenie mirovoj statistiki v oblasti obrazovaniya. Institut statistiki YUNESKO. Monreal', 192.
- Ikromov SH. 2020. «Diplomatiya mechetej» v Central'noj Azii: geopolitika, nachinayushchayasya s Mihraba. CAAN [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21135> (data obrashcheniya: 01.07.2022)
- Nurdborg J. 2018. Besplatnye mecheti iz Saudovskoj Aravii obhodyatsya dorogo// InoSMI. Svenska Dagbladet, Shveciya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/social/20181124/244068000.html> (data obrashcheniya: 01.07.2022)
- Mohammad M.D. 2018. Rol' instrumentov «myagkoj sily» vo vneshnej politike Korolevstva Saudovskaya Araviya. Islam v sovremennom mire. 14 (1) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/view/578/355> (data obrashcheniya: 01.07.2022)
- O Medinskom universitete. 2016. Medina [Elektronnyj resurs]. URL: <https://medinaschool.org/world/islamskij-universitet-mediny> (data obrashcheniya: 17.06.2022)

- Politika hadzha ili politicheskij hadzh. 2018. InoSMI: Al Alam, Iran [Elektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180815/242991259.html> (data obrashcheniya: 12.06.2022)
- Pyat' stran, grazhdanam kotoryh po politicheskim prichinami zapretili sovershat' hadzh. 2017. InoSMI: Ash-Sharq Al-Qatari, Katar [Elektronnyj resurs]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240129671.html> (data obrashcheniya: 11.06.2022)
- Saudovskaya Araviya predlozhila postroit' v Germanii 200 mechetej dlya bezhencev. 2015. Lenta.ru [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/09/saudi/> (data obrashcheniya: 28.06.2022)
- AllahMorad S., Zreik S. 2020. Education in Saudi Arabia. WENR [Electronic resource] URL: <https://wenr.wes.org/2020/04/education-in-saudi-arabia> (accessed on 19.06.2022)
- Comment les Saoudiens ont largement contribué à enflammer le Moyen-Orient à grands coups de wahhabisme. 2014. Atlantico [Electronic resource]. URL: <https://atlantico.fr/article/decryptage/comment-les-saoudiens-ont-largement-contribue-a-enflammer-le-moyen-orient-a-grands-coups-de-wahhabisme> (accessed on 17.06.2022)
- Dearden L. 2016. Saudi Arabia and Gulf states 'support Islamic extremism in Germany, intelligence report finds. Independent [Electronic resource] URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/saudi-arabia-gulf-states-fund-islamic-extremism-germany-salafism-wahhabism-qatar-kuwait-islamists-a7473551.html> (accessed on 22.06.2022)
- DeYoung K. 2015. Saudi Arabia launches 'Islamic military alliance' to combat terrorism. The Washington Post [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/saudi-arabia-launches-islamic-military-alliance-to-combat-terrorism/2015/12/15/ad568a1c-a361-11e5-9c4e-be37f66848bb_story.html?itid=ik_inline_manual_2 (accessed on 20.06.2022)
- Do Saudi textbooks teach hate? 2009. CNN, YouTube [Electronic resource]. URL: <https://youtu.be/gHM7kc9NNXs> (accessed on 21.06.2022)
- Education. 2022. About Saudi Arabia. The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia [Electronic resource]. URL: <https://www.saudiembassy.net/education> (accessed on 23.06.2022)
- Fröhlich S. 2019. Mosques in Africa: A test of strength in the Middle East. DW [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/en/mosques-in-africa-a-test-of-strength-in-the-middle-east/a-51717439> (accessed on 01.07.2022)
- Hillary Clinton on National Security and the Islamic State. 2015. Council on Foreign Relations [Electronic resource]. URL: <https://www.cfr.org/event/hillary-clinton-national-security-and-islamic-state> (accessed on 20.06.2022)
- KAUST Fellowship Program for Ph.D. And MS/Ph.D. 2021. In Saudi Arabia, 2021. International Scholarships [Electronic resource]. URL: <https://worldscholarshipforum.com/ru/Программа-стипендий-2018%2C-Саудовская-Аравия/> (accessed on 13.06.2022)
- Kedar M. 2017. The Hajj and the Struggle for Islamic Hegemony. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 573. August [Electronic resource]. URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/08/573-The-Hajj-and-the-Struggle-for-Islamic-Hegemony-Kedar-final-1.pdf> (accessed on 18.06.2022)
- King Abdulaziz University Scholarships in Saudi Arabia. 2021. International Scholarships [Electronic resource]. URL: <https://worldscholarshipforum.com/king-abdulaziz-university-scholarships-saudi-arabia/> (accessed on 20.06.2022)
- Pandith F. 2019. Extremism Is Riyadh's Top Export. Foreign Policy [Electronic resource]. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/24/farah-pandith-saudi-how-we-win-book/> (accessed on 18.06.2022)
- Saudi Arabia planning to stop funding mosques in foreign countries: Report. 2020. WION [Electronic resource]. URL: <https://www.wionews.com/india-news/saudi-arabia-planning-to-stop-funding-mosques-in-foreign-countries-report-276940> (accessed on 20.06.2022)
- Saudi Arabia, Freedom in the World. 2021. Freedom House [Electronic resource]. URL: <https://freedomhouse.org/country/saudi-arabia/freedom-world/2021> (accessed on 21.06.2022)
- The Ministry of Hajj and Umrah. Official website in English. 2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.haj.gov.sa/en> (accessed on 21.06.2022)
- Unified portal for external haj. Official website in English. 2022 [Electronic resource]. URL: <https://ehaj.haj.gov.sa/EH/index.xhtml?dswid=-7652> (accessed on 19.06.2022)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.01.2023

Received 25.01.2023

Поступила после рецензирования 30.01.2023

Revised 30.01.2023

Принята к публикации 01.02.2023

Accepted 01.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Маркосян Ани Аветиковна, аспирант, история международных отношений и внешней политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ani A. Markosyan, PhD student, history of international relations and foreign policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0009-0006-9421-4078](https://orcid.org/0009-0006-9421-4078)

УДК 323.2

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-286-294

Обзорная статья

Региональные практики реализации государственного национального проекта «Культура»: опыт Орловской области

Егорова А.Ю.

Орловский музыкальный колледж,
Россия, 302002, Орёл, пл. Мира, 9
E-mail: egorova.a.u@yandex.ru

Аннотация. Автор обосновывает социально-политическую значимость государственной культурной политики. Отмечает важность национального проекта «Культура» для региона по расширению доступности культурных благ, государственных услуг в сфере культуры не только для населения городов, но и отдаленных населенных пунктов. Обращается внимание на достижения и проблемные аспекты в реализации федеральных проектов «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура» в Орловской области. Выделяется проблема государственного регулирования развития культурной среды в рамках реализации национального проекта «Культура». Формулируются рекомендации по повышению эффективности использования результатов реализации национального проекта «Культура», а также планирования основных направлений дальнейшей работы.

Ключевые слова: государственная культурная политика, «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура», региональный опыт

Для цитирования: Егорова А.Ю. 2023. Региональные практики реализации государственного национального проекта «Культура»: опыт Орловской области. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 286–294. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-286-294

Regional Practices of the Implementation of the State National Project «Culture»: the Experience of the Oryol Region

Alla Yu. Egorova

Oryol College of Music,
9 Mira Sq., Oryol 302002, Russia
E-mail: egorova.a.u@yandex.ru

Abstract: The author substantiates the socio-political significance of the state cultural policy. He notes the importance of the national project «Culture» for the region to expand the availability of cultural goods, public services in the field of culture, not only for the population of cities, but also for remote settlements. Attention is drawn to the achievements and problematic aspects in the implementation of the federal projects «Cultural environment», «Creative people», «Digital culture» in the Oryol region. The Oryol region was chosen as a subject of study in the context of the implementation of national projects as a typical region of Central Russia. The problem of state regulation of the development of the cultural environment in the framework of the implementation of the national project «Culture» is highlighted. Recommendations are formulated to improve the efficiency of using the results of the implementation of the national project «Culture» and planning the main directions of further work.

Keywords: state cultural policy, «Cultural Environment», «Creative People», «Digital Culture», regional experience

For citation: Egorova A.Yu. 2023. Regional Practices of the Implementation of the State National Project «Culture»: the Experience of the Oryol Region. *Via in tempore. History and political science.* 50 (1): 286–294 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-286-294

Введение

Совершенно очевидно, что культура в нашей стране имеет стратегическую значимость, поскольку без опоры на духовно-нравственные ценности, глубинные познания своего культурного наследия, высокий культурный уровень населения невозможно раскрытие человеческого потенциала новых поколений и достижение целей национального развития государства.

Культура, как известно, является одной из важнейших отраслей социальной сферы, объектом государственной социальной политики и, более того, благодаря высокому культурному уровню осуществляется внедрение новейших знаний и на их базе создаются самые разнообразные проекты, которые способствуют экономическому прогрессу общества [Lavrentyeva, Sergienko, Arefyev, 2018]. Помимо этого, культура выступает консолидирующей силой между обществом и государством и одним из действенных механизмов сохранения единства общности [Козьякова, 2016].

В нынешних непростых политических и экономических условиях культурная политика нашего государства диктует вполне определённые задачи и приоритеты. Основные цели и задачи государственной политики в сфере культуры сформулированы в Конституции Российской Федерации. В Основном законе четко прописано, что российская культура основана на традициях различных народов, составляющих многонациональное единство Российской Федерации. Отечественное законодательство в вопросах культуры не просто учитывает это многообразие, но и поддерживает, защищает и сохраняет его. Государство всякий раз учитывает существующую региональную специфику в виде различных обычаев и традиций, а также принципы социальных взаимодействий в местных сообществах.

Эта особенность государственной политики в сфере культуры важна в свете новых вызовов глобализации [Балакшин, 2005]. Под влиянием факторов, превращающих культурные связи в инструмент активной, а порой и агрессивной внешней политики, постепенно к правительствам целого ряда стран пришло четкое осознание той роли, которую играет культура не только как элемент общественных отношений, но и конституирующий компонент политической общности, сцепляющей воедино социальные «атомы». Отсюда проистекает то внимание, которое направлено на выработку единых основ государственной политики в сфере культуры, определения тех границ, в пределах которых отдельные акторы способны реализовывать свой потенциал и достигать поставленных государством целей. Вместе с тем перед руководящими органами стоит задача выбора оптимального набора механизмов, которые позволяли бы не просто выстраивать некую модель управления процессами в сфере культуры, но осуществлять прогностическую деятельность, своевременно корректировать те или иные, не предусмотренные первоначальным планом негативные последствия. Национальный проект «Культура» в данном контексте становится как раз таким инструментом, позволяющим государству проводить работу в этом направлении.

К сожалению, одной из серьезных проблем в условиях современной внешнеполитической ситуации является такое негативное явление, как стремление ряда стран Запада исключить из «повестки дня» культуру России. Попытки отменить российскую культуру в ее разных проявлениях, от исторического прошлого и заслуг великих творцов минувших веков до работ современных писателей, художников, музыкантов подчеркивают завершившиеся к настоящего моменту полноправное включение культурной политики в «арсенал» действий недружественных стран. В этих условиях взвешенная и грамотная поддержка культурной сферы становится не просто дополнительным элементом долговре-

менной государственной стратегии, но и реализацией обязательств власти перед обществом, т. е. в конечном итоге перед многонациональным народом России. Эта поддержка является единственным работающим средством, позволяющим сохранить и приумножить культурный потенциал нации, отсюда и усиливающееся внимание государства к этому направлению [Постникова, 2020].

Объект и методы исследования

Выявление национальных приоритетов стало характерной особенностью современной политики Российской Федерации. Примечательно, что, несмотря на очевидную значимость культуры в государственной политике, национальные проекты в этой сфере начали реализовываться только с 2019 года. Основопологающей идеей национального проекта «Культура» является реализация возможностей населения не только иметь условия доступа к различным культурным ценностям, но и самостоятельно принимать участие в их создании, используя творческую активность [Каверина, 2021; Карпова и др., 2019].

Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808, очертили цели и задачи, а также определили такое понятие, как культурная политика, тем самым предопределив развитие культуры в новых реалиях. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р была утверждена «Стратегия государственной культурной политики», которая направлена на поддержку, защиту и развитие сферы культуры. Таким образом, менее чем за два года была создана нормативная база, на основе которой можно было начинать реализацию национального проекта, а также определены основные источники финансирования, сохраняющиеся даже в условиях новых вызовов, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Шарыгина, 2019; Ураев, 2020].

Результаты и их обсуждение

Национальный проект «Культура» реализуется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и скорректирован в соответствии с Указом от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Реализация национального проекта началась 1 января 2019 года, в его структуру входят три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура».

15 декабря 2018 г. в Санкт-Петербурге на заседании Совета по культуре и искусству, в повестке дня которого стояли вопросы формирования и реализации национальной программы «Культура» на период до 2024 года, Президент России В.В. Путин в своем выступлении обозначил одну из важнейших задач значения нацпроекта для региональной культуры: «В целом национальная программа в сфере культуры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразия культурной жизни в малых городах и посёлках страны»²⁵¹. Такая приоритетно поставленная Президентом России задача обеспечила в регионах качественно новый подход к развитию культуры, увеличению уровня ее ежегодного финансирования и, как следствие, достижение новых качественных результатов в этой сфере [Воробьева, 2021].

Несмотря на имеющиеся успешные попытки анализа реализации тех иных составляющих национального проекта «Культура» в масштабе даже одной образовательной организации [Денисов, 2019], системный анализ перспектив и результатов реализации национального проекта представляется оправданным вести в разрезе отдельных регионов

²⁵¹ См. стенограмму заседания Совета по культуре и искусству [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59416> (дата обращения: 10.11.2022).

[Ботнар, Королькова, 2020; Мещеряков, 2020; Ефименко и др., 2021]. Естественно, при таком анализе, принимая во внимание специфику самого понятия региональной культуры [Южалина, 2006; Хлыщёва, 2009; Яковлева, 2013; Астафьева, Аванесова, 2015; Бернюкевич, 2017], стоит учитывать основные паттерны развития субъекта РФ [Важова, Богдан, 2021]. В нашем случае мы обращаемся к основным итогам реализации национального проекта «Культура» в Орловской области как одном из типичных регионов Центрального Федерального округа. Исследование этого периода развития культуры в Орловской области показывает заметное улучшение ситуации с рядом важнейших показателей, характеризующих динамику ее развития в регионе ²⁵².

Первое, на что следует обратить внимание, – это реализация основного федерального проекта «Культурная среда». Одна из ключевых выполняемых задач проекта – обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры. За период реализации проекта 18 детских школ искусств и 2 образовательные организации среднего профессионального образования сферы культуры и искусства были оснащены новыми музыкальными инструментами, оборудованием и учебными материалами (в том числе в 2019 году – 14 учреждений и в 2021 году – 6 учреждений). За счет этих мероприятий удалось ликвидировать потребность и обновить парки устаревших музыкальных инструментов, приобрести недостающее звуковое и световое оборудование, оборудовать учебные классы и аудитории новыми партами, мультимедийными досками, приобрести музыкально-нотную литературу в учебные библиотеки образовательных организаций и др.

Сегодня уже все оборудование используется как в учебном процессе, так и в концертной деятельности учреждений – участников проекта. Практика их использования также показала положительные отзывы как обучающихся, так и преподавателей о качестве поставленного оборудования и инструментов. За весь период реализации проекта оснащение учреждений музыкальными инструментами, оборудованием и материалами охватило ровно половину детских школ искусств Орловской области (18 из 36 учреждений) и существенно повлияло не только на обновление материальной базы, но и на качество образовательного процесса. Также следует отметить, что 8 из 18 детских школ искусств – участников проекта – это школы, расположенные в поселках, 5 школ расположены в малых городах области и 5 – в областном центре (г. Орел).

Помимо оснащения оборудованием, обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры достигалось за счет проведения капитальных ремонтов зданий школ искусств, что является существенным фактором в создании благоприятных условий для обучения, занятия творческой деятельностью и проведению различных мероприятий (концертов, выставок, конкурсов и т. д.). В 2021 году было капитально отремонтировано 5 ДШИ, а в 2022 – 2 школы искусств. Процент прошедших в регионе детских школ искусств благодаря нацпроекту составляет 13,8 %, а к концу текущего года в случае успешной реализации этот показатель увеличится до 19,4 % (практически до пятой части всех ДШИ области).

Анализ промежуточных итогов реализации данного направления национального проекта высвечивает не только отдельные проблемные места, но и целый ряд необоснованных ограничений, затрудняющих выполнение поставленных задач. В частности, в Орловской области предварительные осмотры продемонстрировали, что без всякого преувеличения все помещения детских школ искусств Орловской области, несмотря на продолжение в них образовательной деятельности, значительно обветшали и требуют ремонта. Это связано в первую очередь с отсутствием должного содержания зданий и помещений в предыдущие годы, а также системного контроля за состоянием инфраструктуры.

---

²⁵² Официальные отчеты о ходе реализации Национального проекта «Культура» в Орловской области. Инвестиционный портал Орловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://invest-orel.ru/articles/pasporta_regionalnykh_proektov (дата обращения: 10.11.2022).

Вместе с тем из-за масштабных изменений в нормативно-правовых актах за последние годы стремительно возросли различные электротехнические, противопожарные, санитарные и иные требования к содержанию зданий. Зачастую добиться соответствия этим требованиям наиболее эффективным, комплексным и безопасным способом можно только за счет проведения капитального ремонта зданий организаций. Однако существующая на данный момент система приводит к тому, что далеко не все детские музыкальные школы могут попасть в программу капитального ремонта и получить необходимые средства для проведения соответствующих работ.

Одной из трудностей является то, что для включения в проект у учреждения на момент подачи уже должна быть разработана и утверждена вся необходимая проектно-сметная документация, а также обеспечено софинансирование за счет средств регионального бюджета. Более того, учреждение должно соответствовать требованиям методических рекомендаций Министерства культуры РФ по формированию подобных заявок для включения в проект, где в одном из пунктов значится обязательно условие, по которому помещение, занимаемое детской школой искусств, не должно являться объектом культурного наследия федерального и регионального значения (в том числе имеющим статус вновь выявленного объекта)²⁵³.

Наконец, действующая и вызывающая обоснованную критику система госзакупок, а также текущая ситуация с ростом цен на рынке строительных материалов (инфляция на рынке стройматериалов по итогам 2021 года составила 23,75 %²⁵⁴) создают объективные опасения с выбором подрядчиков для проведения ремонтных работ, увеличением сроков их выполнения и в целом снижением объемов работ из-за роста цен. Эти выявившиеся в ходе реализации национального проекта проблемы требуют своевременного и эффективного государственного регулирования в сфере культурной политики, от которого в высшей степени будет зависеть успешная реализация такого направления, как капитальный ремонт детских школ искусств в качестве составной части проекта в целом.

Также в рамках федерального проекта «Культурная среда» в 2020–2021 гг. было создано 5 модельных библиотек в Орле, Мценске, Свердловском и Мценском районах. Помимо всего, в 2022 году национальный проект в Орловской области дополнен тремя новыми направлениями. В частности, появятся шесть новых автоклубов, будут капитально отремонтированы и переоборудованы два краеведческих музея и откроется виртуальный концертный зал.

Среди основных ключевых результативных показателей реализации Федерального проекта «Культурная среда» следует отметить такой, как увеличение числа посещений организаций культуры, который непосредственно характеризует востребованность учреждений культуры и их услуг у граждан. Однако динамика данного показателя зафиксирована как неустойчивая. В 2019 году значение показателя составило 3 630,147 тыс. посещений (к базовому фактическому значению за предыдущий 2018 год – 3 594,205 тыс. посещений), в 2020 году показатель составил 1 608,1 тыс. посещений (сокращение более чем вдвое), в отчетности за 2021 год и текущий период 2022 года данные показатели не пред-

²⁵³ Методические рекомендации Минкультуры России по подготовке заявочной документации для направления на отбор для предоставления в 2023–2025 гг. субсидии из федерального бюджета в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации региональных проектов, обеспечивающих достижение показателей и результатов федерального проекта «Культурная среда» по модернизации региональных и муниципальных детских школ искусств по видам искусств путем их реконструкции и (или) капитального ремонта URL: https://culture.gov.ru/about/departments/departament_nauki_i_obrazovaniya/news/obyavlenie-ob-otbore-subektov-rossiyskoj-federatsii-na-predostavlenie-v-2023-2025-gg-subsidii-iz-fed/ (дата обращения: 10.11.2022).

²⁵⁴ Информация Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_12-01-2022.html. (дата обращения: 10.11.2022).

ставлены. Очевидно, что свою роль сыграли санитарно-эпидемиологические ограничения, введенные на территории Орловской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), хотя их последствия только предстоит оценить.

Еще одной составляющей национального проекта «Культура» является федеральный проект «Творческие люди» [Голышева, 2021]. Основные задачи проекта – создание условий для укрепления гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, продвижение талантливой молодежи в сфере музыкального искусства, подготовка кадров для отрасли и обеспечение поддержки добровольческим движениям в сфере культуры. Важным для регионов является такое направление проекта, как подготовка кадров в сфере культуры. В рамках этой работы Минкультуры России в 2019–2021 годах были созданы Центры непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры на базе отраслевых творческих вузов. Это создало уникальную возможность для более чем 500 специалистов учреждений культуры и образовательных организаций области культуры Орловской области пройти повышение квалификации в ведущих образовательных организациях высшего образования.

В рамках последнего федерального проекта «Цифровая культура», который входит в структуру нацпроекта «Культура», из существенных достижений следует отметить создание в 2020 году в двух орловских музеях – музее И.А. Бунина и Картинной галерее народного художника СССР А.И. Курнакова – мультимедиа-гидов по экспозициям и выставочным проектам с использованием технологии дополненной реальности с помощью системы «Артефакт».

Заключение

В целом в 2019–2021 годах национальный проект «Культура» был реализован в регионе без особых от установленных показателей отклонений. На его выполнение были направлены существенные средства из бюджетов всех уровней. Объем финансирования по годам составил: 2019 год – 50 972,98 тыс. рублей, 2020 год – 43 619,68 тыс. рублей, 2021 год – 126 744,73 тыс. рублей. Следует отметить и то, что одно из стратегически выигрышных направлений нацпроекта – это его поддержка самых посещаемых и востребованных учреждений: домов культуры, библиотек, музеев, образовательных организаций, а также охват нацпроектом таких направлений, как капитальный ремонт, оснащение учреждений инструментами, оборудованием и материалами, так как эти направления являются очень дорогостоящими и затратными для бюджетов субъектов Российской Федерации. Тем не менее следует добиваться достижения всех целевых показателей национального проекта с учетом эффективного исполнения бюджета субъекта Российской Федерации и обратить серьезное внимание на реализацию программы «Земский работник культуры».

В заключение следует отметить, что, с точки зрения исследовательской практики, Орловская область как третья литературная столица страны представляется удобным «полигоном» для изучения особенностей реализации национального проекта «Культура», его влияния на развитие культурной региональной среды. Дальнейшая реализация национального проекта позволит скорректировать некоторые механизмы повышения его эффективности, и в этом смысле проведенное нами исследование промежуточных результатов реализации национального проекта задает общий вектор для последующей работы в этом направлении.

Список литературы

- Ажлуни А.М., Шарыгина О.Л. 2019. Национальные проекты России и их реализация. Вестник ОрелГАУ, 6 (81): 72–76.
- Астафьева О.Н., Аванесова Г.А. 2015. Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России. Ярославский педагогический вестник, 5: 193–201.

- Балакшин А.С. 2005. Глобализация и культурная политика. Научные проблемы водного транспорта, 15: 114–123.
- Бернюкевич Т.В. 2017. Региональные культуры в контексте становления российской культуры. Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа, 3: 55–59.
- Ботнарй М.И., Королькова Н.Ю. 2020. Перспективы реализации национального проекта «Культура» в городе Севастополь. Современные технологии управления, 2 (92). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sovman.ru/article/9218/>
- Важова Л.В., Богдан Н.Н. 2021. Проблемы региональной кадровой политики при реализации национального проекта «Культура». Развитие территорий, 3 (25): 53–58.
- Воробьева Е.И. 2021. Финансовое обеспечение реализации национального проекта «Культура»: социальный и экономический эффекты. Научный вестник: финансы, банки, инвестиции, 3 (56): 5–12.
- Голышева И.В. 2021. Творческая элита сферы культуры: вклад в реализацию национального проекта. Общество: философия, история, культура, 5: 157–162.
- Денисов Н.Г. 2019. Федеральный проект «Творческие люди» – новый субъект профессионального роста работников культуры. Культурная жизнь Юга России, 3 (74): 7–9.
- Ефименко А.А., Магзумова Н.В., Мокроусов В.В. 2021. Реализация национального проекта «Культура» на примере Краснодарского края. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, 7 (57): 62–67.
- Каверина Н.А. 2021. Институциональное и ресурсное обеспечение сферы культуры в Российской Федерации. ВЭПС, 2: 89–92.
- Карпова О.В., Невердовская М.А., Синяева О.Ю. 2019. Целевые показатели национального проекта «Культура» в контексте международной практики: эффективность управленческого инструментария и потенциал влияния на развитие сферы культуры. Горизонты гуманитарного знания, 5: 62–88.
- Козьякова М.И. 2016. Социальная полезность культуры: ценности и смыслы «Национального проекта». Культура культуры, 2 (10). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-poleznost-kultury-tsennosti-i-smysly-natsionalnogo-proekta>
- Мещеряков Д.А. 2020. О результатах реализации некоторых национальных проектов в Воронежской области в 2019 году. Россия: тенденции и перспективы развития, 15–2: 884–888.
- Постникова Е.А. 2020. Специфика реализации национального проекта «Культура» в рамках федеральной и региональной молодежной культурной политики. Новые импульсы развития: вопросы научных исследований, 2: 285–290.
- Ураев А.В. 2020. Национальные проекты России и их финансирование в условиях COVID-19. Научный журнал молодых ученых, 3 (20): 155–161.
- Хлыщёва Е.В. 2009. Регион как социокультурный феномен современного мира: методология исследования. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 3: 232–236.
- Южалина Н.С. 2006. Проблема региона как социокультурного пространства. Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2 (57): 172–176.
- Яковлева Е.Н. 2013. К определению понятия «Региональная культура». Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 4 (28): 256–262.
- Lavrentyeva I.V., Sergienko P.G., Arefyev S.A. 2018 State cultural policy as prepotent factor of economic development // Austrian Journal of Technical and Natural Sciences, 1–2: 28–31.

References

- Azhluni A.M., Sharygina O.L. 2019. Natsional'nye proekty Rossii i ikh realizatsiya [National projects of Russia and their implementation]. Vestnik OrelGAU, 6 (81): 72–76 (in Russian).
- Astaf'eva O.N., Avanesova G.A. 2015. Kul'turnaya politika i natsional'naya kul'tura: perspektivy strategicheskogo vektora sovremennoy Rossii [Cultural policy and national culture: prospects for the strategic vector of modern Russia.]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik, 5: 193–201 (in Russian).
- Balakshin A.S. 2005. Globalizatsiya i kul'turnaya politika [Globalization and cultural policy]. Nauchnye problemy vodnogo transporta, 15: 114–123 (in Russian).

- Bernyukevich T.V. 2017. Regional'nye kul'tury v kontekste stanovleniya rossiyskoy kul'tury [Regional cultures in the context of the formation of Russian culture]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota*, 3: 55–59 (in Russian).
- Botnar' M.I., Korol'kova N.Yu. 2020. Perspektivy realizatsii natsional'nogo proekta «Kul'tura» v gorode Sevastopol' [Prospects for the implementation of the national project «Culture» in the city of Sevastopol]. *Sovremennye tekhnologii upravleniya*, 2 (92). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://sovman.ru/article/9218/> (in Russian).
- Vazhova L.V., Bogdan N.N. 2021. Problemy regional'noy kadrovoy politiki pri realizatsii natsional'nogo proekta «Kul'tura» [Problems of regional personnel policy in the implementation of the national project «Culture»]. *Razvitie territoriy*, 3 (25): 53–58 (in Russian).
- Vorob'eva E.I. 2021. Finansovoe obespechenie realizatsii natsional'nogo proekta «Kul'tura»: sotsial'nyy i ekonomicheskiy efekty [Financial support for the implementation of the national project «Culture»: social and economic effects]. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii*, 3 (56): 5–12 (in Russian).
- Golysheva I.V. 2021. Tvorcheskaya elita sfery kul'tury: vklad v realizatsiyu natsional'nogo proekta. [Creative elite of the sphere of culture: contribution to the implementation of the national project]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 5: 157–162 (in Russian).
- Denisov N.G. 2019. Federal'nyy projekt «Tvorcheskie lyudi» – novyy sub'ekt professional'nogo rosta rabotnikov kul'tury [The federal project «Creative People» is a new subject of professional growth of cultural workers]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 3 (74): 7–9 (in Russian).
- Efimenko A.A., Magzumova N.V., Mokrousov V.V. 2021. Realizatsiya natsional'nogo proekta «Kul'tura» na primere Krasnodarskogo kraya [Implementation of the national project «Culture» on the example of the Krasnodar Territory]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 7 (57): 62–67 (in Russian).
- Kaverina N.A. 2021. Institutsional'noe i resursnoe obespechenie sfery kul'tury v Rossiyskoy Federatsii [Institutional and Resource Support for the Sphere of Culture in the Russian Federation]. *VEPS*, 2: 89–92 (in Russian).
- Karpova O.V., Neverdovskaya M.A., Sinyaeva O.Yu. 2019. Tselevye pokazateli natsional'nogo proekta «Kul'tura» v kontekste mezhdunarodnoy praktiki: effektivnost' upravlencheskogo instrumentariya i potentsial vliyaniya na razvitie sfery kul'tury [Target indicators of the national project «Culture» in the context of international practice: the effectiveness of management tools and the potential to influence the development of the cultural sector]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 5: 62–88 (in Russian).
- Khlyshcheva E.V. 2009. Region kak sotsiokul'turnyy fenomen sovremennogo mira: metodologiya issledovaniya [Region as a Sociocultural Phenomenon of the Modern World: Research Methodology]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 3: 232–236 (in Russian).
- Koz'yakova M.I. 2016. Sotsial'naya poleznost' kul'tury: tsennosti i smysly «Natsional'nogo proekta». [Social Usefulness of Culture: Values and Meanings of the «National Project»]. *Kul'tura kul'tury*, 2 (10) (in Russian). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-poleznost-kul'tury-tsenosti-i-smysly-natsionalnogo-proekta>
- Lavrentyeva I.V., Sergienko P.G., Arefyev S.A. 2018 State cultural policy as prepotent factor of economic development // *Austrian Journal of Technical and Natural Sciences*, 1–2: 28–31.
- Meshcheryakov D.A. 2020. O rezul'tatakh realizatsii nekotorykh natsional'nykh projektov v Voronezhskoy oblasti v 2019 godu [On the results of the implementation of some national projects in the Voronezh region in 2019]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, 15–2: 884–888 (in Russian).
- Postnikova E.A. 2020. Spetsifika realizatsii natsional'nogo proekta «Kul'tura» v ramkakh federal'noy i regional'noy molodezhnoy kul'turnoy politiki [The specifics of the implementation of the national project «Culture» in the framework of the federal and regional youth cultural policy]. *Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy*, 2: 285–290 (in Russian).
- Uraev A.V. 2020. Natsional'nye projekty Rossii i ikh finansirovanie v usloviyakh COVID-19 [National projects of Russia and their financing in the context of COVID-19]. *Nauchnyy zhurnal molodykh uchenykh*, 3 (20): 155–161 (in Russian).
- Yakovleva E.N. 2013. K opredeleniyu ponyatiya «Regional'naya kul'tura» [To the definition of the concept of «Regional culture»]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (28): 256–262 (in Russian).

Yuzhalina N.S. 2006. Problema regiona kak sotsiokul'turnogo prostranstva [The problem of the region as a socio-cultural space]. Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki, 2 (57): 172–176 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.12.2022

Received 25.12.2022

Поступила после рецензирования 11.01.2023

Revised 11.01.2023

Принята к публикации 11.01.2023

Accepted 11.01.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алла Юрьевна Егорова, директор, Орловский музыкальный колледж, г. Орёл, Россия

Alla Yu. Egorova, director, Oryol College of Music, Oryol, Russia

 [ORCID: 0009-0004-4428-4655](https://orcid.org/0009-0004-4428-4655)